

АНДРЕА НОРТОН

ЗВЕЗДНАЯ
СТРАЖА

АНДРЕА НОРТОН

ЗВЕЗДНАЯ СТРАЖА

ИЗБРАННЫЕ
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ
АНДРЭ НОРТОН

том второй

*Последняя планета
Кошачьим взглядом
Звездный охотник
Звездная стража*

романы

«Амбер, Лтд.» г.Ангарск
* * *
Издательство «Зеленоградская книга»
Зеленоград
1992

ББК 84.7 США

Н 49

Перевод с английского

Нортон Андрэ.

Звездная стража. / Пер. с англ.

Ангарск: Амбер, Лтд., 1992. - 528 стр. «С» - 3.

Н $\frac{4701000000-07}{480(03)-92}$ без объявления

ББК 84.7 США

ISBN 5-86314-007-0

© Издательство «Зеленоградская книга», 1992 г

© Перевод «Амбер, Лтд.», 1992 г.

ПОСЛЕДНЯЯ ПЛАНЕТА

*Кену Хенлину,
который тоже бродил
среди звезд в фантастике,
если не в действительности*

Пролог.

Существует древняя легенда о римском императоре, который, чтобы показать свою власть, вызвал командира верного легиона и приказал ему с людьми идти по Азии до самого конца, до края света. И вот тысяча человек исчезла на огромном континенте, была поглощена им навсегда. На каком-то неизвестном поле битвы последняя горстка выживших выстроилась в каре, защищаясь от нападения варваров. А их орел, может быть, поколения спустя, стоял одинокий и полинявший в шатре вождя кочевников. Но тот, кто знал этих гордых людей, знал их службу и традиции, мог предположить, что они продолжают идти на Восток, пока хоть один из них остается на ногах.

В 8054 году от рождества Христова история повторилась, как это всегда бывает. Первая галактическая Империя разваливалась. Диктаторы, императоры, объединители вырывали из-под власти Центрального Контроля свои собственные и соседние солнечные системы. Космические пираты поднимали флаги и набирали флоты, чтобы поглощать добычу - останки крушения Империи. В это время процветала одна жестокость. Тут и там человек или группа людей тщетно пытались противостоять потоку разрушения и разобщения. И среди этих борцов, которые отказывались забыть веру в нерушимое правление Центрального Контроля, самыми заметными были остатки Звездного Патруля, вооруженного объединения, которое тысячи лет пользовалось непререкаемым авторитетом. Возможно, именно потому, что вне своих рядов они не находили безопасности, эти люди еще крепче держались друг за друга, еще строже придерживались своего древнего кодекса морали и чести. Их упрямая верность исчезнувшим идеалам раздражала новых правителей, и вызывала у них жалость.

Джорнам Дестер, последний агент Контроля на Денебе, вынашивавший собственные честолюбивые планы, по приме-

ру римского императора избавил свой сектор от Патруля. Он вызвал с полдюжины офицеров, которые еще командовали пригодными для полета кораблями, и именем Контроля приказал им вылететь в космос и нанести на карты — так он сказал — забытые системы на границе Галактики. Он дал неопределенное обещание обосновать новые базы, на которых Патруль укрепитсЯ и оживет, и снова сможет бороться за идеалы Контроля. И, верные своей древней присяге, они подняли свои корабли, с неполными экипажами, без надлежащего снаряжения, без настоящей надежды на возвращение, но с намерением выполнить приказ до конца. Одним из этих кораблей был веганский разведчик «Звездное пламя».

1. Последняя посадка.

Патрульный корабль «Звездное пламя» веганского регистра совершил посадку ранним утром. И посадка эта была трудной, потому что две изъеденные дюзы взорвались как раз в тот момент, когда пилот посадил корабль на стабилизаторы. И корабль подпрыгнул раз, другой, наклонился и лег на израненный метеоритами бок.

Рейнджер сержант Картр, поддерживая левое запястье правой рукой, слизывал кровь с разбитых губ. Стена пилотской кабины с иллюминатором превратилась в пол. Защелка двери упиралась в одно из трясущихся колен Картра.

Латимир не пережил посадки. Один взгляд на странно изогнутую черную шею астрогатора сказал об этом Картру. Мирион, пилот, безжизненно свисал из паутины ремней у контрольного щита. Кровь текла по его щекам и падала с подбородка. Может ли течь кровь у мертвеца? Картр так не думал.

Он сделал медленный пробный вдох и почувствовал облегчение от того, что вдох не сопровождался болью. Ребра целы, несмотря на удар, который отбросил его к стене. Он невесело улыбнулся, осторожно вытягивая руки и ноги. Иногда выгодно быть нецивилизованным варваром с пограничной планеты.

Свет замигал и погас. Картр чуть не сорвался, вопреки своему тщательно соблюдаемому спокойствию ветерана. Он ухватился за замок и потянул. Резкая боль в руке привела его в себя. Он не заперт, дверь сдвинулась примерно на дюйм. Он может выйти .

Нужно выйти и отыскать врача, чтобы помочь Мириону. Пилота нельзя двигать, пока не будет ясно, насколько серьезны его ранения .

И тут Картр вспомнил: врача нет. Уже три... или четыре... планеты. Рейнджер покачал головой, раскалывающейся от боли в руке. Он не должен потерять память .

Три посадки назад, вот когда это было! Они отбили нападение зеленых после того, как вышел из строя носовой бластер. Тогда врач Торк получил отравленную стрелу в горло.

Картр снова покачал головой и принялся терпеливо работать одной рукой. Прошло немало времени, прежде чем он смог открыть дверь настолько, чтобы протиснуться. Неожиданно через щель в него ударил голубой луч.

— Картр! Латимир! Мирион! — послышался голос.

Только у одного члена экипажа был голубой фонарь.

— Рольтх! — узнал его Картр. Его подбодрило то, что звал его не кто — нибудь, а член их исследовательского отряда .

— Латимир мертв, но Мирион, мне кажется, жив. Ты можешь войти? У меня вроде бы сломано запястье...

Он отодвинулся, давая Рольтху возможность войти. Тонкое голубое копье скользнуло по телу Латимира и сконцентрировалось на пилоте. Потом трубка фонаря оказалась в здоровой руке Картра, а Рольтх пробрался к Мириону, который находился в бессознательном состоянии .

— Каково положение ?

Пилот застонал, и Рольтху пришлось повысить голос, чтобы заглушить его стоны.

— Не знаю. Помещение рейнджеров не сильно пострадало, но дверь в отсек двигателей заклинило. Я постучал по ней, но никто не ответил...

Картр пытался вспомнить, кто был на вахте у двигателей. У них оставалось так мало людей, что каждый выполнял еще чью — то работу. Даже рейнджеров допустили к прежде ревниво оберегаемым обязанностям патруля. Так стало после нападения зеленых.

— Каатах..., — скорее свист, чем слова из коридора.

— Все в порядке, — почти автоматически ответил Картр. — Можно ли получить нормальный свет, Зинга? Рольтх здесь, но ты же знаешь, что у него за фонарь.

— Филх пытается отыскать большой, — ответил вновь прибывший. — Что у вас ?

— Латимир мертв. Мирион дышит, но трудно судить, насколько серьезно он ранен. Рольтх говорит, что из команды при двигателях никто не отвечает. Ты как ?

— Хорошо. Филх, я и Смит немного побиты, но ничего серьезного.

Яркий красно — желтый луч осветил говорящего.

— Филх принес боевой прожектор ...

Зинга стал помогать Рольтху. Они высвободили Мириона и положили его на пол, прежде чем Картр задал следующий вопрос:

— А как капитан?

Зинга медленно повернул голову, как бы не собираясь отвечать. Его возбуждение выдало, как обычно, дрожание широких складок кожи на шее. Это своего рода жабо поднималось, когда он был обеспокоен или возбужден .

— Синт пошел его искать. Мы не знаем...

— Лишь одна удача во всей этой катастрофе. — Голос Рольтха, как всегда, был отчетлив и лишен эмоций. — Это планета типа Арт. Поскольку мы не можем улететь быстро, можно подумать, что дух космоса улыбнулся нам.

Планета типа Арт... На ней экипаж корабля может дышать без шлемов, не испытывая неприятностей от чужого тяготения, вероятно, есть и пить местные продукты без страха внезапной смерти. Картр осторожно положил раненую руку на колено. Чистая удача. «Звездное пламя» могло оказаться где угодно, корабль удерживали от развала куски проволоки и надежда. Но наткнуться на планету типа Арт — такой удачи они не могли ожидать после черных разочарований последних лет.

— Планета совсем не обгорела, — заметил он с отсутствующим видом.

— С чего же ей обгореть? — спросил Филх насмешливым голосом, в котором звучала и горечь. — Эта система лежит далеко за пределами наших карт... Вдали от благ цивилизации.

Да, блага цивилизации Центрального Контроля. Картр зажмурился. Его родная планета Илен была сожжена пять лет назад — во время восстания двух секторов. Но ему по—прежнему иногда снилось, как он садится на почтовую карету, а потом идет в своей форме, гордясь знаками пяти секторов и далекой звезды, идет по лесистой местности в маленькую деревушку у северного моря. Сгорела! Он не мог себе представить обожженную скалу на том месте, где стояла эта деревушка,

мертвый пепел, покрывающий нынешнюю Илен, ужасный монумент межпланетной войне.

Зинга обработал его запястье и повесил руку на перевязь. Картр даже не смог помочь, когда они протаскивали Мириона в дверь. К тому времени, когда Мириона уложили в кают—компании, там появился патрульный Смит, поддерживающий человека, настолько закутанного в бинты, что его невозможно было узнать.

Командор Выбор?

Картр вскочил, расправил плечи, автоматически свел пятки так, что блисовая кожа его сапог слегка скрипнула.

Перевязанная голова качнулась.

— Рейнджер Картр?

— Да, сэр.

— Кто еще?..

Вначале голос, как обычно, звучал резко, но потом оборвался в обескураживающей тишине.

— Из патруля — Латимир мертв, сэр. Мирион здесь, он ранен. Смит не пострадал. Рейнджеры — Филх, Рольтх, Зинга и я — в порядке. Рольтх докладывает, что дверь в двигательный отсек заклинена, и оттуда никто не отвечает. Мы начинаем осмотр, сэр.

— Да... да... действуйте, рейнджер...

Смит подскочил вовремя, чтобы поймать падающего командора и аккуратно уложить его на пол. Командор Выбор был не в состоянии продолжать командовать.

Картр ощутил приступ паники, подобный тому, который охватил его, когда погас свет. Командор Выбор — он считал этого человека скалой прочности и безопасности в этом хаотическом мире... Картр вдохнул воздух старого корабля и постарался принять ситуацию, какая она есть.

— Смит!

Он повернулся к связисту—патрульному, который по правилам службы превосходил в звании простого сержанта рейнджеров.

— Можете присмотреть за командором и Мирионом?

Смит получил некоторую медицинскую подготовку и один или два раза действовал в качестве помощника Торка.

— Ладно, — он склонился к стонущему пилоту, перестав обращать на них внимание.

— Отправляйтесь и осмотрите повреждения, летун...

Летун? Что ж, знатные и сильные патрульные должны радоваться, что в сей трудный час с ними летуны. Рейнджеры обучались пользоваться продуктами чужих миров. После катастрофы они в чужом мире как дома, в отличии от патрульных.

Крепко прижимая раненую руку к груди, Картр прошел по коридору в сопровождении Рольтха, которому пришлось надеть очки. Луч света из обычного фонаря, зажато в здоровой руке сержанта, казался Рольтху ослепительным. Зинга и Филх шли сзади. Как заметил Картр, они успели вооружиться переносным огнеметом, чтобы вскрыть дверь.

Но даже с помощью огнемета понадобилось не менее десяти минут чтобы вырезать замок. И, хотя эта работа сопровождалась грохотом, изнутри не было слышно ни звука. Картр, внутренне напрягшись, первым еле протиснулся в отсек. Достаточно было одного взгляда, чтобы попятиться, чувствуя тошноту и головокружение. Остальные, увидев его лицо, ни о чем не спрашивали.

Когда он, борясь с тошнотой, прислонился к изуродованной двери, они услышали громыание, доносившееся из хвостового отсека.

— Кто?

Ответил Филх:

— Вооружение и припасы... Там должны быть Джексен, Котт, Спин и Дальгр. Он перечислил названных на своих когтистых пальцах.

— Да?

Картр уже вел спасательный отряд по направлению к звуку.

Снова пришлось применить огнемет. Потом пришлось ждать, пока металл остынет. И вот появились трое людей в синяках, в изодранной одежде.

Джексен! Да, Картр готов был заложить годовое жалованье за то, что этот крепкий жилистый патрульный, офицер по вооружению, выживет. А так же Спин и Дальгр.

Джексен заговорил, не успев встать на ноги:

— Наше положение?

— Смит цел. Командор ранен в голову. У Мириона тяжелые ранения. Остальные..., — Картр развел руки жестом своего детства, одним из тех жестов, которые он тщательно подавлял за годы службы.

— Корабль?

— Я рейнджер, а не техник. Может быть, на этот вопрос лучше ответит Смит.

Джексен почесал щетину на подбородке. У него был порван правый рукав, на руке — глубокая царапина. Он смотрел на рейнджеров. Вероятно, подсчитывал потери. Если «Звездное пламя» сможет снова функционировать, то только благодаря решительности и энергии Джексена.

— Планета?

— Тип Арт. Когда взорвались дюзы, Мирион пытался сесть на открытую площадку. Перед посадкой не было обнаружено никаких следов цивилизации.

Эта информация относилась к специальности Картра, и он отвечал уверенно.

Если вездеходы рейнджеров не слишком повреждены, они смогут вывести один из них и начать разведку. Конечно, возникла проблема топлива. В баках вездехода его может хватить на одну поездку, причем весьма вероятно, что разведывательному отряду придется возвращаться пешком. Конечно, если «Звездное пламя» повреждено окончательно и они смогут использовать основные запасы горючего... Но этим можно заняться позже. Пока нужно взглянуть на ближайшее окружение.

— Мы отправляемся на разведку, — голос Картра звучал резко и уверенно, он не спрашивал разрешения Джексена. — Смит с командором и Мирионом в кают—компании...

Патрульный офицер кивнул. Конечно, возврат к обычной процедуре был правильным решением. Возвращаясь в помещение рейнджеров, Картр заметил, что все приободрились. Филх уже собрал их рюкзаки, разобрав кучу обломков, образовавшихся после посадки. Картр покачал головой.

— Полного снаряжения не потребуется. Мы отойдем не более чем на четверть мили. Рольтх, — бросил он стоящему в дверях фальтхарианину в очках, — ты остаешься здесь. Солнце типа Арт не по твоим глазам. Твоя очередь наступит ночью.

Рольтх кивнул и направился в кают—компанию. Картр попытался одной рукой надеть исследовательский пояс, но Зинга отобрал его.

— Я все сделаю. Стой спокойно.

Чешуйчатые пальцы застегнули пряжки ремня из блисовой кожи с необходимым набором разнообразных инструментов. Картр пошевелился, размещая привычный набор. Незачем

брать разрушитель, стрелять одной рукой он все равно не сможет. Бластер будет его единственным оружием.

К счастью, корабль лежал так, что люк не был придавлен. Никто из них сейчас бы не справился с выжиганием подземного хода. Но люк пришлось открывать общими усилиями. Картру помогли выбраться. Они соскользнули по тусклому обнаженному металлу на все еще дымящуюся землю и побежали к краю выгоревшего круга. Здесь они остановились и оглянулись на корабль.

— Плохо, — выразил общую мысль Филх. — «Пламя» больше никогда не поднимется.

Картр не был механиком, но он тоже видел это. Даже если бы корабль удалось доставить в ремонтный док, он больше никогда не сможет летать. А один космос знает, сколько звезд до ближайшего дока!

— К чему об этом думать? — спокойно сказал Зинга. — С первого старта в этом последнем полете мы знали, что возвращения не будет...

Да, в глубине души они все знали это, но до сих пор никто открыто не признавался в этом другому. А теперь...

Может, люди не примут этого, но бемми могут принять. Одиночество давно стало частью их жизни, часто они были единственными представителями своей расы на борту корабля. Если даже Картр был чужим для экипажа патрульного корабля, потому что он был не только варваром с пограничного мира, но и профессионалом — рейнджером, то что должны были чувствовать Филх и Зинга? Они даже не могли назвать себя людьми.

Картр отвернулся от разбитого корабля и стал изучать песчаную местность с отдельными скальными выступами. Время близилось к полудню, и Солнце тяжело било своими лучами. Зинга расцветал в волне жара. Его жабо широко развернулось, образовав веер за безволосой головой, тонкий язык мелькал между узкими желтыми зубами. Но вот Филх отошел в тень ближайшей скалы.

Пустыня. Ноздри Картра расширились, он вбирал и классифицировал запахи. Жизни нет, но...

Он резко повернул голову налево. Жизнь! Однако Зинга опередил его: большие четырехпалые ступни легко несли его по песку, перепонка между пальцами не давала ящероподобному существу провалиться. Секунду спустя высокий закатаннин сидел на корточках перед камнем, на котором свернулось

чешуйчатое тело. Узкая головка раскачивалась, мелькал язык.

Картр остановился и прошупал мозг существа. Да, это туземная жизнь. Чужая, конечно. С млекопитающими он мог бы установить контакт, но это рептилия. У Зинги нет таких способностей к умственному контакту, как у сержанта, но ведь это существо родственно ему. Может, он подружится с ним? Картр пытался уловить, ухватить, истолковать странные впечатления, находившиеся на грани восприятия. Существо уверено в себе, такая уверенность свидетельствует об обладании мощным природным оружием. Существо было встревожено их появлением, но сейчас заинтересовалось Зингой.

— У него ядовитые клыки, — ответил на этот вопрос Зинга. — И ему не нравится твой запах. Оно может стать врагом людей. Но я — другое дело. Оно не может рассказать, оно не мыслит...

Закатанин коснулся пальцем с роговым покровом головы существа. Существо спокойно позволило ему эту вольность. А когда Зинга встал, оно тоже подняло свою голову, развивая кольца тела.

— Нам от него пользы мало, а для тебя оно смертельно. Я отошло его.

Зинга посмотрел на свернувшуюся змею. Голова змеи начала раскачиваться, потом животное зашипело и исчезло, скользнув между скалами.

— Сюда, свинцовые ноги! — донесся сверху голос Филха.

Голова тристианина с хохолком перьев и громадными круглыми глазами без век появилась на вершине высокой скалы. Для человека—птицы с его легкими костями такой подъем нетруден, ну а Картр определенно побаивался подъема, тем более с раненой рукой.

— Что ты видишь? — спросил он.

— Там растительность..., — золотая рука над их головами указывала на восток.

Зинга уже взбирался по обожженной Солнцем скале.

— Далеко?

Филх прищурился.

— Около двух фалов...

— Пожалуйста, космические меры, — терпеливо попросил Картр. Голова у него болела, и он просто не мог перевести меры родной планеты Филха в человеческие.

Ответил Зинга:

— Около мили. Растительность зеленая.

— Зеленая?

Что ж, в этом нет ничего удивительного. Желто—зеленая, сине—зеленая, тускло—пурпурная, красная, желтая и даже болезненно—белая — он видел множество разновидностей растительности с тех пор, как надел знак кометы.

— Но это совсем другая зелень...

Закатанин говорил медленно, как будто Зинга был изумлен открывшимся зрелищем.

Картр понял, что он тоже должен увидеть. Как рейнджер—исследователь он побывал на множестве планет в мириадах систем. Сегодня ему трудно было припомнить, сколько именно миров он повидал. Конечно, многие из них запомнились ему из—за пережитых ужасов или из—за их странных обитателей, но остальные смешались в его памяти в лабиринт цвета и странной жизни, так что пришлось бы обратиться к старым отчетам или корабельному журналу, чтобы вспомнить подробности. Давно исчез тот пыл, с которым он впервые пробирался через чужую растительность или пытался поймать мозговые волны туземной жизни. Но сейчас, цепляясь здоровой рукой за трещины в скале, Картр почувствовал слабый след прежних эмоций.

Пальцы—когти и чешуйчатые пальцы подхватили его за крюк на плече и за пояс, подняли на узкую вершину. Покачивавшись от жары на горячем камне, Картр закрыл глаза руками.

Легко было увидеть то, что обнаружил Филх. И Картр почувствовал возбуждение. Лента растительности была зеленой. Но какая зелень! Ни желтого оттенка, ни голубоватого, каким отличалась растительность его родной планеты. Она уходила вдаль узкой лентой, как будто следовала за водой. Такой яркой зелени он никогда раньше не видел. Картр достал бинокль. Трудно было настраивать его одной рукой, но наконец Картру удалось сфокусировать его на отдаленной зелени ленты.

Деревья и кусты возникли за опаленной скалой. Казалось, можно коснуться листьев, трепетавших на слабом ветерке. И за листвою Картр уловил серебряный блеск. Он был прав: это проточная вода!

Он медленно поворачивался с биноклем у глаз, следя за лентой растительности, а Зинга держал его за ноги. Через несколько миль лента расширялась. Должно быть, они находились на самом краю пустыни. И река может привести их на

север, к жизни. Рядом шевельнулся Филх, и Картр, уловив его мысль, направил линзы в небо. Мелькнули широкие крылья. Картр увидел мощный клюв охотника и сильные когти, когда могучая птица гордо проплывала над ними.

— Мне нравится этот мир, — свистящая речь Зинги нарушила молчание. — Я думаю, нам здесь будет хорошо. Здесь есть мои родичи, хотя и отдаленные, а в небе твои близкие, Филх. Ты не жалеешь иногда, что твои предки потеряли крылья на пороге мудрости?

Филх пожал плечами.

— А как насчет хвоста и когтей, оставленных твоим народом, Зинга? А раса Картра ходила в шерсти а может, и с хвостом тоже. Нельзя иметь все сразу...

Но он продолжал следить за птицей, пока она не скрылась из виду.

— Попробуем вывести один из вездеходов. Горючего должно хватить до самой ленты растительности на севере. Там, где трава, должна быть и пища...

Картр услышал негромкое фыркание Зинги.

— Неужели человек, любящий бемми—животных, превратится в охотника?

Может ли он убить, убить для еды? Но в корабле почти нет припасов. Рано или поздно придется жить плодами планеты. А мясо..., мясо необходимо для жизни. Сержант заставлял думать об этом, как о решенном. И все же он не был уверен, что сумеет поднять бластер и выстрелить для того, чтобы иметь мясо!

Незачем думать об этом раньше времени. Картр убрал бинокль.

— Назад с докладом? — Филх уже начал спускаться с вершины скалы.

— Назад с докладом, — согласился Картр.

2. Зеленые холмы.

— ...ручей с растительностью, признаки более плодородной местности к северу. Прошу разрешения вывести вездеход и произвести в этом направлении разведку.

Было трудно обращаться к сплошной пелене бинтов. Картр, вытянувшись, ожидал ответа командора.

— А корабль?

Если бы этикет позволял, сержант Картр пожал бы плечами. Вместо этого он быстро и осторожно ответил :

— Я не техник, сэр. Похоже, корабль полностью выведен из строя.

Вот и сказано достаточно прямо. Снова Картр пожалел, что не видит лица под слоями пласто—кожи. Тишина в кают—компании нарушалась только свистящим тяжелым дыханием Мириона. Пилот все еще не приходил в сознание. Рука Картра нестерпимо болела, и после чистого воздуха снаружи корабельный казался невыносимым.

— Разрешаю. Возвращение в течение десяти часов...

Ответ звучал механически, как будто Выбор был говорящей машиной, воспроизводящей давно записанные звуки. Таков был обычный приказ, который следовало дать при посадке на планету, и он отдал его, как уже делал это бесчисленное множество раз.

Картр отсалютовал и, оглянув Мириона, направился к выходу. Он надеялся, что вездеход уже готов к полету. Если же он вышел из строя, придется идти пешком.

Снаружи ждал Зинга с рюкзаком за плечами. В руках он держал мешок Картра.

— Мы вывели вездеход. Заправили горючим из корабельных запасов...

Вообще—то они не имели права так поступать. Но теперь было бы глупо не воспользоваться запасами: все равно «Звездное пламя» больше никогда не взлетит. Картр выбрался из люка и направился к месту стоянки вездехода. Филх уже сидел за управлением, неторопливо проверяя приборы .

— Он полетит?

Голова Филха с прижатым хохолком, похожим на странную гриву, повернулась, и его большие красноватые глаза встретились с глазами сержанта. В его ответе ясно звучала циничная насмешливость, с которой тристиане относятся к жизни.

— Надеюсь. Конечно, есть какая—то вероятность, что через несколько секунд после взлета мы превратимся в облачко пыли. Пристегнитесь, дорогие друзья, пристегнитесь!

Картр сел рядом с Зингой, поджав длинные ноги, и закатин закрепил ремни. Когти Филха коснулись кнопок. Медленно и осторожно вездеход начал отходить от «Звездного пламени». Когда они достаточно удалились от корабля, Филх рывком поднял вездеход со своим обычным пренебрежением к

необходимости приспособливаться к изменению скорости. Картр с трудом глотнул.

— К реке и вдоль нее на высоте в двадцать футов.

Филх не нуждался в таком приказе. Подобные операции они не раз проводили и ранее. Картр сдвинулся на один—два дюйма вправо к иллюминатору. Зинга сделал то же самое — в противоположную сторону.

Прошло несколько секунд, и они, уже оказавшись над водой, всматривались в опутанную массу яркой зелени на берегах. Картр автоматически классифицировал и инвентаризовал. На этот раз не было необходимости делать подробные записи. Филх включил сканер, так что позже можно будет рассмотреть снимки. Движение вездехода вызывало ветер, который охлаждал их разгоряченные тела. Ноздри Картра улавливали запахи старые и новые. Жизнь внизу не достигла разума: рептилии, птицы, насекомые. Не очень много. Но все же удача дважды сопутствовала им: во—первых, они приземлились близко от края пустыни, во—вторых, планета оказалась типа Арт.

Зинга задумчиво почесал чешуйчатую щеку. Он любил жару, и его жабо растянулось максимально. Картр знал, что закатанин предпочел бы пересечь раскаленный песок пешком. Зинга излучал веселую заинтересованность. Он напоминал Картру офицера из Контроля на тщательно организованной и совершенно безопасной экскурсии. Но Зинга всегда наслаждался жизнью — его долгоживущая раса имеет для этого достаточно времени.

Вездеход летел плавно, негромко жужжа. Не зря был проведен последний профилактический ремонт. Правда, его делали без запасных частей, надеясь на информационные ленты десятилетней давности. Поставили последние имеющиеся конденсаторы. Теперь запчастей практически не осталось.

— Зинга, — неожиданно обратился Картр к товарищу, — ты когда—нибудь бывал в настоящем ремонтно—восстановительном порту Контроля?

— Нет, — жизнерадостно ответил Зинга. — Иногда мне кажется, что это лишь выдумка, сказка для развлечения новобранцев. С тех пор, как я поступил на службу, мы всегда сами делали ремонт, пользуясь тем, что сами ухитрялись раздобыть или украсть. Однажды был настоящий капитальный ремонт, он занял целых три месяца. Нам повезло: мы нашли два разбитых корабля и разобрали их на запчасти. Какое было богат-

ство! Это было на Карбоне четыре..., нет, пять космических лет назад. Тогда в экипаже еще был главный инженер, и он руководил работами. Эй, Филх, как его звали?

— Ратан. Робот с Денеба—II. Мы потеряли его на следующий год в кислотном озере мира Голубой звезды. Прекрасно знал машины. Он ведь и сам был машиной.

— Что случилось с Центральным Контролем и с нами? — медленно спросил Картр. Почему у нас нет должного оборудования, припасов, новых людей?

— Крушение, — резко ответил Филх. — Может быть, Центральный Контроль слишком велик, контролирует слишком много миров, власть его простирается слишком далеко. Или, может быть, он просто состарился. Вспомните секторные войны, борьбу за власть между вождями секторов. Разве Центральный Контроль не положил бы этому конец, если бы мог?

— Но патруль...

Филх рассмеялся.

— О да, патруль! Мы, выжившие упрямцы и ненормальные. Мы считаем, что мы — звездный патруль, космонавты и рейнджеры — по-прежнему поддерживаем мир и галактическую законность. Мы же летаем тут и там на кораблях, которые разваливаются на куски, потому что нет специалистов, которые могли бы их отремонтировать. Мы сражаемся с пиратами, отыскиваем забытые пространства... Ради чего? Мы повинемся приказам, подписанным двумя буквами — ЦК. Мы быстро превращаемся в анахронизм, мы живые, но в то же время мертвые древности. И один за другим исчезаем в пространстве. Нас давно следует поместить в музей как объект, не имеющий практической ценности...

— Что случилось с Центральным Контролем? — вновь спросил Картр и тут же стиснул зубы: от резкого поворота вездехода он ударился рукой о крепкие ребра Зинги и почувствовал жгучую боль.

— Галактическая империя, — объявил закатанин с улыбкой, говорящей о том, что его не слишком интересует эта тема, — Галактическая империя распадается. За пять лет мы утратили связь с большинством секторов. ЦК теперь — только название, за которым нет никакой власти. В следующем поколении его могут даже забыть. За ним долгий путь — около трех тысяч лет — и места соединений начали протекать. Сейчас секторные войны и, как результат, хаос. Мы быстро отступаем

назад, и, может быть, отступим очень далеко, в варварство, может быть, забудем о космических полетах. Потом все начнется сначала...

— Может быть, — прозвучала пессимистическая реплика Филха. — Но ни я, ни ты, дорогой друг, не будем свидетелями нового восхода цивилизации.

Зинга кивнул в знак согласия.

— Но это не имеет значения. Мы нашли для себя мир и должны как можно лучше освоить его. Далеко ли мы на картах? — спросил он сержанта.

Они включили карты на экране, карты такие старые, что даты на них казались нелепыми, карты солнц и систем, которые не посещались никем два, три, пять поколений, с которыми Контроль не имел контакта уже пятьсот лет. Картр раньше неделями изучал эти карты. И ни на одной не нашел эту систему. Они оказались слишком далеко, слишком близко к краю Галактики. Катушка с записями и картами этого мира, если она вообще когда-то существовала, давно проржавела в бездействии, забытая много поколений назад в архивах Контроля.

— Нас вообще нет на картах. — он чувствовал какое-то горькое удовлетворение, отвечая так.

— Чистый лист, с которого можно начать, — прокомментировал Зинга. — Филх, эта река..., она как будто расширяется?

Действительно, русло реки становилось шире. Уже некоторое время они летели над зеленью — вначале над кустами и полосками низкорослой растительности, потом появились группы деревьев. Эта животная жизнь... Картр напряг мозг, а вездеход начал подниматься, следуя общему подъему местности.

Теперь ветер доносил сильные приятные запахи — запахи земли, растительности и аромат воды. Они парили над водной поверхностью, внизу течение стало быстрее — река пробивалась между скал. Затем река завернула у мыса, густо заросшего деревьями. И перед ним открылся водопад, до которого было около полумили. Вуаль брызг вздымалась на скалистом береговом плато.

Филх провел когтями по кнопкам приборов. Вездеход полетел медленнее и начал снижаться, держа курс на песчаную полосу, отходившую от скального берега. Они легко опустились. Великолепная посадка! Зинга наклонился и хлопнул Филха по плечу.

— Поздравляю, рейнджер! Прекрасная посадка, просто прекрасная..., — голос у него захрипел, он тщетно пытался имитировать возбужденную туристку.

Картр неуклюже выбрался из кабины и теперь стоял на песке, широко расставив ноги. Перед ним в поросших зеленью камнях журчала вода. Картр почувствовал под ее поверхностью присутствие маленьких живых существ, занятых своими делами. Он опустился на колени и погрузил руки в прохладную воду. Вода увлажнила края рукавов, смочила запястья. Она была чистой, прохладной, и он не мог справиться с искушением.

— Искушаемся? — спросил Зинга. — Я уже иду.

Картр расстегнул многочисленные пряжки одежды и осторожно вынул руку из перевязи. Филх, скрестив ноги, сидел на песке. На его тонком лице явно было написано неодобрение. Ни за что на свете Филх добровольно не коснулся бы воды.

Сержант не мог сдержать восклицания удовольствия, когда вода коснулась его тела. Она поднималась до лодыжек, до колен, потом до пояса, а он брел, осторожно нащупывая дно. Зинга бросился в воду и, добравшись до глубокого места, поплыл поперек течения. Картр сожалел, что у него болит рука и он не может присоединиться к закатанину. Он мог лишь окунуться и смыть с себя корабельную грязь, следы слишком долгого пути.

— Если вы кончили это новоизобретенное безумство, — послышался голос Филха, — я могу вам напомнить, что нам еще нужно заняться работой.

Картр был почти готов отказаться. Ему никуда не хотелось идти. Но узы дисциплины привели его обратно на песчаный берег, где он с помощью тристианина вновь облачился в ненавистный костюм. Зинга плыл против течения, и Картр время от времени видел желто—серое тело закатанина в тумане и водяных брызгах. Он послал мысленный призыв.

Но тут его отвлекла птица, пролетавшая над их головами вспышкой яркого света. Филх стоял с протянутой рукой, из горла его вылетал чистый свист. Птица изменила направление полета и повернула к ним. Потом села на коготь большого пальца тристианина и ответила на его свист чистыми, певучими звуками. Ее голубые перья отливали металлическим блеском. Некоторое время она отвечала Филху, потом снова поднялась в воздух и полетела над водой. Гребешок тристианина вздымался гордо и высоко. Картр перевел дыхание.

— Какая красавица! — отдал он должное птице.

Филх кивнул, но в его ответе прозвучала нотка печали: — В действительности она не поняла меня...

Из воды вышел Зинга, шипя, как после битвы. Он поднес предмет, который держал в руке, ко рту, пожевал с выражением восторга и проглотил.

— Водные существа великолепны! — заявил он. — Ничего лучше я не ел с Вассара, когда ел там жаркое на обеде у катверов. И жаль, что они такие маленькие.

— Надеюсь, твои иммунологические прививки еще действуют, — едко заметил Картр. — Если ты...

— Позеленею и умру, то это будет только моя вина, — закончил за него закатанин. — Я согласен с тобой. Но из—за свежей пищи стоит умереть. По—моему, формула 1A60 — не лучшая возможная еда. Ну, куда мы теперь направимся?

Картр изучал плато, с которого падала река. Густая зелень выглядела многообещающе. И они не могут углубляться в незнакомую местность с небольшим запасом горючего. Может, вершина холма позволит лучше осмотреть окрестности? Он предложил лететь туда.

— Вверх так вверх, — Филх вернулся на сидение. — Но не более полумили, если не хотите возвращаться пешком.

На этот раз вездеход поднимался медленно. Картр знал, что Филх экономит горючее, выжимая последние капли энергии из вездехода, но сержанту совсем не хотелось тащиться к «Звездному пламени» пешком.

Оказалось, что на вершине утеса нет посадочной площадки. Деревья жались к самому берегу, создавая сплошной зеленый ковер. Но в четверти мили от водопада они нашли остров. В сущности, маленькую столовую гору с ровной площадкой. Филх посадил вездеход так, что с обеих сторон от края их отделяло не более четырех футов. Камень на солнце накалился. Картр вышел из вездехода и достал бинокль.

По обоим берегам реки деревья и кусты стояли почти сразу сплошной стеной. Но к северу виднелись холмы, а река пересекала равнину. Картр укладывал бинокль, когда почувствовал чужую жизнь.

Внизу к берегу реки из леса вышло коричневое мохнатое животное. Оно село у реки на задние лапы и погрузило передние конечности в поток. В воздухе блеснуло серебро, и какой—то житель воды забился в челюстях животного.

— Великолепно! — отдал должное мастерству охотника Зинга. — Я бы не смог этого сделать лучше. Ни одного лишнего движения!

Картр осторожно коснулся мозга за обросшим шерстью черепом. Как будто есть разум особого типа. Картр решил, что сможет с ним контактировать, если захочет. Но это животное не знает людей или похожих на них существ. Неужели на этой дикой планете нет господствующей формы жизни?

Он произнес это вслух, и Филх ответил ему:

— Неужели при посадке у тебя от удара свихнулись мозги? Дикие участки можно найти на многих планетах. И если существо внизу не знает более сильных созданий, чем оно само, это еще ничего не доказывает...

Зинга смотрел на отдаленную равнину и холмы.

— Зеленые холмы, — пробормотал он. Зеленые холмы и река, полная великолепной добычи. Дух космоса еще раз улыбнулся нам. Ты хочешь задать вопросы нашему другу — рыболову?

— Нет. И он не один. Кто—то несется за той группой остроконечных деревьев. И есть еще и другие. Они боятся друг друга, живут по закону когтя и клыка.

— Примитивная жизнь, — заключил Филх и великодушно добавил, — нет, может, ты и прав, Картр. Возможно, на этой планете не господствуют ни люди, ни бемми.

— Не верю! — Зинга поднял до предела внешние и внутренние веки. — Хочу сразиться с разумным чудовищем!..

Картр улыбнулся. Почему—то ему всегда казалось, что мозг Зинги, унаследовавший особенности его предков—рептилий, ближе к человеческому по характеру мыслительных процессов, чем холодная отчужденность Филха. Зинга погружался в жизнь с интересом и энергией, а тристианин, несмотря на внешнюю увлеченность, все же оставался сторонним наблюдателем.

— Может, мы сумеем найти в тех холмах поселок твоих разумных чудовищ, — предложил Картр. — Как, Филх, попробуем добраться туда?

— Нет, — Филх указал на счетчик. У нас ровно столько горючего, чтобы только добраться до корабля.

— Если все мы задержим дыхание и будем толкать..., — пробормотал закатанин. — Ну, ладно. А если горючего не хватит, мы пойдем пешком. Нет ничего лучше, чем чувствовать горячий песок между пальцами ног...

Он томно вздохнул.

Вездеход поднялся, испугав мохнатого рыболова. Животное сидело, подняв передние лапы, с которых капала вода, и смотрело им вслед. Картр уловил его изумление, которое явно преобладало над страхом. У животного было мало врагов и совсем не было летающих по воздуху. Когда вездеход развернулся, Картр послал мысль с призывом доброй воли, обращенным к примитивному мозгу. Он оглянулся. Животное встало на задние конечности и стояло, как человек, опустив передние лапы и провожая их взглядом.

Они так низко летели над водопадом, что их забрызгало с головы до ног. Картр прикусил губу. Характер Филха? Или машине действительно не хватает мощности? У него не было желания задавать этот вопрос открыто.

Возвращаться по реке — значит сильно удлинить путь, — заметил Зинга. — Если мы полетим прямо над пустыней, то наткнемся на корабль...

Картр кивнул.

— Как, Филх, будем держаться воды или нет?

Тристианин сгорбил плечи: это у него означало пожатие плечами.

— Пожалуй, так будет быстрее.

И он повернул нос вездехода вправо. Они расстались с ниткой реки. Под ними лежал ковер деревьев, затем показалась поляна, поросшая кустарником. На ней паслись пять рыжеватых—коричневых животных. Одно из них подняло голову, и солнце сверкнуло на длинных мощных рогах.

— Интересно, бывают ли у них ссоры с вашим другом с реки? — пробормотал Зинга. — У него были такие когти... А эти рога вовсе не украшение. А может, у них какой—то договор о ненападении...

— Или они большую часть времени проводят в смертельных схватках, — заметил Филх.

— Знаешь, ты очень полезный бемми, мой друг, — Зинга смотрел на затылок головы с гребешком. — С тобой не нужно ожидать худшего: ты уже все сформулировал. Что бы мы делали без твоих предсказаний будущего?

Деревья и кусты внизу становились реже. Все чаще и чаще появлялись скалы, участки обожженной голой земли и странно изогнутые растения, характерные для пустыни.

— Подожди! — Картр схватил Филха за плечо. — Направо, вон там!

Вездеход послушно нырнул, и спустился на полосу ровной земли. Картр выбрался из кабины и, раздвигая кустарник, вышел на край того, что видел с воздуха. Остальные присоединились к нему.

Зинга опустил на колено и коснулся белой поверхности.

— Искусственное, — заключил он.

Эту поверхность закрывал песок. Лишь по какой-то прихоти ветра часть ее обнажилась. Покрытие, искусственное покрытие.

Зинга пошел направо, Филх — налево. Пройдя примерно сорок футов, они присели и ножами принялись ковырять почву. Через несколько секунд у обоих обнажилась твердая поверхность.

— Дорога! — заключил Картр. — Транспортировка по поверхности. Давно ли это было, как вы думаете?

Филх пропустил сквозь пальцы — когти песок.

— Тут сухо и жарко, а бури, я думаю, бывают нечасто. К тому же растительность... Может быть, и десять лет, и сто, и...

— ... и десять тысяч! — закончил за него Картр. Но его внутреннее возбуждение все росло. Здесь была высшая форма жизни! Люди... или какие-то другие разумные существа построили эту дорогу для передвижения. А дороги обычно ведут к...

Сержант повернулся к Филху.

— Как ты думаешь, на корабле хватит топлива, чтоб мы смогли вернуться сюда с установленным следоискателем?

Филх задумался.

— Возможно... Если топливо не понадобится для чего-нибудь другого.

Возбуждение Картра спало. Конечно, горючее понадобится для другой работы. Если они оставят корабль, нужно будет перевезти командора и Мириона, припасы, все необходимое для лагеря в более пригодное для жизни место. Он с сожалением пнул ногой покрытие. Раньше его долгом и удовольствием было бы проследить за этой нитью, выйти к ее началу. Теперь его долг — забыть о ней. Картр тяжело двинулся к вездеходу. Все молчали, когда машина поднялась в воздух.

3. Мятёж.

Огибая разбитый корпус "Звездного пламени", они увидели возле носа человека, махавшего им рукой. Когда они приземлились, Джексен уже ждал их.

— Ну? — хрипло спросил он, не дожидаясь, пока опадет песок, поднятый при посадке.

— К северу — плодородная открытая местность с избытком воды, — доложил Картр. — И дикая животная жизнь ...

— Съедобные водные существа! — прервал его Зинга, облизывая губы при этом воспоминании.

— Признаки цивилизации?

— Погребенная в песке старая дорога. И больше ничего. Животные не знают высшей формы жизни. Мы включили запись, я могу прокрутить ее для командора...

— Если он захочет...

— Что вы имеете в виду?

Тон Джексена насторожил Картра, и он замер с зажатой в руке катушкой с записью.

Ответ Джексена звучал холодно и резко:

— Командор Вибор считает, что наш долг — оставаться на корабле...

— Но почему? — недоуменно спросил сержант.

Ничто больше не поднимет «Звездное пламя». Глупо отказываться понять это и строить планы на другой основе. Картр сделал то, на что редко осмеливался раньше: постарался прочесть поверхностные мысли офицера. Беспокойство и что-то еще — удивительное и удивленное негодование, когда Джексен думал о нем, Картре, или о других рейнджерах. А почему? Неужели потому, что сержант — не дитя службы, что он воспитан не в одной из семей патруля в плотных тисках традиций и обязанностей, как другие гуманоидные члены экипажа? Неужели только потому, что он в дружеских отношениях с бемми? Он воспринял это негодование как факт и отложил его в ячейке памяти, чтобы извлечь в будущем, когда нужно будет сотрудничать с Джексеном.

— Почему? — повторил вопрос Джексен. — Командор несет ответственность, и даже рейнджер должен понимать это. Ответственность.

— Которая заставляет его умереть с голоду в разбитом корабле? — вмешался Зинга.

— Бросьте, Джексен. Командор Вибор представляет разумную форму жизни...

Пальцы Картра сложились в старый предупредительный сигнал. Закатанин увидел его и замолчал, а сержант быстро продолжил, чтобы ослабить впечатление от последних слов Зинги:

— Он, несомненно, захочет посмотреть катушку с записями, прежде чем строить планы на будущее.

— Командор ослеп!

Картр застыл.

— Вы уверены?

— Смит уверен. Может быть, Торк сумел бы помочь ему. У нас нет умения, его раны слишком серьезны для тех, кто владеет лишь приемами первой помощи.

— Все равно я доложу.

Картр двинулся к кораблю, чувствуя, как свинцовая тяжесть навалилась ему на плечи.

Почему, спрашивал он себя в отчаянии, пробираясь через люк, он чувствует себя так угнетенно? На него не падает ответственность руководства. И Джексен, и Смит превосходят его по званию. Как сержант рейнджеров, он находится на самой границе службы. Но все эти соображения не уменьшили его беспокойства.

— Докладывает Картр, сэр!

Он вытянулся перед человеком с забинтованным лицом, лежащим в кают—компании.

— Докладывайте...

Это требование звучало механически. Картр даже подумал, а действительно ли командор слышит его, и если слышит, то понимает ли?

— Мы разбились у края пустыни. Разведгруппа на вездеходе продвинулась по реке на север. Из—за ограниченного запаса горючего мы не смогли продвинуться далеко. Но район к северу выглядит пригодным для разбивки лагеря...

— Признаки жизни?

— Много животных разнообразных видов и форм на низком уровне развития разума. Единственный след цивилизации — участок дороги, занесенный песком, что указывает на его длительное бездействие. У животных не сохранилось воспоминания о контактах с высшей формой жизни.

— Свободны.

Но Картр не уходил.

— Простите, сэр, но я прошу разрешения на использование запасов горючего для организации перевозки...

— Корабельные запасы? Вы не в своем уме. Конечно, нет! Поступите в распоряжение Джексона для участия в ремонте ...

Ремонт? Неужели Выбор искренне верит, что есть хоть малейшая возможность восстановить «Звездное пламя»? Сержант рейнджеров заколебался у выхода из кают—компании и даже наполовину повернулся. Но, сообразив, что дальнейший разговор с Выбором бесполезен, он прошел в помещение рейнджеров, где нашел остальных. Маленькая фигурка у двери оказалась Смитом. При виде Картра Смит встал.

— Ну что, Картр?

— Велел участвовать в ремонте. Великие крылья космоса, что он имел в виду?

— Вы можете не поверить, — ответил связист, — но он имел в виду именно то, что сказал. Нам приказано подготовить корабль к старту...

— Но разве он не видит..., — начал было Картр и прикусил губу, вспомнив. Именно так, командор не видит, в каком состоянии находится разбитый корабль. Но разве не является обязанностью Джексона и Смита рассказать ему об этом?

И, как будто подслушав его мысль, связист ответил:

— Он не слушает нас. Когда я пытался все сказать ему, он велел мне уйти. А Джексен соглашается с каждым его приказом!

— Но почему он так делает? Джексен не дурак, он понимает, что мы не можем и не сможем взлететь. «Звездное пламя» погибло.

Смит прислонился к стене. Это был маленький человечек, худой, жилистый, почти черный от космического загара. Сейчас он как будто даже разделил зловещую отчужденность Филха. Смит любил только свою аппаратуру связи. Картр как—то видел, как он украдкой гладил пластиковую поверхность приборов. Из—за традиционного разделения экипажа корабля на патрульных и рейнджеров Картр не очень хорошо знал его.

— Вам легко принять мысль, что с кораблем покончено, — сказал связист. — Вы никогда не были так связаны с этой грудой металла, как мы. Ваши обязанности выполняются на планетах, не в космосе. «Звездное пламя» — часть Вибора. Он не может так просто уйти и забыть о корабле. И Джексен тоже.

— Хорошо, я могу поверить, что корабль означает для вас, его регулярного экипажа, нечто большее, чем для нас, — почти

устало согласился Картр. — Но корабль мертв, и ни мы, ни вы никогда не заставим его взлететь. Лучше оставить его, разбить лагерь где—нибудь поблизости от воды и пищи...

— Отказаться от прошлого и начать все сначала? Может быть. Я согласен с вами... с точки зрения разума. Но вам придется считаться с эмоциями, мой друг. И очень считаться!

— А почему, — медленно спросил Картр, — вы говорите об этом мне?

— Меня привел к вам процесс отбора. Если мы оказались на планете без всякой надежды улететь с нее, кто лучше всего поймет наши задачи? Тот, кто почти с детства находится в космосе, или рейнджер? Что вы собираетесь делать?

Но Картр не собирался отвечать. Чем больше говорил Смит, тем большее беспокойство испытывал Картр. Никогда раньше корабельный офицер не разговаривал с ним с такой откровенностью.

— Решает командор..., — начал он.

Смит резко и коротко рассмеялся. В его смехе не было веселья.

— Значит, вы боитесь взглянуть правде в глаза, летун? Я думал, рейнджеров не испугаешь, это бесстрашные дикие исследователи...

Здоровой рукой Картр схватил Смита за воротник.

— К чему вы ведете, Смит? — спросил он, отказываясь от уставных форм обращения к офицеру.

Связист не пытался освободиться от хватки рейнджера. Он поднял глаза и встретился со взглядом Картра. Пальцы рейнджера разжались, и рука упала. Смит верил в свои слова, верил, хотя и пытался насмешничать. Смит пришел к нему за помощью. И тут впервые Картр обрадовался, что обладает этой странной особенностью — улавливать чувства товарищей.

— Говорите, — сказал он, садясь на спальный мешок. Он чувствовал, что напряжение, охватившее всех несколько секунд назад, ослабло. Картр также знал, что рейнджеры пойдут за ним, они ждут его решения.

— Выбор больше не с нами... Он свихнулся...

Смит с трудом подбирал слова, и Картр читал в нем поднимающийся страх и отчаяние.

— Из—за потери зрения? Но тогда это временно. Попри-
выкнув, он...

— Нет. Он уже давно приближался к безумию. Ответственность за команду в таких условиях... Борьба с зелеными... Торк

был его другом, понимаете? Корабль, распадающийся на куски, и никакой надежды на починку... Все это наложилось одно на другое. Сейчас он отрицает наше положение, не желает верить в это. Он отступил в свой собственный мир, где все идет, как положено. И он хочет, чтобы мы шли с ним туда.

Картр кивнул. Он чувствовал, что каждое слово Смита правдиво. Конечно, у него самого не было тесных контактов с Выбором. Рейнджеры не допускались во внутренний круг корабля, их только терпели. Он не закончил академию сектора. Отец его не служил в патруле. Поэтому он всегда оказывался в стороне от экипажа. Дисциплина службы, всегда строгая, стягивалась все туже, превращаясь в жесткую кастовую систему, и перемены ощущались даже с того времени, как он надел знак кометы, может быть, потому что сама служба была отрезана от обычной жизни среднего гражданина. Но вот сейчас Картр смог по—настоящему взглянуть на странные происшествия последних месяцев, противоречия в приказах Вибора, в тех его словах, которые Картру случалось услышать.

— Вы думаете, надежды на его выздоровление нет?

— Нет. Крушение было последней каплей... Приказы, отданные им за последние часы... Говорю вам, он свихнулся!

— Ладно! — в напряженной тишине прозвучал голос Рольта. — Что же нам делать? А вернее, что вы хотите от нас, Смит?

Связист развел руками в безнадежном жесте.

— Не знаю. Мы сели... навсегда... в неизвестном мире. Исследования — это ваша работа. Кто—то должен вывести нас отсюда. Джексен... Он пойдет за командором, даже если Выбор велит взорвать корабль. Они вместе прошли через битву пяти солнц, и Джексен...

— А Мирион?

— Без сознания. Не думаю, что он выкарабкается. Мы даже не знаем, насколько серьезно он ранен. Его можно не считать.

— Не считать в каком случае? — подумал Картр, и его зеленые глаза сузились. — Смит предполагал, что в будущем их ждет какой—то конфликт.

— Дальгр и Спин? — спросил Зинга.

— Оба из взвода Джексена. Кто знает, как они поведут себя, когда Джексен начнет отдавать приказы.

— Меня удивляет одно обстоятельство, — впервые вступил в разговор Филх. — Почему вы пришли к нам, Смит? Мы не считаемся членами команды.

Вопрос, который занимал всех, наконец прозвучал открыто. Картр ждал ответа.

— Ну... Я подумал, что вы лучше других подготовлены к будущему. Это ваша работа. Я, во всяком случае, теперь бесполезен: при крушении вышла из строя вся связь. Весь экипаж без корабля, способного взлететь, бесполезен. Поэтому... Нам придется учиться у вас...

— Новобранец? — смех Зинги смахивал на свист. — Но очень зеленый. Ну, Картр, примем его? — гротескная голова закатанина повернулась к сержанту.

— Он говорит искренне, — серьезно ответил Картр. — Созываю совет.

Он отдал приказ, после которого все насторожились.

— Рольтх?

Белокожее лицо, более чем на половину закрытое темными очками, было лишено всякого выражения.

— Местность хорошая?

— Многообещающая, — быстро ответил Зинга.

— Ясно, что мы не можем вечно сидеть здесь, — проговорил рейнджер с туманного Фальтхара. — Я голосую за то, чтобы снять все необходимое с корабля и основать базу. Потом немного осмотреться...

— Филх?

Когти тристианина отбивали дробь на широком поясе.

— Полностью согласен. Но это предложение слишком разумно.

Насмешливое окончание было обращено к Смиту. Филх не собирался быстро забывать старое разделение на рейнджеров и патрульных.

— Зинга?

— Основать базу — да. Я предложил бы место вблизи ручья с этими вкусными существами. Сейчас бы похлебку из них...

Его веки опустились в шуточном экстазе.

Картр посмотрел на Смита.

— Я присоединяюсь к их голосам. У нас остался только один пригодный вездеход. На нем мы сможем перевезти командора, Мириона и припасы. Если опустошим главный бак, то горючего хватит на несколько рейсов. Остальные пойдут пешком и еще понесут на себе груз. Земля хорошая, пищи и воды достаточно. Похоже, местность пустынная, ничего похожего на зеленых. Если бы я был командором...

— Но ты не командор, ты грязный рейнджер—бемми!

Рука Картра опустилась на рукоятку еще раньше, чем он увидел вошедшего. Волна угрозы была как физический удар по чувствительным рецепторам рейнджера.

Зная, что любой ответ лишь усилит гнев противника, Картр колебался, но в этот момент тишину нарушил Смит.

— Заткнись, Спин!

В маленьком оружии в руке оружейника, повернувшегося к связисту, блеснул свет. Волна ненависти, основанной на страхе, была такой сильной, что Картр удивился, почему другие этого не чувствуют. Сержант мгновенно бросился в сторону, ударив плечом Спина. Спин двинулся вперед, и Картр тщетно пытался одной рукой сбить его.

Однако секунду или две спустя все было кончено. Спин еще дергался и выкрикивал приглушенные проклятия под тяжестью Зинги, а Филх методично выкручивал ему руки так, чтобы можно было вставить «прут безопасности». И когда это было сделано, Спина не очень вежливо, толчками, посадили к стене.

— Он сошел с ума! — убежденно заявил Смит. — Так использовать ручной бластер! Во имя черного неба...

— Я должен был сжечь всех вас! — кричал пленник. — Всегда знал, что дьяволам—рейнджерам доверять нельзя! Все вы бемми!

Но его черная ненависть более чем на три четверти состояла из страха. Картр смотрел на извивающегося человека. Он знал, что рейнджеров не считали полноправными членами патруля, знал также, что существует все растущее предрасположение против негуманоидов—бемми, но этот пугающий гнев против товарищей по экипажу был хуже всего, что он мог вообразить.

— Мы ничего вам не сделаем, Спин...

Оружейник плюнул, и Картр понял, что на того не действуют разумные доводы. Оставалась единственная возможность. Но он давно поклялся себе, что никогда не будет делать этого, что никогда не применит к людям... И позволят ли остальные? Он взглянул на Смита.

— Он опасен...

Смит посмотрел на щель в стене, все еще раскаленную.

— Нет нужды подчеркивать это! — связист с беспокойством переступил с ноги на ногу. Что вы собираетесь с ним делать?

Много времени спустя Картр понял, что именно этот момент явился поворотным пунктом. Вместо того, чтобы обратиться за поддержкой к Смицу и рейнджерам, он сам принял

решение. С быстротой мысли обрушил он на сидящего свою волю. Искажённое лицо Спина покраснело, на губах появилась пена. Но у него не было барьера против воздействия тренированного мозга сержанта. Глаза Спина остекленели, остановились. Он перестал биться и безвольно раскрыл рот. Смит наполовину извлек свой бластер.

— Что вы с ним сделали?

Спин лежал теперь неподвижно, устремив глаза в потолок. Смит схватил Картра за плечо.

— Что вы с ним сделали?

— Успокоил. Сейчас он спит.

Но Смит уже пятился к двери.

— Выпустите меня! — голос его дрожал. — Выпустите, вы... вы... Проклятый бемми!

Он попытался выбраться, но Рольтх преградил ему дорогу. Смит повернулся и, тяжело дыша, как загнанное животное, посмотрел на Картра.

— Мы вас не тронем.

Картр не вставал и не повышал голос. Рольтх увидел его сигнал, фальтхарианин поколебался секунду, потом повиновался и отошел от двери. Но, даже видя свободный выход, Смит не двигался. Продолжая смотреть на Картра, он потрясенно спросил:

— Вы можете так... с любым из нас?

— Вероятно. Ни у одного из вас нет достаточного мозгового барьера.

Смит сунул бластер в кобуру. Дрожащими руками он вытер потное лицо.

— Тогда почему же вы не... Только сейчас?

— Почему я не использовал свою силу против вас? Зачем? Ведь вы не собирались сжечь нас. Вы были вполне в своем уме...

Смит успокоился. Охватившая его паника почти совсем прошла. Разум подчинил себе эмоции. Он подошел к спящему оружейнику и взгляделся в его лицо.

— И долго он так будет...?

— Не знаю. Никогда раньше не пробовал на людях.

— И вы со всеми так можете?

— Человек с сильным самоконтролем и волей представил бы трудную задачу. Его нужно застать врасплох. Но Спин не отличается этими качествами.

— Но вам это ничего не даст, Смит, — спокойно заметил Зинга. — Если вы планируете, что сержант походит по кораб-

лю и уложит всех сопротивляющихся, можете об этом забыть. Либо мы договоримся с ними, либо...

Он не закончил фразу, но ее продолжение было ясно Смиуту.

— Сражаться? — угрюмо спросил он. Но ведь это ...

— Мятаж? Конечно, мой дорогой сэр. Однако, если бы вы еще раньше не подумали об этом, вы бы не пришли к нам, не так ли? — спросил Филх.

Мятаж! Картр заставил себя рассуждать спокойно. В космосе и на планете Вибор — командор «Звездного пламени». Каждый человек на борту клялся выполнять его приказы и поддерживать власть службы. Торк, понимая состояние командора, мог бы его сместить. Но Торк погиб, а больше никто на борту не имеет законного права отменять приказы командора. Сержант встал.

— Нужно привести Джексона и Дальгра...

Он осмотрел помещение рейнджеров. Нет, разумнее организовать встречу где-нибудь в нейтральном месте. Снаружи, быстро решил он: психологический эффект зрелища разрушенного корабля может оказаться решающим доводом в споре.

— ... наружу! — закончил он.

— Хорошо, — согласился Смит, но в голосе его не было энтузиазма. Он вышел.

— Во что же мы вмешались? — спросил Зинга, когда связист отошел достаточно далеко.

— Рано или поздно это все равно произошло бы. После крушения стычка неизбежна, — мягко сказал Рольх. — В космосе у них был смысл жизни, они могли закрывать глаза и затыкать уши, занимаясь своими повседневными обязанностями. Теперь у них нет этого занятия. У нас есть цель — наша работа. И поскольку мы... другие, мы всегда были слегка подозрительны.

— Если мы не будем действовать, то можем стать целью их страха и негодования!

— Картр выразил мысль, возникшую у всех. Я согласен.

— Мы можем освободиться, — предложил Филх. — Когда корабль разбит, наши связи с ним разорваны. Договор... Кого сейчас интересуют договоры? Мы можем прожить сами.

— Но они не могут, — заметил Картр. — И поэтому мы тоже не можем порвать с ними. Сейчас. Нужно попытаться помочь им...

Зинга рассмеялся.

— Ты всегда был идеалистом, Картр. Я — бемми, Филх тоже бемми, Рольтх — полубемми, а ты любишь бемми, и все мы рейнджеры. Все это не внушает любовь ни одному патрульному. Ладно, попробуем помочь им увидеть свет. Но переговоры я буду вести с бластером в руке.

Картр не возражал. После поучительного разговора со Спином, после того раздражения, с которым встретил его Джексен, он понимал, что такая предосторожность не будет лишней.

— Можем ли мы рассчитывать на Смита? — задал вопрос Зинга. — Раньше он не производил впечатления новобранца—рекрута.

— Нет, но у него достаточно мозгов, — заметил Рольтх.

— Картр, — обратился он к сержанту, — это твоя игра, мы предоставляем говорить тебе.

Остальные двое кивнули. Картр ощутил теплое чувство. Он и раньше знал: рейнджеры всегда стоят друг за друга. Что бы ни ожидало их впереди, они встретят опасность единым фронтом.

4. Маяк.

Четверо рейнджеров пересекли участок обгоревшей земли и остановились в тени высокого скального выступа. Солнце садилось, посылая красные копыя света с западного края горизонта. Но песок и камни по—прежнему излучали жар.

Джексен, Дальгр и Смит ждали их, сузив глаза от блеска металлических бортов искаженного "Звездного пламени". Они стояли плечом к плечу, как бы ожидая... Чего? Нападения? На лице офицера пролегли глубокие морщины. Он был человеком средних лет, но раньше все его движения отличались пластичностью. Сейчас Картр заметил, что у Джексена поседели виски, и вдруг понял, что в золотые дни службы Джексен вообще уже не находился бы в космосе. Задолго до этого он занял бы административную должность в одном из портов флота. А есть ли сейчас у патруля такие порты? Уже пять лет Картр не бывал ни в одном.

— Ну, чего вы хотите от нас? — взял на себя инициативу Джексен.

Однако Картр не проявил ни малейшего смущения или испуга.

— Нам необходимо..., — он инстинктивно обратился к формальной речи, которую слышал в детстве. — Нам необходимо обсудить положение. Взгляните на корабль... — ему не понадобилось указывать на разбитый корпус. Никто и так не мог оторвать взгляд от корабля. — Неужели вы искренне думаете, что его можно починить? Последний полет мы начали неукomплектованными. А те запасы, что мы растягивали на месяцы, кончились. Нам остается лишь одно: мы должны снять с корабля оборудование и разбить лагерь в местности...

— Именно такую болтовню мы и ожидали услышать! — выпалил Дальгр. — Но вы должны выполнять приказы, хотя и произошло крушение!

— Чьи приказы? — спросил Картр. — Командор не в состоянии отдавать приказы. Вы приняли командование, сэр? — прямо спросил он Джексена.

Покрытая загаром кожа офицера не могла побледнеть, но лицо его стало старым и несчастным. Губы его растянулись, зубы резко оскателились в зверином рычании гнева, боли или отчаяния. Прежде чем ответить, он взглянул на разбитый корабль.

— Это убьет Вибора... — он с трудом выталкивал из горла слова.

Картр оградил себя от лишних эмоций, разрывавших его рецепторы. Он мог облегчить боль Джексена, присоединившись к остальным, отказавшись поверить, что старая жизнь окончена. Может, служба искалечила их всех, рейнджеров так же, как экипаж, возможно, им нужна уверенность приказов, обычных обязанностей, даже когда все это превращается в мертвый груз?

Сержант отсалютовал.

— Даете ли вы разрешение на подготовку к тому, чтобы покинуть корабль, сэр?

На мгновение он напрягся: Джексен резко повернулся к нему. Но офицер не схватился за бластер. Напротив, плечи его обвисли, морщины на лице стали еще глубже.

— Поступайте, как хотите! — и он пошел за скалу. Никто не последовал за ним.

Картр стал распоряжаться:

— Зинга, Рольтх, выведите вездеход и возьмите двухдневный запас. Топливо — в главном баке. Потом отправитесь к водопаду и разобьете там лагерь. Рольтх, приведи офицеров — командора и Мириона — и мы отправим их...

Они съели свой рацион — безвкусовые концентраты — и принялись за работу. Немного позже к ним присоединился Джексен. Он работал упрямо и молча. Картр с благодарностью передал ему ответственность за подготовку оружия и боеприпасов. Рейнджеры держались в стороне от членов экипажа: им хватало работы в собственном помещении и при подготовке исследовательского оборудования. Вездеход, пилотируемый Рольтхом, для которого тьма была ясным днем, за ночь трижды слетал к водопаду, перевозя раненых, все еще бессознательно-го Спина и различное оборудование. Одинокaя луна повисла в небе. Все обрадовались ей. Она дополняла слабый свет их переносных фонарей. Люди работали с короткими передышками, пока над пустыней не занялся серый рассвет. Именно в последний час работы Джексен сделал самую важную находку. Он заполз в разбитую рубку и тут же громко позвал остальных.

Горючее — целый запасной комплект обоев. Все округлившимися глазами смотрели, как он вытаскивает его в коридор.

— Спрячьте, — Джексен тяжело дышал. — Нам может очень понадобиться вездеход.

Картр, вспомнив высоту водопада, кивнул. Однако, не смотря на эту находку, когда Рольтх вернулся в следующий раз, они погрузили комплект на вездеход, но велели Рольтху не возвращаться. Они поедят, проспят все самое жаркое время дня и пройдут до лагеря пешком, неся на спине личное имущество.

Солнце вставало, когда они собрались маленькой группой у скал. Синя—черная тень упала на три могилы в песке. Джексен обветрившимися губами произнес традиционные слова прощания. Памятника они не стали возводить. «Звездное пламя» долгое время будет служить памятником своему экипажу, пока не проржавеет и не превратится в пыль.

Потом они в последний раз легли спать в опустошенном корабле. Когда Филх разбудил Картра, тому показалось, что он лег лишь несколько минут назад. Однако приближался заход. Сержант вместе с остальными проглотил сухой рацион. Потом без разговоров все надели рюкзаки и двинулись по пустыне, направляясь к скалам, которые Картр подметил заранее.

Скоро наступила ночь, освещаемая полной Луной, так что они даже не включали фонарики. И это хорошо, подумал сержант: вряд ли есть надежда снова зарядить их. Поскольку они шли не вдоль реки, а напрямик через пустыню, они вскоре вышли на гладкий участок дороги. Картр подозвал Джексена.

— Дорога! — депрессия впервые оставила офицера. Он опустил на колени, провел рукой по древним блокам и включил фонарь, чтобы лучше видеть. — Но не очень много.

— Не очень — то много можно рассмотреть. Должно быть, ее давно не использовали. Вы можете проследить за ней?

— Со следоискателем и на вездеходе — да. Но стоит ли? У нас мало горючего.

Джексен устало поднялся.

— Не знаю. Но на всякий случай запомним. Возможно, это ниточка, но я не знаю, — он погрузился в размышления, но на следующей остановке заговорил со следами бывшего энтузиазма.

— Дальгр, вы мне рассказывали о том, как можно приспособить заряды разрушителя к вездеходу.

Его помощник с готовностью поднял голову.

— Нужно...

Через три слова он погрузился в такую путаницу терминов, как будто говорил на языке другой галактики. Джексен был специалистом в своей области и следил за тем, чтобы его помощники знали гораздо больше, чем это необходимо для простого исполнения своих обязанностей. Дальгр все еще продолжал свои объяснения, когда они пошли, и офицер шел рядом с ним и внимательно слушал, время от времени вставляя вопрос, после которого язык Дальгра начинал работать с удвоенной энергией.

Они не сразу углубились в холмистую местность. Три дня спустя умер Мирион, и они похоронили его на небольшой поляне между двумя высокими деревьями. Филх и Зинга прикатали с берега большой камень, а Рольтх ручным разрушителем высек на камне имя, родной мир и ранг того, чье тело вечно будет лежать под камнем.

Выбор не разговаривал. Ел он механически, вернее, разжевывал и глотал то, что Джексен и Смит клали ему в рот. Большую часть времени он спал, не проявляя никакого интереса к происходящему. Старое разделение на рейнджеров и экипаж, пропасть между регулярными патрульными и менее дисциплинированными исследователями сокращалась по мере того, как они вместе работали, вместе охотились, ели незнакомое мясо, орехи и ягоды. Пока что их прививки продолжали действовать. А может, они еще не съели ничего ядовитого.

На следующее утро после похорон Мириона Картр предложил перебраться в более гостеприимную местность за водопа-

дом. При помощи вездехода они перевезли имущество к пункту на милю выше их первой базы. Оттуда Филх повел вездеход с Выбором и Джексоном в открытую местность, а остальные, разобрав имущество, двинулись пешком.

Первым шел Зинга, шагая по мелким лужам вдоль скалистого берега: у Зинги были в порядке обе руки, а у Картра — только одна. За ним шли сержант, Дальгр, Спин и Смит, а замыкал колонну Рольтх. Утренний ветер был свеж — прохладно, но это была приятная прохлада. Картр поднял голову, ловя ветер, и глубоко вдохнул воздух. «Звездное пламя» осталось далеко в прошлом. И Картр обнаружил, что нисколько не сожалеет об этом. Если они обречены провести здесь всю оставшуюся часть жизни, то какая удача, что они нашли такой мир!

Он попытался, отгородившись от окружающих, вступить в мысленный контакт с туземной жизнью. Красноватый зверек с пышным хвостом какое—то время сопровождал их по веткам деревьев, издавая трескучие звуки, зверек был любопытным и ничего не боялся.

Птица, а может, насекомое пролетело в воздухе, взмахивая крыльями. Еще одно животное вышло из убежища примерно в ста футах прямо перед ними. Большое, почти такое же, как коричневый рыболов на реке, которого они видели в первый день. Но это животное было желтовато—коричневого цвета, и оно двигалось совершенно неслышно, как тень, пробираясь среди скал уверенно и высокомерно. Оно присело, прижимаясь к камню, и внимательно следило за приближающимися глазами с узкими вертикальными зрачками. Кончик его хвоста дергался. Зинга остановился и пропустил вперед Картра.

Высокомерие... Высокомерие и любопытство, и еще слабый, начинающийся голод без признаков страха или осторожности.

Картр видел, как шевельнулись мышцы под густой шерстью, когда животное двинулось вперед. Оно было так прекрасно в своей удивительной дикой свободе, что Картр захотел узнать о нем больше. Он установил контакт, нащупал путь в чужой мозг.

Голод забыт, любопытство оказалось сильнее. Животное село на задние лапы. Только дергающийся кончик хвоста выдавал легкое беспокойство. Не поворачивая головы, Картр отдал приказ:

— Сверните немного влево, обогните ту скалу. Оно не нападет на нас сейчас...

— Почему бы его не подстрелить? — не слишком вежливо спросил Спин. — Все это глупости: «Не убий! Не убий!». В конце концов это всего лишь животное...

— Заткнись! — Смит слегка подтолкнул товарища. — Не вмешивайся в дела рейнджеров. Вспомни, если бы они не вступили в контакт с этой пурпурной летающей медузой перед нападением зеленых, эти дьяволы уничтожили бы нас без предупреждения.

Спин проворчал что-то, но свернул влево. Смит, Дальгр и Рольтх последовали за ним, последним шел Зинга. Картр оставался, пока все они не миновали лесного зверя. Тот неожиданно зевнул, обнажив грозные клыки. Потом сел неподвижно, полуприкрыв глаза и глядя им вслед. Сам Картр ушел последним. Животное колебалось: следовать ли за ними. Любопытство двигало его вслед за путниками, голод заставлял заняться охотой. Наконец, голод победил, животное скользнуло в рощу за скалами. И контакт прервался.

Эта встреча удивила и слегка обеспокоила Картра. Он легко сумел вступить в контакт, убедил животное, что они не пища и не опасны, но установить более тесные отношения не удалось. Ничего похожего на случай с пурпурной медузой. Рассчитывать на помощь здесь не приходится. Лесной зверь дик и независим, он совершенно не подчиняется чужой воле. Если вся туземная жизнь такова, горсточку выживших ожидает еще большее одиночество.

Люди или, по крайней мере, представители высшей формы жизни — построили же они дорогу для транспортировки грузов — когда-то жили здесь. Они жили здесь долго, и их было много, иначе дорога не пролегла бы по пустыне. И все же ни у одного животного не сохранилось ни воспоминания, ни даже инстинктивного страха перед человеком. Давно ли исчезла раса, построившая дорогу? Как она исчезла? И почему? Картр жаждал вернуться к дороге со следоискателем и на вездеходе, пройти вдоль покрытия, как бы дорога ни была погребена, следоискатель все равно отыщет ее. И дорога приведет к городу, лежащему где-то в начале или конце ее.

Города... Города обычно расположены по краям больших континентальных массивов, где есть возможность передвижения по морю, или в стратегических точках речных долин. На этой планете есть моря. Картр снова пожалел о гибели записывающей аппаратуры: после крушения все наблюдения, сделанные с орбиты, стали недоступными. Может быть, если бы они

свернули сейчас на восток... или на запад, то вышли бы к морскому берегу. Только куда сворачивать — на восток или на запад? Он лишь раз бросил взгляд, да и то беглый, на экран, и ему показалось, что они приземляются на большом континенте. До ближайшего берега могут быть сотни миль. Может ли найденная дорога быть проводником?

Картр обещал себе, что, как только будет закончено устройство базы, он выяснит, о каком источнике энергии говорил Джексен с Дальгром. На вездеходе можно исследовать гораздо большую площадь, чем пешком. И если начинать с дороги...

Рольтх остановился и оглянулся.

— Ты счастлив?

Картр осознал, что напевает что-то.

— Я думал о дороге, о том, чтобы пойти вдоль нее.

— Да... Меня она тоже занимает... Дорога. Но что это нам даст? Ты искренне уверен, что мы сможем найти людей... Или хотя бы их отдаленных родственников?

— Не знаю...

— И мой ответ таков же, — Рольтх передернул плечами, чтобы лучше разместить тяжесть рюкзака. — Если мы чего-то не знаем, то должны узнать. Желание узнать, что там, за холмами, привело нас в рейнджеры. Мы привыкли к таким поискам. Признаюсь, что такая экспедиция дала бы мне больше радости, чем ползание по этой дикой местности, согнувшись под грузом, как будто мы карликовые ПФФ с внешних островов Фальтхара!

Им потребовалось почти два дня, чтобы добраться до лагеря, разбитого Филхом и Джексеном. Здесь их уже ждали шалаши из веток, и горел костер, а запах жареного мяса превратил их усталую походку в бодрую ходьбу.

Ровная скальная поверхность спускалась в мелкий ручей — идеальная посадочная площадка для вездехода. В конце площадки грудой лежали материалы, сплавленные по реке. Джексен нашел дикое зерно, уже созревшее, и набрал кисловатых плодов с деревьев на опушке леса. Картр решил, что человеку здесь нетрудно прожить. Он подумал о временах года. Существует ли между ними разница? Неизвестно. Времена года не имеют значения, когда приходишь на планету ненадолго. Вообще почти ничего неизвестно. Но теперь... им так много необходимо узнать... Узнавать придется методом проб и ошибок.

Картр вытянулся у огня, перебирая в уме все, что необходимо будет сделать. Он так глубоко задумался, что вздрогнул, когда Рольтх коснулся его плеча. Ночной мир принадлежал Рольтху, он был бодр, как звери, которые сейчас бродят по лесу.

— Идем!

Он прошептал это слово так настойчиво, что Картр вскочил на ноги. Он быстро оглянулся. Остальные лежали вокруг костра в спальных мешках или дремали. Сержант тихо выбрался из освещенного круга.

— Что...

Он так и не закончил: Рольтх предупреждающе сжал ему руку. Руку Рольтх не убрал и повел Картра во тьму.

Они поднимались по склону, который становился все круче. Деревья стали тоньше и вскоре совсем исчезли. Они оказались на освещенной луной площадке. Фальтхарианин повернул сержанта лицом к северу.

— Жди! — напряженно сказал он. — Следи за небом!

Картр уставился в ночную тьму. Ночь была ясная, звезды образовывали знакомый и незнакомый рисунок. Картр подумал о других солнцах и мириадах планет вокруг них...

На горизонте слева направо пронесся желто—белый луч. Он исходил из какого—то пункта далеко на севере и устремился в небо. За три секунды он совершил полный оборот. Картр считал. Через пятьдесят секунд луч снова вспыхнул и прошел тем же курсом. Маяк! Это был маяк!

— Давно?

— Я увидел его в первый раз час назад. Появляется очень регулярно.

— Это маяк, сигнал... Но для кого? И как он управляется?

— Не обязательно, чтобы кто—то управлял им, — задумчиво сказал Рольтх. — Вспомни Тантор...

Тантор — закрытый город. Двести лет назад жители его заболели странной болезнью. Да, Картр хорошо помнил Тантор. Однажды он пролетел над огромным куполом, изнутри которого помещалась вечная тюрьма ради всей галактики. Картр видел древние машины, занимающиеся своими делами в городе, где не осталось ни одного живого существа. У Тантора тоже были маяки, и их крик о помощи автоматически устремлялся в небо тогда, когда руки, установившие эти маяки, давно превратились в прах. За этими холмами мог находиться другой

Тантор. Это объяснило бы загадку прекрасной, но пустынной местности.

— Попроси прийти Джексона, — сказал, наконец, Картр.
— Но не буди остальных.

Рольх исчез, и сержант, оставшийся один, глядел на луч, возникающий через равные промежутки времени. Присматривает ли кто—нибудь за маяком? Может, это крик о помощи? Нужна ли она еще? А может, это сигнал звездным кораблям, которые никогда не придут?

Он услышал, как покатылся камешек, сдвинутый нетерпеливой ногой. Приближался офицер.

— Что случилось? — нетерпеливо спросил он секунду спустя.

Картр не повернулся.

— Смотрите на север, — сказал он. — Сами увидите.

Луч описал дугу на горизонте. Картр услышал удивленный вздох, почти сдавленный вскрик.

— Это какой—то сигнал, — продолжал сержант. — Он автоматически посылается...

— Из города! — закончил Джексен.

— Или из порта. Но... помните Тантор?

Ответом было молчание.

— Что вы предлагаете делать? — спустя несколько секунд спросил Джексен.

— Вы обсуждали с Дальгром возможность использования энергии разрушителя в вездеходе. Это реально?

— Можем попробовать. Однажды такое было сделано, и Дальгр считает вопрос решенным. Допустим, это возможно. Что тогда?

— Я возьму вездеход и исследую это.

— Один ?

Картр пожал плечами.

— Можно взять еще одного. Если это мертвый город, как Тантор, мы не посмеем исследовать его слишком тщательно. И чем меньше людей рискует, тем лучше.

Офицер задумался. Снова волна недоверия и недовольства обрушилась на Картра. Он догадался, о чем думает Джексен. Сигнал мог означать звездный порт, возможность найти пригодный к полету корабль, возвращение к привычной жизни офицера патруля. И во всяком случае, это обещание цивилизации, пусть даже груды развалин, где человек все же сможет найти убежище.

Рейнджерам нужно быть терпеливыми с такими людьми, как Джексен. То, что для них означало свободную и правильную жизнь, для него было лишь обеспечением возможности возврата к привычному. Если Джексен даст волю своим эмоциям, он побежит к вездеходу и ринется к маяку. Но Джексен подавил это желание. Он был не Спин.

— На рассвете возьмемся за вездеход, — пообещал офицер. Картр двинулся вниз по склону, но Джексен не шевельнулся.

— Я останусь здесь ненадолго.

Ну что ж, Рольтх обходит окрестности лагеря всю ночь. Он проследит, чтобы с Джексеном ничего не случилось. Картр в одиночестве вернулся к костру. Забравшись в спальный мешок, он закрыл глаза и попытался уснуть. Но и во сне желтый—белый луч маяка продолжал манить и угрожать...

Джексен выполнил свои обещания. На следующее утро Дальгр, Спин и сам офицер—оружейник сняли самый большой разрушитель и осторожно извлекли из него блок питания. Сейчас в их руках была капризная и ужасная смерть, поэтому работали они медленно, снова и снова проверяя каждое реле, каждое соединение. Потребовался целый день работы, и все же они не были уверены, что вездеход полетит.

Перед самым заходом солнца Филх занял кресло пилота. Вездеход поднялся рывком, потом выровнялся и полетел ровно: Филх постепенно справлялся с мощным потоком энергии. Машина долетела до реки и, развернувшись, полетела назад. Если учесть, кто сидел за рулем, можно было сказать, что посадка была очень осторожной. Не вставая с кресла, Филх сказал Джексену:

— Теперь у него мощность гораздо выше, чем раньше. Навсегда ли хватит?

Джексен провел грязной рукой по лбу.

— Не знаю. Что говорилось об этом в отчете, Дальгр?

— Энергию большого разрушителя использовали на то, чтобы привести крейсер на базу, расположенную на расстоянии двух световых лет. Потом установку разобрали. Они не знают, на сколько бы ее еще хватило...

Филх кивнул и обратился к Картру:

— Ну, мы готовы и ждем. Когда же взлет, сержант?

5. Город.

В конце концов рейнджеры бросили жребий, кому быть пилотом, и выбор пал на Рольтха. В глубине души Картр был доволен. Лететь с Рольтхом в качестве пилота — это означало ночной полет. Конечно же, разумнее приближаться к чужому городу под покровом ночи. И в конце концов именно Рольтх открыл маяк.

Они двинулись в сумерках. Рационы и спальные мешки сунули под сидение. Взяли и единственный оставшийся разрушитель. На этом настоял Джексен.

Когда они летели в прохладной полутьме, Рольтх негромко напевал одну из воющих песен своего сумеречного мира. Темные глаза без защитных очков живо блестели на его бледном лице.

Картр откинулся на спинку сидения и смотрел на местность внизу, которая из зеленой становилась синеватой. На всякий случай он нацелил искатель. Теперь, если они пролетят над достаточно большим искусственным сооружением, он будет знать об этом.

Холмы внизу были полны жизни. Хищные звери бродили там в поисках добычи. Однажды, когда до них долетел дикий рев, Картр прочел в нем гнев и раздражение охотника, который промахнулся в прыжке и должен снова выслеживать добычу. Но людей внизу не было — никаких признаков человека.

Следоискатель щелкнул. Картр подался вперед и всмотрелся в шкалу. Только один пункт. И к тому же небольшой. Но — сделанный человеком. Может быть, здание, давно погребенное. Во всяком случае, не маяк.

И тут же в темнеющее небо взметнулся луч. Но то, что лежало внизу, не имело к нему никакого отношения.

Попадалось все больше холмов. Рольтх пролетел над ними, иногда едва не касаясь вершин. Потом холмы начали понижаться, как гигантская лестница, ведущая на равнину.

Теперь стало ясно видно, что находится в центре равнины. Яркий свет, и не только ярко—желтый, но и изумрудный, рубиновый, сапфировый! Горсть гигантских жемчужин пульсировала в ночи яркими красками.

Картр бывал в развалинах Калхина — игольчатые башни и радужные купола, человеческая цивилизация не могла понять сущности этой жизни. Он видел закрытый Тантор, видел зна-

менитый город у моря, построенный заключенными в камень живыми организмами под водами Парта. Но это... Странно знакомое и в то же время чужое. Оно притягивало и отталкивало его в одно и то же время.

Картр взял на себя управление, давая возможность Рольтху надеть очки. То, что для сержанта было ярким светом, совершенно ослепляло фальтхарианина.

— Полетим прямо или сначала разведаем? — спросил Рольтх.

Картр нахмурился, посылая вперед ищущую мысль — осторожная проба хирурга, прощупывающего больное место.

Он коснулся мозга и в тот же момент отпрянул, почувствовав, что этот мозг насторожился. То, что он обнаружил, было так удивительно, что Картр не смог сразу ответить на вопрос. Наконец, он произнес:

— Разведаем...

Рольтх сбросил скорость. Вездеход пошел по дуге, огибая источник света.

— Не могу поверить! — голос Картра выдал его изумление.

— Там есть жители?

— Один. Но уж это точно. Я вступил в контакт с мозгом обитателя Арктура—III.

— Пираты?

— В открытом городе с этим все выдающим светом? Хотя, может быть, ты и прав. Здесь они могут чувствовать себя в безопасности. Будь осторожен. Я не хочу нарваться на луч бластера. А пираты сначала стреляют, а потом спрашивают твое имя и название планеты. Особенно если видят знак кометы!

— Он почувствовал твое присутствие?

— Кто может сказать это об арктурианине? Возможно.

— Их много?

— Я сразу прервал контакт. Так что не знаю.

Следоискатель затрещал. Следовало выключить запись. С этого момента доклады разведчиков будут устными. Вездеход медленно скользил к зданиям, окруженным густой растительностью.

— Смотри! — Рольтх указал налево. — Здесь есть посадочные площадки. Может, сядем и пойдем дальше пешком?

Вскоре они нашли то, что искали — небольшую посадочную площадку на вершине башни. Башня казалась маленькой по

сравнению с окружающими зданиями, хотя площадка находилась на высоте сорока этажей над поверхностью земли. Отсюда можно было хорошо рассмотреть местность.

Они опустились. И сразу же Картр повернулся и направил бластер на черную фигуру. Он попробовал мозговой контакт и тут же отступил. Рольтх прошептал:

— Робот... Может быть, охранник... — и поднял вездеход над головой фигуры.

Как только вездеход покинул площадку, робот—охранник или механик — остановился. Потом неуклюже повернулся и отступил в тень. Напряжение спало. Металлический робот мог сжечь их раньше, чем они увидели его. Конечно, это мог быть и механик, но рисковать не следовало.

— Больше на посадочные площадки не садимся, — сказал Картр, и Рольтх с готовностью согласился.

— Эти штуки могут быть настроены на голос или ключевое слово. Дай им неверный ответ, и они расправятся с тобой...

— Подожди, — Картр убрал бластер. — Мы судим об этом городе по собственной цивилизации. — Он сощурился от ярко—зеленого света и посмотрел на шкалу. — Для искателя всегда найдется что—нибудь новое, если он идет с открытым мозгом...

— И бластером наготове! — добавил Рольтх. — Да, я знаю все это. Но человеческая природа остается человеческой природой, и я предпочитаю быть осторожным, чем мертвым. Погляди, видишь квадраты мостовой между зданиями? Может, сядем там? По крайней мере, не вызовем никакой тревоги...

— Пожалуй. Можешь сесть за тем большим блоком? Мы скроемся в тени от него...

Рольтх не выжимал из вездехода такую скорость, как Филх, но в таком деле его осторожность была предпочтительней безудержному презрению тристианина к узам тяготения. Приземление потребовало добрых пяти минут сложных маневров, но сел он точно в центре той тени, на которую указал Картр.

Не покидая сидений, они ожидали появления роботов, любого движения, в котором могла быть заключена угроза.

— Город не место для игры в прятки, — сказал, наконец, Рольтх. — Я чувствую, что за нами наблюдают... Может быть, оттуда...

Он ткнул пальцем в черные окна, выходящие на площадь.

Странное ощущение, как будто сотни глаз смотрят на тебя из тьмы. Картр тоже испытывал его. Но его способности говорили, что это ложное чувство.

— Здесь нет ничего живого, — заверил он фальтхарианина.
— Даже роботов нет.

Они вылезли из вездехода и пошли, огибая угол ближайшего здания, держась в тени и перебегая освещенные участки. Рольтх провел пальцем по стене у себя над плечом.

— Старая, очень старая. Следы выветривания.

— Но огни? Как долго они могут гореть? — спросил Картр.

— Спроси об этом своего друга с Арктура. Может быть, он привел их в действие. Кто знает?

Здания, мимо которых они проходили, были лишены украшений, стены гладкие, все детали строго функциональны, но в целом создавалось впечатление гармонии. Такая гармония — порождение высокоразвитой цивилизации, для которой город — единый организм, а не набор индивидуальных жилищ разных вкусов и периодов. Пока Картру не встретилось ни одной надписи.

Рольтх через равные промежутки времени включал свой голубой фонарь, освещая стены. Когда они будут возвращаться, ему будет достаточно провести лучом по стенам, и голубые круги на них укажут обратный путь.

Рейнджеры обогнули здание, выходящее на площадь, и оказались на улице. Тут их ноги почти по щиколотку погрузились в густой покров растительности. Вся мостовая заросла травой. Впереди, на расстоянии в полквартила, сквозь щель между зданиями пробивался яркий свет. Они осторожно приблизились и увидели фонтан радужного блеска и воды. Вода падала в бассейн, край которого был проломлен. Маленький ручеек пробил себе дорогу в дерне и уходил в отверстия древней мостовой.

— Никого нет, — прошептал Картр.

Он не мог бы объяснить, почему шепчет, но его не оставляло впечатление, что за ними следят. Он чувствовал, что должен осторожно пробираться в тени зданий, иначе привлечет внимание... Кого?

Они осмелились покинуть защиту тьмы и подошли к краю бассейна. Теперь сквозь брызги воды и свет можно было разглядеть центральную колонну. На ней стояла фигура больше натуральной величины, если, конечно, жители зданий не были гигантами. И статуя была сделана не из камня, а из какого-то

белого материала, на котором время не оставило следов. При виде статуи и Картр, и Рольтх замерли на полушаге.

Это была девушка с поднятыми над головой руками, с гривой волос, свободно падающих до тонкой талии. В поднятых руках она держала им обоим знакомый символ — пятиконечную звезду. Из лучей звезды вырывались струи воды. А девушка... Девушка была не бемми, она была таким же гуманоидом, как и они.

— Это Полета, дух весеннего дождя... — Картр вспомнил легенду своей сожженной планеты.

— Нет, это Ксити Морозная! — у Рольтха тоже нашлись воспоминания, связанные с его тенистым, холодным миром.

На секунду они почти гневно взглянули друг на друга, потом оба улыбнулись.

— Она и то, и другое... И ничего из этого... — сказал Рольтх. — У этих людей был свой идеал красоты. Но по глазам и волосам ясно, что она не с Фальтхара. А по ушам видно, что она не из ваших...

— Но почему? — Картр в изумлении смотрел на статую. — Почему же кажется, что я всегда знал ее? И эта звезда...

— Обычный символ. Ее можно видеть на сотнях планет. Нет, она просто идеал красоты, а потому действует и на нас.

Они неохотно оставили фонтан и вышли на широкую улицу, ведущую прямо к центру города. Время от времени в воздухе перед зданиями появлялись непонятные светящиеся знаки. Рейнджеры миновали помещения, которые могли служить магазинами, видели паутину проводов, уходящих в окна. Вдруг Картр схватил Рольтха за руку и быстро увлек под прикрытые двери.

— Робот! — сержант почти прижался губами к уху товарища. — Я думаю, он патрулирует.

— Мы можем избежать его?

— Зависит от того, какого он типа.

Они могли руководствоваться только прошлым опытом, они знали, что патрули роботов смертельно опасны. Те, с которыми им приходилось иметь дело, могли быть ликвидированы только путем замыкания. А это трудная и опасная операция. В противном случае робот сжигает все, что не вписывается в охраняемое им место и не может отозваться условленным паролем. Именно этого опасались рейнджеры на посадочной площадке. Теперь же, когда у них не было везде-

хода, обеспечивающего возможность быстрого отступления, встреча с таким роботом была еще опасней...

— Либо робот местный, либо...

— Либо его привез арктурианин, — закончил Рольтх. — В последнем случае мы знаем, как с ним справиться. С туземным же...

Он перестал шептать, услышав слабый звон металла о камень. Картр выпрямился и посветил фонариком над головой. Дверь, в проеме которой они укрылись, была невысока. Над ней виднелся карниз, а еще выше — темное окно. У Картра начал складываться план.

— Внутри..., — сказал он Рольтху. — Постарайся добраться до второго этажа и через окно выбраться на карниз. Я отвлеку внимание робота, а ты сможешь сверху выжечь его мозг...

Рольтх скользнул во тьму, которая для него не была препятствием. Картр прислонился к двери. С неприятным ощущением в желудке он подумал, что начинается состязание в скорости. Если робот появится раньше, чем Рольтх доберется до карниза... И если он, Картр, не сумеет уклониться от первого нападения патрульного!.. К счастью, ему не пришлось слишком долго размышлять над этими возможностями.

Он увидел патрульного. Тот находился в конце квартала. Его металлическое тело отражало пляшущие огни. Сержант был почти уверен, что в галактических городах такого робота он раньше не видел. Круглый купол головы, паучья тонкость рук и ног, грациозность и легкость движений — все соответствовало архитектуре города.

Робот приближался спокойно и неторопливо. Перед каждой дверью он останавливался и освещал пространство за ней лучом, исходящим из головы. Очевидно, это был обычный обход.

Тут сержант вздохнул с облегчением. Рольтх добрался до карниза и теперь лежал вне поля зрения робота. Если только робот обычного образца и его можно замкнуть через голову!

Добравшись до соседней двери, робот остановился. Картр замер. Дело могло обернуться хуже, чем он думал. Должно быть, робот обладал какими-то особо чувствительными органами. Он заподозрил присутствие чужих. Свет не вспыхнул, и робот стоял неподвижно, как будто удивляясь или принимая решение.

Может, посылает в какой-то центр сигнал тревоги?

Но вот рука его шевельнулась.

— Картр!

Хотя Картр не обладал ночным зрением, в этом предупреждении он не нуждался. Он уже понял, что собирается делать патрульный. Картр упал и рывком откатился в сторону. И тут же вспыхнуло обжигающее пламя, превратившее вход в пылающий ад. Только тренированные мышцы и шестое чувство — чувство реальной опасности — спасли его от участи сгореть в этом аду.

Потрясенный, он пополз на животе. Подальше от этого всеожжения! Будет ли робот его преследовать?

Звук шагов...

— Картр! Картр!

Он уже сидел, когда Рольтх вылетел из—за угла и чуть не упал на него.

— Ты ранен? Он задел тебя?

Картр криво усмехнулся. Хорошо быть живым. Он сморщился, когда руки Рольтха коснулись обожженной кожи.

— Что с...

— С мешком железа? Я выжег дырку в его голове, и он упал. Он не задел тебя?

— Нет.

Погибший робот кое—что разъяснил относительно создавшей его цивилизации. Они использовали атомную энергию... Картр с отвращением посмотрел на след взрыва. Прожечь такую дыру в центре города, чтобы убрать кого—то! Интересно, что бы они подумали о парализующих ружьях?

С помощью Рольтха Картр встал. Он надеялся, что не сломал вторично запястье, и что боль в руке — лишь следствие удара при падении.

— У меня такое чувство... — начал Картр и обрадовался, что Рольтх не убрал руку. Он чуть не упал, но Рольтх удержал. — Такое чувство, что нам лучше побыстрее убраться отсюда...

Его преследовало воспоминание о паузе перед нападением робота. Картр был уверен, что патрульный послал сообщение... Куда? Если город управлялся машинами, действующими поколение за поколением после смерти последнего жителя, тогда такое сообщение не представляло угрозы. Разве что будут приведены в действие другие машины. Но если робот контролировался арктурианином, тогда рейнджеры успешно отразили первое нападение лишь для того, чтобы встретиться с новым, гораздо более опасным.

Когда Картр высказал свои соображения вслух, Рольтх согласился с ним.

— Мы не можем возвращаться прежним путем. — фальтха-рианин указал на огненное пятно, бывшее прежде дверью. — К тому же на улице нас могут поджидать. Послушай, этот город чем—то напоминает мне Стиллиу...

— Слышал о ней, но никогда не был там.

— Столица Лидиаса—I, — нетерпеливо сказал Рольтх. — Там население старомодное и все еще живет в больших городах. У них есть система подземных коммуникаций.

— Гм—м... — Картру не составило труда сделать вывод. — Идти вниз и постараться найти выход. Ладно. Сейчас самое время уходить. Поищем спуск.

Но, к их замешательству, пути вниз, по—видимому, не было. Они шли комнатами и залами, проходили мимо обломков мебели и странных машин, над которыми в другое время могли бы размышлять часами. Выхода не было. Им встретились лишь две лестницы, ведущие вверх.

То, что им было нужно, они обнаружили в центре одной из комнат. Темный колодец — черная дыра, в которой фонарь Картра не мог нащупать дна. Однако фонарь все же помог им. Картр неожиданно выронил его. Вскрикнув, он попытался поймать фонарь, но опоздал. Неожиданно Рольтх разразился потоком фраз. В возбуждении он перешел на родной язык, и Картр потребовал, чтобы он перевел.

— Он не упал! Опускается вниз... Опускается!

Сержант заглянул в колодец.

— Антигравитационный спуск! И все еще работает!

Он не мог поверить своим глазам. Может, антигравитационные лучи удерживают лишь небольшой предмет, но человека...

Прежде, чем он успел возразить, Рольтх перегнулся через край.

— Работает! Все в порядке!

И он исчез. Голос его донесся из шахты:

— Стою на воздухе. Присоединяйся! Это прекрасно!

Прекрасно, может быть, для самого Рольтха, который видит, что делает. Спускаться в эту черную пасть, надеясь, что механизм сработает!.. Не в первый раз в своей жизни Картр проклял свое слишком живое воображение. Невольно закрыв глаза, он пробормотал молитву духу космоса и встал на воздух.

Действует! Воздух ощутимо сомкнулся вокруг его тела. Картр спускался, как перышко на ветру. Далеко внизу он увидел голубой свет фонаря Рольтха. Тот уже достиг дна.

Картр подобрал ноги и постарался не врезаться в эту светящуюся точку.

— Счастливой посадки! — приветствовал Рольтх сержанта.
— Смотри, что я нашел.

Рольтх обнаружил платформу, переходящую в туннель. К стене тонкой цепочкой был прикреплен маленький экипаж с единственным креслом в центре. Руля не было. Машина не касалась пола, а висела над ним примерно в футах.

Перед сидением располагался пульт с рычажками. Приборы управления? Как с их помощью управлять машиной? Просто углубиться во тьму, рискуя столкнуться неизвестно с чем? Слишком рискованно. Встретиться с батальоном патрульных роботов менее опасно, чем оказаться в ловушке в подземной темноте.

— Сюда!

Картр чуть не подпрыгнул. Второй рейнджер дошел до конца платформы и теперь освещал стену фонариком. Сержант едва видел в тусклом свете. Рольтх что-то обнаружил. Схема пересекающихся линий. Должно быть, план подземных туннелей. В прошлом им приходилось решать и более трудные задачи. Вскоре они знали, какой путь ведет к центру города.

Десять минут спустя они вдвоем втиснулись на узкое сидение. Рольтх нажал две кнопки, а Картр отсоединил цепь. Понеслось слабое гудение. Они понеслись во тьму, и в лицо им ударил затхлый воздух туннеля.

6. Жители города.

— Прибыли... — прошептал Рольтх.

Машина пошла медленней, приближаясь к правой стороне туннеля. Впереди забрезжил свет. Должно быть, другая платформа. Им потребовалось ровно пять минут, чтобы добраться до этого места. Другое дело, то ли это место, которое им нужно. Они стремились к пункту, который, по их мнению, находился прямо под большим общественным зданием в центре города.

— Есть кто-нибудь впереди? — спросил Рольтх, полагаясь, как обычно, на способности Картра.

Сержант послал пробную мысль и покачал головой.

— Никого. Либо они не знают об этих путях, либо не интересуются ими.

— Я склонен считать, что не знают.

Фальтхарианин ухватился за перила платформы. Картр выбрался из машины и огляделся. Помещение было, по крайней мере, вдвое больше того, из которого начался их путь. Туннели отходили от платформы в нескольких направлениях. Платформа была освещена, но неярко, так что Рольтху не нужно было надевать очки.

— Как же нам отсюда выбраться?

Рольтх осматривал станцию. Другие туннели были перед ними, но первый осмотр не дал указаний на существование выхода. Однако Картр был уверен, что выход здесь имеется. Об этом свидетельствовал воздух — легкий ветерок, более теплый и менее затхлый, он касался их лиц. Рольтх, должно быть, тоже уловил его, потому что он повернулся в направлении, откуда шел ток воздуха.

Следуя за этим чуть ощутимым проводником, они пришли к круглой плоской плите на дне другой шахты. Картр выворачивал шею, пока не заболело в горле. Далеко вверх виднелся слабый свет. Но они же не могут карабкаться... Разочарованный, он повернулся к Рольтху.

— Можно возвращаться...

Но фальтхарианин углубился в изучение панели с кнопками на стене.

— Не думаю. Посмотрим, работает ли!..

Он нажал верхнюю кнопку и тут же сжал плечо товарища: плита начала подниматься, и они вместе с нею взмыли наверх.

Оба рейнджера инстинктивно присели. Картр сглотнул, чтобы уменьшить гудение в ушах. По крайней мере, подумал он с благодарностью, шахта не закрыта сверху. Их не разобьет о крышку.

Дважды пролетали они мимо других платформ, примыкавших к шахте. Картр закрыл глаза. Ощущение бесконечного подъема на лифте было не из приятных. Вряд ли он захочет испытать его снова. Он вспомнил, как некогда испытал приступ паники: во время ремонта корпуса в полете он потерял страхующую веревку и отплыл от корабля. В этот раз ощущение было аналогичным.

— Прибыли...

Картр открыл глаза, удовлетворенный дрожью в голосе Рольтха. Итак, фальтхарианин наслаждался подъемом не больше его.

Где они? Сержант почти на четвереньках сполз с плиты и огляделся. Помещение, в котором они находились, было хоро-

шо освещено. Над головой, поднимаясь на головокружительную высоту, громоздились этаж за этажом галереи, идущие от центра. Но тут Картра отвлек от наблюдения крик Рольтха:

— Она... она ушла!

Фальтхарианин широко раскрытыми глазами смотрел на пол. Плита—лифт, на которой они поднялись, исчезла, и пол, насколько мог видеть Картр, был сплошным, без единой щели.

— Она опустилась. — Теперь Рольтх лучше владел своим голосом. — А сбоку выдвинулся блок и закрыл отверстие.

— Может быть, именно поэтому подземные пути не были обнаружены, — предположил Картр. — Допустим, шахта открывается, когда внизу к платформе из туннеля прибывает машина.

— Пока мы не оставим это проклятое место, я буду держаться подальше от середины помещений, — сказал Рольтх. — Вдруг окажешься на плите в тот момент, когда внизу кто—то прибует. Настоящая ловушка!

И он осторожно, прощупывая пол при каждом шаге, направился к ближайшей двери. Картр был склонен последовать его примеру. Как заметил фальтхарианин, невозможно предсказать, как начнет действовать древняя механика. Ему в голову пришла мысль: а вдруг именно появление их вездехода активизировало робота и вызвало весь эпизод с патрульным?

Но несколько секунд спустя он ощутил чувство потенциальной угрозы, гораздо более серьезной, чем исходящей от машин. Впереди какое—то неизвестное живое существо. Арктурианин? Нет. Чужой мозг, которого он коснулся, не был так силен. Тот, кто находился впереди, не обладал способностью прощупывать мысли. Пока он не увидит их, Картр может не опасаться, что их присутствие будет обнаружено. Рольтх понял знак сержанта. Оба положили руки на рукоятки бластеров.

Однако зал за первой дверью оказался пуст. Он был квадратным и уставленным скамьями из материала, весьма похожего на молочное стекло. Неяркий свет исходил от стен, и в этом свете молочная поверхность искрилась. В противоположной стене находились две двери, вдвое превышающие рост Картра. На них он увидел скульптурное изображение: стилизованная листва. И именно за этими дверями находился кто—то живой.

Сержант, блокируя все прочие впечатления, сосредоточился только на этой скрытой впереди искре жизни. Он был рад

тому, что неизвестный не сенситив, что можно касаться его мозга, не выдавая своего присутствия.

Человек. Сенситивность — 3.5, не больше. При четырех он уже смутно ощутил бы присутствие чужого и забеспокоился, а при пяти немедленно обнаружил бы его присутствие. Однако сержант ощущал лишь упадок духа и умственную усталость. И это не пират. И не пленник пиратов. Впечатление насилия в прошлом или настоящем отсутствовало.

Но ...

Картр уже было взялся рукой за широкую ручку двери. Но в этот момент кто-то присоединился к человеку за дверью. После первого же пробного контакта сержант мгновенно отступил. Арктурианин! Он узнал этот мозг и понял, что сам тоже обнаружен. Арктурианин знал, что они здесь, как если бы его взгляд мог проникать сквозь камень. И Картр закусил губу. Арктурианин как будто поймал их на приманку, заставив обнаружить себя. Но если это так... В зеленых глазах рейнджера сверкнуло пламя. Он сделал знак Рольтху.

Тот неохотно убрал руку с бластера. Картр критически осмотрел его, потом взглянул на свою одежду. Блисовая кожа ничем не выдавала пребывание в густых джунглях. Значки со сверкающими кометами по-прежнему блестят на груди и шлемах. И, хотя к ним добавлено изображение стрелы и листа, это все равно знак патруля. Владелец такого значка имеет право появляться в любом месте галактики без разрешения. В сущности, он сам должен требовать у других объяснения.

Картр потянулся к ручке двери. Обе половинки двери ушли в стены, образовав проход, достаточно широкий для шести человек.

За дверью свет, исходящий от стен, был гораздо ярче, он сосредотачивался на овальном столе в самом центре помещения. За таким столом мог бы собраться весь экипаж крейсера. Стол был выполнен из молочного камня, из того же камня были сделаны и огибающие его скамьи.

За столом неподвижно сидели два человека. Картр успел заметить, что рядом с более высоким, арктурианином, на столе лежит бластер. Увидев знаки патруля, арктурианин быстро вскочил, на лице его появилось изумленное выражение. Второй, меньшего роста, облизал губы, и Картр почувствовал, как его изумление тут же перешло в радость.

— Патруль!

Это произнес арктурианин. В его голосе радость не звучала, но мозговой блок был на месте, и Картр не мог установить, что скрывается за этими черными загадочными глазами.

Эти двое не пираты. Оба одеты в разноцветные туники фантастического покроя — излюбленные одежды упадочных цивилизаций внутренних систем. И бластер на столе был их единственным оружием. Картр двинулся вперед.

— Кто вы такие? — спросил он, подражая манерам и голосу Джексена.

Он никогда раньше не исполнял обязанности патрульного, но пока у него знак кометы, ни один штатский не заподозрит этого.

— Джойу Кумми, лорд вице—сектора Арктура, — почти насмешливо ответил высокий. Он держался с высокомерием, присущим его расе. Это мой секретарь, Фортус Кан. Мы были пассажирами на «Каллеле Х451». На нее напали пираты, и она ушла в овердрайв в поврежденном состоянии. Выйдя из овердрайва, мы обнаружили, что корабельный компьютер вышел из строя, и мы находимся в совершенно незнакомом районе галактики. У нас хватило горючего на две недели полета, а потом мы были вынуждены приземлиться здесь. С тех пор мы все время пытаемся связаться с кем—нибудь, но не знали, что нам удалось. Вы с...

Лорд вице—сектора? К тому же арктурианин. Картр понял, что ступил на опасную почву. Этот Джойу Кумми, решил он, не должен узнать, что патруль вовсе не прибыл спасать потерпевших крушение, что они в таком же положении. Что—то здесь неправильно. И Картр был начеку. Но если нельзя прочесть мозг арктурианина, то нужно хотя бы скрыть собственные мысли.

— Рейнджер Рольтх и сержант Картр, приписанные к «Звездному пламени». Мы обязаны сообщить о вас нашему командиру.

— Значит, вы явились сюда не в связи с нашим сигналом?

Это вступил в разговор Фортус Кан. На его лице появилось выражение разочарования.

— Мы выполняем обычный разведывательный полет, — холодно ответил Картр.

С каждым моментом напряжение усиливалось. Блок арктурианина был мощный, но он не мог скрыть все эмоции. И не пытался.

По шкале сенситивности арктурианин достигал 5.9. Но если Кумми никогда раньше не встречал кого—нибудь из расы Картра, а это маловероятно, так как они почти никогда не улетали со своей планеты, он не мог догадаться, что перед ним 6.6.

Голос Фортуса Кана перешел в вопль.

— Значит, вы не сможете забрать нас отсюда? Вы не можете вызвать помощь!..

Картр покачал головой.

— Я доложу о вашем присутствии командиру. Сколько вас?

— Сто пятьдесят пассажиров и двадцать пять членов экипажа, — ответил Джойу Кумми. — Как вы добрались до этого места незамеченными? Мы активизировали найденных патрульных роботов.

Его прервал Фортус Кан, и Картр заметил что это рассердило арктурианина.

— Вы уничтожили патрульного? На проспекте Кумми!

Проспект Кумми! Картр понял значение сказанного. Итак, здесь правит лорд вице—сектора, причем в такой форме, что дал свое имя главной улице города.

— Мы дезактивировали робота в городе, который считали покинутым, — ответил Картр. — Поскольку то, что мы здесь обнаружили вас, очень важное открытие, мы прервем разговор и немедленно вернемся в свой лагерь.

— Конечно, — Кумми превратился в исполнительного чиновника. — Мы сумели привести в действие несколько наземных машин. Одна из них отвезет вас...

— Мы полетим, — быстро возразил Картр. — А к вездеходу мы вернемся прежним путем. Долгой жизни, лорд вице—сектора!

Он поднял руку в традиционном приветствии. Но уйти далеко не удалось.

— Вас доставят до вашего вездехода, сержант. Есть и другие роботы—патрульные, и для вас же безопасней, если ваш провожатый будет знать пароль. Мы не можем рисковать членами патруля...

Картр не решился отказаться от такого внешне разумного предложения. И все же... Он знал, что за этим что—то кроется. Он чувствовал холодок страха в позвоночнике, и это чувство в прошлом много раз спасало ему жизнь. Если бы он мог прошупать мозг Фортуса Кана! Но он не решился на это в присутствии арктурианина.

— Я думаю, не стоит возбуждать наших людей сообщением о вашем прибытии, — продолжал лорд, провожая рейнджеров в прихожую. — Конечно, их подбодрит известие об установлении контакта с патрулем. Особенно теперь, когда после пяти месяцев передач по слабенькому коммуникатору мы уже считали, что обречены провести здесь остаток жизни. Но я предпочитаю обсудить положение с вашим командиром, прежде чем вызвать у них надежду. Вы, вероятно, заметили, как реагировал на ваше появление Кан. Он увидел в этом обещание немедленного возвращения к благам цивилизации. И поскольку корабль не сможет забрать всех сразу, нужно провести кое—какую подготовку...

Дважды во время своей речи арктурианин сделал попытку проникнуть в мозг Картра... или установить над ним контроль? Но сержант был начеку и теперь знал, что Кумми получит лишь представление о патрульном корабле, севшем в отдаленном районе, кораблем этим командует бдительный и умелый командир, и с таким человеком трудно будет иметь дело штатскому администратору.

— Я считаю это мудрым решением, лорд вице—сектора, — вставил Картр, воспользовавшись первой паузой. — Значит, вы уже пять месяцев находитесь здесь, в городе?

— Не с самого начала. Аварийная посадка произошла в нескольких милях отсюда. Но при спуске мы зарегистрировали город, и после посадки смогли отыскать его без особого труда. Механизмы города оказались в удивительно исправном состоянии. Конечно, наличие в экипаже Трайора Винка и двух его помощников оказалось дополнительной удачей. Он — техник—механик с линии Капеллы. И здешние машины совершенно поглотили его. Он считает, что обитатели города в некоторых отношениях превосходили нас. Да, нам повезло.

Они пересекли помещение со скрытой ходовой шахтой лифта и вышли на просторный балкон, нависавший над таким огромным залом, что Картр почувствовал себя в нем песчинкой. С балкона в зал вела лестница. Ступени ее были так широки, что, казалось, предназначались для гигантов. Из зала через колоннаду в форме древесных стволов выход вел на улицу.

— Кумбас!

Ожила фигура, прислонившаяся к одной из колонн.

— Отведи патрульных к вездеходу. Я не прощаюсь, сержант, — Лорд повернулся к Картру. Значительное лицо, вели-

кодушно разговаривающее с подчиненным. — Мы скоро снова встретимся. Вы хорошо поработали, и мы вам благодарны. Передайте вашему командиру, что мы ждем от него сообщений.

Картр отсалютовал. Во всяком случае арктурианин не настаивал на том, чтобы сопровождать их до вездехода. Кумми ждал, пока они не уселись в маленький наземный экипаж. Водитель двинул его с места.

Когда они отъехали от здания, Картр обратил внимание на водителя. Этот щетинистый еж черных волос с просветами коричневого, эти длинные челюсти... Так вот почему Кумми отпустил их одних! Неудивительно, что он не считал необходимым самому сопровождать их. Он все равно с ними, хотя и не телесно. Их водитель — капеец, совершенный слуга, чей мозг настроен на волну действия в пользу хозяина.

Как будто что-то скользкое коснулось кожи Картра. У него было врожденное отвращение сенситива к подобным созданиям. И теперь он должен... Сама мысль об этом переворачивала пустой желудок. Худшей задачи он никогда перед собой не ставил. Придется погрузиться в этот мозг так, чтобы хозяин его ничего не заподозрил, и поместить туда ложные воспоминания...

— Куда?

Даже этот голос болезненно отдавался в нервах.

— По этой широкой улице, — сквозь стиснутые зубы приказал Картр.

Он сжал руку Рольтха. Фальтхарианин не шелохнулся, но ответил легким пожатием.

Картр начал. Рот его кривился от отвращения, мозг и тело в равной мере сопротивлялись воле, принуждавшей их. Было даже хуже, чем он ожидал. Контакт иссушал, опустошал его. Но он продолжал. Неожиданно экипаж свернул в проезд и остановился. Во дворе они оставались в машине, пока Картр не довел тошнотворную схватку до конца. Голова капейца упала на грудь, и он осел в кресле водителя.

Рольтх вышел. Картру пришлось напрячь все силы, чтобы последовать за ним. Он ухватился за дверцу и повис. Его тошнило. Рольтх подхватил его трясущееся тело, и с помощью фальтхарианина Картр вышел на улицу.

— Вперед! — слово было произнесено с трудом между приступами рвоты.

— Да, я вижу...

Чувствительные глаза Рольтха улавливали слабый фон радиации. Они находились в четырех кварталах от того места, где робот выстрелил им в дверь. А оттуда они легко найдут дорогу к вездеходу.

Рольтх не задавал вопросов. Он шел рядом, готовый поддерживать, излучающий успокоительное тепло искренней дружбы. Чистой! Чистой? Картр подумал, почувствует ли он себя когда-нибудь чистым. Как может сенситив — пусть даже арктуринин — иметь дело с таким существом? Но не нужно думать о капейце.

Когда они добрались до места атомной вспышки, Картр уже шел уверенно. Как только они обнаружили круги, оставленные фонариком фальтхарианина, ходьба сменилась бегом. Когда они добрались до вездехода, Картр сказал:

— Будем уходить ломаным курсом. Возможно, они все же следят за нами.

Рольтх хмыкнул в знак согласия. Вездеход взмыл в воздух. В лицо им ударил холодный ветер, предвестник рассвета. Картру хотелось, чтобы ветер смыл все воспоминания о встрече с кап—псом.

— Ты не хочешь, чтобы они знали о нас? — это был полувопрос, полуутверждение.

— Пусть решает Джексен, — ответил Картр, охваченный всепоглощающей усталостью. Ему хотелось лечь и уснуть, но он не мог. И он заставил себя объяснить Рольтху, чего им следует опасаться в будущем.

— Этот водитель был кап—пес. И что-то здесь подозрительно, крайне подозрительно.

Рольтх не был сенситивом, но как рейнджер знал достаточно. Он выпалил пару слов на своем лающем родном языке.

— Мне пришлось поместить в его мозг ложные воспоминания. Он доложит, что довез нас до вездехода, расскажет, о чем мы разговаривали в пути, укажет направление, в котором мы улетели ...

— Так вот что ты делал!

Рольтх отвел взгляд от индикаторов и посмотрел на товарища со смешанным выражением ужаса и восторга.

Картр расслабился и откинул голову на спинку сидения. Теперь, когда они удалились от огней города, на небе появились бледные звезды. Что сделает Джексен? Прикажет ли он соединиться с жителями города? А Кумми? Чем сейчас тот занимается?

— Ты не доверяешь арктурианину? — спросил Рольтх, когда они легли на правильный курс, ведущий к лагерю.

— Он арктурианин, ты их знаешь. Он лорд вице—сектора, и, несомненно, безраздельно командует в городе. И... он не откажется от власти...

— Значит, он недоволен появлением патруля?

— Возможно. Лорды секторов в наше время своевольны, повсюду идет борьба за власть. Хотел бы я знать, почему он летел на обычном пассажирском корабле. Если он...

— Если он убегал из какого—нибудь горячего места, то он был бы только рад найти здесь новое королевство. Да, я могу это понять, — сказал Рольтх.

Вездеход плавно свернул направо. Рольтх выключил главный двигатель, оставив только экраны парения. Они медленно двигались новым курсом. Это увеличит на час время возвращения, но зато из города их не смогут засечь.

Остальную часть пути они почти не разговаривали. Картр несколько раз начинал дремать и всякий раз просыпался в кошмаре. Мозг его требовал полного отдыха. С трудом он пытался строить планы на будущее. Он доложит ситуацию Джексену. Офицер не доверяет впечатлениям сенситива, он может не поверить беспокойству Картра. А у сержанта не было доказательств тому, что, чем дальше они будут держаться от Кумми, тем лучше. Почему он боится Кумми? Потому что тот арктурианин, тоже сенситив, или из—за кап—пса? Почему он так уверен, что лорд вице—сектора — опасный враг?

7. Рейнджеры держатся вместе.

— И вы должны признать, что его объяснение достаточно правдоподобно...

Картр смотрел на Джексена через плоский каменный обломок, служивший им столом.

— Город прекрасно сохранился, — безжалостно настаивал офицер. — К тому же в отряде с Х451 оказались механики, которые смогли оживить его...

Сержант устало кивнул. Ему следовало бы явиться на это состязание воли с ясным умом и отдохнувшим телом. Он же, напротив, испытывал в этот момент физическую и умственную

ную усталость, с трудом выслушивая неодобрительные замечания Джексона.

— Если все это правда, — Джексен в третий раз повторил то, что казалось ему логичным и разумным заключением, — я не понимаю вашего нежелания, Картр. Если только.... — тут он начал излучать явную враждебность, но уставший Картр не прореагировал на это. — Если только ваше отношение к арктурианину не вызвано личными причинами. — Он замолчал, и его враждебность сменилась чувством, близким к симпатии. — Разве не арктурианин отдал приказ сжечь Илен?

— Насколько мне известно, это вполне возможно. Но не в этом причина моего недоверия к этому Джойу Кумми, — начал было Картр, собрав остатки терпения.

Не было смысла говорить, что Кумми использовал кап-пса. Только сенситив мог понять ужас этого. Джексен нашел объяснение, которое ему кажется разумным, и теперь будет держаться его. Сержант давным-давно понял, что несенситивы относятся с глубоким недоверием к возможностям мысленного контакта, а некоторые даже не признают его существования. Джексен по существу принадлежал к таким. Он поверил бы в способность Картра применительно к животным и чужакам—негуманоидам, но внутренне отвергал возможность чтения человеческого мозга. Спорить нет смысла. Картр вздохнул. Он сделал все, что мог, чтобы предотвратить следующий шаг Джексона. Теперь остается только ждать, пока обнаружится опасность, которую таит в себе город.

И вот они присоединились к уцелевшим с Х451 и признались, вопреки мнению Картра, что их собственный корабль разбит. Джойу Кумми встретил их вежливо и гостеприимно. Выбором занялся корабельный врач. Роскошные помещения, соседствующие с апартаментами лорда вице-сектора, как с подозрением отметил Картр, были отведены для экипажа и офицеров.

Рейнджерам, однако, оказали более холодный прием. Картру и Рольтху дали понять, что как гуманоиды они считаются равными всем остальным подданным королевства. Но арктурианин Кумми лишь слегка кивнул Зинге и Филху и ничего не сказал о помещении для них. Картр собрал свой маленький отряд в центре большой комнаты, где их, вероятно, нельзя было подслушать.

Когда они, скрестив ноги, сели на пол, Зинга сказал:

— Если вы будете утверждать, что запах этих залов далек от ароматов тех цветов, я с вами соглашусь.

Он повернулся к Картру.

— И долго еще обрывки лояльности будут заставлять тебя мириться с таким положением?

Когти Филха поскребли жесткие чешуйки рук.

— Рейнджеры должны говорить только тогда, когда к ним обращаются. А рейнджеры—бемми должны позволять своим господам решать, что для них лучше. Они должны быть исполнительными, скромными и знать свое место.

Картр сдерживался с той самой поры, когда его мнением пренебрегли и явились сюда, в место, которое он считал ловушкой. Но тут он не выдержал.

— Хватит. Я уже слышал подобное.

— Зинга прав, — Рольтх не обратил внимания на вспышку Картра. — Либо мы принимаем все существующие здесь условия... либо уходим, если сможем. И, может быть, у нас совсем не осталось времени на размышления.

— Если сможем..., — повторил Зинга с улыбкой, демонстрирующей не веселье, а множество острых зубов. — Это чрезвычайно интересное предложение, Рольтх. Любопытно, были ли... или есть... в составе экипажа и среди пассажиров Х451 бемми? Вы заметили, что применительно к ним я склонен использовать прошедшее время? Мне кажется, что так правильнее.

Картр рассматривал свои коричневые руки: одну, выступающую из грязной перевязи, другую, отдыхающую на колене. Руки исцарапанные, огрубевшие, с обломанными ногтями. И хотя он внимательно изучал каждую царапину, мысли его были заняты словами Зинги. Нет... Он не собирается мириться с положением. Надо начать кое-какую подготовку.

— Где наши мешки? — спросил он у Зинги.

— Эти сокровища перед нашими глазами. И если нужно будет в спешке уходить, мы сможем это сделать со всем походным оборудованием.

— Я предложу Джексену, чтобы рейнджеры жили отдельно, в общем помещении... — медленно сказал Картр.

— В западном углу этого здания есть трехэтажная башня, — вмешался Филх. — Отступим к этому высокому насесту. Может быть, они будут настолько рады избавиться от нас, что разрешат это?

— Позволить, чтобы нас закрыли, как в бутылке? — спросил Зинга с ядом в свистящем голосе.

Филх раздраженно шелкнул когтями.

— Ничего подобного. Вспомните, мы имеем дело с горожанами, а не с исследователями. Для них все возможные входы и выходы — это окна и двери.

— Значит, в твоей хваленной башне есть что-то, не вошедшее в этот каталог? И оно послужит нам выходом? — бледные губы Рольтха изогнулись в легкой улыбке.

— Естественно, иначе я бы не предложил ее в качестве убежища. Во внешнюю стену вделан для украшения ряд колец. Это все равно, что лестница для тех, кто знает, как пользоваться руками и ногами ...

— И закрывает глаза, делая это, — простонал Зинга. — Иногда я хочу быть штатским и вести жизнь мирную и безопасную.

— Позволим этим людям считать, что они провели нас. — К Филху вернулось его обычное хорошее настроение. — Если захотят, они поставят охрану у единственной лестницы, ведущей в башню.

Картр кивнул.

— Повидаюсь с Джексоном. В конце концов, хотя мы и рейнджеры, но принадлежим к патрулю. И если мы хотим жить вместе, ни один штатский не имеет права запрещать нам... Даже лорд вице—сектора! Сидите тихо!

Он встал, а трое рейнджеров кивнули. Хотя они и не сенситивы — впрочем, Картр подозревал, что Зинга обладает способностями, схожими с его собственными, — но знают, что их только четверо в потенциально опасном окружении. Нужно добраться до башни Филха!

Однако ему пришлось долго дожидаться Джексона. Офицер сопровождал Вибора к врачу. А когда Джексен вернулся и обнаружил ожидающего его Картра, то был далек от сердечности.

— Что вам здесь нужно? Вас спрашивал лорд вице—сектора. У него есть для вас приказы...

— С каких это пор, — прервал его Картр, — этот лорд вице—сектора имеет право отдавать приказы патрульным? Он может советовать и просить, но не приказывать любому из тех, кто носит знак кометы — патрульному или рейнджеру.

Джексен подошел к окну, постоял, постукивая пальцами по подоконнику, повернувшись спиной к сержанту. Он не обернулся, даже отвечая.

— Мне кажется, вы не совсем понимаете наше положение, сержант. У нас нет корабля. Мы...

— А разве корабль необходим?

Но, может быть, правда именно в этом, подумал он. Может, для Джексена и экипажа необходим корабль. Без него они беззащитны.

— Именно этого я и опасался, когда возражал против переселения сюда, — более спокойно продолжал Картр. Он должен был сказать это, не думая о вежливости.

В подобных обстоятельствах у нас не было выбора. — Прежний Джексен на мгновение проглянул в этом взрыве. — Великий космос, что же вы хотели, чтобы мы жили в дикости, когда есть такая возможность? А командор? Он нуждается в медицинской помощи. Только...

Он замолчал, не dokonчив.

— Почему вы замолчали, сэр? Только варвар—рейнджер может спорить с этим? Вы это хотели сказать? Что ж, я варвар, и считаю, что лучше было бы оставаться свободным, чем приходить сюда. Но давайте объяснимся. Правильно ли я понял, что вы передали власть патруля Джойу Кумми?

— Плохо, когда власть разделена. — Джексен по—прежнему не оборачивался и не смотрел в глаза Картру. — Каждый человек должен сделать свой вклад, чтобы помочь общине. Джойу Кумми имеет доказательства, что приближается сезон жестоких холодов. Наш долг — помочь подготовиться к этому. Он хочет послать вас на охоту. Здесь есть женщины и дети ...

— Понимаю. И рейнджеры должны заняться охотой. Что ж, нужно подготовиться. А тем временем мы хотим занять отдельное помещение.

— Вам с Рольтхом отведены помещения с нами, здесь.

— Рейнджеры предпочитают держаться вместе. Как вы знаете, политика патруля всегда была такова. Или патруль совершенно перестал существовать?

Если бы не усиливающееся беспокойство, Картр не стал бы добавлять этого.

— Послушайте, Картр, — Джексен отвернулся от окна. — Не время ли посмотреть в лицо действительности? Нам придется провести здесь всю жизнь. Нас семеро человек против почти двухсот... И эти двести хорошо организованы.

— Семеро? — переспросил Картр. Если считать и командора, нас девять.

— Людей, — Джексен подчеркнул это слово.

Вот что! Картр уже давно боялся услышать это.

— Четыре рейнджера и пять членов экипажа, — упрямо повторил он. — И рейнджеры... держатся вместе!

— Не будьте дураком!

— К черту мне это преимущество! — Картр теперь был холоден, как лед. — Похоже, остальные довольны?

— Вы — человек. Вы принадлежите к своей расе. А эти чужаки... Они ...

— Джексен! — Картр раз и навсегда отбросил мысль о том, что офицер — его начальник. — Я знаю все эти заезженные шаблонные аргументы. Я слышу их с тех пор, как вступил в патруль. Не стоит снова перечислять их ...

— Вы полный идиот! С тех пор, как вступили в патруль? И давно это было? Восемь лет? Десять? Вы еще щенок! С тех пор, как вступил в патруль! Вы ничего не знаете... о проблеме бемми! Только варвар...

— Я уже согласился с этим. У меня странные вкусы в выборе друзей. Признаем это и прекратим разговор.

Картр снова овладел собой.

Ясно, что Джексен пытался оправдать свое нынешнее поведение не только перед Картром, но и перед собой.

— Позвольте мне идти к смерти собственным путем. Или у Кумми правило: «Люди должны держаться друг друга против бемми.»?

Джексен отвел взгляд.

— У него... сложные предрассудки. Не забывайте, он арктурианин. У них были проблемы в отношениях с негуманоидами в собственной системе ...

— И они очень аккуратно решили эти проблемы, хладнокровно уничтожив всех чужаков!

— Я забыл, что вы настроены против арктуриана...

— Мои чувства к арктурианину, которые, должен сказать, отличаются от ваших, не имеют никакого отношения к данному вопросу. Я просто отказываюсь разделять такие взгляды в отношении бемми. Если лорд вице—сектора хочет, чтобы рейнджеры охотились для него, пусть будет так. Но мы сохраняемся как единый отряд. И если нам попытаются помешать... Что ж, мы готовы ко всему.

— Послушайте! — Джексен яростно пнул лежащий на полу спальный мешок. — Подумайте еще, Картр! Мы проведем здесь остаток жизни. Нам исключительно повезло: Кумми считает, что этот город может быть полностью восстановлен. Мы можем начать все снова. Я знаю, вам не нравится Кумми, но он способен превратить толпу истеричных пассажиров в организованное общество. Семь человек не могут сопротивляться ему. Все, о чем я вас прошу: не повторяйте Кумми то, что вы сейчас сказали мне. Сначала подумайте.

— Обязательно. Тем временем рейнджеры займут общее помещение.

— Ну ладно, — Джексен пожал плечами. — Делайте, что вам нравится.

— Может, следовало сказать: То, что нравится Кумми, — думал, выходя из комнаты, Картр.

Рейнджеры ждали его, и он начал отдавать распоряжения.

— Рольх, ты с Филхом идешь в башню. И если кто—нибудь попытается вас остановить, сошлитесь на права патруля. Может, подчиненные Кумми еще сохранили какое—то уважение к патрулю. Зинга, где ты оставил наши мешки?

Пять минут спустя Картр и закатанин подобрали четыре рейнджерских мешка.

— Подсунь под них антигравитационные диски, — посоветовал Картр, — и пошли.

Плывущие над полом рюкзаки легко было тащить. Картр и Зинга направились вглубь здания. Когда они уже приближались к лестнице, ведущей в башню, их встретил Фортус Кан. Он прижался к стене, давая им пройти, так как Картр не остановился. Когда они прошли, Кан спросил:

— Куда вы идете?

— Заселяем помещение рейнджеров, — коротко ответил сержант.

— Он следит за нами, — прошептал Зинга, когда они начали подниматься. — Он не очень смел. Стоит на него прикрикнуть, и он побежит ...

— И не пытайся, — возразил Картр. — У нас и так достаточно неприятностей. Незачем обзаводиться новыми.

— Хо! значит, ты понял это? Короткая, но веселая жизнь, как говорит мой брат. Интересно, где теперь Зифф? Одевается в шелк и три раза в день ест брофиды, или я не знаю этого грабителя! Но я был бы рад увидеть его гнусное лицо на верхней площадке лестницы. Он прекрасный боец, искусно управ-

ляется с силовым лезвием. Раз — и враг повержен, половина его внутренностей наружу...

Они и сейчас могут справиться с пятьюдесятью бойцами, — подумал Картр. — А может, только с десятью?

— Добро пожаловать, путешественники!

Это был Рольтх. Очки делали его лицо похожим на морду насекомого, когда он смотрел на них сверху.

— Наконец—то, старая птица нашла себе подходящий на-сест. Входите и отдохните, мои храбрые друзья!

— Огненные вампиры и осьминоги!

Даже Зинга оказался удивленным видом помещения. Стены его были зелеными, тускло прозрачными. За ним двигались яркие, причудливые фигуры — плавали водные существа! Не сразу Картр понял, что это иллюзия, рожденная лучом какого—то скрытого проектора. Зинга сел на мешки, прижав их своей тяжестью к полу.

— Великолепно! Роскошно! Соблазнит самый привередливый вкус. Существо, задумавшее эту комнату, было гурманом. Я был бы рад пожать его руку, плавник или щупальце. Замечательно! Вот этот красный, разве не напоминает он до последней чешуйки брофида? Что за удивительная комната!

— Как дела с продовольствием? — спросил Картр у Рольтха через голову Зинги.

Брови у фальтхарианина поднялись настолько, что стали видны над очками.

— Ты считаешь, что мы можем оказаться в осаде? Есть несколько нетронутых банок, примерно на пять дней нормального питания или вдвое больше, если потуже затянем пояса.

— Вы хотите сказать, — вмешался Зинга, — что привели нас в эту возбуждающую аппетит комнату, чтобы кормить грибами и прочими мушиными ядами, которые мы едим, карабкаясь по скалам, когда нет надежды на охоту? Я не выдержу такой пытки! Как свободнорожденный гражданин я настаиваю на своих правах!

— Свободнорожденный гражданин? — переспросил Филх. — Более подходит второй класс... или даже третий. И вообще ты не имеешь никаких прав...

Рольтх заметил выражение выражение лица Картра и счел нужным вмешаться.

— Так обстоят дела? Честно!

— Примерно так, — Картр сел на единственный предмет мебелировки в комнате — скамью из молочного камня. — Я был у Джексона. Он сказал, что Кумми может мне приказывать.

— Приказывать? — снова брови фальтхарианина выдали его изумление. — Штатский, отдающий приказы патрулю? Хотя мы и рейнджеры, но все же члены патруля!

— Неужели? — спросил Филх. — У патрульных есть корабли, их поддерживает вся мощь патруля. Мы же всего лишь выжившие после кораблекрушения и не можем рассчитывать на появление флота.

— Джексен тоже так считает. Я понял, что он более или менее уступил власть Кумми. Он считает, что здесь всем должен распоряжаться лорд вице—сектора...

— И это мы счастливы, что оказались здесь? Да, я понимаю эти аргументы, — сказал Рольтх. — Но Джексен — он патрульный до мозга костей. В его позиции что—то кажется странным, не укладывается в его характер.

Филх отмахнулся от подобной ерунды.

— Психологическая реакция Джексона не должна нас интересовать. Правильно ли я понял, что бемми признаются здесь гражданами второго сорта?

— Да.

Ответ был жесток, но Картр меньше всего хотел скрывать правду.

— И тебе предложили держаться подальше от... нечистых? — протянул Зинга, откидываясь назад и обхватив руками колени.

— Да.

— Где пределы их глупости? — пожал плечами Рольтх. — Если они хотят, чтобы мы для них охотились, значит, они нуждаются в пище. А эти мягкотелые горожане ничего не добудут, только кусты потопчут. Они должны были договориться с нами, а не настраивать нас против себя.

— Ты когда—нибудь встречал логичный предрассудок? И даже Джексен согласился с таким отношением к бемми?

В глазах Филха появился неприятный блеск.

— Не знаю, что случилось с Джексоном! — взорвался Картр. — И не интересуюсь! Гораздо важнее, что произойдет с нами...

— Вам с Рольтхом не о чем беспокоиться, Картр, — заметил Филх.

Картр вскочил и сделал два больших шага. Его зеленые глаза оказались на одном уровне с красными глазами тристи-анина.

— Чтобы я в последний раз слышал подобное! Я сказал Джексену — и скажу Кумми, если понадобится — что рейнджеры всегда держатся вместе.

Филх сжал тонкие губы. Его глаза смягчились. Он успокаивающе развел руками, и голос его звучал ровно.

— Как реагировал Джексен на твои слова?

— Многословием. Но это дало мне возможность настоять на том, чтобы мы поселились вместе.

Зинга встал и начал бродить по комнате.

— Что еще нового? — спросил он у Рольтха. — Какие здесь еще помещения?

— На этом этаже еще одна комната с двумя окнами, выходящими наружу, на лестницу Филха. Над этой есть еще одна большая комната, а на третьем этаже помещение с ванной. И хотите верьте, хотите нет, но там идет вода!

Картр не обратил внимания на одобрительное восклицание Зинги.

— Вход только один? Вы уверены?

— Да. Конечно, если только к нам не спустятся с неба. Но я считаю, что этого можно не бояться. А эту дверь можно запереть. Смотрите ...

Рольтх встал на темно—красный квадрат на полу. Из правой стены беззвучно выдвинулась металлическая плита и закрыла вход.

— Теперь попробуй открыть, — сказал фальтхарианин сержанту.

Но даже с помощью Зинги и Филха Картр не смог сдвинуть дверь с места. Тогда Рольтх снова наступил на квадрат, и дверь открылась.

— Филх закрыл меня, когда мы осматривали помещение. И нам пришлось поломать головы. Хитрый парень это построил. Чтобы пробиться, понадобится мощный разрушитель.

— Кстати, есть ли он у них? — выразил Зинга мысль Картра.

Но беспокойство по этому поводу тут же отошло на второй план. Картр почувствовал, что кто—то поднимается по лестнице. По знаку сержанта рейнджеры рассредоточились. Зинга прижался спиной к стене у двери, чтобы оказаться на спине

вошедшего. Филх лег на живот за грудой рюкзаков, а Рольтх извлек бластер и встал немного в стороне от сержанта.

— Картр!

Он узнал голос.

— Входите.

Смит повиновался. Он вздрогнул, когда позади него материализовался Зинга. Лицо Смита беспокойно хмурилось, и Картр понял, что он для них не опасен. Связист вторично приходил к ним не как враг.

— Что случилось? — спросил Картр.

Все же Смит был на стороне Джексона.

— Всекие разговоры. Говорят, что рейнджерам нельзя доверять.

— Что же... — губы Картра раздвинулись, но не в улыбке. — Я и раньше много раз слышал такое, но от этого не становилось хуже.

— Раньше — может быть. Но этот арктурианин... Он... Он сошел с ума! — взорвался Смит. — Говорю вам, он сумасшедший!

— Может, вы сядете? — зашипел Зинга. — Вот сюда, чтобы мы могли приглядывать за вами. А теперь расскажите все по порядку.

8. Дворцовый переворот.

— Да практически нечего и рассказывать. Какое—то чувство... Он настаивает, чтобы мы держались в стороне от всех, кроме его собственных людей. У него есть охрана: этот кап—пес, несколько человек из Х451, один из них офицер, два фермера, выращивающих ктел, и три профессиональных наемника. Все вооружены — бластеры, выпущенные контролем, и силовые лезвия. Но я не видел других офицеров с Х451 и ничего не слышал о них. И Кумми отдает приказы нам! Дальгру и Спину приказано присоединиться к техникам и помочь им в управлении обслуживанием города. А ведь они патрульные! И Джексен не возразил.

— А вы? Получили назначение? — спросил Рольтх.

— К счастью, меня не было, когда искали специалистов—техников. Послушайте, как он смеет отдавать приказы патрулю?

В голосе Смита звучало искреннее недоумение. Картр был вынужден объяснить вторично:

— Постарайтесь поскорее понять, что для Кумми и всех остальных патруль перестал существовать. Нам не на что опереться, а у Кумми есть опора. Вот почему...

— Вы возражали против нашего прихода сюда, — подхватил Смит. — И вы были правы! Я знаю, вы, рейнджеры, иначе относитесь к службе, чем мы. Вы всегда держались независимо. Но мой отец погиб на баррикадах шлюзов Альтры. Он прикрывал отход остальных и держался, пока не взлетели корабли выживших. А мой дед был вторым помощником на дредноуте Проксимы, который пытался достичь второй Галактики. Пять поколений нашей семьи служат в патруле. И пусть меня сожжет космос, если я когда-нибудь подчинюсь приказам Кумми! Пока ношу это! — и он показал на свой значок кометы.

— Прекрасное заявление, но оно не поможет вам против частной полиции Кумми, — заметил Зинга. — Значит, вас привело к нам простое нежелание получать приказы от штатского?

— Не нахальничайте! — выпалил Смит. — Я слышал достаточно, чтобы понять, что Кумми — это смерть для бемми, да и для рейнджеров тоже. — Он махнул рукой в сторону Картра. — Ходят слухи — я услышал это от одного из фермеров — что Кумми уже сжег кого-то.

— Кого? — гребешок на голове Филха поднялся. — Бемми? Какого вида?

Смит покачал головой.

— Не знаю, фермер говорил не очень определенно. Но от Кумми не следует ожидать честности. И я не собираюсь подчиняться его приказам. Может, раньше мы не всегда шли одним курсом, но теперь перед нами общая цель.

— Да? — когти Филха пригладили гребешок. — Но в данных условиях от сделки выигрываете вы. Что вы предложите нам взамен?

— У него есть то, в чем мы нуждаемся, — вмешался Картр.

Просьба связиста была искренней. Он в самом деле хотел быть с рейнджерами.

— Все зависит от вас, Смит. Если вы можете настолько подавить свою гордость, чтобы служить Кумми, сделайте это. Через вас мы многое сможем узнать: каковы силы Кумми, есть ли недовольные среди пассажиров, каковы его планы. Мы не будем сражаться вслепую.

Затем он обратился к рейнджерам: — Вы двое, Филх и Зинга, будете держаться незаметно, пока мы не узнаем больше. Незачем привлекать излишнее внимание. Что касается меня, то после разговора с Джексоном я уже занесен в их черные списки. Рольтх пригоден не для всякой работы. Итак, Смит, если вы хотите действительно присоединиться к нам, держите это желание за мозговым блоком, и блок должен быть крепким. Арктурианин — сенситив, и то, что он не сможет извлечь из незащищенного мозга, сделает для него кап—пес. Это трудное задание, Смит. Вы должны стать сторонником Кумми и противником бемми. Небольшое сопротивление вначале не мешает — иного трудно ожидать от патрульного с вашими заслугами и прошлым. Но сможете ли вы, Смит, вести двойную игру? И захотите ли?

Связист спокойно выслушал сержанта, потом поднял голову и кивнул.

— Попытаюсь. Не уверен относительно мозгового блока. — Он заколебался. — Я не сенситив. Что может сделать со мной Кумми?

— Он 5.9. Полностью овладеть вами он не сможет, если вы боитесь этого. Вы с Луги? Или кто—нибудь из родителей?

— Мой отец — луганин. А мать — с Десарта.

— Луга, Десарт... — Картр взглянул на Зингу.

— Высокая сопротивляемость, — тут же ответил закатанин. — Сильное воображение, но эффективный контроль. Способность к контакту — 0.008. Нет, арктурианин не сможет взять над ним верх. И у вас есть мозговой блок, даже если вы никогда его и не использовали. Просто думайте о какой—нибудь специальной проблеме, когда находитесь рядом с сенситивом. Сконцентрируйте мысли на своей прежней работе ...

— Так? — живо спросил Смит.

Он как будто щелкнул переключателем, и вместо открытого мозга теперь была умственная пустота. Картр не мог удержаться от восклицания. Потом сказал:

— Так держать, Смит. Зинга...

Его мысль устремилась к мозгу связиста, и он тут же почувствовал устремившийся туда же второй поток энергии, мощный, как луч бластера. Итак, он был прав! Зинга тоже сенситив, и мощность его он даже не смог измерить. Два потока мозговой энергии обрушились на Смита. Картр и Зинга пытались пробить барьер, прочный, как корпус космического корабля.

Капли пота выступили на лице Картра, собрались у края шлема и потекли ручейками по щекам и подбородку. Потом он шевельнул рукой в знак поражения и расслабился.

— Можете не беспокоиться о вторжении в ваш мозг, Смит. Если, конечно, не будете неосторожны.

Сфизист встал.

— Значит, мы союзники? — он спросил это так, как будто опасался, что его прогонят.

— Да, постарайтесь узнать побольше. Но, если возможно, не позволяйте отсылать себя далеко. Если понадобится, мы будем действовать быстро.

— Хорошо.

Смит подошел к двери. Потом вернулся и сделал рукой жест, обращенный ко всем — людям и бемми — приветствие патрульного товарища.

— А теперь... На всякий случай...

Филх пересек комнату и ступил на квадрат, управляющий дверью.

— Да, — согласился Зинга. — Чувствуешь себя как — то спокойнее, когда не нужно думать о защите спины. Что будем делать?

Картр вынул левую руку из перевязи и задумчиво потер ее.

— Здесь есть врач. Я думаю...

Рольтх подошел к нему.

— Ты хочешь спуститься один в это логово?

— Хорошо оборудованный корабельный госпиталь должен иметь регенерационную установку. А я хочу идти в битву, если придется, с двумя здоровыми руками, а не с одной. К тому же это даст мне законное основание походить там, внизу. Я смогу задавать вопросы...

— Хорошо. Но ты пойдешь не один. Вообще, я думаю, что нам неразумно ходить в одиночку по этому зданию, — сказал Рольтх. — Вдвоем веселей, а два бластера расчистят дорогу лучше, чем один.

— О нас не беспокойтесь, — улыбнулся Зинга, и его дюймовые клыки дьявольски блеснули в зеленоватом свете. Мы будем домовничать. Закреть за вами дверь?

— Да. И откроешь, когда уловишь наши мысли.

Зинга даже не моргнул. Конечно, он обнаружил свою силу, когда помогал Картру преодолевать мозговой блок Смита. Но он со своим обычным пренебрежением к человеческим эмоци-

ям, по—видимому, не видел причин для обсуждения того, почему он так долго скрывал свои способности.

Филх открыл дверь, и они начали спускаться по лестнице. Внизу было тихо, и они почти добрались до конца коридора, когда Картр почувствовал чье—то присутствие. Это был молодой человек в пестром мундире офицера пассажирского корабля.

— Вы сержант Картр?

— Да.

— Лорд вице—сектора хочет вас видеть.

Картр остановился и с легким интересом взглянул на говорившего. Вероятно, сам сержант был даже немного моложе этого космонавта, но неожиданно он почувствовал себя чуть ли не дедом, разговаривающим с внуком.

— Я не получал от своего командира приказа о прикомандировании меня к штатской секции Центрального Контроля.

Удивительно, но этот помпезный ответ обескуражил офицера. Должно быть, слово «патруль» еще сохраняло свою магию. Картр и Рольтх миновали офицера и прошли несколько футов, прежде чем он догнал их.

— Послушайте! — он старался, чтобы его голос звучал решительно, но смешался, когда рейнджеры повернули к нему свои серьезные и вежливые лица. — Лорд Кумми... Он здесь главный, вы знаете... — добавил он неуверенно.

— Раздел шестой, параграф восьмой общего положения, — процитировал Рольтх. — Патруль является защитником законов Центрального Контроля. Он может помогать любой штатской службе, если и когда его об этом попросят. Но никогда и никоим образом не передает свою власть планетному или секторальному правительству, за исключением прямых приказов с печатью Центрального Контроля.

Молодой человек стоял с раскрытым ртом. С внутренним смешком Картр подумал, что он меньше всего в такой момент ожидал услышать цитату из устава. Зинге это бы понравилось. Картр надеялся, что закатанин мысленно следует за ними и сейчас наслаждается.

— Однако... — офицер хотел что—то возразить, но замолчал: выражение вежливого, но нетерпеливого внимания на лицах рейнджеров не изменилось.

Подождав, но не услышав продолжения этого нетерпеливого «однако», Картр сказал:

— Не покажете ли, в каком направлении находится врач? Я очень нуждаюсь в его помощи.

И он указал на свое запястье. Офицер с готовностью ответил:

— Два пролета вниз в конце этого коридора и поворот направо. Доктор Тре занимает первые четыре комнаты.

Он продолжал смотреть им вслед, когда они удалялись.

— И что же он доложит великому Кумми? — спросил Рольтх, когда они двигались в указанном направлении. — Не хотел бы я оказаться на его месте. Ты считаешь...

— Что я правильно поступил, отказавшись идти с ним? Может, и нет, но они уже узнали от Джексона, что я настроен враждебно. И я должен был это сделать. — Теперь лицо Картра ничего не выражало. — Он напустил на нас кап—пса.

Рольтх, который видел это выражение раньше и догадывался, что оно означает, не решился больше ничего говорить.

Больше в коридоре и на лестнице они никого не встретили. Очевидно, эта часть крепости Кумми была заселена. Но, когда они приблизились к первой двери медицинского отсека, их слух уловил негромкий шепот. Окна здесь помещались в глубоких прорезях. И из одной такой прорези донесся призыв.

— Женщина...

Но Картр уже знал это, ощутив мозговой блок, которым сенситив препятствует лицу другого пола вмешиваться в свои эмоции. Женщина выглянула и поманила их рукой. Картр кивнул, и Рольтх двинулся за ней. Фальтхарианин вступит с женщиной в контакт, пока Картр займется врачом. Если кто—то, помимо Зинги, мысленно следит за ними, такое разделение может поставить его в тупик.

Рольтх скользнул к амбразуре и приблизился к окну, увлекая за собой женщину. Здесь их можно было увидеть лишь прямо из прорези. Картр отошел на ярд и оглянулся. Рольтх поступил правильно: с новой позиции сержант уже ничего не увидел.

Картр вошел в открытую дверь. Судя по оборудованию, это было помещение медика. Почти в то же мгновение из внутренней двери появился высокий человек. Картр прибег к пробному умственному контакту и слегка расслабился. Это не арктурианин и, вообще, не враг. В мозгу незнакомца он не прочел ничего, кроме доброй воли.

— У вас есть регенератор? — спросил сержант, вынимая руку из перевязи.

— Есть. Другой вопрос, долго ли он будет здесь функционировать. Ни в чем нельзя быть уверенным. Я — доктор Ласило Тре. Перелом?

Его пальцы уже начали разматывать бинт, наложенный утром Зингой.

— Не знаю... Ух!..

Картр задержал дыхание, когда Тре начал прощупывать воспаленные ткани.

Врач усадил рейнджера рядом с установкой, велел вытянуть руку и направил на нее концентрированный луч. Картр почувствовал, как в его руку впиваются невидимые жала. Дважды Тре выключал ток и осторожно ошупывал руку, после чего недовольно качал головой. Лишь на третий раз он был удовлетворен. Картр осторожно поднял руку и согнул сначала пальцы, а потом и кисть. Хотя ему уже пришлось пользоваться регенератором — у него была сломана нога — чудо восстановления не стало менее удивительным. Он снял перевязь и счастливо улыбнулся врачу.

— Лучше, чем новая, — заметил Тре. Хотел бы я, чтобы вашего командира так же легко было вылечить, сержант...

Выбор! Картр почти забыл о командире.

— Как он?

Тре нахмурился.

— Физические травмы — их мы можем вылечить. Но другие... Я не психо—сенситив. Он нуждается в лечении, которое здесь невозможно, но... Разве что произойдет чудо, и нас спасут...

— Вы не верите, что это может случиться?

— А разве нормальный человек может верить в это? — Но за этим вопросом—ответом было что—то еще. — Эта планета... Эта солнечная система... Ни на одной из карт Х451 ее не оказалось.

— Но строители этого города находились на высоком уровне, — заметил Картр. — Разве не так?

— И да, и нет. В смысле технологии они продвинулись далеко. Но есть странные пробелы. Я знаю, что вы, рейнджеры, умеете исследовать чужие цивилизации. Я хотел бы знать ваше мнение об этом городе, когда вы изучите его. Я заметил, что здесь нет космопорта и никогда не было. Может, жители этой планеты не знали космических полетов...

— Что же случилось с ними?

Тре пожал плечами.

— Во всяком случае, это не второй Тантор. Мы удостоверились в этом, прежде чем войти в город. И мы не нашли останков людей. Как будто они однажды ушли, оставив город ожидающим их возвращения. И город ждет. Конечно, есть следы времени, эрозия. Но все механизмы хорошо укрыты, смазаны. Наши техники только и знают, что восхищаются качеством консервации.

— Значит, они собирались вернуться. — Картр задумался. — Может, на других континентах этого неисследованного мира сохранилась цивилизация?

— Как рука, сержант?

Картр не удивился внезапному переходу. Он знал, что за его спиной у двери появился Рольтх.

— Доктор Тре, это рейнджер Рольтх.

Картр не забыл оглянуться перед представлением. Не нужно, чтобы Тре догадался, что он сенситив.

Врач ответил на салют фальтхарианина.

— Рад познакомиться, рейнджер. Что—нибудь болит? Нужна помощь? Не нужна ли мазь от ожогов? Вы фальтхарианин?

Губы Рольтха изогнулись в улыбке, которая стала еще шире от искреннего дружелюбия врача.

— Значит, вы понимаете мои затруднения, доктор?

— У меня однажды был пациент фальтхарианин. Сильный ожог кожи. Я тогда поломал голову над мазями. Приготовил такую, которая помогала. Подождите минутку.

Он начал рыться в медицинском шкафчике, стоявшем в углу, среди множества пастотюбиков.

— Попробуйте это. Будете смазываться перед выходом на прямой солнечный свет. Это должно воспрепятствовать раздражению.

— Спасибо, доктор. — Рольтх сунул тюбик в карман. — Пока все сходило. Вот у сержанта была для вас работа.

Картр помахал левой рукой.

— Как новая, каков гонорар?

Тре рассмеялся.

— Кредитки здесь не имеют цены. Если наткнетесь на что—нибудь интересное по моей части, дайте мне знать. Этого будет достаточно. Рад в любое время служить патрулю. Вы, парни, заслуживаете, чтобы штатские отдавали вам самое лучшее. Я уже слышал, что вы будете охотиться. Есть возможность участвовать в одном из ваших походов?

Картр удивился. В вопросе прозвучала какая—то тревога. Тре смотрел так, как будто пытался сообщить что—то... Нечто жизненно важное для них обоих.

— Почему бы и нет? — ответил сержант.

— Если мы пойдем. Я пока не получил приказа. Еще раз спасибо, доктор...

— Не за что. Рад был помочь. Мы еще увидимся...

Но что—то существенное оставалось несказанным. Глаза Картра расширились. Пальцы правой руки врача... Они шевельнулись... Еще раз... сложились в знак, который он хорошо знал. Но как... Как и когда доктор Тре узнал его? Автоматически Картр дал условный ответ, а вслух сказал:

— Если мы пойдем, дадим вам знать. Чистого неба...

— Чистого неба, — ответил врач приветствием космонавтов.

Картр вышел за дверь и на мгновение сжал руку фальтхарианину. Рольтх немедленно начал говорить об охоте.

— Эти рогатые животные, которых мы видели на поляне, — говорил он, — у них должно быть отличное мясо. Его можно будет засолить, если мы найдем запасы соли. И еще есть речные существа, о которых говорил Зинга. Его не придется уговаривать идти за ними.

Фальтхарианин рассмеялся так искренне, как будто не понял сигнала Картра и не говорил для чужих ушей.

— Он больше их съест, чем принесет.

— Лучше не использовать бластеры, — вставил Картр, как будто он обдумывал этот вопрос. — Они выжигают слишком много мяса. Силовые лезвия ...

— Тогда придется подбираться ближе, — с сомнением заметил Рольтх.

Оба поднимались быстро. Кто—то шел за ними. Мозг Картра коснулся и тут же отпрянул. Их выслеживал кап—пес. Они не побежали, однако дышали тяжело, когда достигли приоткрывшейся двери в башню. Как только они в нее протиснулись, Зинга с гневным рычанием захлопнул дверь.

— Значит, он следит за вами?

— Выслеживает. Ну да пусть побродит вокруг. Ну, Рольтх, что сказала женщина? Чего она хотела?

— Она считала нас храбрыми героями, явившимися спасти их. Кумми скрыл наше прибытие, но пошли слухи. Наша форма хорошо известна. Она пришла просить помощи. И ситуация такова, как мы и думали. Кумми поставил себя в позу карман-

ного Центрального Контроля. Делай, что он велит, если хочешь есть. А если возражаешь слишком громко, то исчезнешь...

— И многие исчезли? — спросил Филх.

— Капитан Х451 и еще трое или четверо. Исчезли и четверо пассажиров бемми. Но по—другому. Я понял так, что после посадки они ушли в другую сторону, поняв, что их ожидает...

— Бемми? Какого вида?

Жабо Зинги поднялось за его головой. Он все еще стоял у двери, как бы прислушиваясь к чему—то по ту сторону.

— Я не мог от нее добиться. До посадки она их не видела. Это был планер с двумя классами. Сейчас существует партия Кумми, маленькая, но вооруженная и опасная, и партия антикумми, плохо организованная и болтающая слишком много. Их вполне могут подслушивать и лорд, и его слуги. Люди Кумми патрулируют. Специалистов—техников он держит рядом с собой, как и медика. Одна из его главных угроз — кап—пес.

— Нас пригласили присоединиться к партии антикумми? — спросил Филх.

— Они считают, что патруль возьмет верх. И знаете что... Я думаю, именно это мы и должны были сделать, если бы послушались Картра... Заставили бы их поверить, что у нас неповрежденный корабль и полный экипаж. Я вынужден был сказать женщине, что у нас нет власти. Но я также сказал ей, что рейнджеры держатся вместе.

— Возможно, они планируют дворцовый переворот, — пробормотал Картр. — Ну, хорошо. Останемся здесь, пока не узнаем больше.

— Откуда врачу известны знаки рейнджеров? — удивлялся Рольтх.

— Если будет возможность, я спрошу у него об этом. Он тоже предложил нам ждать — держать глаза открытыми, а рот закрытым.

— И не только глаза...

Зинга прижал голову к поверхности двери.

— Кап—пес подслушивает. А ну, быстро думайте о чем—нибудь хорошем... Для него!..

9. Карты раскрываются.

— Нажимаешь эту маленькую кнопку, и... Прекрасно, не правда ли?

Картр согласился с закатанином, что результат нажатия кнопки прекрасен. Вода, настоящая, чистая и свежая вода забила из крана, вмонтированного в голову чудовища и потекла в бассейн. Он был достаточно велик, чтобы вместить Картра.

— Попробуй! — настаивал Зинга. — Я уже два раза купался. И хуже мне от этого не стало.

Он медленно повернулся, играя мышцами, и улыбнулся. Рольтх, прислонившись к двери, подозрительно смотрел на воду.

— Могут ли наши друзья внизу прекратить доступ воды, если захотят?

— Трубы проходят в стенах. Если они их перекроют, то, вероятно, лишат воды и себя. К тому же, если в их планы входит осада, мы будем дураками, коль скоро задержимся здесь дольше, чем нужно, чтобы спуститься по внешней стене, — закончил он. — Или тебе нравится ходить грязным?

Картр разделся. В мешке у него была смена чистого белья, и он с наслаждением подумал, что наденет ее.

— Интересно, на кого они были похожи..., — он коснулся воды пальцами. — Гораздо приятнее, чем в горных ручьях.

— Кто? А, ты имеешь в виду создателей этого замечательного места? Ну, — Зинга указал на зеркальные стены, — они не стыдились посмотреть на себя. Интересно, отражались ли в этих зеркалах такие уродливые купальщики?

Картр рассмеялся и плеснул водой в закатанина.

— Говори только о себе, Зинга. Мое лицо не пугает детей...

Правда ли это? — вдруг подумал он и впервые критически взглянул на свое отражение в зеркале.

Темно—коричневый космический загар выдавал его профессию. Конечно, волосы выглядели странно. Но чередование светло—желтых и ярко—рыжих прядей было совершенно естественно для уроженца Илен. Два глаза, зеленых, слегка раскосых, прямой нос, уверенно очерченный рот — все нормально для человека.

— Слишком мелкие зубы...

Картр вспыхнул и увидел, как краска ползет по его щекам.

— Чтоб тебя разорвало, Зинга! Не можешь оставить в покое мысли человека?

— Восхищающегося собой? Но насчет зубов я не согласен... У нас большие зубы считаются признаком красоты, ты знаешь...

Зинга, оскалив зубы, стоял перед зеркалом.

— А почему бы и нет? Красиво и полезно. Хотел бы я посмотреть, как хилые людишки участвуют в наших дуэлях — без когтей, без настоящих клыков... Ты не продержался бы и минуты!

— Каноны красоты обусловлены воспитанием, — наизда-тельно заявил фальтхарианин. — У народа Картра двухцвет-ные волосы — и таков их идеал красоты. Моя раса, — он снимал шлем и тунику, продолжая говорить, — отличается белой ко-жей, белыми волосами, светлыми глазами. Для нас эти каче-ства необходимы, чтобы считаться красивыми.

— О, у всех вас есть, чем ответить на вздохи девушек, — донесся из соседнего помещения голос Филха. — Почему бы не закончить это абсурдное полоскание и не поесть чего—нибудь? Такая глупая трата времени...

Но Картр отказался торопиться, и Рольтх также искренне наслаждался открытием Зинги. Одевшись, они увидели в со-седней комнате Филха. Он сидел на подоконнике и обменивал-ся криками с несколькими большими птицами.

— Опять сплетничает! — заявил Зинга. — А где же пища, которую нам так необходимо съесть? Ставлю два кредита, что он скормил все своим друзьям!

— Вы этого заслуживаете. Но пища у вас перед носом.

Рационы из концентратов были вдвое безвкусней для тех, кто еще недавно наслаждался жареным мясом и свежими фруктами. Картр с трудом глотал, тоскуя о недавнем прошлом.

— Сейчас все пойдет обратно. — Зинга непринужденно рыгнул, проглотив последний кусок. — Филх не стал бы отда-вать эти отбросы: он слишком любит птиц, а это убило бы их...

— Что мы здесь делаем?

Филх прыгнул на пол и закрыл окно, проводив взглядом улетевших птиц.

— Нам не следует оставаться здесь! Это мертвое место, и нечего стараться оживить его!

— Не беспокойся. Мы скоро покинем его. Давайте спустим-ся, согласимся поохотиться, как послушные рейнджеры, а по-том уйдем и не вернемся!

Картр посмотрел вверх. Он вполне понимал Зингу, и ему очень хотелось последовать его предложениям. И он разделял мнение Филха, что это мертвое место, возрожденное к неестественной жизни. Но... В городе женщины и дети, приближается холодное время года... Если Кумми не солгал и относительно этого. Возможно, фермеры и некоторые другие пассажиры смогут охотиться, но разве сумеют они снабдить город всем необходимым? И эта женщина сегодня... Она обратилась за помощью, она верила в них, потому что они носят знак кометы.

— Вот что... — сержант начал медленно, стараясь не отражать в словах путаницу мыслей и рассмотреть вопрос всесторонне. — Имеем ли мы право уйти, когда в нас нуждаются? С другой стороны, выпады Кумми против бемми опасны для вас, а потому вы должны уйти...

— Почему...

Зинга прервал Филха.

— Я понимаю тебя. Только позволь предупредить тебя, Картр, что бывают времена, когда человек... или бемми... должен ожесточиться. Нам не нужно принимать решение немедленно. Хороший отдых ...

— Хотя дверь и закрыта, я предлагаю дежурить, — сказал Филх.

— Они попробуют добраться до нас... по—другому, — Картр покачал головой.

— Умственный контакт? — Рольтх свистнул. — Тогда от меня и Филха мало толку.

— Верно. Придется нам с Зингой поделить ночь между собой.

Последовали беспокойные часы. Трое спали в мешках, один, разувшись, ходил по комнате, прислушиваясь и ушами, и мозгами. Ночь разделили на двухчасовые вахты, и Картр вторично отправлялся спать, когда Зинга окликнул его негромким шипением. Сержант увидел, что закатанин смотрит в открытое окно.

— Смит идет... По той крыше...

Закатанин был прав: мозговой рисунок связиста выдвигал его. Но только тренировка рейнджера позволила увидеть. Смит перебежал от тени к тени и использовал малейшие укрытия в лучших традициях патруля.

— Я спущусь к нему навстречу... Прежде чем Зинга успел возразить, Картр перебрался через подоконник и начал спускаться по кольцам. К счастью, ночь была довольно темная, и

если только за ними не наблюдали с помощью специального прибора, увидеть его было невозможно. Мундир Картра был такого же цвета, что и камень здания.

Пройдя один или два ярда по крыше, сержант негромко свистнул условным свистом патрульных. После недолгого молчания послышался ответный свист, и связист подбежал к нему.

— Здесь Картр...

— Слава духу космоса! Я уже несколько часов пытаюсь связаться с вами!

— Что случилось?

— Люди... Те, что против Кумми... Они восприняли наше появление как сигнал к борьбе. Идиоты! У него в каждом главном коридоре по разрушителю. А этот кап—пес выбил двух предводителей — уложил их спать, как вы Спина на корабле. Если они попытаются штурмовать штаб—квартиру Кумми, это будет настоящая бойня! Он закрыл доктора с Джексоном... И техники под охраной. Он уничтожит оппозицию ...

— Каковы его планы относительно нас?

— Под лестницей, ведущей к вашей башне, помещена силовая бомба. Если вы попытаетесь спуститься — конец! И они с кап—псом задумали что—то еще, чтобы выкурить вас отсюда...

Что—то еще! Если арктурианин считает, что имеет дело с равным ему по силам сенситивом, он многое может придумать. Против 6.6 да плюс Зинга, его нападение может обернуться ответным ударом.

— Я должен вернуться, — Смит погладил свой бластер. — Нужно удержать этих безумцев от нападения. Вы можете что—нибудь сделать?

— Не знаю. Попытаемся. Удерживайте своих людей, сколько сможете. Может, мы сумеем изменить ход событий...

Смит слился с ночью. Если он будет на страже со своим мозговым блоком, это немалое подкрепление для восставших. Ни арктурианин, ни кап—пес не смогут подобраться к нему. Картр вернулся в башню и обнаружил, что все рейнджеры уже ждут его.

— Это был Смит, — как обычно, темнота не обманула Рольтха. — Чего он хотел?

— Против Кумми восстание. Заговорщики приняли наше появление за сигнал к восстанию.

— А Кумми, конечно, тем временем не спал мирно. Что его весельчаки приготовили для нас?

— Да, — подхватил Рольтх вопрос Филха. — Что нас ожидает?

— По словам Смита, силовая бомба под лестницей в нашей башне.

— Грубая игра. Знаете, пора внушить сим джентельменам здоровую почтительность к патрулю...

— Где Зинга? — прервал Картр фальтхарианина.

— Пошел, как он выразился, «слушать».

Филх прикрыл свой фонарик спальным мешком и начал считать дополнительные заряды для бластеров. К несчастью, эта работа не заняла много времени.

— Это все? — углomo спросил Картр.

— У вас заряжены бластеры и по дополнительному заряду в поясах — если вы выполняете устав. Здесь остальное.

— Хорошо. Получается по три на каждого и один лишний для Рольтха. Если предстоит ночная схватка, он к ней подготовлен лучше всех.

Фальтхарианин тем временем занимался сбором рюкзаков. Если придется уходить, все будет происходить поспешно, все должно быть готово.

— Они, должно быть, охраняют наш вездеход. Если мы выиграем...

— Если мы выиграем, — вмешался Филх, — то можно будет просто пойти и взять его. Что там делает эта старая ящерица?

Картр тоже думал об этом. Он послал вопрос и получил ответ с сильным впечатлением опасности. Сержант схватил свои запасные заряды и устремился вниз, в комнату с зелеными стенами. Зинга стоял, прижавшись к двери, как бы желая слиться с ней. Картр тоже стал слушать.

Движение... Недалеко... Может быть, у основания лестницы. Два существа отступили, третье осталось. Это кап—пес. Почему они его оставили? Разве только...

Да, ответила мысль Зинги, они подозревают, что ты... или я — не то, чем кажемся. Но всей правды они не знают, иначе не оставили бы кап—пса после того, как ты с ним справился. Они об этом не знают.

Или он — приманка? Картр мысленно спросил об этом Зингу, наслаждаясь свободой мысленного обмена, о котором он всегда мечтал, но которого никогда не испытывал.

Посмотрим. На этот раз задача моя, брат!

Картр мысленно отпрянул и сосредоточился на том, чтобы обнаружить лишь приближение других. Он чувствовал, как напряглось тело закатанина, и догадался, что испытывает Зинга.

Казалось, они были вне времени. Картр не знал, долго ли продолжалась эта беззвучная битва, прежде чем он послал предупреждение:

— Идет еще один.

Он сказал это вслух, не решаясь нарушить мысленный барьер. Зинга со свистом вздохнул.

— Он был приманкой, — сказал он тоже вслух, — его мозговая сила почти истощилась. Но не в том смысле, как мы боялись. Он все время был под наблюдением. Если он вопреки приказу отступил, они бы знали, что мы достаточно сильны, чтобы контролировать его. Они подозревают это... Но точно не знают.

— Ты говоришь «они», значит, против нас не только Кумми и кап—пес?

— Кумми научился аккумулировать мозговую энергию других. В какой мере, я не знаю. Если 5,9 может делать это...

— На что же он способен с усилием?

Большая часть энергии Картра исчезла. Сможет ли он даже с помощью Зинги противостоять Кумми?

— Я предлагаю, — сухо сказано Зинга, — чтобы мы использовали бластеры как наступательное оружие.

— Но, чтобы применить их, нужно выбраться отсюда. А если мы уйдем, этот внизу тут же узнает.

— Остается лишь одна возможность: разделить. Вы с Рольтхом выберетесь наружу и посмотрите, что можно сделать в суматохе. Мы с Филхом будем удерживать крепость и постараемся думать за четверых.

Картр понимал разумность этого предложения. У него с Рольтхом больше шансов добиться взаимопонимания с восставшими, потому что они люди. В то же время рэйнджеры—бемми будут в безопасности от бессмысленной стрельбы.

Спуск на крышу, по которой приходил к ним Смит, оказался на удивление легким. Они надели сапоги и стали пробираться, укрываясь в тени. Достигнув парапета, Рольх выглянул. Потом опустил голову и прижался губами к уху Картра.

— Этажом ниже — карниз. Он ведет к освещенному окну. Стена отвесная. Не думаю, чтобы в комнате ожидали появления кого—нибудь из окна.

— А как ты доберешься до карниза?

— Свяжем пояса и перебросим вот так... сюда.

И Фальтхарианин указал на заостренное украшение парашюта.

Картр представил себе, каково будет висеть на отвесной стене, но ничего не сказал.

— Хорошо, что мы оба высокие.

Рольтх укрепил свой пояс с поясом, который ему неохотно подал сержант. Да, низкорослый человек не справился бы с этим.

Фальтхарианин закрепил один конец импровизированного каната за выступ и забрался на парапет. Держась под углом к стене, он начал спуск. Картр, вцепившись в край, заставлял себя смотреть. Рольтх остановился, и ремень свободно скользнул в руке сержанта.

Не так искусно, как Рольтх, Картр проделал то же самое, не отрывая взгляда от стены и стараясь не думать о темноте внизу. Казалось, он спускался целую вечность. Но тут его подхватил Рольтх, и ноги Картра ступили на карниз. Он оказался более широким, чем казался сверху.

— Есть кто—нибудь в комнате? — спросил Рольтх, когда они подползли к окну.

Картр послал мысль.

— Не в комнате... где—то по близости...

Фальтхарианин ответил смешком.

— Мы почти так же хороши, как и пернатые друзья Филха. Готово!

— Он ухватился за раму и потянул, упираясь в оконный переплет коленом. Окно со слабым скрипом поддалось, и Рольтх легко приземлился на обе ноги. Секунду спустя к нему присоединился Картр.

Они оказались в жилой комнате. На кровати лежала груда постельного белья, очевидно, принесенного с корабля. Два дорожных валкунитских чемодана стояли у стены. Стол, тоже с корабля, был завален чьими—то вещами.

Рольтх сморщился.

— Что за вонь! — бросил он.

Картр старался вспомнить, где он уже встречался с этим сладковатым цветочным запахом.

Фортус Кан! Когда утром они встречались с секретарем в коридоре, он тоже почувствовал этот аромат.

И тут же, как будто услышав призыв, секретарь лорда вице—сектора стал приближаться к ним. Картр прижался к стене у двери, а Рольтх, увидев его действия, занял такую же позицию, но по другую сторону.

В мозгу человека, возившегося с замком, царили опасения. Фортус Кан боялся. Замок тоже подводил его. Раздражение взяло верх над страхом, и, когда дверь открылась, Фортус Кан пнул ее. С такими откровенными эмоциями Картру было легко...

Картр позволил Кану сделать четыре шага, а потом захлопнул дверь. Фортус Кан повернулся и увидел стволы двух смертоносных патрульных бластеров. Его сопротивление было немедленно сломлено.

— Прошу вас!..

Он поднес руки ко рту. Отступая, Кан не видел, куда идет. Койка ударила его под колени, и он опустился на нее, как бескостное существо с Лидии—V.

Когда Картр подошел к нему, маленький человечек съехался, как будто хотел забраться в постель.

— Можно подумать, Картр, что у этого... джентельмена совесть нечиста, — слова Рольтха произвели на Фортуса Кана впечатление центурионского удара хлыстом рабовладельческих времен. Кан перестал жаться к постели и застыл с дрожащими губами, глаза его остекленели. В них был только страх.

— Прошу вас...

Стоило вытолкнуть первые слова, как они полились из секретаря неудержимым потоком.

— Я не имею к этому отношения... Я не виноват! Я советовал не враждовать с патрулем. Я знаю закон... У меня двоюродный брат работает в вашем штабе на Сексти. Я никогда не пойду против патруля...

Страх его был так очевиден, что почти физически заполнил комнату. Но чего же он боялся? Силовой бомбы? Кап—пса? Был только один путь узнать правду. И второй раз в жизни Картр безжалостно вторгся в мозг человека, узнавая все необходимое — отчасти. Кан, всхлипнув, затих. Теперь он будет тих. Картр отвернулся. Нужно многое сделать. Жаль, что Кумми не особенно дарил своим доверием маленького человека — в его памяти большие пробелы. Они могут оказаться смертельными для рейнджеров.

Сержант подошел к Рольтху.

— Под лестницей действительно лежит силовая бомба. А кап—пес должен выманить нас из башни и взорвать. Перед тем, как это произойдет, всех отводят с верхних этажей. Кан вернулся сюда за какими—то вещами. И лестница охраняется...

— Мы можем прорваться... Только шумно будет.

— Да. Меня удивляет, зачем эти лестницы? Ведь у них были гравитационные лифты. Странно... И, может быть, важно.

— Это общественное здание, — напомнил Рольтх. — Лестницы могли использовать для церемоний. Ополти, например, всюду летают, кроме храма Аффида. Вроде бы других выходов вниз нет. А как наши парни? Если кап—псу надоест их ждать, он может просто взорвать бомбу...

— Да...

Картр замер в неподвижности. Он отгораживался сперва от этой комнаты, Рольтха, Фотуса Кана, потом от самого себя, и он сделал это! Его мозг коснулся мозга Зинги! Он предупредил. И вот он снова в неряшливой комнате ошеломленно трясет головой и видит подслушивающего у дверей Рольтха. Люди... двое, трое... Они идут по залу, идут сюда, прямо к этой комнате.

10. Битва.

От резкого стука в дверь рейнджеры застыли.

— Кан! Уходим немедленно! Выходи!

Но Фортус Кан был погружен в собственный мир.

— Кан! Эй, придурок, выходи!

Картр вступил в контакт. Юный офицер с корабля, которого он встретил утром, и еще двое людей, несенситивы, они были нетерпеливы, их подгонял страх. Немного поспорив, — их голоса доносились из—за двери как бормотание — они ушли. Рольтх скользнул к окну и посмотрел вниз.

— Нужно уходить? — быстро спросил он, не оборачиваясь.

— Они боятся, они слишком боятся, чтобы мы могли задерживаться.

— Внизу еще одна крыша, но слишком далеко, чтобы добраться без присосок.

— Заменим присоски.

Картр передвинул Фортуса Кана и начал рвать простыни на полосы, которые Рольтх связывал одну с другой. Работая бис-

тро, но проверяя каждый узел, они изготовили грубую веревку.

— Ты — первый, — приказал сержант, — потом этот. — Он коснулся Кана носком сапога. — Я пойду последним. Пошли. И быстрее. Они слишком торопились, чтобы мы могли задерживаться.

Не успел он закончить фразу, как Рольтх уже исчез. Картр свесился из окна, но фальтхарианин так быстро скрылся во тьме, что лишь тройной рывок веревки сообщил о его благополучном приземлении. Картр вытащил назад самодельную веревку. Его подгоняло беспокойство. Обвязав Кана веревкой под мышками, он взвалил вялое тело на подоконник и начал спускать секретаря по возможности медленно, пока резкий рывок не сказал ему, что Рольтх перехватил тяжесть. Картр не стал дожидаться, пока Рольтх отвяжет Кана, и начал спуск.

И едва лишь его ноги коснулись крыши вниз, это произошло. Вначале не было ни звука, но крыша под ними подпрыгнула. Картр упал и закрыл лицо руками, не решаясь взглянуть вверх. Да, это силовая бомба. Однажды он попал под воздушную волну такой бомбы. Успели ли Зинга и Филх? Он решительно изгнал страх из мозга. Кан негромко застонал. А Рольтх?

И тут же послышался голос фальтхарианина:

— Ну и зрелище! Кумми любит грубую игру!

Сержант сел. Он дрожал. Может быть, это реакция на лихорадочный спуск, подумал он, но главным образом это из—за гнева, который охватывал его, когда он думал об арктурианине. Этот гнев необходимо подавить, иначе сенситив обратит его в оружие против самого Картра.

— Как нам выбраться отсюда? — спросил Рольтх.

Придется полагаться на способность Рольтха видеть в темноте, подумал Картр. Потому что теперь их окружала полная темнота. Танцующие огни города погасли. Рейнджеры находились в центре абсолютной темноты.

— Над нами окно. Можно дотянуться. А что с нашим пленником? Потащим его с собой?

— Он проснется утром. Занесем его в помещение и оставим. Вряд ли они взорвут другую бомбу.

— Нет, если не хотят обрушить на себя весь город. Пошли, если ты возьмешь Кана за ноги, я подниму его голову.

Картр брел, доверившись руководству Рольтха. Они добрались до окна, открыли его и втащили свою бесчувственную ношу.

— Разве мы в том же здании? — спросил сержант. — Мне казалось, что оно в другом направлении.

— Ты прав. Мы в другом здании. Но это самый легкий и быстрый путь. Как там наши парни, успели выбраться?

Картр вторично попытался связаться с Зингой, послав импульс мысли. На какую—то радостную долю секунды ему показалось, что он вступил в контакт, потом все исчезло. Он не осмелился пробовать дальше. Кап—пес, если это существо выжило, или даже сам Кумми, могли уловить его сигналы.

— Бесполезно, — сказал он Рольтху. — Я не могу связаться. Но это не означает, что нужно беспокоиться. Они просто могут быть слишком далеко. Ведь мы не знаем законов мозгового восприятия, и как далеко они простираются. А может, они затаились, потому что арктурианин близко. Но до взрыва я связался с Зингой, и у них было даже больше времени, чем у нас, чтобы спастись.

— Конечно, Картр знал, что не следует слишком уж надеяться на это. Но для таких ветеранов, как Филх и Зинга, достаточно малого.

— Попытаемся найти Смита?

— Я думаю, да. Или свяжемся с восставшими.

Картр вцепился в пояс Рольтха и позволил фальтхарианину вести себя сквозь темные комнаты и коридоры.

— Уровень улицы, — слышался долгожданный шепот.

— Я думаю, мы выходим на улицу, которая проходит перед фасадом штаб—квартиры Кумми...

Но прежде, чем Рольтх успел ответить, во тьме блеснул яркий луч, и оба невольно пригнулись.

Выстрел из бластера! И еще один. А после третьего послышался приглушенный крик.

— Сражаются, — констатировал очевидное Рольтх, затем спросил. — А которая сторона наша?

— Пока никоторая. Я не хочу ошибиться и быть поджаренным, — угрюмо ответил Картр. — Один слева от нас... Приближается. Я попытаюсь связаться с ним, когда он будет проходить мимо. Посмотрим, кто это...

Вспышки продолжались с интервалами, периодически освещая улицу. Криков не было. Целились плохо, либо очень хорошо.

Показался стрелок.

— Мундира нет, — сообщил Рольтх. — Похож на штатского. Но умеет обращаться с бластером. Может быть, ветеран секторной войны ...

— Это не человек Кумми, но...

У Картра не было времени для предупреждения. Человек не был сторонником Кумми, но он уловил пробную мысль Картра немедленно... Такого с Картром раньше не случалось... Бластер незнакомца был направлен прямо на рейнджеров.

— Патруль! — крикнул Рольтх.

Бластер дрогнул в руке, но человек продолжал целиться.

— Выходите с поднятыми руками! — приказал хриплый голос. — Стреляю без предупреждения!

Картр и Рольтх повиновались, прижимаясь к земле, так как другие бластеры продолжали стрелять.

— Кто вы, во имя космоса?

— Рейнджеры патруля. Пытаемся отыскать Смита, нашего связиста...

— Да? — в голосе прозвучало подозрение. — Ну что ж, вы его увидите. Идите в этом направлении. Я за вами, если попытаетесь бежать...

Следуя его указаниям, они подошли к темной двери.

— Здесь ступеньки, — сказал человек сзади. — Спускайтесь и помалкивайте.

Пять ступенек привели их к какой-то преграде.

— Постучите быстро четыре раза, подождите секунду и повторите! — послышался приказ.

Рольтх повиновался, и дверь отодвинулась в сторону. Они выбрались из-за плотной портьеры и оказались в тусклом освещенном зале. Два человека смотрели на них без всякого дружелюбия. И еще бластер. Но, когда свет блеснул на кометах, напряжение разрядилось. Один из мужчин подошел ближе.

— Снимите шлемы, — приказал он.

Рейнджеры повиновались и замигали от луча фонарика, направленного в их лица.

— Все в порядке. Они не от Кумми. Должно быть, действительно патруль. Отведите их к Кроули. Как дела наверху?

— Лежим на животах и стреляем. Они тоже. Нам удалось перерезать сигнальный кабель. Сейчас они могут пустить против нас роботов. Пока равновесие, — ответил задержавший их мужчина. — Ну, я пошел.

— Добудь мне Игина, Пол!

— Сделаю. Поджаришь его на сковородке. Благополучной посадки!

— И чистого неба!

Один из оставшихся закрыл дверь и расправил складки импровизированного затемнения. Второй ткнул пальцем в рейнджеров.

— Сюда.

Они прошли по коридору в большую комнату, где кипела работа. Несколько человек доставали из ящиков металлические детали, двое сидели за столом из ящиков, а трое ели в дальнем углу. Рейнджеров подвели к сидящим за столом. Один из сидевших поднял голову и вскочил. Это был Смит.

* * *

— Действительно, равновесие.

Связист провел рукой по волосам. Картр и Рольтх изучали лежащую на столе грубую карту.

— Мы закрыли их в здании штаб—квартиры. Кстати, они взорвали башню? Мы ощутили толчок...

Сержант кивнул.

— Если у Кумми есть разрушители, — сказал он, — то я не понимаю, почему он позволяет горстке малоэффективных стрелков удержать себя. Он может прорваться в любое время.

— Но Кумми не хочет пробивать большие дыры в своем городе, если этого можно избежать, — отозвался стройный молодой человек, сидевший рядом со Смитом, когда привели рейнджеров. Он потянулся и улыбнулся. — А снайперов трудно засечь.

— Не для сенситива, — возразил Картр. — Дайте мне пять минут, и я ткну пальцем в каждого вашего человека. Кумми нужно только выслать своего кап—пса и...

Улыбка Кроули исчезла, как стертая грубой рукой.

— Вы правы, сержант, — спокойно согласился он. Но за этим спокойствием чувствовалось напряжение.

— Может, у лорда Кумми мало зарядов для разрушителя? — вмешался Рольтх.

— Нам это тоже приходило в голову, — ответил Кроули. — Но доказать это трудно. Со второго дня посадки Кумми контролировал все вооружение. У нас оставалось только личное оружие. У него не было повода отобрать его. Вся эта заваруха произошла из—за того, что Кумми соображает быстрее остальных.

ных. И он не упустил возможности овладеть оружием! Мы, конечно, можем напасть на штаб—квартиру Кумми, но если у него есть разрушители, это будет конец. К тому же у него два сенситива, а у нас ...

— Тоже два, если я свяжусь с Зингой. А среди ваших людей? Кроули покачал головой.

— Мы были обычной толпой средних горожан, каких можно найти везде. Кумми вместе с оружием забрал всех наиболее полезных.

Рольтх изучал карту. Вдруг он коснулся указательным пальцем центра прямоугольника, обозначающего крепость Кумми.

— Я вижу, у вас не отмечен туннель ...

— Какой туннель? — спросил Кроули.

Смит кулаком стукнул по столу и выругался от боли.

— Я трижды идиот! — крикнул он.

Его прервал Картр, постаравшийся объяснить все.

— Теперь все зависит от того, обнаружил ли Кумми эти подземные ходы, — заключил сержант.

— Он не знает, я почти уверен в этом! Никто из нас не слышал о них. Может, техники и обнаружили их, но держали в тайне.

Рольтх поднял голову.

— Если это так, мы можем проникнуть в самый центр осинового гнезда.

— И мы появимся среди них неожиданно! — возбужденно воскликнул Смит.

— Нужно подобрать подходящих людей, — предупредил Картр, не разделяя энтузиазма связиста. — Вы, Смит, подходите. Ваш мозговой блок нельзя пробить. Но остальные... Нам нужны люди, с которыми ничего не могут сделать ни кап—псы, ни Кумми. Возьмем человека, который привел нас сюда. Он не сенситив, но уловил мою мысль и тут же обнаружил нас.

— Должно быть, это Моргот. У него есть основания защищаться от вторжения в мозг. Он один из заложников Сатоати...

— Вот как! — удивленно подумал Картр.

— Неудивительно, что он почувствовал, когда ты прошупывал его, Картр, — сказал Рольтх. — Прекрасный кандидат для абордажной партии.

— Абордажная партия, — мельком подумал Картр. — Странно, что космические термины вторгаются в речь даже тогда, когда они прикованы к поверхности.

— Да, — вслух сказал он. — Кто еще?

Кроули помнил одного из заканчивающих еду.

— Вы сенситив, сержант. Предоставим выбор вам.

В конце концов они отобрали восемь человек с мозговым блоком разной мощности. Картру не хватало Зинги и Филха, но о рейнджерах бемми до сих пор ничего не было слышно, хотя патрули восставших были предупреждены о них.

И вот десять человек один за другим спустились в антигравитационный колодец, ранее обнаруженный рейнджерами. У платформы их ждал единственный экипаж. В нем с трудом могли поместиться трое. Рольтх сел за управление, и экипаж несколько раз проделал путь туда и обратно. Наконец, все они оказались у плиты подъемника под штаб—квартирой Кумми. Картр не заметил следов, указывающих, что здесь кто—то побывал после него и фальтхарианина.

Его интересовали теперь две остановки лифта, подмеченные им ранее. Если их поджидают наверху, разумнее остановиться раньше. И он нажал нижнюю кнопку на стене. На плите подъемника уместилось пять человек. Они ухватились друг за друга, когда плита взмыла вверх.

Их опора остановилась во тьме. Картр проследил, чтобы все сошли, и отправил плиту вниз, потом осмелился посветить фонариком.

Они стояли на карнизе, от которого во тьму уходил пандус. Поверхность карниза покрывал толстый слой пыли, которого, по—видимому, никто не касался в течение столетий. Да и мысленное проникновение говорило ему, что кроме них поблизости никого нет. Кумми, очевидно, не подозревал об этой бреши в своей обороне.

Толчок сжатого воздуха возвестил о прибытии плиты. С нее сошли Смит, Рольтх и трое повстанцев. Рольтх глянул в шахтный колодец, потом посмотрел вверх.

— Все в порядке. Шахта закрывается, когда плита касается дна, если в этот момент никто не следил, они никогда не узнают.

Картр выключил фонарик, и Рольтх повел всех. Они образовали цепочку, в которой каждый держался за пояс предыдущего. Вначале пандус спускался круто, но постепенно становился более пологим. Наконец они оказались в большой комнате. Стена отделяла их от гула машин. В перегородке виднелся проход, совершенно незаметный с противоположной стороны. Картр был убежден, что ни пандус, ни шахта не были

обнаружены людьми Кумма. В то же время он почувствовал присутствие человека и узнал его.

— Дальгр!

Сержант поминал Смита.

— Там Дальгр... Еще с кем—то, может, с охранником, если только он не присоединился к Кумми. Вам легче заговорить с ним. А я прикрою...

Связист ответил быстрым кивком и знаком велел остальным повстанцам оставаться на месте. Вместе с Картром они перебегали от одной гигантской машины к другой, пока не увидели освещенный участок. Здесь перед контрольным щитом сидел Дальгр, а в нескольких футах от него расположился человек в мундире с лучевым ружьем в руках.

Картр тронул Смита за плечо, потом указал на себя и влево, на проход, который, в случае удачи, должен был привести его к охраннику. Как тень скользил он мимо машин, назначения которых не понимал, пока не оказался позади человека Кумми. Со своего места он видел верхушку шлема Смита.

Связист смело шагнул вперед, и в то же мгновение Картр ударил рукоятью бластера по правой руке охранника. Тот вскрикнул и согнулся, выпустив из рук оружие, которое отлетело на несколько шагов. И в ту же секунду Дальгр подхватил его и изготовился к стрельбе. Но тут же он увидел Смита и опустил ружье.

— Прекрасно,— заметил Смит. — Можно подумать, что вы специально тренировались. Я так понимаю, что вы не приверженец Кумми, Дальгр?

Патрульный оскалил зубы:

— А что, похоже? Они нуждаются во мне, поэтому я еще жив. Но Спина и командора они сожгли из бластеров... А может и Джексона тоже...

— Что? — в один голос воскликнули патрульные.

— С час назад. Я слышал, что врач и Джексен забаррикадировались в западном крыле. Это сумасшедший дом! Но мы напомнили этим идиотам об уважении к знаку кометы! Если бы не кап—пес... Он знает все: где мы и что делаем.

Охранника привязали его собственным поясом к скамье у контрольного пульта. Картр взглянул на множество циферблатов.

— Здесь можно что—нибудь сделать в нашу пользу?

Дальгр с сожалением улыбнулся.

— Боюсь что—либо менять. Я ведь не настоящий техник. И мне дали лишь полчаса на ознакомление. Если я поверну не тот рычаг, все может взлететь на воздух.

— Плохо. Если бы мы знали, как все это действует, мы бы без труда выкурили их из здания.

— Как мы отсюда выберемся? — спросил кто—то из повстанцев.

— Антигравитационный лифт. — Дальгр подвел их к нише за контрольным щитом. — Но наверху ждет охранник, и он заподозрит неладное, если мы поднимемся раньше, чем кончится моя вахта.

— А долго ли ждать?

Дальгр взглянул на свои наручные часы.

— Полчаса.

— Мы не можем столько ждать, — решил Картр. — Есть ли другие остановки лифта?

— Нет.

— Но есть кое—что другое... — Рольх осматривал ствол шахты. — Тут опоры для рук и ног, вероятно, на случай аварии. Можем взобраться...

И они взобрались. Картр ощутил присутствие вверху человека — стражника, о котором предупреждал Дальгр. Дальгр же предложил и выход.

— Я окликну его...

Сержант прижался к стене колодца, пропуская вперед патрульного. Немного времени спустя они услышали, как Дальгр окликнул стоящего наверху.

— Дайте руку...

— Что случилось?

— Я не техник... Пришлите одного из ваших... Одна из этих проклятых машин сошла с ума. Может взорваться или еще что—нибудь...

Дальгр преодолел последние футы подъема и выбрался из шахты.

— Где Теленг? Почему он не явился с сообщением?

Охранник явно что—то заподозрил.

— Потому что...

Картр слышал начало ответа Дальгра, потом звуки борьбы.

Сержант преодолел последние опоры и вылетел из отверстия. Дальгр боролся с охранником за обладание лучевым оружием. Картр бросился вперед, опрокинув обоих сражаю-

щихся. Они упали на него, и он ударился так сильно, что перехватило дыхание.

Через некоторое время туман перед глазами начал рассеиваться. Охранник лежал у стены связанный, с кляпом во рту, а Рольтх, склонившись над сержантом, сдавливал его ребра, производя искусственное дыхание. Смит, Дальгр и повстанцы исчезли. Рольтх ответил на вопрос, который сержант еще не мог задать:

— Я не смог удержать их.

— Но... — Картр с трудом выговаривал слова. — Кумми..., кап—пес...

— Они не очень верят в силу сенситивов, — напомнил Рольтх. — Даже если видели демонстрацию, все равно отказываются верить в очевидное. Таково большинство людей...

— Это правда. К счастью для нас...

Картр застыл, не закончив фразы. Потом повернулся к фальтхарианину и указал на дверь позади него.

— Быстро туда и попробуй удержать этих глупцов, а то их всех перестреляют. Их ждет опасность...

Он смотрел, как уходит Рольтх. Он надеялся, что перед лицом опасности фальтхарианин не будет задавать вопросов. Конечно, опасность сзади и все ближе с каждой минутой.

Приближается Кумми..., и Картр знал, что их ждет битва, в которой невозможно угадать победителя.

11. Отверженный.

Картр лежал на спине, глядя в свинцовое небо. Иглы дождя били его по глазам и коже, тело онемело от холода. Откуда—то доносилось всхлипывание. Потом, спустя долгие минуты, он понял, что всхлипывает сам. Но не мог остановиться, не мог унять дрожь, от которой сотрясилось все его тело. Он заставил свои руки двигаться, и они с трудом ощутили рваную одежду и ноющие ссадины на теле.

Потом он попытался сесть, голова у него закружилась, серый мир накренился. Все же он увидел скалы, колючие кусты, окружившие его. Мозг начал осмысливать увиденное. Глаза остановились на крови, медленно сочащейся из пореза на боку. Он принял реальность боли, камня, на котором лежал, кусков... Все это было частью мира... Какого мира?

Этот вопрос оживил жгучее пламя в мозгу. Он съежился и постарался не думать, а дождь смывал кровь с его груди. Пока не думаешь, все хорошо. Что—то коснулось его мозга. Он послал молчаливую просьбу о помощи. Из кустов высунулась мохнатая морда, круглые глаза животного, не мигая уставились на него. Холодное любопытство коснулось мозга, и все исчезло.

Тут он застонал, и его неловкие руки обхватили кружащуюся голову. Он знал, что помощи не будет. Незримый барьер отделял его от прошлого. Воспоминание было мучительно, и он отшатнулся от него.

Но где—то в глубине памяти сохранилось жесткое ядро сопротивления. Оно заставляло напрягаться. Тяжело дыша и всхлипывая, он подтянул ноги, встал сначала на колени, а потом и на ноги.

Потеряв равновесие, он упал с крутого берега в ручей. Выбравшись из воды, он скорчился у высокой скалы, борясь с воспоминаниями.

Они были отчетливыми и яркими... Слишком отчетливыми, слишком яркими.

Он находился в незнакомом здании, окруженный высокими стенами, и ждал, ждал опасности. Она приближалась, не торопясь, целеустремленно. Он чувствовал биение силы, окружавшей ее. Он должен сражаться. И в то же время он знал каждый ход будущего сражения, знал, что проиграл.

Это было столкновение его воли с волей чужой, схватка сил мозга, неожиданно он почувствовал уверенность в своей мощи.

Другой мозг присоединился к мозгу противника, злобный мозг, оставляющий за собой нечистый след. Но вдвоем они не могли сломить его барьер. Он некоторое время защищался, потом ударил, под этим ударом злой мозг дрогнул, отшатнулся. Но он не решился преследовать отступающего: второй мозг продолжал бороться, и тут первый мозг начал просить, обещать...

«Иди с нами, мы похожи. Объединимся и будем вместе править этим глупым стадом. Никто не сможет противостоять нам!»

Он, казалось, прислушивался. На самом деле он готовился. Оставался еще один ход.

И вот он опустил барьер только на мгновение. С воплем триумфа злой борец устремился вперед, и он позволил это. Но когда противник зашел слишком далеко, чтобы отступить, он

повернулся, окружил его и начал сокрушать. Послышался крик, но только крик мысли. Зло было уничтожено, как будто никогда не существовало.

Но второй, тот, что манил и обещал, ждал этого. И в момент победы он ударил и не только своей силой, но и добавочной, сохраненной в резерве.

Он боролся отчаянно, зная, что обречен. И был сломлен, а противник, тоже истощенный, но торжествующий, овладел им. И воля его была зажата, связана, а тело повиновалось врагу.

Он, как машина шел по темному коридору, шел целеустремленно с бластером в руке, а палец лежал на спуске. Внутри у него все молча кричало: он знал, что ему предстоит сделать.

По широкому открытому пространству метались вспышки бластеров. Его послали сюда, к вездеходу рейнджеров. Против своей воли он двигался вперед от одного укрытия к другому.

Он видел, как падают люди: тот, кто мысленно шел с ним, гневно рычал, оппозиция побеждала, побеждали его друзья.

Еще одна перебежка приведет его к вездеходу. И, раздумывая, почему тот, кто управляет им, так отчаянно этого хочет, он прыгнул, но двое, скрывавшиеся в тени, удивленно посмотрели на него. Он знал их, но его рука поднялась, и он выстрелил. Изумленный вскрик резанул его слух, когда он взбирался на сидение и хватался за управление.

Он резко поднял машину и перегрузка прижала его к сидению, лишила дыхания. А тот, другой, в его мозгу определил курс. И вездеход по спирали начал набирать высоту, пока не коснулся балкона высоко над головами сражающихся, и тот спрыгнул с балкона в вездеход.

И чужая воля повела его на максимальной скорости из города к горизонту, где первые проблески предвещали рассвет. Хотя он подчинился приказу, но продолжал бороться. Бесшумная, невидимая схватка продолжалась над древним городом — воля против воли, сила против силы. И Картру показалось, что другой уже не так уверен в себе, что он защищается, довольствуется достигнутым и не стремится усилить свой контроль.

Чем это кончилась, эта борьба в небе? Картр опустил болевшую голову на камень у ручья, стараясь вспомнить. Но не смог. Он помнил только, что он..., он сжег из бластера Зингу! Благополучно вывез Кумми из города! Предал тех, кто верил в него. Он закрыл глаза и постарался забыть все, все!

Измученный, он, должно быть, снова уснул. Потому что когда открыл глаза, их ослепило отраженное в воде солнце. Он был голоден. И этот голод возродил тот же инстинкт самосохранения, который раньше привел его к воде. Руки по—прежнему плохо слушались его, но он умудрился поймать под перевернутым камнем какое—то животное. И там были еще...

К вечеру он встал и пошел вдоль воды. Потом упал и попытался встать. Может быть, он спал, но очнулся от того, что его позвал Зинга. И тут же его охватило отчаяние. Зинга погиб. Он сжал руками глаза, но не смог изгладить из памяти лицо закатанина в тот момент, когда он оказался под лучом его бластера.

Лучше оставаться на месте до тех пор, пока он не перейдет в мир, где его не сможет преследовать память... Он так устал!

Но тело отказывалось признавать это: оно поднималось и брело дальше. Ручей вывел его на широкую равнину, где высокая желтая трава опутывала ноги и бесчисленные существа убегали с его дороги. Потом ручей слился с широкой рекой, из которой торчали верхушки растрескавшихся скал. •

У воды начали подниматься утесы. Он карабкался, падал, скользил. Он уже потерял представление о времени. Пока он не решился оставить воду — слишком важный источник для поддержания жизни.

Он лежал, вытянувшись на скале у воды, и пытался поймать одно из живущих в воде существ. И вдруг закричал. Кто—то коснулся его мозга. Он руками зажал рот, чтобы удержаться от вторичного крика.

Но зов повторился. Картр не мог избежать чужого присутствия, оно вливалось в его мозг, задавало вопросы, требовало... Кумми! Неужели Кумми снова пытается захватить его, использовать...

Картр скатился со скалы, разорвав кожу на руке, и побегал. Прочь! Подальше от Кумми... Подальше!

Но тот мозг следовал за ним, спастись от контакта было невозможно. Он нашел узкое ущелье, отходящее от воды, заросшее колючим кустарником, занесенное паводковым мусором. Не обращая внимания на царапины, он втиснулся в расщелину.

Расщелина кончалась небольшой пещерой под нависшим утесом, и Картр заполз туда — ребенок, спасающийся от чудовища из темноты. Свернулся, зажав голову обеими руками,

стараясь ни о чем не думать, воздвигнуть барьер, через который не сможет прорваться охотник.

Вначале он слышал только отчаянное биение собственного сердца, потом послышался другой звук — свист воздуха, рассекаемого вездеходом. Контактирующий мозг приближался. Картр не мог объяснить, что так его испугало. Наверное, воспоминание о том, как власть другого заставляла его убивать своих. То, что Кумми сделал однажды, он может повторить.

И этот страх был верным союзником врага. Страх ослаблял контроль. Страх...

Зажав лицо руками, чувствуя во рту вкус земли, Картр пытался подавить страх.

Он слышал крик, треск кустов. Кумми приближался к ущелью!

Рейнджер с рычанием выглянул из пещеры, в руке он сжимал обломок камня. Его выслеживают, как зверя, но этот зверь будет сражаться! И арктурианин не ожидает физического нападения, он верит, что добыча беспомощно ждет прихода хозяина.

Картр занял выгодную позицию, опершись спиной о скалу. — Хорошее оружие, — подумал он, взвешивая камень в руке. — Подходящего размера и веса. И держать удобно...

— Картр!

Звук, который он издал в ответ на этот призыв, был криком животного, увидевшего приманку. Его имя! Кумми осмелился использовать его имя! И арктурианин даже подал голос. Хитрый дьявол! Иллюзии — как хорошо его искусный мозг умеет создавать их.

Две фигуры появились перед ним. Камень выпал из его пальцев.

Неужели Кумми контролирует и его зрение? Неужели арктурианин может заставить его видеть по—своему?

— Картр!

Он снова потянулся за камнем. Бежать... Но куда?

— Кумми?...

Он почти хотел верить, что это хитрость арктурианина, что на самом деле он видит не две приближающиеся к нему фигуры этих улыбающихся людей в рейнджерских костюмах.

— Картр! Наконец—то мы тебя нашли!

Они нашли его. Почему же не стреляют? Чего ждут?

— Стреляйте!

Он думал, что выкрикнул это, но лица их не менялись, они продолжали приближаться. И он знал, что, если они коснутся его, он этого не перенесет.

— Картр! — сказал другой голос с конца ущелья.

Он дернулся от этого звука, как будто силовое лезвие распластало его тело.

Третья фигура в форме рейнджера пробивалась сквозь заросли. И при виде этого лица сержант дико закричал, что—то взорвалось в мозгу Картра, и он полетел во тьму, в гостеприимную, безопасную тьму, где мертвые не ходят и дружески не улыбаются. Он с благодарностью погрузился в эту тьму.

— Картр!

Мертвый звал его, но во тьме безопасно, и если он не ответит, никто не вытащит его оттуда навстречу безумию.

— Что с ним случилось? — спросил кто—то.

Он лежал во тьме тихо и неподвижно.

— ... Установим. Надо отвезти его в лагерь. Послушайте, Смит, обязательно привяжите его к сидению, иначе он может перевернуться через край...

— Картр!

Его трясли, ощупывали, но он с огромными усилиями сжимал губы, заставляя себя лежать вяло и тяжело. И, наконец, упорство защитило его. Его оставили в безопасной тьме.

Он ощутил тепло, успокаивающее тепло. Он лежал неподвижно, как и при первом пробуждении, и чувствовал, как оживает его тело. Его трогали, прикасались к полузажившим ранам, оставляя ощущение свежей прохлады в охраняющей его тьме.

— Ты считаешь, что он не в себе?

Слова звучали в темноте. У него не было желания видеть, кто их произносит.

— Нет. Тут что—то другое. Мы можем лишь догадываться, что с ним сделал этот дьявол, вероятно, снабдил ложной памятью. Вы видели, как он повел себя, когда мы нашли его? С мозгом, своим или чужим, можно проделать все, что угодно, если ты сенситив. В некоторых отношениях мы гораздо уязвимее, чем вы, не пытающиеся выйти за человеческие границы...

— Где Кумми? Хотел бы я ...

В голосе звучало холодное смертоносное обещание. Картр был вполне согласен. И эта эмоция вытолкнула его из безопасной тьмы.

— Мы все хотим этого. И добьемся рано или поздно.

К его губам прижали твердый край чего—то. Жидкость протекла в рот, и он был вынужден глотнуть... Ему обожгло горло, в животе растекалось приятное тепло.

— Итак, вы его нашли?

В окружающем его тумане возник новый голос.

— Хага Зикти! Мы ждали вас, сэр! Может, вы найдете способ лечения?

— Да? А что с ним? Я не вижу раны...

— Болезнь здесь...

Пальцы коснулись лба Картра. Он отшатнулся от этого прикосновения.

— Что ж, надо подумать. Ложная память или...

Он убегал, убегал сквозь тьму. Но другой бежал за ним, пытался догнать... Болезненно застонавший Картр снова оказался в коридоре, а перед ним Кумми и кап—пес. В третий раз переживал он постыдное поражение и смертоносное нападение на товарищей.

— Значит, Кумми одолел его! Должно быть, использовал другие мозги, чтобы накопить силу...

Кумми! Горячий гнев вспыхнул в мозгу Картра, жег стыд и отчаяние... Кумми... Арктурианин должен быть побежден, иначе он никогда не почувствует себя чистым. Да и с исчезновением Кумми очистится ли он? Навсегда останется тот ужасный момент, когда он стрелял в изумленное лицо Зинги.

— Он одолел..., — действительно ли он произнес эти слова, или они звенели в нем самом? — я убил ...убил Зингу...

— Картр! Великий космос, о чем он говорит? Ты убил?

Он начал медленно, с трудом выбрасывать слова, которые, казалось, приносили облегчение. Сражение, бегство и вездеход, взлет, его пробуждение в дикой местности — он рассказал все.

— Но ... Это чистейшее безумие! Он не делал этого! — возразил чей—то голос. — Я видел его, да и вы тоже. Он шел так, будто не замечал никого из нас, взял вездеход и улетел. Может, он подобрал Кумми, как говорит... но остальное...— это безумие!

— Ложные воспоминания, — заявил уверенный голос. — Кумми хотел, чтобы он считал себя виноватым и убегал от нас, даже если Кумми не сможет полностью контролировать его. Просто...

— Просто! Но Картр — сенситив, он сам может сделать так. Как он мог?

— Именно потому, что он сенситив, он более уязвим. Во всяком случае... Сейчас мы знаем, что с ним.

— Вы можете его вылечить?

— Попытаемся. Останутся шрамы. Все зависит от того, насколько глубоко проник в него Кумми.

«Кумми!» — он выплюнул это имя, как ругательство.

— Да, Кумми. Если Картр будет помогать нам... Посмотрим.

Снова успокаивающая рука на лбу.

— Спи..., ты спишь..., спишь...

И он уснул, довольный, как будто с него сняли какой—то груз. Он спал.

Пробуждение было внезапным. Над ним был крыша из переплетенных ветвей и крупных листьев. Он лежал под навесом, какие рейнджеры обычно делают во временном лагере. И укрыт он таким одеялом, какие лежат в их рюкзаках — одеяла, изготовленные из шелка узакианского паука. Такие, именно такие. Воздух влажный, туман закрывает деревья, окружающие полянку...

Кто—то вышел из тумана и опустил на землю вязанку хвороста.

— Зинга!

— Живой и невредимый! — ответил закатанин и в подтверждение своих слов щелкнул челюстями.

— Значит, это было ложное воспоминание..., ложное ...

Картр облегченно вздохнул.

— Более нелепого сна тебе никогда не снилось, мой друг. Как ты себя теперь чувствуешь?

Картр блаженно потянулся.

— Чудесно. Но у меня множество вопросов.

— Это позже, — Зинга подошел к костру и взял чашку, стоявшую на камне рядом с огнем, — сначала выпей.

Картр выпил. Горячий бульон, исключительно вкусный. Он с улыбкой, от которой болели отвыкшие улыбаться мышцы, посмотрел вверх.

— Хорошо. Думаю, что здесь проявил свои способности повар Филх...

— О, он все время мешал и добавлял какие—то листочки. Съешь еще...

Картр еще прихлебывал бульон, когда на освещенном месте возникла новая фигура. Сержант уставился на подходившего,

забыв проглотить бульон. Зинга здесь, рядом. Тогда кто же этот, во имя тарлускианских дьяволов?

Зинга проследил за направлением взгляда Картра и улыбнулся.

— Нет, я не раздвоился, — заверил он сержанта, — это Зикти, разумеется, закатанин. Он историк, а не рейнджер.

Второй закатанин направился к навесу.

— Значит, вы проснулись, мой юный друг?

— Проснулся и снова в себе, — Картр счастливо улыбался им обоим. — Но нужно время, чтобы я отделил подлинные воспоминания от ложных..., они путаются.

Зинга покачал головой.

— Не напрягайся, пока не окрепнешь.

— Но где...

— О, я был пассажиром Х451 вместе со своей семьей. Мы вчера встретились с рейнджерами. Точнее, они отыскиали нас...

— Что было в городе после... после моего ухода?

Когтистый палец Зинги со скрипом прошелся по челюсти.

— Мы решили уйти... после того, как борьба кончилась.

— Искать меня?

— И по другим причинам. Дальгр и Смит обнаружили воздушный корабль, построенный жителями города. Он доставил нас сюда, но вышел из строя, и они ремонтируют его.

— Гм...

Картр размышлял. Произошли изменения, и ему хотелось знать, что изменилось.

12. Картр выходит на след.

Трое в костюмах рейнджеров сидели у костра. Картр приподнялся, глядя на них.

— Вы так ничего и не сказали, — нарушил он молчание. — Почему вы оставили город?

Никто из троих не хотел встретиться с его взглядом. Наконец ответил Смит, и в его усталом голосе звучал вызов.

— Они были рады избавиться от Кумми и его людей...

Картр ждал, но связист, по—видимому, не собирался продолжать.

— Большинство из них, — добавил после долгой паузы Дальгр, и его голос звучал глухо, — они...

— Они решили, — подхватил объяснение Зинга, — что не хотят замены одного правительства другим..., им показалось, что патруль собирается занять место Кумми. Поэтому мы не были желанными гостями, особенно рейнджеры.

— Да, они ясно дали это понять, — холодно сказал Смит. — Теперь, когда война кончилась, пусть войска уходят — обычное отношение штатских. Мы вносим элемент нестабильности. Поэтому мы взяли одну из городских машин и улетели...

— Джексен?

— Он погнался за охранником, убившим командора. Когда мы их нашли, оба были мертвы. Мы — последние представители патруля, да еще Рольтх и Филх, которые ушли на разведку.

Они не стали углубляться в подробности, и Картру была понятна причина их сдержанности. Может быть, для горожан, ощутивших хватку Кумми, патруль был как бы символом прошлого образа жизни. И после свержения правительства патруль тоже должен уйти. Но одно следствие было несомненным: они больше не были членами экипажа и рейнджерами, был только патруль. Второе изгнание укрепило их связь друг с другом.

— Возвращаются наши рыбаки! — Зикти, дремавший у костра, встал, встречая выходящих из—за деревьев. — Ну, каков же улов, мои дорогие?

— Мы положили у воды синий фонарик Рольтха, его свет привлекал жителей воды, поэтому улов у нас сегодня богатый, — ответил тонкий голос закатанской женщины. — Какой богатый мир! Зор, покажи отцу, какого бронированного зверя ты поймал под скалой...

Самый маленький из троих подбежал к отцу, держа в руках шевелящееся существо со множеством лапок и парой мощных клешней. Заинтересованный Зикти, избегая щелкающих клешней пленника, внимательно осмотрел его.

— Как странно! Он мог быть отдаленным родственником полторианина, но ни следа разума...

Картру почти не доводилось видеть закатанских женщин, но долгая дружба с Зингой приучила его к тому, чем отличается внешность человека от внешности закатанина, и он понимал, что Зацита и ее юная дочь Зора для представителей своей расы очень привлекательны. Что касается маленького Зора, то

такие мальчишки есть в любой расе. Он наслаждался каждой минутой этой дикой жизни.

Зацита грациозным жестом предложила садиться. Картр заметил, что Смит и Дальгр тоже поднялись, приветствуя закатанских женщин. Несомненно, их отношение к бемми сильно изменилось.

На следующее утро Картр проснулся рано и долго лежал неподвижно, глядя на наклонную крышу навеса. Что—то его беспокоило. Но вот рот его сложился в тонкую жесткую линию. Он знал, что должен сделать. Картр выполз из спального мешка. Сквозь сонное дыхание спящего лагеря слышалось близкое журчание реки.

Вначале он двигался несколько неуверенно, но потом восстановил равновесие и легко добрался до берега. Вода была холодной, и у него сначала захватило дыхание. Сделав несколько шагов по песчаному дну, он поплыл.

— О, в молодости силы восстанавливаются удивительно быстро!

Гулкий голос был заглушен всплеском. Картр поднял голову и тут же получил в лицо струю воды: это мимо на полной скорости пронесся Зор. Зикти осторожно соскочил с плоской скалы и поплыл по течению.

Почтенный закатанин доброжелательно посмотрел на сержанта. Сделав несколько гребков, Картр присоединился к нему.

— Немного примитивная жизнь, сэр...

Профессор из галактического университета истории в Зованге спокойно ответил:

— Иногда неплохо прервать рутину комфортабельной цивилизованной жизни. К тому же мы, закатане, легче приспосабливаемся, чем вы, люди. Моя семья считает, что это замечательные каникулы. Зор, например, никогда не был так счастлив...

Он улыбнулся, глядя, как маленькое чешуйчатое тело борется с течением в погоне за водными существами.

— Но это не каникулы, сэр.

Большие серьезные глаза Зикти встретились с взглядом сержанта.

— Да, мы понимаем это, изгнание навсегда...

Он отвернулся, разглядывая скалы и утесы за рекой, густую зелень.

— Что ж, этот мир богат, а места в нем достаточно...

— Есть город с частично действующими в нем механизмами, — напомнил ему Картр.

И тут же уловил теплый уверенный ответ, ощутив удовлетворение, какого давно не испытывал. Зикти по—своему ответил ему.

— Я думаю, что жители города должны быть предоставлены сами себе, — сказал наконец историк. — В сущности, их выбор — это отступление. Они хотят, чтобы жизнь оставалась всегда такой же. Но так в жизни не бывает. Жизнь идет вперед — это прогресс или отступление. Они идут по тому же пути, что и вся империя. Все последние столетия мы медленно отступали. Отступали ...

— Упадок?

— Да. Например, распространение этой неприязни к негуманоидам. К счастью, мы, закатане, сенситивы, и мы готовы к встрече с такой ситуацией, которая сложилась после посадки Х451...

— Что же вы сделали? — спросил заинтересованный Картр. Зикти засмеялся.

— Мы тоже приземлились... на шлюпке. Поблизости виднелся лес. Прежде чем они опомнились, мы уже были там, вне пределов их досягаемости. Но... если бы мы не почувствовали отношение Кумми ... все могло бы кончиться по другому...

Мы пошли в этом направлении и разбили лагерь. И, должен вам сказать, сержант, никогда я не был так изумлен, как тогда, когда случайно вступил в контакт с Зингой. Еще один закатанин! Как будто я встретился лицом к лицу с сутаилом, а у меня нет бластера! После того, как мы соединились с вашим отрядом, все, конечно, прояснилось. Они искали вас... ваши рейнджеры очень вас уважают, Картр.

Снова ощущение тепла и уверенности возникло в мозгу сержанта. Он покраснел.

— И когда они нашли меня...

— Да, они нашли вас, посадили в машину и привезли сюда. И ваш опыт дал нам очень важный урок — не надо недооценивать противника. Я никогда бы не поверил, что Кумми способен на такое нападение. Но, с другой стороны, он не так силен, как считал, иначе вы не сумели бы уйти из под его контроля после бегства из города...

— Ушел ли я? — улыбка у Картра была хмурая. — Несмотря на ваше лечение, я не помню, что произошло между вылетом из города и тем моментом, когда я очнулся на скале.

— Я считаю, что вы освободились от него. Давайте рассмотрим факты. Вы, жители Илен, по шкале сенситивности достигаете 6.6. Верно?

— Да. Но у арктуриан предполагается только 5.9...

— Верно. Однако всегда есть шанс встретиться с мутантом. В определенные моменты истории мутации усиливаются. Жаль, что мы ничего не знаем о происхождении Кумми. Если он мутант, то это объясняет многое.

— Не скажете ли, какое место по шкале занимают заката-не? — просто спросил Картр.

Большие глаза смотрели на него.

— Мы сознательно не подвергались апробациям, молодой человек. Всегда разумнее кое—что сохранить в тайне... особенно, когда имеешь дело с несенситивами. Но я поставил бы нас где—то между восемью и девятью. За последнее поколение у нас появилось несколько ТЕЛов — они объединяют в себе способности и к телепатии, и к телекинезу — и очень много лиц, сенситивность которых на одну—две десятых ниже. Я уверен, что если у моего народа наблюдается такая мутация, она должна происходить и в других расах тоже...

— Мутанты! — повторил с дрожью в голосе Картр. — Я был на Кабле, когда Портивар поднял восстание мутантов...

— Тогда вы знаете, что может принести подобное увеличение рождаемости мутантов. Все изменения имеют и хорошие, и плохие последствия. Скажите мне, когда вы были ребенком, вы знали о своих способностях сенситива?

Картр покачал головой.

— Нет. В сущности, я не подозревал о своих способностях, пока не поступил в школу рейнджеров. Инструктор обнаружил мой дар, и я получил специальную подготовку.

— Вы были латентным сенситивом. Илен — пограничная планета, ее население было не слишком близко к варварству, чтобы осознать свою силу. Уничтожить такой многообещающий мир! О, жестокость войны! Я убежден, что из—за таких вещей, как уничтожение Илен, наша цивилизация приближается к концу. А в лагере у нас теперь причудливая смесь.

Он вылез из воды и с силой начал растираться полотенцем.

— Зор, пора выходить! — позвал он сына. — Да, мы странная смесь — собрание разных представителей империи, — продолжал Зикти. — Вы и Рольтх, Смит и Дальгр — люди, но с разных планет, так что сильно отличается друг от друга. Филх, Зинга и моя семья — негуманоиды. Те, что в городе —

люди, причем высокоцивилизованные. И кто знает, может, на планете есть туземцы. Можно подумать, что некто или нечто собирается ставить здесь эксперимент, — он хихикнул и принюхался. — А, еда, а я очень голоден! Посмотрим, что там готовится?

Прежде, чем они подошли к костру, Зикти тронул Картра за руку.

— Я хочу поделиться с вами еще одной мыслью, мой мальчик. Я плохо знаю вашу расу, возможно, вы не мистичны, хотя большинство сенситивов стремится заглянуть за плоть и ищет душу. Вероятно, вы не религиозны. Но если мы отобраны здесь с какой-то целью, нужно оказаться достойным выбора!

— Согласен, — коротко ответил Картр, зная, что собеседник оценит его искренность.

Закатанин кивнул.

— Отлично, отлично. Остаток жизни должен пройти неплохо. И только подумать! Такое приключение, когда я уже начал думать, что жизнь слишком пресна! Моя дорогая, — обратился он к Заците, — аромат жаркого восхитителен. Мой голод увеличивается с каждым шагом!

Но Картр ел механически. Конечно, Зикти хорошо рассуждать о будущем в таких масштабах. Историк привык воспринимать всю ситуацию, а не только отдельные детали. А у рейнджеров противоположный подход: для них детали всего важнее, они тщательно изучают новые планеты, долгие часы наблюдают за странными животными и по нескольким кирпичам; путем размышлений, восстанавливают исчезнувшую цивилизацию. А тут перед ним деталь, с которой он должен справиться.

Он должен обезвредить Кумми!

Именно эта мысль пришла ему в голову утром, когда он проснулся. Она была частью его снов и теперь превратилась в настоятельную потребность. Живой или мертвый, он должен найти и он найдет арктурианина. И если Джойу Кумми жив, он остается для всех страшной угрозой.

Странно... Картр потряс головой, как бы стараясь прояснить ее. Как его преследует эта мысль: Кумми опасен и обезвредить его — дело Картра. К счастью, арктурианин — неопытный следопыт, он оставит ясный след. Пройти по нему для рейнджера — детская игра. Они вместе покинули город. Ночью где-то они разошлись. Может, Кумми вытолкнул его из вездехода, надеясь, что Картр разобьется насмерть? Если

это так, найти арктурианина будет сложнее: на облаках он не оставит следов. Значит, нужно вернуться к скале, где Картр впервые пришел в себя...

— Она в десяти—пятнадцати милях к северу...

Сержант посмотрел на Зингу. Тот подхватил его мысль.

— И ты, Картр, не пойдешь один. Это не тот след, по которому идут в одиночку.

Картр напрягся, но Зинга и без слов понял его.

— Это мое дело, — заметил сержант, сжав губы.

— Конечно. Но все же тебе нельзя идти по следу одному. У нас есть летательный аппарат, на нем быстрее. И с него лучше видны следы.

Разумно, но от этого смириться не легче. Картр предпочел бы уйти из лагеря один и пешком. Он знал, что арктурианин теперь один. Он не будет чувствовать себя здоровым и чистым, пока не сразится с Кумми и не победит.

— Отдохни еще день, — посоветовал Зинга, — и потом мы пойдем. Это дело с Кумми очень важное.

— Другие могут так не думать. Он один в дикой местности, которую не знает. Возможно, дикие звери уже сделали работу за нас.

— Но он Кумми, и над нами продолжает висеть угроза. Говорил тебе Зикти, что он считает его мутантом? Вспомни, на что был способен Пертивар. Кумми не должен победить, когда ты встретишься с ним в следующий раз.

Картр улыбнулся закатанину, но в улыбке его не было веселья.

— Ты знаешь, друг мой, я думаю, ты прав. И я больше не повторю свою ошибку. Я не буду слишком самоуверен. И с ним нет ни кап—пса, ни других мозгов, которые он мог бы использовать.

— Хорошо, — Зинга встал. — Пойду порасспрашиваю Дальгра. Надо узнать, много ли энергии осталось в машине.

Они вылетели на следующее утро. Никто ни о чем не расспрашивал, хотя Картр был уверен, что они все знают о цели полета, воздушная лодка не обладала скоростью вездехода и его маневренностью. Сидевший за штурвалом Зинга вел ее вдоль реки, пока они не увидели ручей, который послужил Картру проводником.

Время от времени закатанин с беспокойством поглядывал на тяжелые облака, собирающиеся на горизонте. Приближа-

лась буря, и им нужно было поискать убежище. Оказаться во власти бури в легкой лодке было нежелательно.

— Узнаешь что—нибудь внизу?

— Да, я уверен, что проходил по этому лугу. Помню, как пробирался через высокую траву. А вот эти деревья меня привлекают. Не сесть ли нам под их защиту?

Зинга снова посмотрел на тучи.

— Лучше бы добраться до твоей скалы. О, огненные мыши! Темнеет! Хотел бы я иметь глаза Рольтха!

Быстро темнело. Поднявшийся ветер ударил по лодке, она закачалась, как на морских волнах. Картр вцепился в сидение.

— Подожди!...

Он произнес это слово с риском прикусить язык, так как лодка в этот момент нырнула, в полумгле он разглядел знакомую скалу и склон, уходящий к ручью.

— Похоже, что я упал здесь.

Они уже миновали скалу, но Зинга повернул назад. Картр, прищурившись, пытался вообразить, как выглядит это место с точки зрения человека, лежавшего на вершине скалы.

Лодка неожиданно резко свернула вправо. Картр хотел возразить, но забыл об этом, заметив, что привлекло внимание Зинги. Вершина дерева была сбита, белел расколотый ствол. Закатанин искусно развернул и посадил лодку. В другое время его маневр вызвал бы восторг Картра, но сейчас он был слишком поглощен тем, что могло находиться за сломанным деревом.

Под грудой обломанных ветвей они нашли обломки вездехода. Ни один техник не сумел бы восстановить эту машину. Мягкий корпус, зажатый между стволами, был пуст.

Зинга принялся, осветив пустое сидение вездехода.

— Ни следа крови. Вопрос: один он или вы оба были на борту в момент удара?

Картр покачал головой, пораженный результатом крушения.

— Не думаю, чтобы там вообще кто—то был. Может он выбросил меня и ...

— Да... и, если ты боролся, он мог потерять управление. Тогда это и случилось. Но тогда где же Кумми или его останки? Даже если бы здесь похозяйничали хищники, что—нибудь да осталось бы...

— Он мог выпрыгнуть перед ударом, — предположил сержант. — Если у него был антигравитатор на поясе, он мог приземлиться невредимым.

— Значит, нужно поискать следы. — Зинга глянул на небо, выставив вперед челюсть. — Дождь может все смыть...

Наконец облака облегчились от груза воды. Рейнджеры добежали до выступа скалы, послужившего им подобием убежища. Может быть, деревья дали бы большую защиту от дождя, но, взглянув на падающие ветки, Картр решил, что это не безопасно. Дождь заливал их, проникал во все поры одежды и обуви.

— Он не может долго продолжаться, столько воды просто не существует! — прокричал Картр и понял, что его голос совершенно заглушен шумом дождя.

Он чихнул, вздрогнул и подумал с горечью: Зинга может оказаться прав. Поток уничтожит следы, оставленные Кумми.

Вдруг Картр выпрямился и почувствовал, как одновременно напрягся Зинга. Закатанин был удивлен так же, как и он сам.

Они уловили слабую, очень слабую мольбу о помощи. От Кумми? Картр почему—то решил: нет. Но мольба шла от человека, вернее, от разумного существа. Кто—то живой и разумный находился в опасности. Сержант мгновенно повернулся, пытаясь определить направление. Они должны ответить на боль и ужас этого существа!

13. Королевство Кумми.

— С севера..., — послышался гортанный голос Зинги. Закатанин с его совершенным ощущением был прав.

— Лодка выдержит?

Картр привык к патрульным вездеходам, которые были предназначены для использования в сложных погодных условиях. Но лодка не внушала ему доверия.

Зинга пожал плечами.

— Что ж, это не вездеход. Но ветер стихает, а пешком мы все равно не можем идти.

Они буквально протискивались сквозь стену падающей воды, добираясь до тесной кабины лодки. Какое облегчение — уйти от этого дождя! Но уже когда они садились, легкое суде-

нышко накренилось под ними. Лететь на таком ветру — все равно что уподобиться листику, попавшему в водоворот.

Но, понимая это, они не колебались. Зинга сразу запустил двигатель, а Картр послал пробную мысль, пытаясь вступить в контакт с тем, кто просил о помощи.

В какой—то мере им повезло: тучи начали расходиться. И Зинга был прав, ветер стихал. Легкое суденышко подбрасывало, вертело, спускало, поднимало, и закаты с трудом удерживал курс. Но они все же летели, летели высоко над вершинами деревьев, чтобы избежать участи вездехода.

— Пойдем кругами? — мысленно задал вопрос Зинга.

— Горючего хватит? — в ответ спросил Картр, вглядываясь в шкалы приборов.

— Ты прав, мы не можем себе этого позволить, — согласился Зинга. — Еще четверть тола такого парения, и мы вообще никуда не полетим...

Картр даже не пытался перевести «тол» в знакомые меры длины. У него было предложение.

— Выбери хороший ориентир и посади лодку.

— Оттуда пойдем пешком? Возможно ты прав. Если ослабнет дождь. А вот и ориентир — согласен? Сядем в середине.

Ориентир находился примерно в миле от них — широкая площадка почерневшей почвы с пнями, между которыми начали пробиваться молодые ростки, недавно здесь горел лес.

Зинга очень аккуратно опустил лодку между пней.

И как только они вышли из лодки, просьба о помощи вновь достигла их. В ней уже гораздо яснее звучал ужас. Картр уловил кое—что еще. Они были не единственными живыми существами, откликнувшимися на призыв. Там был охотник, четвероногий, голодный — не ел по крайней мере сутки.

Старая звериная тропа шла по выжженной земле. Копыта и лапы за много лет так выбили ее, что по ней можно было идти наощупь. Картр быстро шел по тропе и голой скале. Скальная стена некогда помешала огню распространиться. В ней была узкая щель, сквозь которую проходила тропа. Потом она спустилась по склону и уходила в настоящий лес.

Охотник был поблизости, рядом с добычей. Картр уловил мысль пойманного в ловушку. Это был человек, но не Кумми. Незнакомый, раненый, одинокий, очень испуганный.

Охотник теперь знал, на кого охотится. Он заколебался... и Картр услышал крик, более похожий на стон. Перед ним была стена кустов, он пробился через нее и сразу увидел упавшее

дерево, а под ним маленькое, жалкое, тощее тело, прижатое к земле толстой ветвью. Искажённое лицо было повернуто к нему. Картр увидел, что человек этот не из города.

Картр вжал ноги в мягкую почву, чтобы поднять ветвь. Но ему не удалось приподнять ее настолько, чтобы пленник мог освободиться. Охотник ждал, ждал за соседним кустом.

— Йахх! — этот рев был боевым кличем закатанского вой-на. Над головой Картра блеснул луч бластера.

Огненная нить встретила красновато—коричневое тело в середине прыжка. Удар отбросил зверя, уже мертвого, назад, в путаницу ветвей, из которых он выскочил. Воздух наполнился запахом горелого мяса и жженой шерсти.

Картр снова принялся за дело. Он выкапывал мягкую землю из под ветви, когда прозвучал крик, полный ужасного, беспричинного страха.

Лицо пленника исказилось ужасом и почти потеряло человеческое выражение.

Но бояться было нечего — огромная кошка мертва. Только Зинга стоял рядом, пряча бластер в кобуру.

Но именно закатанин и внушил этот ужас.

Картру не пришлось ничего говорить: рейнджер сам понял все, что происходит, и исчез, как будто растаял в кустах. Картр видел, что пленник неподвижен, глаза его закрыты. Он без сознания! Что ж, это даже упростит его задачу.

Вернулся Зинга так же бесшумно, как и исчез. Вдвоем они быстро освободили хрупкое тело и положили его на траву. Картр быстро и ловко ощупал лежащего.

— Кости не сломаны. Хуже всего это...

На боку незнакомца виднелась глубокая царапина.

Тело было худое, ясно виднелись ребра под обожженной солнцем кожей. Незнакомец был маленьким и слабым, слишком маленьким, чтобы считаться взрослым. Картр решил, что это мальчик. Голову его покрывала масса спутанных желтых волос, забитых грязью и мелким мусором, челюсти и верхняя губа были покрыты пушком. Рваная одежда состояла из безрукавки, сделанной из шкуры какого—то животного, и штанов того же материала, на ногах — странные мешкообразные покрытия.

— Очень примитивно... Туземец? — спросил Зинга.

— Или выживший после другого крушения.

Закатанин прикусил коготь.

— Возможно. Но тогда...

— Да. Если этот незнакомец с другого корабля, потерпевшего крушение, то почему он так испугался тебя.

Закатане были широко известны и не вызывали страха. Они никогда не становились пиратами. Но... Картр впервые взглянул на товарища со стороны. Допустим, кто—то никогда раньше не видел закатанина. Допустим, что планета заселена существами, более или менее похожими на него самого. Тогда достаточно одного взгляда на эти большие челюсти с мощными клыками, на эту чешуйчатую кожу, на жабо за безволосой головой... Да, этого вполне достаточно, чтобы испугать примитивный разум.

Зинга кивнул: он думал так же. И у него было готово предложение.

— Я возвращаюсь к лодке и буду оставаться невидимым. А ты попытайся узнать, откуда он и все остальное. Если вы пойдете, я за вами. Здесь туземцы! А что, если их нашел Кумми?

Но Картр не нуждался в этом предупреждении.

— Иди. Мне кажется, он приходит в себя.

Дрогнули веки. Глаза под ними были светло—голубые, почти белесые. Вначале в них отражался только ужас, но, когда человек увидел, что перед ним только Картр, ужас исчез, сменившись опасливым любопытством. Сержант слегка коснулся мыслью чужого мозга и убедился, что был прав. Парень не был членом выжившего галактического экипажа. Если он и происходил от галактических бродяг, то они приземлились в этом забытом мире много поколений назад.

Чтобы окончательно убедиться в этом, Картр задал первый вопрос на универсальном космическом языке.

— Кто ты?

Мальчик был удивлен, и удивление это сменилось новым страхом. Он не привык к звукам чужих языков, галактическая речь для него ничего не значила. Картр вздохнул и вернулся к самому легкому способу коммуникации. Он ткнул в свою грудь пальцем и произнес медленно и отчетливо:

— Картр.

Настороженность оставалась, но любопытство усилилось. После недолгого колебания мальчик повторил жест рейнджера и сказал:

— Орд.

Орд... Это могло быть местным обозначением человека вообще, но Картр подумал, что все же вероятнее всего это личное имя. Снова, и с предельной осторожностью, сержант попробо-

вал испытать мысленный контакт. Он ожидал, что мальчик отшатнется, испугается... Но, к его удивлению, мальчик был явно знаком с таким обменом мыслями. Да, несомненно, хотя он и не сенситив.

Это могло означать только одно: в прошлом он имел дело с сенситивом и не боялся мысленного прикосновения. Кумми! Сержант навестил Зингу. Закатанин ждал в лодке.

Картр вернулся к Орду. Уложив мальчика под соседним деревом, где не так докучал дождь, он принялся за работу. Постепенно увеличивая запас слов, он узнал, что Орд принадлежит к племени, ведущему бродячую жизнь в дикой местности. Любое упоминание города вызывало боязливую уклончивость. По—видимому, это было какое—то табу. Эти «сверкающие места» когда—то были домом «небесных богов».

— А теперь боги вернулись...— продолжал Орд.

Картр насторожился.

— Боги вернулись?

— Да. К нам пришел один, он искал наш клан... чтобы мы смогли служить ему.

— Какова внешность небесного бога? — поинтересовался сержант, стараясь говорить обычным голосом.

— Он похож на тебя... — тут глаза Орда расширились.— Значит, ты тоже небесный бог? — и он скрещенными пальцами указал на рейнджера.

Картр сделал решительный шаг.

— С твоей точки зрения, да. Я пришел с неба. И я ищу бога, который сейчас среди твоего народа, Орд.

Мальчик беспокойно зашевелился, пытаясь отползти от сержанта. В его взгляде снова появился страх.

— Он сказал, что его будут искать... демоны ночи и творцы зла, — нотки ужаса звучали в его голосе. — И когда ты появился в первый раз, мне показалось, что рядом с тобой демон!... — голос его почти перешел на крик.

— Разве сейчас ты видишь его, Орд? Я один с тобой. И ты сам сказал, что я похож на бога, который сейчас с твоим народом...

— Должно быть, ты и вправду бог... или демон. Ты убил огнем молчаливого охотника. Но если бог, который пришел к нам, твой друг, то почему он сказал, что его будут искать враги?

— Пути богов не похожи на пути людей, — уклончиво ответил Картр, — будь я демоном, Орд, разве я вытащил бы

тебя из—под дерева, перевязал твою рану и обращался с тобой так хорошо? Не думаю, чтобы творец зла поступил бы таким образом.

Эта простая логика подействовала на мальчика.

— Верно! А когда мы придем в клан, у нас будет большой пир, а потом мы пойдем к месту встречи с богами, где ты будешь таким же, как в древности...

— Я очень хочу пойти с тобой в твой клан, Орд. Долго ли туда идти?

Мальчик коснулся раненого бока рукой и нахмурился.

— Один день пути. Но я не смогу идти быстро...

— Придумаем что—нибудь, Орд. А место встречи с богами — там живет твой народ?

— Нет, оно гораздо дальше, десять дней пути отсюда. А может и больше. Раз в год там собираются все кланы, торгуют, посвящают в воины, и девушки выбирают себе пару. Песни, танец копий...

Мальчик замолчал. Картр убрал с его лба волосы.

— Теперь спи, — приказал он.

Бледно—голубые глаза закрылись, дыхание стало ровным и тихим. Картр подождал несколько минут и скользнул за деревья. Почти сразу же к нему присоединился Зинга.

— «Небесный бог», о котором он говорит, это, должно быть, Кумми... — начал сержант.

— Да, это Кумми, и нам сейчас нужно торопиться. Если Орд принадлежит к примитивному суеверному народу... именно такое племя нужно Кумми...

— Он может разжечь пламя, которое легко распространится, — согласился Картр. — Нужно остановить его! — он постукал пальцем по поясу. — Мальчика нужно взять с собой, — продолжал он. — Но лагерь в дне пути. Я не смогу нести его столько...

— Полетим в лодке.

— Но, Зинга, он считает тебя демоном, и его не втащишь в лодку...

— Никаких затруднений не будет, подумай, Картр. Ты — сенсетив, но еще не представляешь на что способен. Орд увидит и услышит только то, что я захочу. Он отведет нас к нужному месту. Но мы не приземлимся в лагере... Я не смогу контролировать сразу несколько мозгов. Особенно когда поблизости Кумми. Ты отведешь мальчика в лагерь, и он не будет помнить ни о полете, ни о втором рейнджере.

Все получилось так, как сказал Зинга. Орд полуспал, лежа между ними. Он с готовностью отвечал на вопросы закатанина. Видимость улучшилась, они улетали от дождя.

— Дым! — Картр указал направо.

— Должно быть, их лагерь. Поищем место для посадки... Не очень далеко. Возьми его...

Десять минут спустя Картр, несший на руках мальчика, остановился. Он стоял на краю открытого пространства, перед ним в беспорядке были разбросаны кожаные шатры. В пределах умственного контакта находилось минимум двадцать индивидуумов. Но не Кумми.

— Орд!

К рейнджеру бежала девушка. И на ее плечи свисали пряди таких же желтых, как у мальчика, волос.

— Орд?

Она уставилась, с ужасом глядя на сержанта. К его облегчению, мальчик очнулся от ее крика и поднял голову.

— Квета!

Из палаток выходили остальные. Трое мужчин, которые были ненамного выше Орда, осторожно приближались, держа руки вблизи ножей на поясе. Виски и подбородки у них были покрыты густыми спутанными волосами. Мохнатые — совсем животные.

— Что ты здесь делаешь?

Это спросил самый высокий из троих.

— Ваш мальчик... ранен... Я его принес... — Картр медленно подбирал слова.

— Отец... Это небесный бог... Он ищет своего брата, — добавил Орд.

— Небесный бог ушел на охоту.

Картр мысленно поблагодарил судьбу за возможность выяснить обстановку до возвращения Кумми.

— Я подожду...

Они не спорили. Орда уложили на груды шкур в самой большой палатке. Рейнджеру дали место у огня и предложили миску с похлебкой. Он поел, хотя еда оказалась невкусной.

— Давно ли..., давно ли ушел небесный бог? — спросил он наконец.

Вульф, волосатый вождь, отец Орда, затянулся дымом из плотно скрученных листьев, которые он поджег от лучины, и медленно выпустил из губ едкое облачко.

— С первым светом. Он мудр. Своей магией он удерживает зверей, а юные воины их убивают. С его приходом мы постоянно пируем. Он пойдет на место встречи с богами и созовет все кланы. Наши девушки выйдут замуж, мы снова станем великими и будем править этой землей...

— Ваш народ жил здесь всегда?

— Да. Это наша земля. Было время огней, и боги улетели в небо, а мы остались. Но мы знали, что они вернутся и принесут с собой хорошую жизнь. И вот это время пришло. Сначала вернулся Коуми... — он произнес это имя с трудом. — Теперь ты, будут и другие. Так обещали древние.

Некоторое время он молчал, пуская дым, потом добавил:

— У Коуми есть враги. Он сказал, что демоны не хотят, чтобы мы снова стали великими...

Картр кивнул, делая вид, что внимательно слушает вождя, он в то же время слушал не только ушами. Они опытные охотники, эти туземцы. Уже пять минут они сзади подбираются к нему. Хотели напасть внезапно... Неплохая идея. И получилось бы, не будь он сенситивом. А так он может ткнуть пальцев в каждого из них. Нужно что-то предпринять, прежде чем они нападут.

— Ты великий, мудрый вождь, Вулф. У тебя много сильных воинов. Но почему они прячутся в темноте, как испуганные дети? Почему этот, с рассеченной губой, притаился там, — сержант указал налево, — а тот, что с двумя ножами, здесь?

Вулф приподнялся, и Картр шевельнул рукой. Язык зеленоватого пламени осветил лица людей, считавших себя спрятавшимися.

Послышался дикий вопль ужаса, и они бросились врассыпную, подальше от этого пламени. Впрочем, следует отдать должное храбрости вождя. Он не двинулся. Только пучок листьев выпал у него изо рта и спалил шкуру на правом колене.

— Если бы я был демоном, — спокойно продолжал Картр, — все они уже были бы мертвы. Я легко мог убить их. Но у моего сердца нет ненависти к тебе и к твоим людям, Вулф.

— Ты враг Коуми, — ответил тот.

— Так сказал Кумми? Или ты только догадываешься? Подожди его возвращения...

— Он вернулся.

Вождь не повернул головы, но голос его слегка изменился, в глазах вспыхнул ум, как будто другая личность вселилась в это приземистое тело.

Картр встал, но не достал бластер. Это оружие он сможет использовать лишь для последней защиты.

— Я поверю в это, когда увижу его. Боги не сражаются из—за спин других...

— Так говорит благородный патруль! Бесстрашные рейнджеры! — губы Вулфа с трудом произносили чуждые для его языка слова. — Вы все еще связаны с этим старомодным кодексом? Тем хуже для вас. Но я рад, что вы вернулись ко мне, сержант Картр, вы лучшее орудие, чем эти безмозглые дикари.

И прежде чем Вулф кончил говорить, Картр ощутил внезапный мысленный удар. Если бы Кумми не выдал себя, возможно, у него было бы больше шансов. Но рейнджер успел подготовиться. И его поддерживал Зинга. Картр, слегка улыбнувшись, парировал удар, и началась беззвучная, невидимая дуэль.

Кумми не пытался ударить сильно. Он пользовался короткими выпадами, которых постоянно приходилось остерегаться. Но уверенность Картра росла. И с усиливающимся возбуждением он понял, что справляется сам — Зинга лишь наблюдал и подбадривал. Пусть Кумми мутант с неизвестной силой, но он встретил достойного противника в лице варвара с пограничной планеты. И рейнджер вдруг понял: Илен была сожжена потому, что арктуриане осознали, какую угрозу для них она представляет.

14. Болезнь.

Уверенность его росла. Возможно, Илен была препятствием на пути растущего честолюбия арктуриан. Что же, человек с Илен отомстит за свой народ и свой мир!

Но затем уверенность внезапно исчезла. Давление Кумми прекратилось, как отсеченное силовым лезвием. Его место заняло кипение неотчетливых мыслей и впечатлений... Неужели Кумми скрылся за блоком, чтобы подготовиться к новой атаке? Картр был готов ее встретить — и она пришла с таким взрывом отчаяния, как будто была последней.

Нападение отхлынуло, но сержант оставался наготове. Он считал, что противник отступил, чтобы собрать силы для новой попытки. И чуть не погиб.

Нападение было не мысленным, а физическим — выстрел из бластера.

С приглушенным криком боли Картр упал. Он лежал, бесильный, в блеске огней.

Вождь покачал головой и тупо посмотрел на неподвижное тело рейнджера. Он еще вставал на ноги, когда из тени появилась фигура Кумми, метнувшаяся к костру с бластером в руке.

— Взять..., взять его!

Но в этих словах вместо триумфа звучала странная нерешительность. Кумми вдруг остановился и поднес руку к голове. Лицо его исказилось, он закричал. Бластер выпал, подскочил и откатился к телу жертвы.

Картр с трудом поднялся, зажимая рукой левое плечо. Блисовая кожа куртки приняла на себя удар лучом, к тому же выстрел был неприцельный. Его сильно обожгло, но он был жив. Наклонившись, он поднял бластер Кумми.

Этот бластер... Почему Кумми хотел его сжечь? Сержант был уверен, что арктурианин предпочтет положиться на умственную мощь: Кумми слишком цивилизован и слишком уверен в себе. Такие действия совершенно не в его характере. И почему он вдруг так легко поддался? Кумми реагировал на его мысленный удар так, как будто у него совсем не было блока.

Когда рейнджер склонился к Кумми, тот шевельнулся и слегка застонал. Арктурианин дышал с трудом, грудь его работала так, будто каждый вздох требовал от него чрезвычайных усилий. Что с ним?

— Коуми... что...

Вулф робко приблизился. Картр коротко приказал:

— Переверни его.

Вождь со страхом повиновался. Он явно боялся прикоснуться к лежащему. Картр опустился на колени, стиснув зубы от резкой боли, которую вызвало это движение. В свете костра были ясно видны резкие черты арктурианина. Рот его был открыт, он тяжело дышал. Вокруг носа и губ проступили отчетливые темные пятна. Картра осенило:

— Имфайрская лихорадка! — воскликнул он, хотя Вулф не мог его понять.

Довольно обычная болезнь. У него самого был когда-то приступ. Единственное лекарство — гандайн. Но до того, как медики открыли это лекарство, болезнь была неизлечимой. Больной задыхался в результате паралича дыхательных мышц. Гандайн! Где его найти? Есть ли он в рюкзаках? Картр старался вспомнить. Вряд ли. Им ведь делали прививки, которые защищали от всех болезней.

Кумми умрет, если не сможет дышать. А он, Картр, со своей раненой рукой не сможет делать искусственное дыхание.

— Ты..., — он повернулся к Вулфу, — положи руки сюда. Нажимай и отпуская, вот так... раз, два...раз, два...

С явным нежеланием вождь подчинился. А Картр связался с Зингой.

— Понял, — донесся ответ. — Постараюсь отыскать гандайн в лагере, если ты продержишься, дай мне два часа, может быть три...

Картр прикусил губу: нестерпимо болел ожог.

— Действуй! — передал он.

Вулф смотрел на него из под путаницы густых волос.

— Почему я должен делать это Коуми?

— Если ты не будешь делать этого, Коуми умрет.

Вождь с откровенным недоверием взглянул на рейнджера.

— Но он не ранен. И он небесный бог, он все знает. Ты заколдовал его, ты его враг.

— Тут нет колдовства...

Картр торопливо отверг два возможных объяснения и выбрал третье, которое вождь мог бы не только понять, но и принять.

— Кумми проглотил невидимых демонов. И они не хотят выходить, но их нужно выгнать, иначе они убьют его так же верно, как убивает нож...

Вулф, продолжая работать, обдумал сказанное. Люди племени — мужчины и женщины — обступили их. Когда Вулф начал уставать, он выбрал самого сильного из мужчин и приказал ему заменить себя. Сержант внимательно следил за лицом Кумми. Ему казалось, что приступ ослабевает.

Возможно, первый приступ кончится до возвращения Зинга. Картр вспомнил, что И м ф а й р протекает циклам. Если первый приступ не убьет жертву, наступает период облегчения, а потом второй приступ. Тут уж спасти может только гандайн. Без гандайна больной неминуемо задохнется. Болезнь, которая за четыре поколения превратилась в легкое недомогание, раньше опустошала целые планеты.

Да, Кумми явно дышал легче. По знаку рейнджера, мужчина, делавший арктурианину искусственное дыхание, остановился, однако лорд вице—сектора продолжал, хотя и неглубоко, дышать. Картр коснулся его влажного лица: на лбу и верхней губе выступил характерный холодный пот.

— Укройте его, — сказал он.

Вулф потянул его за рукав.

— Демоны ушли?

— Они отступили, но могут вернуться.

Сквозь линию мужчин протиснулась женщина и бросила шкуру в сторону Кумми, но не подошла ближе, чтобы укрыть находящегося без сознания... Картр неуклюже натянул на больного шкуру. Туземцы разошлись. Вулф, перешедший на другую от костра сторону, пребывал в нерешительности — не последовать ли за ними.

— Два часа, — сказал Зинга, — может быть, три. — И, возможно, гандайн вообще не окажется, Картр не оглядывался на туземцев, но слышал их свистящий шепот. Он будет знать, если они задумают что-нибудь, но он один, а их больше двух десятков. У него два бластера, но их можно использовать лишь как крайнее средство.

— Вы...

Рядом послышался слабый голос: Кумми пришел в себя.

— Что? — спросил арктурианин.

Картр ответил одним словом:

— Имфайр.

— Победен... вирусом! — в голосе звучало презрение. — Гандайн?

— Возможно. Я послал поискать его в нашем снаряжении.

— Да? Значит вас было двое! — голос Кумми набирал силу. — Но сейчас вы один...

— Я один.

Арктурианин устало закрыл глаза. Он прикрылся непроницаемым мозговым блоком, возможно, он что-то задумал. Но имфайр поражает не только мышцы, но и мозг. Сейчас Кумми мало на что был способен.

— Знаете, у вас будут неприятности с кланом, — Кумми говорил обычным тоном, но едва скрывал злорадство. — Я успел их обработать. Они не воспримут мою гибель спокойно. Они решат, что это вы убили меня.

Картр не ответил, и его молчание, казалось, прибавило сил Кумми.

Следующий приступ вам не удастся победить, рейнджер. Если я умру, вы тоже умрете под их ножами и копьями. Подходящий конец для варвара.

Сержант пожал плечами, хотя этот жест чуть не вызвал у него крик боли. Полуоткрытыми, сузившимися глазами Кумми посмотрел на Картра и оскалил в улыбке зубы.

— Значит, я все—таки задел вас! Что же, тем легче будет добыча для Вулфа и его людей.

— Вы все хорошо продумали. — Картр разрешил себе зевнуть. Он не знал, что происходит за блоком арктурианина, но мог себе представить, как действовал бы он, окажись сам в подобном положении. — Со мной справиться нетрудно, а потом можно устроить засаду и отобрать гандайн у того, кто принесет его.

Но глаза Кумми снова закрылись, и он не подал никакого знака, свидетельствующего, что Картр угадал верно. Сержант посмотрел на Вулфа. Вождь опять сидел, скрестив ноги, и смотрел в огонь. Неужели Кумми занят контактом с этой сгорбленной фигурой? Картр вздохнул. За последние несколько дней он обнаружил, что в его даре скрываются огромные возможности. Похоже, что инструктор в школе рейнджеров тоже мало знал о них. Сам Картр узнал об этом после встречи с Зикти и контактов с Зингой. Если бы у него были их способности, он смог бы узнать, какие приказы вкладывает арктурианин в примитивный мозг Вулфа. Но он не имел представления о пределах силы Кумми. Если он действительно мутант, все возможно.

Остальные туземцы собрались в темноте у палаток. Картр знал, что опасности немедленного нападения нет.

Время тянулось бесконечно. Иногда кто—нибудь подбрасывал дрова в костер. Вулф задремал, потом проснулся, вздрогнув. Кумми, по всей видимости, тоже спал или был без сознания. Но Картр оставался настороже. К счастью, боль в плече не давала ему забыться.

Наконец послышался звук, который он так напряженно ждал, гудение приближающейся лодки. Картр облегченно вздохнул и распрямился. Потом посмотрел вниз. Глаза арктурианина были открыты, и в них горела злоба. Что он задумал?

Вулф зашевелился и рука Картра потянулась к бластеру. Кумми закрыл глаза, вождь неуклюже встал на ноги. К нему присоединилось трое мужчин.

— Картр! — умственный зов звучал повелительно и исходил не от Зинги, а от Зикти. — Гандайна нет!

И в тот же момент, когда это сообщение достигло рейнджера, Кумми распрямился, ноги его ударили, и он сбил бы Картра, если бы сержант в то же мгновение не отпрыгнул. Арктурианин сошел с ума, если решил, что сумеет захватить врасплох сенситива. Но Кумми смог приподняться.

Вот оно что! Картр уклонился влево так, чтобы костер находился между ним и туземцами. Они вооружились ножами. А он не мог применить против них бластер, не мог!

Он пнул Кумми, который, ослабев от болезни, не сумел увернуться. Арктурианин растянулся лицом вниз, рейнджер перепрыгнул через его тело и начал пятиться к темному лесу, к скрытой лодке.

Секунду спустя он услышал за собой знакомый голос.

— Я держу их под прицелом, Картр.

— Их контролирует Кумми...

— Знаю. И его тоже. Отходи к деревьям, так нас ждет Зикти.

Рольтх спокойно вышел из тени и встал рядом с сержантом.

Кумми ухватился за Вулфа, когда вождь проходил мимо него. Используя поддержку туземца, он встал на ноги.

— Значит, гандайна нет! — выкрикнул он.

Лицо его больше не было злобным. Страх исказил его. Кумми поблпеднел.

— Может, я и мертвец, — сказал он медленно, — но у меня еще есть время, чтобы покончить с вами.

Неожиданно он отпустил Вулфа и толкнул его к рейнджерам.

— Убей! — закричал он.

— Мы сделаем для вас все, что сможем, — проговорил Картр.

Арктурианин из последних сил держался на ногах.

— Все еще живешь по кодексу, глупец! Я доживу до вида твоей крови, варвар!

— Ахх! — резкий крик ударил по нервам. Так могла кричать только женщина.

Вулф и его люди обернулись. Послышался быстрый обмен реплками, которых Картр не понял. Но Зикти мысленно перевел:

— Девушка из племени заболела. Они считают, что в нее вошли демоны Кумми...

Вулф убежал туда, откуда донесся крик. Теперь он тяжело возвращался к костру.

— Демоны, — он обращался прямо к арктурианину, — завладели Кветой. Если ты действительно небесный бог, убери их.

Кумми покачнулся, преодолевая слабость силой воли.

— Это их дело, — он указал на рейнджеров. — Спроси у них.

Но Вулф не шевельнулся.

— Куоми небесный бог, так он сказал. А эти не говорили. Куоми принес демонов в своем теле. Это демоны Куоми, а не моего народа. Пусть Куоми отзовет их из тела моей дочери!

Опустошенное лицо Кумми, похудевшее, осунувшееся, представляло маску боли, черные глаза его были устремлены на рейнджеров.

— Гандайн...

Картр видел, как губы арктурианина произнесли это слово. Тут силы оставили Кумми, и он медленно опустился на утоптанную землю.

Вулф наклонился и поднял за волосы голову Кумми. Тот был без сознания. И прежде, чем ошеломленные рейнджеры успели шевельнуться, вождь быстрым ударом ножа перерезал горло лорду вице—сектора.

— Теперь дорога для демонов открыта, — заметил он, — и им хватит крови, чтобы напиться. Пусть быстрее выходят.

Он вытер нож об одежду Кумми.

— Иногда нужно много крови, чтобы напоить демонов, — закончил он, посмотрев на рейнджеров.

Рольтх держал бластеры наготове, но Картр покачал головой, они отошли в тень деревьев.

— Они будут нас преследовать, — предположил Рольтх.

— Пока нет, — заверил Зикти. — Они еще не пришли в себя от действия вождя. Не каждый день видишь смерть бога... Или даже экс—бога. Быстрее к лодке.

* * *

Снова было утро, и солнце светило ярко и горячо, но мысли Картра были тусклыми и серыми.

— Мы ничем не можем им помочь, — докладывал Смит. — Если бы у нас был гандайн, они, может быть, подпустили бы нас. Но когда мы с Дальгром приблизились к ним два часа назад, один из них бросил в нас нож. Большинство уже мертвы, — он развел руки жестом поражения. — Думаю, к ночи все будет кончено.

— Погибло двадцать человек, может быть, больше. Это убийство, — мрачно заметил Картр.

— Мы не могли остановить его, — отозвался Дальгр.

— У нас прививки... А закатане не болеют имфайром. Но раньше все именно так и было... — Мы открыли гандайн. И вспомните, мы знакомы с имфайром давно. Он появился сразу после сириусских войн, — сказал Рольтх. — За много поколений у нас выработался иммунитет. Но сколько еще бактерий мы носим в себе, безвредных для нас, но весьма опустошительных для этого мира. Самое лучшее для нас теперь — держаться подальше от туземцев.

— И такое решение не будет чисто альтруистическим, — добавил Зинга. — У них ведь могут быть свои вирусы. Будем надеяться, что наши прививки действуют.

— Это трагедия, но мы бессильны. — Зикти приспустил плащ и подставил плечи под солнечные лучи. — Отныне мы будем держаться подальше от этих людей. Я думаю, они не очень многочисленны...

— Я тоже, — кивнул Картр. — Существует несколько семейных кланов. Раз в год они собираются...

— Да, в месте встречи с богами. Это самое интересное. «Боги», улетевшие на небо. Кто они были? Галактические колонисты, покинувшие колонию? Об этом как будто говорит город, ждущий возвращения своих хозяев... Простите, я увлекся научными интересами, — улыбнулся историк.

— Но около города нет космопорта, — возразил Дальгр.

— Это лишь город, один. Могут быть и другие, — заметил Филх. — Допустим, на планете были лишь один—два космопорта...

— Место встречи с богами, — воскликнул Дальгр. — Механизмы города сохранились в превосходном состоянии. Как знать, может, мы найдем там корабль, который сможем использовать.

Корабль, пригодный к полету... Картр нахмурился. А потом удивился вдруг вспыхнувшему в нем чувству протеста. Неужели он не хочет покинуть этот мир?

Из своей палатки вышли Зацита с дочерью и присоединились к сидевшим у костра. Картр, внутренне забавляясь, заметил, как быстро Зинга подготовил им место для сидения.

— У вас важные новости? — спросила Зацита.

— Тут поблизости может находиться древний космопорт. Туземный мальчишка рассказывал Картру о месте встречи с богами. Здесь открываются немалые возможности, — ответил ее муж.

— Вот как...

Защита задумалась. Но Картр уловил беглое впечатление, будто она не так уж и довольна. Почему? Закатанская леди высшего ранга. Золотая краска на лбу свидетельствовала о ее принадлежности к исситти, одной из самых известных и богатых из семи семей. Неужели она не радуется возможности вернуться к благам цивилизации?

— Техник Дальгр считает, что если мы найдем один из старых кораблей, то сумеем оживить его: ведь механизмы города сохранились прекрасно. Мы прилетели сюда на воздушном аппарате, взятом в городе...

— Надеюсь, что космический корабль, который мы найдем, продержится дольше, чем этот аппарат для атмосферных полетов, — вмешался Дальгр, — он, конечно, перенес нас сюда, но тут же рассыпался на куски.

— Об этом нужно подумать, — Картр встретился взглядом с Защитой и прочел в ее глазах поддержку. — У меня нет желания застрять в неподвижном корабле в глубоком космосе. Есть много более эффективных и менее мучительных способов самоубийства.

— Но нужно же осмотреть это место встречи с богами, — почти умолял Дальгр.

— Конечно, если мы сумеем избежать встречи с туземцами. Сейчас у них время ежегодного паломничества. А мы не можем контактировать с ними. Кумми заразил и убил целый клан так же верно, как если бы принес в их лагерь разрушитель! Мы не должны приносить смерть целой расе!

— Совершенно верно, — согласился Зикти. — Сделаем так. Пошлем разведочный отряд, который установит мысленный контакт с каким-нибудь кланом, направляющимся на встречу. Но не будем попадаться им на глаза. Эти туземцы послужат нам проводниками. После установления контакта мы все пойдем за ними... И можем ли мы еще использовать лодку?

— Она пролетит еще двадцать — двадцать пять миль, — уверенно сказал Дальгр.

— Что же, ходьба пешком полезна для фигуры, — с юмором заметил Зикти. — А вы как считаете, сержант Картр?

— Ваше решение наилучшее, — ответил ему рейнджер.

Зинга встал, указывая когтем на Рольтха.

— Мы будем идти ночами: его глаза смогут видеть, а я вступлю в контакт. А как только мы найдем то, что ищем, вы сразу все узнаете.

15. Место встречи с богами.

Еще до полуночи они получили ожидаемое сообщение. Зинга и Рольтх обнаружили туземный клан, расположившийся на ночь, и убедились, что он направляется к месту встречи с богами. На следующий день рейнджеры покинули свой лагерь и выступили в поход по следам своих ничего не ведающих провожатых.

На восьмое утро Картр и закатане одновременно уловили впереди мысли множества людей. Они приблизились к цели. Выбрав густы уединенные заросли, они разбили там свой лагерь и по очереди поспали до наступления ночи. С наступлением темноты Зинга, Картр и Рольтх отправились на разведку.

Небо впереди освещалось не огнями города, а по крайней мере сотней лагерных костров. Три рейнджера осторожно шли по краю широкого углубления, на котором происходила встреча кланов, избегая непосредственных контактов с продолжавшими подходить туземцами.

— Это ракетный порт!

— Откуда ты знаешь? — спросил Картр, напрягая зрение, чтобы увидеть то, что заставило Рольтха говорить так категорично.

— Земля... по всему углублению... она выжжена огнем многих стартов! Но очень древних. Новых следов нет.

— Ну, ладно, мы нашли старый космопорт, — голос Зинги звучал раздраженно, почти разочарованно. — Но порт еще не корабль... Видишь ли ты хоть один, острые глаза?

— Нет, — спокойно ответил Рольтх. — Но на другой стороне здание, вот там. Оно чуть заметно в свете костров.

Картр посмотрел в указанном направлении и смутно различил массивное сооружение, едва заметное в тьме.

— Большое...

Рольтх прикрыл глаза ладонями, чтобы защитить их от света.

— Достань бинокль, Картр...

В его голосе звучало сдерживаемое возбуждение.

— Оно огромное, больше всех зданий в городе! И ... ты бывал когда-нибудь в центральном городе?

Картр горько рассмеялся.

— Я видел его визиографию. Ты думаешь, мы, варвары, имели возможность приближаться к центру всех зданий?

— А какое отношение имеет ко всему этому центральный город? — пожелал узнать Зинга. — Ты сам был там?

— Нет. Но его можно хорошо изучить и по визиографиям. Это здание — точная копия дворца свободных миров, либо я съем его камень за камнем!

— Что?

Картр выхватил бинокль из рук товарища. И хотя навстречу ему прыгнули огни костров и фигуры двигавшихся вокруг них туземцев, здание продолжало оставаться смутной тенью, укрытой ночной тьмой.

— Но это невозможно! — воскликнул Зинга. — Даже только что вылупившиеся знают, что дворец свободных миров очень древний. Его архитекторы и строители жили так давно, что мы даже не знаем их имен, не знаем, с каких они планет. И его никогда не копировали.

— За исключением вот этого, — упрямо возразил Рольтх. — Говорю вам, в этой планете есть что-то странное. Рассказы, которые ты слышал, Картр, об улетевших в небо «богах», город, ждущий возвращения своих жителей, место, где туземцы по традиции встречаются, и еще вот это...

— Да, — согласился Картр, — здесь есть какая-то загадка, может быть, большая, чем те, что мы пытались решить ранее.

— Загадки! — воскликнул Зинга. — Друзья мои, нам лучше уходить, если мы не хотим столкнуться с отрядом туземцев...

Но Картр уже получил мысленно это предупреждение, и они поспешили отползти от края древнего космопорта.

— Если мы пойдем широким кругом на запад, — предложил Рольтх, — то сможем выйти на это здание и лучше рассмотреть его.

Значит, фальтхарианин хочет лучше рассмотреть здание. Картр вздохнул от нетерпения. Единственное здание, которое напоминает священный дворец свободных миров! Он должен разгадать эту тайну. Планета, отсутствующая даже на самых древних картах, в системе, настолько близкой к краю галактики, что ее проглядели и... Или забыли за столетия до его рождения. И все же здесь, за древним космопортом, стоит здание, являющееся копией самого старого и самого почитаемого общественного здания, построенного когда либо людьми! Он должен установить, почему... и кто... и когда...

Несколько следующих часов они шли по предложенному Рольтхом маршруту и вместе с остальными рейнджерами и патрульными перед самым рассветом оказались за зданием. Глаза Картра устали от бессоницы, а еще больше от возбуждения, но он хотел увидеть глазами то, что описывал Рольтх.

Они двигались от укрытия к укрытию и наконец, по — змеиному подползли к тому месту, откуда здание лучше всего было видно.

— Рольтх прав! — голос Дальгра звучал возбужденно. — Мой отец был приписан к штабу, мы жили в центральном городе. Говорю вам, это дворец свободных миров!

Картр прижал его к земле.

— Мы вам верим, но держите голову ниже. Люди там, внизу — опытные охотники. Они легко нас выследят.

— Но как оно сюда попало?

Дальгр повернул к сержанту искренне удивленное лицо.

— Может быть..., — Картр высказал мысль, которая не давала ему покоя всю ночь. — Может быть, это здание было первым...

— Первым? — Смит прижал к глазам бинокль. — Как это может быть?

— Ты думаешь... Оно древнее? — вдохнул Рольтх.

— У вас сильный бинокль, Смит. Вглядитесь получше в край крыши и в ступени, ведущие к портику...

— Да, — спустя несколько секунд согласился связист. — Эрозия... Это здание очень старое... Даже старше города, — добавил он. — Но впрочем, может быть, его открытое расположение ускорило старение. Я хотел бы взглянуть поближе...

— А мы все нет? — прервал его Зинга. — А долго ли там будут сидеть наши друзья?

— Вероятно, несколько дней. Придется сдерживать любопытство, пока они не уйдут, — ответил Картр. — Здесь трудно будет избежать проходящих и уходящих отрядов. Лучше держаться на удалении.

Смит протестующе застонал. Картр вполне понимал его. Быть так близко и не иметь возможность преодолеть последние четверть мили, отделявшие их от загадки — это раздражило бы кого угодно. Но придется уйти и держаться подальше от туземцев.

Описание здания заинтересовало Зикти, и на следующее утро он спокойно попросил помощи у Зинги, сказав:

— Поскольку я, к сожалению, не знаком с современными способами подкрадывания и маскировки, я вынужден просить специалистов обучить меня этому. Увы, даже отделенный от своей кафедры, я не могу сдерживать желания собрать знания. А обычаи туземцев, несомненно, очень интересны, и, с вашего разрешения, сержант, мы попробуем подобраться к ним и наблюдать за ними...

Картр улыбнулся.

— С моего разрешения или без него... Кто я такой, чтобы мешать собирать знания? Хотя...

— Хотя, — подхватил его мысль Зикти, — возможно, впервые за многие годы ученый моего ранга собирает сведения в полевых условиях? Что же, это одна из болезней нашей цивилизации. Личное участие помогает заполнить пробелы. А факты, почерпнутые при изучении одной цивилизации, могут пригодиться для спасения другой.

Картр провел рукой по волосам.

— Они хорошие люди, эти туземцы, и мы можем помочь им. Хотел бы я ...

— Если бы у нас была медицинская подготовка, мы могли бы безопасно встречаться с ними... Вернее, вы могли бы. Другой вопрос, как они воспримут бемми, — Зикти указал на свою изогнутую грудь. — Каково отношение примитивных племен к неизвестному? Они его боятся.

— Да... Бедный мальчик решил, что Зинга — демон, — неохотно согласился Картр. — Но со временем... Когда они поймут, что мы хотим им добра...

Зикти с сожалением покачал головой.

— Как жаль, что среди нас нет врача. И это одно из тех немногих обстоятельств нашего положения, которое меня тревожит.

— Вы готовы, хага Зикти?

Зинга, склонив голову, обратился к старшему закатанину с одной из четырех форм уважения. И это подтверждало предположение Картра, что Зикти занимал у себя на родине высокое положение.

— Иду, мой мальчик, иду. Мы с моей семьей может поблагодарить праматерь за то, что у нас такие товарищи по несчастью!

Картр, довольный, следил, как уходили закатане. Он понимал, что Зикти, неохотно высказывающий свое мнение по вопросам, касающимся рейнджеров, был их лидером. Даже

Смит и Дальгр, несмотря на свою врожденную подозрительность по отношению к негуманоидам, тем более сенситивам, признавали это, попав под влияние всегда спокойного, добродушного историка. Патрульные охотно и весело оказывали услуги Зашите и Зоре, а к Зору относились как страшные братья. Как будто разница между людьми и бемми исчезла, как и разница между рейнджерами и членами экипажа.

— О чем ты думаешь, улыбаясь и глядя в пустоту? — Филх опустил вязанку хвороста и потянулся. — Если тебе нечего делать, носи дрова.

— Я думаю о том, что многое изменилось, — начал было сержант.

И тут же обнаружил, что Филх проникателен не менее Зинги.

— Нет больше бемми, нет больше рейнджеров и членов экипажа — ты это имеешь в виду? Да, как—то так уж получилось, — он сел на вязанку хвороста. — Когда мы уходили из города, им, — он ткнул пальцем в том направлении, где находились Смит и Дальгр, — им пришлось сделать выбор. Они его сделали не оглядываясь назад. Теперь они думают о различиях не больше, чем ты и Рольтх...

— Мы сами — Рольтх с его ночным зрением и я, сенситив — почти бемми. К тому же я варвар с отдаленной планеты. А эти двое рождены во внутренних системах. У них больше предрассудков и нужно отдать должное: они их сумели преодолеть.

— Они лишь начали самостоятельно думать.

Филх поднял лицо к небу и испустил такой чистый и мелодичный звук, что Картр затаил дыхание. Может, это форма проявления счастья у Филха?

И тут же появились птицы. Картр застыл, боясь нарушить очарование. Филх продолжал петь, и птиц появлялось все больше и больше. Вспыхивали красные, зеленые, синие, желтые, белые перья. Птицы кричали у ног тристианина, садились ему на плечи, на руки, кружили над его головой.

Картр и раньше видел, как Филх приманивал птиц, но сейчас ему показалось, что весь лагерь превратился в вихрь машущих крыльев, радужных оперений.

Песня смолкла, и птицы поднялись облаком красок. Трижды прокружили они над головой Филха. Тристианин смотрел птицам вслед, расправив руки и напрягшись, как будто хотел улететь вместе с ними. Сержант смутно ощутил, какое стремление к полету должно владеть утратившим крылья народом

Филха. Стоила ли разума эта утрата? Что думает об этом сам Филх?

Рядом кто-то вздохнул. Картр огляделся. Рядом стояли закатане: Зацита, Зора и Зор. Мальчик наклонился, чтобы подобрать красное перо, и волшебство кончилось. Филх уронил руки, поднятый гребешок медленно опустился. Он снова превратился в рейнджера, члена патруля, и перестал быть волшебным музыкантом.

— Так много разновидностей... Я не думал, что их так много.

— Да, Зор, это необычный мир для небесного существа. Но каждый мир имеет свои чудеса.

Филх подошел к закатанскому мальчику, который гладил алое перо.

— Если хочешь, — сказал он с дружелюбием, которое редко демонстрировал раньше, — я покажу тебе ночных птиц...

Желтые губы Зора растянулись в широкой улыбке.

— Сегодня, пожалуйста! И вы их привлечете так же?

— Если ты будешь стоять спокойно и не вспугнешь их. Они более робкие, чем те, которые живут при солнце. Здесь есть большая белая птица, которая плывет во тьме, как туманный призрак корроба...

Зор возбужденно зашевелился.

— Это, — громко объявил он, — самые удивительные каникулы. Я хочу, чтоб они никогда не кончались!

Взгляды четырех взрослых встретились над его головой. И Картр знал, что они думают об одном и том же. Для них это изгнание, вероятно, никогда не кончится. Но... жалеют ли они об этом? Пока Картр не мог задать этот вопрос.

Рейнджеры провели день, проверяя свое снаряжение и занимаясь мелким ремонтом... Одежда становилась проблемой... Разве что они последуют примеру туземцев и будут носить звериные шкуры. Картр подумал о приближающемся холодном времени года. Может, придется переселиться южнее? По-видимому, ради закатан это следует сделать. Он знал, что холод вызывает у разумных рептилий оцепенение, которое постепенно переходит в летаргию.

Они парами следили за туземцами и доставляли всю информацию Зикти, который собирал ее с таким видом, как будто готовил научный труд.

— Среди них есть несколько разновидностей, — заявил он однажды вечером, когда Филх и Смит, дежурившие в тот день,

закончили свой доклад. — Ваши желтоволосые, белокожие люди, Картр, только одна разновидность. А Филх наблюдал клан темнокожих и черноволосых...

— Судя по легкой одежде и незнакомым вещам, они из другой, более теплой местности, — добавил тристианин.

— Странно... Сколь различны расы на одной планете. Жаль, что я не занимался углубленно психологией гуманоидов, — продолжал историк.

— Но все они очень примитивны. Этого я не понимаю, — проговорил Смит, приканчивая остатки еды. — Город был построен и оставлен в полной готовности людьми высокоразвитой технологии. А туземцы живут в палатках из звериных шкур, те же шкуры носят на себе и боятся города. Я готов поклясться, что глиняная посуда, которой они сегодня торговали, сделана вручную!

— Мы понимаем это не лучше вас, мой мальчик, — ответил Зикти. — И не пойдем, пока не проникнем в туман их истории. Если они владели какими-то технологическими знаниями, то давно их забыли. Может, сознательно запретили все, связанное со священными «богами», а может, это результат упадка цивилизации — можно найти множество объяснений.

— Может, это потомки рабов, оставленных здесь улетевшими хозяевами? — вступил в разговор Рольтх.

— Такой ответ тоже возможен. Но обычно высокоразвитая цивилизация не знает рабства. Рабы должны были бы смотреть за машинами, а у жителей города этим занимались роботы.

— Мне кажется, — начал Филх, — что на этой планете однажды должно было быть принято решение. И некоторые приняли одно из решений, а другие — другое. Некоторые улетели, — он когтем указал на небо, — остальные предпочли остаться, жить близко к природе и постепенно впасть в дикость...

Картр выпрямился. Что же, пожалуй, это верно! Люди, делающие выбор между звездами и землей! Да, возможно, все так и было. Именно потому, что он сам не так давно ушел в космос, он понимал такую возможность. И, может быть, именно потому, что народ Филха сам стоял перед таким выбором... Принял решение и сейчас отчасти о нем сожалеет, тристианин первым сумел разгадать загадку.

— Упадок, регресс..., — вмешался Смит.

Но Защита покачала головой.

— Если живешь только машинами и мечтой о власти, тогда да. Но, возможно, те, что остались, избрали лучший образ жизни.

Картр ухватился за эту мысль. Может, пришло время и его народу сделать выбор, который уведет их далеко от прямых дорог или отбросит далеко назад...

Время тянулось медленно. Наконец туземцы начали расходиться. Рейнджеры прождали еще пять часов после ухода последнего клана и убедились, что не встретятся со случайно задержавшимися. В середине дня они спустились вниз по склону и прошли между еще дымящимися кострами и остатками лагеря.

У основания лестницы, ведущей к портику здания, они оставили свои мешки и тюки. Двенадцать широких ступеней с выбитыми за тысячи лет углублениями вели наверх. На грязи виднелись недавние следы туземцев. Они поднялись по ступеням и прошли между мощными колоннами.

Внутри было бы темно, если бы строители здания не покрыли его центральную часть прозрачным материалом.

Медленно, компактной группой, прошли они по проходу в середину огромного здания. На три стороны от них расходились секции огромного здания. На три стороны от них расходились секции видений, разделенные узкими проходами. На спинке каждого массивного кресла из какого-то прочного материала, неподвластного времени, был вырезан символ. С четвертой стороны находился помост с такими же креслами, причем центральное было приподнято над остальными.

— Вероятно, правительственное здание, — предположил Зикти. — Здесь сидел президиум, — указал он на помост.

Картр осветил фонариком символ на ближайшем к нему сидении и застыл, не веря своим глазам. Потом осветил следующее сидение, и еще одно... И начал читать символы, которые так хорошо знал:

— Денеб, Сириус, Ригель, Капелла, Прочион...

Не сознавая этого, он почти кричал, как будто производил переключку... Такая пекличка не звучала в этом здании уже больше четырех тысяч лет.

— ... Бетельгейзе, Альдебаран, Полярная...

— Регул, — отозвался Смит с другого конца зала. В его голосе тоже звучало возбуждение. — Спика, Вега, Арктур, Альтаир, Антарес...

Теперь вступили Рольх и Дальгр:

— ... Фамальгаут, Альфард, Кастор, Алгол...

Они добавляли звезду за звездой, систему за системой. И, наконец, встретились на помосте. И замолчали, когда Картр, полный неведомого прежде благоговейного страха и почтения, осветил последний символ. Именно он должен был находиться здесь!

— Земля, Солнечная система, — он произнес вслух эти три слова, и это, казалось, прозвучало громче, чем от названий сотен остальных звезд. — Земля! Начало человечества!

16. Вызывает Земля.

— Не верю! — в голосе Смита звучало возбуждение. Его глаза были прикованы к центральному креслу и невероятному символу на нем. — Это не может быть зал прощания! Ведь он на Альфа Центавра...

— Там помещают его наши легенды, — ответил Картр. — Но легенды не всегда точны.

— А там, — Дальгр, не отводя взгляда от помоста, указал на выход, там поле полета!

— Давно ли..., — Рольтх не кончил вопроса, и слова его эхом отозвались в гигантском зале.

Картр обвел взглядом ряды сидений. Здесь, впереди, сидели командиры, за ними экипажи и колонисты год за годом, целые столетия. Собирались, в последний раз говорили друг с другом, получали последние приказы и инструкции — и уходили на поле к ожидающим их кораблям, улетали в неизвестность, чтобы никогда не возвращаться. Некоторые — немногие — достигали цели. Они — Смит, Дальгр, Рольтх и он сам — были живым доказательством этого. Остальные... Остальные нашли свой конец в глубинах космоса или на планетах, где человеческая жизнь невозможна. Долго ли она продолжалась, эта церемония прощания? Этот отлет? Без возврата... Достаточно долго, чтобы лишить землю живительной силы. Оставались лишь те, кто был непригоден для полета к звездам. Неужели это окончательная разгадка?

— Без возврата..., — каким-то образом Рольтх уловил его мысль. — Без возврата. И города умерли, и даже память о них исчезла. Земля!

— Но мы помним, — негромко ответил Картр. — И сейчас мы завершили большой круг. Зелень — это зелень холмов

Земли. Она был легендой, древней песней, смутной народной памятью, но она всегда была с нами, переходила от мира к миру по всей галактике... Потому что мы — сыновья Земли, внутренние и внешние системы, варвары и цивилизованные — все мы сыновья Земли!

— И теперь, — добавил Смит с мудрой простотой, — мы вернулись домой.

Этот дом ничем не напоминал темные горы и холодные долины полузамерзшего Фальхарха Рольтха, могучие леса и каменные города родины Картра, теперь уже превращенные в пыль, высокоцивилизованные планеты, на которых родились Смит и Дальгр. Это была планета дикости и мертвых городов, планета примитивных туземцев и забытых сил. Но это была Земля, и сколь бы различными ни были их расы сегодня, они все происходили от общего корня, от этой самой Земли.

Снова Картр обвел взглядом ряды пустых сидений. Он почти видел сидящих в них. Но те, кого рисовало ему воображение, не могли этого сделать. Люди Земли давно покинули ее... слишком далеко разлетелись они по вселенной...

Картр медленно пошел к центру зала. Закатане и Филх держались в стороне. Поведение землян должно было вызвать у них удивление. Картр попытался объяснить:

— Это Земля...

Но Зикти знал, что это значит.

— Древняя родина вашей расы! Какое удивительное открытие!...

Продолжать ему помешал возглас, который привлек всеобщее внимание к помосту. Там стоял Дальгр, он звал всех к себе. Рольтх и Смит исчезли. Все заторопились к Дальгру.

Новая находка располагалась за помостом и была скрыта высокой переборкой. Найдка эта занимала большую часть стены — громадный экран из темного стекла, на котором крошечные огоньки образовывали причудливый узор.

Под экраном стоял стол со множеством кнопок и переключателей. Смит с напряженным лицом сидел на скамье перед столом.

— Коммуникационное устройство? — спросил Картр.

— Или установка для прокладки курса, — ответил Дальгр. Смит нетерпеливо фыркнул.

— Может, он еще работает? — спросила Зацита.

Дальгр покачал головой.

— Пока мы не можем сказать. Город ожил, когда нажали нужные кнопки. Но это..., — он указал на гигантскую звездную карту и многочисленные приборы под ней, — это нужно изучить, прежде чем мы коснемся хотя бы одной кнопки. Мы даже не знаем, на каком принципе работает эта штука.

Техник может привести машину в рабочее состояние. Но Картр знал, что это не под силу рейнджерам. Он медленно рассматривал звездную карту, узнавая отдельные ее участки. Да, это галактика, такая, какой она видится с этой древней планеты, расположенной на самом ее краю. Картр увидел яркую точку Веги, потом Альфа Центавра и другие. Но по этой карте прокладывали курс к далеким мирам?

Приближался вечер, и становилось темнее. Слабое сияние неожиданно окружило звездную карту и стол с приборами, хотя остальная часть зала оставалась в тени.

Картр шевельнулся.

— Вернемся назад или разместимся в зале? — спросил он Зикти.

— Не вижу причин для возвращения, — ответил закатанин. — Если все туземцы ушли, а они, очевидно, ушли, ничто не препятствует нам остаться здесь.

Зинга, стоявший позади всех, рассмеялся и указал когтем на Смита.

— Если ты думаешь, что сможешь увести его отсюда даже силой, ты глубоко ошибаешься, сержант.

Конечно, это правда. Связист, занятый изучением чудесного устройства, связанного с его профессией, даже отказался пойти поесть и предпочел с отсутствующим видом проглотить кусок мяса и запить его водой.

До наступления ночи они перенесли спальные мешки в зал и легли между пустыми сидениями исчезнувших колонистов.

— Здесь нет привидений..., — голос Зикти глухо отозвался в пустоте. — Те, кто когда-то приходил сюда, и телом, и душой стремились улететь. И ничего не оставили после себя.

— В известном смысле это верно и в отношении города, — согласился Рольтх. — Он был...

— Отброшен за ненадобностью, — произнес Картр нужное слово, когда фальтхарианин заколебался. — Как изношенная одежда, из которой вырос ее хозяин. Но вы правы, сэр, здесь мы не встретим призраков. Разве что Смит разбудит их. Он собирается сидеть так всю ночь?

— Естественно, — ответил Зинга. — И будем надеяться, что он не вызовет голоса из прошлого, мой друг. У меня странное желание проспать эту ночь спокойно.

За ночь Картр просыпался дважды. И в слабом свете, пробивавшемся из—за перегородки, видел пустой мешок Смита, связиста загипнотизировало их открытие. Но пределы есть всему. Поэтому во время второго пробуждения Картр заставил себя выбраться за теплого мешка и, вздыхая и вздрагивая от холода, пошел босиком по камню. Либо Смит добровольно пойдет спать, либо придется утащить его силой.

Связист сидел на прежнем месте, он смотрел на звездную карту. Глаза его ввалились, вокруг них появились темные круги.

Картр проследил за направлением его взгляда. Он увидел то, что привлекло внимание Смита, замигал и с трудом перевел дыхание.

На черной поверхности стекла появилась движущаяся точка.

— Что это?

Не отрывая взгляда, Смит ответил:

— Я не уверен!..., — он провел рукой по лицу. — Вы тоже видите?

— Вижу движущуюся красную точку. Но что это?

— Я предполагаю...

Но Картр уже догадался. Корабль... движется в космосе в их направлении.

— Идет сюда?

— Как будто... Но нельзя быть уверенным. Смотрите!

На экране появилась еще одна точка. Но она двигалась целеустремленно. Она шла по следу первой, как охотник за добычей. Картр сел на скамью рядом со Смитом. Сердце его колотилось так, что он чувствовал в висках удары пульса. Эта погоня, это преследование — они очень важны, так важны, что почти боялся посмотреть.

Первая точка теперь двигалась зигзагами.

— Маневр ухода, — проговорил Смит. Он когда—то служил на военном крейсере.

— Что это за корабли?

— Если бы я понял это, — Смит указал на ряды приборов, — я смог бы ответить. Подождите...

Первая точка на экране совершила сложный маневр, который, по мнению сержанта, не имел смысла, так как теперь она оказалась на одной линии с преследователем.

— Это патрульный корабль! Он принимает бой! Но почему...

Они были равными, эти точки. И тут на экране появилась третья! Она была чуть больше и двигалась медленнее, огибая две первые, соединившиеся в смертельной схватке. Описывая широкую дугу, она направлялась прямо к Солнечной системе.

— Отвлекающий маневр, — перевел Смит. — Патруль прикрывает этот корабль! Это самоубийство! Смотрите, они включили боевые экраны!

Слабая, очень слабая оранжевая дымка окружила две точки на самом краю Солнечной системы. Картр никогда не участвовал в боевых действиях в космосе, но слышал достаточно рассказов и видел достаточно визиографий, чтобы мысленно нарисовать картину начинающегося боя. Большая точка не принимала участия в сражении. Она отползала от сцепившихся бойцов.

Давление... Давление экрана на экран, а когда один из них не выдержит, вспышка и мгновенная гибель! Патрульный корабль сдерживал врага, пока беззащитная добыча ускользала.

— Если бы только разобраться в этом!

Смит ударил кулаком по столу. И вдруг на доске вспыхнула крошечная лампа.

— Ее зажег приближающийся корабль?

Смит кивнул.

— Возможно.

Он наклонился вперед и точным движением быстро нажал кнопку над загоревшейся лампой. Послышался звук — треск, шум взмаха огромных крыльев..., почти оглушенные, смотрели они на карту, и вот сквозь шум пробилося резкое шелканье. Смит вскочил на ноги.

— Это сигнал патруля! Патруль вызывает!... Тарэ... тарэ...

Картр потянулся за бластером. Древний призыв службы. Он слышал позади себя изумленные возгласы. Остальные проснулись и хотели знать, что происходит.

Вызов патруля гулко отдавался в зале. Он будет звучать до конца битвы или до получения ответа. Но ответа не было. Дымка вокруг огоньков сгустилась, они почти скрылись за ней.

— Предельная мощность! — это выдохнул Дальгр за спиной Картра. — Перенапряжение. Они так долго не выдержат!

— Тарэ...

Одна точка вдруг вспыхнула невыносимо ярким сиянием. И исчезла. Они поморгали внезапно ослепленными глазами и снова уставились на экран. Ничего. Ни следа двух пятнышек света. Темное стекло экрана было пустым и холодным, как обширные просторы космоса, которые оно отражало.

— Оба! — нарушил молчание Дальгр. — Перегрузка сожгла обоих.

— Но третий... он по—прежнему здесь... — заметил Зикти.

И верно. В схватке погибли два корабля. Но третий, спасая который погиб патрульный корабль, продолжал двигаться, и двигался он к Земле!

Послышалась новая серия щелкающих звуков кода. Смит вслух переводил для остальных:

— На помощь! Пассажирский корабль... 2210... вызывает ближайший патрульный... или станцию. На помощь! Уцелевшие с патрульной базы СС4... Вызывают ближайший патрульный корабль или станцию. Нам необходим сигнал для установления курса... Помогите!

— Уцелевшие с патрульной базы СС4, — повторил Рольтх. — Но ведь это станция рейнджеров! Что же, во имя космоса...

— Может быть, пиратский рейд? — предположил Зинга.

— Пираты не нападают на патруль... — начал Дальгр.

— Не нападали, вы хотите сказать! — перебил его Зинга. — Мы давно ни с кем не связывались. А союз пиратов может наделать много вреда.

— Заметьте так же, — добавил Зикти, — что этот корабль бежит из наиболее населенных районов галактики. И уходит в малоизвестную область, как будто боится обычных маршрутов.

— Патрульный корабль с уцелевшими... Семьи патрульных... — Дальгр явно был потрясен. — Что же, база совсем уничтожена?

Цокание кода по—прежнему заполняло затхлую атмосферу зала. А точка на карте двигалась, и на доске перед Смитом по—прежнему горела лампа. И вдруг рядом с ней вспыхнула новая. Картр взглянул на экран. Да, точка явно приблизилась к Солнцу.

Пальцы Смита застыли над доской. Он облизал губы, как будто во рту у него пересохло.

— Есть возможность привести его сюда? — Картр задал вопрос, волновавший всех.

— Не знаю, — как измученное животное огрызнулся Смит. И нажал кнопку над второй лампой. И тут же, как и Картр, отпрыгнул: из—под стола выскочил тонкий прут, заканчивающийся шаром. Связист нервно расхохотался и схватился за прут.

Он начал говорить в шар — не кодом, а на обычном языке Центрального Контроля:

— Вызывает Земля! Вызывает Земля! Вызывает Земля!

Все, застыв, слушали шелканье кода. Картр вздохнул. Все же не сработало!... И тут передача с корабля прекратилась. Он забыл об отставании сигнала.

— Вызывает Земля!

Теперь голос Смита звучал холодно и спокойно. Он добавил серию кодовых обозначений и отключился, ожидая ответа.

Снова бесконечное ожидание. Казалось, напряженные нервы не вынесут этого. Но наконец пришел ответ. Смит перевел его для всех:

— Не вполне поняли..., но можем руководствоваться вашей передачей. Продолжайте говорить, если у вас нет специального луча. Что... где Земля?

И они говорили. Сначала Смит, пока его голос не превратился в хриплый шепот, потом Картр, затем Дальгр, Рольтх... Обычный язык и старая формула: «Вызывает Земля»...

Сверкало Солнце, потом снова начало темнеть, а они все сидели по очереди у звездной карты и говорили. А красивая точка ползла прямо к Земле. И когда она миновала внешние планеты, Зор указал Картру на новую точку... Огонек, почти на месте гибели двух кораблей, движущийся вслед за пассажирским кораблем. Враг или друг?

Картр схватил Зору за плечо и велел ему срочно вызвать Смита. Связист появился, протирая заспанные глаза. Но когда Картр показал ему новую точку, он немедленно проснулся. Оттолкнув сержанта от микрофона, он резко задал кодовый вопрос.

После долгих минут молчания пришел ответ:

— Несомненно вражеский корабль... Последние четверть часа мы получаем сигналы пирата...

Картру казалось, что вражеский корабль на глазах настигает свою жертву. Это была гонка — гонка, в которой пассажирский корабль неминуемо должен был проиграть. И в тот же момент на доске вспыхнул еще один огонек. Корабль врага

находился в пределах слышимости. Смит повернул к Картру угрюмое лицо.

— Позовите одного из закатан и Филха. Пусть говорят на своих родных языках. Это лучше, чем использовать код. На пиратских кораблях редко встречаются бемми. А кораблю нужно лишь постоянное звучание, чтобы руководствоваться им в полете...

Последние слова он произнес в пустоту. Картр уже искал остальных. Считанные секунды спустя Зинга занял место Смита, схватил микрофон когтистыми пальцами и испустил серию свистящих звуков, которые совершенно не напоминали человеческую речь. Когда он устал, его сменил Филх со своими щебечущими, певучими звуками. Корабль приближался. Но неотступно и безжалостно его догонял другой корабль, который, казалось, глотал пространство.

Зора принесла воды: все пили с жадностью. Ели, что им совали в руки, не чувствуя вкуса.

Корабль со спасшимися миновал еще несколько планет. На доске вспыхнула третья лампа. Вбежал Зор.

— Там... яркий свет! Уходит в небо! — прокричал он резко.

Картр вскочил на ноги, чтобы проверить его слова, но код с корабля остановил сержанта.

— Поймали посадочный луч. Можем им руководствоваться... Если успеем...

Зинга выпустил микрофон, и все заторопились наружу. Зор был прав. Из крыши здания устремился в вечернее небо луч света.

— Как это... — начал Картр.

— Кто знает? — ответил Дальгр. — Они были мастерами, искусными техниками. Этот луч обладает достаточной мощностью, чтобы его заметили из космоса. Теперь, по крайней мере, можно помолчать.

Затем они вернулись к карте следить за кораблем и преследователями. А расстояние между ними сокращалось. И слишком быстро. Но вот на доске вспыхнул еще один сигнал, красный.

— Корабль вошел в атмосферу, — предположил Смит. — Все внутри! Он может приземлиться не в поле.

И они ждали в зале прощания, а потом услышали, а не увидели, как корабль коснулся посадочного поля, на котором корабли не садились уже тысячи лет. Превосходная посадка.

Смит остался у карты.

— Второй приближается...

Его предостережение звучало в ушах у остальных, торопившихся наружу.

— Приближается! Даже сейчас они могут проиграть, — подумал Картр.

В ржавом старом корпусе открылся люк, выдвинулся трап, опершийся на посадочные лапы. Врагу достаточно зависнуть над полем и выпустить ракеты. Он даже не приземлится, но оставит после себя почерневшую безжизненную пустыню.

Если бы удалось спрятать прилетевших в зале, возможно, у них был бы еще шанс... Крошечный. Сержант подбежал к краю дымящейся площадки и крикнул человеку, появившемуся на трапе:

— Выводите всех и быстро в знание! Пират приближается! Он может вас сжечь!

Он увидел подтверждающий кивок и услышал отдаваемые приказы. Пассажиры быстро спускались по трапу. В основном это были женщины, многие несли детей или вели их. Рейнджеры и закатане ждали, готовые помочь. Картр торопил пассажиров, направляя их в призрачную безопасность старого здания. Когда поток пассажиров иссяк, он заторопился к трапу.

— Все вышли?

— Все, — ответил офицер. — Каков курс пирата?

Подбежал Зинга.

— Пират идет тем же курсом!

Офицер повернулся и исчез в корабле. Картр нервно постукивал пальцами по перилам трапа. Чего, во имя космоса, ждет этот парень?

И тут его почти сбили с ног пятеро мужчин. Они вылетели из люка и побежали к зданию, захватив с собой и рейнджера. Как только они добрались до укрытия, корабль стартовал.

Ослепленный вспышкой пламени, Картр вцепился в колонну, чтобы не упасть.

— Что... — выдохнул он.

Но гул голосов, гул вопросов заглушил его голос.

17. Это еще не конец.

Толпа прижала Картра к перегородке. Все беженцы столпились здесь, у стола. Напряженные, ожидающие, они не видели ничего, кроме карты на стене. Рядом с Картром высокая девушка в мундире вспомогательной службы говорила, ни к кому не обращаясь:

— Там только один... Хвала трем!... Только один противник.

Этот «один» — зловещая точка пиратского корабля, где они стояли. Но когда они безнадежно следили за его приближением, на карте появился еще один огонек: патрульный корабль двинулся навстречу врагу.

— Пора уклониться! — в голосе, донесшемся из толпы, звучала тревога. — Уходи, Коррис!

И как будто услышав, патрульный корабль изменил курс. Казалось, теперь он тщетно пытается спастись, убежать от пирата. Одиноким человек сидел в корабле, готовый к последней битве ради спасения товарищей. Один патрульный! Он продолжал искусно уклоняться, изменяя курс ровно настолько, чтобы только увлечь врага за собой, убедить его, что корабль уходит от Земли. Как свидетельствовала дымка, корабль был окружен экраном. Это послужило вызовом для пирата. Преследователю захочется догнать, преодолеть, захватить патрульный корабль. Но капитан Коррис вел не просто корабль, а смертоносное оружие! И как только враг настигнет его, он сам приведет оружие в действие! Картр слышал всхлипывания, гневные приглушенные возгласы.

— У него наготове топитовая боеголовка. — Это опять та же девушка. Она не сообщала окружающим, а как бы уверяла себя. — Мы хотели взорвать корабль, если его захватят. Когда пират подойдет, он ее взорвет...

Голос ее звучал хрипло и яростно.

Красные точки двигались по экрану, описывая сложные кривые. Картр видел последний бой искуснейшего пилота, а пирату казалось, что слабый корабль отчаянно пытается бежать.

— Только бы они не заподозрили! — Девушка произнесла это как молитву. — Дух космоса, не дай им заподозрить!...

Конец наступил так, как планировал пилот—патрульный. Дымка боевых экранов окружила оба корабля. И вдруг экран, окружавший патрульный корабль исчез. Точки двинулись навстречу друг другу. Пират подтягивал к себе беспомощный корабль, готовясь вскрыть его люк. И вот точки соприкоснулись. Огненный цветок распустился на экране. Он сверкал лишь секунду, потом погас, и ничего не осталось, совсем ничего. Картр был неподвижен. На карте ничего не отражалось, как и в первый раз, когда ее обнаружили. Только холодно светились точки, обозначающие звезды.

В толпе никто не шевельнулся. Они как будто не верили в то, чему были свидетелями, не хотели поверить, потом слышался общий вздох, и компактная толпа разбилась на части. Люди шли с ничего не видящими глазами. Кроме шороха ног о камень ничего не было слышно.

Снаружи ночную тьму сменила серость рассвета. Картр остановился на помосте. Он положил руку на спинку кресла с символом Земли и впервые внимательно взглянул на новых товарищей по несчастью.

Здесь смешалось много рас и видов, как и следовало ожидать для патрульной базы. Двое закатан, бледнолицая женщина и двое детей с фальтхарианскими очками, свисавшими с пояса. Картр был уверен, что видел и гребешок, который мог находиться только на голове тристианина.

— Вы здесь командуете?

Внимание Картра переключилось от беженцев к девушке, той самой девушке, которая рядом с ним следила за битвой и к двум мужчинам, стоявшим у помоста. Автоматически рука Картра поднялась в жесте салюта к отсутствующему шлему.

— Рейнджер Картр, сержант с веганского разведчика «Звездное пламя». Мы разбились здесь некоторое время назад. В нашем отряде еще три рейнджера, связист и техник—оружейник.

— Доктор Уилсон, — ответил меньший из мужчин низким и удивительно музыкальным голосом. — А это третий помощник Мексан с нашего базового корабля и сержант Адраил из вспомогательной службы штаба. Мы в вашем распоряжении, сержант.

— В нашем отряде, — быстро ответил Уилсон, — тридцать восемь человек. Из них двадцать женщин и шестеро детей — семьи рейнджеров. Пять человек во главе с Мексаном, шесть девушек под началом сержанта Адраил. И я. Насколько мне известно, мы единственные с базы СС4, оставшиеся в живых.

— Зинга!... Филх!... Рольтх...

Картр начал отдавать распоряжения и происходило это совершенно естественно.

— Разожгите костры...

Он повернулся к медику.

— Я вижу, сэр, у вас не очень много припасов.

Уилсон пожал плечами.

— Только то, что мы могли унести с собой. Не очень много.

— Зинга, организуй охотничий отряд. Вы, Смит, следите за приборами. Я не хочу, чтобы еще один корабль застал нас врасплох. У вас есть связист, сэр? — спросил он Мексана. Вместо ответа третий помощник повернулся и крикнул в зал:

— Хавр!

Подбежал один из мужчин.

— В распоряжение техника—связиста, — сказал офицер.

— Значит, мы можем жить здесь, поскольку вы упомянули охоту? — спросил Уилсон.

— Это планета типа Арт. Она гостеприимна. Это ведь Земля!

Картр внимательно следил за медиком. Тому понадобилось несколько секунд, чтобы понять.

— Земля..., — Уилсон произнес это слово равнодушно, потом глаза его расширились. — Родина повелителей космоса! Но ведь это легенда, сказка!

Картр топнул по помосту.

— Весьма вещественная, — сказал он, — не правда ли? Вы находитесь в зале прощания. Можете, если хотите, осмотреть сидения первых рейнджеров, — он указал на кресла. — Прочтите, что на них написано. Да, это Земля из Солнечной системы.

— Земля!... — Уилсон все еще недоверчиво качал головой, когда Картр заговорил с девушкой.

— Можете ли вы с вашими подчиненными позаботиться о женщинах и детях? — спросил он.

Такие обязанности были за пределами его опыта. Он разбивал полевые лагеря, водил экспедиции, жил на множестве

необычных планет, но никогда раньше ему не приходилось отвечать за такую группу.

Она кивнула, покраснела и подняла руку в салюте. Чуть позже она уже ходила среди усталых женщин и успокаивала капризничающих, возбужденных детей. Ей помогала семья закатан.

— Какова вероятность появления другого пиратского корабля? Что случилось на базе? — почти забыв о женщинах, Картр начал расспрашивать медика.

— База уничтожена. Но уже задолго до этого дела шли плохо. Прервалось снабжение, нарушилась связь. За три месяца до нападения должен был прийти корабль с припасами. Но не пришел. Уже две недели мы вообще не получали сообщений от Центрального Контроля. Мы послали туда крейсер, но он не вернулся. Потом появился пиратский флот, а нападение было тщательно спланировано. У нас оказалось пять кораблей. Два из них поднялись с базы и покончили с тремя пиратскими кораблями прежде, чем сами были уничтожены. Мы держались, пока не дали возможность стартовать пассажирскому кораблю. Нас застало врасплох то, что они пришли под фальшивыми флагами и были встречены нами дружески. А потом стало слишком поздно... Они прилетели на кораблях Центрального Контроля! Либо часть флота восстала, либо... Либо с империей произошло что-то ужасное. Они действовали так, будто патруль объявлен вне закона. Их атака

была ужасной. И поскольку они знали код и сигналы, мы не ожидали нападения. Казалось, они представляют закон...

— Может так оно и есть сейчас, — угрюмо предположит Картр. — Возможно, восстание в секторе, победитель систематически уничтожает базы патруля. Это дает ему возможность захватить все космические линии. Весьма практичный и неизбежный ход, если сменилось правительство.

— Нам это тоже приходило в голову. Не могу сказать, чтобы мы приветствовали это предположение. — Голос Уилсона звучал мрачно. — Мы сумели подготовить к полету один пассажирский корабль и патрульный разведчик. После этого началась гонка в космосе. Пираты отрезали нас от регулярных линий, поэтому нам пришлось направиться сюда. И мы потеряли разведчика...

Картр кивнул.

— Мы видели это на экране, прежде чем сумели связаться с вами...

— Он протаранил флагмана... Флагмана всего их флота, учтите!

— Вы уверены, что за вами шли всего лишь два пиратский корабля?

— На наших экранах были видны лишь два. И... ни один из них не вернулся. Вы думаете, они пошлют кого—нибудь на поиски?

— Не знаю. Вероятно решат, что патруль сражался отчаянно, и вычеркнут свои корабли, как уничтоженные в сражении. Но Смит и ваш человек должны оставаться на посту. Если кто—то появится, они нас предупредят.

— А если все же прилетят?

— Планета обширна. На ней легко укрыться, и они нас никогда не найдут.

К концу дня был разбит лагерь. Охотники принесли достаточно пищи для всех. Женщины под руководством девушки из вспомогательной службы нарубили ветвей и устроили постели. И никакого предупреждения — экран оставался чистым.

Наступила ночь. Картр стоял на ступеньках, глядя на поле. Под его началом весь день очищали территорию, убирали остатки лагеря туземцев. Нашли два копыя и пригоршню металлических наконечников для стрел. Это пригодится, когда кончатся заряды для бластеров. Неизбежно наступит день, когда их теперешнее оружие — продукт высокоразвитой цивилизации — станет бесполезным.

Завтра снова нужно будет охотиться и...

— Прекрасная ночь, не правда ли, леди? Конечно, здесь лишь одна луна вместо трех. Но зато очень яркая.

Картр обернулся. К нему приближался Зикти в сопровождении Адраил.

— Три луны? Их столько на Закатане? Я считаю более естественным число два.

Она засмеялась.

Две луны... Картр постарался припомнить, у каких планет две луны. И какая же из них ее родная. Их не менее десятка. И, вероятно, есть такие, о которых он и не слышал. Ни один человек, даже имея он четыре жизни, не сможет узнать все, что находится в галактике. Две луны — слишком слабая нить.

— А, сержант! Ночь привлекла и вас, мой мальчик? Можно подумать, что вы фальтхарианин.

— Думаю о будущем, — ответил Картр. — И я не фальтхарианин, а варвар, — добавил он безжалостно. — Вы знаете, что

говорят о нас, с Илен? Что мы едим сырое мясо и поклоняемся странным богам.

— А вы, леди? — спросил Зикти. — Над какой планетой светят две ваши луны?

Она почти с вызовом подняла голову и ответила, глядя на поле.

— Я родилась в космосе. Моя мать с Крифта. Отец — с одной из центральных систем, не помню, с какой именно. Планета с двумя лунами — воспоминание моего детства. Но с тех пор я видела много миров.

— Все мы видели много миров, — заметил Картр. — Но сейчас, мне кажется, что этот нам придется изучать особо тщательно.

Зикти с удовольствием вдохнул ночной воздух.

— Какой прекрасный мир, дети мои! У меня большие надежды на наше будущее здесь.

— Хорошо хоть у кого-то есть надежды, — трезво сказал Картр.

Но Адраил подхватила вызов закатанина.

— Вы правы! — она положила руку на чешуйчатую кисть историка. — Это прекрасный мир. Когда я ходила сегодня по холмам, воздух был как вино. Как все живо... свободно... и нам очень повезло... впервые в жизни я чувствую себя дома!

— Потому что это Земля... расовая память, — предположил Картр.

— Не знаю. После того, как прошло столько времени... Вряд ли это возможно.

— Вполне возможно. В первый день, — признался Картр, — когда мы высадились, я увидел эту зелень, мне показалось, что я ее помню.

— Ну, дети, ни я, ни кто-нибудь из моей расы не помнит Землю. И все же я скажу: мы высадились на хорошей планете, приятно сделать ее своей. Но это нужно сделать.

— А город и кланы? — спросил сержант. — Позволят ли они нам это?

— Планета велика. Эту проблему мы решим, когда она возникнет, а теперь, любители луны, не будучи фальтхарианином, я иду спать. Простите мой уход.

Хихикая, он ушел.

— Город и кланы... Что вы имели в виду? Здесь есть туземцы? — спросила девушка.

— Да.

Картр коротко познакомил ее с фактами.

— Видите ли, — закончил он, — этот мир не вполне наш. И нам нужно принять решение.

Она кивнула.

— Расскажите завтра остальным. Расскажите им все, что говорили мне.

— То есть, предоставить решать им? Ладно, — он пожал плечами. — А что если они предпочтут удобства города?

Такое решение было бы только естественным. Но он был уверен, что ни он сам, ни те, кто вместе с ним пришел к этому древнему зданию, не пойдут назад.

И вот на следующее утро он стоял в луче солнца, пересекавшем помост. Горло у него пересохло. Он сказал все. И теперь чувствовал такую усталость, как будто целый день рубил деревья. Все лица были обращены к нему, невыразительные, безразличные.

Слышали ли они его слова? И поняли ли они их? Является ли их равнодушие реакцией на недавние события? Может, они считают, что худшее уже прошло? И ничего не может быть хуже?

— Такова ситуация...

Ответа не было. И тут он услышал стук сапог о камень, громко отдававшийся в тишине зала. На помост поднялся Уилсон.

— Мы слышали сообщение сержанта. Он указал нам два возможных решения. Первое: мы можем вступить в контакт со штатскими в городе. Город отчасти функционирует. Но у них трудности с продовольствием, и вдобавок... — медик помедлил и добавил, не изменяя тона и выражения, — вдобавок в группе исключительно одни люди.

И опять слушатели не ответили. Встречались ли они раньше с неприязнью к бемми? Должны были: она так распространилась в последнее время. В широком кресле с символом Денеба сидела фальтхарианка, а на руках у нее был маленький тристианин, чья мать погибла при нападении на базу. А Зор сидел между двумя мальчишками из внутренних систем примерно его возраста. Они не делились на людей и бемми, они все были рейнджерами!

— Итак, мы можем идти в город, — повторил Уилсон. — Или мы примем другое решение, которое будет означать более трудную жизнь. Впрочем, мы, рейнджеры, по подготовке и

традициям лучше подходим для такой жизни. Эта жизнь на Земле по образу туземцев.

— Сержант Картр говорил о приближающемся холодном времени года. Он так же сказал, что мы не можем оставаться здесь из-за недостатка припасов. Мы можем двинуться на юг, как это сделало большинство туземцев несколько дней назад. Сейчас контакт с туземцами невозможен, но позже, когда мы приобретем необходимые знания, они станут осуществимы. Но до этого могут пройти годы.

Итак, мы должны выбрать один из этих выходов...

— Доктор Уилсон! — встал один из членов экипажа. — Вы исключаете возможность спасения? Почему бы не остаться здесь и не вызвать помощь по коммуникатору? Любой патрульный корабль...

— Любoй п а т р у л ь н ы й корабль! — отсутствие выражения подчеркивало смысл слов медика. — Коммуникатор с таким же успехом привлечет и пиратов. Мы не сможем отличить их, пока не будет слишком поздно. И помните: Земля не указана ни на одной звездной карте. Даже название ее стало легендой.

Послышался ропот.

— Значит, нас ждет изгнание?

Это спросила женщина.

— Да.

Ответ Уилсона прозвучал четко и определенно. Наступила тишина. Теперь все увидели правду. И, — с гордостью подумал Картр, — приняли ее спокойно.

Ответ прозвучал так громко, что вызвал эхо. Патруль держится вместе. Этот лозунг, который служил им не одно поколение, сохраняется.

— Все будет решено волей большинства. Те, что предпочитают город, идут к той стене. Остальные становятся здесь...

И, не закончив говорить, Уилсон двумя шагами приблизился к левой стороне помоста. Картр присоединился к нему. Лишь на какое-то мгновение они были одни. Адраил и ее девушки вскочили на помост и встали рядом с врачом. Потом наступила пауза, остальные женщины не двигались.

Неподвижность нарушила фальтхарианка. Держа на руках ребенка тристианина, подталкивая своих детей перед собой, она быстро пошла налево. Но еще раньше там оказался Зикти со свое семей.

Теперь слышался топот многих ног, и когда он стих, считать не было необходимости. Никто не стоял у стены, обозначавшей город. Они приняли решение, взвесили шансы, настоящее и будущее. И, глядя на их строгие лица, Картр понял, что они не откажутся от этого решения. И ему стало жаль горожан. Они будут пытаться поддерживать механическую цивилизацию. Возможно, этому поколению жить будет легко. Но они повернулись спинами к будущему, и второго случая у них, может быть, не будет.

Как только было принято решение, патруль начал готовиться в путь. И на рассвете второго дня они выступили, неся свои скудные пожитки.

Картр смотрел, как женщины и дети, патрульные и офицеры под предводительством Филха и Зинги шли под новым для них солнцем, шли к будущему.

Он оглянулся на покинутый зал. Солнце осветило символ на спине центрального сидения. Старая Земля... Теперь они, идущие в дикую местность, станут частицей Земли новой!

— Будем ли мы опять повелителями пространства и звездными рейнджерами, — подумал Картр. Начинается ли сегодня другой цикл, ведущий к новой империи?

Он слегка вздрогнул, когда ему ответила мысль Зикти: — У моего народа есть древняя пословица: когда идущий подходит к концу пути, пусть помнит, что конца нет, и перед ним открывается новая дорога!.

Картр повернулся спиной к залу прощания и легко сбежал по выщербленным ступеням. Ветер был прохладным, но солнце грело. Под шагающими ногами поднималась пыль.

Да, это еще не конец! Вперед!

КОШАЧЬИМ ВЗГЛЯДОМ

Глава первая

Тикил, в сущности, представлял собой три города: два из них отмечены на карте северного континента Корвара, а третий — рана, рубец, нанесенный войной и все еще не залеченный. Северная и Западная части Тикила были экзотическим цветком планеты, которая вбирала в себя богатство с первого поселения. В Восточной части Тикила, примыкающего к космопорту, находились скалы, мастерские и магазины — тысячи различных заведений, необходимых для безмятежного течения жизни в этом экзотическом цветке, где три четверти элиты галактического сектора наслаждались жизнью, осуществляя свои капризы.

В Южной части находился Дипил — собрание мрачных, непривлекательных построек. Жить здесь — значило принадлежать к низшему классу. У человека из Дипила было три возможных пути в будущее. Он мог попытаться прожить без гражданства и разрешения на работу, соперничая со множеством таких же, как он, в Центральном Распределительном Пункте, надеясь на предоставление работы. Он мог каким-нибудь образом собрать сумму, необходимую для уплаты большого вступительного взноса, и попытаться счастья в незаконной, но процветающей и опасной Воровской Гильдии; наконец, он мог подписать контракт на работу вне планеты и улететь в замороженном состоянии, не имея представления, что его ожидает.

Война двух секторов зашла в тупик пять лет назад. Две главные соперничающие силы разделили добычу — «сферу влияния». Несколько больших и некогда богатых планет были списаны со счетов, потому что ни один человек не осмеливался высадиться на мирах, превращенных в шлак. Но окраинные миры перешли во владения той или иной из главных держав: Конфедерации и Союза. В результате представители нескольких маленьких наций оказались бездомными.

В начале войны проводилась насильственная эвакуация с таких окраинных миров: пионеров сгоняли с их земель, чтобы

разместить на них военные базы и замаскировать солнечные батареи. Так появился Дипил на Корваре, далеко от линии фронта. В начале на волне митингового патриотизма жители Дипила встретили хороший прием. Но позже, когда их родные планеты были уничтожены или проданы за столом переговоров, последовали вспышки возмущения, и на нескольких планетах прошли демонстрации с призывом избавиться от докучливых поселенцев.

И вот теперь, перед рассветом, в Тикиле люди из Дипила сидели с поникшими плечами у внешней стены Центрального Распределительного Пункта или слонялись у двери, где проходила граница между имущими и неимущими.

Трой Хоран следил, как все ярче становится бледное золото неба. Было слишком поздно, чтобы наблюдать звезды. Он попытался вспомнить небо на Вордене, и в его сознании снова вспыхнула одна из ярких картин—воспоминаний.

Серебряная чаша опрокинулась над волнистой травяной равниной: трава меняла окраску от бледно—зеленого, розовато—лилового и серебряного цвета сразу, цвет ее менялся, когда она волновалась под ударами ветра. Он знал тепло солнца, постоянно полуприкрытого радужной туманной вуалью, чувствовал игру мускулов животного, на котором сидел. Они широкой дугой огибали стадо пасущихся тупанов, следя, чтобы животные не ушли к сыпучим пескам у реки.

Именно в это утро с неба спустились корабли Совета, выжигая большие круги на равнине своими выхлопами. Через три дня Трой вместе со своим народом покинул Ворден, направляясь на Корвар. Их было трое Хоранов — маленькая семья. Но они недолго оставались втроем: отец — большое тело, смеющийся голос, спокойные серьезные руки, которые умели все, человек, способный установить взаимоотношения с любым животным, надел мундир и исчез в пасти транспортника. Ланг Хоран не вернулся.

После этого Дипил поразил Большой Кашель, оставив только Троя Хорана, долгоязого юношу с унаследованными умениями и желаниями, для которых не было места на Корваре. Он обладал также упрямой яростной независимостью, которая пока удерживала его от искушения подписать контракт или вступить в Гильдию. Трой Хоран был индивидуалистом, он не воспринимал приказы. После смерти матери у него не осталось в Дипиле близких знакомых. Их вообще оставалось

мало. Мужчины вступили в армию, а их семьи по какой—то причине оказались восприимчивы к Кашлю.

Дверь, которая вела их в будущее, отворилась. Мужчины, сидевшие у двери, встали. Механически Трой провел руками вдоль своего длинного торса, хотя ему нечего было приводить в порядок.

Поношенные форменные брюки, вышарканные так, что их некогда синий цвет сменился серым; башмаки были немного широковатыми для его узких ступней, их магнитные включения звякали при ходьбе; верхнее платье, напоминавшее камзол, — без рукавов. Все это находилось в резком контрасте с единственной яркой деталью костюма, которая напоминала о прежней жизни.

Этой деталью служил пояс Ворденского всадника, хорошо смазанный, каждое его серебряное звено отполировано до зеркального блеска. Звенья пояса образовывали рисунок, который был единственным наследием Троя. Если бы он сейчас ехал верхом по волнистым травяным равнинам, а впереди галопировали тупаны — на их кремово—белых шлурах было бы клеймо такой же формы.

Ланг Хоран был Хозяином Пастбища и Владельцем Стада.

Молодой, сильный и упрямый, Трой находился поблизости от механического приемщика. Он с напряженной ревностью следил, как три человека перед ним побежали к штамповщику, чтобы получить рабочий знак, этот знак на запястье давал им свободу передвижения в городе, правда, лишь на один день. И вот он сам стоит перед бездушным микрофоном.

— Хоран, класс два, Ворден, законная работа... Эту старую формулу он произносил день за днем. Он стоял, слегка расставив ноги, напрягшись, как будто перед ним находилась не машина, а готовый к схватке противник. Про себя он считал до пяти, и в нем росла надежда, что, поскольку он не был отвергнут немедленно, у приемщика есть предложения, и он получит работу.

Ему пришлось считать до десяти, прежде чем приемщик задал вопрос:

— Знание животных?

— Как у каждого ворденского всадника.

Это было совсем верно, но надежда Хорана быстро росла.

Приемщик задумался. Трой, несмотря на возбуждение, чувствовал напряжение стоявших за ним людей. Но размышления машины были обнадеживающими...

— Нанят, — Трой вздохнул с облегчением. Срок найма — неопределенный. Наниматель — Косси Кайгер, первый уровень, шестой квадрат. Немедленно явитесь туда.

Подошвы башмаков Хорана стучали, когда он направился к штамповщику. Он засунул в щель руку, почувствовал мгновенный жар: на его загорелое запястье нанесли рабочий знак.

— Первый уровень, шестой квадрат, — снова вслух повторил он, не для того, чтобы запомнить, а из чистого удовольствия: он может назвать адрес своей работы.

Шестой квадрат находился на окраине делового района. Это означало, что Кайгер занимается торговлей предметами роскоши высшего класса. Удивительно, что такой торговец нуждается в работнике, лишенном гражданства. Все служащие и высококвалифицированные продавцы таких магазинов обычно были полноправными гражданами. И причем здесь животные?

Хоран свернул на одну из быстро движущихся дорог, выставляя напоказ временно татуированную руку, чтобы избежать вопросов патрульных.

Было еще рано, и поэтому на дороге встречалось мало пассажиров. Над головой по воздушным линиям двигалось лишь несколько частных флиттеров. Большинство витрин магазинов было закрыто ставнями. Ближе к середине дня туристы и покупатели из вилл двинутся в город. На Корваре посещение магазинов служило одной из форм развлечения, и сокровища половины Галактики текли в Тикил — результат увеличения производства после войны.

Трой перешел на другую движущуюся дорогу. Чем дальше на запад он продвигался, тем больше подозрения вызывал. Не то, чтобы тут была стандартная одежда, но материал ее всегда был исключительно дорог, независимо от фасона одежды. А сложные прически мужчин, находившихся на этой дороге, их браслеты с драгоценностями, шейные цепи, поясные ножи граждан составляли фон, на котором коротко остриженные светлые волосы Троя, его лишенный ножа пояс, его слишком худое лицо становилось очень заметным. Дважды патрульные на контрольном пункте настораживались, но тут же теряли к нему интерес, заметив рабочий знак.

Шестой квадрат был районом с богатой растительностью, которой его планировщики сознательно укутали внутреннюю структуру. Трой спрыгнул с дороги и подошел к указателю на столбе.

— Кайгер, — произнес он в микрофон.

— Кайгер, — отозвался указатель. — Джентель хомо, Джентель фем, посетите Кайгера, где перед вами парадом пройдут живые сокровища тысячи миров! Смотрите и слушайте лимианских говорящих рыб, дофулда, бесценный факсианский меняющийся наряд, единственный экземпляр, пойманный живьем. Следуйте за огоньком, Джентель хомо, Джентель фем, к Кайгеру — торговцу экзотическими животными!

Маленькая искорка вспыхнула на стене под указателем, отделилась от стены и теперь дрожала в воздухе впереди: Магазин животных! Вопрос о знании животных теперь был понятен. Но энергии у Троя поубавилось. И его ответ распределителю казался теперь более неточным. Он уже десять лет как с Вордена, десять лет вне контакта с животными. И все же у Троя осталась надежда. Считалось, что машина никогда не ошибается.

Он осмотрелся. Его окружала роскошная растительность: растения и кустарники с полдюжины миров. Их листва составляла сложный рисунок красно—зеленого, желто—зеленого, сине—зеленого, серебряного цветов... И каждая клетка тела Хорана вдруг страстно захотела, чтобы Кайгер оставил его у себя, пусть даже на один день.

Искорка—проводник танцевала, привлекая его внимание к двери. Он остановился, искорка погасла. Трой, глядя на витрину Кайгера, удивленно выдохнул, он смотрел на четыре разных ландшафта, каждый из которых занимал четвертую часть витрины. Каждый ландшафт представлял из себя перенесенную сюда миниатюрную часть какой—то планеты. В каждом сутились маленькие существа, занятые жизнью и смертью. Конечно, все это было трехмерным изображением, но съемка была превосходная, она совершенно очаровывала.

Трой неохотно приблизился к самой двери, в нее было вделано множество странных насекомых из плексиглаза, ни одно из них он не знал. Никаких признаков, что магазин открыт, и как пройти к служебному входу, он не увидел. Трой колебался, стоя у запертой двери, но тут среди изображений насекомых появилось явно человеческое лицо. Круглые темные глаза на смуглом желтом лице смотрели на него без всякого выражения или интереса.

Трой поднял руку, чтобы ясно был виден рабочий знак на запястье. Глаза, не мигая, уставились на этот знак. Потом

лицо исчезло. Когда дверь поднималась, казалось, что насекомые взлетают. Поток теплого воздуха, насыщенного разнообразными запахами, охватил Троя. Как будто притянутый невидимой веревкой, он вошел в магазин Кайгера.

У него не было времени внимательно осмотреть приемное помещение с его стенными шкафами и множеством миниатюрных сцен чужих миров: владелец глаз нетерпеливо ждал его. Привыкший к странностям людей, гуманоидов и негуманоидов, Трой все же нашел маленького человека необычным. Он мог пройти под вытянутой рукой Хорана, но его маленькое жилистое тело было очень пропорционально и совсем не походило на тело гнома. Черные волосы росли пучками на круглом черепе. Вдобавок, пучки таких же черных волос росли на верхней губе и на подбородке.

Одет он был в обычный гражданский костюм с добавлением кожаных перчаток. На животе у него был кожаный пояс, с которого свисал нож не только более длинный, но и более широкий, чем обычно носили в Тикиле.

— Пошли..., — у него был гортанный голос. Согнутый палец указывал направление, и Трой через две комнаты, следом за маленьким человеком вышел в коридор, из которого вели закрытые двери. Только миазмы животных, большого количества животных, стали очень сильны, а звуки из—за закрытых дверей свидетельствовали о том, что у Кайгера множество животных. Проводник Троя дошел до конца коридора, вложил руку в вьемку замка и посторонился, пропуская Хорана.

Если желтокожий был необычным, то человек, которого увидел Трой, тоже оказался сюрпризом. Хоран видел в Тикиле немало торговцев. Все они сверкали и блестили. Их драгоценности, их роскошные наряды необычных фасонов, их замысловатые прически — все должно было привлекать всеобщее внимание.

Но Кайгер, если это был он, вовсе не сверкал звездным блеском. Его мускулистое тело было затянато в костюм из дорогой ткани, но цвет ткани был темный, а драгоценностей на нем и вовсе не было. На правом запястье у него был широкий браслет ветерана—космонавта, а на нем не менее двух созвездий; его череп был гладко выбрит, как будто для шлема космического разведчика. Голая, сильно загорелая кожа черепа делала еще заметнее шрам за правым ухом. Трой мимоходом удивился, почему же Кайгер носит этот уродливый шрам; пластическая операция легко бы его уничтожила.

Сидящий долго разглядывал Троя, пристально и как бы со стороны.

— Распорядитель сообщил, что вы с Вордена, — заметил он с легким акцентом, незнакомым Трою. — Я бы скорее подумал о Мидгарте...

Трой встретил его взгляд. Этот человек обладал знаниями космонавта о расовых типах других миров.

— Я родился на Вордене...

Тот, казалось, не слышал.

— Мидгард или Земля...

Трой вспыхнул.

— Ворден, — упрямо повторил он. Отец Лонга Хорана был родом с Мидгарда. А раньше, что ж, кто мог проследить родословную пионеров космоса до самого истока?

— Ворден. И вы считаете, что кое—что знаете о животных? — Серые глаза, холодные, как космическое пространство между пылающими звездами, перешли с лица Троя на его пояс с любовно отполированными серебряными звеньями. — Хозяин Пастбища?

Трой не ответил. Он пожал плечами, не зная, почему собеседник старается поймать его. Всем известно, что теперь Ворден принадлежит Конфедерации, и ни один из ее прежних обитателей не может вернуться на родину.

— Ладно. Если распределитель прислал вас, значит ничего лучше не сумел найти. — Кайгер встал из охватывающего его кресла. Желтый человек скользнул к нему. — Зул отдаст вам нужные распоряжения. Мы ждем груз с Часгара. Вы отправитесь в порт вместе с Зулом и будете делать то, что он велит. Не меньше, разумеется, но и не больше. Ясно? — в его голосе послышалась резкая нотка, похожая на лезвие бритвы. Трой кивнул.

Зул оказался неразговорчивым спутником. Он поманил за собой Троя, и через другую дверь они вышли во двор. Он тоже был занят загонами и клетками, но у Троя не было времени рассматривать его обитателей. Зул провел его в ожидающий флиттер. Как только Трой занял место, маленький человек взялся за руль, и они взлетели. Зул сделал круг и направился на запад, к космопорту.

Движение в воздухе оживилось. Летело множество частных флиттеров, тяжелых фургонов и маленьких флайеров, таких же, как и у них. Зул вел флиттер с максимальной скоростью. Легко и точно приземлился вблизи посадочных полос.

Снова указание пальцем, и Трой вслед за Зулом через один из множества входов оказался в помещении таможни. Его маленького спутника здесь хорошо знали, потому что он прошел два поста без объяснений: стражники пропускали их.

У третьей решетки Зул сказал:

— Кайгер, — и положил перед стражником опознавательный знак—диск.

— Правая секция, третий блок...

Теперь они находились в коридоре, с одной стороны которого шла стена, а с другой — ряд бункеров, заполненных упаковочными корзинами, тюками и контейнерами. Тут и там виднелись грузчики. Это значило, что содержимое багажа было слишком ценным, чтобы доверить его роботам.

Зул нашел нужный бункер и опустил диск в замочную щель. Защитная решетка отодвинулась, вспыхнул свет. В бункере находились две корзины и большая тщательно упакованная клетка. Все три места были громоздкими, и Зул, внимательно осмотрев их, бросил через плечо:

— Привези тележку.

Трой вышел в коридор за моторной тележкой. Когда он выводил ее со стоянки, то увидел ползнакомое лицо. Нажав на пусковую кнопку и направляя тележку по коридору, он подумал, что будет, если он крикнет, что вновь принятый член Воровской Гильдии работает здесь, в самом центре святая святых перевозки сокровищ на Корваре. Каждый входящий сюда подвергался многократной проверке: в том числе и психопроверке. Всякий человек с незаконными намерениями будет немедленно обнаружен. Однако, Трой был уверен, что в рабочем, поднимавшем корзину, он узнал Джулнака Вармса, который недавно вступил в Гильдию.

Платформа остановилась перед Зулом, и они вдвоем стали переносить на нее груз. Он оказался тяжелым, и когда была установлена вторая корзина, Трой вытер пот с лица. Он внимательно смотрел на клетку, стараясь отгадать, какие испуганные существа сидят там.

Испуганные? Неподходящее слово. Обитатели клетки заинтересованны, оживлены, но не испуганы. Обитатели? Да, он уверен, их там двое...

Трой стоял неподвижно, глядя на тщательно укутанную клетку. Откуда он это узнал?

Интерес все усиливался... Что—то тронуло его, но не физически, как будто что—то мягкое коснулось его руки, проверяя

гладкость кожи, силу мышц, их крепость. Трой помог Зулу поднять клетку на платформу. И теперь он не чувствовал внутри никакого движения, вообще ничего. Что же это было?

Глава вторая

Клетка с большой осторожностью была установлена на сидение позади водителя флиттера, а за все это время пути изнутри не доносилось ни звука. Но Трой еще два раза ощущал мягкое прикосновение, немедленно исчезающее, как только он напрягался. Возвращая тележку на место, Трой напряженно размышлял. Никто не проявлял удивления или интереса к содержимому клетки. Считал ли Зул эти мягкие прикосновения чем—то обычным? А может, он вообще не замечал их? И что же за существа находятся там внутри?

Теперь космонавтам, исследователям, пионерам известно о туземной жизни тысяч миров. И Трой слышал в Дипиле рассказы людей, живших на самых разных планетах, в обширном секторе Галактики. Но никто даже предположения не высказывал, что возможно существование жизни, которая устанавливает контакт с разумом человека. С разумом!

Трой остановился. С разумом? Вот оно что. Он нашел название для этого прикосновения. Но...

Он не ощущал, что его глаза сузились, а пальцы выбивают легкую дробь на поясе. Прошное предупреждало его: смотри, слушай и храни свои мысли при себе.

Трой повернулся так резко, что уловил легкое движение. Недалеко стоял Вармс, локтем упираясь в груды ящиков и явно ожидая очередных приказаний, однако, он только что смотрел на Троя, хотя сейчас делал вид, что не замечает его. Неужели Вармс думает, что Хоран вызовет патрульного? Он хорошо знает законы Дипила. Пока Вармс ничего не предпринимает против Кайгера, которому временно принадлежит верность Троя, Хоран никому не сообщит о нем.

Он прошел мимо Вармса, ничем не показав, что узнал его, и направился к флиттеру. Он чисто случайно заметил следующее предупреждение. Носильщик поспорил с одним из служащих таможни, и они явились к руководителю таможенного сектора. При этом они громко спорили, неся предмет своего спора. В огромном зеркале с позолоченной рамой виднелась большая трещина.

Трещина искажала изображение, но что—то рассмотреть было можно. Трой увидел в зеркале преследователя. Вармс! Чем занимается новичок Гильдии в таможне, до сих пор не интересовало Троя. Но вдруг он неуклюже и неуверенно, по—своему настойчиво интересуется содержимым их груза?

Трой вышел наружу, на стоянку флиттеров. Здесь было много фургонов и совсем немного пассажирских флайеров. Все поле контролировал ряд двухэтажных патрульных вышек. Каждый сантиметр пространства, должно быть, просвечивался специальными лучами. До сих пор здесь никто не мог заняться грабежами. А когда они с Зулом будут в воздухе, их уже никому не достать.

Но тут он обнаружил, что Зул так и собирается двигаться по поверхности. Из корпуса выдвинулись колеса, маленький человек готовил машину к наземному путешествию.

— В чем дело? — Трой умещал свои длинные ноги рядом с ногами Зула. — Разве назад мы не полетим?

Впервые широкие губы его спутника изогнулись в чем—то похожем на улыбку.

— Нет, назад мы не полетим, — Зул передразнил его. — Мы везем груз, с которым нужно обращаться осторожно.

— Не очень ясное объяснение, — подумал при этом Трой. — Если обитатели клетки вынесли перелет в космическом корабле, то уж небольшой перелет до шестого квадрата они бы выдержали. И Вармс. Его появление вместе с действиями Зула приобретало смысл. Неужели маленький человек и гильдийский новичок сговорились, а потом обвинят его?

Трой отбросил эту мысль. Слишком многое не вяжется. Правит не он, а Зул. Сам же он до сегодняшнего дня не имел никаких связей с Кайгером и ничего не знал о грузе для магазина. К тому же что—то убеждало Троя, что Зул ничего не замышляет против хозяина. Но ведь должна же быть какая—то причина для наземного путешествия!

Тут он заметил, что движутся они не совсем прямым путем. Бросив взгляд на лицо водителя, он понял, что на его второй вопрос Зул не ответит.

Трой уселся поудобнее и стал ждать. Еще раз он ощутил и исходящую из клетки умственную активность. На этот раз она была обращена не к нему, а на окружающее. У Троя захватило дыхание: он понял, что обитатели клетки с интересом знакомятся с новым для них окружением. Но как они могли это делать сквозь толстую оболочку, что окутывала клетку?

Он много отдал бы, чтобы заглянуть в клетку. Многое, но не работу. Трой хорошо понимал, что стоит ему попытаться заглянуть в клетку, как Зул вызовет ближайшего патрульного и это будет означать немедленное и постыдное возвращение в Дипил. Он не собирался рисковать из—за любопытства.

Они сделали еще два ненужных поворота. Вокруг виднелись другие флиттеры на колесах, доставляющие пассажиров к зданиям— способ передвижения, избранный Зулом, не был чем—то необычным. Но теперь Трой внимательно смотрел на экран обзора. Он хотел выяснить: продолжает ли Вармс следовать за ними.

Ни один флиттер не казался подозрительным. Но Трой понимал, что не может сравниться с любым членом Гильдии. Он понимал, что любой из этих флиттеров может участвовать в их ограблении. Следует ли предупредить Зула?

Тот продолжал невозмутимо править на большой скорости. Кожа на спине Троя начала зудеть от напряженного ожидания. И его растущая тревога разделялась обитателями клетки. Их интерес сменился желанием предупредить, насторожить...

Трой открыл рот и собрался заговорить. Из клетки донесся крик, такой громкий, что заглушил все слова. Голова Троя дернулась. Крик замер, но Трой понял: опасность приближается и быстро. Руки Троя ухватились за крышку ящика, где лежало оружие. Но крышка не поддавалась.

Зул рывком бросил флиттер вперед, и они вылетели с авеню в пространство, за которым находился первый круг магазинов. И маленький человек виртуозно скользил между другими флиттерами. Трой сидел напряженно, внимание его раздвоилось. Он смотрел вперед и назад. Из клетки больше не доносились крики. Но Трою они больше были не нужны. Он ощущал волну ожидания и понимал, что неприятности еще впереди.

Они могли бы выбраться на свободу, если бы Зул не ошибся на несколько дюймов. Трой поднял руки, защищая голову. Их флиттер ударился о другой.

Толчок, видимо, отбросил крышку оружейного ящика. Трой увидел рукоять станнера. Рука, принявшая на себя удар, бессильно свисала, но вторая рука была в порядке и ее пальцы жадно сомкнулись на рукояти оружия.

Дверь слева от Зула распахнулась, и маленький человечек вылетел от удара. Он сумел подняться. Из раны на его плече текла кровь. Самостоятельно стоять не мог, пошатнувшись, он оперся на флиттер.

Трой плечом распахнул дверцу со своей стороны и выскочил со станнером наготове. Он был уверен, что столкнется с противником более опасным, чем этот владелец флиттера, с которым они столкнулись. Трой увидел, как Зул вытащил нож. Но к нему направился владелец другого флиттера.

Вокруг столпились зеваки. Но никто не вызвал патрульного. Схватившись за нож, а не за станнер, Зул показал, что это вопрос чести, хотя такие поединки и были запрещены законом. И если бы Трой не получил предупреждения, он сомневался бы, помогать ли Зулу.

Онемевшая рука беспокоила его, он пристроил станнер на колено, лезвия ножей сверкнули на солнце. Зул, прислонившись спиной к флиттеру, защищался.

Трой нажал курок, помня наставления отца: «Тщательно прицеливайся, парень. Это важнее, чем быстрота».

Послышался слабый свист. Человек, стоявший перед Зулом, зашатался, повернулся и оперся на свою машину, онемело тряся головой. Но Зул не последовал за ним. Трой дослал второй заряд в станнер.

Он вовремя сделал это: послышался пронзительный предупреждающий крик из клетки. Трой инстинктивно отступил вправо. О столб, где он только что стоял, со звоном ударился нож и отлетел в сторону.

Человек, бросивший нож, отступил, но на его место встал другой. Он сузил глаза, рассчитывая дистанцию. Трой прицелился ему в голову, надеясь, что у того нет защитного экрана. Весь ход нападения, время и место, свидетельствовали, что люди Гильдии охотились за очень ценным грузом или получили очень высокую плату. А это, в свою очередь, означало, что у них самое совершенное оборудование.

Но Трой так и не получил возможности проверить, правильны ли его предположения. В воздухе над головой человека с ножом материализовалась белая проволока. Она свернулась в круг и с поразительной скоростью опустилась на нападающего, охватив его плечи, руки, тело и, наконец, ноги. Человек яростно сопротивлялся. Но через несколько секунд он был опутан как добыча паука. А вторая такая же паутина охватила его товарища.

Трой выпрямился и бросил станнер на землю, не желая, чтобы патрульные занялись им. Оставив оружие, он подошел к Зулу.

Кровь образовала дьявольскую маску на лице Зула, он держался рукой за свисающую дверцу флиттера. Было видно, что стоять без поддержки он не может. Подходя к нему, Трой внезапно осознал, что обитатели клетки больше ничем не дают о себе знать, никакого контакта с ними не было.

Появились патрульные. Трой правдиво ответил на вопросы о том, что видел, но не упомянул о неслышном предупреждении... К удивлению Троя, из второго патрульного флиттера вышел Кайгер. Зула отправили под присмотром врача, затем Кайгер осмотрел клетку — Трой помог ему перенести клетку на тротуар.

— Вся поклажа цела, офицер, — сообщил Кайгер патрульному.

— Очевидно, простая попытка грабежа. Но воры бы не получили от него выгоду!

— Почему? — патрульный был со Сварцеркана, и на смугло-зеленой коже его рук, державших звукозаписывающий аппарат, виднелись следы чешуек.

— Потому что эти животные не могут жить без специально импортируемой пищи и особого присмотра, офицер. Это особый заказ для Джентель фем Сан дук Бар...

Сварцерканин не моргнул, но в его голосе послышалось почтение, когда он ответил Кайгеру:

— Вам повезло, торговец, что этот груз не попал в руки бандитов, — взгляд его мгновенно коснулся связанных пленников.

— Вак нужно побыстрее доставить этих драгоценных животных в магазин. Но боюсь, что ваш флиттер починить не удастся.

— Мне нужен запасной флиттер.

— Ага, Мула, запасной флиттер для торговца!

Один из патрульных склонился к переговорному устройству патрульного флиттера. И тут впервые Кайгер показал, что заметил Троя.

— Это использовали вы? — он кивнул на лежавший на земле станнер.

— Да.

— Хорошо, — Кайгер поднял оружие и протянул его сварцерканину. — Присягаю, что мой человек использовал оружие для защиты моего имущества, — сказал он, используя требуемую законом формулу.

— Записано, торговец.

Трой посмотрел на Кайгера. Такую присягу дают только по отношению к постоянному работнику, гражданину. Неужели Кайгер хочет...

Но сейчас не было времени задавать вопросы. Приземлился запасной флиттер, и Трой помог Кайгеру перенести в него корзины и клетку. Из клетки по—прежнему ничего не доносилось. Можно было подумать, что все это приснилось Трою. Но Трой знал, что это не так. Его распирало любопытство.

Животные, заказанные женой сук Сарфа, действительно должны быть экзотическими и очень дорогими. Сук Сарфа был представителем Пятидесяти Благородный Семей на планете Вульф 3. Но Джентель фем Сан дук Бар не жила там. Слухи говорили правду: она с мужем жила на Корваре. И никакие богатства не представляли возможности проникнуть в круг Пятидесяти.

Трой удивился, как сук Сарфа умудрялся править своей планетой на таком расстоянии. Физически, в его власти находилась группа из шести планетных систем, которые никогда не вмешивались в конфликтные ситуации истинных хозяев космоса. Но даже такой сознательный инстинкт может нарушить непрочное равновесие сил. Сук Сарфа был не единственным представителем, избравшим своей неофициальной резиденцией Корвар.

— У вас в Дипиле есть семья? — вопрос Кайгера прервал мысли Троя.

— Нет, торговец.

— Вы хотите заключить контракт на полный срок?

— С вами, торговец?

— Со мной. От Зула мало толку в ближайшем будущем. Мне нужна замена для него. Кто знает? — Кайгер взглянул на него и отвел глаза. — Может, вас ожидает что—то лучшее, дипилмен?

Глава третья

Трой изучал животных, а их голубые глаза пристально рассматривали его, других контактов не было. Однако, он был уверен, что предыдущий контакт не был плодом его воображения.

Кайгер открыл клетку. Черная кошка встала, изогнула гладкую спину, вытянула передние лапы и затем осторожно

вышла во двор. Ее голубоватый товарищ держался позади, а черный исследовал окружающее при помощи глаз и носа.

— Ссс.., — властный голос Кайгера перешел в бормотание. Он вытянул руку, чтобы черная кошка обнюхала ее.

Кошки были частью экипажа любого космического корабля. Трой видел их в доках. Но столетия путешествий между звезд привели к радикальным изменениям в породе. Никто из тех кошек не обладал такими длинными и гибкими лапами, такой заостренной мордочкой, большими ушами, шерстью такого цвета и такой красоты.

Черная без всяких усилий прыгнула на крышу клетки, от туда вышла меньшая. Из ее пасти, обрамленной серым, послышался крик, похожий на тот, который предшествовал столкновению. Кайгер рассмеялся.

— Голодны? — обратился он к одному из служащих. — Принесите пакет с пищей.

Трой смотрел, как торговец извлек из пакета соеожимое и положил его в чашку, которая была прикреплена к задней стенке клетки. Содержимое пакета, сухое и твердое, в чашке стало влажным. Кошки принялись и стали есть.

За ними ухаживал сам Кайгер. Трой обнаружил, что в магазине несколько служащих: часть заняты клетками во дворе, а остальные работают в магазине. Странно, но Трой должен был работать внутри, возможно, исполняя часть обязанностей Зула.

Его плечо все еще болело, но он старался выполнить все, что велел ему Кайгер.

В коридоре, который вел его от торгового помещения к кабинету, было четыре двери. Две вели в комнаты птиц или летающих существ, которых можно было квалифицировать, как птиц. Трой урывками наблюдал за ними, наливая воду и расставляя кормушки с семенами, экзотическими фруктами и даже кусочками рыбы и мяса. Следующие два помещения по оборудованию сильно отличались. Одно было заполнено баками и аквариумами с жителями моря, и Трой лишь взглянул туда: там уже работал хорошо обученный человек. Последняя комната предназначалась для маленьких животных.

Кошки исчезли из кабинета Кайгера, и Трой больше их не видел. Не испытывал он и странного чувства контакта, работая меж клеток в комнате животных. Все эти создания были достаточно дружелюбны, многие из них добивались его внимания, вытягивая лапы и издавая разнообразные звуки.

Он ел во дворе, отдельно от остальных служителей Кайгера. Жители Дипила и граждане никогда не дружили. А после полудня он видел, как отправляли земных кошек.

Служебный робот нес путевую клетку и корзину с пищей во главе небольшой процессии. Затем шла, сверкая драгоценностями, высокооплачиваемая компаньонка. Дальше, в почтительном сопровождении Кайгера, шла вторая женщина, черты которой трудно было рассмотреть под модной окраской: на ее щеки и лоб были нанесены сверкающие звезды. Ультрамодная вуаль скромности укутывала ее рот, подбородок и почти всю голову. Ее одежда была великолепно сшита и лишена украшений в отличие от одежды компаньонки.

В ее речи слышался неискорененный лидианский акцент. Было ясно, что она восхищена своим приобретением. Трой нырнул в комнату с рыбами, когда процессия проходила мимо него.

Он не понимал, почему чувствует раздражение. Джентельфем Сан дук Бар была одной из богатейших женщин Корвара, и кошки были заказаны именно для удовлетворения ее каприза. Почему он возмущается из—за того, что их унесли? У него теперь свой кусочек удачи, может, Кайгер оставит его у себя, по крайней мере до возвращения Зула.

Кайгер, проводив покупательницу, позвал Троя в свой кабинет. Коммуникационная панель на стене была активирована, и на ней виднелась белая полоса длиной в ладонь, которую Трой и не надеялся увидеть.

— Контракт на семидневный срок. — Кайгер явно торопился закончить дело. — Не предусматривает вылет за пределы планеты. Вы согласны, Хоран?

Трой кивнул. Даже семидневный контракт был счастьем.

— Продление возможно?

— Возможно, — без колебаний ответил торговец, и настроение Троя улучшилось... Он пересек помещение, приложил к белой полосе правую ладонь.

— Трой Хоран. Ворден, класс два, принимает семидневный контракт, без вылета за пределы планеты, у Кайгера, — произнес он необходимую фразу.

Кайгер в свою очередь приложил ладонь.

— Косси Кайгер, зарегистрированный торговец, принимает семидневный контракт у Троя Хорана. Зарегистрируйте.

Послышался голос:

— Записано и зарегистрировано.

Кайгер вернулся в свое кресло.

— Наденьте форму магазина. Вам нужно вечером вернуться в Дипил?

Трой покачал головой. Немногие вещи, принадлежавшие ему, он утром закрыл в сейф. Замок откроется только от его прикосновения в течение десяти дней. Он сможет в любое время забрать содержимое сейфа. Показалось ли ему, или Кайгер был действительно доволен.

— Зул дежурил по ночам. Один человек внутри, один во дворе. У нас есть дорогие животные. Будете делать два обхода...

Его прервал горн. Кайгер встал.

— Переоденьтесь и принимайтесь за работу, Хоран, — приказал ему Кайгер и вышел из кабинета.

Трой надел форму магазина, а поверх нее свой пояс всадника, форма была того же темно-синего цвета, который предпочитал Трой в своем костюме. Ножа на его поясе не было. Трой сделал лишь очень небольшой шаг из Дипила.

Торговля продолжалась допоздна. Трой дважды приносил по вызову клетки с животными. Он только успел вернуть визжавшего детеныша, записанного как животное, но с перьями вместо шерсти, с шестью лапами, болтавшимися в воздухе, большеухой головой, которая с интересом смотрела на мир в клетке, где немедленно началась смешная возня с тремя такими же детенышами, когда в дверях появился Кайгер.

— Вот это закрывает вас на ночь. Помещение охраны рядом со складом. А это вот здесь. — Он ткнул пальцем в заднюю стену двора, где на втором этаже виднелся ряд окон. — Вот.., — его рука сомкнулась над красной кнопкой в двери. — Если нужна помощь — нажмите. Такие есть в каждой комнате. Сделайте обход в три часа, потом в шесть. Тем временем, — под кнопкой была ручка, которую он повернул, — вы сможете слышать животных. Клетки во дворе вас не касаются.

— Да, торговец, — согласился Трой.

Кайгер вышел в коридор, закрыл дверь в свой кабинет, приложив палец к замку. Делал он это подчеркнуто, как будто хотел, чтобы новый работник был свидетелем его действий.

Затем, не сказав ни слова, ушел. Трой почувствовал груз ответственности. Он вошел в комнату для птиц. Свет был приглушен, и большинство обитателей спало. В каждой из комнат был включен коммуникатор, кнопка вызова действовала. После осмотра Трой отправился в уголок склада, где находилась койка, все еще слишком возбужденный, чтобы уснуть.

За три дня он вполне освоился с порядками в магазине Кайгера. Ему удалось справиться с редким раздражительным ястребом, с которым не мог совладать сам Кайгер. Трой начал надеяться, что его семидневный контракт действительно будет продлен. Он также обнаружил, что Кайгер не только продавал, но и покупал.

Во дворе имелся второй вход в магазин, и в него тайком приходили люди, большей частью в мундирах космических служб; они несли клетки с различными дикими обитателями. Трой получил приказ: всех таких посетителей сразу направлять в кабинет Кайгера. А если торговец был занят покупателями, его следовало вызвать определенным сигналом.

В заключении таких визитов Трою или одному из служителей приходилось уносить результаты сделки. Однако, все эти клетки оставались во дворе, а не в магазине, где содержались самые ценные и редкие животные. К тому же Трою казалось, что число таких продавцов не соответствует числу посетителей—покупателей, как будто некоторые из этих людей посещали торговца по другим причинам. Но и на это легко было найти объяснения: вполне могли зайти товарищи по полетам, если они останавливались в порту. Но могла быть и третья причина — с ней было связано нападение на Зула и интерес, проявленный Вармсом.

Тикил — порт роскоши. А эта роскошь не всегда доставлялась законными путями. Трой мог назвать запрещенные наркотики, напитки и другие предметы, которые давали огромные прибыли тем, кто сумеет пронести их через таможеню. И если Кайгер занимался такими делами, то Троя это совершенно не касалось.

На четвертый день после заключения контракта Троя вызвали в торговое помещение. Здесь было два покупателя. Кайгер был занят с женщиной. Он указал Трою на ожидающего мужчину.

— Покажите Джентель хомо трехмерные изображения с Харона. Да, Джентель фем, — и Кайгер вернулся к сверкающей драгоценностями посетительнице, — есть много других земных животных, которые по уму и красоте могут сравниться с кошками. Позвольте мне показать вам...

Трой хотел пройти за изображениями, но человек, которого он хотел обслужить, остановил его кивком головы. По—видимому, он хотел посмотреть, что показывает посетительнице Кайгер.

Торговец нажал кнопку. Из стены выдвинулся небольшой экран и закрепился на такой высоте, чтобы посетительнице было удобно смотреть. Она была старше жены Бара и гораздо роскошнее одета: на ней была полупрозрачная одежда с Цинуса, совершенно не соответствующая ее тощей фигуре. Ее голос звучал резко. Трой узнал в ней Великого Первого Лидера с Сидона. Сидон — группа из трех планет вокруг умирающего Солнца. Там господствует матриархат. Три планеты занимали важный стратегический пункт Звездной Линии, и поэтому Великий Первый Лидер обладал значительным влиянием.

— Это, Джентель фем, — Кайгер щелкнул пальцами, и на экране немедленно появилось трехмерное изображение, — это лиса, у меня как раз есть пара лис, и я могу предложить их вам.

— Да? — Великий Лидер нахмурилась. Углы ее накрашенного рта дрогнули. И сколько кредитов мне это будет стоить, торговец?

Кайгер назвал сумму, которая пять дней назад показалась бы Трою невероятной. Теперь же он лишь решил для себя, что торг будет продолжаться долго.

— Лиса, — сказал стоящий рядом с ним человек, сказал почти шепотом, как бы думая вслух.

Животное на трехмерном изображении было совсем как живое. У него был густой желто—оранжево—красный мех, черные лапы и белый кончик хвоста. Голова почти треугольная с заостренными ушами и мордой, зеленоватые глаза придавали морде настороженное и озорное выражение. Животное было больше кошки, с хорошо замаскированным выражением разума.

Что—то в голосе покупателя, сказавшего «лиса», говорило Трою, что он не совсем знаком с земной экзотикой, однако, он отступил в другую нишу, и Хоран последовал за ним.

— Я понял, что у вас есть ястреб?

— Да, Джентель хомо.

— Вы испытывали его в полете?

— Нет, Джентель хомо. Перелет в корабле испугал его, и мы решили дать ему отдохнуть.

Странные золотистые глаза осматривали пояс Троя.

— Вы с Вордена?

— Я там родился, — коротко ответил Трой.

— Значит, вам приходилось охотиться с ястребами?

Губы Троя дрогнули.

— Я видел такую охоту. Но это было давно, Джентель хомо. До войны, — он старался говорить спокойно, но был слегка удивлен. Незнакомец был не похож на бывшего космонавта. Но вряд ли хоть один из десяти тысяч населения Корвара смог бы узнать пояс Троя или знал, что всадники на Вордене охотились с ястребами. Готовя экран, он изучал своего собеседника.

Они были одного роста, но корварианин был лет на десять старше. Он не походил на аристократического обитателя виллы и даже на того, который дорого платит. Поскольку он не в мундире, он не принадлежит ни к одной из официальных служб. Но ясно, что это человек действия. Его кожа загорела не меньше, чем у Троя. В соответствии с модой у него на макушке была длинная прядь волос, перетянутая двумя золотыми кольцами, сами волосы были тускло—золотого цвета, почти не отличаясь от металла. Свободная светло—коричневая одежда была сшита из металлопласта, в котором сверкали маленькие золотые искорки, когда он двигался. На ножнах его поясного ножа и на браслетах блестели жемчужины, но все же, несмотря на весь этот блеск, он не производил впечатления шеголя их вилл.

— Я раньше не встречал вас здесь. Где Зул? — в этом вопросе не было высокомерия. Незнакомец говорил так, будто интересовался на самом деле, и эти сведения были ему важны.

— Он ранен... при аварии флиттера, — уклончиво ответил Трой, потом добавил. — а у меня временный контракт.

— Из Дипила? — незнакомец произнес это название без акцента, который делал его бранным словом на Тикиле. — Так что у Кайгера с Хатора?

Он, наконец, сел, отмахнувшись от предложения Троя выпить. Хоран нажал кнопку, и на экране появилась первая картина. Это было начало серии, которая предназначалась для показа покупателям, интересующимся хищными птицами, которых можно было выдрессировать для охоты. Но, когда Трой показал всю коллекцию с Хатора, покупатель покачал головой.

— Когда знаешь, что можешь получить первосортное оружие, не станешь брать второсортное. Если у Кайгера есть подхожащий ястреб, я больше ничего не возьму.

Он взял курительную палочку, щелкнул ее о ноготь: палочка задымилась, испуская травяной запах.

— А, Кайгер! — он посмотрел на подошедшего торговца. — Вы кончили? Долго ли матери трех миров придется ждать новой игрушки?

Что—то возникло в нише невидимое, как прикосновение из кошачьей клетки. Какое—то напряжение, какой—то невидимый намек на натянутость. Но внешне оба держались легко. Кайгер сел в другое кресло, как будто между ними не было ранговых барьеров.

— Ничуть не долго. У меня прибывает пара из Шаммора.

— Да? Играете на земном импорте, Кайгер?

Экс—космонавт пожал плечами.

— Сейчас большой спрос на земных животных. Мои друзья с кораблей передали мне, что будет разрешен их свободный вывоз.

Покупатель кивнул.

— Да. Что ж, торговля лучше, чем война. Если вам удастся привязать Землю, Совет будет благосклонен к вам.

Снова ощущение напряжения. Золотой человек погасил курительную палочку.

— У вас есть ястреб...

Кайгер взял пластиковый шар с освежающим напитком и выдавил его содержимое в рот.

— Да, но прежде, чем его продавать, я должен испытать его в полете.

— Конечно, Я собираюсь в инспекционную поездку по Диким Землям. Доверьте мне испытание, пошлите со мной вашего человека.

Кайгер взглянул на Хорана.

— Ладно, он знает, как обращаться с ястребом. Хорошо, охотник. Когда вы уезжаете и надолго ли?

— На три дня. Хочу добраться до самых болот. А что касается времени вылета — то, скажем, через два дня. Это даст возможность птице отдохнуть.

— Договорились. Вы должны быть готовы к выполнению приказов охотника Рерна, — сказал он Трою.

Золотой человек вышел неслышной походкой, и Трою теперь не казалось это необычным. Кайгер некоторое время продолжал сидеть, глядя на дверь.

— Рерн, — повторил он негромко. Если в его тоне и было какое—то выражение, то Трой не сумел его распознать.

Охотники, рейнджеры Диких Земель, были легендой Тики-ла. Они охраняли обширные пространства тщательно берега-

емых лесов и населенных пунктов, где обитатели вилл Корвара, не покидая своих флайеров, могли наслаждаться видом примитивной жизни. Занятие охотников за два столетия стало наследственным и включало членов 10—12 семей. Все они восходили к первым поселенцам Корвара.

Клан Рерна жил на севере. А этот человек, должно быть, один из братьев, чье открытие злополучной экспедиции Фуклова превратилось в нечто вроде саги. Трой ощупал пояс, с которого не свисал нож. Даже полноправный гражданин очень редко может надеяться на возможность проникнуть в Дикие Земли. Следопыты, люди леса, строго соблюдали свои привилегии. И все же через два дня он отправился туда с Рерном.

Глава четвертая

Все события пришлось на период затишья в магазине. Дневные покупатели уже ушли, а вечерние еще не появились. Кайгер ушел в свой кабинет, его служащие собрались на ужин. Трой пристроил тарелку на коленях во дворе. Через раскрытое окно над головой он слышал механическое повторение событий дня в коммуникаторе Кайгера.

— ...Необъяснимая и внезапная смерть саттор—командующего Варена Ди.

Трой перестал жевать. В двух шагах от него стоял флиттер, а в нем ящик с едой, которую надо было доставить на виллу саттор—командующего Варена Ди для его животного.

— ... вышел в отставку из руководства Советом в прошлом году, — продолжал механический голос.

— Но многолетний опыт давал ему возможность оставаться консультантом по специальным проблемам. Утверждают, что он выступал советником при заключении договора с Панарком У. Представители правительства не подтвердили, но и не отрицали эти слухи. Передаем сообщение Совета: «С глубочайшим сожалением...»

Монотонный голос замолк, тишина стала еще заметнее из—за внезапности перерыва. Трой продолжал есть. Смерть, «необъяснимая и внезапная», как сказал комментатор, недавно военного руководителя и главы Совета не касалась Троя. Десять лет назад — рука Троя остановилась на полпути ко рту — все могло быть по— другому. Именно Варен Ди неожиданно

решил превратить Ворден в военную базу кораблей класса саттор. Впрочем, сейчас это уже не имело значения.

— Хоран! — у входа во двор появился Кайгер. Трой оставил тарелку, заметив раздражение своего нанимателя. — Немедленно доставьте груз на виллу Ди.

Что ж, подумал Трой, животному нужна еда даже после смерти хозяина. Но почему так срочно и почему именно он? Обычно с такими поручениями отправляли служащих со двора. Но не время было задавать вопросы. Он занял место водителя и взлетел.

Лента с программой полета была уже установлена. Трой ничего не оставалось делать, как смотреть вниз и быть готовым, в случае необходимости, взять управление на себя. Он наслаждался одиночеством и отдыхом.

Золотая дымка, затягивающая небо Корвара в хорошую погоду, чем—то напоминала ему Рерна и путешествие в Дикие Земли. Он дважды после ухода охотника навещал ястреба. При втором посещении большая птица зашевелилась на насесте и расправила крылья, что было очень хорошим знаком. Птица была самцом примерно двухлетнего возраста, то есть самого лучшего для обучения. Хотя он был совершенно диким, когда его извлекали из путевой клетки, он не ударил Троя, как пытался ударить Кайгера и помогавшего ему работника. Может, птица спокойно поедет с Хораном?

— Посадочное предупреждение! — эти слова вылетели из динамика на приборном щите, вдобавок загорелась лампочка.

Трой посмотрел вверх. Над ним, как ястреб, висел патрульный флиттер, готовый обрушиться на добычу.

— Назовите себя! — послышался приказ.

Трой нажал кнопку, посылая сообщение о цели и маршруте своего полета. Если патрульные расследуют обстоятельства загадочной смерти, ему не разрешат посадку на вилле Ди.

Но, к его удивлению, ему разрешили продолжать полет. И не остановили, когда он приблизился к вилле командующего.

Подобно всем корварским аристократам Варен Ди соорудил себе жилище по моде другой планеты, избрав моделью Кван. Даже розово—серые кусты не могли закрыть искусно полуразрушенные стены, закрытые специальными щитами. Трой старался представить себе, сколько кредитов стоила доставка всего этого с Квана. Вряд ли даже саттор—командующий и Глава Совета мог получить это законным путем.

Он взвалил на плечи ящик с провизией и пошел к входу в виллу. В саду было полно людей в патрульной форме. Их внимание сосредоточилось на небольшом сооружении, скрытом зарослями и очень отличающимся от виллы. Если вилла была полупрозрачна, то это сооружение представляло из себя сплошной каменный блок и вызывало воспоминание о примитивной цивилизации на много тысячелетий моложе виллы.

Оттуда вышел человек, и Трой замер. Как в таможене невидимое прикосновение встревожило его, так и здесь он услышал беззвучный крик о помощи. Чувство ужаса и еще большая необходимость передать кому-то очень важную информацию ударило его по мозгу, как физический удар. И, не размышляя, он ответил на эту мольбу бессловесным вопросом: «Что... где... как?»

Человек, вышедший из каменного сооружения, повернулся и сделал хватательное движение, пытаясь поймать что-то вырвавшееся и скрывшееся в ветвях деревьев. Только качающаяся листва показывала движение к вилле... или Трою? Нгнулась ветка, и с нее прыгнуло маленькое тельце.

Трой успел поставить ящик прежде, чем это опустилось ему на плечо. Хватательный змеиный хвост обвился вокруг его шеи, маленькие лапки яростно вцепились в одежду, он поднял руку, нащупывая маленькое дрожащее пушистое животное. Круглая широкая голова прижалась к нему: животное как бы хотело свернуться в шар. Трой успокаивающе погладил его по шерсти.

Убить... Никто не произносил этого слова, оно вспыхнуло в его мозгу, а вместе с ним нечеткая дрожащая картина: человек, обвисший в кресле. Трой покачал головой, картина исчезла. Но остался страх, излучаемый животным.

Опасность.. Да, опасность не только для животного, которого он держит, но и для людей.

Человек, несший животное, устремился вперед, еще двое патрульных направились к Трою. В тот же момент он понял, что должен защитить существо даже вопреки законам Корвара.

— Ссс..., — он успокаивал животное, поглаживая его. Трой старался установить с ним контакт, обещая защиту и помощь.

— Кто вы?

Трой поудобнее устроил животное на плече и ответил:

— Хоран.

Он подбородком указал на флиттер, на корпусе которого явно виднелась надпись: от Кайгера.

Один из патрульных откашлялся и заговорил с ноткой уважения:

— Это поставщик животных и птиц, Джентель хомо. Наверное саттор—командующий заказывал это животное...

У человека, к которому обращался патрульный, было жесткое лицо и суровые глаза. Он смотрел на Троя так, как будто тот представлял проблему, которую все же необходимо решить.

— Что вы здесь делаете?

Трой носком ноги коснулся ящика.

— Доставка, Джентель хомо. Особая пища для животных и птиц командующего.

Жестколицый взглянул на второго патрульного, тот кивнул.

— Заказано на сегодня, Джентель хомо. Это особая импортная пища для .., — он споткнулся на незнакомом названии, — ...для кинкажу.

— Для чего? Что это за существо?

— Оно земное, — ответил подчиненный. — И очень редкое. Саттор—командующий чрезвычайно гордился им.

— Кинкажу... с Земли..., — офицер сделал шаг вперед, как бы стараясь рассмотреть животное, прижавшееся к Трою.

— Но если это животное, зачем оно рылось в столе саттор—командующего? У вас и на это ответ есть?

Опасность! Трой не нуждался в этой вспышке предупреждения. Он ясно читал выражение лица офицера.

— Многие животные очень любопытны, Джентель хомо. — Трой старался отвлечь внимание офицера. — Разве корвианские ктаны не разворачивают любой сверток, попадающий им в лапы?

Патрульный кивнул в знак согласия. Трой продолжал.

— Животное также подражает действиям людей, с которыми они связаны, Джентель хомо. Кинкажу, возможно повторял жесты саттор—командующего. Что же еще? Ведь, конечно же, тут не может быть цели...

И тут Трой подумал, что, возможно, именно это и делало животное. Неужели у офицера есть какие—нибудь сведения?

— Возможно, — согласился тот. — Чтобы больше таких недоразумений не было, возьмите кинкажу и возвращайтесь с ним к Кайгеру. Он отвечает за него, пока не будет завершено

расследование обстоятельств смерти саттор—командующего. Скажите ему, что это приказ коменданта западного сектора.

— Будет сделано, Джентель хомо.

Трой попытался сначала посадить кинкажу во флиттер, а потом поставить ящик. Но животное не отцеплялось от него. В добавок к страху оно теперь излучало чувство тревоги, связанное с каменным сооружением. Кинкажу хотел вернуться в это здание, чтобы закончить выполнение какого—то задания. Но Трой не мог оставаться. И животное впервые начало кричать, издавая резкие трубные звуки, как бы усиливая безмолвную беседу.

— Убирайтесь!

Комендант вернулся в сооружение в саду, а патрульные двинулись на Троя. Он не собирался спорить с ними. Ему удалось кое—как втащить ящик во флиттер. Кинкажу продолжал громко протестовать, хотя Трой и заметил, что животное не делает попыток отцепиться от него.

Как только они поднялись, животное успокоилось. Очевидно, признав поражение, сидя на руке Троя и цепляясь за него хвостом, оно рассматривало окружающее с чем—то напоминающим безумный интерес. Но попыток общения больше не было.

Когда флиттер опустился во дворе магазина Кайгера, кинкажу передвинулся к дверце кабины, похлопал по ней передними лапками и вопросительно взглянул на Троя. Каждая линия его закругленного тела говорила о желании освободиться. Трой ухватил его за хвост, не желая быть свидетелем того, как животное убегает своими великолепными прыжками. Выйдя из флиттера и крепко держа кинкажу, Трой отправился в кабинет Кайгера.

В коридоре показался Кайгер. Увидев в руках Троя кричащее животное, он остановился. Снова Трой уловил напряженное беспокойство такое же, как и то, которое возникло при встрече экс—космонавта и Рерна.

— Что случилось? — у Кайгера был обычный тон. Он прошел в свой кабинет, и Трой последовал его молчаливому приглашению. А кинкажу оставил попытки убежать. Животное снова прижалось к груди Хорана, как бы прося о защите. Но умственный контакт полностью прервался.

Трой сжато передал, что произошло на вилле Ди. Но он не упомянул о контакте с кинкажу. В суровой школе Дипила он рано узнал, что знание может послужить оружием и защитой,

и что—то заставило его хранить в тайне умственный контакт с двумя видами земных животных по крайней мере до тех пор, пока он не узнает Кайгера получше.

Кайгер не пытался оторвать животное от Хорана, но сел в свое кресло. Пальцами он растирал шрам на лице.

— Это очень ценный образец, — спокойно сказал он, когда Трой закончил. — Вы правильно поступили, привезя его сюда. Любопытен, как песчаный фолс. Представителям закона не нужно было доводить его до истерии. Поместите его в пустую клетку, дайте ему воды и орехов и оставьте одного.

Трой исполнил приказ, но в клетке ему было трудно отцепить кинкажу. Повидимому, животное считало Хорана наиболее надежным убежищем в этом непрочном мире. Когда же Трой закрыл клетку, пленник свернулся в шар в дальнем углу и подставил миру лишь пушистую спинку.

За несколько дней, проведенных у Кайгера, Трой привык ожидать ночных часов, когда он оставался один внутри главного здания. В соответствии с приказом он делал два основных обхода. Но каждую ночь перед сном он совершал собственные визиты. Он навещал ястреба, щенков с голубыми перьями, которые встречали его, вытягивая к нему лапы и испуская ревнивые крики, и несколько других питомцев—любимцев. Сегодня он подошел к клетке с кинкажу. Пушистый шар по—прежнему находился в дальнем углу клетки.

Трой сознательно попытался вступить в умственный контакт, предлагая дружбу и лучшее понимание. Но если кинкажу и понял его, то никак не проявил этого. Разочарованный Трой покинул комнату, предварительно включив коммуникатор.

Вытянувшись на койке, он попытался сопоставить события дня. Но, вспомнив о Рерне и его предложении испытать ястреба в Диких Землях, он размялся, и скоро его мечты постепенно перешли в крепкий сон.

Трой вскочил, ударившись плечом о стену и бешено крутя головой. Перед глазами стоял туман, но боли не было. Он открыл глаза. Уже далеко за полночь, но еще рано для обычного обхода. Впрочем, раз уж проснулся, можно совершить обход.

Он сел, надел башмаки. Придавил пальцы к вискам. Какое—то тупое давление оставалось, а это ненормально.

Трой протянул руку и достал из ниши над койкой оружие.

Хотя эту форму нападения он никогда не испытывал раньше, он все же понял, с чем он столкнулся. Держа станнер наготове, он бесшумно подошел к двери и выглянул в коридор.

Справа находился кабинет Кайгера, как обычно закрытый. Из коммутатора не доносилось никаких звуков. Но отсутствие звука тоже страшно. Трой привык к сопению, вздохам, щелканьям — множеству звуков, доносящихся из клеток.

Тупое давление в голове вместе с отсутствием звуков животных могло означать только одно. Где-то в помещении действовал «слиппер» — незаконное устройство, которое приводило в безпамятство живые существа. «Слиппер» не может быть законным оружием. Но уровень поражения его низок — он действует на животных, но не на Троя. Почему?

Держа наготове станнер, Трой толкнул дверь кабинета Кайгера. Она не поддавалась, замок не нарушен. Трой скользил вдоль стены, задержавшись у комнаты с аквариумами. Бульканье воды, слабые всплески, по-видимому, подводные жители не подвержены действию «слиппера».

Хоран приблизился к помещению животных. Снова ни звука, вдвойне подозрительно. За дверью находился сигнал тревоги, который разбудит охрану во дворе и прозвенит в квартире Кайгера. Трой приблизился к решетчатой двери, прижимаясь к стене, и протянул руку к кнопке.

— Опасность!

Снова в мозгу вспыхнуло это слово. Трой полуобернулся, луч падал так близко от него, что он невольно вскрикнул. Полуослепленный Трой выстрелил из станнера и бросился на пол.

Казалось, парализующий луч не оказал никакого воздействия на темную фигуру, возникшую в коридоре. Прежде, чем Трой снова выстрелил, фигура исчезла, и Трой услышал щелчок двери. Хоран с трудом добрался до стены, нажал сигнал тревоги и услышал, как ненормальная тишина помещения разрывается на части. Может быть, охрана во дворе сумеет задержать беглеца?

Глава пятая

В ответ на сигнал тревоги из клеток не донеслось ни звука. Это укрепило уверенность Троя в том, что где-то в помеще-

нии установлен «слиппер». Он полностью включил свет и начал поиски.

Обитатели клеток были погружены в глубокий искусственный сон. Все, за исключением кинкажу. Яркие бусинки глаз смотрели на Троя, маленькие лапки цеплялись за сетку. Трой уловил скорее оживление, чем стах. Сигнал об опасности означал сигнал ему, а не просьбу о помощи, как это было в саду виллы Ди.

Трой провел пальцем по сетке, глядя в эти круглые глаза.

— Если бы ты сказал мне, что за этим скрывается, — прошептал он.

— Кто—то идет...

Кинкажу отпрянул. Он мгновенно свернулся в шар и занял прежнюю позицию в углу клетки. Трой споткнулся о какой—то предмет на полу. Он нагнулся и подобрал тускло—серую трубку — «слиппер».

Он снова посмотрел на кинкажу. Внешне животное, как и все остальные обитатели клеток, находилось во власти глубокого гипнотического сна.

Но если животные поддались действию «слиппера», то люди — нет. По коридору бежали два стражника, за ними — Кайгер с гораздо более смертоносным оружием в руке — бластером, вероятно, наследием его прежней космической службы.

— Должна быть личная защита, — нетерпеливо выпалил Кайгер. — Что похищено?

Он прошел вдоль линии клеток, дойдя до конца, остановился и внимательно посмотрел на кинкажу. Трой не сказал о том, что животное смогло противостоять действию «слиппера» и спасло ему жизнь своими предупреждениями. Что—то удерживало его от откровенности с Кайгером. Он не знал, что скрывается за вторжением в магазин, но хотел узнать.

— Я не заметил никакого ущерба, — доложил он.

Кайгер провел рукой по сетке клетки кинкажу. Пушистый шар не шелохнулся. Подойдя к Трою, Кайгер взял его за подбородок и повернул лицо Троя к свету.

— У вас есть ожог, — его тон был почти обвиняющим.

— Что тут происходит?

Стражника, стоявшего в дверях, отодвинули локтем, и с бластером наготове появился патрульный. Кайгер ответил:

— У нас был посетитель. Он принес вот это...

Он кивнул на трубку «слиппера», лежащую на клетке. Патрульный склонился над ней.

— Ущерб?

Кайгер взял Троя за плечо; выталкивая молодого человека перед собой в коридор.

— Пока никакого, если не считать этого ожога. Мангин! Тансвелл!

Стражники вытянулись. — Проверьте остальные помещения и доложите мне. Этот офицер, — Кайгер кивнул на патрульного, — поможет вам.

Трой спокойно стоял, пока Кайгер накладывал ему на ожог защитное покрытие.

— Вам повезло. Чуть задело.

— Было темно, и он торопился.

Кайгер продолжал внимательно смотреть на него, как бы стараясь проникнуть в самую глубину его мозга.

— Должно быть, он действительно торопился, — заметил Кайгер.

— Но все равно я удивлен. «Слиппер» свидетельствует, что это работа Гильдии... У меня там есть один—два недруга, они могли бы организовать это. — Он слегка нахмурился. — Но люди Гильдии так не суетятся...

— Может быть, новичок?

Кайгер положил руки на стол.

— Новичок? Что вы об этом знаете?

— Я заметил нового члена Гильдии в таможне.

Вокруг Кайгера что—то творилось. Прирожденному торговцу он не стал бы ничего объяснять, разве что дело оказалось гораздо серьезнее. Но космонавту, который жил по другому этическому кодексу, можно было сказать многое.

— Испытание для новичка, — Кайгер подумал. — Возможно. Он вас знает?

— Видел меня в таможне, как и я его.

— Какие счета между вами?

— Личные? Нет. Он жил в Дипиле, и я его знаю по имени, но мы никогда не общались.

— Глупая попытка. Разве что он только хотел чему—то помешать. Здесь он ничем не сумел бы отличиться.

Трой и сам удивлялся этому. В Тикиле, где воровство превратилось одновременно в бизнес и разновидность искусства, охота шла только за легко перемещаемыми ценностями. Зачем пытаться похитить животных, большинство из которых требует специальной пищи и обращения. Тут была лишь одна версия.

— Наняты каким—нибудь любителем? — предположил он. Уникальное животное, единственное в своем роде на Корваре, могло послужить приманкой.

— Невыгодно. Его пришлось бы скрывать. — Кайгер нашел самое слабое место. — Да, ценность такого животного в возможности демонстрировать его ревнивым соперникам.

— Помешать кому—то получить его?

Снова Кайгер взглянул на него. Трой решил, что назвал подходящее объяснение. И оно попадало если не в самую цель, то весьма близко от нее.

— Может быть. В этом больше смысла. Можете ложиться. Я сам все проверю.

Это было прямое разрешение. Трой направился прямо к себе и на этот раз разделся. Спать ему не хотелось. Он закрыл глаза, пытаясь расслабиться.

Но тут как будто круг мыслей возник в воздухе так же, как нависал над бегущими животными аркан Ланга Хорана много лет назад. Мозг Троя уловил обмен мыслями нескольких существ.

— Он умер быстро. Не было времени найти доклад...

— Нужно вернуться! — это был приказ, резкий и грубый.

— Не должно быть никаких подозрений.

Протеста, выраженного в словах, не было, скорее — поток сильного страха. Трой открыл глаза, сел, дрожа, как будто сам испытывал этот страх.

Но, помимо страха, он ощущал и решимость бороться.

— Если возникнут подозрения, будут и вопросы.

Грубый молчал. Значило ли это, что он размышлял? Руки Троя сжались в кулаки. А правильны ли его подозрения? Кинкажу и Кайгер? Способные к телепатии животные используются для Кайгера. Кайгер не землянин. А может землянин? Трой слишком плохо знал миры, чтобы быть уверенным. Он вспомнил, что Кайгер расспрашивал его о прошлом в день найма.

Земля была центром Конфедерации, во всяком случае, до войны. Но из войны она вышла ослабленной: слишком много ее союзников потерпело поражение. Из господствующей она превратилась во второсортную и даже третьесортную планету. Конфедерация рассыпалась на три маленькие группировки. Мысли Троя снова прервались. Он снова услышал голос хозяйина:

— Кто приходил ночью?

— Тот, кто ничего не знает. Он за пределами схемы. Соприкосновения не было.

— Но его кто—то нанял. Для ловушки нужна приманка.

Трой понял. Если он прав, и обмениваются мыслями Кайгер и кинкажу, то такое животное может быть украдено, чтобы послужить приманкой для хозяина.

Но почему кинкажу не ответил на мысленное обращение Троя? Или кинкажу, боясь хозяина, берег Троя, как возможное средство спасения, как на вилле Ди?

— Враг за пределами схемы? Против меня?

— Против вас, — согласился кинкажу. — Ему было приказано вызвать тревогу, а когда придете — убить.

Убить! Слово билось в голове Троя. Он пытался уловить ответ. Но ответа не было. Наконец, Трой уснул, часто просыпаясь и прислушиваясь. Но кроме звуков животных и птиц, находившихся под влиянием гипнотического сна, он ничего не слышал.

Утром после того, как были очищены клетки и накормлены их обитатели, Кайгер позвал Троя к клетке ястреба. Большая птица, очевидно, выходила из оцепенения. Высоко держа увенчанную гребешком голову, она осторожно поворачивала ее из стороны в сторону. Хотя птица была еще слишком молода, чтобы отрастить хвостовой плюмаж, все же это была прекрасная особь с ее радужно черным гребешком на голове. Золотой блеск груди и алый цвет спины бледнели на крыльях, переходя в оранжевый, а темный хвост и черные лапы контрастировали с остальным оперением.

Глава шестая

Они не пролетали прямо над этими остатками чужой цивилизации более древней, чем первая высадка людей на Корваре, а направились на север. Трой знал, что то, что они видели, было лишь частью руин. На мили под поверхностью тянулись коридоры и залы; Рукав никогда не был исследован до конца.

— Сокровище.., — пробормотал он.

Рядом с ним Рерн невесело засмеялся.

— Если оно и не плод воображения, то никогда не было найдено. Даже после окончания экспедиции Фуклова.

Они миновали голую поверхность с руинами, и теперь под ними снова тянулась богатая растительность, окружавшая пу-

стыню Рукава. Трой был поражен страшным видом поверхности.

— Почему вокруг руин пустыня? — спросил он слишком заинтересованный, чтобы помнить о разделяющем их положении

— Имеется с полдюжины объяснений, — отозвался Рерн, — только одно из них логично и, вероятно, ложно. Рукав таков же, каким он был двести лет назад, во времена первой исследовательской высадки. Почему это так, видимо, обнаружил Фуклов и его люди — прежде, чем сошли с ума и перебили друг друга.

— Их вызыватель работает до сих пор?

Рерн ответил уклончиво:

— Приборы спасательного отряда зарегистрировали импульс откуда — то из глубины. Но едва увидели, что произошло с Фукловым и остальными, изучение немедленно заглушили. Рукав теперь находится под постоянным заглушающим действием и окружен барьером. Ни один флиттер не может приблизиться ближе двух миль к известным входам в глубину. Время от времени мы задерживаем пустоголовых искателей сокровищ, которые пытаются проникнуть за барьер. Обычно, поездка в нашу штаб — квартиру и просмотр трехмерных изображений того, что случилось во время экспедиции Фуклова, полностью излечивает их от желания исследовать Рукав.

Если вызыватель действует... Трой размышлял над тем, что могло произойти в подземных переходах. Фуклов был известным археологом, он добился выдающихся успехов в восстановлении дочеловеческих цивилизаций благодаря использованию вызывателя — прибора, все еще находящегося в стадии экспериментальной разработки. Помещенный в сооружение, некогда населенное живыми существами, этот прибор воспроизводил картины того, что здесь происходило давным — давно. До сих пор продолжались споры о датировке и значении уловленных прибором Фуклова сцен, но все смосглашались, что археологу удалось увидеть прошлое. И часто эти призрачные видения становились начальным пунктом новых многообещающих исследований.

Загадка Рукава привлекала его три года назад. Исследуя верхние уровни подземной крепости, люди не нашли ничего, кроме голых помещений и коридоров. Совет дал Фуклову разрешение использовать вызыватель с благоразумными оговорками, оставляющими за Корваром право на все, найденное с

помощью прибора. Но результатом было кровопролитное убийство, подробности которого никогда не публиковались. Люди, работавшие в течение нескольких лет, очевидно, сошли с ума от перенесенного ужаса и породили ужас.

— Если вызыватель работает, — ответил ему Рерн, — то слишком хорошо. Спасательный отряд не нашел его: очевидно он расположен слишком глубоко. Его заглушили, как только поняли, что происходит. А вот и маяк.

В сумерках ясно виден был мигающий на земле фонарь. Рерн сделал круг и аккуратно посадил флиттер на посадочное поле на краю леса. Ястреб на руке Троя расправил крылья и издал крик.

Рерн рассмеялся.

— Хочется поработать, крылатый брат? Но подожди до рассвета.

Из—за древесной стены показались два человека. Как и Рерн, они были одеты в кораную одежду. У одного из—за плеча торчал охотничий лук. Бегло взглянув на Рерна и Троя, они принялись внимательно разглядывать ястреба.

— От Кайгера, — без всяких предисловий Рерн указал на птицу. — Это Трой Хоран, приручающий птицу.

Снова беглый взгляд, как будто Троя оценивали.

— Добро пожаловать к очагу, — это произнес старший. Трой понял, что в этом мире он чужак, присутствие которого лишь терпят.

Он уже давно принял оценку жителей Дипила, но тут почувствовал себя уязвленным, может быть потому, что Рерн держал себя с ним по—другому. И снова тот же Рерн пришел ему на помощь.

— Всадник с Вордена, — спокойно сказал он без следа насмешки в голосе, — всегда встретит радушный прием у очага Доупрабона.

Но Трой не успокоился.

— На равнинах Вордена больше нет всадников. Я житель Дипила, Джентель хома.

— Равнины остаются в памяти, — ответил Рерн. — Если ястреб поедет с нами, не сажай его в клетку. Сегодня мы ночуем на пятом посту Лиги.

Меж деревьев вилась тропа, достаточно различимая в полутьме. Но Трой был уверен в том, что трое рейнджеров Диких Земель нашли бы путь и в темноте. Тропа вела вверх. Вот среди

деревьев показались уступы скал. Вскоре, на обрыве у озера, тропа оборвалась.

Пятый пост находился в стене утеса. Почему—то люди, охранявшие эту дикую местность, хотели скрыть свое жилище, как будто они находились вблизи вражеских линий. Пройдя замаскированную дверь, Трой оказался в большом помещении. В его глубине виднелись ниши, служившие спальнями. В голове Троя зашевелились воспоминания: фермы Вордена тоже были сооружены из дерева и камня людьми, которые больше полагались на свои силы и умение, чем на машины.

Ястреб крикнул. В ответ послышался похожий крик в одной из ниш. Трой успел перехватить лапы ястреба прежде, чем тот взлетел. Ястреб вытянул шею, поднял гребень, распустил хвост и испустил вопрошающий возглас. Рерн, пройдя вперед, отбросил занавес. В нише было три насеста. На одном из них сидела птица, совершенно не похожая на ястреба.

Если ястреб был огнем, то эта птица — дымная тень. Ее круглая голова без хохолка, уши с кисточками торчали прямо, необычно возвышаясь на пушистом сером оперении.

Глаза были необычно большие и в свете костра темные, как будто целиком состояли из зрачков. Размером птица не уступала ястребу, а мощные когти и изогнутый клюв выдавали в ней хищника.

Она смотрела на ястреба, но проявляла к нему лишь интерес, а не вражду. Один из лесных жителей протянул ей руку в перчатке, и она перепрыгнула на этот новый насест.

— Овхи, — сказал Рерн. — Они хорошо уживаются с ястребами.

Трой слышал о несравненных ночных охотниках, но до этого никогда не видел их. Он смотрел, как рейнджер вынес птицу из пещеры и подбросил ее. Мгновение спустя они услышали охотничий клич:

— Ооооовхини...!

Рерн кивком указал на насесты, и Трой поднес к ним руку с ястребом. После минутного осмотра ястреб выбрал насест и перескочил ни него, ожидая, пока Трой предложит ему ужин.

Рейнджеры не задержались после того, как Рерн, Трой и их багаж оказались в пещере. У каждого жителя леса была большая территория, которую нужно было обходить днем и ночью. Они мало разговаривали, и Трой решил, что их сдерживает его присутствие. Он ухаживал за ястребом и старался быть незаметным.

После ухода рейнджеров Рерн распаковал ранец с едой, и они сели у огня. Стульев не было, только широкие кожаные подушки, издававшие приятный аромат травы.

Пока они ели, охотник говорил, а Трой слушал. Это был рассказ о жизни рейнджера, об изучении Диких Земель, об охране природы, о невмешательстве, о стремлении не нарушать тонкое экологическое равновесие.

Здесь была прекрасная древесина, которую можно было использовать, но только под надзором охотничьих кланов. Были травы, используемые как лекарства на других планетах, были ценные животные. Дикие Земли — это природная кладовая, ключи от которой держали кланы. И в случае необходимости удерживали бы их силой.

В лесистых долинах и на обширных равнинах дальше к востоку происходили сражения между браконьерами и охранниками. И только потому, что Корвар был объявлен планетой удовольствий, кланам пока удавалось справляться с грабителями. В общих чертах о положении дел Трой знал, но Рерн говорил о временах и местах, называл имена.

Рассказ был захватывающим, но Трой не был ребенком, которого можно было отвлечь сказкой. Он начал удивляться разговорчивости Рерна.

— На Корваре не металлических руд, — продолжал Рерн. — Но если бы здесь нашли их местонахождение... и запрет на разработку был бы снят...

— А разве это возможно? — спросил Трой, неожиданно осознав, что сам готов защищать Дикие Земли от уничтожения, что — то в нем медленно шевельнулось, вспомнилось что — то забытое из чувства самосохранения. Подобно ястребу, он хотел испытать крылья на свободе в открытом небе.

Губы Рерна изогнулись.

— Мы мало чему научились. Я могу назвать вам сотню планет, погубленных из — за жадности. Нет, не только сгоревших во время войны, но убитых за многие годы. Пока мы охраняем Корвар в качестве планеты удовольствий для владык других миров, многие из которых невероятно жадны, мы можем сохранять его неприкосновенным. Никто не хочет жить на опустошенной планете. Пока обитатели вилл сохраняют власть и богатство, они заинтересованы в заповедности Корвара. Но долго ли это будет продолжаться? Могут быть иные сокровища, помимо сказочных сокровищ Рукава, и гораздо более доступные!

— У вас было двести лет, — с горечью сказал Трой. — У Вордена — меньше ста, благодаря саттор—командующему Ди!

— Годы не утешат человека, когда он видит, что приходит конец образу жизни, который он любит. Что значит прошлое, когда будущее готово к убийству? Саттор—командующий Ди — он умер от яда в собственном саду, и убийца еще не найден — отвечает за Ворден.

Откуда Рерн знает это все о Ди? Сообщение о яде не оглашалось. Трой почувствовал себя как крыса софару, на которую падала тень ястреба. Неужели Рерн готовит его к расспросам о кинкажу? Или чувство собственной вины заставляет его подозревать всех?

Но охотник не задержался на разговоре о камандующем Ди. Он принялся расспрашивать Троя о его детстве. Любой другой корварианин показался бы Трою нахальным, но в вопросах Рерна звучала искренность, поэтому молодой человек отвечал правдиво и не уклонялся, как привык это делать. Он даже не скрыл, что воспоминания о Вордене подернуты в его памяти легкой дымкой.

— Здесь тоже есть равнины. Подумайте об этом, — загадочно сказал Рерн, вставая. — Если дать достаточно времени, сильный человек сумеет многому научиться. Крайняя койка ваша, Хоран. Пусть ночью не навесят вас злые сны, — сказал он.

Трой проверил, как чувствует себя ястреб. Птица уснула, подобрав лапу, как это делают птицы этого вида. После этого Трой лег на указанную ему койку.

Прямоугольная койка не была покрыта пластиком. Свежее сено подалось под ним и охватило его тело; слабый аромат наполнил легкие, и он уснул. Ему ничего не снилось.

Когда он проснулся, дверь пещеры была распахнута и снаружи доносились голоса птиц. Протирая глаза, Трой скатился с койки. Огонь в очаге погас, в помещении никого не было. Зарождение нового дня в Диких Землях выманило его наружу и заставило посмотреть вниз, на долину и озеро.

Недалеко от берега что—то качалось на воде. Присмотревшись, он понял, что это пловец. Высеченные в скале ступеньки вели вниз. Трой пошел по ним. Увидев сброшенную спальную пижаму, сбросил свою, пальцами ног проверил температуру воды и нырнул.

Трой барахтался у берега. Он не был искусным пловцом, как тот, которого он не видел. Его движения раскачивали пла-

вучие цветы, падавшие с деревьев, что окружали ручей, питающий озеро. Лепестки прилипли к его коже, он почувствовал под ногами песчаное дно и встал, дрожа.

— Ужасно холодная вода, Джентель хомо, — сказал он шедшему к нему вброд Рерну.

Тот остановился и рассмеялся.

— Новое развлечение — цветочная ванна?

Трой вторил ему, снимая с себя лепестки.

— Не я его выбрал, Джентель хомо.

— Меня зовут Рерн. Мы здесь не ходим тропами Тикила, Хоран. — Рерн вытерся пижамой и сунул ноги в сандалии. Обернув вокруг себя пижаму, он постоял немного, глядя в озеро. Лицо его странно расслабилось.

— Прекрасный день. Мы отправимся на плато под Стансилом и проверим, на что способен наш крылатый друг.

Флиттер снова понес их на северо—восток. И снова растительность под ними оскудела, но превратилась не в голый ожог, а перешла в равнину с высокой травой и с редкими низкими кустами. Флиттер дважды пролетел над стадами жвачных, и рогатые головы гневно тряслись, когда тяжелые, с мощными плечами животные убегали, высоко задрав хвосты.

— Дикий скот, — сказал Рерн.

— Но у них чешуйки... или что—то похожее.

Трой вспомнил о своих утраченных на Вордене тупанах, которые паслись, как и эти, и также могли убегать от летящего флиттера.

— Не чешуйчатые, как рыбы или рептилии, — поправил Рерн. — Эти пластинки — затвердевшие мышцы, что—то вроде защитного кокона насекомых. Стада с каждым днем уменьшаются, рождается меньше телят, и мы не знаем почему. У нас есть основания считать, что когда—то они были одомашнены.

— Теми, из Рукава?

— Может быть. Хотя, кто знает..., — Рерн пожал плечами.

— Они оставили после себя только развалины? Я слышал лишь о Рукаве.

— Это еще одна загадка. Почему у цивилизации единственный город? Может, это лишь передовой пост межзвездной цивилизации, исчезнувшей задолго до того, как человек вышел в космос? Эту теорию хотел подтвердить или опровергнуть Фуклов. На Корваре есть еще один их след — к северу за равнинами. Но это не все, и этот второй след очень мал. Не думаю, чтобы они были аборигенами. Да и панста — дикий

скот — настолько чужд остальным животным Диких Земель, что тоже не кажется туземным. Эти одичавшие стада давно исчезнувших рас, пережившие своих неизвестных хозяев.

Равнины оборвались, и под ними снова были хребты и холмы. И вот флиттер приземлился на ровной площадке, казавшейся оторванной от всего мира. Под золотистым светом прекрасного утра тянулось ровное цветущее поле с разбросанными по нему деревьями. Здесь совершенно не чувствовалось присутствия человека. И Трой мог бы подумать, что он первым ступил на эту землю, если бы его сюда не привез Рерн.

Рерн посадил флиттер на полосу гравия у воды. Зеркало воды было меньше, чем у озера, но больше, чем у пруда. Они вышли, ощутив свежий ветерок. Ястреб расправил крылья и закричал.

— Пусть охотится! Оллахууу....!

Рерн подбросил ястреба. Птица поднялась по большой дуге и исчезла в небе.

Глава седьмая

Солнце грело. От травы, на которой лежал Трой, поднимался приятный аромат, давно забытый им в Дипиле. Он чувствовал сонливость, но не спал.

Они восхищались удивительным утром на поднятом к небу участке Корвара. Даже ястреб наслаждался свободой и ветром в облаках и теперь спокойно сидел на насесте. Этот насест Трой соорудил из вырезанной им ветки дерева.

Насекомых было мало. Не слышалось гудения, не ощущалось укусов

Трой встал. Обходя стороной насест и лежавшего Рерна, он отошел от флиттера. И ветер развеивал его коротко стриженные волосы бился о тело. Неожиданно Трой увидел картину прошлого: множество клеток и шар в комнате — свернувшееся в поисках спасения животное.

Эти кошки, кинкажу... ястреб, легко поддающийся приручению. Но земные животные, тут была большая разница, как будто они сделали большой шаг навстречу человеку. Трой ощутил, как его охватывает возбуждение... Неужели это правда? Перед ним открывался новый мир.

Он оглянулся на Рерна, испытывая сильное искушение рассказать охотнику о своих догадках. Ему казалось, что Рерн

поверит. Никто на Корваре не общался с ним, как просто с Троем Хораном, свободным и равным человеком, а не обычным жителем Дипила. С того момента, как они вступили в Дикие Земли, в нем росло ощущение жизни, полноты существования. Трой, все еще сомневаясь в мудрости своего решения, повернулся к Рерну, но было слишком поздно, потому что небо уже не было большой пустой золотой аркой. Второй флиттер опускался на скорости, словно боясь опоздать.

Рерн сел в траве, готовый к действиям. Флиттер коснулся земли неподалеку от их флиттера. Из кабины выскочил человек в поношенной кожаной одежде рейнджера, поверх которой была одета куртка городского жителя. Он торопливо заговорил с охотником. Рерн поманил Троя.

— Харс отвезет вас в Тикил, — сказал он резко, не объясняя, почему изменились их планы, — скажете Кайгеру, что мне нужен ястреб. Заплачу позже. — Он замолчал, его взгляд на одну—две секунды задержался на Трое, как будто он хотел что—то добавить к этому короткому прощанию. Но потом отвернулся и, ни слова не говоря, сел в свой флиттер.

Трой, слегка сердясь на себя за свои недавние мысли, посадил ястреба на руку и присоединился к Харсу во втором флиттере. Флиттер Рерна круто взлетел и направился на север к штабу Кланов.

Харс выбрал кратчайший путь в Тикил. После полудня Трой снова оказался в магазине Кайгера. Торговец встретил его в коридоре.

— Охотник Рерн? — экс—космонавт заглядывал за спину Троя, ища Рерна.

Трой все объяснил. Кайгер слушал его, поглаживая шрам на лице. Трой показалось, что торговец ждет более важной информации, чем сообщение о продаже ястреба.

— Посадите его в клетку, — приказал Кайгер. — Вы как раз во время, поможете кормить животных.

Один из служащих наполнял ванночки, он даже не поднял голову, когда Трой подошел к клетке с кинкажу. Только на этот раз в углу не оказалось мехового шара. На него смотрело совсем другое существо, остроносое, остроглазое.

— Вернулись? — служащий прислонился к стене. — Вовремя. Нам пришлось делать вашу работу. Как дела?

— Продал ястреба...

Троя больше интересовало, что происходило здесь. Из клетки за время его отсутствия исчезло одно земное животное,

но на его месте оказалось другое, Трой был уверен, что новичок — то самое животное, которое Кайгер показывал Великому Первому Лидеру, — лиса.

Одно земное животное? Нет, два! Он увидел второе, забившееся в угол, как кинкажу, повернувшись к миру спиной. И он заметил, что глаза первого животного внимательно изучают его, как это делали глаза кошек. «Один стоит на страже...,» — почему он так подумал?

— Один сторожит, другой спит.

Ответ пришел ниоткуда. Лиса села, как это делали кошки, она больше не казалась встревоженной...

— Кто эти новые? — спросил Трой у служащего, пытаясь скрыть свой интерес к обитателям клетки.

— Вы не должны заботиться о них, дипилмен. Босс сам решил ухаживать за ними.

— Хоран!

Почему—то чувствуя себя виноватым, Трой оглянулся и увидел Кайгера.

— Уходите отсюда и помогите Джингу. — Он сам провел Троя в помещение морских свинок.

На столе, в конце помещения, стоял переносной аквариум, в который Джинг, обычно обслуживающий этих животных, наливал маслянистую жидкость из другого аквариума. К стене этого аквариума прилипло существо. Трой взглянул на него, не веря, что такие существа могут существовать в действительности, а не в безумном воображении.

Он видел много странных животных и воплоти, и в трехмерных изображениях. Но это существо не было странным. Оно было невозможным, его вид вызывал ужас. Трой хотел отвести от него взгляд и не смог. Он почувствовал тошноту.

У края стола, внимательно следя за действиями Джинга, стоял человек маленького роста в одежде чиновника из административного бюро. Это был бесцветный и незапоминающийся человек: обе руки он положил на стол, в его глазах сверкала жадность, бледный язык, как у ящерицы, двигался взад и вперед по бледным губам.

— Прекрасно, торговец Кайгер, прекрасно.

Кайгер быстро взглянул на обитателя аквариума.

— Это хур—хуры, — он покачал головой, как бы не найдя подходящего слова, потом закончил. — Их трудно назвать прекрасными, гражданин Драгур.

Маленький человек стал похожим на ястреба, поднявшего крылья и готового ударить.

— Они очаровательны, торговец Кайгер. Великолепное пополнение моей коллекции, — он перевел взгляд с Кайгера на Троя. — Этот человек поможет при перевозке? Надеюсь, он знает, как обращаться с такой ценностью? Вы отвечаете за него пока этот великолепный образец не будет благополучно водружен в бассейн с водой у меня. Трой открыл рот, чтобы сказать, что он не желает иметь ничего общего с хур—хуром, но, поймав взгляд Кайгера, он вовремя вспомнил о семидневном контракте, который скоро нужно будет возобновлять. В конце концов аквариум, который он понесет, прочен и можно будет не смотреть на содержимое.

Джинг взял стержень и начал осторожно вводить его в аквариум. Потом тихонько ткнул хур—хура. Трой с отвращением смотрел, как чудовище ощупало стержень своими щупальцами и прижалось к нему своими присосками. Джинг перенес стержень вместе с хур—хуром в переносной контейнер, захлопнул крышку и начал прилаживать ремень для переноски.

Трой неохотно поднял цилиндр, чувствуя, как он дрожит: очевидно, хур—хур исследовал свою новую тюрьму. Пальцы его чуть не разжались.

— Осторожней! — Драгур приплясывал вокруг Троя, пока тот надевал ремень на плечо. Кайгер пришел на помощь своему служащему.

— Они вовсе не такие хрупкие, гражданин. А вот и еда для него.

Он почти насильно всунул в руки покупателю небольшой ящик. В нем суетилось маленькое животное, визжа, как будто оно предвидело свое ужасное будущее. Трой знал, каким оно будет. Он взглянул на емкость с хур—хуром и подавил приступ тошноты.

Трой обнаружил, что должен не только донести контейнер до ожидающего флиттера гражданина, но и сопровождать его до дома, обеспечивая безопасность хур—хура. Драгур вел флиттер со скоростью, не намного превышающей скорость пешехода. Драгур, в отличие от Рерна, казалось, и минуты не мог просидеть молча. В разговоре он не обращался к Хорану, он мыслил вслух, и мысли его касались соперничества с неким Мазели, который мог превзойти Драгура в иерархии их учреждения, но в коллекции которого не было хур—хура.

— Прекрасно! — Драгур свернул на дорогу, ведущую к окраинам Тикила. — Он никогда не поверит в это. На следующую вечеринку я приглашу его и, скажем, еще Вилвинса и Соркера. Я проведу его по комнате, покажу лупанских улитов, бросающихся червей, дам ему возможность похвастаться тем, что есть у него, а потом... — Драгур снял одну руку с руля и похлопал ею по крышке контейнера. — Потом хур—хур...! Он никогда не сравнится со мной! Никогда!

Тут маленький человек впервые, по—видимому, вспомнил, что у него есть спутник.

— Верно, не так ли, молодой человек? А торговец Кайгер даст сертификат, что это единственный экземпляр: он ведь при жизни животного не привозит другой экземпляр? Правильно?

Трой не знал этого, но дал утвердительный ответ:

— Да, гражданин.

— Значит, у Мазели никогда не будет в коллекции хур—хура, никогда! Продолжительность их жизни составляет двести лет, может быть, триста. А Кайгер поклялся, что это молодая особь. У Мазели никогда не будет такого маленького красавца! — И Драгур снова похлопал по крышке цилиндра. И, возможно, что его возбуждение передалось животному, которое начало так метаться, что Трой вынужден был держать цилиндр обеими руками.

— Осторожно! Молодой человек, что вы делаете? — Драгур остановил флиттер и возмущенно уставился на Троя.

— Я думаю, оно сильно возбуждено, гражданин, — Трой обеими руками держал трясущийся цилиндр. — Вероятно, хочет назад, в аквариум.

— Да, конечно, — Драгур рывком тронул флиттер и поехал на гораздо большей скорости. — Скоро будем на месте, очень скоро...

Драгуру принадлежал один из небольших домиков на границе с торговой зоной. Одной рукой Драгур прикоснулся к замку, а другой поманил Хорана. Атмосфера, встретившая Троя, была какой угодно, но только не соблазнительной.

В магазине Кайгера стоял устойчивый запах животных, но сложная система вентиляции и дезодорации делала атмосферу вполне пригодной для дыхания. Здесь же запахи морских животных были сильнее в тысячу раз.

Комната представляла морское дно в миниатюре. Свет был приглушен и слегка зеленоват. Вдоль стен на скамьях стояли аквариумы, а в центре находился бассейн.

— Стойте на месте, молодой человек! — Драгур обошел бассейн и направился к столу в темном углу комнаты. Он вытащил пустой аквариум и поставил его в ряд с остальными. Потом с усилием начал переливать жидкость из нескольких стеклянных контейнеров, все время приносясь к полученной смеси.

Трой переминался с ноги на ногу. Контейнер был нелегко и продолжал дергаться, ремень врезался в плечо. Хоран был бы рад поскорее убраться из этой конуры с дурным запахом и страшилищами, многие из которых казались не менее отвратительными, чем хур—хур.

Наконец, варево, по—видимому, удовлетворило Драгура. С видом художника, делающего последний мазок на полотне, он добавил полоску чего—то похожего на гнилой корень и поманил Троя.

Неужели Драгур думает, что Трой должен пересадить хур—хура по методу Джинга? Коли так, то покупатель на сей раз не будет доволен: Трой не собирался делать этого.

Но, очевидно, Драгур и не собирался предоставлять такую ответственную работу новичку. Как только Трой снял контейнер, Драгур велел ему отойти. Он ловко извлек хур—хура и поместил его в новый дом.

— Вот! — Драгур вернул магазинный контейнер Трою. — Теперь нужно оставить его одного на два, может, на три дня и навещать только для кормления.

Трой подумал, что ему не хочется и минуту оставаться в этой вонючей комнате.

— Это все, гражданин? — коротко спросил он.

Драгур, казалось, снова заметил его.

— Что? А, да, это все, молодой человек. Мы с вами раньше не виделись? Вы не доставляли мне продукты?

— Нет. Я недавно у Кайгера.

— Да, в последний раз приходил Зул, это я помню. Вы кто, молодой человек?

— Трой Хоран.

— Хоран? Это иноземное имя.

— Я с Вордена, — Трой подошел к двери.

— Ворден? — Драгур шагнул, как бы представляя звездную карту, на которой можно было бы поместить Ворден. — Значит, вы бывший космонавт, как и торговец Кайгер?

— Я из Дипила.

— Ага, — Драгур проявил обычную для гражданина смесь замешательства с раздражением. — Заверьте Кайгера, что я доволен, очень доволен. Я сам сообщу ему. И пожалуйста, помните, что единственный экземпляр — это должно быть совершенно ясно.

— Я уверен, что торговец помнит об этом.

Драгур проводил его до двери и указал на ближайший движущийся тротуар. Он не входил в дом, пока Трой не удалился на достаточное расстояние. Вероятно, чтобы убедиться, что выходец из Дипила убрался.

На этом не кончился день раздражений и разочарований. Утро начиналось так хорошо, когда он проснулся в Диких Землях. А кончил он вечером у клеток, где расхаживал Зул. Маленький человек хромал, но ходил он быстро и совсем не обрадовался возвращению Троя.

Конец семидневного контракта — Трой все время помнил об этом. Кайгер не обязан возобновлять его. А теперь, когда вернулся Зул, он и не сделает этого. Когда Трой принес воду к клетке лис, Зул отослал его прочь. В сущности, Зул отобрал у него всю работу, и Трой ничем не был занят. Всякий раз, когда Трой видел Кайгера, он ожидал услышать слова о том, что действие контракта кончилось.

Но торговец молчал до самых последних минут, пока не закрыли магазин. Тут Троя вызвали в комнату животных, где он нашел Кайгера и Зула. Зул был явно недоволен.

— Будете совершать ночные обходы, как обычно, — приказал Кайгер. Его широкая рука легла на плечо Зула, и он повернул маленького человека с такой силой и легкостью, как будто тот ничего не весил. Желтолицый наградил Троя взглядом, от которого Хоран не в первый раз пожалел, что не имеет право на поясной нож.

Когда магазин закрыли и животные успокоились, Трой совершил первый обход, осмотрев каждое помещение. Что он искал и почему чувствовал растущее беспокойство, он не мог объяснить.

Торговое помещение в комнате птиц было в порядке. Трой прошел мимо ястреба. Птица позволила провести пальцем по ее гребню, слегка притронувшись к его ладони мощным клювом, который мог ударить и даже убить.

И вот он в помещении животных. Тут он понял, что вызвало его беспокойство. Что случилось к кинкажу? Никто не упоминал о нем после его возвращения. На его месте находились

лисы. Может, животное передали наследникам саттор—командующего Ди как ценную часть наследства?

Вдруг Трой понял, что обязательно должен найти животное, которое просит его о помощи.

Он вышел из комнаты, направился к своей койке и лег. Хотя он не нашел кинкажу сейчас, вскоре встреча вполне возможна.

Глава восьмая

Глаза Троя были закрыты. Он расслабил и нервы, и мышцы, стараясь впасть в то же состояние, в котором слышал бессловесный разговор. Коммуникатор доносил обычные звуки животных и птиц. Трой старался не слушать.

— ... Здесь ... вне ...

Не слово, а скорее впечатление, сигнал, мольба. Трой открыл глаза. Он сел... шепот прекратился. Сердясь на отсутствие у себя самоконтроля, он снова лег, стараясь уловить нить разговора.

— ... Вне ... вне ... опасность ...

Он лежал, затаив дыхание, напряженно вслушиваясь.

— ... Из ...

Да, мольба, он был уверен в этом. Но откуда и от кого? Он наткнулся на обрывок веревки посреди большой комнаты и теперь должен найти ее всю.

— Где? — он старался как можно отчетливее выразить мысленный вопрос неизвестно кому.

Тут он воспринял удивление, такое сильное, что чуть не зажал уши.

— Кто? Кто? — вопрос был ясный и настойчивый.

— Трой..., — он послал свое имя, но в ответ получил замешательство и разочарование. Может, имена ничего не значат в этой призрачной беседе. Трой постарался создать картину своей внешности, каким он видел себя в зеркале. Он напряженно думал о своем лице, о каждой его детали.

Чувство замешательства ослабело, хотя он был уверен, что контакт не разорван.

— Кто? — молча спросил он в ответ, уверенный, что обращается к кинкажу.

Он получил искаженное изображение треугольной морды, острого носа, блестящих глаз и торчащих ушей — лиса!

Трой соскочил с койки. Он не ожидал никаких неприятностей. Если Кайгер или Зул вернутся, он всегда может сказать, что проверял источник неизвестного звука. Но, выходя из маленькой комнаты, он взял из стенной ниши станнер и бесшумно двинулся по коридору в помещение животных.

Клетка лис была накрыта покрывалом. Трой поднял его. Оба животных сидели, глядя на него. Он осмотрелся. В тусклом освещении не видно было ничего необычного. Никакого вторжения, как прошлый раз, когда кинкажу спас ему жизнь своим предупреждением.

— Что случилось, — в этот момент ему не казалось странным, что он стоит перед клеткой и мысленно задает вопросы двум земным лисам.

— Большой ..., он опасен.

Как будто кто-то, обладающий ограниченным запасом слов, пытался выразить сложную мысль.

— Большой — Кайгер?

— Да! — ответ последовал быстро и энергично.

— А что такое?

— Он боится, думает, лучше смерть...

— Для кого лучше смерть? — Трой крепче сжал станнер.

— Для тех, кто знает ..., для всех знающих ...

— Я? — быстро спросил Трой. Хотя почему Кайгер мог заподозрить его?

Ответа не последовало. Либо поставил перед ними новую загадку, либо, неспособные дать точный ответ, они решили не отвечать вовсе.

— Вы?

— Да..., — но в этом «да» был элемент сомнения.

Он думал о кинкажу. Одна из лис отступила к задней стенке.

— Он был здесь. Теперь его нет.

— Где? — Трой пытался понять.

Он мысленно увидел клетку, закутанную, но не в помещении магазина.

— Во дворе? — спросил он

Ответа не было, потом уклончиво:

— Холодный воздух, много запахов, может быть снаружи...

Неужели лиса получает сведения от кинкажу? Что ж, возможно, это и правда.

— Клетка укутана, не видно ...

Подходит. Животное, должно быть, во дворе, в одной из транспортных клеток. Но найти его ночью трудно, да и что дальше?

— Спрятаться!

Они уловили его мысль и ответили на нее. Стоящая лиса тяжело дышала.

Трой обдумывал проблему. По каким причинам Кайгер спрятал кинкажу, собираясь избавиться от него? Вмешиваться в это — значит напрашиваться на неприятности. Торговец не только разорвет контракт, но и внесет имя Троя в черный список, и ему уже никогда не получить работы на Корваре. В прошлом такое случалось с жителями Дипила и из—за гораздо меньшего... Нужно закрыть лисью клетку, выйти из помещения и забыть обо всем, и он будет в безопасности.

В безопасности? Он посмотрел на лису. Кинкажу, лисы, кошки знали, что он может общаться с ними. Допустим, что они передадут информацию Кайгеру. Этот прервавшийся разговор прошлой ночью... Если бы только Кайгер знал, что он «слышал» его... Да, отказ от помощи может быть опасен.

Он задернул клетку, не делая больше попыток разговаривать с лисами. Зато он сунул станнер за пояс и прокрался к задней двери, осторожно выбравшись во тьму.

Точно так же, как он охранял магазин изнутри, старший служащий совершал обходы двора. А присутствие Троя возле клеток крупных животных может разбудить их и вызвать шумные протесты, сразу выдав его. У Хорана не было ни малейшего представления, где находится клетка с кинкажу, если она вообще здесь.

Он скользнул вдоль стены, прижимаясь к ней левым плечом, перебегая чере открытые пространства от одного укрытия к другому и направляясь к двери склада. Оттуда доносился запах сена, семян, сухих растений. Эти смешанные ароматы напомнили ему проведенные в Диких Землях двадцать четыре часа. Может быть, именно в эти мгновения у него впервые родилась идея, не настолько конкретная, чтобы назвать ее планом, всего лишь туманная мечта, возможность спастись, если Кайгер отправит его назад в Дипил.

Трой почувствовал, как дверь поддалась под его легким нажимом. Он вошел. Дверь снова закрылась, но сквозь щель видна большая часть двора. Где же здесь спрятана клетка? И делал это Кайгер или кто—нибудь из служащих? Зул?

Кайгер или Зул, наиболее вероятно. Зул не хотел, чтобы Трой оставался на ночь в магазине. Трой был уверен в этом.

У двери, ведущей в личные помещения Кайгера, что—то шевельнулось. Какая—то фигура двинулась на открытое место. Трой узнал Зула. Зул не хотел, чтобы его обнаружили. Он укрывался в тени, двигаясь вдоль ряда загонов.

Возможно, животные, находившиеся в загонах, привыкли к его запаху, потому что ни одно не встревожилось. Потом Зул исчез, как будто прошел сквозь стену. Но если он шел беззвучно, то теперь с противоположной стороны двора слышались чьи—то шаги. Трой затаил дыхание, когда они приблизились к складу. Он осторожно прикрыл дверь полностью и напряженно ожидал: будет ли ее открывать проходящий стражник.

Когда шаги миновали дверь без остановки, Хоран чуть открыл ее вновь. Ему не было видно уходящего охранника, но он слышал, как закрылась дверь на противоположной стороне двора. Потом он увидел, как Зул отделился от стены и двинулся дальше. Зул прятался от охранника. Это было очень интересно.

Зул миновал еще несколько загонов и остановился перед последним в ряду, где содержались два небольших траси с Лонгуса ... Это были почти ручные создания, походившие на оленей.

Дверь загона открылась, и Зул исчез в ней, скрывшись в темноте.

— Повинуйся!

Трой обхватил голову руками: мысль, угроза были, как удар. Но ответа не было: ни согласия, ни возражения. Трой представил себе Зула, стоящего перед завешенной клеткой и пытающегося подчинить себе пушистый шар.

— Слушай! — снова резкий приказ. — Ты будешь повиноваться!

Снова полная тишина. Воля против воли, животное против человека? Трой прижался к холодной поверхности двери лбом, напряженно прислушиваясь.

Проходили минуты. Зул выскользнул из загона, прокрался к стене и исчез в том же проходе, который использовали космонавты, приходя в магазин. Трой беззвучно считал. Досчитав до пятидесяти, он вышел из склада и пошел к загону траси.

Животные зашевелились, когда он поднял щеколду и вошел. Сюда доходило лишь немного света со двора, и вначале Трой подумал, что ошибся: никакой клетки не было видно. Он начал рыться в груде сена у задней стенки загона и больно

ушиб палец о какую—то твердую поверхность. Сидя на корточках, он развязал покрытие клетки.

Хотя кинкажу должен был знать о его усилиях, он не двигался и не пытался мысленно обращаться. Покров снят. Но Трой все равно ничего не мог разглядеть в клетке. Он начал открывать дверцу.

Трой опрокинулся, когда маленькое существо вылетело из клетки, взметнув водоворот сена, протиснулось в щель под изгородью загона и исчезло прежде, чем человек сообразил, что оно подготовилось к бегству. Бесплезно было пытаться найти его во дворе: быстро передвигающееся древесное животное может укрыться в сотне мест.

Трой захлопнул клетку и закрепил покрывало. Потом тщательно очистил сено со своего комбинезона, снял контрольное устройство с пояса. Зачем напрашиваться на неприятности? Кинкажу исчез и оставалось лишь надеяться, что теперь животное в большей безопасности, чем было в клетке. И пусть его пустая тюрьма составит утреннюю загадку для Кайгера и Зула.

Трой вернулся на койку. Теперь он был убежден, что его хозяин участвует в гораздо более важной игре, чем контрабанда и что каким—то образом в эту игру вовлечены животные. Засыпая, он думал, сколько четвероногих землян с необычными способностями находятся на Корваре и зачем?

Если кинкажу и потеряли, то никакой тревоги на следующее утро не было. Все шло, как обычно, только Зул взял на себя большую часть работы в помещении, а Троя отправили чистить клетки и мыть помещения. Но в полдень его вызвали в комнату птиц, потому что Зул не мог справиться с ястребом.

Трой, будучи еще в коридоре, услышал гневные крики птицы. Кайгер, хмурый, велел ему поторопиться. Зул, приговаривая что—то на особом языке, на гал—безик, яростно приплясывал и время от времени подносил ко рту окровавленную руку.

Трой сказал торговцу:

— Надо успокоиться.

Тот кивнул и вытащил из помещения Зула. Ястреб бил крыльями, широко разевая клюв.

Трой медленно приблизился к птице, издавая монотонные звуки, которые, как он установил раньше, действовали успокаивающе на всех обитателей клеток. Торопиться было нельзя, рассердить ястреба до такой степени, чтобы он начал бросаться на стены клетки, означало причинить птице непоп-

равимый вред, если не физический, то эмоциональный. Трой сосредоточился, неосознанно стараясь установить с ястребом умственный контакт, как с земными животными. Ответа он не получил, но ястреб успокоился. Трой смог взять его на руку. Он хотел вынести его на открытый воздух, где птица окончательно пришла бы в себя.

Кайгер встал поблизости.

— Во двор, — предложил он.

Час спустя хорошее настроение птицы восстановилось, и Трой вернул ее в клетку. Он снимал перчатку, когда к нему подошел Кайгер.

— Хорошо проделано. Мы сможем вас использовать. Согласны на полный контракт?

Это было то, на что он не смел и надеяться — контракт, который даст ему права гражданина! Он навсегда освободится от Дипила, потому что полный контракт не может быть отменен, разве что в случае серьезного преступления. Отныне все законы Корвара будут за него, а не против. Но однако... оставалось сомнение в деле кинкажу. Где—то в глубине души Трой уже понял, что не хочет быть верным работником Кайгера, привязанным обычаями и этикой к магазину... Он лишь смутно ощутил, чего он хочет, в то утро в Диких Землях... Он хочет свободы, которую невозможно найти в Тикиле. Глупо. Трой подавил свои желания и посмотрел на хозяина со всей благодарностью, какую только в состоянии был выразить.

— Да, торговец, согласен.

— Еще один день старого контракта — и заключим новый. Тем временем, — Кайгер снова посмотрел на ястреба, — нам не нужно неприятностей с ним. Я свяжусь со штаб—квартирой охотников в городе, и, если все будет в порядке, вечером сможете отвезти птицу.

Но через час Зул вызвал Троя к Кайгеру. Торговец ходил взад и вперед по кабинету, глядя шрам. Он не производил впечатления человека, легко поддающегося тревоге, но теперь это был не спокойный поставщик роскоши в Тикиле.

— Мы сейчас закрываемся, — сказал он Трою. — Не отвечайте ни на какие вопросы по дверному коммуникатору. Совершайте обходы, как обычно. Меня не будет, но если возникнут какие—нибудь неприятности, немедленно включайте тревогу. Не пытайтесь справиться сами. Патрульные предупреждены.

Чего ожидал Кайгер? Вооруженного нападения? Трой знал, что сейчас не время задавать вопросы. Торговец надевал темный плащ с капюшоном — обычная одежда для посещения менее респектабельных районов Тикила. На его поясе Трой заметил бластер. Мрачное выражение глаз не позволяло задавать вопросы.

К удовлетворению Троя, Зул сопровождал хозяина. Теперь, когда магазин закрыт, а час ранний, есть возможность понаблюдать за двором. Трой не думал, что кинкажу остается здесь, разве что ему нужна импортная пища, и он привязан к ее источнику. Но, может быть, сегодня вечером он подтвердит или опровергнет эту теорию.

Существовало только два места, не открытых постоянно в течении дня: склад, в котором он прятался ночью и личные помещения Кайгера. Их осмотреть нет надежды. Они будут закрыты и откроются только от прикосновения рук торговца... или луча бластера.

Но на складе, среди множества ящиков, тюков, контейнеров, есть десяток укромных местечек, где может спрятаться испуганное животное. Лисы в помещении для животных, а кинкажу на свободе. Трой не мог избавиться от мысли, что эти трое находятся в контакте. Нельзя ли связаться с беглецом через двоих, оставшихся в клетке? И почему они еще в магазине? Насколько знал Трой, Великому Лидеру не сообщили, что ее животные уже прибыли.

Вооружившись ящиком с пищей, он направился в помещение для животных. Клетка с лисами снова была завешена. Трой развязал завязки. Одно животное спало или делало вид, что спит. Другое тоже лежало, но с открытыми глазами. Глядя на них, Трой не мог поверить в их возможности.

— Где другой? — подумал он, стараясь заложить в свою мысль ту требовательность, которая была у Зула.

Лежащая лиса зевнула и с клацканьем захлопнула челюсти, больше не интересуясь Троем. Он попытался снова, подавляя нетерпение, но безрезультатно. Если между лисами и беглецом существовал контакт, они не собирались о нем сообщать Трою. Придется действовать самому.

Он возвращался со двора, когда услышал гудение коммуникатора. Кинулся к ближайшему видеозэкрану. На экране появилось лицо Кайгера.

— Хоран?

— Да, торговец.

— Передайте свои обязанности по охране Джингу и доставьте ястреба в штаб—квартиру охотников в районе Терренг. Ясно?

— Ясно, — ответил Трой, надежды на исследование склада рухнули. Он привел в порядок одежду и выбрал клетку для перевозки птицы. Вернулся ли Рерн из своей загадочной поездки?

Он надеялся узнать это.

Глава девятая

Тикил ночью, вернее поздно вечером, гораздо менее заполнен людьми, чем днем. Хоран вызвал флиттер для полета через весь город к штаб—квартире охотников, но для возвращения решил использовать движущиеся дороги. Он шел к такой дороге, когда перед самым зданием его остановил его Харс.

— Вы видели Рерна?

— По приказу торговца Кайгера я принес ястреба. — Трой был настроен воинственно. За короткое время их знакомства Рерн никогда не давал ему почувствовать, что он из Дипила. А во взаимоотношениях с другими рейнджерами Трой постоянно помнил о своем поясе без ножа и о том, что у него нет родной планеты.

— Рерн хочет вас видеть.

— Но мне сказали, что его здесь нет.

— Он в другом месте. Идемте!

Трой испытывал искушение ответить «нет» на этот приказ. В конце концов он не заключал контракта с Рерном. Но его очень интересовало, почему Харс был отправлен на его поиски.

Харс проходил через толпу, как через лес. И он привел Троя не к конторе, а к маленькому ресторану, одному из тех заведений, которые возникали повсюду для развлечения публики и исчезали, как только внимание корпораций к публике привлекало какое—то другое развлечение.

— Четвертый кабинет, — сказал ему Харс и отошел.

Трой обнаружил, что его костюм не вызывает здесь подозрений. Ресторан обслуживал служащих различных магазинов. В двух кабинетах занавесы были задернуты, значит, там происходил частный прием. В четвертом кабинете сидело двое мужчин.

Рерн в ливрее магазинного служащего сидел, прислонившись спиной к стене. С ним сидел пожилой человек в темном костюме без каких—либо знаков отличия. От него исходило ощущение властности, как от человека, с ранних лет привыкшего брать на себя ответственность.

— Хоран, — Рерн произнес его имя как приветствие, но скорее всего представляя его незнакомцу.

— Рогаркил, — незнакомец кивнул Троя.

— Вы заключили постоянный контракт с Кайгером? — пригласив молодого человека присесть, спросил Рерн.

— Заключу... завтра.., — он почувствовал легкое беспокойство, хотя не мог сказать, почему.

— А теперь у вас кратковременный контракт?

— Да.

— А если вам предложат другую работу?

— Я дал слово Кайгеру. Поэтому он должен разрешить мне переход.

Рогаркил сухо улыбнулся.

— Когда имеешь дело с благородным человеком, всегда возникают определенные неудобства. А связаться с бесчестным — значит заблудиться, еще не сделав первого шага по тропе. Так, сейчас вы человек Кайгера?

— Да.

Чего они хотят от него? Этот разговор о чести и бесчестии еще больше встревожил Троя. Но Рерн не дал ему времени поразмыслить: что же скрывается за этими словами.

— На некоторые вопросы вы можете ответить, не нарушая условий контракта? Например, правда ли, что торговец Кайгер приготовил земное животное лису для Великого Лидера?

— Вы слышали этот заказ, Джентель хомо.

— И что он ввозит других земных животных.

— Да. Джентель хомо. Но это общеизвестно.

— Пара кошек для Джентель фем Сан дук Бара, кинкажу — для саттор—командующего Ди...

— Я чищу клетки и кормлю животных, — сдержанно ответил Трой. — Я не заключаю сделок и не вижу богатых покупателей.

— Но среди клеток, которые вы чистите, — прервал его Рерн, — есть и клетки этих экзотических животных. Вы видели их своими глазами, молодой человек?

— Я был с гражданином Зулом, когда он получал в порту кошек...

— И попали в неприятность тем утром?

Трой перевел взгляд с одного на другого.

— Джентель хомо, — негромко сказал он, — если я разговариваю с патрульным не в форме, то я имею право знать это. Закон защищает человека на Тикиле, даже если этот человек из Дипила.

Рогаркил улыбнулся: — Вы вправе не доверять нам, молодой человек. Нет, я не патрульный, я не представляю закон на Тикиле. Это дело касается кланов. Вы понимаете, что это значит?

— Даже в Дипиле, Джентель хомо, у людей есть рты и уши. Да, я знаю, что кланы гораздо старше законов города. Говорят, что власть кланов превосходит власть генерал—губернатора Совета. Но это законы кланов и для кланов. Я из Дипила, и, если хочу выбраться оттуда, я должен руководствоваться законами города. Я не знаю, почему вы задаете такие вопросы, но придерживаюсь условий контракта. То, что я говорю вам, вы можете узнать из записей патрульных. Да, я видел кошек. И привез кинкажу с виллы саттор— командующего Ди. Это животное сильно испугали. Я видел лис, которые сейчас в магазине. Но кому нужны подобные сведения?

— Это мы и стараемся узнать, — загадочно ответил Рогаркин.

— Вы правы, Хоран. Законы кланов не правят Тикилом. Но помните, что они действуют везде, кроме города...

— Угроза или предупреждение, Джентель хомо?

— Предупреждение. У нас есть причины считать, что вы ходите по краю пропасти, молодой человек. Смотрите, как бы вам не упасть.

— Это все, что вы хотели у меня спросить?

Рогаркил взмахом руки отпустил Троя. Но Рерн встал следом за Троем.

— Я хочу увидеться с торговцем Кайгером.

— Не сегодня. Магазин закрыт.

Они смотрели на него так, как будто он сказал что—то необычное.

— Почему?

— Кайгер ушел по какому—то делу.

Обернувшись к своему спутнику, Рерн произнес фразу на незнакомом Трою языке, Рогаркил спросил:

— Это ведь необычно для вашего распорядка?

— Да.

— Так... что, должно быть, у торговца Кайгера есть личные дела... Нельзя вмешиваться в две драки, уделяя обоим одинаковое внимание. Лисы еще у вас? — он повернулся с вопросом к Трою. — И где кинкажу, которого вы принесли с виллы Ди? Тоже в магазине?

Трой пожал плечами.

— Когда я вернулся из Диких Земель, его в клетке не было. Возможно, его вернули наследникам саттор—командующего. Это весьма ценное животное.

— Кайгер не возвращал его, — коротко заметил Рерн. Он холодно смотрел на Троя.

— Он исчез из клетки, — упрямо повторил полуправду Трой. Он не собирался ничего добавлять к этому, не зная, что они имели в виду.

— Парень прав, конечно, — сказал Рогаркил. — Обычный работник, он не может знать больше. И он связан условиями контракта... Очень жаль, Хоран. В других обстоятельствах мы могли бы оказаться полезными друг другу. Всадник из Вордена по своим стремлениям и желаниям похож на охотника Корвара.

— Сегодня на Вордене нет всадников, — сказал Трой. Он посмотрел на Рерна. Тот кивнул, разрешая уйти. Подняв руку в знак приветствия, он вышел из кабинета. Почему его мучает предчувствие, что он только что безвозвратно захлопнул дверь, которая могла привести его в новый мир? Он чувствовал разочарование.

Трой пробивался сквозь толпу, почти не замечая окружающего. Подойдя к входу во двор магазина, он нажал сигнальную пластину и стал ждать, когда ночной сторож откроет. Но от его прикосновения дверь открылась, и он увидел тускло освещенный проход.

Станнер Троя остался в его комнате. Он был безоружен и не собирался проникать во двор без средств обороны. Дверь не должна быть открыта: тусклый, необычно тусклый свет внутри — тоже предупреждение. Его может поджидать ловушка.

Он снял украшенный серебряными пряжками пояс. Полоска обшитой металлом кожи была единственным его оружием. Крепко зажав конец пояса, он двинулся вдоль стены по проходу, прислушиваясь к тишине во дворе.

Тихое бормотание животных во дворе скрывало нападение. Но откуда и с какой целью? Трой достиг конца прохода, при-

жался к стене и осмотрел дверь. Что—то не так с южной стороны...

Тут он заметил разницу. Дверь в частное помещение Кайгера, которую он никогда не видел раскрытой, теперь была еще и распахнута. В центре двора стоял флиттер. Был ли он флиттером, принадлежащим магазину, Трой не мог определить.

Открытая дверь и ожидающий флиттер — это еще не все. Все было пропитано атмосферой ожидания. Может быть, животные тоже ощутили это, потому что из загонov доносились лишь приглушенные звуки. Снова Трой ощутил ловушку. Но он знал, что ловушка предназначена не для него.

Значит, для Кайгера? Пожалуй, Трой заметил намеки на личные затруднения торговца, может, даже на кровную вражду. И клан тоже интересовался экс—космонавтом. Трой Хоран — в сущности, ничтожная добыча. Эта операция проводится ради гораздо более крупной дичи.

Благоразумие советовало убраться со двора, пойти спать без дальнейших расследований — если ему удастся убраться незамеченным. А как насчет Зула? Маленький человек ушел с Кайгером, но что если он вернется отдельно? Со своего места он не видел ни одного человека.

Какое—то движение, не во дворе, а наверху одного из загонov, привлекло внимание Троя. Движение повторилось. Что—то маленькое, темное, быстрое пересекло полосу света, за ним другое такое же. Слишком мало для Зула... Животные, бежавшие из клетки? Но почему они устремились во двор, а не из него? Собираются?

Трой наметил расстояние между собой и ближайшим укрытием. По— том, как можно быстрее, прыгнул, и замер, прислушиваясь, затаив дыхание.

Еще одна тень мелькнула к полуоткрытой двери помещения Кайгера. Это было не прежнее скользящее движение, а торопливый бег, слишком быстрый, чтобы Трой мог что—то рассмотреть. Но он был уверен, что это что—то проникло в квартиру торговца.

Трой двинулся вперед. И тут увидел круглые зеленые огоньки у двери — глаза одичавшего животного. Он был слишком удивлен и взмахнул поясом. Еще одна тень исчезла в двери.

Теперь тревога смешивалась в нем с любопытством. Он тоже двинулся к двери... Пересек последние метры и вошел, ожидая нападения.

Здесь не слышались звуки со двора, но Трой ощутил биение крови в ушах. Это был не звук, а какое—то давление, вызывающее страх.

Он ошупью двинулся вперед: ночное освещение было выключено. Вот его нога коснулась ступеньки лестницы. Он поднимался шаг за шагом. Биение крови в ушах все усиливалось.

Лестница кончилась. Трой стоял прислушиваясь и зная, что он больше не один, хотя не слышал ни звука.

Трой не имел представления об очертаниях места, где находился: темнота была полная. Он усилил свое воображение, которое населило комнату людьми. Эти люди стремились к одной цели — к нему. Он присел и начал размахивать поясом над полом.

Вдруг справа от него мелькнул свет. Когда глаза привыкли к темноте, Трой увидел, что свет пробивается из—за прикрытой двери.

Он находился в прихожей, в которую выходило три двери, расположенные справа от него. Из последней пробивался этот свет. Ни звука, — но теперь он уже не мог отступить. Он знал, кто—то или что—то уже здесь, ждет. И ему придется посмотреть ему в лицо.

Трой быстро и легко двинулся к двери. Рукой коснулся ее поверхности. Теперь он мог заглянуть в нее, хотя не был уверен, что находившиеся внутри не увидят его.

Там сидел Кайгер, но не в удобном кресле, а на табурете без спинки и ручек, плечами прижавшись к стене. В руках у него находился цилиндр длиной примерно в фут, один конец которого стоял на полу у его ног.

Человек, находящийся в сознании, не может сидеть так неподвижно. Но глаза Кайгера были открыты и он неподвижно смотрел на Троя, но так, как будто тот не существовал. И этот неподвижный взгляд заставил Троя распахнуть дверь и шагнуть вперед.

Кайгер не шевелился. Трой увидел, что Кайгер сидел, сжимая цилиндр. В комнате был лишь набор нескольких полированных шкафчиков у стены, больше ничего.

Трой заговорил и тут же пожалел об этом — слова гулко отдавались в пустоте.

— Торговец Кайгер, что—нибудь случилось?

Кайгер продолжал сидеть, и Трой, наконец, понял, что он мертв. Он быстро повернулся, чтобы увидеть человека, приоткрывшего дверь, но увидел лишь полосы на стене. Красные,

черные и белые линии складывались в карту. Карта Тикила — и в ней щель — открытая дверь.

Трой остановился справа от сидящего человека. Он не видел ни раны, ни других признаков насилия, но Кайгер не умер естественной смертью. Об этом говорила его поза и вся комната. Да и существа, которых он увидел во дворе...

Оставив дверь открытой, чтобы был доступ свету в коридор, Трой вернулся в прихожую и толкнул две другие двери. Одна вела в спальню, другая — в небольшую столовую. Обе комнаты оказались пустыми.

Трой вернулся в комнату Кайгера. И тут перед ним из ниоткуда возникли тени: черная кошка, ее голубая напарница, кинкажу и две лисы, а ведь он мог поклясться, что они благополучно сидят в своей клетке. Похоже, что весь земной импорт Кайгера теперь перед ним. Сверкали зубы, шерсть стояла дыбом, смертельная опасность была рядом.

— Нет, — ответил он на этот гнев и страх словом и жестом, отбросил пояс и протянул руки вперед ладонями вверх. Черная кошка успокоилась первой, протянув вперед лапы, и Трой опустил на колени.

— Нет, — проговорил он спокойнее.

Фыркание, потом острые зубы сомкнулись на его запястье, но не больно, а как бы в знак согласия. Тут снизу послышался звук. Шел кто-то, не хотевший скрывать своего приближения.

Трой бросился к двери и тут же понял, что его силуэт будет хорошо виден снизу. Он прижался к стене. все это продолжалось несколько секунд, но когда он оглянулся, он не мог догадаться, куда подевались кошки, но по их исчезновению понял, что они опасаются вновь прибывшего.

Он уже не мог так исчезнуть. Трой немного отступил, подобрал свой пояс и стал ждать встречи.

В полоске света появился Зул. Он широко раскрытыми глазами посмотрел на Троя, потом на неподвижного Кайгера. Губы его дернулись, обнажая зубы, как у рычащего зверя, и он с ножом в руке бросился на Троя.

Глава десятая

Трой уклонился и взмахнул поясом. Его конец с металлическими украшениями попал в цель: маленький человек за-

кричал и отдернул руку так, что ударился о цилиндр, который держали мертвые пальцы Кайгера. Цилиндр упал, и тело торговца последовало за ним, опустившись на пол так мягко, как будто было без костей. Зул испустил такой нечеловеческий крик, который не смогло бы издать никакое животное, никакая птица.

В тот же момент Трой ощутил как биение крови в его голове прекратилось. Труба покатила к нему, и Зул, как будто забыв о своем гневе, попытался схватить ее.

Трой пнул ее ногой так, что труба, вертясь, полетела по комнате.

Потом он ребром ладони ударил Зула по шее и маленький человек упал, хватая воздух открытым ртом. Трой успел подобрать ножи и цилиндр прежде, чем Зул сел, тяжело дыша.

Положив нож и трубу на шкаф, Трой приблизился к Зулу. Это было похоже на насильственное усмирение разъяренного животного. Несмотря на отвращение, Трой был вынужден оглушить маленького человека, а затем связать ему руки его же собственным поясом.

Трой снова застегивал свой пояс, когда увидел, что глаза Зула открыты и устремлены на тело Кайгера. Лицо маленького человека исказила гримаса, которую Трой не смог разгадать. Потом Зул с усилием приподнял голову и осмотрелся, как будто искал что—то более важное, чем Трой. Его внимание сосредоточилось на трубе, конец которой выступал над шкафом, и Зул пополз по полу к шкафу.

Трой преградил ему путь. Гримаса Зула стала злобной. Он плюнул, пытаясь оторваться от пола.

Трой взял трубу и вместе с ней направился к красной кнопке тревоги на стене. Чем быстрее он вызовет представителей власти, тем легче ему будет объяснить происшедшее.

— Нет! — Зул впервые заговорил. — Только не патрульные!

— Почему? Мне нечего скрывать. А тебе?

Яростное движение Зула приблизило его к ряду шкафов. Теперь он не лежал, а сидел, прижимаясь спиной к стене.

— Только не патрульные! — повторил он, и в его словах слышался скорее приказ, чем просьба. — Пока нет...

— Почему?

Темные глаза Зула были устремлены на трубу, которую держал Трой. Он явно разрывался между необходимостью сохранить тайну и попросить о помощи.

Трой настаивал.

— Из—за земных животных?

Зул застыл, его лицо выражало крайнее удивление, а может, и другие чувства, которые Трой не сумел прочесть.

— Что ты знаешь? — его слова звучали хрипло, как будто ему не хватало дыхания.

— Достаточно, — Трой надеялся неопределенным ответом вызвать у пленника откровение.

Зул облизал губы.

— Их нужно убить быстро, до того как появятся патрульные.

Трой был изумлен. Этого он не ожидал и не собирался выполнять.

— Почему?

Взгляд Зула был уклончивым и подозрительным.

— Если ты не знаешь этого, ты не знаешь ничего. Они опасны для всех нас после смерти хозяина. Убей их, или пожалеешь, что сам не умер.

Трой одним прыжком преодолел разделявшее их расстояние. Он наклонился и схватил Зула за воротник, поставил его на ноги и прижал к шкафу.

— Ты скажешь, почему эти животные опасны, — негромко сказал он, стараясь вложить в свои слова как можно больше силы и угрозы.

— Потому что .., — Зул отвел взгляд, — Они больше не животные. Они думают, понимают приказы, докладывают...

— Какие приказы и, кому докладывают?

Зул глотнул, на его лбу выступил пот. Но Трой чувствовал, что он боится не его, а чего—то другого.

— Они получают приказы от того, кто их вызывает. И ему же они докладывают...

— Что? Информацию?

Разрозненные обрывки сложились в единую фигуру. Домашние животные... со способностью понимать своих хозяев, собирать информацию... помещены в доме, где есть доступ к высокоценной информации!

— И это делал Кайгер? — это было скорее утверждение, а не вопрос.

— Да, теперь животных надо вызвать и убить до прихода патрульных. Дай мне вызывальщик.

— Нет.

Итак, Зул не знал, что животные уже пришли по зову мертвого или умирающего. И тут, приняв решение, Трой ощутил волну эмоций, заполнивших комнату: страх, решимость бороться, смутная мольба. И он знал, что вновь настроился на спрятавшуюся пятерку. Если животные и использовались Кайгером, то были лишь орудием.

— Если их захватят патрульные, то сначала потребуют выяснить, что им известно, а потом все равно уничтожат их, — продолжал Зул. — Так не лучше ли убить их сразу?

Трой чувствовал, как его собственная решимость крепнет, объединенная с решимостью остальных.

Бежать? Но куда? В памяти возникла картина плато высоко на свежем ветру. Может и не туда, но Дикие Земли занимают полконтинента. Найти там одного человека и пять маленьких животных — трудная и долгая задача, а к тому времени ему, возможно, и удастся найти другое решение.

— Я должен вызвать и убить их. Быстро! — Зул терял спокойствие, голос его звучал громче, он смотрел на Троя сузившимися глазами.

— Спокойно! — Трой подкрепил свои слова, зажав ладонью рот Зула. Не обращая внимания на яростные рывки пленника, Трой установил контакт с животными.

— Уходите вместе — прочь отсюда! — он вложил в эту мысль всю силу. Он не знал, почему должен спасти пятерку, но чувствовал, что это очень важно не только для них, но и для него.

Если Зул и понял, что он делает, то никак не проявил этого.

Мгновенное движение, которое Трой уловил краем глаза. Ниоткуда материлизовалась черная кошка, прижимаясь к ковру, обогнула вытянутую руку Кайгера. Зул замер. Кошка, подойдя к Зулу, угрожающе фыркнула, каждая линия ее тела выражала ненависть.

— Их не нужно созывать, Зул, — негромко сказал Трой. — Они уже здесь... И уйдут отсюда свободные.

И вот они появились: вторая кошка, лисы бок о бок и самым последним кинкажу, быстро взобравшийся на Троя, как на дерево.

— Нам придется немного пройти вместе, — сказал Трой, держа одной рукой кинкажу, другой же спрятал себе за пояс нож. Он бросил трубу на пол, и черная кошка лапами немедленно закатила ее под шкаф. И все животные, за исключением

кинкажу, который сидел на плече Троя, выскользнули за дверь.

Зул, должно быть, был ошеломлен беззвучным появлением животных и их совместными действиями с Троем. Он подчинился толчку, как управляемый робот, и пошел по лестнице во двор.

Трой думал о запасах и флиттере. Теперь очень многое зависело от случая и удачи.

Все еще держа Зула, он остановился у входа и выглянул во двор. Флиттер стоял на том же месте. И не было охранника, который должен находиться на дежурстве.

Уловив движение у флиттера, Трой понял, что животные уже там. В этот час воздушные дороги полны обитателями вилл, которые возвращаются с ночных развлечений из Тикила. Это интенсивное движение скроет его от патрульных.

Приняв решение, Трой почувствовал, как его возбуждение улеглось. Впервые за долгие годы он решил испытать свободу. Он ее почувствовал в поездке с Рерном, но этого оказалось недостаточно.

Внутри склада Трой толкнул пленника в угол и начал быстро действовать. Он знал, что Кайгер кормил земных животных специально импортируемой пищей: сунул в мешок контейнеры с ней. Нож Зула был у него за поясом, вдобавок в оружейном отсеке флиттера должен был находиться станнер. Трой натянул рюкзак. Наконец, Зул заговорил.

— Мы тебя будем искать и убьем. Патрульные тоже будут искать. Ты не сможешь скрыться. Тебя ждет смерть...

— Потому что я слишком много знаю? — поинтересовался Трой.

— И из—за этого. Мы не можем позволить, чтобы это стало из—вестно.

— И вы пошлете за мной патрульных?

Зул улыбнулся.

— Нет необходимости рассказывать им о животных. Они придут, увидят мертвеца, и, узнав, что один из служащих сбежал, поймут.

— Предположим, что они обнаружат, что бежали двое? — спросил Трой. Он совсем не хотел брать с собой Зула — все равно, что положить во флиттер бомбу со взведенным механизмом. Но исчезновение двух служащих Кайгера, причем один из них старый помощник экс—космонавта, может быть, собьет Закон со следа.

Взвалив на плечо рюкзак, он снова повел Зула к флиттеру. Но его план не удался... Послышался неожиданный крик из коридора, ведущего к квартире Кайгера. Зул повис на Трое мертвой тяжестью, и Трой не смог дотащить его до флиттера. Он бросил Зула и забрался во флиттер, надеясь, что животные уже там.

— Здесь! — эта уверенность появилась как бы ниоткуда, и Трой поднял машину со двора. В комнате Кайгера вспыхнул свет. Должно быть, охранники обнаружили тело. Теперь нужно как можно лучше воспользоваться запасом времени.

Главное движение устремлялось на север, а не на восток, но ему пришлось влиться в него и не сворачивать, пока он не миновал район вилл. К тому же приходилось придерживаться скорости, допустимой на пассажирских линиях.

Трой включил коммуникатор на приборном щите и внимательно слушал, стараясь уловить малейшие признаки тревоги. Слова Зула были не просто угрозой. Однако, оказавшись в Диких Землях, он может не опасаться патрульных.

Его гораздо больше беспокоили рейнджеры Клана, организованные так, чтобы надежно противостоять любому вторжению в их земли. Они хорошо знают Дикие Земли. Будущее казалось Трою мрачным. Но он сделал выбор и не собирался поворачивать назад.

Рерн! Загнанный в угол, сумеет ли он обратиться к охотнику? Еще раз испытал он раздвоенность, которую впервые ощутил в то утро на плато. Одна часть его сознания оставалась настороженной и лишенной иллюзий, другая стремилась к откровенности с охотником, желая свободы, которую знал рейнджер и его товарищи.

Патрульный корабль пролетел над флиттером. Трой замер. Но государственный флиттер улетел, и Трой облегченно вздохнул. Скоро он сможет свернуть с обычных линии. Трой видел мерцающие огоньки вилл. Выключив огни, он повернул направо и быстро полетел на восток.

Лишь спустя какое-то время он понял, что его не заметили. Никакого предупреждения. Несомненно, если люди в магазине известили патрульных, теперь всюду разыскивали бы похищенный флиттер. Да, Зул... Неужели Зул все еще предпочитает держаться в стороне от закона?

В своем последнем предупреждении маленький человек сказал «мы», а не «я». Кто это «мы»? Если Кайгер не был хозяином животных — Зул, несомненно, занимал подчинен-

ное положение — то кто хозяин? Кто—то в Тикиле настолько влиятельный, чтобы помешать официальному расследованию? Зул предупредил Троя, за ним будут вести две охоты. А в Диких Землях добавятся еще люди Клана.

На губах Троя появилась безрадостная улыбка. Слишком много охотников — могут помешать друг другу. Впрочем, он не станет размышлять над несуществующими шансами.

Флиттер летел на северо—восток. К рассвету, когда придется сесть, он должен забраться далеко в Дикие Земли. И, вспомнив горную цепь, которую они пролетали с Рерном, он поднял флиттер, хотя автоматическая предупреждающая система была включена, и автомат все равно не допустил бы столкновения.

Он ощутил тепло сбоку от ноги. Кинкажу прижимался к нему, а остальная часть его странного экипажа вскарабкалась на второе сидение. Трой начал говорить, не думая о том, поймут ли они его или не поймут.

— Впереди Дикие Земли... там есть только одни рейнджеры и туземные животные. В таком месте есть много убежищ, очень много...

— И хорошая охота, — это быстро ответил кто—то из них.

Трой ощутил растущее возбуждение, рожденное не страхом или необходимостью защищаться, а ожиданием — эти чувства разделяли все пятеро.

— Хорошая охота, — подтвердил он, — деревья, равнины, холмы, горы, реки, скалы...

— Хорошо быть свободным! — прозвучали слова в общем для них чувстве удовлетворения.

— Хорошо быть свободным! — подхватил и Трой. — Свободным от Дипила, от Тикила, вообще от людей.

Над головами посветлели звезды. При свете зеленоватой луны были видны снежные вершины. Беглецы пролетели над первым хребтом Ларша, уже в Диких Землях, и все еще не было ни следа тревоги или преследования. У Троя не было карты, но он знал, что, направляясь на северо—восток, он доберется до равнины.

Он полностью переключил управление на автопилот и ослабил, широко вытянув ноги. Плечи его болели от того напряжения, в котором он находился с самого рассвета. Не мешало отдохнуть.

— К рассвету, — сказал он своим товарищам, — мы сядем на какой—нибудь равнине, где никто не сумеет найти нашего следа и все будет хорошо.

Кинкажу свернулся у него на коленях. Справа от него сидела черная кошка, глядя в небо.

Должно быть, он слегка задремал, потому что красный огонь, вспыхнувший на приборном щите, захватил его врасплох, неожиданно вернув к страшной действительности.

— Предупреждение! Предупреждение! Предупреждение!

Трой уже когда—то слышал этот металлический голос.

Его руки устремились к приборам. Он хотел выключить автопилот, но не смог. И тут, стуча кулаком по переключателю автопилота, он, наконец, вспомнил про Рукав!

— Предупреждение!

Трой потянулся за микрофоном, чтобы произнести слова, которые положат конец их попытке к бегству. Но было слишком поздно. В ночи уже сверкнул белый луч и протянулся к ним. Флиттер попал в этот луч, нырнул, теряя скорость, и полетел вниз.

Глава одиннадцатая

В последствии Трой мало что мог вспомнить об этом спуске—падении. Его бросало из стороны в сторону. Они не были совсем беспомощны. Трою удалось сбить замок автопилота, и на некоторое время флиттер стал послушен снова. Трой поднял нос машины, и она сделала гигантский прыжок.

Хотя это действие не вернуло свободы, флиттер, прорвавшись сквозь какую—то тугую преграду, оказался за пределами действия луча, перехватившего их в воздухе... Колеса флиттера коснулись земли. Удар... Луна и звезды исчезли.

Голова и грудь болели, во рту незабываемый солоноватый привкус крови. Перед ним была тьма, но сзади пробивался свет, который он видел, поворачивая голову.

— Наружу..., — уловил он.

Мимо него, задевая его болевшее тело, скользнули животные.

Каким—то образом ему удалось справиться с дверцей, нажав на нее плечом. Он упал, и легкие лапки пробежали по нему: их владельцы вырывались на свободу. Трой выполз сам и попытался осмотреться. Поверхность под ним казалась нео-

бычайно ровной, его руки, ощупывая окружающее, наткнулись на песок, покрывавший очень ровные камни. Он повернулся и смог кое—что увидеть. Флиттер умудрился невероятным образом застрять под какой—то аркой.

Трой обошел машину. Но, лишь пройдя эти несколько футов, он понял что произошло: защитные установки Клана и его последняя попытка привели их в необычное убежище. А круглые купола и разрушенные стены, лишенные окон и дверей, глубоко сидели в песке. Он оказался в самом центре Рукава.

— Где? — он попытался вызвать животных и, поскольку не знал их имен, стал изображать их мысленно. Кошки: черная и серо—голубая, лисы, кинкажу. — Где они? Ранены? Убежали?

— Вернитесь! — громко позвал он.

На одной из разрушенных арок появилась тень и устремилась к нему. Кинкажу ответил на его призыв. Он взобрался на плечо Троя, обхватив его своим цепким хвостом. Трой погладил круглую голову, прижав ее к щеке.

Быстрыми прыжками приблизились лисы и остановились перед ним, принохиваясь к ветру. Глаза их блестели.

— Идите! — Трой уговаривал кошек. Не получив ответа, он отпустил кинкажу и вернулся к месту крушения. Разыскал атомный фонарик и включил его. В конусе света показался нос машины, застрявшей под аркой, как застревает толстая нитка в глазке иголки.

Трой осветил машину и застыл, увидев распростертое маленькое тельце. На него были устремлены голубые глаза с выражением боли. Серо—голубая кошка тяжело дышала, раскрыв рот. Время от времени она облизывала переднюю лапу, зажатую между двух обломков металла. Над ней сидела черная кошка. Увидев Троя, она испустила несколько требовательных резких криков.

К рассвету все необходимое было сделано. Лапа перевязана и прибинтована к дощечке. Трой вынес из флиттера мешок с продовольствием, станнер и несколько инструментов... По мере того, как шло время и никто не появлялся в запретной зоне, Трой начал верить, что их остановило какое—то автоматическое устройство и что у них есть еще возможность спастись. Но есть ли вокруг Рукава охрана, этого он не знал.

Лисы и черная кошка растаяли в темноте, предоставив Трою собирать оборудование и только кинкажу оставался на страже, время от времени вынося из флиттера мелкие предме-

ты. Трой присел на корточки. Только сейчас он мог подумать о дальнейших поступках.

— Стена... невидимая стена..., — из—за соседнего купола вышла черная кошка.

— Вокруг этого? — Трой указал на руины.

— Да. Мы пытались преодолеть ее во многих местах.

Оправдывались опасения Троя. Клань установили вокруг Рукава барьер. И даже предназначенный для защиты от вторжения, он не выпустит пленников. Как же ему удалось проваться на флиттере?

— Много нор.., может быть, в них можно охотиться..., — на открытом пространстве появилась лиса. Кошка отошла к раненой и стала вылизывать ее.

— Тут под землей опасность, — Трой уловил это по состоянию своих остроухих товарищей.

— Еще нет. — Ответ загадочный. До того, как экспедиция Фуклова превратила название Рукава в синоним ночного кошмара, верхние галереи незнакомого города исследовались многими любопытными безо всякого вреда для себя. Неужели вызыватель сделал это место проклятым? По словам Рерна, рейнджеры положили конец действию прибора, и подземные коридоры, возможно, на время дадут беглецам убежище. Трой знал, что он должен отдохнуть. И, возможно, именно тут, в центре запретной территории, они будут в безопасности.

— Мы идем в нору...

С рюкзаком за плечами, осторожно прижимая раненую кошку к груди и держа станнер наготове, Трой двинулся. Кинкажу ехал у него на плече, время от времени дотрагиваясь до своего двуногого коня передними лапами, как бы не давая ему забыть о своем присутствии. Лисы и черная кошка повели его к другому куполу, у которого был вырублен большой участок стены либо одним из искателей сокровищ, либо людьми экспедиции Фуклова.

Все слышанные Троем фантастические сказки населяли окружающую тьму кошмарами, но спокойствие животных внушало ему уверенность. Трой знал, что их чувства намного острее, чем у него, и что в случае опасности они предупредят. Он включил фонарик, свисавший с пояса, и конус света заплясал по стенам и земле в такт ходьбе.

Ничего не было видно, кроме стен и мостовой, каменных плит, уложенных с большой точностью и искусством. В дальнейшем углу купола оказался темный спуск, ведущий в настоящий

Рукав. Трой увидел, что мрак тут похож на туман. И даже свет фонаря погашался и ослаблялся мраком. Однако лис, шедший впереди, уже начал спуск в глубины, его товарищ и черная кошка с нетерпением ждали Троя.

— В этом месте была большая опасность, — предупредил Трой, подкрепляя мысль словами.

— Ничего нет... — он был уверен, что это черная кошка.

— Ничего нет, — повторил Трой, когда его башмаки застучали о камень спуска, — а что дальше?

— Здесь вода.

Трой был изумлен этим внезапным препятствием. Если в этом лабиринте животные учуяли воду, значит, они более чувствительны к опасности.

— Где?

— Мы идем...

Лестница спустилась на три этажа. И на каждом этаже в сторону отходили коридоры, абсолютно пустые и такие одинаковые при свете фонарика, что Трой подумал, что в этом лабиринте без проводника легко заблудиться. И он старался запомнить путь.

Где—то должна находиться невидимая вентиляция: воздух был сухим, но вполне пригодным для дыхания. Трой несколько раз ощутил дуновение свежего воздуха с поверхности.

На четвертом уровне Трой обнаружил, что животные ждут его, хотя лестница продолжала вести вглубь Корвара. Они пошли прямо на восток, если только его чувство направления не было окончательно сбито с толку. На мгновение Трой почувствовал надежду, что подземный коридор выведет их за пределы невидимой стены, и они смогут свободно уйти в Дикие Земли.

Стены из красно—серого камня, мощеный пол — больше ничего, если не считать столетнего слоя пыли, в которую ноги погружались почти по щиколотку и которая заглушала звук шагов. Дважды эти стены прерывались круглыми отверстиями, но когда Трой направлял в них свет, то видел лишь пустые круглые углубления, вряд ли способные вместить человека. Их назначение было еще одной загадкой Рукава.

Коридор, ведущий на восток, закончился большим колодцем, в него вела очень узкая и крутая винтовая лестница. Разведчики снова двинулись вперед, и Трою оставалось лишь последовать за ними.

По мере спуска атмосфера менялась, становилась более влажной. Стены становились холодными и влажными на ощупь. Трой понял, что лис был прав. Где—то внизу находился источник воды. Большой источник.

Влажность росла. Трой уловил неприятный запах нечищенного пруда и какое—то зловоние. На стенах появились потеки воды.

Вокруг и вокруг.. бесконечные круги лестницы вызывали головокружение. Боковых коридоров здесь не было. Трой потерял даже представление о времени, его ноги болели. Он был уверен, что если бы он решил вернуться назад и подняться на поверхность, даже в тот коридор, с которого начал спуск — он не нашел бы в себе сил для этого. Он хотел лишь добраться до конца лестницы, чтобы можно было упасть и отдохнуть.

И вот свет фонарика упал на мостовую. Трой прыгнул на нее и осветил дно колодца. Вода... но хотя рот у него пересох, а все тело вопило о жажде, он не смог заставить себя приблизиться к угрюмо текущему ручейку.

Вода была маслянисто—черной лентой, она казалась разбухшей, толстой, как будто состояла из слизи, легкая рябь пробегала по ней от одного берега к другому...

Входом и выходом этого потока шириной в ярд служили большие круглые отверстия, они находились под лестницей. Других выходов не было, кроме лестницы, по которой они спустились. Но черная кошка и лисы ждали у выхода ручья. Трой подошел к ним. Он увидел, что туннель шире ручья и рядом с водой идет узкая тропа.

—Туда? — спросил он, и это слово гулко отдалось в воздухе. Кинкажу гневно забормотал, а раненая кошка нажала здоровой лапой на грудь Трою и добавила к этому протестующий крик. А тройка впереди оглянулась и углубилась в туннель, ясно показывая, что есть настоящий вход.

Рябь на воде приобрела зловещее значение: взглядевшись в нее, Трой заметил, что она идет против течения, и подумал, насколько же глубок на самом деле этот ручей — что—то двигалось под его поверхностью. И это что—то сопровождало Троя, когда он шел вдоль ручья. Время от времени он направлял туда свет фонарика, но видел лишь чернильную жидкость.

Зловоние становилось сильнее, но тут Трой снова ощутил поток свежего воздуха. В ответ на свет фонарика на стенах начали вспыхивать маленькие искорки. Их становилось все больше, они собирались группами. Еще раз повернув голову,

чтобы посмотреть на рябь, Трой заметил, что эти искорки не гаснут за ним, а продолжают голубовато светиться. Он на мгновение включил фонарик и оглянулся. Там, где свет коснулся стен, свечение сохранилось. Но впереди было темно. Чем бы ни были эти искорки, им нужен был свет, чтобы они могли вспыхнуть.

Полосы этого свечения становились шире, и Трой показалось, что он различает рисунок — что-то вроде острого зигзага. Пожалуй, эти искорки не природное явление, а созданы неизвестными строителями.

Его фонарик осветил впереди отверстие. Здесь его ждала кошка. Лис не было видно. Трой пошел быстрее, радуясь возможности уйти от ручья.

Выйдя, он оказался не в коридоре, а в обширной подземной пещере, когда-то приспособленной неизвестными строителями Рукава для своих целей. Луч фонарика был поглощен окружающим пространством, и Трой остановился, слегка обескураженный тем, что окружало его. Он увидел город в миниатюре, дороги, бегущие между стенами отдельных сооружений без крыш. Но эти стены! Именно от них исходило злование. Трой бессознательно отшатнулся от этих стен. Присмотревшись, он заметил, что это как-будто пластины гигантских грибов.

Между выходом из туннеля и началом этих гигантских структур находилось открытое пространство, покрытое чем-то вроде песка или гравия, и Трой поторопился пересечь его.

— Дорога вокруг...

Кто-то из его проводников уловил его пожелание, и Трой понял, что животные разделяют его эмоции.

— Идем! — это было требование, и Трой перешел на быстрый шаг, не зная, долго ли сможет выдерживать его. Он обошел выступ города грибов и увидел еще что-то: яркую полосу, так похожую на его родной мир, что он устремился к ней и с шага перешел на бег.

В середине чуждого — нечеловеческого мира — находился остров безопасности. Откуда-то сверху через искусственную щель или искусственное устройство, этого он так никогда и не узнает, пробивался солнечный свет. И здесь была вода, небольшой пруд, питаемый ручейком, просачивающимся из песка. Чистая вода, никакой ряби. Трой опустил раненую кошку и прикоснулся губами к воде.

Два — три небольших растения, тонких, как шнурок, росли на берегу пруда. Напившись, Трой открыл мешок с продуктами, разделив его содержимое среди своего отряда.

Есть ли другой выход из этого метрового грибного мира? В этот момент он слишком устал, чтобы заботиться об этом. Положив голову на мешок, Трой свернулся, смутно ощущая, как вокруг него собрались животные, как будто они тоже не доверяли тому, что лежало за кругом сонечного света.

Живет ли здесь кто—нибудь? Рябь на ручье как будто подтвердила это. И могут быть и другие существа, для которых улица меж грибами, стенками из грибов служат домом. Но у Троя не оставалось сил. Он чувствовал тепло пушистых тел, прижатых к нему, и это было последнее, что он запомнил.

Глава двенадцатая

Проснувшись, Трой подумал, что спал лишь мгновение. Солнечный свет по—прежнему падал на бассейн. Окружающее не изменилось, только животные, кроме раненой кошки, исчезли. Когда Трой поднял голову, кошка, облизывая раненую лапу, замурлыкала. Трой покачал головой, еще не проснувшись окончательно.

Тут из сумрака показалась черная кошка, держа во рту тело какого— то животного. Не обращая внимания на Троя, она положила мертвого подземного жителя перед своим товарищем.

Мертвое существо было не менее кошмарно, чем хур—хур (комбинация множества лап, глаза на стебельках, многочисленных сегментов покрытого пластинами тела), но очевидно, для кошек оно было вполне съедобно, и они дружно пообедали.

Если земные кошки могли найти себе пищу даже в этом подземелье, то у Троя появилось еще одно доказательство о сути деятельности Кайгера. Животные не нуждались в особой пище, которая так торжественно доставлялась владельцам в Тикиле.

— Хорошая охота? — спросил он у черной кошки.

— Хорошая, — согласилась она.

— Остальные тоже хорошо поохотились? — спросил Трой.
— Где в этих грибах охотятся животные, и кого они преследуют?

— Они едят, — кратко ответила кошка.

Трой встал, стряхивая крошки с одежды. Он не собирался дальше оставаться в этом подземелье.

— Есть ли выход? — спросил он у кошки и получил мысленный ответ.

Трой сел, разглядывая кошек. Раненая продолжала есть жадно, но аккуратно. И Трой был уверен, что она знает об обмене мыслями между ними.

Хоран не имел власти над пятью земными животными и знал это. По какой—то случайности он мог общаться с ними. Но в то же время он был уверен, что их общение с Кайгером было яснее и полнее, возможно, благодаря использованию вызывающего устройства, которое сжимали руки трупа.

Они сопровождали его в бегстве из Тикила, потому что это соответствовало их планам, поэтому же они привели его сюда. Но он знал, что они могут легко покинуть его, если только он не установит с ними более тесную связь. Положение изменилось: в Тикиле он командовал, потому что это был город людей, а здесь животные в нем больше не нуждались.

Неприятно было думать, что его смутные мечты о союзе человека с животными могут так и остаться мечтами. Он мог выпустить ястреба, тот испытает радость свободной охоты и все же вернется назад по его приказу. Но у этих охотников есть собственная воля и разум, и если они вступят с ним в союз, то только по доброй воле. Древние отношения человека с животными нарушены.

Эти мысли помогли Трою лучше понять требование Зула об убийстве животных. Мало кто из людей может согласиться на сотрудничество с существами, которые всегда считались собственностью. Человек верит в свое превосходство.

Но Трой знал, что он не оставил бы животных в Тикиле и не уступил бы требованиям Зула. Почему? Сейчас ему придется отказаться от мысли, что он имеет дело с домашними животными, с игрушкой человека, который может владеть и приказывать. Но они не были людьми, чьи мысли и желания он мог себе представить.

Черная кошка кончила туалет и посмотрела на Хорана. Человек беспокойно заерзал под этим немигающим взглядом.

— Ты хочешь выйти?

— Да, — просто ответил Трой. С новой скромностью он готов был принять то, что дают животные.

— То место... не человеческое... не наше...

Трой кивнул.

— Да, людей... чего—то похожего на людей, но другое... еще до людей.

— Здесь опасность — старая опасность, — эта мысль была похожа на новый голос. Серо—голубая кошка кончила есть и смотрела на Троя, подняв здоровую лапу.

— Несколько лет назад тут случилось несчастье с людьми.

Обе кошки, казалось, обдумывали это. Они обменивались мыслями, которые были недоступны Трою.

— Ты не такой, как другие, — это черная кошка. Трой обнаружил, что может отличать мысли одной кошки от другой. Животные все более становились для него личностями.

— Нет.

— Мало людей знают нашу речь... да и те используют прибор. Но ты самого начала разговаривал с нами без него. Ты особый тип человека, — это серо—голубая.

— Не знаю. Вы не можете говорить со всеми?

— Да. Мы говорили с большим человеком, потому что у него был прибор. С тобой мы не собирались говорить, но ты услышал. И тебе мы не должны подчиняться.

«Должны подчиняться». Неужели они должны подчиняться каким—то людям и «разговаривать» с ними?

— Да, — согласился Трой. — Я не знаю, почему слышу ваш разговор, но я его слышу.

— Теперь, когда большой человек умер, за нами охотятся.

— Да.

— Так нам было сказано. За нами будут охотиться, если мы попытаемся освободиться.

— Мы свободны, — прервала черная. — И мы можем оставить тебя, человек, и ты нас не найдешь, если только мы не захотим.

— Верно.

Снова пауза, немигающие взгляды. Черная кошка подошла к нему, задрав хвост. Села на задние лапы. Хоран протянул руку и почувствовал быстрое прикосновение язычка.

— Выход есть.

Кошка повернула голову к грибному городу. Она смотрела туда, как только что на Троя. И человек не удивился, когда из лабиринта появилась лисья голова, и пара лис в сопровождении кинкажу проследовали к нему. Они остановились возле Троя, и человек уловил обрывки бессловесного разговора.

— Не тот, кому нужно повиноваться..., с нами охотится на тропе..., даст нам ходить на свободе...

Черная кошка говорила от имени всех:

— Мы будем охотиться вместе с тобой, человек. Но мы свободны.

— Вы свободны. Я иду по своей тропе и не заставляю вас идти со мной...

Он стал выражаться как можно яснее, сказав, что он принимает их союз и их условия.

— Выход... — кошка повернулась к остальным. Лисы напились воды и убежали. А кинкажу болтал передними лапами в воде... Трой дал ему сухой бисквит, и тот шумно стал его есть. Потом направился вдоль стены пещеры.

— Мы пойдем туда, — кошка повернулась от бассейна вправо, туда, где лежала полоска чистой земли между грибным городом и стеной пещеры.

Трой вымыл два контейнера из—под пищи и наполнил их водой. Обе кошки медленно пили. Потом Трой подобрал раненую, которая устроилась у него на согнутой руке. Черная пошла вперед.

Хоран шел, изучая путь. Ни грибные стены, ни своды пещеры не менялись. Отойдя дальше от солнечного пятна, Трой зажег фонарь.

Кошка шевельнулась у него на руке, повернув морду к грибам.

— Там что—то... живое? — Трой потянулся к станнеру, висевшему у него на поясе.

— Старое... неживое..., — быстро донеслась ответная мысль.

— Саргон нашел...

— Саргон?

Возникла мысленно морда самца—лисы.

— У вас есть имена? — спросил Трой.

Почему—то имена сделали их менее загадочными.

— Человеческие имена! — в ответе звучало презрение и намеки на то, что существуют и другие имена, недоступные разуму человека. Трой, прочитав это в кошачьем ответе, улыбнулся.

— Но я человек. Можно мне использовать эти имена?

Его логика убедила кошку, которую он нес.

— Саргон и Шеба — морды лис. Шенг — кинкажу. Симба, Сахиба — ее товарищ и она сама.

— Трой Хоран, — серьезно ответил он, завершая представление, потом вернулся к ее ответу. — Это старое..., оно сделано или жило когда—то?

— Когда—то жило, — быстро передала Сахиба ответ лиса.
— Не человек..., не мы..., а другое...

Любопытство Троя было возбуждено, впрочем, недостаточно, чтобы увлечь его в грибной город. Но он подумал, не лежат ли там останки одного из первоначальных обитателей Рукава.

— Отверстие, — передала Сахиба новое сообщение. — Шенг обнаружил отверстие..., это наверху... — Она указала здоровой лапой на стену пещеры.

Трой заметил направление, поднявшись по небольшому склону, и обнаружил возбужденно болтавшегося кинкажу, который сидел у куста, закрывавшего расщелину в стене. Вспыхнул фонарик и осветил узкий проход. Он не был похож на искусственный и вряд ли вел далеко.

С разных направлений появились лисы и Симба. Они остановились, приняхиваясь. Трой ощутил дуновение воздуха, которое уносило зловоние грибов и намекало на другое более чистое место. Возможно, это выход.

Но животные, казалось, не торопились ступить туда.

— Опасность? — спросил Трой, воспринимая их колебания, как предупреждение.

Симба приблизился к отверстию, высоко подняв голову, его усы слегка шевелились.

— Что—то ждет... ждет давно...

— Человек? Животное?

Симба казался сбитым с толку.

— Давно ждет, — повторил он. — Может, уже не живет... Но все еще ждет.

Трой попытался понять, что это значит. Кинкажу заставил его вздрогнуть, прыгнув на плечо.

— Спокойно, — это Шенг. — Мы идем сюда. Здесь выход...

Но Трой ждал окончательного решения Симбы.

— Идем?

Кот взглянул на него, какое—то мгновение мягкое выражение держалось в его взгляде, как будто Трой, проявив уважение к его мнению, сделал еще один шаг на пути взаимопонимания между ними.

— Мы идем... осторожно. Я не понимаю этого...

Лисы, очевидно, были согласны следовать за Симбой. Второе они исчезли в расщелине. Трой шел позади, освещая дорогу

фонариком. Ясно было, что это действительно расщелина, а не искусственный проход.

Хотя щель была выше его головы на несколько футов, она была очень узкая, и Трой надеялся, что дальше она не сузится еще больше. Теперь, когда он углубился в расщелину, дуновение свежего воздуха стало заметнее. Он был уверен, что ощущает запах естественной растительности.

Они прошли немного, и щель начала подниматься, подкрепляя уверенность Троя, что она ведет к поверхности. Вначале подъем был легкий, затем стал круче пока, Трой не был вынужден пересадить Сахибу на мешок с едой и использовать при подъеме обе руки. Теперь он ощутил и другие запахи. Какой—то необычный аромат, неуместный среди скал и более подходящий для залитого солнцем сада. Но за этим насыщенным запахом — менее приятный, должно быть, цветы начали разлагаться.

Фонарик показал новый подъем. К счастью, его поверхность была неровной и давала возможность цепляться. Шенг и Симба поднимались легко, лисы — с большим трудом... Трой добрался до верха подъема и был встречен дивным светом. Он выключил фонарик и быстро пошел вперед.

— Нет! — загадочное предупреждение пришло сразу от нескольких животных. Трой застыл на месте, глядя вперед, и увидел между собой и выходом какую—то сеть.

Он стоял неподвижно. Кот и лисы были ясно видны на фоне сети.

— Ушло.

Мгновенная мысль. Позволение подойти. Действительно, путь преграждает сеть. И сквозь нее видны растения, яркий дневной свет. Сеть болезненно—бледного цвета шла concentрическими кругами, в ее центре находилась какая—то шишка.

Трой неохотно приблизился к ней, заметив, что кот и лисы тоже держатся на некотором расстоянии. Теперь он заметил кое—что еще: бесчисленные остатки насекомых вдроль кругов сети, пустые каркасы, прикрепленные к нитям сети. Трой взмахнул ножом, сеть поддалась, но тут же спружинила, как очень прочная, эластичная материя.

Нож прилип к сети, которая потащила его за собой, и Трой вынужден был сильно рвануть, чтобы освободить свое оружие. Вторая попытка чуть не вывала нож из его рук. Нити были не

только необыкновенно прочными, но и покрытыми чем—то похожим на клей.

Прохода не было. Но у Троя есть другое оружие. Он опустил мешок, на котором сидела Сахиба, и принялся рыться в имуществе, взятом с разбитого флиттера. Вот — небольшая трубка, сигнальная вспышка. Но ведь ее можно использовать и по—другому.

Трой, не дотрагиваясь до паутины, внимательно осмотрел ее: нити были покрыты толстым слоем пыли, сеть находилась здесь очень давно. Сняв крышку, он направил трубку на центр паутины.

Яркое оранжевое пламя ударило в цель, как копье, языки пламени мгновенно пробежали по нитям от середины к краям. И вот перед ним свободный путь, лишь несколько струек дыма отделилось от стен.

Они подождали, пока дым рассеется, а потом Симба прыжком пересек выжженное место, лисы последовали за ним. Трой же снова, неся Сахибу и Шенга, шел сзади.

Он уже довольно далеко отошел от утеса, когда понял, что они вышли из пещеры с грибным городом, но вовсе не оказались на поверхности Корвара. Тут была растительность и слабый солнечный свет, пробивавшийся через большое отверстие в крыше. Отверстие было забрано какими—то светлыми полосами, между которыми виднелась матово—белая поверхность, непонятно начем державшаяся.

Глядя вверх, Трой заметил облако золотистого тумана, отделившееся от пересечения полос. Облако медленно опустилось, на полпути к поверхности оно превратилось в небольшой ливень, обрызгавший каплями жидкости листья растений.

Только теперь Трой заметил разницу между этой растительностью и обычными растениями на поверхности. Вблизи виднелся огромный цветок с четырьмя лепестками ярко—оранжевого цвета. Цветок без всякой поддержки свисал с куста.

От растения доносился тяжелый, угнетающий аромат. Симба, приняхиваясь, подошел к цветку. потом фыркнул, изогнул спину и прижал уши. Трой, уловив волну отвращения и предупреждения, обнаружил, что идет по высохшим останкам множества мелких животных. Чувствуя тошноту, он взмахнул ножом и увидел, что это вовсе не цветок, а сплетенная из множества нитей сеть. Когда лезвие ножа коснулось

нитей, ожило кроваво—красное сердце цветка и устремилось вперед.

На Троя кинулось кошмарное существо со множеством лап, распахнутой пастью и роговым хвостом, оканчивающимся жалом. Но Симба ударил лапой с выпущенными когтями, подбросив зверя в воздух, Саргон растоптал его.

Симба, гневно размахивая хвостом из стороны в сторону, сел, ожидая нового нападения.

— Плохое место, — спокойно констатировала Сахиба. И Трой был готов согласиться с ней.

Странно, что теперь предводителем выступил Шенг, кинкажу. Он перепрыгнул с плеча Троя на вершину ближайшего куста, и через мгновение только раскачивающиеся ветви указывали его путь. Трой уклонился от нового искусственного дождя и сел, чтобы разделить со своими загадочными товарищами еду.

Прежде, чем действовать дальше, им нужно будет позаботиться о запасах пищи и воде.

Глава тринадцатая

То же раскачивание ветвей предупредило о возвращении Шенга. Кинкажу спрыгнул с куста на землю и устремился к Трою.

— Человеческое! — в сообщении было столько возбуждения, что Трой отставил контейнер с водой, не понимая, говорит ли Шенг о предмете или о человеке.

— Где? — спросил Трой и быстро добавил: — Что?

Шенг поднял переднюю лапу и указал на заросли. Казалось, он вообще не был способен определить «что». Трой посмотрел на кошек: он привык признавать их превосходство в таких делах.

Симба посмотрел на стену растительности, и Хоран, подмечавший теперь малейшие изменения, на которые не обратил бы внимания раньше, увидел, как дергается его усатая морда. Сахиба неуклюже присоединилась к своему товарищу и села в такой же позе.

— Зовущая вещь..., — это сообщил Симба.

Трой испытал приступ беспокойства. Существовала «зовущая вещь» связанная с Рукавом, и он не хотел иметь с ней ничего общего, особенно вспоминая легенды и слухи.

— Старая? — он не знал, как Симба получает ответ.

— Нет.

— Человек с нею?

Синие глаза Симбы поднялись от листвы к Трою. Он уловил изумление кота, как будто Симба получил смущающую информацию по каналам, закрытым для человека, но важные звенья в этой информации отсутствовали.

— Человеческая вещь... — Шенг дрожал от возбуждения, делал несколько шагов к растительности, возвращался, очевидно, считая, что эта вещь должна быть исследована Хораном. Но человек ждал решения кошек.

— Опасная?

Снова ни Сахиба, ни Симба не дали прямого ответа. Но призыв к осторожности был усилен. Затем Саргон и Шеба целеустремленно углубились в кусты, как бы повинаясь полученному приказу. Трой упаковал продукты, подобрал Сахибу. Он внимательно осматривал местность в поисках тропы или хотя бы менее густых зарослей, где он мог бы пройти.

Свет от странной крыши над головой тускнел, и Трою не очень хотелось углубляться в заросли. Но, увидев просвет между двумя кустами, он решительно направился туда.

Через несколько секунд он абсолютно заблудился. Было невозможно придерживаться одного направления. Ему приходилось при помощи ножа освобождаться от лиан и цепких ветвей. Должно быть, растительность была специально посажена, как барьер или огромная ловушка. Сахиба передавала Трою сообщения разведчиков, а Шенг прыгал от одного куста к другому, показывая путь.

Трой чуть не упал, прорвавшись через густую преграду, и снова оказался на открытом месте — перед ним была кошмарная сцена: прямо перед ним находилось отверстие в стене пещеры с мощеной площадкой. В центре площадки, нацелившись на отверстие, стояла небольшая машина, явно принадлежавшая его времени и культуре. Металлопластиковый конус своим широким концом был обращен к отверстию в стене. Трой, ступив на площадку, сразу почувствовал исходящую от машины вибрацию. Она не только находилась в рабочем состоянии, она работала!

Кот, лисы, кинкажу сидели слева от машины, глядя на отверстие в стене, ожидая.

Взглянув на машину, Трой вскрикнул. Должно быть, это когда—то было человеком..., то, что слегка дрожало, распро-

стертое на такой же паутине, которая преграждала им путь из грибной пещеры. Но «это» совершенно высохло, ушла не только жизнь, но и большая часть тела. Голова, на которой были видны остатки пыльных волос, свисала на кости груди, и Трой был рад, что не видит лица.

Осматривая паутину, Трой заметил, что она не только покрывает отверстие, но и расстилается по стенам нитями разной толщины. А сплело эту паутину, должно быть, существо: кроваво—красное сердце цветка. Но очень большое.

Где же хозяин паутины? Жертва мертва, и Трой прикинул, сколько времени она висит здесь. Он понял, что машина стоит перед ним, милосердно заглушенная, но все еще способная к действию. Тут был установлен вызывальщик, в точке, выбранной Фукловым, который определил, что здесь можно получить ответ на свои вопросы. И ответ был получен — слишком конкретный ответ.

В других местах вызывальщик давал только бледные, призрачные картины. Здесь же, благодаря какому—то капризу времени—пространства, призрак получил тело и способность использовать его! Из далекого страшного прошлого, из лабиринтов Рукава, появилось существо, разумное или нет, владелец этих коридоров или их тайный житель, возможно, такой же враг строителей, как и людей Фуклова, и это существо напало на тех, кто его оживил.

И, возможно, хозяин паутины был лишь одним из многих чудовищ, что выползли из пещер Рукава. Большинство тел исследователей было найдено на поверхности с признаками отчаянной борьбы друг с другом. Ужас свел их с ума и заставил бежать на поверхность.

На поверхность! Трой ухватился за эту мысль, отчаянно стараясь поставить свое воображение под контроль. Люди Фуклова установили вызывальщик и бежали отсюда. Значит, отсюда есть путь на поверхность. И, может быть, через это отверстие?

Вряд ли. Нет смысла нацеливать вызывальщик на туннель, который привел сюда исследователей. Нет, отверстие имело какое—то значение для мертвого археолога, но не было выходом. Старые рассказы о сокровищах Рукава. Неужели Фуклов нашел ключ к ним и думал, что сумеет отыскать в прошлом указание на место, где они скрыты?

Трой знал только то, что ничто не заставит его исследовать туннель за телом человека, который тоже когда—то пытался

это сделать. Он посмотрел на животных: они были внимательны, но не встревожены.

— Только мертвый? — спросил он.

Сахиба подошла к нему, готовая устроится на руке.

— Мертвый здесь..., — в ответе звучала нотка удивления.

— Здесь? — повторил он.

— Здесь и не здесь, — она покачала головой.

Трой не мог понять, что она хочет сказать.

— Да.

— А то, что сплело сеть?

— Оно..., — серо-голубая голова потерлась о его плечо, — оно мертво здесь..., но ждет.

— Вызывальщик! — Трой понял. Заглушенная излучением установки рейнджеров, машина больше не могла материализовать существа из прошлого. Но вызывальщик действует. И как только прекратится действие заглушающего излучения, владелец паутины вернется!

Трой посмотрел на множество шкал и кнопок, расположенных на контрольном щите машины. Откуда ему знать, как ее выключить? А экспериментировать он не собирался.

Симба медленно пополз к паутине и ее пленнику. Он был похож на охранника, отслеживающего добычу. Передние лапы осторожно щупали пыль у основания сети. Из пыли выкатилось что-то яркое и Симба подкатил это к ногам Троя.

Трой нагнулся. В руке оказалось ало-красное металлическое кольцо. Когда его пальцы сомкнулись на нем, кольцо изменило цвет. В нем вспыхнули одиночные искры, потом появились группы искр точно такие же, как и на стенах туннеля. И Трой понял, что у него в руке вещь не мертвеца, но что-то принадлежащее этим подземельям, возможно, единственное сокровище Рукава, найденное людьми. Неужели оно тоже вызвано из прошлого, материализовалось благодаря работе вызывальщика? Или было найдено в туннеле жертвой паутины, который бежал, держа кольцо, и наткнулся на паутину, когда уже видел перед собой свободу?

Искры на кольце засверкали ярче. Когда он поднял кольцо, оно было велико для его пальцев. Это скорее был браслет. Трой повернул его на ладони, сжал пальцы, браслет скользнул по руке и сжал запястье.

Удивленный Трой потянул его и обнаружил, что браслет неподвижен, он не причинял неудобств, но плотно обхватывал руку. Как он мог изменять свой размер?

Сахиба, привлеченная мельканием искорок, трогала браслет. Было ли это только украшением — или это оружие, наступательное или оборонительное?

— Хорошее или плохое? — спросил он, надеясь, что обостренные чувства животных дадут ответ.

— Старое, — Сахиба зевнула.

— Выход? — Трой вернулся к главной проблеме. Возможно, где-то здесь есть дорога. Он подошел к краю мощеной площадки, где стоял вызывальщик, ища какие-либо следы тех, кто принес и установил машину и бежал отсюда на поверхность.

Симба и лисы сопровождали его, потом ушли вперед, а Шенк снова исчез в кустах. У края площадки Трой заметил сломанные ветви, теперь вновь затянувшиеся свежими ростками. Он вынул нож и принялся пробивать себе путь, руководствуясь этими указаниями.

Уже совсем стемнело, когда он оказался у подножия лестницы, такой же, как и та, что привела их на эту территорию несколько дней назад. Дней или часов? Трой утратил представление о времени.

Здесь они устроили лагерь. Трой недоверчиво осматривал темные джунгли. До сих пор им встречались только животные—цветы. Но это не означало, что они были застрахованы от появления других. Теперь больше, чем когда-либо он зависел от чувств своих товарищей.

Трой разделил продукты, заметив, что животные не собираются охотиться.

— Плохая охота?

Симба посмотрел на темную растительность.

— Охота... для других...

— Другие..., — Трой запомнил это. Он старался не думать о человеке в паутине. Да, здесь есть охота для других.

— То, что поймало человека? — Трой задал этот вопрос против своей воли. Неужели тьма оживляет тех, кого вызыватель призвал из прошлого? Трой положил руку на мешок. Хотя он и устал, у него есть фонарь, и он скорее согласен подниматься по лестнице, чем оказаться в паутине. Ужас охватил его.

— Нет, — Симба был уверен в этом. — Другое существо... Это их место...

И как бы в ответ на это из джунглей донесся крик: долгий, дрожащий вопль, полный боли, ужаса и ощущения приближа-

ющей смерти. Но это не был крик животного. А животные собрались вокруг него, настороженные, ошестинившиеся.

— Прочь отсюда! — Трой включил фонарь. — Вверх!

Ему не надо было уговаривать их. Лисы прыгнули от лагеря к лестнице, кинкажу был готов следовать за ними. Трой, неся Сахибу и мешок, начал подъем, а сзади шел Симба, все время оглядываясь и угрожающе рыча.

Они поднимались. Фонарик освещал лишь очередной виток. Вскоре они оказались в наклонном скальном туннеле. На этом уровне в разных направлениях отходило пять коридоров. Фонарь осветил пыль, потревоженную ногами убежавших людей. Новый подъем, и снова коридоры, на этот раз четыре.

Ребра Троя болели, дыхание затруднилось. Все чаще он останавливался передохнуть. Но его гнала необходимость вырваться на свежий воздух, в мир, который он знал. Он не мог сказать, долго ли продолжался подъем, потому что под конец двигался в тумане усталости, шатаясь от стены к стене, не способный больше к разговору с животными, даже не сознавая, находятся ли они по-прежнему с ним. Казалось, ужас, изгнавший его из пещеры, становился не слабее, а сильнее, пока не затуманил его обычную реакцию...

Вот, наконец, серый свет, холодный, свежий воздух с запахом дождя. Этот воздух очистил его мозг, прогнал из него тени и страх. Трой ухватился за камень, смутно сознавая, что он вышел на поверхность. Скользя по стене, он упал, и мягкий теплый дождь лил на его лицо, на его тело, пропитывая одежду.

— Опасность! — это слово прозвучало в голове Троя, как крик, способный порвать барабанные перепонки. Трой поднял голову. Дождь уже кончился. Перед ним на земле лежала полоска солнечного света. Он потряс головой, стараясь проснуться.

И тут он услышал звук современного флиттера. Скорее инстинктивно, чем сознательно, Трой спрятался за стену, которая скрыла его из виду, стараясь в то же время определить, где находится машина. Где—то близко. Вокруг него поднимались купола и наружные стены Рукава. Появиться на запретной территории патрульные могли только выслеживая его. Так кто? Патрульные, Зул или рейнджеры?

Впервые за долгое время он вспомнил о животных и оглянулся в их поисках. Их не было видно. Исчезла даже раненая Сахиба. Но ведь они предупредили его. Они ли? Возможно, он до сих пор настроен на общение с ними.

Звук флиттера становился все громче, и Трой постарался спрятаться в тени скалы, сжаться, становясь незаметным. Он увидел флиттер, который пролетал между двумя куполами. Он узнал его. Это был флиттер рейнджеров.

Трой пополз назад, направляясь к спуску. Он обнаружил, что перед опасностью с воздуха исчезла большая часть его ночных страхов. Потом, к его изумлению, — ведь он был совершенно открыт для наблюдения с воздуха — он увидел, как флиттер повернул и исчез за ближайшим куполом. Звук его постепенно замер в отдалении. Со вздохом облегчения Хоран сел.

— Симба, Сахиба..., — он мысленно представил себе кошек, позвал их, и услышал ответ.

— Один идет.

Трой не был уверен, откуда донесся этот ответ.

— Флиттер улетел, — всеми силами он старался успокоить животных, созвать их к себе.

— Один идет, — они повторили предупреждение. — Один идет, от большого человека.

— От большого человека Кайгера — Зул?

— Где? — Трой боялся, что животные ему не ответят. Потом из—за куполов, за которыми исчез флиттер, появился Шенг, показался на мгновение Трою и снова исчез.

Человек последовал за ним, осторожно пересекая пространство между стеной и куполом. Затем, держась одной рукой за купол и сжимая в другой станнер, он начал медленно и, как он надеялся, бесшумно двигаться. Слышалось жужжание насекомых. Птиц не было, вообще никакой жизни в пустыне Рукава. И не следа животных, если не считать мгновенное появление кинкажу Шенга.

Глава четырнадцатая

Возможно, именно потому, что его тело было плотно прижато к стене купола, Трой уловил первую вибрацию, слабый звон в крови и костях, знакомое биение, вызывающее воспоминание о тьме и сомнениях.

Биение становилось все сильнее и притягивало к себе, вопреки осторожности, вызывая у Троя желание бежать к его источнику.

Он подавил этот импульс, держась в укрытии, но продолжал двигаться. Отчаяние — безнадежный страх и беспомощность.

Ощувив этот страх, Трой догадался о его причине. И животные, неспособные сопротивляться, шли навстречу своему концу. Их тянуло как на веревке то, что помогало общаться...

Но он—то может сопротивляться! А Зул ведет его именно туда, куда нужно.

Уверившись в цели, Трой свернул направо, выходя из зоны действия трубы и обходя с тыла ничего не подозревающую засад. Одинок ли Зул? Очень многое зависело от этого.

Трой добрался до первого скального выступа и, полупригнувшись, начал обходить его. Труба продолжала действовать, что означало, что Зул еще не выманил животных из укрытия. Но когда Трой подошел к самой высокой скале, звук неожиданно оборвался, и Трой понял, что теперь осторожности следует предпочесть скорость.

Держа наготове станнер, он обогнул скалу и увидел то, что ожидал. Тут был Зул, и у него на коленях лежала труба. Одной рукой он придерживал ее, а другой держал бластер. А перед ним, прижимаясь к земле, оцетинившись и рыча, выдавая своими напряженными телами ненависть и страх, стояли животные.

Трой нажал на спуск станнера, целясь в руку. Конечно, лучше было целить в голову, но тогда Зул, даже оцепенев, смог бы воспользоваться бластером. Вызывающий оцепенение луч ударил по пальцам с успехом, на который Трой и не надеялся. Зул закричал от шока и удивления, и его крику ответило эхо скал. Бластер выпал из его омертвевших пальцев. Потянувшись за ним другой рукой, Зул выпустил трубу.

Трой снова нажал курок, но выстрела не последовало. Заряды кончились! Он выпрыгнул на открытое место и бросился к бластеру. Зул опустился на колени, прижимая онемевшую руку к груди. Другая его рука была протянута к бластеру. Трой выбросил вперед ногу, носком выбив бластер подальше от Зула, но и от себя тоже.

Зул дрался очень хорошо. Рука, протянутая было к бластеру, ухватила лодыжку Троя повыше башмака. Трой потерял равновесие и, пролетев два—три шага, ударился о стену с такой силой, что сразу заболели все старые синяки и ушибы.

Нож сверкнул на солнце. Зул приближался. Трой знал, что нападение кончится для него ужасным ударом ножа снизу

вверх, который сразу закончит схватку. Зул был опытным бойцом.

Но его правая рука онемела, а левой, вероятно, он владел хуже. Оставался крошечный шанс. Трой увернулся и ударил Зула по голове рукояткой станнера. Но и сам получил удар по ребрам такой резкий и болезненный, что не удержался от крика.

Зул пошатнулся и упал на скалы. Трой зажал руками раненый бок и прислонился к скале. Он посмотрел вниз, ожидая увидеть нож, торчащий у него в боку. Но нож лежал у его ног, расколотый на две части, а выше и ниже странного браслета, который он нашел в Рукаве, виднелась красная полоса. Стальное лезвие сломалось, как сухая палка. Благодаря браслету, он жив.

Прижимая руку, чтобы уменьшить кровотечение, Трой склонился над Зулом. Тот неподвижно лежал на земле, но дышал.

— Сзади...

Трой хотел повернуться, запнулся за руку Зула и опустился на колени. Это спасло ему жизнь: над его головой сверкнул луч бластера. Он закашлялся от озонного запаха разряда. Потом, повинаясь инстинкту самосохранения, быстро повернулся, укрываясь за скалу и испытывая мучительную боль в боку и руке. Итак, Зул был не один. На Троя, безоружного и раненого, идет охота, и все преимущества на стороне охотника.

Трой знал лишь одно место, где можно скрыться — глубины Рукава. Их зловещая репутация, возможно, задержит преследователей, даст ему выигрыш во времени. Если бы только он достал бластер, выбитый из рук Зула! Но сейчас это было совершенно невозможно.

— Вглубь! — подумал он, стараясь установить контакт с животными, уверенный, что они разбежались в поисках убежища, когда он выбил трубку из рук Зула.

Труба! Пока она в руках Зула, у беглецов вообще нет шансов. Трой осмотрелся. А, вон она лежит, один конец выступает из—за камня. Но покинуть убежище — значит пойти на смерть. Хоран отчаянно искал хоть какое—нибудь оружие.

Он выбрал каменный прямоугольник, отпавший от ближайшего купола, и бросил. От удара труба треснула, конец ее разбился. Трой привстал и убедился, что починить ее невозможно. Пока им везет.

Затем, прижимая раненую руку к груди, пополз, каждую секунду ожидая выстрела из бластера.

Каким—то чудом ему удалось скорее упасть, чем вползти в отверстие купола, откуда они несколько часов назад поднялись с такой надеждой. И луч, который он ожидал, ударил, когда Трой покатился по склону. Он увидел яркую вспышку и услышал треск расколовшегося камня. И вот он уже вне пределов его досягаемости, почти не веря, что все еще жив.

Войдет ли преследователь за ним?

Трой прислушался. Видел он плохо: глаза его все еще были ослеплены последней вспышкой бластера. Послышался звук флиттера. Возвращается первый или это другой? Этот звук послужил сигналом: темные фигуры появились наверху на одно—два мгновения. Животные присоединились к нему.

Вместе они отступили на первый уровень коридоров и здесь остановились. Сверху не доносилось ни звука. Может, разведчики рейнджеров заметили оживление в руинах и решили проверить, что там происходит? Но Трой знал, что Зул лишь частично парализован и вполне способен присоединиться к преследователям. Если бы у него был бластер...

— Здесь...

Сахиба! Трой осмелился на мгновение включить фонарик. Серо—голубая кошка, неловко подвернув пораненную лапу, полусидела рядом с ним, около нее — кот. А перед Симбой лежало оружие, о котором мечтал Трой. Он схватил его и ощутил влажность ствола, оставшуюся от пасти кота. Проверил заряды. Истрачено меньше трети. Теперь он может защищаться.

— Они идут.

— Сколько? — спросил Трой.

— Один..., есть и другие...еще наверху...

Один. Зул или неизвестный с бластером? Трой смотрел в коридор. Там можно окончательно заблудиться. Лучше известная опасность, чем новые враги. Трой был уверен, что Зул не отвяжется. Может быть, в джунглях, внизу, он найдет средство переиграть противника.

Оставалась проблема пищи и воды. Мешок с запасами остался наверху. Но вода внизу есть, а может, и пища, если не быть слишком разборчивым. Он знал, что животные найдут съестное в пещере.

— Вниз! — он подобрал Сахибу, подвязал полу куртки и усадил в нее кошку, оставив свободной свою здоровую руку.

Рана на левой руке перестала кровоточить, но, как только он начинал ею двигать, снова показывалась кровь.

Хотя не было слышно ничего, кроме звуков его дыхания, легких шагов животных и стука его башмаков, разведчики Троя заверили его, когда они опустились еще на один уровень, что преследование продолжается. Трой шел, не включая фонарика, ощупью, и только бледный свет впереди указывал им цель.

Спрыгнув с лестницы, Трой обнаружил, что здесь снова причудливый день. Возможно, настоящие солнечные лучи пробивались сюда благодаря какой-то хитрости строителей Рукава. Тонкие облака проливались дождем, и Трой нырнул на сухое место. Он снова оказался на месте, где со стены свисали остатки паутины. Задев нить, он был вынужден освободиться резким рывком.

Это была одна из тех паутин, которая и послужила смертельной ловушкой для человека из экспедиции Фуклова.

У Троя мелькнула идея. Он внимательно присмотрелся к нитям. Они цеплялись за поверхность скалы не по всей длине, как он первоначально боялся, а лишь на отдельных участках. Сунув бластер за пояс, он ухватился за свисающую нить, и, то ли она была старой, то ли была прикреплена в определенных точках, ему удалось вытянуть ее.

Трой работал быстро. Нитей было множество: одни тонкие, другие толще и он осторожно отделял их от стены. Внешняя сторона нитей была очень клейкая. И ему не всегда удавалось предотвращать их склеивание.

Даже работая одной рукой, он соорудил сеть, как те паутины, что он видел у входа в пещеру. С крайней тщательностью он разместил свою ловушку у основания лестницы перед входом на тропу, прорубленную им в джунглях. Он не знал, почему ему предоставили время, чтобы окончить работу. Но животные, находившиеся на лестнице, не поднимали тревогу. По знаку Троя они перепрыгнули через сеть. Для взгляда человека сеть была спрятана хорошо, и Трой надеялся, что преследователи ее не заметят. Затем они укрылись: животные, за исключением Сахибы, под покровом растительности, а Трой с Сахией между стеной и лестницей.

Они поставили ловушку. Но сработает ли ловушка без наживки? Больше часа не было звуков. Неужели преследователь или преследователи не решились спуститься за ними?

Трой обнаружил, что человек намного уступает животным в терпеливости. Его кожа зудела, бок и рука болели. Его мучили голод и жажда. Сотни маленьких раздражителей, о которых он обычно и не подозревал, теперь превратили ожидание в пытку. Зловещая растительность, которая раньше отталкивала, манила обещанием пищи и воды...

Но под всеми этими физическими неудобствами лежало зловещее воспоминание о ночных ужасах, о том, что здесь есть нечто, что хуже самой большой опасности.

Трой отгонял усталость, смутные страхи, стараясь держать себя в руках. Но долго ли он выдержит, он не знал. Ловушка, но для ловушки нужна приманка.

Дрогнул куст. Шенг прыгнул с него к лестнице. Он постоял, согнув цепкий хвост вопросительным знаком, потом начал подниматься.

— Нет, — возразил Трой. Конечно, кинкажу может двигаться быстро, но все же недостаточно быстро, чтобы избежать луча бластера.

Но зверек не послушался его. Наживка была готова.

Сахиба шевельнулась у него под рукой, и он поморщился от боли.

— Идет один? — спросил Трой с надеждой.

Его менее острая способность к контакту уловила обмен мыслями с кинкажу. Трой, нетерпеливый, все же понял, что сейчас не время докучать вопросами.

Время ползло. Снова сумерки сгущались в джунглях, пятна теней соединялись друг с другом.

— Идет один! — когти Сахибы впились в руку Троя, он вздрогнул. Достал бластер и посадил кошку перед собой.

Топот по лестнице. Шенг пролетел к кустам. И вот все громче топот человеческих ног.

Вспышка наверху — она исчезла тут же, едва Трой успел заметить ее. Атомный фонарик? Он был уверен, что идущий заметил серый цвет пещеры и теперь идет на него.

— Зул? — этот вопрос он адресовал Шенгу

— Нет.

Если не Зул, значит тот неизвестный, что стрелял в него из бластера. Трой приготовил оружие. Он не был уверен, сможет ли счесть другого человека, даже защищая свою жизнь. Драки в Дипиле всегда велись кулаками и ногами. Нож был общепринят не только на Корваре, но и почти на всех звездных линиях.

Но эта штука в руке... Впрочем, остановят ли противника сомнения?

Топот затих. Остановился на лестнице? Или повернул назад?

— Нет!

Значит крадется. Трой пригнулся, удобнее устроив бластер. Но его долгое ожидание не подготовило его к неожиданному прыжку с лестницы.

Должно быть, его собственное движение и вызвало это нападение. Но Трой хорошо разместил сеть. Человек, опустившись на четвереньки, запутался в клейких нитях, он катался и бился, запутываясь все сильнее.

Трой встал у стены. В конце концов ему не пришлось стрелять.

— Еще один...

Симба, обходя место, где бился пленник, вышел на открытое место и взглянул вверх.

Мелькнул луч бластера, но нацелен он был не на Троя, а в извивающуюся фигуру на земле. Выстрел ударил так близко, что одежда человека и нити паутины задымились. Связанный мгновенно откатился — и вовремя: через секунду второй выстрел ударил в то место, где он только что лежал.

При свете выстрела Трой увидел маскировочную одежду человека. Это был не человек Зула, а один из рейнджеров. Хоран послал ответный луч вверх по лестнице. Послышался крик. С лестницы скользнул другой человек и упал на пол пещеры. Когда он перестал двигаться, Трой подошел к рейнджеру.

— Я так и думал, что найду вас здесь, Хоран.

Трой узнал Рерна. И желание освободить рейнджера исчезло. Однажды он чуть не обратился к нему за помощью. Теперь инстинкт преследуемого оживил в нем подозрительность. У него было не меньше причин подозревать и бояться Рерна, чем Зула. Трой, не убирая бластера, смотрел на Рерна.

— Не будьте глупцом, — Рерн перестал извиваться, но попытался поднять голову от земли. — За вами охотятся.

— Знаю, — прервал его Трой. — Вы здесь...

Рерн нахмурился.

— За вами идет нечто большее, чем рейнджеры Клана, парень. И они хотят видеть вас мертвым, а не живым...

Тут его взгляд изумленно устремился на Троя. Трой тоже взглянул туда. Шенг, Симба, Саргон и Шеба материализова-

лись в своей обычной беззвучной манере и сидели, глядя на Рерна неподвижным взглядом, взглядом, который все еще смущал Троя. Прихрамывая, вышла из укрытия Сахиба.

— Вот оно что..., — Рерн продолжал разглядывать животных.

— Так вот они, самые опасные преступники Корвара.

Глава пятнадцатая

— Вряд ли, Рерн, — голос Троя был холоден, а таким тоном он никогда не говорил с людьми из Дипила. — Они не преступники. Это не Тикил, а место, куда люди из Тикила боятся ходить, а он больше не безоружный, а один из группы, готовый сражаться за свою свободу.

— Вы знаете, как они служили Кайгеру?

— Знаю.

— Но вы не могли участвовать в этом или могли? — Рерн возмущенно задавал вопрос самому себе. Он изучал Троя взглядом таким же немигающим, как взгляд Симбы.

— Нет, я не участвовал в делах Кайгера, какими бы они не были. И не я убил его... если у вас есть сомнения насчет этого. Мы не преступники.

— Мы?

Трой сделал шаг вперед и присоединился к полукругу животных. Теперь они стояли единой линией против рейнджера. Рерн кивнул.

— Понимаю. Действительно «мы».

— И что вы предлагаете сделать? — Трой сменил тему.

— Мы все умрем, если не найдем отсюда безопасного выхода, — он говорил спокойно. — За вами охотятся не только рейнджеры Клана, их то вам нужно опасаться меньше всего. И боюсь, что есть приказ: стрелять, не задавая вопросов.

— Ваш приказ? — Трой достал свое оружие.

— Нет. И, узнав об этом, Клан предпримет шаги. Это я вам обещаю. — В его словах был лед. И Трой, заметив сузившиеся глаза, легкое подергивание губ, оценил то, каким гневом был охвачен охотник и как хорошо он держал себя в руках. — Легко убить беглеца и потом покаяться, что его смерть — просто несчастный случай. Именно в такую игру собираются играть ваши друзья наверху. — Он кивком головы указал на тело у

подножья лестницы. — У вас один шанс из тысячи избежать этой банды...

Он замолчал.

— Идет один. — Симба снова подошел к лестнице.

Трой колебался. Он мог оставить связанного Рерна и скрыться в зарослях, чтобы отыскать выход на нижний уровень, в грибную пещеру. Или мог остаться здесь и сражаться. Рерн перевел взгляд с Троя на кота.

— У нас посетитель.

— У н а с? — на этот раз Трой подчеркнул местоимение.

— Это не может быть мой человек.

И Трой поверил ему. Значит, идет враг.

— У нас есть прибор, — заметил Рерн. — Вы можете спрятаться в кустах, и им придется долго искать вас...

— А вы?

— Раз вы считаете меня одним из своих преследователей, имеет ли это значение? — в его ответе была угрюмая легкость.

— Этот пытался сжечь вас.

— Я вам сказал, они действуют по принципу: человек, убитый по ошибке, лучше живого свидетеля.

Трой сделал выбор. Ухватившись за нить, он перетащил Рерна под лестницу. Освободить Рерна не было времени, даже если бы он и захотел этого. Но он знал, что не может оставить беззащитного человека под огнем бластера Зула или кого-нибудь из его банды.

— Зул? — спросил он у Симбы.

— Зул, — ответил кот.

Не было времени для подготовки новой ловушки, и Трой был уверен, что приближается вооруженный враг. Он не мог надеяться на еще один удачный выстрел. Он сел возле Рерна на корточки, надеясь на удачную засаду.

— Освободите меня! — сказал Рерн.

— Их можно пережечь только огнем, — пояснил ему Трой, продолжая смотреть вверх по лестнице.

— Что это за веревка? — резким шепотом спросил Рерн.

— Часть паутины... со стены, — Трой кивнул на свисающие со скал нити, и Рерн замолчал.

Свет заметно тускнел. Трой вспомнил первую стоянку на этом месте, свою уверенность в том, что в зарослях скрывается своя опасная жизнь. Лишь одно место было свободно от растительности: мощеная площадка, на которой стоит вызыватель. И пока машина действует... Если Зул появится не скоро, мо-

жет, им стоит попытаться добраться до нее. Трой разрывался между двумя планами. Ждать Зула здесь и попытаться подстрелить его в этом неверном сером свете? Или развязать Рерна и отойти к вызывателю?

— Зул? — повторил он вопрос.

Снова ответил Симба, но на этот раз в мысленном ответе звучало удивление.

— Зул начинает бояться.

— Нас? — Трой не поверил в это. Он хорошо знал, что Зул не боялся, когда они сражались наверху, что он смотрел на животных, как на беспомощных существ, которыми можно управлять. Чего же он боится? Или его сдерживает присутствие Рерна? Может, использовать охотника для переговоров?

— Зул боится того, что не может видеть, — ответил Симба, и ответ его по-прежнему был странно окрашен изумлением.

Ответ Симбы на мгновение пробудил собственную тревогу Троя. Чем больше сгущались скверки, тем чаще он вспоминал высохшего пленника паутины. Но Зул не был здесь, он не может знать о паутине, о вызывателе. Чего же он боится?

— Он не видит глазами, — вмешался Симба, — но мысленно ощущает то, что его ждёт.

— Значит, он может говорить с вами?

— Нет, — это Саргон. — Не может без вещи, которая зовет. Но Зул видит множество теней, и в каждой скрывается враг. — Лис вышел из укрытия, обошел мертвеца, поднялся на одну ступеньку и посмотрел вверх. — Он хочет идти, но страх не пускает его.

Основательны ли страхи Зула? Трой взглянул на ночные заросли и понял, что второй план — пробраться через них к вызывателю — больше неосуществим. Как будто существо, скрывавшееся в зарослях — неживое и в то же время немертвое — набиралось из темноты жизненных сил. Та же способность общаться с животными помогла ему уловить присутствие этого существа.

— Что это? — Рерн, прижавшись к стене, тоже смотрел на растительность. — Что там происходит?

— Ничего живого, я надеюсь, Трой опустил на колено, коснулся бластера, уменьшив силу разряда, и слегка провел стволом вдоль нитей, связывавших тело охотника. Нити дрогнули и исчезли.

— Ничего живого? — вопросительно повторил Рерн.

— Его вызвал прибор Фуклова. Ваша машина заглушила аппарат, но он продолжает действовать. Животные сообщили мне, что вызываемое существо частично еще находится в нашем измерении.

— Что? Значит, наш друг наверху не может спуститься в логово дракона?

Трой снова сел на корточки. Может, Рерн способен настроиться на разговор между ним и животными? Но он был уверен, что животные знали бы об этом и предупредили бы его.

— Вы каким—то образом общаетесь с животными, — продолжал Рерн, — и подозреваете, что я тоже могу.

Трой кивнул.

— Умственный контакт, — это было утверждение. — До сих пор я только догадывался. А теперь знаю, Зул — необычный человек. Большинство из нас — результат смешения рас, результат столетней звездной колонизации. Зул — представитель примитивного земного племени — бушмен. Это раса охотников и жителей пустыни с врожденным инстинктом Диких Земель, каким мало кто обладает сейчас. А у таких примитивных людей сохраняются утраченные нами чувства. Если он учуял вашего демона, значит, даже долг не погонит его вниз. Скорее он решит, что демон будет охотиться на нас, а он будет сидеть наверху и закроет выход. И я вполне согласен с разумностью такого решения. Рерн шевельнул плечами, освобождаясь от нитей.

— Я бы не стал проводить ночь в таком месте, — признался он. В его словах звучало беспокойство.

— Вы были здесь, когда нашли Фуклова?

— Не здесь. Мы даже не знали о существовании этого места. После того, что увидели наверху, никто не предполагал исследовать нижние уровни. Но мы думали, что вызыватель теперь безвреден. Это не так. И если я выберусь отсюда, то меры будут приняты.

— Зул может долго ожидать нас. И легко подстрелить, если мы попытаемся выйти, — Трой размышлял, можно ли сообщить о существовании другого выхода на поверхность. Без пищи и воды вряд ли они смогут проделать тот другой путь.

— Да, он может устроить засаду в любом из коридоров. Но если мы не можем подняться, то можем вызвать помощь, которая зайдет к ним с тыла, — Рерн снова попытался освободить руки. — Если вы освободите меня окончательно, Хоран, я вызову подкрепление.

— Нет, — ответ Хорана был быстрым и ровным.

— Почему? — вопрос звучал не гневно, а заинтересованно.

— Мы преступники — помните?

— Если есть общий враг, можно заключить перемирие. В Диких Землях у меня есть кое—какая власть.

Трой обдумывал его слова. Доверие — это редкий дар в Дипиле. Если он доверится этому человеку, а он испытывал сильное искушение сделать это, то даст в руки Рерна оружие так же верно, как если бы отдал ему свой бластер. И снова подозрительность боролась в нем с желанием довериться.

— Перемирие, пока мы не выберемся отсюда, — предложил Рерн. — Я дам клятву на ноже, если хотите.

Трой покачал головой.

— Достаточно слова, если я соглашусь. Перемирие — фора во времени для меня.

— Охота будет продолжаться, — предупредил Рерн. — у вас нет шансов. Лучше сдаться — пусть решает закон.

— Закон? — Трой хрипло засмеялся. — Чей закон, охотник? Права клана, кодекс патрульных или закон уничтожения Зула? Я знаю: мы легкая добыча. Нет, дайте слово, что у нас в запасе будет хотя бы полдня.

— У вас будет столько времени, сколько вы сможете выиграть. Но боюсь, что это будет совсем не много.

Трой принялся пережигать нити.

— Мы попытаемся.

— Всегда МЫ. Почему, Хоран? — Рерн растирал запястье.

— Человек использовал животных как орудия, — медленно ответил Трой, стараясь выразить в словах то, что сам еще не вполне понимал. — Теперь где—то какие—то люди сделали из них орудие, способное обратиться против хозяина. Но это не вина орудия — они больше не орудия, а...

— Может быть, товарищи? — закончил за него Рерн.

— Откуда вы знаете?

— Скажем, я тоже работник, который способен восхищаться прекрасным инструментом, особенно, когда он перестает быть только инструментом.

Трой с оттенком симпатии взглянул на него.

— Вы поняли...

— Лишь немного. Большинство из нас хочет иметь инструменты, а не товарищей. А старый страх человека, боязнь утратить превосходство пошлет по вашему следу охотников Галактики, Хоран. Не ждите помощи от собственной расы,

когда ей угрожает то, чего она не понимает. Но вы получите время, а уж от вас зависит, как вы им воспользуетесь. А теперь давайте посмотрим, нельзя ли выбраться отсюда прежде, чем нами заинтересуются, — он указал на джунгли.

Рерн достал из кармашка на поясе маленький предмет. Тщательно набрал номер на маленьком циферблате, светя фонариком, а потом улыбнулся Трою.

— Передатчик, настроен на вызов помощи, я добавил еще предупреждение, чтобы наши слепо не наткнулись на компаньонов Зула. Его могут ждать наверху один—два человека. Мы знаем, что прежде, чем явиться сюда, он связался с Гильдией в Тикиле. Думаю, что он нанял людей с бластерами.

— Значит, он ограбил Кайгера. У него же нет денег, чтобы уплатить Гильдии..

— А не думаете ли вы, что, возможно, не Кайгер главный в их организации на Корваре? Кто—то другой возглавляет ее, и этот другой способен воздействовать на власти и предотвращать разглашение информации. Вы объявлены в Тикиле убийцей, похитителем ценных животных.

— Я думал, что так и произойдет, — Трой не скрывал свое отчаяния. Объявлен убийцей! Значит, даже городские патрульные будут стрелять в него, а уж потом задавать вопросы. Но здесь, в Диких Землях, у него все же есть некоторые преимущества.

— Вы говорите, что не убивали его?

— Я нашел его мертвым. — Трой быстро пересказал события ночи своего бегства из Тикила.

— Охотно верю. У Кайгера были опасные знакомства. А вы не подумали, что я могу снабдить вас алиби? Во время смерти Кайгера вы были с Рогаркилом и со мной.

— Вы сказали это патрульным? — в горле у Троя пересохло. Если это правда, то почему раньше Рерн не говорил об этом?

— Пока нет...

— Хотите что—то получить от меня?

— Возможно.

— Не интересуюсь. Обойдусь без вас, — Трой был уверен, что Рерн сдержит свое слово. Но почему он не оправдал Троя перед патрульными? Похоже, что он хочет подтолкнуть Троя туда, куда это нужно Клану. Трой вспомнил встречу в кафе. Но, испытав свободу, он не собирался возвращаться к прежней жизни.

— Как хотите. — Рерн поднес миниатюрный прибор к уху, прислушался и кивнул. — Они идут. Скоро доберутся до Зула. Впереди себя они пустили газ.

Значит они используют оружие, против которого у Зула нет защиты.

— Они арестуют Зула?

Рерн взглянул на него.

— Вы хотите этого?

— Почему бы и нет?

— Нет причин считать Зула главным. Он полностью находился в подчинении у Кайгера. Зул, оставленный на свободе, может привести к хозяину Кайгера.

— Если у преследователей будет время и желание! — ответил Трой. — Сейчас же у меня более важные задачи, — он замолчал. Рерн прав. Проследить связи Зула до конца. Если бы не животные, он согласился бы.

— Ваш ход, — предложил он.

Рерн снова поднес прибор к уху.

— Зул?

— Ни следа. Но на втором уровне спит человек Гильдии. Его прибрали для патрульных. Пусть Зул считает, что ему удалось скрыться. Он выскользнул из зоны газа, но за ним можно следить.

Значит, Рерн собирается выслеживать Зула. Вероятно, собирается использовать полученные сведения в споре клана с властями Тикила. Трой поднял Сахибу и жестом предложил Рерну идти вперед.

— У меня есть бластер. Вы заключили со мной перемирие. Может быть, ваши товарищи наверху не будут так великодушны, как вы. Рерн улыбнулся.

— Осторожность полезна, но думаю, что вы будете лучшего мнения о рейнджерах.

Трою подъем показался таким же длинным, как и спуск в колодец. На первом уровне никакого следа людей не оказалось. Вверх и вверх. Немного впереди шли Симба и Саргон — пара разведчиков, которым не было равных среди людей. Трой был уверен в этом. Шенг сидел у него на плече. Шеба шла рядом. Животные не обращали внимания на Рерна, но Трой знал, что они следят за ним.

Они миновали второй уровень. Впереди уже виднелся выход. Трой заставил себя думать о будущем. Он не надеялся на механический транспорт, так далеко перемирие не простира-

лось. Но барьер вокруг Рукава должен быть снят, чтобы впустить преследователей. Значит, они могут уйти пешком. Усталый, без пищи, он сомневался, чтобы они смогли преодолеть большое расстояние. Но если им только удастся добраться до края леса, то животные будут спасены. Тогда он сможет подумать и о себе.

— Ждут люди, — предупредил Симба.

Что ж, это люди Рерна.

— Не враги, — ответил Трой.

— Вы обнаружены! Бросьте бластер!

Трой уловил впереди движение: плечо в мундире, рука, держащая бластер. Он схватил Рерна, держа его перед собой, как щит. Он услышал гневное восклицание рейнджера.

— Так вот чего стоит слово Клана! — Трой плюнул. — Много ли лучше ваша клятва на ноже? — потом крикнул. — Мы выходим, и этот вождь охотников с нами. Попробуйте выстрелить, и он поджарится первым! Рерн не сопротивлялся, когда Трой подтолкнул его к выходу. Послышалось какое-то бормотание, но выстрелов не последовало.

Глава шестнадцатая

Рерн был странно молчалив, он никак не отреагировал на обвинение Троя. Это беспокоило молодого человека. Он ждал объяснений, хотел увериться, что Рерн не ведет его в ловушку. Теперь, когда у него появилась возможность подумать, он понял, что виденный им мундир не принадлежал рейнджерам.

— Люди, — снова предупреждение.

Трой, держа несопротивляющегося рейнджера и прижимаясь спиной к куполу, осматривал арену действий. Он видел ожидавших, несомненно, рейнджеров, их охотничьи одежды сливались с развалинами. Немного позади — он уже не надеялся на это — стоял флиттер.

— Скажите своим людям, — хрипло проговорил он, — чтобы отошли от флиттера.

— Отойдите от флиттера, — послушно проговорил Рерн, голосом бесцветным, как у робота. Черты его лица были неподвижны, но Трой чувствовал его гнев.

Рейнджеры зашевелились. Когда они отошли на достаточное расстояние от флиттера, Трой начал подбираться к нему,

все время держа Рерна между собой и людьми Клана, зная, что животные опередили его. И вот он у цели.

Дав волю гневу, Трой размахнулся и ударил рукоятью бластера по голове Рерна. Колени охотника подогнулись, и он упал на землю. Трой забрался во флиттер и повернул рукоять взлета. Они поднялись прыжком. Этот резкий подъем вывел их из зоны досягаемости бластера. Они были в безопасности.

Трой повернул на восток, зная, что флиттер сам теперь доставит их в самое сердце Диких Земель. Их, конечно, будут преследовать. Но если у них нет в Рукаве другого флиттера, он выиграл драгоценное время.

Глаза Троя смотрели в ночное пространство. Пища, вода, убежище... Он чувствовал сильную усталость и не мог размышлять. Только в одном он был уверен, в упрямой решимости посадить флиттер где—нибудь в Диких Землях и попытаться укрыться вместе с животными.

— Хорошо, — это Симба. — Здесь хорошая охота. Люди не выгонят нас из этих мест.

— Остается Зул.

— Остается Зул, — проговорил Симба, — но для него мы сделаем ловушку.

Трой, должно быть, уснул. Проснулся он от света в глазах, сонно сел, неспособный вспомнить, где находится. Флиттер продолжал лететь на восток.

Трой посмотрел вниз и увидел волнистую равнину, только впереди, в дымке, виднелась темная полоска растительности. За ночь, должно быть, они преодолели большую часть открытой местности и находились теперь там, куда не заходили охотничьи отряды из Тикила. Трой протер глаза и снова начал думать.

Теперь их можно выследить только по флиттеру. Предположим, они сядут у края этого отдаленного леса, а он пошлет флиттер с автопилотом назад. Это сойдет с толку преследователей.

Но, когда он потянулся к приборам, время кончилось. Флиттер нырнул, пойманный тормозящим лучем. Трой удивленно оглянулся и увидел идущий за ним другой аппарат.

Возможно, искусный пилот вышел бы из затруднения. Но Трой лишь увеличил скорость в попытке добраться до леса.

Наконец, Трой сел, почувствовав, как колеса флиттера прорываются сквозь длинную траву. Трава поможет скрыть бегство его пассажиров. Он направил флиттер к выступающе-

му участку леса. Открыв дверь кабины, прежде чем машина остановилась, отдал последний приказ животным.

— Наружу и затаиться!

Сахибу он сам посадил в густую траву, где ее ожидал самец. Лисы и кинкажу исчезли. Трой снова тронул флиттер, уводя его как можно дальше от того места, где он оставил живой груз. Флиттер взревел, задрав нос. Трой был прижат к сидению. Теперь ему оставалось только ждать.

Неспособный даже повернуть голову из—за действия луча, Трой сидел мокрый от пота. Проходили минуты. По крайней мере ясно, что его хотят взять живым. Они вполне могли бы подстрелить его в воздухе. Плохо это или хорошо, ему еще предстоит узнать.

Дверь кабины распахнулась. Он не мог повернуть головы и, попытавшись скосить глаза направо, увидел человека засунувшего в кабину голову и плечи. На нем не было ни лесной одежды рейнджера, ни мундира патрульного. Отряд Зула?

Не обращая внимания на беспомощного пленника, человек внимательно осмотрел кабину, заглянув под кресло и в багажные отделения. Несомненно, он искал животных. Настроение Троя слегка поднялось. Либо они не заметили его крохотной остановки у края леса, либо не догадались о ее значении. Они ожидали найти во флиттере шестерых беспомощных пленников.

Человек попятился назад.

— Здесь нет, — услышал Трой его голос.

Трой знал, что нельзя бороться с парализующим лучем. Рукоять бластера, прижатая поясом, врезалась ему в грудь. Если бы он только мог дотянуться до него. Кровь в висках стучала от напряжения, он не мог сделать ни одного движения.

Но ждать ему пришлось недолго. Зул, с лицом, искаженным злобой, занял место своего наемника. Как и тот, он осмотрел полмашины, очевидно, не веря в доклад первого. А потом взглянул прямо на Троя.

— Они ушли, — сказал Трой.

И, помолчав, добавил:

— Ты не сможешь их найти.

Зул не ответил. Выйдя из кабины, он отдал какой—то приказ. Через мгновение дверца рядом с Троем открылась, и его послушное тело выпало из кабины. Трой упал лицом в траву. Но падение вывело его из прямого действия луча, позволив

свободно двигаться. Он попытался встать, но не успел. Резкий удар по шее — и он снова лежит.

Когда Трой очнулся и попытался поднять руку, он обнаружил, что связан на этот раз не парализующим лучом, а самой обыкновенной веревкой. Через несколько секунд он понял, что освободиться от веревки не легче, чем от парализующего луча. К тому же он обнаружил, что глаза у него завязаны.

Каковы бы ни были их намерения, похитители сохранили ему жизнь.

Убедившись в том, что он связан, как обычный багаж, Трой попытался догадаться, где он. Вибрация и толчки передавались его телу через поверхность, на которой он лежал. Трой предположил, что он лежит в багажнике флиттера: либо того, в котором он улетел из Рукава, либо того, на котором Зул его выследил. А поскольку отрядом командовал Зул, то Трой решил, что они направляются в Тикил, возможно, к тому человеку, который отдавал приказы после смерти Кайгера. Животные... Они ожидали, что найдут их во флиттере. После того, как они его оглушили, нашли ли они животных? Вряд ли.

Трой попытался вступить в контакт с животными. Ответа не было: очевидно, их не захватили. Он не слышал ничего, кроме звуков, обычных во флиттере.

Он не мог определить, долго ли находился без сознания. Но его мучил голод, а жажда еще больше. Трудно было вспомнить последний глоток воды. И эта попытка добавлялась к неудобствам его положения, мешала ему ясно мыслить, обдумывать, что его ждет в конце пути. Трой повернулся, стараясь выпрямить ноги, потом понял, что темп полета изменился. Пилот рывками сбрасывал скорость. Они готовились опуститься на более низкую линию. И, может быть, они приближаются к Тикилу.

Трой попытался разобраться в доносившихся до него звуках. Да, они, несомненно опускаются. Потом он услышал свисток патрульного флиттера.

Трой застыл.

Но если пирата и спрашивали, то он сумел дать правильный ответ, так как мотор флиттера продолжал работать без изменений: им не приказали спуститься. Теперь они летели на скорости, допущенной на городских линиях, когда готовишься к посадке. К посадке где? Тело Троя болело от напряжения. Он пытался оценить все, что слышал и чувствовал. Потом он ощу-

тил легкий толчок от прикосновения колес к почве, мотор смолк.

— Притвориться мертвым, — подумал Трой. — Пусть считают, что он все еще без сознания.

Порывы свежего ветра. Он услышал шаги. Потом рядом с его головой открыли одну панель. Его грубо выдернули, так что он ногами ударился о мостовую. Человек, сделавший это, продолжал тащить его.

Но воздух, окружавший пленника в повязке, дал ему ключ к разгадке местонахождения: он находился в магазине Кайгера. Он оказался там же, откуда бежал несколько дней назад.

Трой упал на землю, брошенный стражниками, и услышал легкий скрип открываемой двери. Снова его нос ощутил перемену. Он находился на складе. Троя бесцеремонно бросили на мешок с зерном, так что он оказался в полусидячем положении. Он свесил голову, изображая свою бессознательность. Но, если это и убедило его похитителей, они не хотели оставлять его в покое. Удар по щеке отбросил голову к мешку. Потом второй удар...

— Что?

— Проснись, дипилмен! — это Зул. Но Трой был уверен, что у маоенького человека не хватило бы сил втащить его сюда. Здесь есть кто—то еще.

— Что? — снова спросил Трой.

— Используй рот для этого.

К его рту приставили жесткий металлический край с такой силой, что он почувствовал боль. В рот хлынуло что—то, какой—то густой суп. Рот его наполнился. Густая масса потекла по подбородку. Вкус был отвратительным, но сопротивляться было невозможно, и Трой сделал большой глоток обжигающего месива.

— Поможет? — кажется, это Зул.

— Никогда не подводило, — ответил другой. — Будет резвый, как камень. Ведь вам это надо? Мы знаем свое дело.

Голову Троя выпустили, и она снова упала вперед. Тепло поднялось из желудка, омывая его мышцы и нервы: он совершенно потерял способность двигаться. Один из известных наркотиков, используемых Гильдией. Это означало, смутно подумал Трой, высокооплачиваемую работу с использованием специалистов. А где Зул взял деньги и нужные связи?

Оцепенение, охватившее тело, теперь добралось и до мозга. Троя охватила усталость и равнодушие. Он тихо плыл на мяг-

ком облаке, которое постепенно поднялось выше любого флитера.

Холодно..., очень холодно... Холод проник внутрь.

— Вы говорили, что он будет готов..., — слова лишь слегка ударялись о его мозг.

— Работа обычная..., да и желудок у него, должно быть, пуст. — Это снова слова, от которых болит голова.

Холод тек по плечам, по рукам, опускался ниже... Холод грыз, а он не способен даже дрожать.

— Приведите его в порядок!

— Это был резкий приказ.

Новая порция жидкости хлынула ему в рот и заполнила его, и он глотнул. На этот раз вкус был сладковатый, клейкий. Жидкость прогнала холод, вернула жизнь в тело...

Рука, прижатая к его губам, скользнула на горло, проверяя пульс.

— Он приходит в себя. Скоро будет готов. Усталость, голод, жажда исчезли, Трой был в полном сознании и чувствовал себя прекрасно, хотя и не вполне доверял своему чувству: оно вполне могло быть результатом применения наркотиков. Троя оставили в покое. Но сообщили ему, что он все еще находился на складе магазина. Мешок зерна подпирал его плечо. Время давно потеряло для него значение: мог пройти день или несколько дней после того, как он выпустил животных в Диких Землях.

Животные! Он снова попытался установить с ними контакт. Никакого ответа.

Топот! Топот громче. Запах человеческого тела. Трой нашел время удивиться обострившемуся у него обонянию.

Веревка на ногах снята:

— Вставай и иди, дипилмен! На этот раз пойдешь сам.

Он сделал один—два шага и больно ударился об угол ящика. Последовал толчок, от которого он зашатался. Подталкиваемый, он вышел во двор, услышал гудение готового к полету флитера.

Его подвели к флитеру и снова затолкали в багажник, в котором он прибыл в Тикил. Трой был уверен в двух обстоятельствах: что Зул распоряжался перевозкой — он слышал голос маленького человека с сидения пилота — и что его перевозкой занималась воровская Гильдия. Ее секция людей с бластерами самая высокооплачиваемая и опытная. Значит, всякую надежду на побег или сопротивление можно оставить.

Глава семнадцатая

Полет был очень недолог, должно быть, они просто перелетели с улицы на улицу. Колеса мягко коснулись мостовой. Это означало, что их цель находится где—то в деловом районе, а не на одиноких виллах. Мастерская... контора? Где—нибудь, где появление человека с повязкой на глазах в сопровождении стражников не привлечет внимания. Если сейчас ночь, то встреча в районе мастерских и контор пройдет незаметно.

Трой пытался припомнить географию Тикила, но понял, что это безнадежный вариант. Если бы у него не были завязаны глаза... Они повернули один раз, другой. Их скорость оставалась в пределах разрешенной. Несомненно, принимались все предосторожности, чтобы не вызвать подозрений у патрульных. У Гильдии были отличные специалисты, а этим делом занималась Гильдия, и это означало, что Трой находился на пути в штаб—квартиру Гильдии. Видимо, ему предстояло встретиться с хозяином Зула.

Еще поворот. Никто во флиттере не говорил. По уличному шуму Трой заключил, что сейчас начало вечера. Они влились в движение возвращающихся домой, а это означало, что они направляются не к мастерским.

Флиттер остановился. Трой, с его обострившимися чувствами обоняния и слуха знал, что один человек наклонился над перегородкой и свесил голову и плечи над ним.

— Слушай, ты, — слова были сухими, и Трой знал, что говоривший не обманывает его. — Ты пойдешь сам, дипилмен. И пойдешь спокойно, без шума. Одно лишнее движение — и ты уже не сможешь ходить. Понял?

Трой кивнул, надеясь, что его жест увидят. Он не имел ни малейшего желания сопротивляться.

Ему помогли выбраться из флиттера. Они спокойно пошли по тротуару.

Трой ощутил запах растительности. Должно быть, жилой район. Небольшая пауза... Потом снова пошли, причем звуки шагов звучали глухо.

Голова Троя дернулась. Он понял, где они. Второе такое ощущение не может встретиться на Тикиле!

Что общего имеет чиновник Драгур с его коллекцией морских животных с тайным хозяином Кайгера?

С другой стороны — мысли Троя неслись стремительно — хобби этого человека служило отличным прикрытием его связей с магазином, и тем более отличным, что его увлечение было искренним. Трой был готов поклясться в этом. Единственным возражением мог служить сам характер этого человека. Трой просто не мог представить себе Драгура таинственным и могущественным главой заговора.

Уши Троя уловили слабый всплеск от движения какого-то подводного обитателя, и он постарался припомнить расположение комнат.

— Ваш человек, горожанин, в целости и сохранности, — доложил стражник.

— Прекрасно! — ответил Драгур. — Но мне кажется, что договор выполнен не полностью. Я должен получить всех, гильдиец, всех!

— Можете спросить у этого, что он сделал с остальными, горожанин. Договаривайтесь с Большим Человеком, а меня отпустите...

— Вашему Большому Человеку придется пересмотреть договор о плате, — выпалил Драгур. — Я договаривался о полной доставке. Договор не выполнен.

— Большому Человеку это не понравится.

— Неужели? Что ж, я с ним согласен! — и Драгур фыркнул. — Можете сообщить ему это.

— Нет платы, нет и пленника, — рука, что сжимала плечо Троя, сжалась крепче.

— Вы хотите забрать его с собой?

Наступила долгая тишина. Трой старался представить себе, что происходит.

— Где вы взяли это? — медленно спросил стражник.

— Я не спрашиваю вас об источниках вашего снабжения оборудованием. — возразил Драгур. Сейчас же уберите руки от моего пленника и идите к своему флиттеру. И можете сообщить вашему Большому Человеку, можете сказать ему, что взаимовыгодные отношения между нами не окончены. Разумеется, если мы придем к разумному соглашению. Напоминаю, что я также заключил с вашей организацией договор об охране, и срок еще не истек. Я не намерен порвать контракт.

Рука отпустила Троя. С возгласом разочарования стражник отошел от него. Спустя мгновение, хлопнула дверь. Драгур рассмеялся.

— Он немедленно свяжется с Большим Человеком. Лучше получить нагоняй немедленно, чем позже сгореть за то, что не доложил.

— Гильдийцы любят деньги, — впервые заговорил Зул.

— А вы разве нет? Но они должны держать свои обещания. Они обещали доставить всех, а доставили только одного, значит, они нарушили контракт и должны нести ответственность. Зул, устройте нашего гостя поудобнее.

Веревку развязали. Трой растирал руки. Рывок и повязка упала ему на шею. Он замигал, ослепленный светом.

— Весьма энергичный молодой человек.

Трой сосредоточил внимание на говорившем. Драгур сидел на необычном кресле: высокая стеклянная плита образовывала спинку и в ней с маслянистой легкостью плавало одно из кошмарных чудовищ, заглядывая через плечо хозяина. Ручками кресла тоже служили аквариумы: в одном находились хищные крабы дорч, в другом — трамджайская рифовая змея. Крышка аквариума с крабами была снята, и время от времени Драгур бросал туда визжащих зверьков, чтобы удовлетворить голод своих любимцев. Это кресло было явно предназначено для того, чтобы вызывать в собеседнике тошноту и отбить у него желание спорить.

На коленях Драгура лежало игольное ружье, поражающее нервную систему. Увидев его, Трой сразу понял, почему гильдиец так охотно и испуганно удалился.

— Вы, должно быть, устали, — продолжал Драгур. — Путешествие длительное и не в очень комфортабельных условиях. Зул, дайте Хорану стул. Вам должно быть в нем удобно. Я верю в комфорт. Ага, вот мои хорошие! Прыг! — он бросил что-то в аквариум с крабами, — Заметили, какая энергия! Какое мужество! Никто не поверит, что крабы способны на такие прыжки. Но я много раз наблюдал, как нужными средствами вынуждали животных или человека намного превышать свои способности...

— Например, с таким ружьем?

Зул принес стул. Трой с удовольствием заметил, что стул не был снабжен аквариумами.

— Очень грубый стимулятор, его следует применять лишь в исключительных случаях. Нет, действие под угрозой наказания и смерти не может продолжаться долго. Человек согласится на все, что угодно, чтобы спастись от боли, когда пройдена критическая точка его сопротивления. У игольных

ружей свое место. Я предпочел бы более привлекательные средства...

— Какие же? — Трой старался не смотреть на прыгающих крабов.

— Например..., — но тут Драгур прервало низкое гудение. Зул с бластером в руках исчез. Драгур направил ствол игольного ружья на Троя.

— Возможно, я ошибался, — сказал он, — и этот случай требует более грубых средств. Сидите спокойно, Хоран. Малейшее движение, и я нажму курок. Вы знаете, какие результаты это вызовет. То же самое я сделаю, если вы закричите. Если у нас не дружественный посетитель, его ждет сюрприз.

Послышались звуки драки, наконец, глухой удар. Трой заметил, что Драгур даже не повернул головы в том направлении: все его внимание по-прежнему сосредоточено на пленнике.

— Действительно, гость, — голос его звучал шепотом. — И, вероятно, попал в одну из наших маленьких ловушек. Скоро узнаем.

Они узнали. Во главе процессии появился Зул. За ним на подгибающихся ногах шел человек, неожиданно получивший заряд станнера. Его поддерживал тот самый гильдиец, который осматривал флиттер Троя в Диких Землях. Но личность пленника поразила Троя.

Рерн!

Точно так же, как они не ожидали увидеть рейнджера в ловушке в пещере Рукава, так же не предвидел и Трой его появления в Тикиле, именно в этом доме.

Драгур осматривал пленника.

— Приветствую благородного охотника! — он произнес эту фразу с саркастическим выражением. — Я не совсем понимаю, почему представитель Клана желает проникнуть в скромный дом через задний ход и без моего приглашения. Зул, стул для моего гостя. Здесь становится многолюдно. — Он взглянул на гильдийца, который усаживал Рерна. — Вы можете быть свободны. Я сообщу вашему Большому Человеку, что вы прекрасно проявили себя. Я полагаю, охотник Рерн, что ваша голова достаточно ясна. Вы заметили и должным образом оценили это маленькое приспособление. — Игольное ружье слегка переместилось и теперь держало под прицелом сразу двух пленников. — Вы нам помешали, — Драгур покачал головой. — У нас тут очень серьезный разговор, охотник.

— Прошу прощения за вмешательство, — это формальная фраза со стороны Рерна. Похоже на то, что если не считать оцепенения мышц, Рерн не утратил самоконтроля.

Драгур задумчиво перевел взгляд с Троя на Рерна и обратно.

Рерн ответил:

— Ваши люди оставили след, по которому легко было идти, горожанин. А мы интересуемся любым следом ведущим из Диких Земель в Тикил.

— Интересуетесь! — Драгур повторил это слово так, как будто вдумывался в него. Его внимание вернулось к Трою, у которого уже был готов ответ. Он не знал, почему Рерн оказался здесь, но не желал иметь ничего общего с Кланом.

— У меня нет связей с Дикими Землями.

— Разделяю вашу уверенность, Хоран. Мне легко проверить, что у вас нет никаких симпатий к властителям Корвара.

— И я не гильдиец.

— Разве я это предполагал? Это просто комментарии фактов. И у вас не может быть никакой привязанности к Дипилу или законам, которые держат вас там. С другой стороны. — он достал из кармана белую карточку, — вот ваше разрешение покинуть этот мир.

— И куда же отправиться?

— На Ворден.

Ответ был неожиданным. Трой почувствовал шок. Потом осторожность, которой он научился за все эти годы, взяла верх над возбуждением. Он надеялся ничем не выдать своего возбуждения и волнения. Он понял, что Драгур, вероятно, самый опасный человек, с которым ему приходилось встречаться: не из—за оружия, что лежало у него на коленях, а из—за того, что это оружие ему не нужно было применять. Агент был прав: существуют другие способы сломать человека, и он эффективно продемонстрировал это на Трое.

— Как? — Трой умудрился произнести это спокойно.

— Допустим, у меня есть...

— Лакомый кусочек для краба? — продолжал Трой. Он боялся гораздо сильнее, чем тогда, когда глядел на ствол игольного ружья.

— Лакомый кусочек, совершенно верно. Ворден находится под юрисдикцией Конфедерации. Хоранам там принадлежит Долина Морозных Пастбищ — прекрасные пастбища, очень плодородная земля. Дом с постройками, сад, превосходные

леса на предгорьях. Прекрасное маленькое королевство для вас, Хозяин Пастбищ. Всадники вашей семьи будут довольны... Какая жалость, столетие роста, и все сметено по приказу человека, даже не принадлежавшего этой планете. Командующий Ди слишком верил своим приказам. Боюсь, вам многое придется начать сначала: тупаны одичали, но их легко вновь взять под контроль. И вам будет позволено выбрать себе Всадников.

— Много обещаний, горожанин? — Трой владел своими чувствами. Каждое слово Драгура действовало на него, как удар хлыста. Он не осмеливался поверить в то, что это правда.

— Я не обещаю тебе того, что не могу выполнить, Хоран.

И Трой поверил ему.

— Корвар — планета Союза. — напомнил ему Трой, испытывая уверенность Драгура с другой стороны.

— Для меня это ничего не значит, — и снова в его голосе звучала убежденность.

— И что вы просите взамен?

— Успешное выполнение одного задания вами, Хозяин Пастбищ. Похоже, что по какому-то капризу судьбы только вы способны общаться с моими бежавшими слугами. Я хочу вернуть их. Вы можете помочь мне в этом.

Вот оно что: выдать животных и получить Ворден. Очень просто.

— У вас особые слуги, — вмешался Рерн.

— Несомненно, благородный охотник. Они — результат многолетних экспериментов. И единственные представители своих видов...

— На Корваре, — в словах Рерна звучал не вопрос, а утверждение. —

Да, пятеро, оставшиеся в Диких Землях, были единственными представителями своих видов на Корваре. Но в других местах, на других планетах, аналогичные орудия использовались агентами Конфедерации.

Драгур слегка шевельнулся.

— Происходящее на других планетах, благородный охотник, не касается Клана. Могу вас заверить, что, как только мои слуги вернутся ко мне, на Корваре подобной деятельности больше не будет. Эксперимент потерпел неудачу, мы вынуждены признать свое поражение и сейчас же отступить.

Трой поверил и в это.

— А животные?

— Они теперь бесполезны. Не думаю, чтобы вы стали колебаться, пожертвовать их жизнью и вернуться на Ворден, а, Хозяин Пастбища?

Трой облизал губы, пересохшие от волнения. Ему пришлось напрячь всю силу воли, чтобы подавить дрожь в руках и ногах.

— Вы не можете быть уверены в том, что я приведу их.

— Нет, но вы — единственный контакт с ними. И я считаю, что мой краб прыгнет за этим кусочком со всей энергией, на какую только способен. Вы не согласны?

— Да! — хрипло ответил Трой. — Да, я согласен! — он увидел, как Рерн повернул голову в его направлении. На его лице появилась гримаса отвращения. Но мнение Рерна сейчас не имело значения. Он должен думать о будущем.

— Видите, как просто можно решать дела? — сказал Драгур, обращаясь к Рерну — Клану незачем вмешиваться, я полагаю, Хозяин Пастбища, животные все еще в Диких Землях?

— Они покинули флиттер перед тем, как ваши люди поразили меня лучом.

— Как легко понять все, если знаешь факты. Хорошо, теперь не о чем беспокоиться. Вы, благородный охотник, по-прежнему будете нашим пропуском для прохода в Дикие Земли. Счастливый случай привел вас сюда вовремя. Поневоле начинаешь думать и верить в древние суеверия, в судьбу. Мы составим охотничий отряд — только Зул, я, вы, благородный охотник, Хозяин Пастбища Хоран и мой гильдиец. Коли все пойдет хорошо, до завтрашней полуночи дело может закончиться. Я уверен, что все мы разумные люди, и никаких препятствий и неприятностей не будет. Он слегка приподнял ствол игольного ружья.

Трой не был уверен, что Рерн заметил этот предупредительный жест. Когда рейнджер ответил, его голос звучал спокойно.

— Спорить не о чем, горожанин. Я к вашим услугам.

— Я и не ожидал другого ответа, благородный охотник. Мы можем отправляться.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Трой не имел представления, как далеко в Дикие Земли они проникли. Как и предвидел Драгур, Рерн легко провел их через патрули Клана. Рассвет превратился в день, а они продолжали двигаться на восток. Трой прислонил голову к стене кабины, закрыл глаза, но не спал.

Правой рукой он снова и снова гладил браслет на левом запястье, прикасаясь к гладкой поверхности плоскости, которую он невольно надел в Рукаве, пока это движение не совпало с ритмом его мыслей.

Флиттер шел на предельной скорости, но, разумеется, мысль летела дальше и быстрее любой машины. Он старался представить себе тот лесной выступ, куда бежали животные — это было несколько часов или дней назад.

Симба... Если бы только он мог связаться с Симбой. Если он только сможет убедить кота, а через него всех остальных прийти на место встречи и там подождать.

Он должен сосредоточиться на предстоящем.

Драгур утверждает, что кроме него никто не способен общаться с животными. Если это так, почему они хотят, чтобы он помог им?

Тело Троя было напряжено. Он не знал, что лицо его угрюмо, а под глазами появились глубокие морщины. Он не знал, что Рерн внимательно и с интересом следит за ним.

Поворот направо, налево, его пальцы скользили по браслету, безмолвный приказ летел вперед. Трой жевал протянутый ему жесткий кусок чего-то съестного, почти не чувствуя остальных в кабине. Он так устал, что лишь силой воли заставлял себя продолжать безответный поиск.

Отчаяние его росло. Должно быть, животные, будучи свидетелями его пленения, не рассчитывают больше на связь с ним.

Ночь застала флиттер далеко над равниной. Драгур не обратил внимания на протесты гильдийца, который вел машину и хотел остановиться на ночь. Но вскоре пришлось сесть.

— Перед нами возникает проблема, — с вежливостью, похожей на насмешку, заявил агент. — Вы на своей территории должны быть связаны. Надеюсь, вы простите нам эту необходимость. Наш юный друг не нуждается в таких ограничениях.

Рерн, связанный по рукам и ногам, не возражал, когда его уложили между Зулом и гильдийцем. Трой, не обращая внимания на окружающее, уснул почти немедленно. Он ворочался, вздыхал, стараясь и во сне выполнить свою задачу.

Звезды над головой бледнели, наступал рассвет того дня, когда они придут в лес. На мгновение Трой вновь ощутил то чувство свободы и вольной жизни, потом это чувство исчезло. Трой не шевелился, лишь рука его бессознательно сжимала браслет, и прикосновение к этому странному металлу подействовало успокаивающе. Он смутно увидел молодые деревца. Под ними — Симба... ждет...

— Жди!

Трой поднял руку и прижал металл Рукава ко лбу. Мысленная картина приобрела резкость.

— Ты идешь?

— Иду, — кратко подтвердил Трой. — Будьте готовы, когда я приду. — Он старался найти нужные доводы, чтобы убедить их придти туда, где приземлится Драгур.

— Итак, вы, наконец, вступили в контакт, Хозяин Пастбищ?

Рука Троя упала со лба. Он хмуро взглянул на агента Конфедерации. Но не было причин отрицать правду. Он сделал, что смог.

— Да. Они будут ждать.

— Прекрасно. Примите мои поздравления, Хоран, вы отлично справляетесь со своей частью договора. Мы отправляем-ся устраивать ловушку.

Трой ел медленно. Теперь все зависело от ответа Симбы, от его влияния на остальных. Если связь между человеком и животными недостаточно сильна, ему просто не поверят, и он полностью потерпит поражение.

Во флиттере он не делал больше попыток связаться с беглецами. Все, что было нужно, он сделал во время утреннего контакта. Либо они ждут, либо нет. То или другое определяет будущее, что именно — он узнает лишь после приземления.

В середине утра, яркого и спокойного, флиттер с безукоризненной точностью коснулся земли на краю леса. Драгур приказал им выйти: ствол игольного ружья был направлен на Троя и Рерна.

— Где же они? — агент смотрел на лес.

— Там, — Трой кивнул.

Да, они все ждали там, в укрытии. Покажутся ли они, это другое дело.

Гильдиец извлек бластер, настроил его на широкий диапазон поражения. Трой сжался, чтобы прыгнуть, если тот коснется курка. Но агент заговорил первым.

— Никакой стрельбы! — выпалил он. — Вначале мы должны убедиться, что они здесь. Выманите их.

— У меня нет прибора, а меня они не послушаются. Я не могу привести их против воли. Могу лишь удержать их на месте.

Секунду или две он боялся, что Драгур откажется вступить в тень деревьев. Но агент, очевидно, понял разумность слов Трой.

— Марш! — вся прежняя вежливость Драгура исчезла. Трой повиновался. Агент с ружьем наготове шел сразу за ним. Хоран обогнул куст и склонился под нависшей ветвью.

— Здесь...

Симба, Саргон, Шеба...

Трой бросился лицом вниз на землю, перевернулся. Драгур закричал. Трой вскочил на ноги и увидел Драгура, размахивающего пустыми руками.

Симба вцепился тремя лапами в плечо агента, а четвертой безжалостно рвал его лицо. Обе лисы острыми клыками хватали агента за ноги.

Трой подхватил ружье, которое выронил Драгур, когда Симба прыгнул на него. Теперь у него было оружие, чтобы встретить прорвавшегося через заросли Зула.

— Стой! Брось оружие!

Глаза Зула расширились. Он неохотно выпустил бластер.

— Ты тоже!

Гильдиец, который подталкивал Рерна, повиновался. Пушистая тень с длинным хвостом выскользнула из укрытия, взяла в пасть бластер Зула, принесла его Трою и вернулась за оружием гильдийца. Драгур руками зажимал кровоточащие порезы на голове и лице. Симба больше не сидел у него на плече, а присоединился к лисам, которые гнали агента.

Ослепленный, кричащий от боли, полностью деморализованный неожиданным и невероятным нападением, агент упал у ног Рерна. Симба фыркнул и в последний раз рванул когтями лицо агента. Рейнджер очнулся от изумления и перевел взгляд от животных к Трою.

— Вы спланировали это? — спросил он голосом, достаточно громким, чтобы перекрыть стоны Драгура.

— Мы спланировали это! — поправил Трой.

Он сунул бластер за пояс, но держал остальных под прицелом ружья.

— Подберите Драгура! — приказал он гильдийцу. — Мы возвращаемся к флиттеру. .

Против игольного ружья никто не спорил. Все направились к флиттеру, позади шел Трой. Он знал, что животные рассыпались по флангам.

— Вы, — Трой кивнул Рерну, — разгрузите запасы воды и продовольствия.

— Вы останитесь здесь? — Рерн не удивился.

— Мы останемся здесь, — вновь поправил Трой, наблюдая, как охотник выносит из флиттера вещи, необходимые, чтобы выжить в Диких Землях. Затем гильдиец, по приказу Троя, оказал первую помощь Драгуру, связал его и усадил в машину. Затем проделал то же самое с Зулом, а затем и сам был связан. Его связал Рерн.

— А как вы полагаете поступить со мной? — спросил Рерн, когда последний житель Тикила оказался в машине.

— Можете забрать их, — Трой поколебался, потом неловко добавил, — Прошу прощения за тот удар по голове в Рукаве.

Рерн спокойно посмотрел на него. Его лицо ничего не выражало, но в глазах сверкала искорка какого-то чувства.

— Вы были правы: нарушитель клятвы не заслуживает уважения.

В этих словах был и какой-то скрытый смысл.

— Ожидавшие были не вашими людьми, а патрульными? — Трой требовал подтверждения позникшего у него подозрения.

— Значит, вы это заметили? — огонек в глазах Рерна разгорелся ярче.

— Видел. У меня было время подумать. — Это было извинение, и Трой хотел, чтобы собеседник это понял, хотя вряд ли существовал путь к настоящему примирению.

— Я вернусь, понимаете?

Трой улыбнулся. Победа опьянила его. Свобода от напряжения последних часов, последних дней действовала ошеломляюще: с этим чувством трудно бороться.

— Как хотите, Рерн. Вряд ли я сравнюсь с вами в знании Диких Земель, но все вместе мы можем поспорить...

— МЫ? — Рерн оглянулся, но не увидел животных. Однако, они все были здесь, даже Сахиба.

— Да, МЫ!

— А как же Ворден?

Улыбка Троя померкла. Такого удара в спину он от Рерна не ожидал. Рука с бластером потянулась к поясу.

— Краб не прыгнул, — ровно сказал он.

— Возможно, была предложена не та наживка, — Рерн покачал головой. — Тут Дикие Земли, а вы не тренированный рейнджер. По нашим законам я не могу помочь вам, если вы только сами не попросите об этом, а это будет означать вашу сдачу. — Он ждал, и как будто на самом деле надеялся получить подтверждение от Троя.

Трой кивнул.

— Я знаю. Отныне вы и все ваши против нас. Только не будьте слишком уверены в успехе, Рерн.

Он следил, как вертикально взлетел флиттер. Затем, перебросив через плечо ремень ружья, увязал припасы.

Заход солнца, восход, ночь, утро — в лесных глубинах солнце приобретало зеленоватый оттенок. Трой знал лишь то, что они по—прежнему направляются на восток. По крайней мере в лесу их не возможно выследить с воздуха. Преследователи должны будут идти пешком, и их легко обнаружат острые чувства животных. Шенг двигался по вершинам деревьев, Симба и лисы широко рассыпались по земле, а Трой нес Сахибу.

Однажды на Сахибу напало какое—то животное, и Трой налету подстрелил его из бластера. Больше им никто не встречался. Трою Дикие Земли не казались угрожающими. Леса вокруг него смыкались, как обширный занавес. И воспоминания о Вордене уносились, как туман над головой. Вместе с животными он жил в новом мире, а Тикил все более становился забытым сном, кошмаром. Единственное, что смущало его, это стремление к другому существу такого же вида, что и он сам.

На пятый день местность стала подниматься. Один или два раза через разрывы деревьев Трой заметил впереди на фоне неба горные вершины. Возможно, что он найдет пещеру. Им понадобится убежище: собирающиеся тучи грозили бурей.

— Люди!

Трой застыл. От неожиданности ему пришлось ухватиться за дерево. Он совсем забыл о возможности преследования. Он услышал крик боли и гнева, крик Симбы, и ощутил страх,

пронзивший его мозг, как копьё. Парализующий луч! Та же сила, что пригвоздила его во флиттере. Но сейчас никакого флиттера не было видно, ни следа преследователей.

— Далеко? — спросил он у разведчиков.

— Выше по склону: они идут нам навстречу, — теперь Трой уловил отдаленные звуки.

Трой попытался подавить начинающуюся панику у животных. Да, ловушка. Но откуда они знают, что Трой и его товарищи выйдут из леса в этом пункте? Или они на всякий случай установили повсюду барьер из парализующих лучей?

У него не было возможности использовать игольное ружье, он даже не мог поднять пуку, чтобы снять с пояса бластер. Они будут ждать приближения врага. Он ощутил горечь во рту.

Сахиба закричала у него на руках. Он знал, что каждый маленький мозг занят решением одной проблемы, которую они не могут решить. И заняты не в одиночку, а совместно.

Трой быстро коснулся мозга всех по очереди. Выбор пал на Симбу. Черный кот, боевая техника которого основана на подкрадывании и мгновенном ударе. Если бы только они могли освободить Симбу! Это была фантастическая возможность. Трой сосредоточил всю силу своего мозга на картине освободившегося Симбы, украдкой убегающего по склону из сферы действия луча. Остальные восприняли эту картину, напрягая всю силу разума.

Струйка пота потекла по щеке Троя. Безумием было надеяться, что мозг может разорвать пути тела. Только из—за того, что они ощутили свободу в прошедшие несколько дней, они могли питать такую безумную надежду. Трой почувствовал себя слабым, истощенным и понял, что они смогут освободить Симбу.

Трой не видел, как черная тень метнулась по склону холма. Не видел этого и человек, управляющий парализующей установкой.

Послышался крик боли, и Трой был освобожден. Он упал на колено и приготовился стрелять.

Выше по склону, из—за скалы, с поднятыми руками появился Рерн. Из травы выскочили Саргон, Шеба, Шенг. Серией прыжков спустился Симба. Снова Трой оказался в их оборонительном кругу.

— Вы сумели освободиться от парализатора! — Рерн спустился ровной походкой, не отводя взгляда от Троя.

— А вы нашли нас, — несмотря на временную победу Трой сознавал, что они потерпели последнее поражение. Дикие Земли для них больше не укрытие.

— Мы нашли вас, — Рерн поднял руку. Еще двое людей начали спускаться по склону, подняв руки. Один был Рогаркил, другой — человек в форме атташе Совета.

Рерн бросил через плечо:

— Вы видели сами.

— Вы недооцениваете опасность! — голос атташе Совета звучал резко и грубо, он тяжело дышал. Было ясно, что он недоволен.

— Опасность относительна, — возразил ему Рерн. — Нож можно переложить из одного пояса в другой, от этого он не утратит остроты.

Охотник говорил с представителем Совета как равный, и, хотя атташе это и не нравилось, здесь, в Диких Землях, он вынужден был мириться с этим. Его рот сжался в неодобрении.

— Я не согласен с вами, охотник!

Рогаркил спокойно возразил:

— Это ваше право, Джентель хомо. Рерн не спрашивает вашего согласия, он просит вас сообщить об этом и чтобы дело внимательно изучили. Я хочу сказать также, что не следует отбрасывать новую вещь только потому, что она незнакома. Нужно проверить, насколько она полезна. Это Дикие Земли.

— И вы здесь правите? Совет это запомнит!

Рогаркил пожал плечами.

— Это тоже ваше право.

Бросив последний взгляд на Троя и животных, чиновник повернулся и зашагал вверх по холму. На вершине к нему присоединилась группа вышедших из—за скалы патрульных. Потом он исчез.

— Мир? — спросил Рерн, улыбаясь.

Трой колебался лишь мгновение, потом убрал ружье. Он побежал к указанному рейнджером убежищу — пространству между двумя наклонными скалами. Убежище было очень мало, а они по—прежнему представляли две группы: с одной стороны Трой и животные, с другой — люди Клана.

— Ему придется кое о чем подумать по пути в Тикил, — заметил Рерн.

Рогаркил кивнул:

— Нам тоже. Когда они примут решение, мы должны быть готовы.

— Почему вы это сделали? — спросил Трой, догадавшись по услышанному, что Клан принял его сторону.

— Потому что мы верны в том, что я только что сказал Хаволу: нож, сменивший ножны, остается ножом, — ответил Рерн. — И может нанести удар своему прежнему владельцу. Кайгер умер из—за личной вражды. И если бы не это, нападение на Совет и Корвар увенчалось бы успехом. Поскольку, его шпионаж был направлен против Корвара, это касается и нас. Наши гости, правители Галактики, должны быть защищены. Как мы говорили вам тем вечером в Тикиле, сохранение нашего образа жизни зависит от комфорта и безопасности гостей. Все, что угрожает им — угрожает Клану.

Если Конфедерация испытает это оружие на другой планете, что ж, это забота Совета. Но здесь этому положен конец. И не думаю, что Кайгер, Драгур или те, что стоят за ними, знали, какие возможности скрываются в изготовленном ими оружии. Что произойдет, когда две или три расы, издавна разделенные, станут работать вместе, как равные, а не как слуги и хозяева.

— И кто лучше сможет изучить эти возможности, чем Клан? — спросил Рогаркил.

Трой напрягся. Слишком многое уже решено. Ему и животным тоже следует предоставить право голоса.

— Прыгнет ли краб на эту наживку, Трой Хоран? — Рерн слегка наклонился вперед, заглушая своим голосом шум бури. — Права рейнджера для вас и для всей вашей компании в обмен на право узнать вас получше. Возможно, это хуже, чем звание Хозяина Пастбищ на Вордене...

Он замолчал. Трой невольно поморщился. Мысли Троя коснулись пятерых. Он не старался убедить их. Решение принадлежало им. А если они не согласятся, то у него оставалось игольное ружье. Ответ пришел. Трой поднял подбородок и посмотрел на рейнджеров с холодным спокойствием, которое за последние дни стало частью его самого.

— Если вы дадите письменную гарантию...

Рерн улыбнулся.

— Осторожность — хорошее качество для человека и его друзей. Что ж, договор имеет силу, пока вы согласны с ним. Готов признаться, что и я хотел бы взглянуть на жизнь кошачьим взглядом, если вы мне позволите присоединиться к вашей компании.

Глаза Троя и Рерна встретились. И Трой вспомнил пещеру, и утес над озером, и голос Рерна, говорящий об этом мире и его очаровании.

— Почему? — он не подумал, что его вопрос, казавшийся ему таким ясным, может оказаться непонятным для остальных. Но его мысль коснулась мысли Рерна, как это было с животными. Тот ответил:

— Мы — люди одного типа, Всадник с равнин.

Рерн посмотрел на животных и добавил:

— В конце концов, мы все будем едины.

— Да будет так! — согласился Трой, зная, что теперь он говорит правду.

ЗВЕЗДНЫЙ ОХОТНИК

1.

Большая луна планеты Нахуатль следовала за маленьким зеленым диском своей спутницы по безоблачному небу, на котором звезды образовывали узор в виде гигантской чешуйчатой змеи. Рас Хьюм стоял на самой верхней террасе Дворца Наслаждений у бордюра из ароматных, но колючих цветов. Но почему же, собственно говоря, он думал о змее? И вдруг он понял почему! Древняя ненависть человечества, которую оно захватило с собой с родной планеты к самым далеким звездам, была злом, которое и символизировала извивающаяся на земле змея. И Науха—Васс ассоциировался со змеей.

Поднявшийся ночной ветерок шевелил листья дюжины экзотических растений, которые были искусно высажены здесь, на террасе, чтобы создать впечатление джунглей.

— Хьюм? — вопрос, казалось, раздался из пустоты.

— Хьюм, — тихо повторил он свое имя.

Луч света, достаточно яркий, чтобы ослепить его, пробился через сплошную стену растительности и осветил ему путь. Хьюм на мгновение замешкался, задумавшись. Васс был Повелителем Царства Теней, но это был совсем другой мир, не тот, в котором жил Рас Хьюм.

Он решительно вышел в коридор, который образовался для него между листьями и цветами. Гротескная маска свалилась на него из Линии Бит Тарзала. Черты ее лица были порождением чужого искусства. Тонкие нити вились из ноздрей маски, и Хьюм вдохнул аромат наркотика, который он так хорошо знал. Он улыбнулся. Такое средство производило сильное впечатление на обычного штатского, которых Васс принимал здесь, в своей святыне. Но на звездного пилота, который к тому же еще был и звездным охотником, такие средства не оказывали никакого воздействия.

Потом он подошел к двери, которая тоже была украшена резьбой, но на этот раз в земном стиле, как подумал Хьюм — очень древняя, может быть, до космического века, Мильфорс Васс на самом деле мог быть настоящим землянином, и у него

были все предки с Земли, а не только одни родственники в третьем или четвертом звездных поколениях, как у большинства людей на Нахуатле.

Помещение, находящееся за этой, покрытой искусной резьбой дверью, представляло разительный контраст с остальным. На его гладких стенах не было никаких украшений, кроме овального диска, отблескивающего золотом. Длинный стол был сделан из массивного рубинового цвета камня, Ксипы, ядовитой планеты, сестры Нахуатля. Хьюм подошел прямо к столу и сел, не ожидая приглашения.

Овальный диск, конечно, был экраном видео. Хьюм только мельком взглянул на него, а потом нарочно отвернулся в сторону. Эта первая беседа должна была состояться лично. Если через несколько секунд Васс не появится, ему снова придется прийти сюда.

Хьюм надеялся, что он не покажется невидимому наблюдателю человеком, внешность которого поражала слишком сильно. В конце концов, он был тем, кто хотел что-то продать, и его положение, несомненно, было несколько затруднительным.

Рас Хьюм положил правую руку на стол. Здоровый коричневый цвет его кожи отражался на полированной крышке стола и рука эта почти не отличалась от его левой руки. Почти незаметная разница между настоящей плотью и ее имитацией все же была, но эта разница ни в коей мере не сказывалась на подвижности ее пальцев и силе. И именно из-за этого он не смог стать командиром фрахтовика или пассажирского корабля, и это дискредитировало его как звездного пилота, больно задев его гордость. Вокруг его рта пролегли горькие морщины, словно вырезанные лезвием ножа.

Он был отверженным уже четыре года по местному времени — с тех пор, как стартовал на «Ригал Ровере» с Трассы на Саргоне—2. Он считал, что это будет недолгое путешествие с юным Торсом Вазалитц и, кроме того, охватывающей и Гратц. Он не стал вступать в спор с владельцем, так как не был уверен, что кораблю грозит опасность. «Ригал Ровер» совершил в Клоксбурге аварийную посадку, и тяжело раненный пилот выжил только благодаря своей надежде и силе воле.

Он получил искусственную руку — самую лучшую, которую только мог ему предоставить медицинский центр — и пенсию. А потом голубое письмо, потому что Торс Вазалитц умер. Компания не осмелилась объявить Хьюма из-за этого

убийцей, потому что бортовой журнал был немедленно конфискован Космическим Патрулем, а в нем содержались доказательства, которые нельзя было сфальсифицировать или истолковать по-другому. Итак, наказать его они не могли, но они могли обеспечить ему медленное умирание. Он все заявлял, что о Хьюме, как о пилоте, и речи больше быть не может. Они пытались вообще запретить ему выходить в космос.

Может, это и удалось бы им, будь он обычным пилотом и знай он только одну эту профессию. Но он все время испытывал какое-то беспокойство, которое все время побуждало его добиться зачисления в каждый полет вновь открытого мира. Кроме того, среди людей в исследовательских отрядах было очень мало квалифицированных пилотов его класса, располагавших такими обширными знаниями об окраинах Галактики.

Итак, когда Хьюм понял, что он больше не может рассчитывать занять место на корабле регулярных линий, он примкнул к Гильдии Космических Охотников. Была большая разница между вождением космических кораблей на трассах регулярных линий, и кораблей с жадными до сенсаций Охотниками — отпускниками, которые готовили специальные полеты на дикие глухие миры, чтобы там можно было охотиться на крупного зверя. Хьюм считал насмешкой связанную с этим исследовательскую работу, и он ненавидел то, что каждую десятую часть клиентов Гильдии составляли школьники и школьницы.

Но если бы он не поступил на службу в Гильдию, он никогда бы не сделал находки на Дмумале. Это огромная удача! Палец Хьюма непроизвольно согнулся, и его ноготь царапал по красной поверхности стола. Где же был Васс? Хьюм уже было хотел подняться и выйти, когда золотистый овал на стене затуманился, и вещество его превратилось в туманную дымку, из которой вышел человек.

По сравнению с бывшим пилотом этот человек был невысок, но у него были такие широкие плечи, что верхняя половина его тела казалась непропорционально огромной по сравнению с его узкими бедрами и короткими ногами. Он был одет чрезвычайно старомодно и, кроме того, на груди его туго облегающей тело рубашки из серого шелка на уровне сердца был прикреплен усыянный драгоценными камнями орден. В противоположность Хьюму он не носил никогда пояса с оружием, но Хьюм не сомневался в том, что в помещении было

спрятано множество устройств, которые предотвратили бы любое нападение.

Человек из диска говорил тихим невыразительным голосом. Его черные волосы над ушами были выбриты, а на макушке были уложены в виде птичьего гнезда. Его кожа, так же как и кожа Хьюма, была сильно загоревшей, но это, как показала пилоту, был не космический загар, а естественный, солнечный. Черты его лица были резкими, и нос его выдавался вперед. Под его скошенным лбом под тяжелыми темными веками горели черные глаза.

— Итак... — он вытянул обе руки и положил ладони на поверхность стола, жест, которому Хьюм, сам того не сознавая, подражал. — Вы делаете мне предложение?

Но пилот не торопился с ответом. Театральное появление Васса произвело на него мало впечатления.

— У меня есть идея, — сказал он наконец.

— Есть много идей, — Васс откинулся в своем кресле, но руки со стола не убрал. — Но только в одной из тысячи находится что-то полезное. Остальные же не стоят того, чтобы заниматься ими.

— Верно, — тихо ответил Хьюм. — Но одна идея из тысячи может принести миллионы, если попадет к нужному человеку.

— И у вас есть такая идея?

— Да, — теперь Хьюм должен был вызвать у Васса полное доверие. Он уже обдумал все возможности. Васс был тем нужным человеком, может быть, он был тем единственным партнером, который был ему нужен. Но Васс об этом не должен знать.

— На Джумале? — снова спросил Васс.

Его пристальный взгляд и это утверждение не входили в план Хьюма, и эффект был утрачен. Разузнать, что он только что вернулся с этой планеты было не так уж и сложно. Для этого не требовалось никаких особых талантов.

— Может быть.

— Я благодарю вас, Хьюм, мы оба люди долга, а теперь не время играть в словесные прятки. Или вы сделали находку, которая настолько ценна, что моя организация ж заинтересуется ей, или нет. А ценна она или нет, предоставьте, пожалуйста, решать мне.

Ну вот, пришло время все решать. Но у Васса был свой собственный кодекс. У хозяина была власть в его незаконной Организации, основанная на твердых правилах. Одним из этих

твердых правил было всегда быть корректным со своими теперешними партнерами. И благодаря этому Космический Патруль до сих пор не справился с Вассом, не заманил его в ловушку, потому что партнеры Васса, работавшие с ним, никогда не продавали его. Если поступало дельное предложение, Васс становился партнером, и он всегда придерживался заключенного договора.

— Некто, кто притязает на наследство в линии Когана — этого хватит?

На лице Васса не показалось даже следов удивления.

— И в каком отношении этот некто может оказаться ценным для нас?

Хьюм великолепно расслышал это «нас». Первый раунд выиграл он.

— Если мы сможем спасти этого «некто», за это можно потребовать вознаграждение — а это может быть большое вознаграждение.

— Правильно. Но его нельзя высосать из пальца. Все права на это вознаграждение будут проверены и выплывут все фальшивые данные. Тот же, кто действительно попал в такое положение, не будет нуждаться ни в вашей, ни в моей помощи.

— Это зависит от того, кто он.

— Некто, кого вы нашли на Джумале?

— Нет, — Хьюм медленно покачал головой. — На Джумале я нашел кое— что другое. Спасательный бот с «Ларго Дрифта» — целый в хорошем состоянии. По—видимому, спасшиеся после катастрофы совершили на нем посадку.

— А доказательства того, что спасшиеся живы до сих пор, они у вас есть?

Хьюм пожал плечами.

— С тех пор прошло шесть местных лет. Там, где находится бот, теперь лес. Нет, в настоящий момент у меня нет доказательств.

— «Ларго Дрифт», — медленно повторил Васс. — Среди прочих на его борту была и миссис Тарли Коган—Броуди.

— Вместе со своим сыном, Ринчем Броуди, которому в то время, когда исчез «Ларго Дрифт», было четырнадцать лет.

— Вы действительно сделали ценную находку, — из этого простого замечания Васса Хьюм заключил, что он победил. Его идея была принята и теперь рассматривалась самым изощренным умом по крайней мере пяти звездных систем, разлагая все это на детали, о которых сам он никогда бы и не подумал.

— Есть ли какая—нибудь вероятность того, что спасшиеся еще живы? — Васс перешел прямо к сути проблемы.

— Никаких доказательств, что пассажиры остались в живых, нет. Да, спасательный бот совершил посадку. Вы же знаете, что спасательные боты полностью автоматизированы, и через определенное время после сигнала об аварии они сами отчаливают от корабля. На борту бота могли быть спасшиеся, но я три месяца был на Джумале—сопровождал исследовательскую команду Гильдии—и не обнаружил никаких следов потерпевших кораблекрушение.

— Итак, вы предлагаете...

— Я предлагаю выбрать Джумалу для проведения сафари. Спасательный бот может быть совершенно случайно обнаружен одним из его участников. Каждый знает историю. Наконец, по постановлению земного суда, об этом случае сообщено по всему сектору Десять. Десять лет назад миссис Броуди и ее сын не представляли ни для кого никакого интереса. Сегодня же, когда им по наследству принадлежит почти треть Коган—Борс—Вазалитц К, мы можем рассчитывать на то, что каждая находка, так или иначе связанная с «Ларго Дрифтом», произведет шум на всю Галактику.

— И кто, по вашему предложению, мог выжить? Броуди? Хьюм покачал головой.

— Юноша. Кроме того, о нем говорят, что он был достаточно разумен и мог изучить «Книгу для потерпевших кораблекрушение». Он мог уцелеть и вырасти в глуши этой отдаленной планеты. С женщиной дело сложнее.

— Вы совершенно правы, но нам понадобится очень искусный человек.

— Я так не думаю, — глаза Хьюма встретились с глазами Васса.

— Нам понадобится молодой человек нужного нам возраста и нужной нам внешности, а также климатическая установка.

Выражение лица Васса не изменилось. Он ничем не выдал, что понял предложение Хьюма. Но когда он встал, в его по—прежнему монотонном голосе что—то изменилось.

— Вы, кажется, уже все обдумали и все знаете.

— Я человек, который прислушивается ко всему и во всех мирах, — ответил Хьюм. — И если моих ушей достигает какой—то слух, я не всегда считаю его чистым вымыслом.

— Это верно. Как член Гильдии вы всегда интересовались источниками всех распускаемых слухов, — произнес Васс. — Кажется, вы сами уже разработали не один план.

— Я всегда ждал случая, подобного этому, — ответил Хьюм.

— Ах, да, Коган—Борс—Вазалитц К хотела выместить на вас свою досаду. Но я вижу, что вы тоже человек, который ничего так легко не забывает. Я это тоже понимаю. Я тоже, знаете ли, предрасположен к этому. Я не забываю своих врагов и не прощаю им ничего, даже если иногда кажется, что я простил им все.

Хьюм принял это предупреждение к сведению — каждая сделка, естественно, должна быть выгодной для обеих сторон. Васс на мгновение замолчал, словно ему понадобилось время на то, чтобы собраться с мыслями. Затем он продолжал:

— Молодой человек с подходящей внешностью. У вас уже есть определенное представление о том, каким он должен быть?

— Я уже думал об этом, — больше Хьюм не сказал ничего.

— Он должен иметь некоторые воспоминания о своем прошлом — потребуется некоторое время, чтобы подготовить их.

— Все, что касается Джумау, я смогу обеспечить.

— Да, вы должны обеспечить нас пленкой, на которой записаны все справочные данные об этом мире. Об обеспечении его памятью о собственной семье я позабочусь сам. Интересный проект, не говоря уже о ценностях, которые он собой представляет. Мои эксперты будут рады работать над ним.

Эксперты, психотехники — у Васса они были. Люди, пре-ступившие грань закона, присоединялись к организации Васса и приживались в ней. Там были и техники, которые достаточно опустили для того, чтобы разработать такой проект ради своего собственного удовольствия. На мгновение, но на долгое мгновение, в Хьюме что-то восстало против такого проекта. Потом он пожал плечами.

— Когда вы хотите начать?

— Как долго продлятся приготовления? — спросил Хьюм.

— Месяца три—четыре. Нужно навести некоторые справки и подготовить материал. Может быть, пройдет даже месяцев шесть, прежде чем Гильдия пошлет сафари на Джумалу, — Васс улыбнулся. — Это не должно заботить нас. Когда придет время сафари, клиенты у вас будут, клиенты, которые закажут Гильдии именно такое сафари.

Хьюм знал, что так и будет. Влияние Васс достигало таких мест, где о нем самом совершенно не было известно. Да, он мог рассчитывать на то, что благородных клиентов будет достаточно для того, чтобы обнаружить Ринча Броуди, когда для этого настанет время.

— Я могу помочь вам найти нужного молодого человека сегодня вечером, но куда прислать его?

— Вы уверены, что сможете сделать верный выбор?

— Он выполнит все ваши требования. Возраст подходит, его внешность тоже. Юноша, исчезновение которого никто и не заметит, который не имеет никаких родственников, никаких связей, и, если он исчезнет, это никого не беспокоит.

— Очень хорошо.

— Возьмите его сейчас, отправляйтесь туда. — Васс вытянул руку над крышкой стола. На красном камне на несколько секунд вспыхнул адрес. Хьюм посмотрел на него, запомнил и кивнул. Это место было в городе при космопорте. Адрес, который можно было найти в любое время, не спрашивая никого, где находится это место. Он встал.

— Он будет там. Идите туда завтра, — добавил Васс. Его рука снова протянулась над столом, и на нем появился другой адрес. — Там вы можете начать работу над вашей лентой. Вам для этого, наверное, потребуется некоторое время.

— Я готов. Кроме того, я еще должен подготовить сообщение для Гильдии, я должен получить в свое распоряжение все мои заметки.

— Отлично, охотник Хьюм, я приветствую своего нового партнера, — правая рука Васса, наконец, поднялась со стола. — Нам должно повезти, если мы приложим для этого все свои усилия.

— Повезет, если мы приложим все свое желание, — сказал Хьюм.

— Очень хорошо сказано, охотник. Удача — как результат нашего желания.

2.

«Звездопад» был совсем других размеров, чем Дворец Удовольствий Главного Города. Здесь тоже предлагались редчайшие запрещенные удовольствия, потакающие всем порокам, но не настолько экзотические, как те, что предлагал Васс.

Здесь было все для экипажей грузовых звездолетов, которые могли просаживать здесь за один вечер все жалование за весь рейс. Опыняющие ароматы террас Васса здесь были просто запахами, не более.

В этот вечер уже произошли две дуэли со смертельным исходом. Офицер—механик с пограничного корабля настоял на том, чтобы урегулировать разногласие во мнениях с помощью смертельно опасного бича, сделанного из кожи лежащей ящерицы с Фланго, поединок, которого не выдержал ни один из дуэлянтов. Один из них был мертв, другой лежал при смерти. И еще: бывший солдат Космической Гвардии с посеченным шрамами лицом убил Звездного Торговца из своего излучателя.

Юноша, получивший задание привлечь жертву в глухом переулке, должен был передать ее там. Но теперь он медленно входил в ресторанчик. Его лицо было болезненно зеленым, и рука его была прижата к животу.

Он был худым, почти истощенным, и тонкие скулы на его лице обтягивала туго бледная кожа. Его ребра ясно были видны под дешевым сукном его одежды. Когда он прислонился спиной к грязной стене и повернул голову вверх, к свету, его волосы блеснули, как свежеочищенный каштан. Для работы, которую он исполнял, он действительно выглядел достаточно неухоженным и беззащитным.

— Эй, ты, Лензор! — Юноша вздрогнул, словно тела его внезапно коснулось ледяное дуновение ветра. Он вытаращил глаза. На его худом лице они были непропорционально огромными, и цвет их был странным — не зеленого и не голубого цвета, а нечто среднее.

— Эй, есть работа! Я не хочу, чтобы ты был здесь гостем. Сделаешь ее, я тебе заплачу, — солариен, стоящий возле него, говорил на космическом эсперанто без акцента, и было странно слышать слова, выходящие из его желтого рта. Поросшая мехом рука сунула юноше в руки автомателу, и когтистый палец ткнул в том направлении, где, очевидно, надо было навести чистоту. Вай Лензор старательно выпрямился, взял метлу и оскалил зубы в улыбке.

Кто—то пролил стакан Крог Кардо, и пурпурная жидкость уже оставила на полу пятна, свести которые было очень непросто. Но юноша все же, взяв бесполезную метлу, принялся за работу и засосал в нее, по крайней мере, часть жидкости.

Испарения Кардо, смешивающиеся с обычными запахами в этом помещении, вызвали у него дурноту.

Он побледнел, работая в каком—то оцепенении, и не заметил человека, сидевшего в одиночестве в нише, пока его метла не наткнулась на одну из девиц. Та выругалась громким голосом на языке Альтар—Интар и ударила его ладонью по щеке.

Удар, который был для него совершенно неожиданным, отбросил его к открытой решетке у входа в нишу. Он попытался удержаться на ногах, когда чья—то рука схватила его. Он вздрогнул, попытался освободиться от хватки, но понял, что тот, кто схватил его, его уже не отпустит.

Он поднял глаза. Человек был одет в форму матроса космического флота, и на том месте, где должен был находиться значок компании, форма была немного темнее. Итак, в настоящее время этот человек не был на службе на линии какой—нибудь компании. Но, хотя его форма была потертой и испачканной, и его сапоги с магнитными подковами были поношены и нечищены, он чем—то отличался от остальных, которые в данный момент наслаждались удовольствиями «Звездопада».

— Вы сердитесь на него? — птицеподобная фигура вормианца, привратника и вышибалы «Звездопада», в сознании своей силы протискивалась через толпу. Его силу не мог игнорировать никто, если только он не напился до слепоты, глухоты и бесчувствия. Его шестипалая рука, покрытая чешуей, протянулась к Лензору, и юноша непроизвольно отпрянул назад.

— Нет, оставьте его, — в голосе мужчины, сидевшего в нише, прозвучали нотки, по которым было видно, что с обладателем этого голоса шутить не стоило. Потом его голос снова зазвучал нормально, хотя и несколько замедленно. — Он похож на моего старого товарища по корабельной службе. Оставьте его. Мне теперь необходимо выпить с моим старым товарищем. — Рука, поддерживающая Вая, слегка нажала и усадила его на второй стул за столиком в нише. Ее крепкая хватка никак не вязалась с голосом мужчины. Глаза вормианца переместились с посетителя «Звездопада» на этого жалкого уборщика, потом он усмехнулся и сказал прямо в ухо Ваю:

— Если господин хочет, чтобы ты пил, тогда пей!

Вай торопливо кивнул и приложил руку к губам. Он боялся, что сейчас его желудок взбунтуется. Он с опаской взглянул на вормианца. Только тогда, когда его широкая серо—зеленая

спина исчезла в дымных испарениях таверны, он осмелился перевести дыхание.

— Ну! — хватка руки на его локте ослабла, но теперь в руку его сунули кружку. — Пей!

Он хотел отказаться, но понял, что это было бесполезно, и ему понадобились обе его руки, чтобы поднести кружку к губам. Он с отвращением глотнул жгучую жидкость. Но действие ее оказалось совсем не таким, как он ожидал. Вместо того, чтобы вызвать дурноту, она прояснила его голову, и, наконец, он смог расслабиться.

Когда кружка опустела почти наполовину, он отважился поднять глаза на человека, и тот тоже взглянул на него. Нет, это был не обычный матрос космического флота, и он не был пьяным, как он хотел показать это вормианцу. Теперь он наблюдал за публикой, наполняющей заведение, хотя Вай был убежден, что от этого человека не ускользало ни одно движение, которое делал он сам. Вай опустошил кружку. Впервые с тех пор, как он уже в течение двух месяцев приходил сюда, с ним обращались как с человеком. Он был достаточно умен, и ему стало ясно, что напиток, который он только что выпил, содержал какое-то возбуждающее средство. Но в данный момент ему было совершенно все равно. Любое средство, которое в течение нескольких секунд могло уничтожить весь страх, отчаяние и позор, испытываемые им в «Звездопаде», стоило того, чтобы его выпить. Почему чужак дал ему этот напиток, было для него загадкой, но в это мгновение он был доволен, и ему не нужно было никаких объяснений.

Лензор снова ощутил побуждающее нажатие руки незнакомца. Они вместе вышли на прохладный показавшийся Ваю очень приятным воздух улицы. Едва они прошли один квартал, как незнакомец остановился, но не отпустил своего пленника.

— Все сорок имен Дудора! — выругался он.

Лензор ждал, жадно вдыхая холодный утренний воздух. Самоуверенность, которую придал ему этот таинственный напиток, все еще не покидала его. В настоящий момент он знал только, что не могло быть ничего хуже того, что он пережил раньше, и ему хотелось терпеливо перенести все, что захочет от него этот странный посетитель «Звездопада».

Незнакомец ударил ладонью по кнопке вызова воздушного такси и подождал, пока городской глайдер не опустится перед ними.

Из кабины воздушного такси Вай видел, что они приближаются к столице, оставив за собой чадный портовый город. Он подумал о том, что могло быть их целью, но ему ничто не говорило об этом. Потом машина опустилась на посадочную платформу.

Чужак жестами велел Лензору пройти через дверь в короткий коридор и войти в комнату. Вай осторожно опустился в пенорезиновое кресло, выдвинувшееся из стены, когда он приблизился к ней. Он, широко раскрыв глаза, огляделся вокруг. И лишь смутно мог представить себе помещение, обставленное с таким комфортом, как это, и он не помнил, видел ли он такое помещение когда-нибудь на самом деле или это было всего лишь порождением его буйной фантазии. Это были фантазии, которые Вай выдумал во время своей мрачной городской жизни в детстве, а потом он пронес их через то место, где он работал, и которое он потерял, потому что не смог приспособиться к тупой механической жизни оператора—вычислителя. Эти фантазии были его якорем и одновременно увертками, пока он, наконец, не опустился на самое дно и не стал все время толкаться около «Звездопада».

Теперь он вжал обе свои руки в мягкий белый пластик кресла и удивленно смотрел на маленькое трехмерное фото на стене напротив — крошечная сценка из жизни на другой планете, где животное с расчерченным черными и белыми полосами мехом подкрадывалось к паре длинноногих короткокрылых птиц, которые как кроваво—красные пятна выделялись на фоне желтых кустов под бледно—фиолетовым небом. Он некоторое время с удовольствием рассматривал это цветное великолепие и радовался чувству свободы и чудесам далекого мира, которые навевала на него эта сценка.

— Кто вы?

Неожиданный вопрос незнакомца вырвал его из грез и напомнил ему не только, где он находится, но и о его затруднительном положении. Он облизал губы языком.

Вай. Вай Лензор, — а потом добавил:

— СК 425, 061! ...

— Воспитанник общества, не так ли? — мужчина нажал кнопку, заказав себе освежающий напиток, и теперь медленно прихлебывал его. Но он не заказал второго стакана для Вая. — Родители?

Лензор покачал головой.

— Меня подобрали после эпидемии пятичасовой лихорадки. Они даже не стали регистрировать нас, потому что нас было очень много.

Мужчина наблюдал за ним через край своего стеклянного стакана. В его глазах был холод, нечто такое, от чего хотелось укрыться, хотя мгновение назад он чувствовал себя в полной безопасности. Теперь мужчина поставил свой стакан на стол и пересек комнату. Он провел рукой по своему подбородку и поднял голову юноши таким образом, что тот внезапно почувствовал отвращение и страх. И все же внутренний голос говорил ему, что сопротивление доставит ему еще больше неприятностей.

— Землянин первого или, по крайней мере, второго поколения, — он говорил это скорее сам себе, чем Ваю. Он, наконец, отпустил голову юноши, но все еще стоял перед ним и рассматривал его сверху вниз. Лензору хотелось вскочить, но он подавил этот импульс и приготовился выдержать взгляд незнакомца, если тот снова уставится на него.

— Нет... нет, ты не принадлежишь к обычному портовому сброду. Я говорю это тебе сейчас ... — теперь он снова взглянул на Вая и вдруг вспомнил о том, что юноша тоже может думать, обладает чувствами и тоже является личностью. — Хотите, я дам вам работу?

Лензор вжал руки в подлокотники кресла, пока не побелели костяшки его пальцев.

— Что... что это за работа? — он одновременно и рассердился, и устыдился слабости своего голоса.

— У вас есть какие-нибудь сомнения? — чужак, казалось, считал это весьма забавным.

Лицо Вая покраснело, но одновременно он был удивлен тем, что мужчина в поношенной форме космонавта верно понял его колебание. Кто же из обычных поберушек у «Звездапада» будет колебаться, получив такое предложение? Да и сам он, собственно, не понимал, почему он колеблется.

— Ничего нелегального, это я могу вам обещать, — мужчина поставил свой стакан в пустую нишу. — Я — звездный охотник.

Лензор кивнул. Все это казалось ему чудом. Чужак с нетерпением наблюдал за ним, ожидая от него какой-нибудь реакции.

— Вы даже можете взглянуть на мои документы, если хотите.

— Я уже верю вам, — Вай, наконец, снова обрел голос.

— Мне нужен именно такой человек, как вы.

Но это не могло быть правдой! Нет, это невозможно. Он, Вай Лензор, воспитанник общества... накипь портового города. Такого с ним еще не случалось, самое большее, такое могло быть только в мечтах, вызванных ядовитым дымом, а наяву с ним такого еще никогда не было. Все это было сном, от которого он никак не мог пробудиться, по крайней мере, ему этого не хотелось.

— Вы готовы поступить ко мне на службу?

Вай попытался ухватиться за реальность, собрать вместе все свои пять душ. Помошник звездного охотника! Девять или десять мужчин отдали бы много золота за один такой шанс. Ледяная рука сомнения снова сжала его сердце. Ничтожеству из космопорта почти невозможно стать помошником охотника Гильдии.

Казалось, чужак снова прочитал его мысли.

— Посмотрите—ка, — внезапно сказал он, — мне тоже пришлось однажды взяться за грязное дело, и вот уже год, как я здесь. Вы мне кое—кого напоминаете, и перед этим кое—кем я хочу исполнить свой долг. Помогая вам, я смогу сделать это.

Уже почти совсем угасшая надежда Вая вспыхнула с новой силой. Если звездный охотник был приверженцем религии Мата, это все объясняло. Если вы не отблагодарите за доброе деяние, которое вам было совершено, то будет плохо, так как Весы Вечности обязательно должны быть уравновешены другим добрым деянием. Юноша немного успокоился, и у него внезапно появились ответы на множество незадаанных вопросов.

— Итак, вы принимаете мое предложение?

Вай отчаянно закивал.

— Да, да! — Он все еще не мог поверить своему счастью.

Чужак снова нажал кнопку, и на этот раз он протянул один из стаканов с освежающим напитком Лензору.

— Выпьем за это, — его слова прозвучали как приказ.

Лензор выпил. Содержимое стакана влилось в его рот, и он внезапно понял, насколько он ослаб. Он откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

Рас Хьюм взял пустой стакан из расслабившихся пальцев юноши. Все шло великолепно. До сих пор, казалось, счастье было на его стороне. Казалось настоящим везением то, что он, начав поиски «наследника», три ночи назад зашел в «Звездо-

пад». И Вай Лензор был лучшим, чем он мог этого ожидать. У юноши был нужный цвет кожи и такая несчастная судьба, что он проглотил первую же его историю, и теперь с ним будет легко ладить. И как только он попадет в руки техников Васса, он станет Ринчем Броуди, наследником одной трети Коган—Ворс—Вазалитц К.

— Пойдемте! — он потряс Вая за плечо. Юноша раскрыл глаза, но, когда он поднялся, взгляд его был пустым. Хьюм взглянул на свои часы, показывающие местное время. Было еще очень рано. Риск, на который он шел, выводя Лензора из дома, был незначителен, если они выйдут именно сейчас. Он взял юношу за локоть и вывел его на посадочную площадку. Воздушное такси ждало их. Хьюм чувствовал себя как игрок, попавший в десятку, когда он усадил юношу в глайдер, заложил в автопилот маршрут следования и поднял машину в воздух.

На следующей улице он вместе со своим подопечным пересел в другое воздушное такси и на этот раз указал действительно нужный ему адрес неподалеку от того места, на которое указал ему Васс. Сразу же после посадки он ввел Вая в маленькую прихожую с несколькими табличками, на которых были имена и фамилии. Он отыскал нужную кнопку и сразу же понял, что его отпечатки пальцев, которые он оставил на столе в конференц—зале Васса, были зарегистрированы и использованы в качестве «Сезам, откройся!». Под фамилией на табличке вспыхнул огонек, стена справа от него замерцала, и он внезапно увидел дверь, находившуюся перед ним. Хьюм направил туда Вая и кивнул ожидавшему там мужчине. Это был Эвкориец, который, очевидно, принадлежал в касте посыльных, и теперь он принял посланного к нему Лензора.

— Я возьму его, сэр, — голос эвкорийца был так же невыразителен, как и его лицо. Стена снова замерцала, и экран исчез.

Хьюм провел рукой по бедру и осознал, как груба была материя формы космического матроса. Когда он покинул прихожую, морщины раздумья резко иссекли его лоб.

Глупо! Бродяга из самой грязной норы во всем космопорте. вероятно, парнишка не прожил даже и года, если бы и дальше находился в таком окружении. В сущности, он даже сделал доброе дело, дав ему шанс на будущее, которое едва ли может присниться ему или кому—нибудь еще из миллиардов ему подобных. Если бы Вай Лензор знал, что ему предстоит, он,

вероятно, сам бы притащил Хьюма сюда. Нет, конечно, этому юноше никогда и в голову не приходили подобные мысли. Ему еще никогда не выпадала такая удача — еще никогда!

Для Вая это дело почти не представляло никакого риска. Он должен только провести на Джумале в одиночестве один день. Это произойдет тогда, когда люди из Организации Васса высадят его там, а прибывшая туда группа Хьюма «найдет» его. Хьюм сам проследит, чтобы к этому времени его подготовили, обучили всему необходимому, что он должен знать, и в этом ему поможет опыт звездного охотника Гильдии. Таким образом, Ринч Броуди получит все знания, которые ему необходимы, чтобы выжить в этой глуши. Хьюм уже составлял в уме письмо, которое ему понадобится. Потом он вышел на улицу.

3.

Его голова тупо болела. Это было первое, что он заметил. Не открывая глаз, он повернулся и ощутил на щеке что-то мягкое, и приятный запах ударил ему в нос.

Он открыл глаза и взглянул на выкрошившуюся скалу, вырисовывающуюся на фоне безоблачного зелено-голубого неба. Казалось, что в его мозгу включилось какое-то реле.

Конечно, он пытался с помощью приманки выманить хищника из норы и подскользнулся. Ринч Броуди повернулся и сначала попытался пошевелить своей голой тонкой рукой, а потом своей длинной ногой. Ни одна кость не была сломлена и, несмотря на это — он наморщил лоб — это потеря сознания...

Он подполз к маленькому ручейку и погрузил голову и плечи в воду, чтобы как можно быстрее прийти в себя. Он встряхнулся, и капли воды упали на его голую грудь, потом он осмотрел свои охотничьи приспособления.

На мгновение он остановился, ощупывая каждый клочек своей одежды. Он помнил каждый час своего занятия или той борьбы, которая была необходима для того, чтобы заполучить материал для сумки, пояса или кусок шкуры для одежды. И все же у него было странное ощущение необычности, которое не относилось ко всему этому.

Ринч покачал головой и вытер рукой мокрое лицо. Все это принадлежало ему. каждая частичка этого. Ему повезло, что у него оказалась «Настольная книга для потерпевших кораблекрушение», которую он прихватил со спасательного бота и

которая так помогла ему. Этот мир ничем не угрожал человеку — если быть осторожным.

Он встал, ослабил сеть, сложил ее и взял в одну руку, а крепкое копьё — в другую. Позади него шевельнулся куст, и, хотя ветер дул с противоположной стороны, Ринч замер и перехватил свое оружие, чтобы, если будет необходимо, мгновенно воспользоваться сетью и копьём. Плеск воды заглушил его ворчание.

Нечто ярко—красное, хотевшее прыгнуть ему на горло, запуталось в сети. Ринч дважды ударил это существо, которое в длину было больше его. Водяная кошка примерно годовалого возраста. Ее когти в судорогах смерти глубоко вонзились в почву.

Ее глаза почти такого цвета, как и ее мех, сверкали смертельной ненавистью.

Ринча снова охватило ощущение, что он увидел здесь что—то чужое, совершенно неизвестное ему, и все же он уже много лет охотился на водяных кошек. К счастью, они жили поодиночке, эти звери ревниво охраняли свои охотничьи угодья от других кошек, и поэтому во время дальних переходов встречались сравнительно редко.

Юноша нагнулся, чтобы взять свою сеть. Потом он снова опустился на колени и сполоснул лицо. А затем напился, сложив ладони лодочкой и зачерпывая ими воду.

Ринч пошатнулся и прижал ладони к вискам, чтобы хоть немного ослабить боль, которая угрожала расколоть его череп. Он сидел в комнате, пил из стакана — все это было похоже на странную картину, наложенную на существующие в действительности ручеёк, скалы и кусты. Он сидел в темноте и пил из стакана — это было важно!

Резкая колючая боль прогнала туманную картину. Он взглянул себе под ноги. Из песка под скалой выползли полчища синие—черных маленьких существ с твердыми тельцами, вооруженных вытянутыми когтистыми конечностями, синие антенны — их органы осязания — дрожали над их головами. Эти существа окружили мертвую кошку.

Ринч начал яростно молотить вокруг себя и, спасаясь, бросился в воду. Два существа вцепились ему в лодыжки, больно оцарапав их. Черный поток маленьких существ уже принялся за труп. Через несколько секунд от хищной кошки остались только дочиста обглоданные кости.

Ринч схватил свое копье и сеть и вместе с ними погрузился в воду, чтобы избавиться от напавших на него существ. Потом он перешел ручей вброд, стараясь оставить как можно дальше те места, где он убил кошку.

Немного позже между двумя скалами он спугнул четвероное существо и убил его одним ударом своего копья. Он ловко освеживал его и осмотрел кожу. Был ли это очень грубый мех, или это была чешуя? Им снова овладело то же странное чувство.

— Мне кажется, — думал он, поджаривая кусочки вкусного мяса, нанизанные на ветку, — что какая—то часть моего мозга очень хорошо знает, какого зверя я только что убил. И все же во мне есть какое—то другое «я», которое этого не знает и с удивлением рассматривает окружающий меня мир.

Он был Ринчем Броуди и вместе с матерью путешествовал на борту «ЛЯРГО ДРИФТА».

Его память автоматически нарисовала ему стройную женщину с узким лицом и искусно уложенными черными волосами, в которых сверкали бесчисленные драгоценные камни. Тут было что—то не так, его память подводила его. И его голова начинала болеть сильнее, когда он пытался четче припомнить то время. А потом — спасательный бот и мужчина...

Симмонс Тейт!

Тяжело раненный офицер. Он умер, когда спасательный бот совершил здесь посадку. Ринч все еще хорошо помнил, как он завалил камнями мертвое тело Тейта. Потом он остался один, один с «Настольной книгой для потерпевших кораблекрушение». У него также остались некоторые припасы из спасательного бота. Самое важное, чего он никогда не должен забывать — это то, что его зовут Ринч Броуди.

Он слизнул жир с пальцев. Колючая боль в его голове удручала его. Он свернулся клубочком на нагретом солнцем песке и заснул.

Но спал ли он на самом деле? Глаза его снова открылись. Небо над ним теперь не было голубым светом, на нем проявились признаки приближающегося вечера. Ринч поднялся, его сердце забилося так быстро, словно он бежал наперегонки с ветром, который теперь свистел вокруг его почти обнаженного тела.

Что он здесь делает? И где он вообще находится?

Он почувствовал, что рот его пересох, а ладони его были мокры от пота. Он вжался в песок. Внезапно перед его мыслен-

ным взглядом возникла другая картина... Он сидел в комнате с незнакомым человеком, и они что-то пили, а перед этим он находился в каком-то другом помещении, освещенном ярким светом и наполненном противными запахами.

Но он был Ринчем Броуди, он был юношей, оказавшимся на борту спасательного бота, он похоронил офицера корабля, он справился с этим и выжил, потому что воспользовался спасательными средствами, оказавшимися в боте. Сегодня утром он охотился на хищника, выманив его из убежища с помощью приманки и веревки...

Руки Ринча закрыли лицо, и он опустил на колени. Все это было так, он мог доказать это — он мог это доказать! Там, позади него была нора хищника, там, где-то на холме, где он оставил свое сломанное копьё. Если он сможет найти нору, он узнает, было ли все это на самом деле.

Но ему снился очень реальный сон — это было так!

И почему ему все время снится это помещение, этот мужчина, этот стакан! Он из того места, залитого светом и пропитанного запахами, которое он ненавидел?

Все это никогда не было частью воспоминаний Ринча Броуди.

До самых сумерок он шел вверх по реке назад, к маленькому столбику, где он очнулся после падения. Укрывшись в кустарнике, он пригнулся и прислушался к звукам чужой планеты, шорохам проснувшихся ночных существ, которые приняли эстафету от дневных существ.

Он должен был подавить чувство паники, когда ему стало ясно, что, хотя он и смог узнать некоторые из звуков, но другие оставались для него загадкой. Он впился зубами в костяшки сжатых в кулак пальцев и попытался внести ясность в свои мысли. Он тотчас же понял, что этот тонкий крик был криком стаи древесных существ с кожистыми крыльями и что это кашляющее хрюканье у реки было звуком, принадлежность которого он не смог идентифицировать.

— Ринч Броуди — «ЛАРГО ДРИФТ» — Тейт, — он почувствовал на своих губах сладковатый привкус крови. Было похоже, что он хочет откусить свою собственную руку, когда он произнес эти слова сам для себя. Потом он вскочил. Его нога запуталась в сети, и он снова упал наземь. Его голова ударилась о выступающий корень.

Ничто осязаемое не могло его достать в этих кустах. Когда он выполз из своего убежища, чтобы осмотреться, он обнару-

жил это существо, которое не смог бы идентифицировать ни один представитель его расы. Ни тело, ни дух его были ему не знакомы, и это вызывало в нем какое-то чужеродное ощущение.

Он осторожно рассмотрел это. Потом он испуганно отпрянул, чтобы послать сообщение. И тут это что-то, о котором он сообщал, и которое представляло собой такую прочную вещь, что его не смогла изменить даже пустыня, было единственным ответом, подтверждающим давно уже полученный им приказ.

Он снова установил связь и теперь тщетно пытался выполнить этот приказ. Где же ему найти приемлемый выход... где в его мозгу должен находиться этот мостик... его охватил хаос впечатлений, которые, как защитная стена налагались на спящее «я» чужака.

Вторгшийся в мозг спящего попытался найти какой-то образец, какие-то объяснения — но, озадаченный, отступил назад. Но его проникновение, оставшееся незамеченным, разрубило в мозгу какой-то узел и проложило какой-то путь...

Ринч очнулся, когда уже забрезжило утро. Он медленно рассортировывал шумы, запахи и мысли. Там были помещение, мужчина, страх, а тут был он, Ринч Броуди, который уже в течение многих лет живет в этой глуши, для которой не существует даже карт. Теперь это мир окружал его, он мог чувствовать его ветер, слышать его звуки, ощущать его вкус, осязать его.

Это был не сон — то, другое, было сном. Так и должно быть!

Но он должен доказать себе это. Найти спасательный бот, след которого он отыскал вчера, найти место, где он упал и где он должен был находиться до сих пор. Там, позади него, был склон, на который он должен был выйти. Потом он должен найти нору, которую он исследовал, когда на него свалилось это несчастье.

Но только он не обнаружил ничего. Хотя его мозг нарисовал ему детальную картину того места, где он обнаружил хищника. Но когда он достиг склона, он нигде не обнаружил выброшенной земли. Ни норы, ни какого-либо другого следа. И все же его память сказала ему, что он вчера был здесь.

Может быть, он где-то упал, а потом, шатаясь, пошел дальше и упал во второй раз?

Но какой-то внутренний голос возражал против этого. Это было именно то место, где он вчера снова пришел в сознание, но тут не было никакой норы!

Ринч отвернулся от реки, и дыхание его участилось. Нет норы — тогда, может быть, нет никакого спасательного бота? Должен же быть хоть какой—то след.

Там было одно увядшее растение, которое было сломано чем—то тяжелым. Он нагнулся, чтобы осмотреть его листья. Здесь что—то произошло. Кто—то здесь прошел. Юноша пошел по следу. Его взгляд охотника впился в почву. Примерно через полчаса он нашел несколько странных, полустертых следов на траве, которая была достаточно эластичной, чтобы сохранить их довольно долго.

Ринч знал, где он находился, но он не знал, как сюда попал. Перед его мысленным взором все четче проявлялась картина — тонкая ракета, ее корпус, когда—то серебристый, а теперь потускневший от ветра и дождя, стояла между деревьев. И он нашел ее!

Что—то снова зашевелилось на границе его сознания. Что—то ощупывало его, изучало его. Лес тихо шептал, призывая его. Ринч чувствовал мимолетные мысли деревьев. Желание увидеть, что находилось под их сенью, стало непереносимым.

Несколько секунд он был захвачен своими собственными проблемами. Все намеки и влечения были заглушены.

Чем дальше удалялся Ринч равномерными шагами на восток, тем все эти события становились все более отдаленными, подобно тому, как включается реле, включился второй комплекс вложенных в него приказов.

* * *

Высоко над планетой Хьюм колдовал над экраном и, наконец, на нем появилось изображение далекого континента с меридиальными внутренними морями. Они должны были быть в западной части континента. Его климат и его географическая широта так же, как и его поверхность, подходили лучше всего. Координаты места их посадки давно уже были заложены в автоматику управления.

— Это Джумала.

Он не оглядывался, но хорошо знал, какое действие произвела картина на телеэкране в рубке управления корабля Гильдии на четырех других мужчин. В это мгновение ему пришлось приложить немало усилий, чтобы унять свое нетерпение. Малейшая ошибка могла возбудить подозрение и разрушить все их планы. Может быть, три клиента, выбранные Вассом, и

были замешаны в чем — то, но они, несомненно, не знали, в чем заключается истина, когда он сделает на Джумале эту находку — они не должны знать этого, чтобы не причинить вреда всему предприятию.

Четвертый мужчина, участвующий в экспедиции в качестве носильщика, был человеком Васса, посланным на тот случай, если Хьюму придет в голову пойти на попятный.

Сумерки коснулись западного края континента, и он должен был посадить свой космический корабль на расстоянии одного дня похода от затерянного в джунглях посадочного бота. Недолгая экскурсия в этом направлении была первой логической целью его группы. Им не должна была бросаться в глаза преднамеренность этой находки, и было достаточно средств и путей, чтобы направить группу охотников в нужном для его собственных целей направлении... Согласно плану, два дня назад их «потерпевший кораблекрушение» и высажен здесь и оставлен в этой местности спостгипнотическим приказом. В этом, конечно, был известный риск. Было рискованно оставлять его одного на дикой планете, вооруженного лишь примитивным оружием, которым он мог, в случае чего, воспользоваться, но избежать этого было нельзя.

Они совершили посадку — Хьюм позаботился о том, чтобы снаряжение экспедиции было распаковано. Тут были машины и аппаратура, обеспечивающая защиту и некоторый комфорт для его клиентов. Он открыл последний вентиль куполообразной надувной палатки и критически наблюдал, как небольшой рулон пластика превращается в устойчивое при любой погоде сооружение с искусственным климатом.

— Теперь вы можете войти, сэр, — сказал он, обращаясь к маленькому человеку, который огромными глазами любопытного ребенка рассматривал странный ландшафт.

— Отлично, охотник. Эй, что это такое? — Голос его прозвучал довольно громко, и он указал на восток.

4.

Хьюм взглянул туда. Конечно, была возможность, что «Броуди» видел их прибытие, пришел сюда, сберег им много времени, избавил их от множества трудностей, сыграв свою роль обрадованного и спасенного ими потерпевшего кораблекрушение. Но, взглянув в указанном направлении, он не уви-

дел ничего, что могло бы привлечь внимание. Далекие горы были похожи на черно—голубые кулисы. В их предгорьях и на низких холмах растительность была так густа, что сами они на таком расстоянии казались черными. На плоской равнине преобладал зелено—голубой цвет, который тянулся до самой реки. Где—то там находился спасательный бот.

— Я ничего не вижу! — это прозвучало так раздраженно, что маленький человечек поглядел на него почти оскорбленно. Хьюм с трудом подавил улыбку.

— Что вы там увидели, мистер Старис? Здесь вообще нет никаких очень крупных животных. — Это был не зверь, охотник. Скорее блик света — скорее так, — снова заговорил мистер Старис.

— Солнце, — подумал Хьюм. — Может быть, оно отразилось от борта бота.

Он знал, что маленький космический корабль был так густо оплетен лианами, что его почти не было видно. Но, конечно, слой этой защитной маскировки мог быть разорван. Если это было именно так, можно было удовлетворить любопытство Стариса. Он идеально подходил для такой находки.

— Странно, — Хьюм вытащил свой полевой бинокль. — Где вы видели это, сэр?

— Там, — в третий раз указал Старис.

Если он и в самом деле там что—то видел, то теперь это исчезло. Но этот блик находился в нужном направлении. На пару секунд Хьюм обеспокоился. До сих пор все шло так великолепно...

— Может быть, это просто солнце, — произнес он. — Вы думаете, это был просто блик солнца. Но этот свет был очень яркий. И здесь нет никаких отражающих поверхности, не так ли?

Да, все это произошло слишком быстро. Может быть, Хьюму стоило удвоить свою предусмотрительность, но он решил, что эти люди и не подозревают, что ему что—то известно о существовании спасательного бота. Если они найдут спасательный бот с «ЛАРГО ДРИФТ», а вместе с ним и Броуди, юристы повсюду поднимут громкий крик, полдюжины дальних родственников будут оспаривать его полчищность и будет проведено детальное расследование. Своих трех клиентов он должен будет использовать как беспристрастных свидетелей.

— Нет, мне тоже неизвестно ничего, что могло бы послужить отражающей поверхностью в этом первобытном лесу,

сэр, — улыбнулся он. — Но мы на охотничьей планете, и не все формы жизни здесь уже исследованы.

— Вы имеете в виду разумную расу туземцев, охотник? — Чембрисс, самый надменный из всей группы, подошел к нему.

Хьюм покачал головой.

— Нет, сэр, только не на этой охотничьей планете. В этом убеждаются, прежде, чем открыть планету для сафари. Но птица или какое—нибудь другое существо с крыльями, может быть, перья или чешуя с металлическим отливом, которые отразили свет солнца. При некоторых обстоятельствах они могут дать яркий блик. Такое уже было.

— Но эта вспышка действительно была очень яркой, — с отчаянием в голосе произнес Старис. — Мы можем попозже посмотреть, что это было.

— Бессмысленно! — Чембрисс равнодушно махнул рукой, как человек, который привык к тому, что его желания всегда осуществляются. — Я прибыл сюда, чтобы подстрелить водяную кошку, и никто не сможет отговорить меня от этого. А вы в этом лесу не найдете абсолютно ничего.

— Мы распланируем время, — объяснил Хьюм. — У каждого из вас есть обусловленное контрактом время, чтобы добыть определенный трофей. Вашим трофеем будет водяная кошка, сэр. И вы, мистер Старис, хотите сделать трехмерный снимок этого кота—дракона. Мистер Иктизи хочет попытаться счастье с удочкой. У каждого для этого есть один день. И кто знает, может быть, вы найдете свой трофей во время охоты своих коллег.

— Вы совершенно правы, охотник, — кивнул Старис. — И так как два моих коллеги решили охотиться на водных животных, мы должны отправиться к реке.

Потребовалось два дня, чтобы подготовиться к экскурсии в лес. Хьюм хотел было запротестовать, но осторожность взяла верх. Он взглянул на трех своих клиентов, которые возились со своими чемоданами и ящиками, на доверенного человека Васса, чей взгляд блуждал между лесом и Старисом. Может быть, этот малыш действительно видел там что—нибудь? — спросил себя Хьюм.

Лагерь был готов, поселок из семи куполообразных палаток, расположившийся неподалеку от корабля. Но, по крайней мере, клиенты не считали, что в обязанности охотника входит исполнение всех тяжелых работ. Все трое усердно помогали ему, а доверенный Васса спустился к реке, через некоторое

время вернулся с полудюжиной выловленных и нанизанных на палку серебристых рыбешек, которых он хотел поджарить на автопечке.

Костер в лагере, собственно, и не был нужен, разве что для того, чтобы установить дружескую атмосферу. И всем он доставил удовольствие. Хьюм нагнулся, чтобы подбросить в огонь топлива, и Старис пододвинул ему пару больших веток.

— Вы говорите охотник, что на планете, открытой для сафари, никогда не бывает разумного населения. Как может ваш отряд исследователей установить это с полной уверенностью, если они сами никогда не исследуют планету? — его голос звучал педантично, но его интерес был несомненен.

— При помощи психодетекторов, — Хьюм сидел, скрестив ноги, перед костром, и его искусственная рука лежала на коленях. — Пятьдесят лет назад мы должны были проводить довольно длительные исследования, чтобы установить, свободен ли этот мир, или нет. Сегодня мы доставляем приборы в особые исследовательские центры. Разумные существа обязательно проявляют психическую активность какого-либо вида, и наши приборы засекают ее.

— Великолепно! — Старис держал свои неуклюжие руки над пламенем с видом человека, который чувствует не только тепло горящего дерева, но огонь дает ему также защиту от сил ночи. — Итак, вы хотите сказать, что если есть разумные существа, как бы мало их ни было, вы все равно сумеете их обнаружить, и ни одно не ускользнет от вас?

Хьюм пожал плечами.

— Может быть, одно—два и ускользнут, — улыбнулся он. — Но до сих пор мы еще не обнаружили ни одной планеты такого типа, на которой были бы разумные существа.

Иктизи покачал головой.

— Вы правы, это очень интересно, — он был стройным мужчиной с редкими серыми волосами и темной кожей. Вероятно, в нем смешалась кровь многих человеческих рас. Глаза его глубоко утопали в глазницах, так что при свете костра было трудно увидеть их выражение. — И у вас до сих пор не было ошибок?

— Мне они не известны, — ответил Хьюм. Он на протяжении всей своей жизни полагался на машины, находящиеся в руках человека и, соответственно, им созданные — и он полагался на них во всем. Он знал эффективность психодетекторов и видел их в действии. В штаб—квартире Гильдии не было

сведений о том, что они когда—нибудь ошибались, следовательно, он готов был считать их непогрешимыми.

— Раса, населяющая моря, вы уверены, что ваши машины смогут обнаружить ее присутствие? — снова спросил Старис.

Хьюм рассмеялся.

— Во всяком случае, на Джумале ее нет, в этом вы можете быть уверены, моря здесь маленькие и мелкие. Туземцы, которых детекторы не смогут засечь, должны обитать на большой глубине и никогда не выходить на сушу. Итак, здесь нам нечего бояться никаких неожиданностей. Гильдия не идет на риск.

— Как вы в этом уверены! — сказал Иктизи. — Уже поздно. Я хочу пожелать вам доброй ночи, — он встал, чтобы отправиться в свою собственную палатку.

— Да, действительно! — Старис взглянул на огонь и тоже встал. — Итак, завтра утром мы охотимся у реки?

— На водяных кошек, — кивнул Хьюм. Он учитывал нетерпеливость Чембрисса. Может быть, будет лучше, если он первый получит свой трофей.

Ровальд, связанной Васса, ждал у огня, пока трое других не разошлись по своим палаткам.

— Завтра берег реки? — спросил он.

— Да, мы не должны слишком сильно торопиться.

— Верно, — Ровальд всегда говорил кратко, когда клиентов не было поблизости. — Только не затягивайте слишком надолго. Не забывайте, что наш юноша бродит где—то здесь, поблизости. И, в конце концов, он может погибнуть, прежде чем эти неуклюжие гуляки отыщут его.

— Это риск, на который мы шли с самого начала. Мы просто не должны вызывать никакого подозрения. Иктизи обладает очень острым умом, и Старис тоже не дурак. У Чембрисса в голове нет ничего, кроме его водяной кошки, но и он может доставить нам большие неприятности, если ему кто—нибудь что—нибудь расскажет.

— Но если мы будем ждать слишком долго, это может вызвать гнев хозяина. Васс не любит, когда что—нибудь идет не так.

Хьюм пошевелился. В мерцающем свете лагерного костра лицо его было призрачно. — Я тоже не люблю этого, Ровальд. Я тоже не люблю! — Он произнес это очень тихо, но в его голосе слышалась холодная угроза.

Но Ровальда было не так—то легко запугать. Он усмехнулся.

— Не спеши, не спеши. Вам нужен был Васс, и вот я здесь, чтобы присмотреть за тем, чтобы все шло хорошо. Это очень важное предприятие, и мы не хотим, чтобы оно провалилось. — Я уже позаботился о том, чтобы все было в порядке! — Хьюм подошел к столбу, по обеим сторонам которого прбегали красные полосы пламени. Теперь весь лагерь, и палатки, и корабль, был окружен силовым полем: обычная защита лагеря сафари на чужой планете, мера предосторожности, которую Хьюм принял чисто автоматически.

Он долго стоял около столба и через невидимый барьер глядел на темный лес. Ночь была темна, низко нависшие облака скрыли звезды, и это значило, что, вероятно, должен пойти дождь. Но теперь было не время сетовать на погоду.

Где—то там, снаружи, находился Броуди. Хьюм надеялся, что юноша уже давно достиг лагеря, который с такой тщательностью создали для него. Спасательный бот и каменная могила, все это выглядело так, словно находилось тут уже много лет, все было сработано до мельчайших подробностей.

Может быть, это было не так уж и необходимо для того, чтобы обмануть членов сафари. Но когда сообщение об их находке достигнет других миров, сюда придут другие люди, великолепные следопыты, пережившие кораблекрушение, боровшиеся за свою жизнь. Его собственное обучение, которое он прошел в Гильдии, и способности техников Васса должны были помочь ему пройти все проверки.

Что же видел Старис? Отражение солнца от стабилизаторов спасательного бота? Хьюм медленно вернулся к костру и увидел, как Ровальд направился ко входу в корабль. Он улыбнулся. Действительно ли Васс думает, что он будет так глуп и не поймет, что его человек находится на постоянной связи со своим работодателем? Теперь Ровальд сообщит, что они совершили посадку и что игра началась. Хьюм спросил себя, какими же окольными путями это сообщение дойдет до того, кому оно предназначено?

Он потянулся, зевнул и пошел в свою палатку. Утром они должны найти для Чембрисса водяную кошку. Хьюм выбросил из своей головы мысли о Броуди и сосредоточился на том, как ему найти добычу для своих клиентов.

Лампочки в палатках гасли одна за другой. Внутри круга, огороженного силовым полем, спали люди. В середине ночи пошел дождь. Капли падали на стенки палаток и загасили последние искры костра.

Из ночи выползло нечто, не призрачное, но и не материальное, оно было совершенно чуждо людям со звезд. Но барьер, предназначенный для того, чтобы защитить лагерь от ночных животных, был гораздо более надежен, чем считали его создатели. И нападавший ничего не мог поделывать—одна сила натолкнулась на другую. Потом «оно» отступило и исчезло также незаметно, как и появилось.

Но это существо, у которого не было разума в том смысле, как это представляет себе человек, обладало способностью исследовать этот барьер. Силовое поле было зарегистрировано и исследовано. Первая попытка была неудачной. Теперь все уже было готово ко второй в гораздо большей степени, чем месяц назад, когда эти существа появились здесь в первый раз и разбудили Древнего Стража Долины.

Глубоко в темноте леса на склоне горы что—то двигалось. Существа бормотали во сне, бессознательно восставая против приказа, которого они хотя и не понимали, но беспрекословно повиновались ему. Когда забрезжило утро, все войско собралось и пошло в новое наступление не на лагерь, а на того единственного, кто остался без защиты. На юношу, который спал в узкой норе между корнями дерева — дерева, которое не упало, когда спасательный бот совершил посадку.

Хьюму снова повезло. Когда забрезжило утро, дождь снова прекратился. Небо было в облаках, но он считал, что днем облака должны разойтись. Дико несущийся поток воды в реке поможет Чембрису в его поисках. Обычно убежище водяных кошек были на берегу, но если уровень воды поднимался, они покидали их. Если охотники пойдут вдоль реки, они легко могут найти следы одной из водяных кошек.

Они отправились в путь. Хьюм шел впереди, вплотную позади него следовал Чембрисс. Ровальд, следуя древней традиции, замыкал группу. Чембрисс взял с собой игольное ружье. Старис, несмотря на то, что он слегка нервничал, был без оружия и взял с собой только голографическую камеру, пристегнув ее к узкому кожаному ремню. Иктизи взял с собой электроудочку, которая находилась в сумке у него на поясе, хотя Хьюм и обратил внимание на то, что из—за быстроты течения рыбачить в глубоких местах было нельзя.

Недалеко от лагеря они наткнулись на несомненный след, который могли оставить широкие лапы водяной кошки. Следы отпечатались так четко, что Хьюм понял, что зверь должен

был находиться неподалеку от них. Отпечатки были глубокими, и расстояние между ними было длиной в руку.

— Достаточно велика! — удовлетворенно воскликнул Чембрисс. — И эти следы идут прочь от реки!

Хьюм задумался. Водяные кошки с красным мехом, хотя и вылезали из своих нор, но они обычно никогда по своей воле не отходили так далеко от воды. Он поднялся на холмик и осмотрел ровное пространство между рекой и далеким лесом.

Трава была достаточно высока, чтобы укрыть животное таких размеров. Там, впереди, были два куста. Оно легко могло спрятаться там и ждать преследователей — но почему оно это делало? Оно не было ранено, не могло испугаться их — у него не было совершенно никаких оснований быть в засаде.

Старис и Иктизи немного отстали, и Старис сделал снимок своей камерой. Ровальд остановился. Он вытащил свой пулевой пистолет, когда Хьюм махнул ему рукой. Каждое действие, которое противоречило повадкам животного, сразу же казалось охотнику подозрительным.

Хьюм спустился с холмика и пошел по следам. Они были все свежее и свежее. И они все еще вели к лесу. Еще раз махнув рукой, он последовал за Чембриссом. Тот тотчас же прислушался. Несмотря на все свое любопытство, Хьюм оставил след и пошел в обход, пока не достиг такого места, с которого мог наблюдать за кустами. никаких признаков животного, только следы, ведущие в лес. И если они пойдут по ним дальше, они быстро наткнутся на спасательный бот.

Он решил рискнуть. Когда ближайшее дерево оказалось не более чем в двух метрах от него, рука человека внезапно поднялась вверх, и Чембрисс указал, в какой куст он хочет выстрелить.

Но это бесформенное нечто, цвет которого только с трудом можно было отличить на фоне растительности, не было водяной кошкой. Прозвучал тонкий, внезапно оборвавшийся вскрик. Потом существо отползло назад и исчезло в кустах.

— Черт побери, что же это было? — спросил кто-то.

— Я не знаю, — ответил Хьюм, пожав плечами, и приблизился на несколько шагов. Потом он вытащил иглу от ружья Чембрисса из ствола дерева. — Но больше не стреляйте хотя бы до тех пор, пока не будете точно знать, в кого вы целитесь.

5.

Влага от ночного дождя повисла в ветвях и мелкими капельками осела на коже Ринча. Он лежал на толстой ветке и старался перевести дух. И он все еще слышал эхо удивленного крика, который донесся до него со стороны людей, что шли по лесу к высоко вздымающемуся стабилизатору посадочного бота.

Он попытался понять, почему он бежал от них. Это были представители его собственной расы, они избавят его от одиночества этого мира, в котором он сам был единственным человеческим существом.

Но этот высокорослый человек — человек, который вел группу к прогалине, где находился спасательный бот... Ринч дрожал, иглы дерева царапали его кожу. Когда он увидел этого человека, его явь и сон внезапно снова смешались, и он ударился в паническое бегство. Это был человек из комнаты — человек со стаканом!

Когда биение сердца юноши успокоилось, он смог связно обдумать все происшедшее. Сначала он не смог найти нору хищника. Потом следы на почве, на том месте, где он упал, и спасательный бот — они были тут, как он их помнил. Но неподалеку от маленького корабля он обнаружил еще кое-что — лагерь с убежищем из лиан и ветвей, а в нем пожитки, которые, может быть, собрал какой-то переживший кораблекрушение.

Этот человек вернется — в этом Ринч был уверен, но он слишком выдохся, чтобы бежать дальше.

Да, ответ на все загадки был связан с этим человеком. Если теперь он вернется на поляну, где находится спасательный бот, он рискует быть захваченным в плен — но он должен все узнать. Ринч очень внимательно обследовал окрестности. Его следы отпечатались во мху между деревьями. Но, может быть, отсюда есть другой путь. Он осмотрел ветви соседних деревьев.

Но путь был только один. Ринч вздрагивал, и на спине его выступил холодный пот, когда он вспугивал какого-нибудь древесного обитателя. А потом он установил, что на месте падения бота были и другие.

Он прижался к стволу дерева, когда увидел круглое нечто, которое находилось на дереве под ним. Он был уверен, что это существо, по крайней мере таких же размеров как и он сам,

если бы он тоже мог свернуться таким образом. Грозные когти существа сказали ему, что это существо могло быть очень опасным противником.

Но оно не делало никаких попыток преследовать его, и у Ринча вспыхнула надежда, что оно только охраняет свое убежище. Не спуская глаз со странного шара, юноша медленно отступил, шаг за шагом тщательно всматриваясь в чужое существо на тот случай, если оно решит покинуть свое место. Но оно не двигалось с места, и он осмелился спуститься на землю, чтобы обойти ствол, как вдруг услышал сверху какой-то звук. Теперь он взглянул в направлении лагеря.

В жалком укрытии, в котором только что находился этот шар, на который он смотрел, теперь скрывалось другое существо! Только это существо больше не скрывалось среди листьев. У него были четыре конечности, его длинные руки достигали согнутых коленей, и по внешнему облику оно несколько напоминало человека, если у человека мог быть такой густой мех.

Голова его начиналась сразу же от плеч, словно у этого существа была очень короткая шея, или ее не было совсем. Голова его по форме напоминала грушу, удлинённый конец которой терялся между плеч. Глаза и нос находились на ее широкой части, и огромный рот дополнял эту карикатуру на человека.

Глаза его были похожи на черные отверстия, и в них нельзя было различить ни зрачка, ни радужины, ни белков. Нос представлял собой черную, совершенно круглую трубку, выступающую сантиметра на три. Существо это было гротескным, черным и жутким, но оно не делало ни одного враждебного движения. Оно не поворачивало своей головы, и Ринч не знал, видит ли оно его или нет.

Но оно знало, что Ринч был тут, в этом он был уверен. И оно ждало... кого?

Секунды шли одна за другой, и Ринч начал думать, что оно ждало не его. Он храбро ухватился за лиану и снова вскарабкался на дерево.

Минутой позже он обнаружил, что здесь находятся по меньшей мере два таких существа, следящих за лагерем, и что линия их постов проходит между ним и долиной, где находится спасательный бот. Он отступил подальше в лес и начал высматривать окольный путь, который вывел бы его из окружения. Теперь ему хотелось бы присоединиться к людям его собствен-

ной расы, преследовавшим его, независимо от того, были ли эти мужчины его возможными врагами или нет!

Между тем животные все плотнее окружали долину. День уже клонился к вечеру, когда он спустился на несколько миль вниз по течению реки. Покинув лес, он больше не видел ни одного из этих животных. Он надеялся, что они по своей воле не станут покидать деревья, где они могли укрыться в листве.

Ринч выбрался на берег реки и заполз за куст, чтобы из этого укрытия наблюдать за прилегающей местностью. Тут находился космический корабль, нос которого был направлен в небо, а неподалеку от него располагалось несколько куполообразных палаток. В центре круга, образованного палатками, пылал костер, у которого сидело несколько мужчин.

Теперь, оставив позади себя лес и животных, Ринч хотел подойти поближе, но все время колебался, не решаясь покинуть свое убежище, подойти к костру и попросить выручить его из того положения, в которое он попал.

Человек, которого он искал, стоял возле костра и только что одел нечто вроде куртки, на груди которой был прикреплен маленький ящичек. Он взял игольное оружие. Судя по жестам, которые видел Ринч, он хотел навязать свое решение остальным. Но потом покачал головой и стал ходить от тени к тени. Один из мужчин следовал за ним, но когда они дошли до столба, который находился у палаток, они остановились и один из них исчез в темноте.

Ринч пригнулся за одним из кустов. Мужчина направился к реке. Узнали ли они о его присутствии здесь и хотели найти его? Но подготовка, которую проделал этот великан, была обычной подготовкой к патрулированию.

Животное! Может, мужчина хотел выследить его? Но это было бессмысленно. Ринч пропустил человека и следовал за ним, пока лагерь не остался так далеко позади, что другие не могли помешать ему, и он растегнул куртку!

Руки Ринча сжались в кулаки. Он понял, что было действительностью, а что было сном! Мужчина должен знать это, и он скажет это ему!

Но он упустил чужака из поля своего зрения. Он, казалось, оставшись один, растворился в темноте. Внезапно Ринч услышал плеск воды неподалеку от своего убежища. Мужчина из лагеря решил воспользоваться для передвижения рекой.

Несмотря на всю свою осторожность, Ринч почти выдал себя, когда он обогнул куст, находящийся ближе к воде. Он рос

наполовину на берегу, наполовину в русле реки. В последнюю секунду тихий шорох сказал ему, что мужчина взобрался на плавающий обломок дерева.

Ждал ли он его? Ринч замер. Он был так поражен, что в первое мгновение ничего не мог понять. Потом до него дошло, что он видит силуэт чужака, который с каждым мгновением становился все четче и светлее.

Его окружало бледно—голубое сияние. Шевельнулась тень руки, сияние замерцало и рассыпалось крошечными искорками.

Ринч взглянул на себя самого — теперь эти искорки двигались вокруг него, покрывая его руки бедра и грудь. Он снова отступил в кусты, а искорки все еще окружали его. Но теперь их сияние было недостаточно ярким, чтобы кто—нибудь мог увидеть его. Ринч видел, как искры парили над растениями, вокруг ствола дерева, на котором сидел мужчина, вокруг камней и кустов. А вокруг чужака рой их был таким густым, словно тело его притягивало их как магнит. Он все еще махал рукой, и искры все еще двигались, и было достаточно светло, так что Ринч увидел, что пальцы другой руки чужака что—то делают с ящичком, который был укреплен у него на груди.

Потом пальцы перестали манипулировать с кнопками на ящичке, и Ринч осмелился поднять голову. Он услышал постепенно затихающий звук. Не крик животного — а что?

Пальцы чужака снова забегали по кнопкам ящичка. Может быть, таким образом чужак передавал кому—то сообщение? Ринч наблюдал, как он проверил прибор на своем поясе и положил игольное оружие на сгиб руки. Потом мужчина покинул берег реки и направился к лесу.

Ринч вскочил, и губы его шевельнулись, чтобы предупредить чужака, но он не издал ни звука. Он мелкой рысью побежал за чужаком. Было еще достаточно времени, чтобы остановить мужчину, прежде чем он подвергнется опасности, поджидающей его под деревьями.

Но чужак был осторожен, словно он понимал, что его ждет. Он медленно крался в северном направлении и тщательно избегал невысоких кустов, встречающихся ему на пути. Он пока еще двигался по открытой местности, и Ринч не отважился приблизиться к нему.

Они двигались параллельно кромке леса и, наконец, достигли второй реки, в которую впадала первая. На этом месте

мужчина присел между двух камней, и все указывало на то, что он намеревается задержаться там на некоторое время.

Ринч нашел место, с которого он хорошо видел чужака.

Крошечные искорки собрались в облачко и повисли над камнями. Но Ринч, мудро предвидев это, спрятался за куст, и аромат его листьев должен был удержать искры, которые теперь повисли над его наблюдательным постом туманным мерцающим облачком.

Наконец он заснул, а когда проснулся, уже наступил солнечный день. Он снова удивился. Что—то здесь было не так. Он видел зелено—голубое небо вместо четырех грязных стен.

Потом он вспомнил и испуганно вздрогнул. Он рассердился на себя за то, что все проспал. След чужака невозможно было пропустить. Тот не вернулся назад, как опасался Ринч, а направился на восток. Об этом говорили следы, четко отпечатавшиеся на влажной почве. Какую цель преследовал этот мужчина? Может быть, он хотел пересечь лес, двигаясь вдоль русла реки?

Теперь Ринч рассматривал эту проблему со своей точки зрения. Мужчина с космического корабля не принял никаких мер, чтобы скрыть свой след. Напротив, казалось что он буквально старается оставить за собой цепочку хорошо различимых следов. Может быть, он предполагал, что Ринч последует за ним, и он по какой—то причине уводил его подальше отсюда? Или он оставлял за собой следы, чтобы по ним кто—то другой нашел путь в лагерь?

Если он теперь и дальше следовал вдоль рек, он буквально настаивал, чтобы его обнаружили. Ринч осмотрел берег поблизости. Маленькие группы невысоких деревьев и высоких кустов сменяли друг друга — идеальное укрытие.

Едва он покинул свое укрытие, которым пользовался для ночлега, как услышал крик водяной кошки. На кошку напал какой—то враг, и она была в ярости. Ринч зигзагами побежал от куста к кусту. Когда он добежал до берега реки, ненавидящее шипение и крики кошки внезапно смолкли.

Мужчина из лагеря подвергся нападению с трех сторон — самой водяной кошки и двух ее котят. Теперь три красных тела, неподвижно вытянувшись, лежали на песке, а чужак, тяжело дыша, опирался о скалу. В тот момент, когда Ринч увидел его, он нагнулся, чтобы подобрать свое оружие, которое он уронил, а потом оттолкнулся от скалы и, спотыкаясь, побрел к воде — прямо в другую ловушку Джумалы.

Он поднял ногу для следующего шага и ступил на скользкое место. Он упал лицом вперед, когда его нога попала в нору хищника. С испуганным вскриком мужчина снова выронил свое оружие и дико забил вокруг себя руками. Он уже до колен, а потом и до бедер погрузился в искусственно насыпанный сыпучий песок ловушки. Но при этом он все же не потерял головы и резко перебросил свое тело с одного места на другое, чтобы таким образом попытаться освободиться.

Ринч встал и медленно, но решительно пошел к кромке воды. Мужчина, уже наполовину засыпанный, лежал, вытянув руки в стороны и пытаясь ухватиться за какой—нибудь камень, который был достаточно велик для того, чтобы выдержать его вес и не сдвинуться с места. После первого испуганного крика он больше не издал ни звука, но теперь, когда он увидел Ринча, глаза его расширились, а рот широко открылся.

Ящичек на его груди зацепился за камень, который мужчина в отчаянии подтащил к себе. Брызнули искры, и чужак лихорадочно попытался расстегнуть ляжку ремня и отбросить прибор от себя. Ящичек ударился о мертвую водяную кошку, вспыхнул и опалил ее шкуру. Ринч некоторое время совершенно равнодушно смотрел на это, потом протянул руку к игольному ружью. Он вырвал его у пленника. Мужчина взглянул на него, выражение его лица не изменилось, так как Ринч не стал направлять игольное ружье на его бывшего хозяина.

— Я думаю, — голос Ринча резко и как—то весело прозвучал в его собственных ушах, — теперь мы можем с вами поговорить обо всем, что со мной произошло за это время.

Мужчина кивнул.

— Как хотите, Броуди.

6.

— Броуди? — Ринч опустилсь возле мужчины на корточки.

Эти серые глаза на темно—коричневом лице чужака сверкали так ярко и немного затягивали, и Ринч увидел в них нечто вроде триумфа.

— Вы нашли меня? — спросил он.

— Да.

— Почему?

— Мы нашли спасательный бот—нам хотелось знать, уцелел ли кто—нибудь после катастрофы.

Ринч машинально покачал головой.

— Нет... Вы знали, что я нахожусь здесь. Потому что вы сами доставили меня сюда! — теперь это вылилось наружу.

Но и на этот раз на лице мужчины не было видно никаких следов удивления.

— Вы знаете, — Ринч нагнулся вперед, стараясь оставаться вне досягаемости рук мужчины. — Я вспомнил себя настоящего. Теперь он заметил искорку, вспыхнувшую в глазах чужака. Он тихо спросил:

— Что же вы вспомнили, Броуди?

— Достаточно, чтобы понять, что я не Броуди. Что я не прилетел сюда в спасательном боте, и что не я построил этот лагерь на поляне.

Он протянул руку к рукоятке игольного ружья. Какой бы мотив не был для того, чтобы им двигали взад и вперед, как шахматной фигурой в этой странной игре, но он знал, что это было достаточно серьезно и опасно.

— На этот раз у вас нет стакана.

— Итак, вы действительно все помните, — мужчина становился все слабее и слабее.

— Хорошо. Нам не придется кардинально изменять наши планы. У вас на Нахуатле нет ничего, ради чего вам стоило бы туда возвращаться — разве что вам очень понравился «ЗВЕЗДОПАД».

Голос его звучал холодно и презрительно.

— Если вы будете вместе с нами играть в эту игру, вы получите для себя огромную выгоду, — он остановился, и взгляд его застыл на юноше.

Нахуатль. Ринч задумался. Он был на Нахуатле или в нем — это планета? Город? Если верить этому человеку и тому, что он вспомнил — итак, это уже больше, чем обрывки памяти. .

— Вы высадили меня здесь, а потом пришли снова, чтобы найти меня. Зачем? Почему этот Ринч Броуди так важен для вас?

— Почти миллиард кредитов! — мужчина с корабля откинулся на стенку отверстия, раскинув руки в стороны, чтобы не погрузиться еще глубже. — Миллиард кредитов, — медленно повторил он.

Ринч рассмеялся.

— Вы должны были придумать что-нибудь более правдоподобное, чем это.

— Ставки должны быть еще выше, чтобы быть для нас выгодными, не правда ли? Вы полноправный Броуди, так сказать, нелегальный наследник по памяти.

Ринч не произнес ни слова. Если они ему это когда—нибудь и говорили, это прошло мимо него, затерялось в лабиринте других вещей, которые были внесены в его мозг и запечатлены там. Но чужак не должен знать, что он не помнит об этом.

— Вам нужен Броуди, чтобы получить миллиард кредитов. Но теперь у вас нет Броуди!

К его удивлению, пленник в земляной ловушке рассмеялся.

— У меня будет Броуди, если он будет мне нужен. Лучше подумайте о значительной части этого миллиарда кредитов, юноша, подумайте о ней.

— Я думаю о ней.

— Вы знаете, думать в одиночку это не дело, — в голосе чужака впервые послышалось что—то, похожее на возбуждение.

— Вы думаете, я нужен вам? Я так не считаю. Я не хочу быть шахматной фигурой, которую просто кто—то двигает по доске — это выражение вызвало у него другие воспоминания — дымное, переполненное помещение, где на грязном столе шла игра — не искусственное воспоминание Броуди, а его собственное.

Ринч встал и снова начал подниматься по откосу, но прежде, чем он достиг его верха, он оглянулся. Искореженный прибор все еще дымился там, куда чужак отбросил его. Теперь мужчина вытянул обе руки вперед и попытался дотянуться до камня, но ему не хватило пару сантиметров. К его счастью, эта нора была пуста давным давно. Со временем ему удалось бы освободиться. Тем временем Ринч обследовал окрестности в поисках убежища, где никто не смог бы обнаружить его, если он сам не захочет этого.

Ища, он попытался вспомнить больше и связать всю полученную от человека с Нахуатля информацию воедино. Итак, ему произвели «промывку мозгов», внушили ему фальшивые воспоминания, принадлежавшие Ринчу Броуди, присутствие которого на этой планете должно принести кому—то миллиард кредитов. Он не мог понять, что эта была за игра, в которую в одиночестве играл этот космический странник, и кого он имел в виду, говоря о «нас».

Миллиард кредитов! Это была фантастическая сумма, а вся эта история была слишком невероятна.

Внезапно, почувствовав резкий укол, Ринч вскрикнул и переступил с ноги на ногу. Одно из крошечных вооруженных когтями существ было раздавлено. Он вовремя отскочил назад, прежде чем наступил на их кучку, окружившую какую-то падаль. Он взглянул на эту кучку покрытых чешуйками телец, яростно рвущих коготки, и застонал.

Три мертвых водяных кошки лежали неподолку от ловушки, в которую попал человек. Приманка, чтобы привлечь хищных насекомых к пленнику. Пустой желудок Ринча взбунтовался. Он отшатнулся и побелел. Надо надеяться, что было еще не слишком поздно. Достигнув берега, он увидел, что мужчина смог справиться с поясом от ящичка и теперь торопливо бросал его и притягивал к себе, стараясь зацепиться за ближайший валун и попытаться освободить свое тело.

Ринч подбежал, ухватился руками за пояс и уперся ногами в почву. С его помощью чужак выкарабкался из норы и, тяжело дыша, упал наземь. Ринч охватил мужчину за плечи и потащил его прочь от трупов водяных кошек. Он уже увидел первых пожирателей падали, ползущих сюда.

Мужчина встал и взглянул на Ринча, который отошел на пару шагов назад и теперь держал наготове игольное ружье.

— Теперь, может быть, пришла моя очередь задавать вопросы?

Потом он проследил за взглядом Ринча. Труп одной из водяных кошек пошевелился, но не от последней судороги агонии, а под атакой насекомых.

— Спасибо, — чужак встал рядом с Ринчем. — Меня зовут Рас Хьюм. Мне кажется, что я тебе до сих пор не представился.

— Это не важно. Во всяком случае, я не тот, кого вы ищете, я не Броуди.

Хьюм пожал плечами.

— Обдумайте все это, Броуди, обдумайте получше. Пойдемте со мной в лагерь и...

— Нет, — оборвал его Ринч. — Вы идете своей дорогой, а я своей.

Мужчина рассмеялся. — Не все так просто, юноша. Мы впутались в такое дело, из которого выпутаться не так-то легко, это тебе не тумблер переключить, — он сделал один-два шага в сторону Ринча.

Юноша поднял ружье.

— Оставайтесь на месте! Вы во что-то впутались, Хьюм? Ну хорошо, сами заварили кашу — сами ее и расхлебывайте,

а меня сюда нечего впутывать. — Что вы будете делать? Спрячетесь в лесу?

— То, что я буду делать, это моя забота, Хьюм.

— Нет, и моя тоже. Я предупреждаю вас, юноша, так сказать, беспокоясь о том, чтобы помочь вам, — он кивнул в направлении ловушки. — В лесу есть что-то такое, что здесь не появлялось, пока отряд Гильдии изучал планету.

— Животные! — Ринч шаг за шагом отступал назад, не спуская глаз с чужака. — Я видел их.

— Вы видели их! — Хьюм был сильно взволнован. — Как они выглядят?

Несмотря на свое желание как можно скорее отделаться от Хьюма, Ринч почувствовал, что он против своей воли со всеми подробностями отвечает на этот вопрос. Он понял, что хорошо помнит животное, которое скрывалось на дереве, а также другое, скрывающееся в листве, и множество других, которых он заметил на деревьях вокруг поляны.

— Никаких признаков разума, — Хьюм взглянул на лес вдалеке. — Психодетектор не обнаружил здесь никаких разумных существ.

— Эти животные — вы их не знаете?

— Нет. Но то, что вы видели, мне очень не нравится. Броуди, мне хочется заключить с вами перемирие. Гильдия считает Джумалу открытой планетой, и все имеющиеся у вас сведения говорят о том же. Если же это не так, у нас будет очень много хлопот. Как звездный охотник, я несу ответственность за тех трех штатских, которые сейчас находятся в лагере сафари.

В этом Хьюм был прав, как с неохотой отметил про себя Ринч. И охотник должен был учитывать все это, поэтому он повернулся к юноше и добавил:

— Самое безопасное место сейчас — это наш лагерь сафари. Мы немедленно возвращаемся туда.

Но было уже поздно: послышался металлический шорох. Ринч вздрогнул и взял ружье на изготовку. Светящийся шар величиной примерно с кулак отскочил от камня и закатился в ямку следа, оставленного сапогом Хьюма. Потом в воздухе что-то сверкнуло и второй шар упал на землю.

Шары, казалось, появлялись из воздуха. Переливаясь всеми цветами, они полукругом расположились возле обоих мужчин. Ринч нагнулся, и пальцы руки Хьюма схватили его за запястье, рванув его прочь от шаров.

— Не прикасайтесь к ним! — крикнул Хьюм. — И не смотрите на них! — он потащил Ринча через пока еще не закрытый проход в их рядах.

Хьюм начал обходить насекомых, пожирающих трупы водяных кошек, не отпуская руки Ринча. Позади них послышался звук падения двух шаров. Оглянувшись Ринч увидел, как один из них упал возле одного из трупов.

— Смотрите!

Шевелящийся ковер насекомых, покрывающий труп, перестал двигаться. Теперь сюда подкатились еще два шара, и пожиратели падали оставили свою добычу. Они собрались в стайку и потекли прочь. Сзади них катились горящие красные шары, к которым за это время прибыло подкрепление.

Правая рука Хьюма поднялась. Из узкого горла его излучателя вылетела молния и ударила в один из шаров. Луч отразился от него и попал в стайку пожирателей падали. Чешуйчатые их тельца превратились в пепел. Но шар pokračился дальше, словно ничего не произошло.

— Быстрее! — рука Хьюма ударила по плечу Ринча с такой силой, что у того перехватило дыхание. Оба мужчины побежали.

— Что... что это за шары? — задыхаясь, спросил Ринч.

— Я не знаю, но в любом случае, мне это не нравится. Если мы будем передвигаться по берегу реки, они окажутся между нами и лагерем.

— Теперь они между нами и рекой, — Ринч заметил в воздухе вспышку и рядом с ними упал еще один шар.

— Они хотят окружить нас. Но это им не удастся. Посмотрите, там, впереди, где между двумя камнями застрял ствол дерева. Бегите туда, и если нам удастся достигнуть реки, заходите в воду. Я не верю, что эти штуки могут плавать, и, если они утонут, я думаю, нам удастся ускользнуть.

Ринч побежал, не выпуская из рук игольного ружья. Он пробежал по стволу дерева, на который ему указал Хьюм, и прыгнул в воду. Хьюм последовал за ним.

— Вниз по течению!

Ринч огляделся. Одна фигура... две, три... теперь все они были ясно видны, растительность больше не скрывала их. Животные, наконец, вышли из леса. Теперь они выпрямились и выстроились в ряд, медленно приближались к людям, их зеленый мех отсвечивал голубым под отвесно падавшими яркими

лучами солнца. Они бесшумно и мгновенно появились, и от этих существ из леса исходило что-то жуткое и угрожающее.

— Исчезнем отсюда и как можно быстрее! — мужчины побежали, преследуемые по пятам толпой зелено-голубых существ, которые все дальше и дальше отгоняли их от лагеря сафари к поднимающимся вдали горам. Так же, как шары погнали пожирателей падали, оторвав их от их мира, людей гнали теперь к какой-то неизвестной для них цели.

Они больше не видели и не слышали шаров с тех пор, как появились эти животные. И, достигнув изгиба реки, Хьюм и Ринч остановились и огляделись.

— Мы не можем их уничтожить с помощью игольного ружья и излучателя.

Охотник покачал головой.

— «Не убивать, — продекламировал он девиз своей Гильдии, — пока не будет доказано, что это неразумные существа». Эти парни действуют методично, и эта методичность доказывает их разумность.

Наука об обращении с внеземными разумными и неразумными существами была частью обучения членов Гильдии. Несмотря на ту странную игру, которая привела Хьюма на Джумалу, он все же выполнял устав Гильдии, и Ринч был готов предоставить решение ему.

Хьюм протянул юноше излучатель.

— Возьмите это и прикрывайте огнем наше отступление, но не стреляйте, пока я не скажу. Понятно?

Он подождал, пока Ринч кивнет ему в ответ, а потом медленным и размеренным шагом направился к существам. Рука Хьюма поднялась ладонью вверх, и он обратился к ним на внеземном эсперанто:

— Друг, — это было все, что Ринч смог понять из его речи, донесшейся из прибора-контактора.

Темные глаза замерли. Легкий ветерок пробежал по их шерсти на их широких плечах и длинных мускулистых руках. Ни одна голова не пошевелилась, ни одна из этих мощных челюстей не шевельнулась, чтобы издать какой-нибудь звук.

Хьюм остановился. Молчание было угрожающим, от этих чуждых существ исходило нечто угнетающее, и это нечто ощущалось почти физически.

Несколько мгновений они так и стояли: человек и чужие существа. Потом Хьюм повернулся и стремительно вернулся назад. Ринч отдал ему излучатель.

— Мы будем стрелять?

— Слишком поздно. Смотрите!

Ряд зелено—голубых существ спускался к реке. Не пять или шесть, а дюжина... десятка два. Капли пота стекали по загорелому лицу охотника.

— Мы окружены — и нам остается только идти вперед.

— Но мы можем бороться с ними, — запротестовал Ринч.

— Нет. Пойдем вперед!

7.

Прошло некоторое время, пока Хьюм нашел то, что искал. Островок посредине реки, совершенно лишенный растительности, просто поднимающуюся над поверхностью воды скалу. На ее боках виднелись трещинки, овражки и пещерки, которые могли послужить им убежищем, если бы им пришлось сражаться. Их нельзя было обнаружить раньше, потому что было уже далеко за полдень, и тени становились все длиннее и длиннее.

Но нападение не последовало, их как стадо скота гнали на северо—восток. Ринча охватила паника, потому что он хорошо знал, что нельзя недооценивать неизвестного врага.

Молча переглянувшись, они вскарабкались на самую вершину островка и залегли на площадке, которая была не более одного квадратного метра. Хьюм поднял бинокль к глазам, но направил его на горы вдалеке, а не на ту дорогу, по которой они пришли сюда.

Обеспокоенный Ринч перебрался на другую сторону и стал изучать берег и реку. Существа были все также спокойны, зелено—голубые фигуры, присевшие на корточки в траве на берегу.

— Ничего, — Хьюм опустил бинокль и взглянул на горы невооруженным глазом.

— Чего вы ждете? — спросил Ринч. Он был голоден, но не настолько сильно, чтобы отважиться покинуть островок.

Хьюм улыбнулся.

— Я не знаю. Но они гонят нас в этом направлении.

— Подумайте, — произнес Ринч. — Вы знаете эту планету. Вы уже были здесь раньше.

— Я был членом исследовательского отряда, который открыл для Гильдии эту планету.

— Тогда вы должны были тщательно обследовать ее. Как же случилось, что вы ничего не узнали об этих существах? — он указал на их преследователей.

— Есть вопросы, которые следовало бы задать паре—другой наших экспертов, — ответил Хьюм. — Психодетектор не зарегистрировал здесь никакой разумной жизни.

— Никакой разумной жизни, — Ринч некоторое время подумал, а потом высказал единственное объяснение. — Ну хорошо, тогда наши голубокожие друзья, должно быть, пришли извне. Может быть, кто—нибудь другой с другой планеты устроил здесь себе базу и не терпит около нее ничье присутствие?

Хьюм задумчиво взглянул на него.

— Нет, — и он замолчал. Он сел и извлек из своего пояса цилиндрический сосуд. Потом он вытряхнул из него четыре таблетки и две из них отдал Ринчу. Две другие он положил себе в рот.

— Таблетки жизни... действуют двадцать четыре часа.

Таблетки, которые входят в обычный рацион всех исследовательских групп, были, конечно, совершенно безвкусны. Несмотря на это, Ринч проглотил их, и они с Хьюмом снова спустились к самой поверхности реки. Охотник зачерпнул пригоршню воды из реки, вылил ее в углубление в камне и добавил туда щепотку очищающего порошка.

— Когда стемнеет, — сказал он, — может быть, нам удастся проскользнуть через их линию.

— Вы так думаете?

Хьюм улыбнулся.

— Нет... но когда—нибудь нам тоже должно повести. Кроме того, у меня нет ни малейшего желания идти туда, куда они нас гонят, — он взглянул на небо. — Мы будем сторожить и спать поочереды. Прежде, чем стемнеет, нет ни малейшего смысла предпринимать что—нибудь, потому что наши друзья слишком активны. Хотите сторожить первым?

Когда Ринч кивнул, Хьюм спрятался в щель, как мышь в свою норку. Он тотчас же заснул, словно был в состоянии приказывать своему мозгу засыпать по его желанию. Ринч пару

раз взглянул на него, потом вскарабкался немного повыше, чтобы лучше видеть окружающее.

Животные все еще были на берегу. Их терпение поразило его уже тогда, когда он впервые увидел их в лесу. Ничто не двигалось, не слышно было ни звука. Они просто были здесь — и наблюдали. И Ринч не верил в то, что ночь притупит их бдительность.

Он откинулся назад и голой спиной почувствовал шероховатость скалы. В руке его было самое действенное и эффективное оружие, которое было известно в пограничных мирах. Здесь, на своем посту, он мог одновременно наблюдать за врагом и размышлять.

Хьюм сначала высадил его здесь, снабдив памятью Ринча Броуди, и наградой за это должен быть миллиард кредитов. Подготовка всего этого стоила огромных затрат, и награда соответствовала этому.

Так Ринч Броуди оказался на Джумале, и Хьюм вместе со свидетелями прибыл сюда, чтобы найти его. Ринч молча поздравил себя с этим логическим анализом. Ринча Броуди, как потерпевшего кораблекрушение, должны были обнаружить на Джумале. Но все пошло не так, как запланировал Хьюм.

Сначала Ринч был убежден в том, что он не должен был знать того, что на самом деле он н е б ы л Ринчем Броуди. В течение нескольких мгновений он спрашивал себя, почему его сознание функционирует не так, как было запланировано, но потом снова вернулся к проблеме своих отношений с Хьюмом.

Нет, звездный охотник, несомненно ожидал найти здесь потерпевшего кораблекрушение, который не имел никакого понятия о своей двойной роли. А теперь еще эти существа, которых несколько месяцев тому назад люди Гильдии не смогли обнаружить.

Ринч почувствовал, как холодок пробежал по его спине. Заговор Хьюма был чем—то, что он еще мог понять, но молчаливые существа были чем—то иным и представляли собой непосредственную и все время присутствующую угрозу.

Ринч медленно продвинулся вперед и взглянул на туман, клубящийся над рекой. Хотел бы он, чтобы все другие загадки разрешились бы так же легко, как и загадка его появления на Джумале и его странных воспоминаний.

Туман представлял собой дополнительную опасность. Если он станет еще гуще, существа на берегу под его прикрытием могут подойти еще ближе. Игольное ружье хотя и было эффек-

тивным оружием, но его можно было использовать только против того противника, которого видишь. Если же он будет стрелять во врага вслепую, он быстро израсходует все заряды, а поражение цели будет весьма проблематично.

Но, с другой стороны, они сами могли воспользоваться этим туманом для того, чтобы прикрыть свое отступление? Он уже хотел предложить это Хьюму, когда в их странном поединке с чужаками появился новый фактор.

Внезапная вспышка... еще одна, потом еще... вспышки следовали по течению реки. Теперь они приблизились к их островку. Они возникали словно из ничего так же, как и во время первого появления шаров.

Шары и яркие вспышки на воде должны были быть как—то связаны друг с другом. И они представляли для людей новую опасность. Ринч тщательно прицелился и выстрелил в огонек, который задержался у края скалы в том месте, где русло реки снова сходилась. Ринч внезапно осознал, что огоньки движутся п р о т и в течения — они плыли против течения, словно были снабжены какими—то моторчиками.

Он выстрелил, но огонек остался на месте, и рядом с ним внезапно появился другой. И тогда на скале внизу что—то произошло. Так же, как раньше на суше бежали от шаров пожиратели падали, и теперь на скале появились спасающиеся бегством водные обитатели. И они карабкались вверх... Цвет огоньков изменился — сначала они были белыми, а теперь стали красно—оранжевыми...

Ринч нащупал рукой щель в скале и обнаружил там камень. Он со всей силой запустил его в огонек под ним. Ярко—красный взрыв света — и первый огонек исчез...

Где—то в камнях на берегу прозвучал резкий крик, и что—то по высокой дуге прыгнуло в воду.. Теперь шлейф тумана закрыл огонек от Ринча. И огонек этот с трудом просматривался сквозь туман. Ринч сполз со своего места и потряс Хьюма.

Звездный охотник мгновенно проснулся, это была его привычка, выработанная постоянным пребыванием в малоисследованных мирах на краю Галактики.

— Что? ...

Ринч подполз к нему. Туман становился все гуще, но теперь на воде танцевало множество этих странных огоньков. Они растеклись по обе стороны острова, взяв его в кольцо. Внезапно, прямо перед ними из воды появились темные фигуры и

начали медленно подниматься вверх по скале к крошечной площадке, где стояли два человека.

— Эти шары, я думаю, теперь они движутся по реке, — Ринч нашел другой камень, снова тщательно прицелился и запустил его во второй огонек. — Игольное ружье не оказывает на них никакого действия, — объяснил он. А камни оказывают... не знаю почему...

Они обыскали трещины в скале, нашли несколько камней величиной с кулак и приготовили их, в то время как огоньков становилось все больше и больше, и они все плотнее и плотнее окружали остров с обеих сторон. Внезапно Хьюм вскрикнул и направил свой излучатель вниз. Молния выстрела разорвала мрак ночи...

С резким криком прямо от скалы под ними отскочила темная тень. Отвратительный запах, к которому теперь примешался запах горелого мяса, заставил их закашляться...

— Водяной паук! — объяснил Хьюм. — Если эти пауки заберутся сюда и нападут на нас.

Он ощупал свой пояс, нашел что-то и бросил вниз. Внизу разлился ливень ярких искр.

В тех местах, где эти искры касались скалы, вспыхивали яркие языки пламени и освещали кошмарных тварей, кишаших у подножия острова.

Ринч выстрелил из своего игольного ружья. Лучевой пистолет Хьюма стрелял без перерыва. Животные выли и визжали или умирали беззвучно, но они все еще пытались достичь вершины скалы. Некоторые из них были похожи на пожирателей падали огромных размеров, величиной с водяную кошку. Были тут и многоногие покрытые мехом твари с двойными челюстями и кольцом фосфоресцирующих глаз, окружающих их тело. Казалось, что вся фауна Джумалы восстала против них.

— Огоньки... огоньки должны исчезнуть, — приказал Хьюм.

Ринч понял его. Огоньки были именно тем, что выгнало из реки этих тварей. Если они исчезнут, может быть, большинство осаждающих их существ вернутся обратно в свою стихию. Он отложил игольное ружье. Потом охватил камни и постарался разбить как можно больше этих огоньков.

Хьюм стрелял в тех существ, которые карабкались к ним снизу и только изредка прерывал свой уничтожающий огонь, чтобы снова бросить вниз осветительную бомбочку и осветить поле боя. На мгновение казалось, что водяные существа вне их

собственной среды обитания вот—вот сдадутся на милость победителя, но, несмотря на это, их численное превосходство нельзя было недооценивать.

Ринч пробил обширную брешь в кольце огоньков. Но ему было видно сквозь туман, как появлялись все новые и новые огоньки и занимали места уничтоженных. Может быть, они гнали сюда водяных обитателей издалека, чтобы усилить мощь атаки. Кроме брешки, которую пробил Ринч, они были полностью окружены...

— Ага, — это был голос Хьюма. Его излучатель нашел щель прямо под их площадкой... Одна из снабженных когтями ног уцепилась за обломок камня, но сорвалась, и тварь свалилась в воду.

— Вверх, — приказал Хьюм. — Поднимаемся вверх!

Ринч захватил с собой как можно больше камней и прижал их левой рукой к груди, потом они оба торопливо вскарабкались на крошечную площадку на самой вершине островка...

В свете осветительной бомбочки, которую бросил охотник, они увидели, что большая часть скалы под ними покрыта жуткими живыми существами...

Туда, куда попадал луч пистолета Хьюм, море животных буквально вскипало, живые пожирали мертвых и дрались из—за добычи. И враг все приближался и приближался.

— У меня осталась только одна осветительная бомбочка, — сказал Хьюм.

Еще одна осветительная бомбочка — потом они останутся в полной темноте, а враг, скрывающийся в тумане, подбирается все ближе и ближе.

— Видят ли они нас тут, наверху? — спросил Ринч.

— Они или те, кто их гонит сюда? Мы уже знаем, что они делают...

— Вы думаете, что им и раньше приходилось делать это?

— Я в этом уверен. Спасательный бот там, позади нас, он сел благополучно, и в его кладовых нет припасов.

— Они забрали их с собой, — предположил Ринч.

— Нет, может быть, здесь и совершили когда—нибудь посадку потерпевшие кораблекрушение, но мы не нашли никаких следов их. И я думаю, зачем...

— Но ведь люди вашей Гильдии были здесь, и они никого не видели.

— Я знаю, — голос Хьюма звучал неуверенно. — Тогда здесь не было никаких следов.

Ринч бросил свой последний камень и услышал, как он совершенно бесполезно ударился о скалу. Хьюм сжимал в руке какой—то предмет...

— Последняя осветительная бомбочка!

— Что это? Там, на той стороне?

В темноте на берегу реки Ринч заметил свет, который испускали их преследователи.

Излучатель Хьюма поднялся вверх. Он ответил парой коротких выстрелов.

— В укрытие! — металлический голос прозвучал над водой. Хьюм сложил руки рупором ко рту и крикнул в ответ:

— Мы здесь, наверху — здесь нет укрытия!

— Тогда ложитесь — мы стреляем!

Они легли на живот и вжались в узкую площадку друг возле друга. Даже через плотно сомкнутые веки Ринч увидел яркое солнце, созданное человеком, которое вспыхнуло сначала слева от островка, потом справа, уничтожая осаждающих их тварей.

Даже шары должны были пострадать от этого моря пламени. Осторожно поднявшись, Хьюм и Ринч увидели далеко под собой горстку далеко разбросанных и пожелтевших шаров...

Они все еще задыхались, кашляли и терли глаза, которые слезились от поднимающегося вверх смрадного дыма.

— Над вами глайдер с веревкой!

Голос доносился откуда—то сверху. Оттуда к ним спустился трос с прикрепленным к нему спасательным поясом, а другой размотался прямо у них на глазах.

Они одновременно схватили веревки и застегнули пояса.

— Поднимайте! — крикнул Хьюм. Тросы натянулись и оба муужчины поднялись вверх, и все еще невидимый глайдер направился к восточному берегу.

8.

Серые стены вокруг него испускали тусклый цвет. Он лежал на спине в пустой каютке. Он попытался встать, прежде чем придет Дарфу и поднимет его на ноги.

Вай моргнул. Это была даже не каморка в «ЗВЕЗДОПАДЕ», об этом ему говорили его глаза и нос. Все окружающее его было намного чище и привлекательнее.

Он резко поднялся и удивленно огляделся. Единственной одеждой на нем была набедренная повязка, закрепленная широким поясом. На ногах у него были грубо сделанные сандалии, и его ноги до самых бедер были покрыты бесчисленными царапинами, шрамами и затянувшимися ранами.

С трудом — его дух, казалось, был так же истощен, как его руки и ноги — он попытался все вспомнить. Он начал медленно связывать в своей памяти одну картину с другой.

Вчера ночью или вечером Ринч Броуди был заперт здесь. И это «здесь» было складским помещением на корабле, принадлежавшем некоему Вассу. Там был пилот Васса, который при помощи глайдера подобрал их с островка посередине реки, где к ним подбирались чудовища...

Их доставили к укрепленному лагерю, в укрытие Васса. Теперь он пленник с весьма сомнительным будущим, которое полностью зависит от хозяина и человека по имени Хьюм.

Хьюм, звездный охотник, не выказал никакого удивления, когда Васс внезапно появился перед ним в свете прожектора и приветствовал спасенных.

— Я вижу, вы были на охоте, — его взгляд переходил с Ринча на Хьюма и обратно.

— Да, но это неважно.

— Неважно? Что же тогда важно?

— Этот мир закрыт. Я должен сообщить об этом. Уберите отсюда моих гражданских, прежде чем с ними что-нибудь случится!

— Я всегда считал, что миры, предназначенные для сафари, свободны, — возразил Васс.

— Но здесь все не так. Почему — я сам не знаю. Но я должен сообщить об этом, и штатские должны...

— Не так быстро, — голос Васса звучал мягко. — Такое сообщение заинтересует Космический патруль, не так ли?

— Конечно... — начал Хьюм, но внезапно осекся.

Васс улыбнулся.

— Вот видите, уже начались сложности. Мне не хочется давать объяснения Патрулю, вам, несомненно, тоже, мой друг, нет, вы только подумайте, что может последовать за всем этим.

— Если бы вы сами ни прибыли бы на Джумалу, не было бы никаких затруднений, — самоуверенность Хьюма была восстановлена, и он снова взял под контроль свои жесты. — Разве вас не удовлетворяют сообщения Ровальда?

— Я многим рискую, участвуя в этом проекте, — ответил Васс. — Кроме того, всегда полезно, если хозяин время от времени лично инспектирует работу своих людей. Это улучшает результативность. И, кроме того, хорошо ли или нет, что я сам прибыл на Джумалу, охотник? Или вы лучше предпочли бы навсегда остаться на том острове?

— Если наш проект еще можно спасти, мы должны все тщательно пересмотреть. В данный момент мы ничего не будем предпринимать. Нет, Хьюм, ваши штатские уже давно заметили, что вы управляетесь со всем один.

— А если им будет грозить опасность? — снова спросил Хьюм. Когда сообщение о нападении чужих существ выйдет за пределы планеты, Космический Патруль сразу же появится здесь.

— Вы забываете о Ровальде, — напомнил ему Васс. Вероятность того, что кто-то из штатских может обращаться с передатчиком и может послать сообщение исчезающе мала, и Ровальд позаботится о том, чтобы этого не произошло. Я вижу, вы захватили с собой и Броуди.

— Да...

— Нет! — ему нечего было возразить на это в данный момент. В то мгновение, когда взгляд Васса упал на него, ему стало ясно, что он совершил ошибку.

— Это же всегда интересно, — заметил хозяин со своей обычной обманчивой мягкостью. — Вы Ринч Броуди, потерпевший кораблекрушение с «ЛАРГО ДРИФТА», не так ли? Я думаю, что звездный охотник Хьюм объяснил вам, как мы заботимся о вашем благополучии, мистер Броуди.

— Я не Броуди, — уже произнеся эту опасную для себя истину, он оказался достаточно благоразумным, чтобы остановиться на этом.

— И я нахожу это весьма интересным. Если вы не Броуди, то кто же вы тогда?

Вот так это было. В тот момент он не мог сказать Вассу, кто он, и не мог увязать свои расплывчатые воспоминания и хаотически мелькающие образы воедино и объяснить их.

— А вы, звездный охотник, — змеинный взгляд Васса снова остановился на Хьюме, — вы можете объяснить все это?

Какой-то порыв, который он сам никогда не смог бы объяснить, побудил Ринча встать на защиту Хьюма.

— Это не его вина, — взорвался он. — Я внезапно вспомнил. Хьюм рассмеялся.

— Да, Васс, ваши техники не так хороши, как вам это казалось. Мальчик поступал не так, как вы рассчитывали.

— Жалко. Но когда имеешь дело с людьми, всегда бывают ошибки. Пайк! — один из трех других людей подошел к ним, — вы отведете этого молодого человека в корабль и позаботитесь о том, чтобы с ним ничего не случилось. Да, действительно, очень жаль. Теперь мы должны посмотреть, что еще можно спасти.

Потом Вая доставили на корабль, выдали ему космический рацион, а потом его оставили наедине с его мыслями в пустой каютке.

Почему он был так неописуемо глуп? Хозяин такого ранга, как Васс, не мог сам идти в такой притон, как «ЗВЕЗДОПАД», но там, конечно, были его агенты. У него остались довольно четкие воспоминания об этом человеке и об его характере: жестокий, неумолимый и последовательный во всем...

Хотя шорох был тих, но в герметически закрытой пустой каюте пропустить его было нельзя. Этот шорох испугал Вая. Круглая дверь открылась, Вай присел на корточках, и единственным оружием, которое было в его распоряжении, являлся сосуд из—под рациона, который он держал в руках. Хьюм вошел внутрь и снова закрыл за собой дверь. Он остановился, прижав ухо к стене. Очевидно, он к чему—то прислушивался.

— Вы, идиот с вареными мозгами, — голос охотника был не громче обычного шепота. — Могли вы вчера вечером не раскрывать своего рта? Теперь слушайте вниманельно. Это единственная возможность, оставшаяся у нас, и мы должны ею воспользоваться.

— Мы? — Вай был так удивлен, что чуть не вскрикнул.

— Да, мы! Но не так громко, проклятье! Вообще—то я должен оставить вас здесь, чтобы вы научились держать язык за зубами. И если бы вы не были мне нужны, я бы так и сделал. Если бы речь шла не о штатских...

Он вздрогнул и снова приложил ухо к стене. Немного послушав, он продолжал:

— Будьте очень внимательны, я не буду повторять еще раз. Примерно через пять минут сюда придет Пайк и принесет тебе еду. Я оставляю эту дверь не запертой. На другой стороне коридора есть еще одна каютка, такая же как и эта.. Постарайтесь спрятаться там. Когда он войдет сюда, закройте дверь снаружи. Понятно?

Вай кивнул.

— Потом постарайтесь пробраться к шлюзу.. Вот! — он снял со своего плеча небольшую коробочку. — Это световая бомба. На острове вы видели, как она действует. Когда вы будете проходить мимо переносного ядерного реактора—обогревателя, бросьте ее туда. Вы должны добраться до силового поля, окружающего лагерь. Этот фейерверк отвлечет людей Васса. А вы тем временем бегите к глайдеру. Ясно?

Глайдер, это же идеальное средство для бегства. Из лагеря, окруженного силовым полем, путь вверх был единственной возможностью спастись...

Хьюм взлянул на него, прислушался еще раз, а потом ушел. Вай лихорадочно сосчитал до пяти и последовал за ним. Каюта напротив была открыта, как и сказал Хьюм. Вай скользнул внутрь нее и стал ждать.

Он услышал, как приближается Пайк. Металлические подковки его сапог шелкали об пол. В руках у него был сосуд с рационом. Он прижал его к себе, отодвигая засов каюты, где раньше был Вай.

Вай услышал удивленный возглас, и это послужило для него сигналом к действию. Его кулак со всей силой, на которую он только был способен, вылетел вперед и с такой силой ударил Пайка, что тот влетел в каюту. Прежде, чем он пришел в себя от испуга, Вай снова закрыл дверь и запер ее.

Юноша побежал по коридору к лестнице и с обезьяньей ловкостью спустился вниз, потом он остановился у шлюза и попытался сориентироваться. Глайзер находился слева от него, атомный реактор, окруженный людьми, справа...

Вай вышел наружу и вытер мокрые от пота ладони о бедра. Когда он бросит световую бомбу, он не причинит никому особого вреда. Он выбрал место на достаточном расстоянии от реактора и бросил туда бомбу, чтобы ослепить стоящих там людей. Потом он торопливо опустился на землю.

Вспыхнула яркая молния... крики... Вай подавил желание оглянуться и помчался к глайдеру. Он распахнул дверцу его кабинки и втиснулся позади кресла пилота. Крики становились все громче — теперь он видел, как огненный язык метров десяти длиной, полыхнув, ударил в небо...

Через мгновение из стены пламени вынырнула черная фигура, подбежала к глайдеру, схватилась за поручни кабины и скользнула в кресло за пульт управления.

Пальцы Хьюма танцевали на рычажках и кнопках.

Глайдер с такой скоростью устремился отвесно в темное ночное небо, что Вай почувствовал, как его желудок подкатился к горлу.

Яркий луч бластера ударил им вслед, но он был слишком короток и медлителен. Вай услышал бормотание Хьюма, и глайдер сделал еще один прыжок вверх. Теперь охотник, наконец, заговорил:

— По крайней мере, полчаса...

— Лагерь сафари?

— Да.

Подъем вверх прекратился, и глайдер с захватывающей дух скоростью перешел на горизонтальный полет.

— Что это? — Вай внезапно нагнулся вперед, через плечо Хьюма.

Сорвались ли это звезды с их вечных орбит на небосводе? Светящиеся точки разной яркости, казалось, по дуге приближались к глайдеру.

Хьюм рванул рычаги управления. Машина снова совершила прыжок, поднявшись над этими движущимися огоньками. Но впереди, быстро приближаясь к глайдеру, затанцевали новые огоньки.

— Встречный курс, — пробурчал Хьюм больше для себя, чем для своего пассажира.

Машина снова ускорила свой полет но внезапно равномерное гудение двигателя нарушилось, перешло в прерывистое стаккато отдельных тактов и смолкло совсем.

Хьюм лихорадочно манипулировал рычагами управления, на лбу его выступили капли пота.

— Он остановился... выключился!

Охотник перевел глайдер на снижение по пологой кривой, но вдруг шум двигателя послышался снова и опять стал равномерным.

— Мы должны лететь быстрее, чем они!

Но Вай боялся, что им снова придется столкнуться с неизвестной чужой силой. Шары так же, как раньше плыли против течения, теперь поднимались в воздух вверх. Враг преследовал их.

Что—то внутри Хьюма было неготово принять это. Он все еще заставлял глайдер подниматься вверх, но против них всегда оказывались эти огоньки, которые сводили на нет все усилия мотора глайдера.

Вай не имел ни малейшего представления о том, где они сейчас находятся, где лагерь сафари и где лагерь Васса. Он подумал о том, что Хьюм не знает этого.

Хьюм включил интерком глайдера и поворачивал ручку настройки до тех пор, пока не принял сигналы автоматического маяка в лагере сафари. Его палец отбил кодовый знак на ключе прибора, потом охотник передал короткое сообщение.

— У Васса в лагере сафари есть человек, — Объяснил он Ваю. — Он в такой же опасности, как и все остальные. Он не должен передавать никакого сообщения Космическому Патрулю, но он должен установить силовое поле, чтобы защитить штатских. Если он поступит иначе, на него автоматически падет обвинение в убийстве, когда позднее Гильдия расследует этот случай. Мое распоряжение теперь стало неотъемлемой частью корабельного архива и не может быть изъято оттуда. Большого в данный момент я не могу сделать.

— Мы все еще неподалеку от гор, лил уже нет?

— Вы хорошо ориентируетесь на местности? — не отступал от него Вай. Знания Хьюма теперь, вероятно, были их единственной надеждой.

— Я дважды пролетел здесь, но до сих пор ничего не видел.

— Но, может быть, там все же что-то есть?

— Во всяком случае, во время первой экспедиции мы ничего там не заметили, — голос Хьюма звучал тихо и устало.

— Вы человек Гильдии, вам уже приходилось иметь дело с чужими разумными существами...

— Гильдия не имеет дела с вновь открытыми разумными расами. Это дело Космического Патруля. Мы вообще не должны садиться на планеты, на которых имеются неизвестные нам формы жизни. Поэтому мы и должны сообщить об этом. При таких условиях нельзя проводить никаких сафари. Космический Патруль объявил Джумалу открытой планетой, и наша собственная исследовательская экспедиция подтвердила эти выводы.

— Но если кто-то совершил здесь посадку уже после вашего отлета?

— Я так не думаю. Кроме того, на орбите вокруг Джумалы у нас есть спутник контроля, он автоматически засекает каждый производящий посадку корабль и регистрирует его. Но никакого сообщения об этом в Гильдию не поступало. Маленький корабль, такой как у Васса, может проскользнуть незаметно, как это Васс и сделал. Но для того, чтобы доставить сюда

всех этих существ и приборы нужен тяжелый транспорт. Нет — это туземцы, — Хьюм снова склонился над пультом управления и коснулся переключателя.

На пульте вспыхнула маленькая красная лампочка.

— Радарное предупреждение, — объяснил Хьюм.

Итак, по крайней мере, они не врежутся в какую—нибудь скалу. Слабое утешение, если подумать о других опасностях, которые им грозят.

Хьюм весьма своевременно включил радар. Огоньки, окружающие их, сверкали во все возрастающем темпе, и полет глайдера замедлялся все сильнее и сильнее по мере того, как автоматические приборы предупреждения взяли на себя управление глайдером. Рука Хьюма все еще лежала на рукоятках управления, но это была простая формальность, автоматика управления машиной в тысячу раз быстрее, чем человек.

Они постепенно теряли высоту и должны были удовлетвориться тем, что автоматика, следуя указаниям радара, решила, что этот курс наиболее безопасен для пассажиров глайдера. Теперь автопилот глайдера собирался как можно быстрее совершить посадку.

Буквально в следующее мгновение глайдер коснулся почвы. Двигатель смолк.

— Вот так, — произнес Хьюм без особого воодушевления.

— И что теперь, — спросил Вай.

— Ждать!

— Ждать! Чего ждать, во имя всех миров?!

Хьюм бросил взгляд на часы, освещенные светом кабины.

— До рассвета еще около часа, если здесь светает в то время, что и на равнине. Я не намерен спускаться вниз в такой темноте. Это, конечно, было разумно. Несмотря на это, сидеть в кабине глайдера было утомительно, сидеть и не знать, что их ждет снаружи.

Может быть, Хьюм чувствовал, как трудно дается Ваю это вынужденное бездействие, а может быть, он действительно действовал чисто инстинктивно. Во всяком случае, он кончиком большого пальца руки открыл небольшой шкафчик, вделанный в стенку, и стал распаковывать пакет с НЗ.

Они рассортировали замороженный НЗ, расфасовали во множество маленьких пакетиков и рассовали их по карманам. Потом кое—как соорудили для Вая накидку из водонепроницаемого, легкого как перышко озацкого шелка—паутины. Они занимались этим, пока небо не стало сереть, и они не смогли различать окружающее. Темная листва горной растительности прорывалась здесь каменистым уступом темно—синего цвета, на который и совершил посадку их глайдер.

Справа от них уступ круто обрывался метрах в двух и остатки его были погребены под оползнем. Вверх поднималась, становясь все более узкой, тропинка, и она казалась единственным выходом отсюда, потому что впереди и позади машины уступ тоже сходил на нет...

— Мы можем снова взлететь? — Вай надеялся, что Хьюм успокоит его утвердительным ответом.

— Там, наверху!

Вай прижался спиной к скале и взглянул вверх. Примерно в сотне метров над ними правильным кругом повисли светящиеся шары.

Хьюм осторожно подошел к краю каменного уступа и осмотрел в бинокль то, что находилось внизу.

— Пока еще ничего не видно...

Вай знал, что он имеет в виду. Шары были над ними, но голубокожие животные или какие—нибудь другие существа, вызванные этими шарами, пока еще не появились.

Они закинули на плечи свои рюкзаки и начали подъем. У Хьюма был лучевой пистолет, но Вай был безоружен, потому что по дороге он успел прихватить с собой ничего, что могло послужить хотя бы временным оружием. На острове он уничтожал шары точным попаданием камней, может быть, они послужат оружием и против голубых животных. Он стал выискивать камни подходящего размера.

Уступ становился все уже, и теперь они касались плечами скальной стены. Когда они обогнули выступ, они потеряли глайдер из виду, но шары все еще висели над ними.

— Мы все еще следуем в том направлении, куда они гонят нас, — задумчиво произнес Вай.

Хьюм опустился на четвереньки, так крута стала теперь тропинка в скалах. Когда они счастливо миновали это опасное место и сделали небольшую передышку, Вай взглянул на небо.

Теперь шаров больше не было видно!

— Может быть, мы уже пришли на то место или уже почти достигли его, — произнес Хьюм.

— Куда?

Хьюм пожал плечами.

— Не имею никакого представления. И я, кажется, тоже могу ошибаться.

Круто поднимающаяся в скалах тропинка вела к самой высокой точке утесов, вдоль которых тянулся уступ. Достигнув верха, тропинка выровнялась и стала шире, так что идти по ней стало удобнее. Потом она нырнула в щель между двумя поднимающимися вверх скалами и снова начала спускаться вниз.

— Необычно удобная дорожка, словно специально предназначенная для пешеходов, — думал Вай. Они спустились в долину, в центре которой, окруженное деревьями блестело озеро. Они ступили со скальной тропинки на мягкую почву.

Сандалия Вая наступила на круглый камень. Он выкатился из черно—зеленой травы и перевернулся. В нем были видны круглые дыры. Ухмылка человеческого черепа.

Хьюм опустился на колени и осторожно осмотрел траву, поднял череп, с которого все еще свисали шейные и спинные позвонки. Он тщательно изучил череп, прежде чем снова положить его на подстилку из мха.

— Позвонки были перегрызены зубами.

Зеленая долина не менялась, она оставалась такой же, какой они видели ее, выйдя из каменного ущелья. Но теперь им казалось, что за каждым кустом, за каждым деревом притаился враг.

Вай провел языком по зубам и снова перевел взгляд на череп.

— Он слишком обветрен, — медленно сказал Хьюм. — Он, должно быть, пролежал здесь не меньше года.

— Переживший крушение со спасательного бота? — но эта долина находилась от той поляны на расстоянии целого дня пути.

— И как он добрался сюда?

— Может быть, и мы бы добрались таким способом, если бы не закрепились на островке посреди реки.

Пригнанный насильно! Может быть, этого человека пригнали сюда светящиеся шары или голубые звери!

— Зачем?

— Я могу высказать два предложения, — взгляд Хьюма скользнул по ближайшим деревьям. — Первое: они — кем бы они ни были — не хотят пускать на равнину никаких чужаков, поэтому они и гонят их в это место, где они могут или запереть их или, по крайней мере, на некоторое время взять их под наблюдение. А второе... — он помедлил.

— Питание... — Вай подождал, пока Хьюм порасспросит его, но охотник только обернулся, и взгляд его послужил ответом юноше.

— Нам надо как можно быстрее исчезнуть отсюда, — Ваю потребовалась вся его энергия, чтобы подавить панику, охватившую его, и воспрепятствовать порыву вновь бежать к каменному ущелью. И он знал, что никакая сила в мире не заставит его идти дальше, в эту ужасную долину.

— Как мы можем сделать это? — слова Хьюма, ничего не обещая, звучали у него в ушах.

Внизу, у реки, они боролись с шарами с помощью камней. Если они все еще ждали их снаружи, Вай готов был бороться с ними голыми руками, если от этого будет зависеть их свобода. Хьюм, наверное, думал также, потому что он большими шагами уже отступал назад, под защиту скал.

Но выход был закрыт. Нога Хьюма, которая хотела сделать последний шаг на скальную тропинку, наткнулась на невидимое препятствие. Он отшатнулся назад и схватился за плечо Вая.

— Там что—то есть!

Юноша осторожно протянул руку. Его пальцы коснулись чего—то, но не твердого, прочного препятствия, а скорее невидимого эластичного занавеса, который под его нажимом немного поддался, а потом снова напрягся...

Они вместе наощупь попытались определить то, что им никак не удавалось увидеть. Каменное ущелье, через которое они пришли сюда, было закрыто преградой, через которую они не могли проникнуть и которую они не могли разрушить.

Хьюм попытался пробить ее излучателем. Они увидели, как тонкий луч пламени скользнул вдоль невидимого барьера, не оказав на него никакого действия.

Хьюм снова сунул оружие в кобуру.

— Может быть, отсюда есть какой—то другой выход, — но, говоря это, Вай уже знал, что это не так. Существа, захлопнувшие за ними западню, не оставили им никакой лазейки. Но пленники все же были людьми и не захотели сдаваться просто так, без всякой борьбы и быть пойманными, поэтому они снова двигались в путь, но на этот раз не к центру долины, а вдоль скал, опоясывающих ее.

Их все время задерживали кустарник и низкие деревья, и они были вынуждены обходить их, теряя на это время. Они отошли от входа в ущелье уже на несколько километров, когда Хьюм внезапно остановился и поднял руку. Вай прислушался, стараясь уловить тот звук, который насторожил его спутника.

В тот момент, когда Вай сконцентрировался на ненавистном звуке, он впервые заметил, что он ничего не слышит.

На равнине были слышны гудение, стрекотанье, визги, скрежет, голоса и звуки движения миллиардов мелких живых существ, населяющих травяной покров. Здесь же, кроме воя ветра и пары звуков, изданных насекомыми — ничего.

Все живые существа Джумалы размерами больше мухи, очевидно, уже давно были изгнаны из этой долины или истреблены.

— Слева! — Хьюм повернулся.

Там была чаща, такая густая, что в ней могло скрываться огромное животное. То, что произвело этот звук, должно было скрываться в ней.

Вай в отчаянии поглядел на камни, которые он должен был использовать в качестве оружия. Потом он схватил длинный охотничий нож, который Хьюм носил в ножнах у себя на поясе. Тонкое стальное лезвие пятидесяти сантиметров длиной заблестело в его руке.

Хьюм небольшими шагами приблизился к кустарнику. Вай отстал от него на пару шагов и чего—то ожидал слева от себя. Охотник великолепно обращался с излучателем, что было для руководителя сафари само собой разумеющимся. И Вай знал, с какой ловкостью он мог им действовать.

Он отвязал тук, который нес на плечах, и отбросил его.

Из чащи вылетело нечто красное и схватило подброшенную ему приманку. Хьюм выстрелил, и в ответ на это послышался резкий вопль водяной кошки. Но охотник прицелился великолепно. Пока Вай прилаживал свой тук обратно, Хьюм рассматривал труп.

— Странно, — он поднял все еще подрагивающую переднюю лапу и одним движением перекатил животное.

Это был гигант среди водяных кошек, самец по размерам больший, чем все представители этого вида, которых Хьюм видел до сих пор. Второй взгляд сказал ему, что ребра животного выпирали сквозь его облезлую шкуру, и кожа его плотно обтягивала череп. Водяной кот умирал от голода и его нападение на двух человек, вероятно, было последним актом отчаяния. Голодный хищник в долине, в которой отсутствовали все обычные звуки птиц и мелких животных, в долине, к которой была ловушкой.

— Никакого выхода, никакого питания, — Вай друг за другом выложил обе мысли.

— Да. Враги заперты, и можно наблюдать, как они убивают друг друга.

— Но зачем все это? — спросил Вай.

— Так проще всего.

— На равнине внизу есть множество водяных кошек. Нельзя же их всех пригнать сюда, чтобы они уничтожили друг друга. На это потребуются годы — нет столетия.

— Может быть, это животное оказалось здесь случайно или, возможно, оно было функцией какого-то механизма и контролировалось им, — ответил Хьюм. — Я не верю, что эта ловушка создана только для того, чтобы уничтожать водяных кошек.

— Однако, предположим, что это началось уже давно и что тех, кто все это создал, давно уже нет здесь. Механизм все еще автоматически функционирует, но им больше не управляет никакой разум. Это тоже может быть ответом, не так ли?

— Процесс, который начинается автоматически, как только какой — либо корабль совершает здесь посадку, именно в это место, единственное на всей Джумале. А может быть, он начинается только тогда, когда посадка сопровождается какими-нибудь особыми условиями. Только почему ловушка не сработала, когда здесь совершил посадку исследовательский корабль Патруля? И мы сами — мы здесь уже месяц — составляли карты, каталогизировали животный мир и не обнаружили никаких следов разумных существ.

— Этот мертвец, он здесь уже давно. А когда исчез «ЛАРГО ДРИФТ»?

— Пять или шесть лет назад. Я не знаю точно.

Это началось с низкого жужжания, едва различимого в далеком вое ветра. Потом тон звука поднялся, превратившись в то стихающий, а то усиливающийся крик, который угрожал порвать людям барабанные перепонки и извлекал наружу все подспудные страхи, которые дремлют в каждом человеке, стоящим перед неизвестной опасностью.

Хьюм схватил Вая и с силой потащил его в кустарник. Израненные, исцарапанные колючками, исхлестанные ветвями, они стояли на маленькой прогалине. Охотник снова искусно сдвинул ветви за ними, которые скрыли их. Через просветы в листьях им было видно то место, где лежал труп водяного кота.

Внезапно вой оборвался. Вай, опустившийся на четвереньки, почувствовал дрожание почвы, это было похоже на тяжелые шаги.

Дыхание ли смерти привело сюда «это»? Или «оно» преследовало их? Дыхание Хьюма было тяжелым. Он достал из кобуры излучатель и прицелился в промежуток между ветвями.

Дыхание, глубокое и громкое, похожее на человеческое. Темное пятно, неизвестно, была ли эта рука или лапа, раздвинула листву на другом конце маленькой полянке, и нечто вылетело из кустарника.

То, что появилось на полянке могло быть двоюродным братом голубых чудовищ, но оно производило впечатление грубой силы, в которой была плотоядная дикость.

По размерам оно было выше Хьюма, но низко пригнувшееся, голова его, лишенная всякой шеи, росла как будто прямо из плеч. Существо это было настоящим ужасным чудовищем. Из нижней его челюсти угрожающе выступали острые клыки.

Типичный хищник, и к тому же голодный. Он схватил труп убитой людьми водяной кошки и жадно оторвал от него огромный кусок. Вай, в памяти которого всплыл прогрызенный позвоночник человеческого скелета, с трудом сдержал тошноту.

Когда чудовище закончило свой ужасный обед, оно медленно повернуло свою огромную грушеобразную голову в их сторону. Вай увидел, как его трубкообразный нос зашевелился и надулся... Чудовище приняхивалось...

Хьюм нажал на спусковую кнопку своего излучателя. Бесшумное огненное копьё луча смерти ударило в самую середину огромной мощной груди чудовища. Монстр взревел и медленно повалился в заросли кустарника. Хьюм во второй раз выстрелил в него, на этот раз в голову, и голубая шерсть почернела. Чудовище проломилось сквозь кустарник, чуть было не задев

их и начало реветь и биться в конвульсиях. Люди покинули свое укрытие, которым являлся узкий каменный камин в скале, наполовину расщепивший ее. Ветви позади них все еще дрожали.

— Что это было? — с большим трудом проговорил Вай.

— Может быть, охранник. И, вероятно, не единственный здесь... — Хьюм провел пальцем по своему лучевому пистолету. — В моем пистолете остался только один заряд, один—единственный.

Вай повертел нож, который он держал в руках и попытался представить себе, что ему предстоит вступить в схватку с подобным чудовищем, имея в руках только это оружие. Но если здесь были и другие «охранники», они, услышав предсмертные вопли своего сородича, не будут торопиться сюда. Поэтому у людей было немного времени, и Хьюм сделал своему спутнику знак рукой, чтобы тот покинул убежище в скале.

— Теперь мы будем придерживаться открытой местности и будет лучше, если мы заметим такое чудовище прежде, чем оно нападет на нас. И, кроме того, я должен найти убежище на ночь.

Они пошли вдоль крутого склона и, наконец, обнаружили место, где высохшая теперь река некогда образовывала водопад. Пустое русло реки образовывало навес, не пещеру, но, по крайней мере, что—то вроде крыши над головой. Они набрали ветвей и камней и соорудили из них нечто вроде баррикады, спрятавшись за которой, они подкрепились скудным пайком НЗ.

— Вода — то озеро там, внизу. Плохо только, что вода в этой сухой местности есть только там, где охотники поджидают свою жертву. Озеро со всех сторон окружено деревьями, и за каждым деревом может таиться опасность.

— Может быть, нам удастся выбраться отсюда, прежде чем у нас кончится запас воды, — произнес Вай.

Хьюм уклончиво ответил:

— Человек некоторое время может жить на скудном пайке, а у нас еще есть питательные таблетки. Но без воды долго не проживешь. У нас ее осталось только две фляги. Если растянуть их, этого хватит, может быть дня на два, но не больше.

— Нам потребуется не более одного дня, чтобы обойти всю котловину.

— И если мы выйдем наружу, в чем я сильно сомневаюсь, нам будет нужна вода для дальнейшего пути. Там, внизу, есть

нечто, и оно только и ждет, пока наша жажда станет более сильной, чем наш страх и осторожность.

Вай сделал нетерпеливое движение, и его скрытые под навесом плечи коснулись каменной стены позади их.

— Итак, вы не верите, что у нас есть какие—нибудь шансы на спасение?

— Мы еще живы. И покуда человек дышит, стоит на ногах и не сошел с ума, у него есть шансы, — он машинально потерял свою искусственную руку, которая так была похожа на человеческую, но все же не была ею, и которая изменила всю его дальнейшую жизнь. — Я часто попадал в такие ситуации, как эта — и до сих пор все еще жив. Как на этот раз мы выберемся отсюда, я, конечно, еще не знаю, но со временем мы это увидим.

— Я вижу только один выход — схватить тех парней, которые все это устроили, — произнес Вай.

Хьюм сухо усмехнулся.

— После меня, юноша, после меня. Но мне кажется, что нам нужно немного отдохнуть.

10.

Вай с чувством разбитости выполз из—под каменного навеса. Солнце, свет которого отражался от скал, было ударом бича по его истощенному телу. Его распухший язык, словно камень, ворочался во рту. Он оцепенело уставился на волнующуюся поверхность воды, окруженную смертельно опасным лесом.

Что же произошло? Они в эту первую ночь улеглись спать под каменным навесом. Весь следующий день прошел для него словно в тумане. Они, должно быть, пошли дальше, хотя он ничего не мог вспомнить, кроме странного поведения Хьюма — глухого молчания, когда он, шатаясь, двинулся дальше, как сервобот, и бессвязного бормотания, слова которого были непонятны и сливались друг с другом. И он сам... его не оставляло чувство, что в самое последнее время в его воспоминаниях появлялись какие—то зияющие провалы.

Когда они, наконец, нашли эту пещеру, и Хьюм упал, все попытки Вая поднять его ни к чему не привели. Как долго они здесь пробыли, Вай не мог сказать. Он боялся остаться один. Если бы у них была вода, возможно, Хьюм снова пришел бы в

сознание, но вся их вода была использована до последней капли.

Вая казалось, что он слышит запах озера, что каждое дуновение ветра, долетающее сюда, до скал, приносило с собой этот манящий запах. Он связал Хьюма поясом, который он снял со своего рюкзака. Он сделал это для того, чтобы тот, если он придет в сознание, не смог уйти.

Вай нащупал нож Хьюма, который он с трудом прикрепил к срезанной ветке. С тех пор, как он избавился от этого тумана, окутывающего его мозг, он сделал все, что было в его силах, чтобы предотвратить нападение животных, которые могли оказаться поблизости. Он взял с собой лучевой пистолет Хьюма. Он твердо решил использовать последний заряд с наибольшей пользой.

Вода! Его распухшие губы двигались, выплевывая песок. Четыре их пустых фляги из—под воды были прикреплены к его измятой, обрезанной накидке и крепко прижаты к ребрам. Теперь или они умрут, потому что скоро он станет слишком слаб, чтобы отважиться на какую—либо попытку, или выживут. Он подошел к первой группке кустов, спускающихся вниз.

Ни один звук не нарушал задумчивую тишину долины. Он беспрепятственно достиг опушки леса. У него не было других мыслей, кроме как о том, как ему лучше выполнить задуманное. Он присел за кустом, оглядел лес и начал приводить в действие придуманный им план. Животное, которое убил Хьюм, было слишком тяжело, чтобы лазать по деревьям. Вес Вая был не так велик, чтобы сразу же исключить подобный способ передвижения.

Крепко привязав импровизированное копье и излучатель к своему поясу, Вай вскарабкался на первое дерево. Надежды на успех было мало, но другого способа защиты от нападения чудовищ у него не было. Отважный прыжок, заставивший его сердце подкатиться к горлу, перенес его на следующую ветвь. Потом ему повезло. Лианоподобные растения связывали эту ветвь с другим деревом.

Крепко вцепиться руками, потом снова балансировать, иногда переступить с ноги на ногу на толстой ветви — он медленно продвигался к озеру. Потом он достиг прогалины. Вцепившись обеими руками в широкую ветку, он нагнулся вперед, чтобы осмотреть узкую ленточку коричневой почвы внизу под ним — очевидно, тропинку, которой часто пользо-

вались, судя по тому, как гладко была утоптана ее поверхность.

Эту ленточку почвы нужно пересечь, спустившись вниз, но при этом он оставит там свои следы. Но никакого другого пути больше не было. Вай еще раз проверил крепление своего оружия, прежде чем прыгнуть вниз. В то же мгновение, как только его сандалии коснулись почвы, он побежал. Так он достиг ближайшего дерева на другой стороне тропинки, и его руки снова коснулись шершавой коры.

Здесь больше не было лиан, но были крепкие, далеко простирающиеся ветки. Он, перепрыгивая с одной из них на другую, задержался на них, чтобы перевести дух и прислушаться.

Мрачную полутьму леса пробил луч солнца. Он достиг последнего ряда деревьев. Чтобы достичь озера, Вай снова был вынужден спуститься вниз. Из леса выдавалось огромное упавшее дерево. Если он спустится на него и погрузит фляги в воду...

Тишина. Ни птиц, ни древесных ящериц или каких—нибудь других животных. Ни рыб, которые нарушали бы зеркально—гладкую поверхность воды. Но его не оставляло ощущение присутствия жизни, враждебной жизни, с нетерпением поджидающей его в глубине леса и под поверхностью воды.

Вай прыгнул на ствол дерева, прошел по нему к озеру и лег на него на живот. Он прицепил к ремешку первую флягу и из своего убежища опустил ее вниз.

Вода в реке была коричневой и непрозрачной. Здесь же вода была не такой мутной. Он видел в глубине тени затонувших обломков ветвей.

И еще что—то.

В самой глубине он различил прямую линию, каменный гребень, такой прямой, что он не мог быть природным образованием. Гребень под прямым углом состыковался со вторым. Вай нагнулся вниз и напряг зрение, чтобы проследить продолжение этих образований. Он увидел два тонких выступа, которые, как два удилища, виднелись на поверхности воды.

Там, внизу, было что—то... что—то сделанное искусственно, и в этом, возможно, заключался ответ на все его вопросы. Но отважиться опуститься в озеро самому.. он не должен этого делать! Если ему удастся вывести охотника из бессознательного состояния, может быть, найдет другое решение этой задачи.

Вай с лихорадочной поспешностью наполнил все фляжки, не спуская взгляда со странного сооружения на дне озера. Его удивлял светло—серый цвет этого образования, исчезающий в темной синеве воды. Может быть, цвет его был даже белый. Вай опустил последнюю фляжку.

Там внизу, в выбеленном лесу мертвых ветвей, на некотором расстоянии от этих странных стен, что—то двигалось, медленное парение теней, частично скрытых завесой взбалмученного ила, так что Вай не смог разглядеть, что это было такое, но что бы это ни было, оно приближалось к его фляжке. Вай не хотел терять не единой драгоценной капли воды. Ему один раз повезло беспрепятственно проделать весь этот путь от пещеры в скале к озеру, но во второй раз ему могло и не повезти.

Молния... медленно поднимающаяся тень превратилась в угрожающее атакующее копьё. Вай выдернул фляжку из воды в то же мгновение, когда из воды вынырнула бронированная голова на чешуйчатой шее, и широкий нос с шелкающим звуком ударился о ствол. Вай крепче ухватился за одну из веток, оставив за собой след из пузырьков воздуха, чудовище снова исчезло в волнах.

Вай помчался назад под защиту деревьев. На этот раз не было ни рева, ни гула шагов, чтобы предупредить его. Выросшее словно из—под земли — по крайней мере так показалось испуганному Ваю — перед ним возникло черно—голубое чудовище. Чтобы достигнуть дерева, дающего ему хотя бы относительную безопасность, он должен был проскочить мимо чудовища. Но оно, казалось, обо всем догадывалось, так как неподвижно стояло и следило за каждым его движением.

Вай сорвал с плеча копьё. Длина его рукоятки, может быть, давала ему какой—то шанс, если ему удастся попасть острием в какое—нибудь уязвимое место. Но он хорошо знал, как трудно убить такое чудовище.

Пасть его открылась в угрожающей гримасе. Вай увидел, как дрогнули мускулы на его плечах. Оно сразу же устремилось вперед и лапы, снабженные угрожающе острыми когтями, приготовились схватить его.

Теперь юношу ожидала неминуемая смерть. Он направил свое острие копья в выступающую грудь чудовища. Потом он ударил и рванул копьё в сторону, чтобы расширить глубокую рану, которую он нанес врагу.

Копье было вырвано у него из рук, когда обе лапы схватились за него. Потом чудовище вырвало его из своей груди и переломило древко. Вай сделал короткий выстрел из своего излучателя, прежде чем противник успел повернуться к нему, и увидел, как его короткая шерсть потемнела. Затем Вай со всех ног помчался к дереву. Вбежав под его крону, он оглянулся. Чудовище обеими лапами ощупывало обожженное место на своей голове, и у Вая появилось несколько секунд времени. Он подпрыгнул, и его пальцы ухватились за нижнюю ветку. Он с силой отчаяния подтянулся вверх и достиг следующего ряда ветвей, когда чудовище с яростным ревом промчалось внизу под ним.

Мощная грудь его с такой силой ударилась о ствол, что Вай чуть не сорвался. Пока огромные лапы обрабатывали ствол, Вай вскарабкался еще выше. Он пробрался к концу одной из ветвей и перепрыгнул на другое гиганское дерево. Потом, не обращая внимания на опасность и риск, он помчался дальше, и в голове у него была только одна мысль, как можно быстрее покинуть этот ужасный лес.

Судя по шуму, чудовище все еще пыталось свалить первое дерево, и Вай удивился его способности к выживанию, потому что рана, которую он нанес ему, давно бы убила любое другое животное, он это знал. Могло ли чудовище проследить его путь бегства по деревьям и мог ли его полный боли рев привлечь сюда других его сородичей, он не знал, но в любом случае, каждая секунда преимущества, которую он выигрывает, была для него очень важна.

Снова достигнув тропинки, он заколебался. Она вела в нужном ему направлении, и пешком он, конечно, мог бы передвигаться намного быстрее, чем по деревьям. Вай соскользнул вниз, прыгнул на тропинку и побежал. Воздух со свистом вырывался из его легких, и он сомневался, сможет ли он долго выдержать это карабканье с дерева на дерево.

Рев боли становился все громче, в этом Вай был уверен. Теперь он слышал топот чудовища, мчавшегося следом за ним. Но его преследователь был тяжелее его и к тому же ранен. Если Вай успеет достичь открытого пространства, он сможет укрываться за скалой и использовать излучатель.

Деревья становились все тоньше. Вай собрал все свои силы для последнего броска и как стрела, выпущенная из лука, промчался между деревьями. Перед ним вверх по склону на-

ходились закрытые «ворота» в ущелье. И слева к нему приближалось второе черно—голубое чудовище.

Он не смог вернуться назад, под защиту деревьев. Вай свернул направо и помчался к каменным воротам. Когда он пригнулся за камнем, из леса выскочил его раненый преследователь. Какой—то инстинкт вел его по нужному следу.

Дрожа от изнеможения, Вай оперся рукой о скалу и вытянул перед собой излучатель. Примерно в двух метрах от юноши находилась обманчиво открытая щель «ворот». Если он бросится туда, не отбросит ли его напряжение невидимой завесы прямо в лапы и когти его врагов?

Он выстрелил из своего оружия в голову второго чудовища. Оно завизжало, подняло лапу, и когти его впились в его раненого сородича. Тот с воплем бросился на своего мнимого врага и началась неожиданно яростная схватка. Вай двигался вдоль скалы, чтобы достигнуть пещеры, в которой находился Хьюм. Оба голубых чудовища, казалось, были заняты только тем, что старались прикончить друг друга. Чудовище из леса было прикончено, его противник вцепился ему в горло. Победитель с триумфом урчал. Потом он поднял голову, чтобы взглянуть на Вая.

Оно не было готово к быстрой и внезапности нападения. Теперь это чудовище, хотя и производило впечатление грубой силы, но никак не проворства. Но ошибка могла стоить Вая жизни. Он отпрыгнул назад, зная, что ему необходимо избежать нападения, поскольку надежда победить чудовище в рукопашном бою была равна нулю.

На долю секунды он испытывал чувство смятения. У него появилось ощущение, что он неудержимо мчится сквозь пространство, в котором действуют другие законы, чем в его собственном мире. Потом он покатился по камням снаружи занавеса, который до сих пор блокировал выход из долины.

Он поднялся, отзвуки этого странного ощущения постепенно исчезали.словно сквозь туман он увидел, как голубое чудовище остановилось. Оно с хныканием повернулось назад, но, прежде чем оно достигло края леса, колени его подогнулись, оно упало мордой вниз и замерло неподвижно, машина для уничтожения, в которой погасла последняя искра жизни.

Вай попытался осознать, что же все—таки произошло. Он как—то проник через барьер, который превратил долину в ловушку. На мгновение голова его заполнилась другими мыс-

лями, кроме тайны своего освобождения. Потом он с опаской посмотрел на путь, ведущий к свободе, ожидая, что со стороны долины появятся светящиеся шары или голубые животные, которые загнали их сюда. Но там не было ничего.

Свобода! Он с трудом встал. Потом прицепил к поясу излучатель Хьюма. Но ведь охотник—то в долине! Он все еще оставался там!

Вай провел по лбу дрожащими пальцами. Сквозь барьер — и свобода, но Хьюм был все там, безоружный, легкая добыча для любого животного, которое обнаружит его. Большой, без воды и без защиты, он был уже мертвецом, хотя сердце его все еще продолжало биться.

Упершись рукой в скалу, Вай попытался идти, но не в сторону далекой равнины, а назад, в долину, направляемый только своей волей и не слушая своего внутреннего голоса, который возражал против этого самоубийственного сумасшествия. Достигнув двух гигантских скал, между которыми была завеса, он осторожно попытался нащупать ее. Но никакого препятствия не было, завеса исчезла. Он мог вернуться назад к Хьюму.

Все еще опираясь рукой о скалу, Вай, шатаясь, прошел через «ворота» — он снова был в долине. Он стоял на подгибающихся ногах и прислушивался. Но снова была полная тишина, даже ветер не шелестел в листве деревьев и кустов. Осторожно ступая, Вай направился к пещере, в которой находился Хьюм. Смущение, заполнившее его сознание, когда он очнулся, теперь полностью исчезло. Кроме чисто физической усталости, которая, как груз, угнетала его, он снова чувствовал себя в полном порядке.

У входа в пещеру Хьюм старался освободиться от пут. Он уже сбросил веревки, которыми Вай связал его ноги, но запястья его были все еще связаны. Его изможденное, покрытое потом лицо было повернуто к солнцу, и по его глазам было видно, что он пришел в себя и снова мыслил четко и ясно.

Вай нашел в себе силы пробежать пару шагов, которые разделяли их. Он снял веревки, связывающие запястья Хьюма и одновременно выложил ему эту радостную новость. Барьер исчез, и они могли уйти отсюда.

Потом он поднял одну из драгоценных фляг и вылил часть ее содержимого между потрескавшимися, окровавленными губами мужчины. Потом они с трудом поднялись и направились к выходу из долины. Но когда «ворота» были уже прямо перед

ними, Хьюм вдруг вырвался и с полузадушевым криком бросился к ним — его отбросило, и он осел на землю и остался лежать неподвижно. Потом всхлипнул и повернул к нему лицо с закрытыми глазами. Западня снова захлопнулась.

— Почему... почему? — Вай внезапно заметил, что он все время повторяет одно и то же слово, и глаза его уставились на лес.

— Расскажите мне еще раз, что произошло, и поточнее.

Голова Вая медленно повернулась. Хьюм сел, и плечи его теперь опирались о скалу. Его искусственная рука, казалось, бесцельно двигалась взад и вперед, но на самом деле она ощупывала поверхность невидимой завесы, которая снова закрывала им путь к свободе. И выражение горящих глаз охотника, казалось, снова было нормальным и естественным.

Медленно, колеблясь, с долгими паузами между отдельными предложениями, Вай рассказал охотнику о своей экскурсии к озеру, своем бегстве от чудовища и своем чудесном проникновении через завесу, закрывающую «ворота».

— И вы вернулись назад.

Вай покраснел. У него не было никакого желания говорить об этом. Вместо этого он произнес:

— Если завеса однажды исчезла, она может исчезнуть и во второй раз.

Хьюм не согласился с этим, он потребовал от Вая, чтобы тот со всеми подробностями еще раз рассказал о своем сражении с раненым чудовищем.

— Ну, так, — произнес Хьюм, когда Вай закончил свой рассказ. — Когда вы упали, вы не думали ни о какой завесе, вы потеряли сознание, а потом ваш разум снова начал функционировать. Вы избавились от тумана в голове, в который мы оба все время были погружены.

Вай попытался вспомнить все, происшедшее с ним, и решил, что охотник был совершенно прав. У него была только одна цель — избежать нападения чудовища, и в его мыслях в то мгновение были только страх и отчаянное желание бежать отсюда как можно быстрее. Но что это все могло значить?

Он осторожно подполз к тому месту, где лежал Хьюм, где его рука скользила взад и вперед по завесе. Но он углубился в щель приблизительно сантиметров на двадцать. Там, где он рассчитывал встретить сопротивление невидимой завесы, не было ничего! Он повернулся к Хьюму.

— Проход открыт только для вас! — Хьюм снова повторил эти слова. Его глубоко посаженные глаза глядели на Вая без всякого выражения.

Вай встал, отступил на шаг по другую сторону завесы, которую рука Хьюма все еще ощущала как сопротивление какой-то невидимой субстанции. Но... почему Хьюм все еще в плену?

Охотник взглянул на него. Его глаза сверлили Вая.

— Идите быстрее... идите как можно быстрее!

Вместо того, чтобы послушаться охотника, Вай опустил ся около него.

— Почему? — спросил он и внезапно понял, почему. Он взглянул на Хьюма. Голова охотника была прислонена к каменной стене, глаза его были закрыты. — У него был вид человека, который находился на пределе своих сил и возможностей, человека, который решил отказаться от борьбы.

Вай поднял правую руку и сжал пальцы в кулак. Потом он ударил. Хьюм сжался и упал наземь, не оказав Ваю никакого сопротивления.

Да у того и самого уже не оставалось сил, чтобы нести на себе такой груз. Вай пополз, волоча за собой тело охотника. И на этот раз, как он и надеялся, завеса не оказала ему никакого сопротивления. В бессознательном состоянии Хьюм смог пересечь барьер. Вай осторожно положил его на камни и стал капать драгоценную влагу ему на лицо, пока тот снова не застонал, потом не забормотал и не положил ослабевшую руку себе на лицо.

Потом его серые глаза открылись, и он взглянул на Вая.

— Что?

— Мы оба преодолели барьер, оба! — Юноша увидел, как Хьюм недоверчиво огляделся.

— Но как?

— Я вас ударил, — объяснил Вай.

— Ударил меня? И я, потеряв сознание, прошел через барьер, — голос Хьюма окреп. Я хочу посмотреть на все это сам, — он откатился в сторону и стал ощупывать все вокруг себя. На этот раз его руки не обнаружили занавеса. Барьер исчез и для него.

— Если ты однажды преодолел занавес, ты свободен, — с удовольствием произнес он. — Может быть, они никогда не рассчитывали на то, что кто-то сможет выбраться отсюда, — он выпрямился, приподнялся на обеих руках и сел на землю.

Вай обернулся и взглянул на тропинку позади них. Расстояние между ними и лагерем сафари поставило перед ними новую проблему. ни один из них не мог пройти пешком такое расстояние.

— Мы снаружи, но мы еще не вернулись... еще нет, — произнес Хьюм, словно прочитав мысли Вая.

— Я все обдумал. Если мы открыли эту дверь.. — начал Вай.

— Глайдер! — Хьюм тотчас же понял, что имел в виду Вай.

— Да, если эти шары не висят в воздухе и не поджидают нас где-то поблизости...

— Может быть, они здесь только для того, чтобы загонять сюда жертву, а не для того, чтобы ее здесь удерживать, — это могло быть всего лишь их желанием, но теперь они убедили себя в правильности своей теории.

— Помогите мне, — Хьюм протянул руку, и Вай поднял его. Несмотря на слабость, разум охотника, по-видимому, был ясен. — Пойдем.

Они вместе еще раз прошли через «ворота» и убедились, что барьер на самом деле исчез. Хьюм рассмеялся.

— Хотя первая дверь и открыта, следующая может оказаться закрытой.

Вай усадил охотника возле «ворот» и один вернулся в пещеру, чтобы забрать припасы, которые там еще оставались. Когда он вернулся назад, они проглотили по несколько таблеток и жадно запили их водой из озера. Потом со свежими силами они отправились в путь.

— Эта стена в озере, — внезапно сказал Хьюм, — вы уверены, что это искусственное сооружение?

— Она слишком пряма, чтобы быть естественной, и эти выступы на равных расстояниях друг от друга. Я действительно не могу представить себе, что это может быть естественным нагромождением камней.

— Нам нужно знать это точно.

Вай подумал о нападении водного обитателя.

— Я не стану нырять туда, — запротестовал он. Хьюм улыбнулся.

— Не мы или, по крайней мере, не теперь, — сказал он. Но Гильдия направит сюда экспедицию.

— Что может послужить основанием для этого? — Вай поддерживал Хьюма, помогая ему идти по каменистой осыпи.

— Информация.

— Что?

— Кто—то или что—то манипулировало нашими мозгами, пока сознание наше было затуманено. Или... — Хьюм внезапно остановился и взглянул на Вая. — У меня сложилось впечатление, что вы намного легче преодолеваете трудности, чем я. Это так?

— Частично, — ответил Вай.

— Это подтверждает мою теорию. Часть меня понимала, что происходит со мной, но была беспомощна, в то время, как другая... — его улыбка внезапно исчезла, и голос его зазвучал резко. — Мои мысли были похищены и рассортированы таким образом, чтобы ими можно было воспользоваться.

Вай покачал головой.

— У меня было не так. Я просто оцепенел, словно грезил наяву.

— Итак, «это» вывернуло меня наизнанку, а вас нет. Почему? Снова вопрос в наш и так уж немалый список тайн.

— Может быть.. может быть, техники Васса приняли предосторожности, чтобы со мной этого не произошло? — произнес Вай.

Хьюм кивнул.

— Может быть... весьма может быть. Пойдемте, — снова сказал он.

Вай обернулся и взглянул на откос позади них. Получил ли Хьюм из леса новое предупреждение? Вай не заметил там никакого движения. И с такого расстояния озеро было похоже на драгоценный камень, под гладкой поверхностью которого могло скрываться все, что угодно. Хьюм уже сделал несколько шагов по направлению к выступу, он буквально побежал, словно чудовища из леса гнались за ним по пятам.

— Что же тогда? — спросил Вай, догоняя Хьюма.

— Скоро наступит ночь, — охотник был прав. Через некоторое время он добавил: — Если мы достигнем глайдера до захода солнца, мы, может быть, сможем вернуться на берег озера и сделать снимки, а уж потом возвратимся в лагерь.

Таблетки дали им новые силы, так что, выбравшись в ущелье, они больше не ощущали слабости. Хьюм на мгновение поколебался, испытывая страх перед испытанием, которое им

предстояло. Потом они двинулись по тропе и оказались снаружи.

Они достигли скального выступа и обнаружили свой глайдер там же, где они его оставили. Как давно они покинули его, они не могли сказать, но они считали, что пробыли в этом полубессознательном состоянии несколько дней. Вай осмотрел небо. Ни одного светящегося шара. Вообще ничего.

Он влез на свое место позади кресла пилота и стал смотреть, как Хьюм со спокойствием и самоуверенностью человека, делающего это не в первый раз, проверял приборы и манипулировал рукоятками. Но, несмотря на все это, юноша облегченно вздохнул, когда Хьюм закончил проверку.

— Все в порядке. Мы можем лететь в любое время.

Они снова огляделись, их тревожила мысль, что эти неумолимые загонщики могут появиться снова и воспрепятствуют их бегству отсюда. Хьюм нажал на одну из кнопок на пульте управления, и они поднялись вертикально вверх — но не так быстро, как они сделали это во время сумасшедшего бегства из лагеря Васса.

Высоко над утесами они зависли на месте и попытались осмотреть всю долину — ловушку. Хьюм нажал на пару рычажков, и глайдер медленно полетел к центру озера.

С этой высоты они заметили, что поверхность воды была очень странной — озеро образовывало безукоризненный овал, намного более правильный, чем если бы это было создано природой. Хьюм снял с пояса несколько круглых дисков и вставил их в щель на пульте управления. Потом он нажал на одну из кнопок. Затем он повел глайдер равномерными зигзагами над поверхностью озера.

Теперь они тоже видели, что находится под поверхностью воды. Стена с острыми углами, которую Вай видел со ствола упавшего дерева, была частью сооружения, находящегося на дне озера. Сооружение это имело форму шестилучевой звезды, вписанной в овал, в центре которого было черное пятно, но что это было, люди не смогли разобрать.

Глайдер, управляемый Хьюмом, описал последнюю кривую.

— Это все. Теперь у нас есть множество снимков.

— Как вы думаете, чем это может быть?

— Это сделано разумными существами, и оно очень старое. Эта долина образовалась не вчера, не несколько месяцев назад и даже не несколько лет. Мы спросим у специалистов, что все

это значит. А теперь домой! — Он поднял глайдер над каменной стеной, окружавшей долину и взял курс на северо—запад, где было ущелье, когда—то перекрытое барьером. Покинув долину, он включил интерком и стал ловить сигналы маяка, чтобы сориентироваться по ним.

— Странно, — искатель скользил взад и вперед, но в динамиках слышался только свист несущей частоты. — Может быть, мы слишком далеко от берега и не можем поймать луч пеленга. Я только спрашиваю себя... — он нажал на кнопку и повел движок искателя еще дальше влево.

В динамике внезапно что—то щелкнуло, потом послышался писк морзянки. Вай не мог расшифровать его, но одна интенсивность сигнала и скорость передачи указывали на страх и панику.

— Что это?

— Тревога! — ответил Хьюм, даже не взглянув на пульт управления.

— В охотничьем лагере?

— Нет. Васс, — Хьюм несколько секунд, показавшихся Ваю вечностью, сидел неподвижно и смотрел на свои руки. Автопилот вел глайдер по курсу, и Вай подумал, что скорость их была настолько велика, что эта роковая долина давно уже остылась позади.

Хьюм снова нажал на кнопку и глайдер слегка отклонился влево, потом лег на другой курс. Охотник снова начал манипулировать с искателем интеркома. На этот раз он уловил серию щелкающих звуков, которые были совершенно непохожи на только что прозвучавшую морзянку. Хьюм прислушался, но сигналы автомата снова смолкли.

— В лагере сафари все в полном порядке.

— Но Васс в опасности. Это имеет отношение к нам? — спросил Вай.

— Все возможно, — медленно произнес Хьюм. Хотел бы он быть также убежден, как и Вай. — Я единственный член Гильдии на Джумале, а член Гильдии несет ответственность за всех штатских, оказавшихся здесь.

— Но Васс не ваш клиент.

Хьюм покачал головой.

— Нет, он не клиент. Но он человек.

Так было на всех границах исследовательской части Галактики — люди были связаны друг с другом. Вай хотел возразить против этого, но его собственные чувства и понятия о древних

традициях препятствовали этому. Васс был преступником, который наживался на страданиях и нищете людей не в одной только Солнечной системе. Но он также был человеком и тоже имел права на помощь, как и любой другой.

Вай увидел, что Хьюм переключился на ручное управление, почувствовал, что глайдер изменил курс, а потом снова услышал настойчивое стакатто бедствия, и они снова помчались в направлении этого передатчика.

— Автомат, — Хьюм снизил уровень звука в динамиках, — включен на полную мощность.

— У них вокруг лагеря было установлено силовое поле, и они знают о светящихся шарах и голубых животных, — Вай попытался представить себе, что же могло произойти там, на равнине.

— Может быть, отказало силовое поле. Без глайдера они, конечно, не могут никуда улететь.

— Но они могут стартовать на своем космическом корабле.

— Васс впервые не завершит свой уже начатый проект. — Вай вспомнил. — О, это же самый лучший обманный маневр!

К его удивлению Хьюм рассмеялся.

— Кажется, теперь все пошло не так, а, Лензор? Да, миллиард кредитов, да, это мы вас выдумали, но мы не знали, что в этом деле будет участвовать больше людей, чем мы предполагали. Я только хотел знать...

Но он не договорил, что бы ему хотелось знать, и через некоторое время добавил через плечо.

— Вы лучше отдохните немного, юноша. До посадки у нас есть еще время.

Вай заснул глубоко и без сноведений. Проснувшись от легкого прикосновения к своему плечу, он увидел в небе перед ними яркий луч света, хотя вокруг них и была темнота ночи Джумалы.

— Это предупреждение, — объяснил Хьюм. — И я не получил из лагеря никакого ответа, только вот этот постоянный сигнал о помощи. Если там, внизу, еще есть кто-то, он не может или не хочет ответить нам.

В свете луча они увидели нацеленный в небо острый нос космического корабля. Автопилот мягко посадил глайдер на ровной площадке, которая была ярко освещена прожектором, стоящим на треножнике. Треножник стоял на том месте, где в ночь их бегства находился ядерный реактор.

— Если они только не укрылись в корабле, а я не знаю, зачем им это делать, значит, они покинули лагерь, — Хьюм достал из кобуры излучатель.

Корабль оказался таким же покинутым, как и лагерь... Полный хаос, царящий в его единственной пассажирской каютке, свидетельствовал о том, что Васс и его люди покинули корабль в большой спешке. Хьюм не коснулся передатчика, который все время автоматически посылал в эфир сигнал бедствия.

— Что теперь? — спросил Вай, когда они закончили поиски.

— Сначала в лагерь сафари, потом — Патруль.

— Но, — Вай отложил коробку с пайком, которую он нашел и теперь, терзаемый волчьим голодом, собирался опустошить ее, — если вызвать Космический Патруль, вы должны будете все рассказать им, не так ли?

Хьюм в это время вставлял энергетические капсулы в свой излучатель. .

— Патруль должен получить полный отчет. Этого не избежать. Но вы не должны беспокоиться об этом, — он захлопнул дверь кладовки. — У вас есть веское оправдание. Вы же, наконец, просто жертва.

— Я не думал об этом.

— Юноша, — Хьюм подбросил излучатель и снова перехватил его своей искусственной рукой, — я вступил в это дело с открытыми глазами. Почему я это делал, об этом сейчас говорить не будем. Собственно говоря... — он поглядел мимо Вая на раскинувшийся неподалеку лагерь. — Вы знаете, я задумывался о многом, но, может быть, уже слишком поздно. Мы вызовем Патруль и не потому, что Васс и его люди здесь и где-то там снаружи ждут помощи, а потому, что мы люди и они тоже, а также потому, что здесь есть что-то, что уже погубило несколько человек.

Скелет в долине! И многое говорит за то, что и Васс с людьми теперь движется туда же, в горы.

— Сейчас мы постараемся как можно быстрее вернуться в лагерь сафари. Оттуда мы передадим сообщение для Патруля, а потом постараемся отыскать Васса. Джумала находится в стороне от космических трасс. Патруль будет здесь не раньше завтрашнего утра и мы можем надеяться, что до этого времени нам удастся провести тут небольшую разведку.

Вай не произнес ни слова, когда они снова забрались в глайдер. Как Хьюм уже говорил, события развивались слиш-

ком быстро. Несколько дней назад им владело только одно желание: рассчитаться с этим охотником, потребовать от него ответ, для чего он находится здесь, и потребовать от него компенсацию за то, что им двигали как марионеткой какие-то чужаки ради своих непонятных целей.

Теперь у них была цель: найдем Васса, вызвать Патруль и разгадать тайну озера. Он попытался объяснить сам себе, почему он так думал, но не нашел на это ответа.

Они оба молча подняли глайдер, оставили позади себя покинутый лагерь Васса и теперь медленно скользили над черным лесом по направлению к лагерю сафари. Так же беспрепятственно, как в свое время покинули долину, они летели теперь вперед, и светящиеся шары больше не докучали им.

Но они были тут — они светящимся облачком повисли над ними, когда глайдер оставил позади сумрачный лес и вылетел на открытое место. Облако светящихся шаров кружило над лагерьем, как гриф над падалью.

Хьюм направил глайзер прямо в облако, и на этот раз танцующие шары расступились перед ним. Вай взглянул вниз. Как только тоненькой полоской света над горизонтом забрезжило утро, снаружи силового поля стали видны какие-то черные пятна, но пока было темно, их не было видно. Светящиеся шары вверх, животные вниз — лагерь сафари был окружен, он находился в осаде.

12.

— У них был только один путь — в горы, Хьюм стоял среди куполообразных палаток и смотрел на четырех людей, троих штатских и Ровальда. — Вы говорите, что уже прошло семь дней по местному времени с тех пор, как я ушел из лагеря. Следовательно, они могли быть в пути максимум пять дней. Итак, если это возможно, мы должны остановить их, прежде чем они доберутся до долины.

— Фантастическая история, — на лице у Чембрисса было выражение человека, который не привык, чтобы с ним происходило что-то иное, кроме того, что он запланировал сам. — Нет, мы не сомневаемся в правдивости ваших слов, охотник. Эти чудища там, снаружи — лучшее тому доказательство. Но, судя по вашим собственным словам, Васс — это человек, сто-

ящий вне закона, и он высадился на этой планете с преступными намерениями. И знаете ли вы вообще, действительно ли ему угрожает опасность? Вы и этот юноша, судя по вашим собственным утверждениям, были в самом центре враждебной территории и вернулись оттуда целыми и невредимыми.

— Вследствие счастливого стечения обстоятельств, которые, может быть, никогда больше не повторятся, — Хьюм был терпелив, гораздо терпеливее, чем, казалось, об этом думал Ровальд. Его рука молнией скользнула на пояс, он выхватил свой излучатель. Понадобится всего одно нажатие кнопки, и из дула вырвется яркая молния.

— Я сказал, прекратим болтовню и пойдем искать хозяина.

— Я займусь этим, но только после того, как предупрежу Патруль.

Теперь излучатель Ровальда был направлен на Хьюма в упор.

— Патруль не будет участвовать в этой игре, — сказал Ровальд.

— С меня этого хватит, — это был Иктизи и в его голосе прозвучало нечто авторитетное, чего никак нельзя было в нем ожидать. Когда внимание было привлечено к нему, он начал действовать.

Ровальд вскрикнул, оружие вылетело из его руки, которая уже покраснела. Иктизи приготовил удище для второго удара. Но в этом больше не было никакой необходимости. Вай поднял излучатель, упавший возле него.

— Теперь я отправляю сообщение Космическому Патрулю и попытаюсь отыскать Васса, — сказал Хьюм.

— Весьма разумно, — сухо похвалил его Иктизи. — Итак, вы считаете, что вы теперь невосприимчивы к этим неизвестным силам в долине?

— Так мне кажется.

— Тогда вы, конечно, должны идти.

— Зачем? — впервые за весь разговор вмешался Чембрисс. — Предположим, что ваш иммунитет исчез. Предположим, вы во второй раз попадете в эту ловушку и не сможете из нее выбраться. Вы наш пилот и вы хотите остаться здесь до конца своих дней?

— Этот человек тоже пилот, — Старис указал на Ровальда, который баюкал свою ушибленную руку.

— Да, но он тоже один из этих преступников, я ему не доверяю, — с апломбом возразил Чембрисс. — Охотник, я

требую, чтобы вы немедленно увезли нас с этой планеты и доставили в безопасное место! Я хочу также сказать, что я подам на вас жалобу в Гильдию. Охотничий мир, на котором мы сами стали добычей!

— Но Чембрисс! — Старис не выказал никаких чувств, кроме любопытства. — Быть здесь именно теперь — это удача, которую нельзя получить ни за какие деньги. Трехмерка передаст наше сообщение.

Хотя Ваю было не совсем ясно, что здесь происходит, отговорки Чембрисса настроили его совсем на другой тон.

— Трехмерка, — повторил он, и гнев его, казалось, почти полностью исчез. — Да, конечно, это, так сказать, исторический случай.

Иктизи расслабился. Но по едва заметному следу на его губах Вай понял, что это, собственно не было улыбкой. И Старис тоже, кажется, нашел верный способ обращения с Чембриссом. А потом снова появился этот невзрачный человек и предложил Хьюму свои услуги.

— Я кое-что понимаю в аппаратуре связи, охотник. Я могу передать сообщение и позаботиться о связи, пока вы не вернетесь назад.

Я смогу сделать это, — добавил он. — Будет очень неплохо, если этим будет заниматься ваш человек.

Кончилось тем, что Старис направился в отсек связи, чтобы установить связь с Космическим Патрулем, в то время как Ровальда заперли в одной из кают этого же корабля, пока не придут представители закона и порядка. Пока Хьюм с помощью Вая готовил глайдер для новой экспедиции, Иктизи подошел к ним.

— У вас есть определенный план поисковой экспедиции?

— Мы полетим в северном направлении. Если они находятся в пути достаточно долго и достигли предгорий, может быть, мы увидим их, когда они будут карабкаться вверх по скалам.

— Вы не думаете, что их тоже освободят после того, как они будут... ага... будут обработаны?

Хьюм покачал головой.

— Мистер Иктизи, я думаю, что мы тоже не будем свободны, если только не произойдет чуда.

— Да, если вы нам не расскажите всех подробностей.

Хьюм отложил излучатель, который он снова полностью зарядил, в сторону. Потом он посмотрел на Иктизи.

— Кто вы? — голос охотника звучал тихо, но в нем слышалось что-то, что Вай не смог распознать. . нечто похожее на угрожающие нотки.

Высокий, стройный штатский улыбнулся впервые за все время, насколько мог вспомнить Вай. Теперь он не выглядел важным, полным собственного достоинства человеком.

— Человек с разносторонними интересами, охотник... оставим на некоторое время все, как есть? Я могу заверить вас, что Васс не относится к этим интересам. . по крайней мере, не в том смысле, в каком вы можете это предположить.

Серые глаза схлестнулись с карими и на мгновение уставились друг на друга.

— Я верю вам. Но я сказал вам правду.

— Я в этом не сомневаюсь, вопрос только в том, какую часть правды вы мне сказали. Потом все равно вы должны будете рассказать мне больше— неужели вы все еще не поняли этого?

— Я никогда не думал иначе, — Хьюм убрал излучатель под пульт управления глайдера. Иктизи снова улыбнулся, и на этот раз у Вая появилось ощущение, что он тоже включен в эту улыбку.

Хьюм вообще промолчал.

— Вот как, — это было все, что он сказал своему спутнику.

— Вы все еще хотите идти со мной?

— Если вы намереваетесь идти один, то в одиночку вам не удастся ничего сделать. Никто еще не мог в одиночку одновременно заниматься Вассом с его людьми и долиной.

Хьюм молчал. После возвращения в лагерь сафари они немного отдохнули и Вая обеспечили одеждой из корабельных запасов Хьюма, так что теперь на нем был мундир Гильдии. Он был также вооружен. Он взял себе оружейный пояс Ровальда, и у него теперь тоже были свой излучатель и игольный пистолет. По крайней мере для этой спасательной экспедиции они были обеспечены всеми необходимыми средствами, которые только нашлись в лагере.

Сразу же после обеда глайдер снова поднялся в воздух, и собравшиеся над лагерем светящиеся шары расступились перед ним. В рядах голубых животных, которые уже давно окружили лагерь, ничего не изменилось. Они терпеливо ждали — они ждали, пока силовой барьер не будет снят или кто-то не отважится выйти за его пределы.

— Они глупы, — констатировал Вай.

— Нет, не глупы — они приспособлены только для определенных действий, — возразил Хьюм.

— И это значит, что разумные существа, кем бы они ни были и где бы они ни находились, не изменили своего приказа.

— Возможно. Я думаю, что у этих животных и шаров есть нечто вроде управляющей программы — такой же, какая имеется у наших автоматов. К действиям в изменившейся ситуации они не приспособлены.

— Но эти разумные существа, может быть, давно уже не существуют?

— Может быть, — затем Хьюм сменил внезапно тему разговора.

— Но как же вы, собственно, оказались в «ЗВЕЗДОПАДЕ»?

Было очень нелегко снова мысленно возвращаться на Нахуатль, когда Вай Лензор, шлявшийся по портовым кабакам, был совершенно другим человеком. Он копался в своих воспоминаниях, в которых были еще следы памяти Ринча Броуди.

— Я потерял работу, которую получил от государства. Я не стал бы этим заниматься, если бы не голодал.

— Но почему вы потеряли государственную работу и не устроились снова?

— Если у тебя нет протекции, ты не сможешь продвинуться выше. Я действительно старался. Но сидеть на протяжении всего времени и ничего не делать, а только нажимать кнопку, когда загорится лампочка... — Вай покачал головой. — Вы говорите, что я не уравновешен. Вот поэтому меня никуда не брали. Еще один отказ, и они отправили бы меня на промывку мозгов. Я предпочел стать портовым бродягой.

— Разве вы не думали о том, чтобы найти место, где можно одолжить денег, чтобы попытаться еще раз начать все сначала...

Вай горько усмехнулся.

— Занять денег! Не смешите меня! Если ты имеешь постоянную работу не более двух месяцев в году, кто одолжит тебе денег? О, я хотел сделать это... — он вспомнил те бесконечные ночи, которые он провел в бюро по найму в лихорадочном ожидании своего шанса, шанса, который ему так и не выпал вплоть до того дня, когда он был исключен из государственного приюта для сирот. — Нет, у меня был выбор только между промывкой мозгов или... бродяжничеством.

— И вы предпочли бродяжничество?

— Но тогда я все же оставался самим собой до тех пор, пока не подготовился к промывке мозгов.

— Но вы, несмотря на все это, все же стали Ринчем Броуди.

— Нет... то есть, да, на некоторое время. Но теперь я снова Вай Ланзор.

— Да, я тоже так думаю, что теперь вы никогда больше не будете испытывать нужды в деньгах. Вы, конечно, можете потребовать компенсацию.

Вай молчал, но Хьюм не шутил.

— Когда сюда прибудет Патруль, вы дадите показания для протокола. Я подтверждаю их.

— Вы этого не сделаете.

— Тут вы ошибаетесь, — тихо сказал Хьюм. — Я еще на корабле надиктовал свои показания на пленку и теперь наступил последний акт действия.

Вай наморщил лоб. Охотник, казалось, сам буквально напращивался на наказание: промывке мозгов — так это называлось в народе и считалось самым тягчайшим преступлением, если оно было проведена не государством.

* * *

Если представить себе треугольник, на вершинах которого находились горная долина, лагерь Васса и лагерь сафари, то они летели теперь по диагонали, ведущей к предгорьям, туда, куда, как они предполагали, животные и шары гнали Васса и его людей. Вай, следивший за лесом под глайдером, уже начал сомневаться, найдут ли они людей Васса прежде, чем те достигнут «ворот» долины.

Хьюм теперь вел глайдер зигзагами, и они как зачарованные следили за каждым облаком, которое могло оказаться скоплением светящихся шаров. Хьюму и Ваю нужны были хоть какие-нибудь зацепки, чтобы напасть на след. Они уже достигли предгорий, когда Вай увидел двух голубых животных, мелкой рысью бежавших по узкой тропе. Ни одно из животных не обратило на глайдер никакого внимания.

— Может быть, это арьергард загонщиков? — произнес Хьюм.

Он поднял машину повыше. Теперь они видели место, где кончались последние следы растительности и перед ними поднимались голые скалы. Но хотя они уже несколько минут висели на одном месте, внизу все еще ничего не было видно.

— Это ложный след, — Хьюм развернул глайдер. Теперь он отключил автомат и перешел на ручное управление.

Полет по широкой кривой ответил на их вопрос. Скрытое растительностью ущелье, не похожее на то, по которому они поднялись к долине. Хьюм повел глайдер вдоль него.

Но если людей, которых они разыскивают, гнали под непроницаемым пологом ветвей и листвы, они не смогут их найти с воздуха. Наконец, когда уже начало темнеть, хотел Хьюм этого или нет, но поиски им пришлось прекратить.

— Мы не будем ждать их у «ворот»? — спросил Вай.

— Я думаю, нам придется так и сделать, — Хьюм осмотрелся. — Я думаю, что завтра еще до полудня, они будут там, — если они вообще будут там. У нас есть достаточно времени.

Времени для чего? Времени для подготовки к встрече с Вассом? Или с чудовищами? Времени для того, чтобы несколько часов посвятить дальнейшему исследованию загадочного озера?

— Вы думаете, что мы можем уничтожить это сооружение в озере? — спросил Вай.

— Может быть, и сможем. Но мы должны сделать это только в случае крайней необходимости. Я бы с большим удовольствием передал бы все это Космическому Патрулю, чем самому заниматься этим. Нет, мы лучше позаботимся о том, чтобы задержать Васса у «ворот», и подождем, пока сюда не прибудет Патруль.

Примерно часом позже Хьюм с захватывающей дух скоростью посадил глайдер на плоской вершине одного из утесов, который образовывал одну из сторон этих таинственных «ворот». Картина внизу под ними не изменилась, за исключением того, что на том месте, где вчера лежали два трупа черно—голубых чудовищ, о произошедшей здесь трагедии свидетельствовали лишь дочиста обглоданные кости.

Когда солнце скрылось за вершинами гор, ночь, как темная стена, поползла от леса. Здесь темнело быстрее, чем на равнине.

— Вот! — Вай наблюдавший за лесом, сначала заметил какое—то движение в кустах.

Четвероногое рычащее животное, каких они до сих пор еще не видели, рысью вылетело из кустарника.

— Олень Сайкена, — констатировал Хьюм. — Но как он оказался здесь, в горах?

Олень устремился к «воротам», и когда он достиг их, Вай увидел, что на его коричневой шкуре выступила белая пена. Розовый язык свисал из его пасти, его бока тяжело вздымались и опадали.

— Его загнали! — Хьюм поднял камень и бросил его таким образом, чтобы он попал в бок оленя.

Животное даже не вздрогнуло и, казалось, что оно вообще не заметило камня. Оно устало побежало дальше и, пройдя через «ворота», оказалось в долине. Там оно остановилось, высоко подняв клиновидную голову и устремив вверх черные рога. Его ноздри раздувались, оно отплевывалось, а потом длинными прыжками устремилось к озеру и пропало в окружавшем его лесу.

Вай и Хьюм бодрствовали всю ночь напролет, ведя наблюдение, но не заметили больше ни единого признака жизни. Исчезнувший в лесу вокруг озера олень тоже больше не появлялся. Задолго до полудня один из звуков заставил их вздрогнуть. Это был резкий крик, который могло издать и горло человека. Хьюм бросил Ваю излучатель, сам схватил другой, и оба они устремились с каменного козырька вниз, на «ворота».

Васс шел не во главе группы своих людей, нет, он следовал за тремя из них и сам, словно зверь, присоединился к своим загонщикам. Его люди шатались и спотыкались, у них были все признаки почти полного истощения. Он же все еще шагал размеренно, по—видимому, полностью отдавая себе обо всем отчет. И он был очень испуган.

Когда первый человек с лицом, покрытым коркой из пота и крови, шатаясь, подошел к «воротам», Хьюм крикнул:

— Васс!

Хозяин остановился. Он не сделал ни малейшей попытки сорвать с плеча излучатель, и его круглая голова с поднятыми, как гребень у петуха, волосами медленно склонилась на бок.

— Стой, Васс, — это ловушка!

Люди Васса, шатаясь, побрели дальше. Вай вышел вперед, и Пайк, который шел впереди всех, вынужден был остановиться, чтобы не налететь на него.

— Вай! — предупреждая крикнул Хьюм.

У юноши еще было время оглянуться. Васс без всякого выражения на лице, только глаза у него пылали как у сумасшедшего, поднял лучевой пистолет и прицелился в него.

Пайк оттолкнул руку Вая и шатнулся к Хьюму. Потеряв равновесие и падая, Вай увидел, как Васс мчится к нему со

скоростью, которой он от него никак не ожидал. Хозяин сделал прыжок, пригнулся, уклоняясь от выстрела охотника, и у него в руках внезапно оказался излучатель, который выронил Вай.

Потом ствол оружия Хьюма ударил в голову Пайка, который все еще делал слабые попытки напасть на охотника. Тот удивленно вскрикнул и упал спиной на камни. Из зияющей раны у него на голове появилась кровь.

Васс не смог уменьшить скорость своего бега. Он налетел на своих людей и, последнее что видел Вай, это бьющие в стороны руки и ноги, которые быстро исчезали за «воротами» в долине. За стеной из скал снова послышался хриплый крик Васса.

13.

Он лежал на скале, и он снова был спокоен, несмотря на звуки стонов, разрывающие его уши и смешивающиеся с режущей болью в его боку. Вай повернул голову в сторону и ощутил запах горелого мяса жженого пластика. Он попытался осторожно пошевелиться и схватился руками за пояс. Маленькая частичка его разума была все еще ясной — его пальцы нащупали на поясе маленький пакетик. Он должен теперь отправить его в рот, боль пройдет, и он, может быть, снова погрузится в это благословенное забытие.

Ему как-то удалось сделать это. Он достал пакетик из кармашка на поясе и теперь осторожно передвигал его своей работоспособной рукой, одновременно растирая его, пока ему, наконец, не удалось снять с него обертку. Таблетки выпали наружу. Но три или четыре из них остались у него в руке. Он с трудом поднес их ко рту и легко проглотил, даже без воды.

Вода... озеро! Он мгновенно вспомнил происшедшее и попытался нащупать флягу с водой, которую он всегда носил с собой. Потом его пальцы вдруг коснулись какого-то места на другой его руке, и жгучая боль пронизала его. Он застонал.

Таблетки подействовали. Но он не провакился снова в бессознательное состояние. Пульсирующая боль в его руке отступила куда-то вдаль, и он забыл о ней. Он оперся неповрежденной рукой о каменную стену и приготовился сесть.

Солнце отражалось от ствола излучателя, который лежал между ним и фигурой, которая все еще не шевелилась, и под

головой которой расплескалась маленькая лужица крови. Видимо, Пайку все—таки удалось ранить Хьюма.

Вай подождал еще пару секунд и с трудом подполз к охотнику.

Он все еще задыхался, но все же приблизился на достаточное расстояние, чтобы коснуться охотника. Лицо Хьюма, правая щека которого лежала в пыли, смешанной с кровью, было покрыто коркой из засохшей крови.

Когда Вай коснулся его лба, голова Хьюма беспомощно откатилась в сторону. Другая его щека была так запачкана пылью и кровью, что Вай вообще не мог понять, насколько серьезно он был ранен.

Вай огляделся вокруг. Пайка нигде не было, видно люди Васса унесли его с собой.

Своей неповрежденной рукой Вай с трудом потянулся к поясу Хьюма. Он попытался извлечь оттуда таблетки. Когда это ему удалось, он попытался скормить их охотнику.

Осмотрев Хьюма более внимательно, Вай установил, что кровь, по—видимому, текла из раны на виске, но кости черепа остались неповрежденными. Чем Пайк ударил охотника, юноша не знал. Затем он достал еще пару таблеток из пакетика Хьюма и отправил ему в рот. Он надеялся на то, что таблетки растворятся, потому что охотник не мог глотать. Потом Вай прислонился к скале и стал ждать, пока охотник не сможет говорить.

Группа людей Васса, захватив с собой Пайка, ушла в долину. Когда Вай огляделся, чтобы обнаружить их, он не увидел никого. Они, наверное, попытались пробраться к озеру. Глайдер все еще стоял на вершине скалы, такой же недостижимый, как если бы он был на орбите вокруг этой планеты. У них была только надежда на группу, которая должна была прийти из лагеря сафари. Как только они совершили посадку на этой скале, Хьюм включил автоматический маяк, чтобы указать их местоположение Патрулю в том случае, если Старису удастся связаться с ним.

— Уmmm... — губы Хьюма шевельнулись, разорвав засохшую маску из крови и песка, покрывающую его щеки и подбородок. Глаза его открылись, но тело его было неподвижно.

— Хьюм... — Вай удивился тому, как слаб был его собственный голос.

Голова охотника повернулась, глаза его смотрели на юношу, и в них появилась искра разума.

— Васс? — шепот Хьюма был также мучительно тих, как и голос Вая.

— Они там, — рука Вая указала на долину.

— Плохо, — Хьюм мигнул. — Это настолько скверно? — он беспокоился не о своей ране, а о ране Вая. Тот, со своей стороны, поглядел вниз, в долину.

Благодаря какой—то случайности, может быть, что Пайк оттолкнул его, Вая, в сторону, луч оружия Васса только задел его, пройдя между его рукой и бедром, и обжег их. Как обширен был ожог, он не знал и даже не хотел думать об этом. Ему было достаточно того, что таблетки на некоторое время утолили боль от ожога.

— Меня немного обожгло, — мягко сказал он. — А у вас на голове рваная рана.

Хьюм поморщился.

— Сможем ли мы вернуться в глайдер?

Вай попытался встать, но снова опустился на свое прежнее место.

— Сейчас нет, — ответил он и в это мгновение понял, что ни один из них не сможет даже ползти.

— Радиомаяк... он включен? — Хьюм словно понимал ход мыслей Вая. — Патруль извещен?

Да, Патруль извещен и придет, но когда? Через час, через день? Время теперь было их самым страшным врагом. Они не говорили об этом, но они оба это отлично понимали.

— Игольный пистолет... — теперь голова Хьюма повернулась в другом направлении, и его ослабевшая рука указала на оружие, лежавшее в пыли недалеко от них.

— Они не вернутся назад, — сказал Вай, и они оба хорошо это знали. Васс и его люди попали в ловушку и надежда на то, что они вернутся назад, была исчезающе мала.

— Игольный пистолет! — повторил Хьюм тоном приказа и попытался сесть, но снова упал, издав сдавленный крик боли.

Вай с трудом приподнялся, кончиком сапога нащупал ремень оружия и подтянул его, но услышал голос Хьюма.

— Будь внимателен!

— Но они же все там, в долине, — повторил Вай.

Глаза Хьюма снова закрылись.

— Осторожнее, может быть... — он замолчал. Вай положил свою голову на рукоятку игольного пистолета.

— Хааа!

Крик чудовища такой же, какой они слышали в долине и раньше. Он донесся откуда—то из леса, окружавшего озеро. Вай поднял игольный пистолет и направил его дуло в сторону леса.

К этому реву примешивался крик человека. Вай увидел, как зашевелились кусты. Фигурка человека, очень маленькая и очень далекая, выползла из кустарника на четвереньках и упала. Снова рев чудовища, а потом снова крик человека.

Вай увидел, как из—за деревьев вышел другой человек, его голова все еще была направлена в сторону невидимого преследователя. Вай заметил блик, отразившийся от чего—то металлического — несомненно, от дула излучателя. Листья на деревьях потемнели, клубы дыма вились из черной дыры, прожженной оружием.

Человек все еще двигался спиной вперед, он прошел мимо лежавшего и, наконец, оглянулся через плечо на скалы, к которым он медленно, но неуклонно приближался. Он перестал палить в деревья, но там, где он прошел, теперь трепетали маленькие огоньки.

Два шага назад, три. Потом он повернулся и быстро пробежал еще пару шагов, потом снова осмотрелся и преодолел несколько метров открытого пространства. Теперь Вай видел, что это был Васс.

Еще несколько быстрых прыжков, снова взгляд назад. На этот раз он увидел своих врагов. Их было трое, и каждый из них был так ужасен, как и те, с которыми Вай сражался на этом же месте. И один из них был ранен и с яростным ревом махал обожженной лапой.

Васс поднял излучатель и направил его дуло на ближайшее чудовище. Потом он ударил ладонью по кнопке спуска. На это ему потребовалась половина секунды, которая чуть было не стоила ему жизни, потому что чудовище сделало неожидан- ный прыжок, которого Вай так счастливо избежал.

Когтистая лапа вырвала полосу материи из куртки Васса и оставила на его теле длинный красный след.

Вай держал игольный пистолет на коленях, он был готов к стрельбе. Он увидел, как в предплечье чудовища задрожал дротик. Чудовище остановилось, вырвало эту занозу из отрав- ленного металла и согнуло ее.

Васс швырнул свое оружие в морду чудовища и устремился к «воротам».

Вай выстрелил снова, не особенно целясь, но получил большое удовольствие, когда дротики попали в плечо, лапу и грудь чудовища. Потом три этих голубых горы мяса и костей упали на склоне позади человека, который все еще бежал по направлению к «воротам».

Васс на полной скорости налетел на невидимый барьер, его отшвырнуло назад, и он, застонав, упал на землю. Потом он поднялся и снова направился к входу в ущелье, который он видел, но которого на самом деле не было.

Вай закрыл глаза. Он очень ослаб и ему хотелось спать. Может быть, это тоже было действием анестезирующих таблеток. Но несмотря на это, он услышал крик человека, который все еще старался пробиться через невидимый барьер, сначала крик ярости и гнева, а потом крик страха, который перешел в равномерный вой, и Васс выл так до тех пор, пока не понял, что все его попытки пробиться через барьер тщетны.

* * *

— Мы получили сообщение от Раса Хьюма, Звездного охотника Гильдии, передававшееся автоматически.

Вай враждебным взглядом уставился на офицера в черно—серебряном мундире Космического Патруля, принадлежность которого к Внеземному Корпусу выдавала только маленькая железная нашивка.

— Тогда вы знаете нашу историю, — он не намеревался ничего добавлять и не хотел давать никаких объяснений. Может быть, Хьюм будет реабилитирован. Ну хорошо, ему не надо было ничего другого, кроме как идти своей дорогой и как можно быстрее покинуть Джумалу — и чтобы Хьюм тоже смог сделать это.

Он не видел охотника с тех пор, как глайдер Патруля опустился у «ворот». Васса вытащили из долины, отупевшее, безвольное существо, все еще находящееся под влиянием чужой силы, которая устроила эту ловушку. Насколько Вая проинформировали, хозяин все еще не пришел в сознание — и, может быть, никогда уже больше не придет. И Хьюм не надиктовал на пленку никакого самообвинения и, может быть, ему удастся уйти от ответственности. Они могут подозревать его — но против него нет никаких доказательств.

— Итак, как и прежде, вы отказываетесь дать показания? — офицер свирепо посмотрел на него.

— Это мое право.

— У вас есть право на компенсацию — значительную компенсацию, Лензор.

Вай пожал плечами.

— Я не выдвигаю никаких притязаний и не дам никаких показаний, — повторил он. И он не намеревался больше давать никаких ответов, слишком уж часто его допрашивали.

Это было уже второе посещение в течение двух дней, и он до сих пор был очень слаб. Может быть, он действительно должен сделать то, что требует его разум, и попросить, чтобы его отвезли обратно на Нахуатль. Только это странное, необъяснимое желание хотя бы мельком увидеть Хьюма удерживало его от того, чтобы выдвинуть требование, которое они не должны были отклонить.

— Я бы на вашем месте хорошенько подумал, — воскликнул чиновник.

— Неприкосновенность личности... — Вай почти улыбнулся, произнеся это. Впервые в своей жизни, полной разочарований, он мог произнести это. Он видел, как чиновник поджал губы, но все же оставил свой тон и включил интерком.

Он отказывается отвечать.

Вай ждал, что предпримет чиновник. На этом, собственно, и закончился их разговор. Вместо этого с офицера словно спала маска чиновника. Он вытащил из кармана сигареты, предложил Ваю одну из них, от которой тот, извинившись, отказался, и быстрым движением провел белой палочкой спички по коробке. Потом дверь каюты отошла в сторону, и Вай чуть не вскочил с кровати, когда вошел Хьюм, чья голова все еще была в бинтах, как в чалме.

Офицер указал рукой на Вая, словно был рад, что теперь мог передать эту проблему другому.

— Вы были совершенно правы. Делайте с ним, что хотите.

Вай переводил свой взгляд с одного мужчины на другого. Почему Хьюм не арестован? Или служащие Космического Патруля не считали нужным держать его по замком на борту космического корабля, где ему некуда было бежать? И все же охотник не выглядел пленником. Он плюхнулся в кресло и взял сигарету, от которой отказался Вай.

— Итак, вы отказываетесь дать показания, — ухмыльнулся Хьюм.

— Вы же отлично знаете, почему я не хочу делать этого! — Вай был так ошеломлен этим неожиданным поворотом событий, что в голосе его зазвучали слезы.

— Когда я думаю, сколько времени и усилий мне потребовалось, чтобы сделать так, чтобы вы дали показания, мне начинает казаться, что я в чем-то ошибся.

— Я должен дать эти показания в а м? — повторил Вай.

Чиновник вынул изо рта дымящуюся сигарету.

— Расскажите ему все, Хьюм.

Но Вай уже понял. Жизнь в «ЗВЕЗДОПАДЕ», жизнь бродяги или обостряет разум или совсем отнимает его.

— Западня? — спросил он.

— Западня, — подтвердил Хьюм. Потом он посмотрел на человека в мундире, словно хотел, чтобы тот защитил его. — Я хочу рассказать тебе всю правду — а сначала все это было не совсем легально. У меня были все основания для того, чтобы всеми способами добиваться части наследства Когана — но только не по финансовым мотивам, — он пошевелил пальцами своей искусственной руки. — Когда я нашел спасательный бот с «ЛАРГО ДРИФТА» и увидел скрывающиеся в этом возможности, я немного подумал, и в голове у меня возник этот план. Но я человек Гильдии и хочу остаться им. Итак, я связался со специалистами и рассказал им всю историю — поэтому я и не хотел, чтобы мое открытие было запатентовано.

— Когда он сообщил о спасательном боте Космическому Патрулю, он подсказал, как можно устроить ловушку. За этим последовала цепная реакция. Патруль хотел иметь Васса. Но тот был слишком могущественен и коварен, чтобы его можно было взять так легко.

— Они подумали, что моя идея — это отличная приманка, которую он должен проглотить, и я должен был ему обо всем рассказать. Он, несомненно, провел свое расследование, узнал, что у меня есть великолепные основания для того, чтобы сделать то, что я выдал за свой план, и клюнул на это. Итак, я пошел к нему со своей историей, и она ему понравилась. Мы провели наш план так, как я и рассчитывал. В качестве наблюдателя он и поставил ко мне Ровальда. Но я не знал, что Иктизи был не тем, за кого он себя выдавал.

Служащий Патруля улыбнулся.

— Только ради безопасности, — он выпустил колечко дыма.

— Только ради безопасности.

— Но вот что мы не предусмотрели, так это вот сложностей с туземцами. Вас должны были найти как потерпевшего кораблекрушение, доставить в Центр, и, как только Васс сунет голову в это дело, Патруль прекратит это надувательство.

Теперь Васс у нас, и с вашими показаниями он от нас больше не ускользнет. Это заставит его расколоться. И, кроме того, у нас появилась проблема с внезапным разумом, о которую специалисты еще обламают немало зубов. И нам действительно нужны ваши показания.

Вай из—под полуопущенных век смотрел на Хьюма.

— Итак, значит, вы их агент?

Хьюм покачал головой.

— Нет, я — то, что вам и говорил. Звездный охотник, которому случайно удалось узнать нечто, что может сломать шею одному из крупнейших преступников Галактики. У меня, действительно есть немало причин не любить клан Когана, но прижать к ногтю Васса — это увеличит мое самоуважение.

— Эта компенсация — я могу претендовать на нее или же это все был обман?

— Вы по первому же требованию получите из имущества Васса. Он очень много денег вложил в легальные предприятия, хотя мы, наверное, никогда не сможем проследить за всеми его лазейками и вкладами. Но то, что нам удалось найти, было конфисковано. Вы уже знаете, что сделаете со своей долей? — спросил служащий.

— Да.

Хьюм отнесся к этому с улыбкой. Теперь он был совсем другим человеком, чем тогда, когда Вай видел его на Джумале.

— Это гонорар обучения в Гильдии — тысяча кредитов задатка, две тысячи за собственное обучение и, может быть, еще тысяча для покупки самого лучшего снаряжения, которое я только могу себе представить. После этого у вас остается свободными еще две—три тысячи кредитов.

— Откуда вы взяли, что я так охотно пойду в эту Гильдию? — начал Вай и засмеялся нелепости этого возражения, когда Хьюм произнес:

— Вообще—то нет. Но будет великолепно, если вы сделаете это. Итак, берите микрофон. Теперь командор и я, думаю, услышим кое— что, — он встал. — Вы знаете, Гильдия заявила свои права на это открытие. Может быть, мы видим эту таинственную долину не в последний раз, рекрут.

Сказав это, он исчез, и Вай, который был рад этому, избавившись от своего прошлого и устремившись к будущему, взял микрофон.

ЗВЕЗДНАЯ СТРАЖА

Наемники

Когда господствующая раса одной из девяти планет, вращающихся вокруг желтой звезды, известной как Солнце и размещенной вблизи края Галактики, приобрела знания о космических полетах и появилась на наших трассах, возникла проблема, которую предстояло решить Центральному Контролю и решить быстро. Этих «людей», как они себя называют, объединяет любопытство, отвага, техническое искусство с недоверием к остальным расам и видам и врожденной склонностью к конфликтам. Их реакция на любую проблему агрессивна. Если бы это их свойство не было сразу понято и направлено в нужное русло, возможно, их влияние уничтожило бы мир на межзвездных линиях и вовлекло бы весь сектор в войну.

Но немедленно были приняты соответствующие меры и землянам была предоставлена роль, которая не только соответствовала их природе, но давала благополучный выход для воинственных представителей системы, образующих нашу великую конфедерацию.

После тщательного изучения и оценки психотехниками Центрального Контроля землянам была отведена роль наемников Галактики, пока эти слишком независимые и агрессивные существа не станут менее опасными.

Так появились «орды» и «легионы», которые мы снова и снова встречаем в истории различных планет этого периода. Орды, состоящие из «арчей», и легионы «мехов» были к услугам любого правителя планеты, который с их помощью мог усилить свое влияние.

Арчи, составляющие орды, предназначались для несения службы на примитивных планетах. Они вооружены ручным оружием и сражаются в единоборствах. Мехи вооружены боевой техникой, но относятся к войне, как к игре, задача которой вынуждать противника признать себя побежденным без сражения.

Новорожденные «люди» благодаря специальным тестам, делятся на арчей и мехов. После усиленного обучения они получают назначение к одному из полевых командиров. Часть платы, получаемой командиром от нанимателя, переводится на Землю. Иными словами, Земля стала экспортером солдат и военных материалов. Через несколько поколений земляне признали эту обязанность без всякого вопроса.

Триста лет (прошу всех студентов обратиться к тому 6, колонка 2, дата 3956, год соответствует земному летоисчислению, мы используем ее, поскольку изложение основано, главным образом, на записях самих землян) небольшая орда была нанята восставшим туземным правителем на Фронне, и изменила историю своей расы, а может, и всей Галактики. Пока еще не ясно, приведет ли это изменение к добру для всех нас.

Из лекции по Галактической истории,
прочитанной в Галактическом
университете Закона в 4130 году по
земному летосчислению.

1. Мечник. Третий класс.

Поскольку он никогда не был в Прайме, Кану Карру, мечнику третьего класса, арчу, больше всего хотелось оставить свое узкое сидение и смотреть в иллюминатор на башне, возносившейся в бледно—голубое утреннее небо. Но сделать это — значит проявить себя зеленым новичком, и ему пришлось удовлетвориться беглыми взглядами на привлекавшие его картины. Больше чем когда—либо негодовал он на судьбу: он явился в штаб—квартиру на месяц позже своего класса и был, вероятно, единственным новичком среди ожидавших назначения в Зале Найма.

Само пребывание в Прайме действовало возбуждающе. Это была цель, к которой их направляли упорными тренировками целых десять лет. Кана Карр опустил походный мешок и вытер влажные руки о ткань брюк; хотя стоял прохладный день ранней весны, он потел. Жесткий воротник новой зелено—серой куртки резал горло, бока шлема терли, а личное снаряжение весило больше, чем когда—либо раньше.

Он остро сознавал обнаженность ремней, скрещивающихся у него на плечах, и то, что шлем его был еще без верхушки. Его

окружали ветераны, на куртках которых блистали многочисленные знаки отличия за успешно выполненные операции.

— Что ж, — про себя в который раз повторял он, — достичь такого положения — лишь вопрос времени. Каждая из этих ныне сверкающих наградами ветеранских фигур когда-то тоже была неуверенным новичком и без всяких отличий...

Внимание Кана привлек неожиданный цвет, ослепительно яркий среди волн серо-зеленого и серебряного. Губы его сжались, голубые глаза, поразительно живые на смуглом лице, приобрели холодное выражение. У входа в здание приземлился мобиль. Из него выбрался приземистый человек, закутанный в ярко-алый плащ. За ним — еще двое в черном и белом одеянии. Их прибытие словно послужило сигналом: солдаты-земляне расступились, образуя широкий проход к двери.

— Но это не почетный караул, — подумал Кана Карр. Земляне на своей планете не оказывали почестей галактическим агентам, разве что в таком стиле, который подчеркивал их неприязнь. Обязательно наступит время, когда...

Сжимая кулаки, следил он, как красный плащ и сопровождавшие его галактические патрульные исчезли в Зале Найма. Кана прежде не общался непосредственно с агентом. Негуманоидные существа, которые были его инструкторами, после того, как выяснилось, что он способен усвоить чуждые знания, принадлежали совсем к другим классам. . Может, потому, что они были негуманоидами, он никогда не думал о них, как о членах Центрального Контроля, которые несколько поколений назад так жизнерадостно называли обитателей Солнечной системы «варварами», не пригодными для галактического гражданства, за исключением предоставленных им узких обязанностей. Он сознавал, что вовсе не все его товарищи так же негодуют из-за этого, как он. Большинство его соучеников, напротив, были вполне довольны уготованной им судьбой. Открытое неповиновение означало рабочие лагеря и никаких шансов на выход в космос. Только солдат, обученный военному делу, имел возможность отправиться к звездам. И как только Кана уяснил себе это, он решил стать образцовым арчем и даже находил в обучении утешение, которое смягчало его жгучую ненависть к тем, кто мешал ему занять достойное место среди звезд.

Резкий звук военного свистка вернул его к насущным проблемам. Кана надел на плечи мешок и поднялся по ступеням,

по которым только что прошел агент. Оставив мешок на полке у двери, он занял место в ряду ожидающих.

Мехи в своих серо—синих комбинезонах и пузырчатых шлемах превосходили по численности арчей в этой части зала. И немногие арчи поблизости от Каны были ветеранами. Поэтому, даже окруженный своими, Кана чувствовал себя здесь таким же одиноким, как и на улице.

— Они пытались прикрыть крышку, но Фальфа отказался от назначения для своего легиона, — говорил слева от него мех, человек лет тридцати, с десятью почетными нашивками, не заботясь о том, чтобы приглушить свой громкий голос.

— Его занесут в черный список за отказ, — с сомнением ответил его собеседник. — В конце концов, не всегда ему будет везти.

— Везти? Два легиона не вернулись с этого задания, а ты говоришь о везении! Я слышал, что начато расследование. Знаешь ли ты, сколько легионов вычеркнуты за последние пять лет из состава? Двадцать! И похоже ли это на простое везение?

Кана чуть не повторил изумленное восклицание слушателя. 20 легионов, пропавших за последние 5 лет, — это уже слишком много. Если современные, вооруженные новейшими средствами легионы, действующие только на цивилизованных планетах, так уничтожаются, то что сказать об ордах, которые служат лишь на варварских мирах? Неужели и их «удача» столь же перспективна? Неудивительно, что в последнее время велись разговоры о том, что плата, которую Земля отдает Центральному Контролю, слишком уж велика.

Человек перед ним неожиданно подвинулся, и Кана торопливо закрыл образовавшийся пробел. Они стояли у самого барьера. Кана подготовил свой браслет, чтобы показать его ожидавшему дежурному. Эта полоска гибкого металла, вставленная в щель рекордера, автоматически сообщит всю необходимую информацию относительно Каны Карра, австрало—малайско—гавайского происхождения, 18 лет и 4 месяца, подготовка — базисная, предыдущая служба — «нет». И когда полоска окажется в рекордере, возврата не будет. Дежурный взял браслет, взглянул на него с выражением тусклой скуки и пропустил Кана.

Внутри было множество пустых сидений — для мехов слева, для арчей справа. Он занял ближайшее и решил оглядеться. Прямо перед ним располагалось информационное табло, на

котором все время загорались номера, и хотя Кана знал, что его номер не может появиться так быстро, он с напряжением всматривался в бегающие огоньки. Вызванные вставали и уходили в дальний конец зала.

Арчи — Кана наклонился вперед, чтобы сосчитать людей на своей стороне. По крайней мере, двадцать мечников первого класса, среди них даже два мастера. И 50 или больше солдат второго класса. Но — его глаза тщетно искали другие шлемы без крестов — он был один представитель третьего класса. Новобранцы, которые вместе с ним заканчивали обучение, должно быть, уже получили свои назначения. Минуточку... красный цвет.

Двое солдат второго класса встали, одергивая мундиры и подтягивая пояса. Но прежде, чем они успели пройти в проход, произошло непредвиденное. Табло вспыхнуло белым цветом и совсем выключилось, когда на платформе в центре зала появилась небольшая группа людей. Вперед выступил офицер без скрещенных плечевых поясов полевого образца, но с четырьмя звездами на груди. Рядом с ним стоял галактический агент в красном плаще и патрульные. Кана узнал всех троих. Агент был с Веги—3, патрульные с Капеллы—2. Об этом безошибочно свидетельствовала длина их ног.

— Солдаты! — прозвучал натренированный на парадах голос офицера. Наступила тишина. — Недавние события делают необходимым это объявление. Мы провели расследование с помощью средств Центрального Контроля происшествия на Неверзе. Установлено, что наше поражение там — результат местных обстоятельств. Слухи об этом происшествии не должны повторяться никем в корпусе под угрозой применения Главного Кодекса.

Во имя неба! Удивление Кана, возможно, и не отразилось открыто на маскоподобном лице, унаследованном от малайских предков, но мозг его напряженно работал. Сделать подобное объявление — значит, просто напрашиваться на неприятности! Неужели офицер не понимает этого? Хмурое выражение лица галактического агента свидетельствовала о его неудовольствии. Происшествие на Неверзе — он впервые слышал об этом. Но он был готов заложить половину своей первой зарплаты, если через десять минут все в этом зале не будут усиленно выяснять, что это за слухи, которые так яростно опровергаются. Слухи будут распространяться, как масло по реке. Похоже, что агент не соглашался с офицером. Но он

мог лишь советовать, а не отдавать прямые приказы. Да и поздно уже что—нибудь предпринимать. Если офицер хотел уменьшить напряжение, то он, наоборот, усилил его.

С решительным жестом офицер двинулся по проходу, остальные последовали за ним. Снова на табло вспыхнули огни. Но как только двери за патрульными закрылись, в зале поднялся настоящий гвалт.

Кана вовремя успел взглянуть на табло. На его стороне зала встали еще три человека, и следом за их номерами появилась знакомая комбинация, на которую он отзывался последние десять лет и ставшая для него более привычной, чем имя, данное ему родителями.

За дверью он пошел медленно, скромно держась за солдатами, ответившими на тот же вызов. Третий класс есть третий класс, ниже его разве что кадет, еще не закончивший обучения. Он самый младший из всех. Кана, не торопясь, вошел в лифт вслед за одним из ветеранов.

Ветеран, судя по чертам лица, был афро—арабом, может быть, с небольшой примесью европейской крови от той горстки беглецов, что спаслись на юге от атомных войн. Он был очень высок, а на его безбородом темном лице виднелись старые шрамы. Множество знаков отличия сверкало на его шлеме и поясе, и среди них — Кана прищурился, чтобы разглядеть — не менее шести высшего ранга. А ведь ему не может быть больше тридцати лет.

Арчи, ответившие на вызов, выстроились в линию в верхнем зале. Ветераны являли собой блестящее зрелище. Арчи и мехи привыкли носить все знаки отличия. Успешно выполненное здание означало еще одну драгоценность, усаженную на пояс или вделанную в шлем. В плохие времена эти драгоценности можно было продать или заложить. Такова была форма сбережений на всех планетах Галактики.

В 12 часов 2 минуты Кана Карр вступил в помещение офицера, ведающего назначением. Это был мастер—мечник с пластиковой рукой, объяснявшей его нынешнее занятие. Кана доложил:

— Кана Карр, мечник, третий класс, первое назначение, сэр.

— Нет опыта..., — пластиковые пальцы отбивали нетерпеливую дробь на столе, — но высшая степень подготовки — класс X—три. Далеко ли вы продвинулись?

— Четвертый уровень, контакты с чужими культурами, сэр, — Кана гордился этим. Он единственный в своей группе достиг этого уровня.

— Четвертый уровень, — повторил мастер. Тон его свидетельствовал, что на него сей факт не произвел впечатления. — Что ж, это уже кое-что. Мы набираем людей для орды Йорка. Полицейская акция на планете Фронн. Обычные условия. Сегодня вечером вылетите на базу Секундуса, оттуда на Фронн. В пути около месяца. Условия найма сохраняются на протяжении всей акции. Можете отказаться — это первый выбор, — он произнес официальную формулу усталым голосом, как человек, произносивший ее уже много раз.

Кана знал, что ему позволено отказаться дважды, но делать это без достаточно веской причины — значило заработать черную отметку. И полицейская акция — хотя эти слова могли означать что угодно — была отличным способом приобрести опыт.

— Я принимаю назначение, сэр! — он вторично снял браслет и смотрел, как мастер вложил его в блок перед собой и нажал клавишу. Когда он получит его обратно, на нем появится звездочка, означавшая успешное выполнение задания.

— Корабль стартует в пятом блоке в семнадцать часов. Свободны!

Кана отсалютовал и вышел. Он хотел есть. Столовая была открыта, и так как он теперь находился на службе, то мог позволить себе больше, чем обычный рацион. Но нежелание тратить еще не заработанные деньги заставило его заказать обычную для арча пищу. Он склонился над едой, вслушиваясь в обрывки разговоров. Как он и ожидал, объявление в Зале найма породило немало невероятных историй.

— Потеряно 50 легионов за пять лет! — провозглашал мастер—мех. — Нам больше не говорят правды. Я слышал, что Лонгмид и Грот отказались от назначения.

— Шишки суетятся, — подхватил мастер—мечник. — Видели, как разговаривал с нами старый Поалкен? Он с радостью вызвал бы патруль и прикончил бы всех. Говорю вам, что нам нужно делать...: заняться планетой, которую я мог бы назвать. Это помогло бы..., — наступило мгновение тишины. Говорящему не нужно было называть свою цель. Вся ненависть человечества к Центральному Контролю лежала за этим взрывом.

Кана не мог оставаться дольше. Он покинул гудящую столовую. Орда Йорка была небольшой воинской частью. Фитч

Йорк, начальник лезвия, был молод и командиром стал всего четыре года назад. Но при молодом командире легче выдвигаться. Фронн — этот мир Кану не известен. Но это легко исправить. Кана проделал через множество коридоров путь к тихой комнате с рядами будок у стены. В конце комнаты находился контрольный щит с рядами кнопок. Он набрал нужную комбинацию и подождал запись. Катушка оказалась небольшой. Немного известно о Фронне. Кана прошел в ближайшую будку, вложил катушку в ожидающую машину и снял шлем, чтобы приладить к вискам ленту передачи образов. Секунду спустя он погрузился в сон, а информация из катушки стала поступать в клетки его памяти.

Четверть часа спустя он очнулся. Так вот каков Фронн — не особенно гостеприимный мир. В катушке были только основные данные. Но он теперь обладал всеми знаниями, которые хранились в архиве.

Кана вздохнул — предстоит провести месяц пути в камере давления. Офицер, нанявший его, не упоминал об этом. Камера давления и водная акклиматизация. Впрочем, какая разница? Кана надеялся лишь, что выдержит все и не заболеет.

Возвращая катушку, Кана встретил стоящего у селектора меха — тот нетерпеливо насвистывал что-то сквозь зубы, поигрывая рукоятью своего бластера. Он был ненамного старше Кана, но держал себя с надменным высокомерием человека, выполнившего не менее двух заданий — у настоящих ветеранов такого высокомерия не было.

Кана оглянулся на будки. Он был единственным посетителем. Чего же ждал мех? Кана положил катушку и пошел, но, выходя, увидел в полированной двери странное зрелище: мех схватил катушку с информацией о Фронне, прежде чем она исчезла в щели.

Фронн — примитивный мир, планета 5-го класса. Согласно правилам ЦК, здесь могут применяться только орды арчей, обученных для так называемой рукопашной: самое сильное их оружие — обычное ружье. На Фронне механизированный отряд с бластерами, краулерами, скуттерами — вне закона. Зачем же меху сведения об этой планете? Пустое любопытство относительно планет, на которых никогда не придется служить, не было распространено среди наемников. Требовалась лишь та информация, которую действительно можно было использовать.

Теперь Кана жалел, что не бросил более пристального взгляда на тонкое лицо, затененное пузырчатым шлемом. Удивленный и слегка встревоженный, он отправился добывать предметы личного снаряжения, какие предсказывали его новые сведения о Фронне. Он задумчиво осматрел спальный мешок из шелка озакланского паука, выложенный особым мехом, и отказался от него. А также от перчаток из кожи караба, которые пытался всучить ему торговец. Такая роскошь для ветеранов, у которых на поясе достаточно драгоценностей, чтобы позволить себе шикарные покупки. Кана расчетливо отобрал второсортный камбирийский спальный мешок, короткую куртку из шерсти састы, отороченную мехом, с капюшоном и прикрепленными перчатками — все очень скромное и легкое и без труда поместится в его тощем походном ранце. И, когда заплатил за все это, у него оставалось еще четыре кредита.

Торговец небрежно завернул его покупки.

— Похоже, парень, ты направляешься в холодные края, — заметил он.

— На Фронн.

— Никогда не слышал о таком месте. Для меня все равно, что никуда. Смотри, чтобы в тебя не метнули копье из—за куста. Парни в таких далеких местах неласковы. Но и вы тоже, не так ли? — он задумчиво взглянул на мундир Кана. — Да уж, я предпочитаю бластер и форму меха.

— Но тогда вам противостоять будет противник, тоже вооруженный бластером, — Кана взялся за пакет.

— Пусть будет по—твоему, приятель, — торговец утратил к Кане всякий интерес, приближался сверкающий драгоценностями ветеран.

Кана узнал в нем человека, который перед ним вошел в помещение офицера по найму. Неужели он тоже получил назначение в орду Йорка на Фронн? Когда на прилавке распростерся спальный мешок, сверкая паучьим шелком, и другие вещи, аналогичные выбранным Кана, но более роскошные, он понял, что его догадка верна.

В 16.30 новобранец стоял со своим «сидором» в секции ожидания пятого дока. Пока он был один, если не считать какого—то капрала в центре и двух космонавтов в дальнем конце, занятых работой. Прийти так рано, значит, проявить себя зеленым новичком, но он был слишком возбужден, чтобы ждать где—то в другом месте. Без двадцати пять начали появляться

его будущие товарищи по отряду. Еще 10 минут спустя они заполнили подвижные платформы, которые доставили их на грузовой корабль. Сверившись со списком, судовой офицер пропустил Кана. Через 5 минут он уже был в двухместной каюте, раздумывая, которая же койка принадлежит ему. За ним глухо прозвучало:

— Эй! Полезай вверх или оставайся внизу! Не время спать на часах, рекрут! Никогда не летал прежде?

Кана прижался к стене, торопливо убирая свой вещевой мешок с дороги входящего.

— Тогда вверх! — с нетерпеливым фырканием его сосед по каюте забросил вещмешок Кана на верхнюю койку. — Убери свои вещи в шкаф! Вон туда! — и коричневый палец указал на стену каюты.

Кана всмотрелся в стену. Конечно, вот маленькая кнопка. Кана нажал ее: отодвинулась секция стены, а за ней оказалось углубление. Здесь будут лежать его вещи. Глубокий звук гонга прервал его исследования. По этому сигналу ветеран снял шлем и пояс, отложив их в сторону. Кана торопливо последовал его примеру. Гонг — первое предупреждение...

Он растянулся на койке и занялся пряжками крепления. Под его весом матрас поддался. Он знал, как переносить ускорение — то был первый тест, которому подвергались рекруты на тренировках. И он был на полевых маневрах на Марсе и на Луне. Но это его первый выход в глубокий космос. Он разгладил мундир и стал ждать третьего гонга, за которым следует взлет.

Уже давно земляне вышли в космос. Триста лет назад состоялся первый зарегистрированный полет в Галактику. Но существовали легенды о кораблях, задолго до этого улетевших от атомной войны и последовавших за ней веков политического и социального смятения. Они были либо очень отчаянными, либо очень смелыми, эти первые исследователи, посылая корабли в неведомое, сами спали, замороженные, и у них был, вероятно, один шанс из тысячи проснуться, когда корабль приблизится к другой планете. С использованием галактического сверхдрайва такой риск перестал быть необходимым. Но не слишком ли высокую цену заплатили люди за быстрые перелеты от звезды к звезде.

Хотя солдат не обсуждает открыто действий властей или существующего положения, Кана знал, что не он один недоволен ролью, отведенной землянам. Что было бы с его расой, если

бы ее представители в первом историческом полете не встретились с устойчивой высшей силой Центрального Контроля? В соответствии с решением хозяев Галактики, мозг, тело и темперамент землян соответствовал лишь одной роли в тщательно организованной структуре мира. Пояляющиеся на свет с врожденным стремлением к борьбе, люди должны были поставлять наемников на другие планеты. Психотехники ЦК считали, что земляне наилучшим образом подходят для схватки, и поэтому Земля была обречена на войны. И земляне приняли эту роль из—за обещания ЦК — исполнение которого отодвигалось с каждым годом — что, когда земляне будут готовы к вступлению в галактическое гражданство, то оно будет им предоставлено.

Но что если бы ЦК не существовал? Неужели повторяющиеся утверждения агентов оказались бы справедливыми? Неужели земляне, никем не остановленные, захватывали бы планету за планетой в своей ожесточенной борьбе за власть? Кана был уверен, что это ложь. Но сейчас, если землянин хотел увидеть звезды, если в нем горело стремление к новому и неизведанному, у него был только один путь — меч солдата.

Вдруг словно огромная рука прижала его грудную клетку к сопротивляющимся легким. Кана забыл все в отчаянной борьбе за глоток воздуха. Они стартовали.

2. Первое испытание.

Должно быть, Кана потерял сознание, потому что, когда он вновь осознал свое положение, спутник по каюте уже прикреплял «космические ноги», приспособленные к низкому тяготению жилых секций корабля. Без шлема, в полураспахнутой тунике, обнажавшей широкую грудь, ветеран утратил часть своего пугающего ореола. Теперь он мог бы быть одним из тех жестколицых инструкторов, которых Кана знал большую половину своей короткой жизни.

Космический загар на естественно смуглой коже делал его почти черным. Короткие волосы были пострижены кружком, как предпочитало большинство землян. Он двигался с кошачьей легкостью, и Кана решил, что не стоит скрещивать с ним мечи в схватке. Вдруг ветеран повернулся, как будто почувствовал на себе взгляд Кана.

— Ваше первое назначение? — спросил он.

Кана с трудом выбрался из ремней, удерживающих его на койке, и перебросил ноги через край, прежде чем ответил:

— Да, сэр. Я только что закончил обучение...

— Боже, каких молодых теперь посылают, — заметил ветеран. — Имя и ранг...

— Кана Карр, сэр, мечник, третий класс.

— А я Триг Хансу, — объявлять свой ранг ему не было нужды: двойная звезда мастера—мечника сверкала на тунике.

— Назначены к Йорку?

— Да, сэр.

— Верите в трудное начало, а? — Хансу извлек из стенного углубления пружинное сидение и сел. — Фронн — не райский сад.

— Это начало, сэр, — коротко ответил Кана и встал на пол, не отпуская край койки.

Хансу сардонически улыбнулся.

— Ну, мы все герои, когда заканчиваем обучение. Пришлось позубрить, чтобы попасть к Йорку, а?

У Кана был наготове ответ.

— Офицер по найму искал добровольцев, сэр.

— Это может означать несколько вещей, юноша, и ни одна из них не в вашу пользу. Ну, например, мечник третьего класса обходится гораздо дешевле первого или второго. Впрочем, не следует разрушать иллюзии молодых. Звонок на обед. Пошли?

Кана был рад, что ветеран пригласил его, потому что маленькая столовая была буквально заполнена сверкающими знаками отличия высших рангов. Тяготение было вполне достаточно для того, чтобы сидеть и есть цивилизованно, но желудок Кана совсем не радовался пище. «А скоро это ощущение станет еще хуже, — подумал он угрюмо, — когда придется проходить адаптацию к условиям Фронна перед посадкой.» С растущим отчаянием рассматривал он собравшихся.

Орда делилась на отряды, а отряды — на пары. Если человек сам не находил себе пару, а ему назначал напарника командир — немногие удовольствия и удобства полевой службы становились сомнительными и даже опасными. Твой напарник играет, сражается и живет рядом с тобой. Часто твоя жизнь зависит от его искусства и храбрости — и точно так же, как его — от твоей. Пары служили совместно годами, переходя из одной орды в другую. А кто в этой сверкающей толпе выберет в напарники себе зеленого новичка? Очевидно, дело кончится

тем, что его придадут ветерану, который будет недоволен его неопытностью и неумелостью, и начало у него будет действительно трудным. Уф, да у него появилась космическая хандра! Надо подумать о чем—нибудь другом. Но неуверенность и беспокойство, преследовавшие его весь день, долгий и полный событиями, сохранились и дошли до предела в странном пугающем сне: он бежал изо всех сил по сумеречной местности, стараясь спастись от красного луча бластера меха. Кана проснулся со сжимающимся сердцем и, вспотев, лежал в темной каюте. Его преследовал мех — но мехи не воюют с арками. Но все же... прошло немало времени, прежде чем он снова сумел заснуть.

Свет искусственного корабельного дня разбудил его поздно. Хансу не было, содержимое его полевого мешка валялось на пустой койке. Внимание Каны привлек игольный нож в ножнах, гладко отполированный от многолетних прикосновений к гладкой коже владельца. Его простая ручка была удобна в работе. А присутствие его среди вещей означало, что Кана делит каюту с человеком, владеющим самой смертоносной формой рукопашной схватки. Кана хотел взять оружие, взвесить его в руках, примерить к себе. Но он знал, что нельзя прикасаться к личному оружию без разрешения владельца. Это прямое оскорбление, ведущее к «встрече», с которой один из них не вернется. Кана слышал достаточно рассказов инструкторов, чтобы быть знакомым с неписанным кодексом.

Он опоздал в столовую и с виноватой быстротой ел под нетерпеливыми взглядами стюардов. Потом прошел на прогулочную палубу, где проводили время солдаты. Здесь играли в карты, и обычная толпа нетерпеливых игроков окружала доску. Но Триг Хансу не включился ни в одну из групп. Он сидел на матрасе, скрестив ноги и держа портативный аппарат для чтения, внимательно всматривался в проекцию.

Заинтересованный Кана миновал игроков, чтобы взглянуть на маленький экран. Он успел разглядеть какую—то местность, угрюмую, темную: поперек экрана двигались выючные животные. Хансу, не поворачивая головы, сказал:

— Если интересно, садись, новичок.

Покраснев, Кана хотел смешаться с толпой, но Хансу на самом деле подвинулся и дал ему место.

— Видишь, наше будущее, — он ткнул пальцем в экран, когда Кана опустился рядом с ним. — Это — Фронн.

Вьючны животные Фроннильских равнин были четвероногими, их длинные ноги, казалось, состояли из обтянутых кожей костей. С обеих сторон их чешуйчатые спин свисали тюки, костистая растительность покрывала все их тело, из черепа торчали рога.

— Караван гуенов, — узнал Кана. — Должно быть, западные береговые равнины.

Хансу нажал кнопку, и экран погас...

— Вы специально изучали Фронн?

— В архиве, сэр.

— Молодость полна энтузиазма. Вы ведь только что из обучения? Специализация — нож, ружье?

— Всего по немногу, сэр. Но специализация Х—три. В основном, связь с чужими культурами...

— Гм. Это объясняет ваше присутствие здесь, — Хансу говорил не очень ясно. — Х—три... Интересно, чем они теперь вас начинают... — и он быстро разразился целой серией вопросов, очень похожих на те, что слышал Кана, прежде чем получил знак своей специальности. Когда он ответил на них, стараясь изо всех сил — откровенно говоря, ему не раз приходилось отвечать: «Не знаю, сэр». — Хансу кивнул.

— Неплохо. Как только большая часть теории вылетит из вашей головы, а опыт научит тому, что действительно необходимо знать об этой игре, вы оправдаете, по крайней мере, половину своего жалования...

— Вы сказали, что специализация Х—три объясняет мое назначение, сэр?..

Но ветеран, по—видимому, потерял интерес к разговору. Игра явно кончилась шумным и не очень добродушным спором, и Хансу хлопнул по плечу другой ветеран такого же ранга и увел в группу, образовавшуюся для нового кона. Не получив ответа на свой вопрос, Кана начал внимательно всматриваться в окружающих его людей. Здесь были не только ветераны, но и старослужащие, с большим количеством звезд. В разговорах упоминались знаменитые командиры орд.

Но Фитч Йорк был сравнительно новичком, не обладающим достаточной известностью, чтобы привлечь этих людей. Не нормальнее было бы, если они отказались от назначения? К чему такая концентрация опыта и искусства в небольшой орде на неизвестной планете? Кана, например, был уверен, что Хансу сам выдающийся Х—три специалист.

Но в течение следующих дней он редко видел ветерана, и посадка на Секундус после скуки путешествия наступила нескоро.

В качестве временного помещени орде Йорка назначили длинный зал, в одном конце которого размещалась столовая, а в другом расставили койки. И сотня мужчин, перетаскивающих свои пожитки и личное вооружение, приветствующих старых друзей, делящихся солдатскими слухами и новостями, превратили зал в ураган шума и смятения. Кана, не зная куда идти, пошел за Хансу вдоль зала. Но когда мастер—мечник подошел к сверкающему кругу своих товарищей, новичек был предоставлен себе и отправился в темный угол, соответствующий его неопытности и общей зелености.

Особенного выбора у него не было. Третий класс располагался в самом неудобном месте у двери. И с чувством облегчения Кана заметил несколько мундиров, так же лишенных украшения, как и его собственный.

Бросив мешок на койку, он показал, что занимает ее.

— Видал, кто нанялся? — спросил один из его соседей. — Триг Хансу.

Низкий удивленный свист был ответом на его слова.

— Но он ведь высший класс. Что он делает в этой части? Он вполне мог бы наняться к Загрону Осмину или франлану. Йорк из сил должен был выбиться, чтобы заполучить его хотя бы на один день!

— Да? Но я кое—что о нем слышал. Он готов отказаться от самого выгодного назначения, чтобы уйти с регулярных линий и попасть в новый мир. Давно мог иметь и собственную орду, если бы не выкидывал свои штучки. А не заметил ли ты, братец, кое—что странное в этой толпе? Здесь не только Хансу! — тут говорящий заметил мешок Кана и быстро повернулся, чтобы осмотреть его владельца. — Ага, кое—что новое на ракетном хвосте. Хорошенький новичок готов поймать удачу или умереть на поле славы. Как тебя зовут, новичок? — в его словах не было сарказма, да и сам говоривший немного превосходил Кана возрастом и службой.

— Кана Карр, третий класс...

— Мик Хамет, третий класс... а этот разиня, что там раскинул ноги, Рей Каласси, тоже нашего низшего ранга. Первое назначение?

Кана кивнул. Темно—рыжие волосы Мика Хамета были коротко подстрижены, а его кожа скорее покраснела, чем по-

темнела от загара, а вокруг плоского носа разбегалась паутина веснушек. Его друг расправил свои длинные ноги и оказался ростом не менее шести футов и двух дюймов. Лицо у него было сонное, но в маленьких серых глазках светился юмор и интерес.

— Нам не повезло. Пришлось отказаться от назначения в орду Остерберга четыре месяца назад. Так что мы с радостью согласились, хотя офицер, ведающий назначениями, смотрел на нас так, будто мы мучные черви.

— У вас есть пара, Карр? — хриплым голосом спросил Каласси.

— Нет, я задержался с окончанием обучения. А все, кто летел со мной с Прайма, были ветераны...

— Это плохо, — Мик перестал улыбаться. — Большинство из нас, третий класс, уже имеют пары, а тебе не захочется иметь парой Крософа или кого—либо еще.

— Я слышал, если приедешь в одиночку, то Йорк даст в пару ветерана, — вмешался Рей. — У него теория, что новичков надо перемежать с ветеранами...

— А это очень плохо, — продолжал его товарищ. — Не следует вступать в пару с кем—нибудь, пока не узнаешь его. На твоём месте, Карр, я как можно дольше оставался бы один. Если повезет, найдешь себе хорошего парня в партнеры. Держись с нами, пока не отыщешь себе пару...

— Хорошая возможность держаться подальше от этих разукрашенных... — Рей кивнул в сторону ветеранов. Он надел шлем и застегнул ремень. — До утра ничего не произойдет, можем провести ночь в городе. Ты не видел, парень, настоящего веселья, если не побывал в Секундусе.

Кана радовался, пока не вспомнил о своем тощем кошельке. Четырех кредитов даже не хватит на хороший обед. . . он был в этом уверен. Но когда он покачал головой, пальцы Мика сомкнулись на его руке.

— Не волнуйся, парень. Мы долго побыли в захолустье и совсем не хотим улететь, зажав кредиты в пальцах. Заплатим за тебя, а когда получишь первую звезду, ответишь нам тем же. А теперь быстрее, пока кому—нибудь не пришлось в голову засадить молодое поколение за работу для блага его души.

За пределами казарм начинался типичный портовый город. Таверны, кафе, игорные дома, рассчитанные на все ранги и цены, от мастеров—лезвия и мастеров—мечников до ново-

бранцев. Жмуря глаза от яркого света рекламы, Кана еще раз подумал, что сюда нечего соваться с четырьмя кредитами.

К его смущению, намерения его проводников были отнюдь не скромными. Они миновали кафе, которое бы выбрал Кана, и втащили его в широкую дверь. Башмаки их погрузились в толстый четырехдюймовый ковер, который мог быть соткан только на Саке. Стены были покрыты гобеленами с Сансифара. Кана замешкался.

— Слишком роскошно — запротестовал он. Но хватка Мика не ослабла, а Рей захихикал.

— Вне поля не существует рангов, — сардонически напомнил Мик. — Третий класс и мастер лезвия — все мы в одной шкуре. Только штатские заботятся об искусственных различиях.

— Конечно. Солдат имеет право идти куда ему угодно. А нам угодно идти сюда. — Рей принухался к ароматному ветерку, шевелившему и словно дающему жизнь странным нарисованным фигурам на занавесах. — Клянусь раздвоенным хвостом Бламанда, я бы все отдал, чтобы оказаться за одной из этих занавес. А вот и официант.

К ним приближалась скелетоподобная большеголовая фигура туземца с Вульфа—2. Он приветствовал их профессиональной улыбкой, обнажив двойной ряд клыков, отчего земляне слегка занервничали.

— Ничего чрезвычайного, — сказал Мик. — Мы завтра улетаем. Обойдемся сами, Фрихпальт. Не беспокойся...

Волчий оскал стал еще шире, официант отошел. Когда они прошли в следующее помещение, Кана заметил:

— Вы здесь не впервые?

— Да. Знакомы с Фрихпальтом. Он вовсе неплохой, старина—волк. Давайте поедим.

Они провели Кана через анфиладу роскошных помещений с экзотической обстановкой, чрезвычайно отличающейся друг от друга, и, наконец, пришли в комнату, вид которой вызвал у него удивленное восклицание. Они как—будто вошли в джунгли. Огромные папоротники возвышались по сторонам, опуская у них над головами длинные листья, но не закрывая золотистое освещение, которое окутывало мягкие сидения и резные столы. Среди зелени порхали разноцветные огненные пятна, которые могли быть только легендарными кротандами с острова внутреннего мира Цефаса. Кана, встретив ожившие расска-

зы путешественников, ошеломленно уселся рядом с товарищами на скамью.

— Кротанды? Но как?..

Костяшки пальцев Мика ударились о ствол ближайшего папортника, и в ответ послышался металлический звук. Кана протянул руку, она, вместо грубой коры, встретила гладкую металлическую поверхность. Все это было искусственной иллюзией.

— Все делается при помощи зеркал, — пояснил Мик. — Но это одна из лучших выдумок Слонала. За всем присматривает Фрипхальт, но придумал все его хозяин. А вот и еда.

На столе появились тарелки. Кана осторожно попробовал и принялся есть.

— Не скоро мы еще раз отведаем такую еду, — заметил Рей. — Я слышал, Фронн не очень приятная планета.

— Климат для нас холодный, а туземная культура на феодальном уровне, — пояснил Кана.

— «Полицейская акция», — протянул Мик. — Полицейские акции не вяжутся с феодальным правительством. Кто там наверху — короли? Императоры?

— Короли — они называют их гатанусы — правят небольшими нациями. Но право наследства передается по женской линии. Наследником гатануса является сын его старшей сестры, а не собственный. Родственные связи с матерью и сестрами гораздо ближе, чем с отцом и братьями.

— Ты, должно быть, изучал все это. . .

— Я воспользовался записью на Прайме.

Рей казался довольным.

— Похоже ты неплохое приобретение. Мик, нам нужно держать его в лапах.

Мик проглотил огромный кусок.

— Конечно. Мне почему-то кажется, что этот перелет будет нелегким, и, чем больше мы знаем, тем лучше для нас.

Кана перевел взгляд с одного на другого, уловив тень беспокойства.

— Что случилось?

Мик покачал головой, а Рей пожал плечами.

— Пусть меня сожжет бластер, если я знаю. Но если побродить по свету и познакомиться поближе с «человеком», каким бы странным он ни был, начинаешь чувствовать. И мы чувствуем. . .

— Йорк?

Моральный дух любой орды зависит от характера ее мастера лезвия. Если Йорк не сумел внушить уверенность своим последователям...

Мик нахмурился.

— Нет, дело не во Фритче Йоркс. По всем меркам он командир, что надо. Много блестящих парней, кроме Хансу, подписали назначение — уже это говорит о том, как ценится мастер лезвия. Какое—то чувство... что—то неопределенное... внутри... — большой рот Мика изогнулся в улыбке, нацеленной в самого себя. — Неплохие мы гадалщики, а? Читайте наше будущее — гадание в кредит! Фронн не хуже многих планет, которые мне известны. Покончим с этим? И покажем новичку тайну Фрихпальта. Единственный случай, когда старый волк проявил воображение. И, клянусь космическими летучими мышами, дело этого стоит!

Полет воображения Фрихпальта оказался игорным механизмом, который собрал вокруг себя большую группу солдат. В полу комнаты находился бассейн, разделенный на секции, окружающие центральную арену. В каждом из небольших, заполненных водой участков находилась рыба около пяти дюймов длиной, две трети ее тела занимала пасть, усаженная острыми зубами. К ее хвостовому плавнику был прикреплен ярлычок. Рыбы были разного цвета. Они яростно кружили в клетках. Игроки собирались вокруг бассейна, изучая пленников. Когда двое или трое избирали своих бойцов и опускали кредитные фишки в щель у борта, открывались дверцы клеток, выпуская рыб на арену. Далее следовала жестокая схватка, прекращавшаяся лишь тогда, когда только один боец оставался в живых. И ставивший на победителя собирал плату с тех, кто ставил на побежденного. Невозможно было придумать более привлекательную игру, чтобы вытягивать у солдат кредиты.

Кана внимательно разглядывал плавающих бойцов, пока не выбрал дуэлянта с мощными челюстями и зеленым хвостом. Он купил у держателя банка кредитную фишку и наклонился, чтобы опустить ее в щель.

Мощная волосатая лапа опустилась на его плечо, и он с трудом удержался от падения в бассейн.

— Вон отсюда, мальчишка! Это мужская забава...

— Что та... — Кана захлебнулся кашлем, и Мик кулаком ударил его в спину, а кто—то еще легко оттащил его от бассейна и от человека, занявшего его место. Тот злобно усмехнулся.

Затем, утратив всякий интерес к новичку, повернулся к бассейну. Боец, освобожденный фишкой Кана, выплыл на арену.

Хорошее настроение Кана улетучилось. Рей старательно отводил взгляд, в то же время держа Кана хваткой, известной в борьбе без оружия. Кана знал, что против нее лучше не бороться.

— Уходим... немедленно... — сказал Мик.

— Что такое? — снова начал Кана. — Почему...

— Парень, ты чуть не выкопал себе здесь могилу. Это Богат, Запан Богат. У него на мече 20 дуэльных зарубок... он ест новичков на завтрак, когда может их заполучить, — Мик говорил шутя, но голос его звучал серьезно.

— Вы думаете, я испугался? — вспыхнул Кана.

— Слушай парень, можно быть гордым и все же знать марсианскую песчаную крысу и не пинать ее в зубы. После этого героического поступка ты проживешь недолго. Ты слишком умен, чтобы связаться с Богатом. Когда—нибудь кто—то из больших — Хансу, Дик Милл или еще кто—то — рассердится на Богата. И тогда — о, парни! — тогда вы сможете продать свое место возле схватки и будете миллионерами! Богат — это внезапная и болезненная смерть на двух согнутых ногах.

— Кроме того, он лучший разведчик, когда—либо вынюхивающий след, — вмешался Рей. — Богат в игре и Богат на поле — это два разных человека. Мастера лезвия терпят одного ради другого.

Кана понял, что они правы. Было бы глупо возвращаться и задевать Богарта. Но он еще протестовал, пока его не прервал Хансу. Ветеран в сопровождении двух полицейских подошел к ним.

— Люди Йорка? — спросил он.

— Да, сэр.

— Возвращайтесь в казармы и побыстрее. Получен приказ о взлете... — и он прошел мимо, направляясь к следующей группе.

Троица быстрым шагом устремилась к казармам.

— Что теперь? — хотел знать Трот. — Я же слышал, что мы отправимся завтра в полдень. Из—за чего эта спешка?

— Я тебе говорил, — заявил Мик, — что все это пахнет... не очень приятно. Мы только что пообедали... а тут взлет и камера повышенного давления! Мы очень пожалеем, что ели, очень!

Все еще слыша это ужасное пророчество, Кана взял с койки, которую он так и не успел испытать, свой мешок и вместе с

Миком и Реем занял место на платформе, которая должна была отвезти их к транспорту. Когда их разделили на четверки, Кана обнаружил, что делит камеру давления со своими новыми знакомыми и солдатом, которому было явно скучно в молодежной компании. Они разделись до трусов и получили целый набор уколов. После этого не оставалось ничего иного, как лечь на койки и терпеливо переносить неприятные ощущения.

Следующие несколько дней были чем угодно, только не приятным время препровождением. Их тела заставляли медленно привыкать к условиям Фронна, так как планета не собиралась привыкать к ним. Это был болезненный процесс. Но когда они высадились в холодном мире, то были готовы к действиям.

Кана по-прежнему не имел пары. Он держался Мика и Рея, как они и советовали, но знал, что рано или поздно их троица будет разбита, и он должен будет назвать своего партнера. Он сторонился ветеранов, а три или четыре солдата третьего класса, еще не имевшие пар, совсем ему не нравились. Это в большинстве были старослужащие с огромным опытом, но чье неисправимое поведение держало их в низшем ранге. Умелые в поле, они были источниками беспокойства в казармах и переходили их одной орды в другую и в конце каждого назначения их отпускали со вздохом облегчения. Кана продолжал надеяться, то ему не придется быть парой одного из них.

Вид Фронна оказался для землян обескураживающим. Они высадились в сумерках и, поскольку Фронн не имел спутников, в темноте прошли к приземистому каменному зданию, которое должно было служить им временной казармой. В длинном помещении совсем не было мебели, и троица уселась на свои мешки, раздумывая, доставать ли им спальные принадлежности или подождать указаний.

Длинный нос Рея сморщился в отвращении, когда он передвинул башмаки с подозрительного пятна на грязном полу.

— Я бы сказал, что нас поместили во второсортные условия.

— Второй сорт? — переспросил Мик. — Скорее, пятый. А раньше обитателями этого дома были животные. Это фроннианский коровник, если нос меня не обманывает.

И вот прозвучал приказ, которого больше всего боялся Кана: у стола мастера—мечника в дальнем конце помещения началась регистрация пар. Рей и Мик, сказав ему что—то одобрителное, встали в очередь. Кана колебался, не зная, что

делать, когда услышал звук нового голоса. От него поблизости стоял Богат и еще один солдат того же типа. А третий их партнер улыбался рядом с Богатом.

— Вот и новичок не знает, что ему делать. Бедный маленький новичок. Иди, Сим, и возьми его за руку. Ему нужна нянька...

Кана ошетинился. Подбадриваемый Богатом, Сим двинулся к нему, его грубое лицо было искажено подобием улыбки. — Бедный маленький новичок, — повторил Богат, и половина очереди обернулась, чтобы посмотреть, что происходит. — Сим присмотрит за ним, верно?

— Конечно, Зап. Пошли новичок, — и его волосатая рука ухватила Кана за рукав.

Последующее было чисто рефлекторным действием со стороны Кана. Отвращение, которое он ощутил при этом прикосновении, заставило его отодвинуться. Кана резко выдернул руку, и Сим пошатнулся. Богат вышел из очереди, его маленькие глазки сверкали садистской яростью.

— Похоже, ты не понравился новичку, Сим. Что мы делаем с новичками, которые не понимают своего счастья?

Кана считал, что он настороже, но Сим все же застал его врасплох. Кана не думал, что Сим станет следовать казарменному кодексу. Удар по лицу был так силен, что Кана чуть не упал, а в глазах его появились слезы боли. Стараясь восстановить положение, Кана размышлял. Казарменная дуэль — именно этого хотят забияки — вещь настолько законная, что остальные не вмешивались.

У него было единственное преимущество. Они ожидали, что он изберет обычное оружие — мечи с закрытыми остриями. Но благодаря особенностям своего земного обучения, у него была возможность избежать отвратительного избиения.

Теперь их с Симом окружала толпа ожидающих зрителей. Кана ощутил вкус крови на губах.

— Встреча? — он автоматически задал соответствующий вопрос.

— Встреча.

— Дай мне твой меч, Сим. Я прикрою его кончик, — громко сказал Богат.

— Не так быстро, — Кана обрадовался, что его голос звучит спокойно. — Я не говорил о мечах.

— Ружья запрещены, мы не в поле, новичок, — глаза Богата сузились.

— Я выбираю дубину, — ответил Кана.
Наступило молчание.

3. *Марш вперед.*

Те архи, которые дольше пробыли на Фронне, начали понимать, хотя Сим, очевидно, еще не сообразил. Когда он оглянулся на Богата в поисках указаний, в центр круга пробился Хансу. За ним шел другой человек, более молодой, но державшийся властно и уверенно.

— Ты слышал его слова, — сказал Хансу Симу. — Он выбрал дубины. И вы встретитесь здесь, и немедленно. Все должно кончиться до начала марша.

Сим по-прежнему недоумевал, и, видя это, Кана начал надеяться. Мечи с прикрытыми концами — одно дело: человек может быть ранен или даже убит в такой схватке, если встретится с искусным противником. Но вооруженный дубинкой, сделанной из ядовитого дерева — его прикосновение к человеческому телу оставляет жгучий ожег, местные жители использовали их, чтобы подгонять своих упрямых животных, — он имеет шанс и, может, даже неплохой.

Кана расстегнул ремень шлема, Мик тут же протянул руку, чтобы взять у него шлем. Рей помог ему снять перекрещивающиеся пояса.

— Ты знаешь, что делаешь, парень? — спросил он полушепотом, когда Кана снимал тунику.

— Надеюсь, лучше, чем Сим, — ответил Кана, стягивая рубашку.

Искра надежды постепенно перерастала в спокойную уверенность. Сим по-прежнему казался смущенным, а с обратительного лица Богата исчезла наглая улыбка. Молодой человек, шедший за Хансу, исчез. Но прежде, чем Кана успел ощутить холод неотопливаемого здания, он вернулся, неся в перчатках две дубины алого цвета. Те, кто знал Фронн, быстро расступились.

Кана надел перчатки и взял одну из дубинок. Они были одинаковы по длине и по весу. И, когда круг зрителей расступился, давая им место, Кана с радостью убедился, что на лице Сима явно отразилась неуверенность

Они одновременно встали в позу, держа дубинки, как более привычный им меч. Но если дуэлянт должен опасаться лишь

заостренного конца меча, то тут малейшее прикосновение причиняло жгучую боль. Они кружили, нападая и парируя удары.

После третьей стычки Кана понял, что имеет дело с первоклассным мечником, но он также предположил, что относительная легкость нового оружия беспокоит Сима, и что его противник не вполне уверен в себе и опасается неизвестных возможностей оружия.

Достаточно одного удара, чтобы закончить дуэль. Кана гадал, понимал ли это Сим. Режущий удар по мышцам руки, и она на несколько минут станет бесполезной из-за мучительной боли. Он решил добиться этого, и весь мир для него сузился до дубинки, которой он сражался, и раскачивающегося, прыгающего тела противника. Сим не стал нападать, а ограничился защитой, очевидно, предоставив экспериментировать Кану и, тем самым, проявив больше ума, чем ожидал Кана.

Не потеряв уверенности, но более осторожно, Кана кружил, пользуясь традиционными выпадами и приемами парирования. Сим должен действовать открыто, поверив, что перед ним новичок.

Что-то коснулось его груди. Боль была почти такая же сильная, как ожег бластера. Кана стиснул зубы, а Сим, обрадованный этим успехом, перешел от защиты к нападению. И его атаку отразить было трудно. Кана был вынужден пятиться, уступать, но в мозгу у него была единственная цель — добраться вот до этого места на мускулистой руке.

Дубинка Сима вновь достигла цели, задев челюсть Кана. Молодой человек ошеломленно крутил головой, но успел все же отскочить в сторону и уйти от второго удара. Резкое отступление, должно быть, показалось Симу признаком того, что у противника сдали нервы, и он разразился водопадом ударов. И тут наступил момент, которого и ожидал Кана: его дубинка попала в руку противника как раз ниже плеча. Менее подготовленный, чем Кана думал, его противник закричал, схватился за красный ожог на руке, дубинка его покатилась по полу к ногам Кана. Кана поднял свое оружие в формальном приветствии.

— Удовлетворены? — задал он традиционный вопрос.

От боли Сим лишился дара речи, он лишь кивнул, но в его глазах ненависть боролась с болью. Но так как он не мог держать оружие, то вынужден был сдаться, хотя, конечно, далеко не был удовлетворен.

Кана услышал гул голосов. Обрывки разговоров дали ему понять, что это знатоки обсуждали со всех сторон и возможных точек зрения его победу. Он уронил дубинку на пол и поднял руку к горящей челюсти.

— Не трогайте, вы, юный глупец! — услышал он властный голос. Молодой человек, принесший дубины, отвел руку Кана и начал смазывать его ожег желтой мазью. Кана почувствовал, как огненная боль сменяется прохладой. Он терпеливо ждал, пока смазали и саднящий бок, а затем накинул протянутую Миком куртку.

— Ладно, ладно! — послышался сквозь гул густой бас Хансу. — Представление окончено.

Но, когда остальные вернулись в очередь, мастер—мечник остался стоять между Каном и Симом, глядя на них обоих со стальным блеском в глазах.

— За ссору в казарме, — объявил он, — будет штраф в размере трехдневной полевой платы! А если у кого—нибудь из вас появится мысль продолжить ссору, будете иметь дело со мной!

Кана, неспособный надеть шлем из—за больной челюсти, с готовностью согласился на мир, и Сим тоже пробормотал что—то в знак согласия.

— Вы, Лоту, отправляйтесь к Дау, — Хансу ткнул пальцем в конец очереди. Сим, поддерживая больную руку, послушно прошел мимо Богата и занял место рядом со смуглым и жилистым ветераном. Кана остался на месте.

— Я отвечаю за него, — проговорил молодой ветеран, и Кана понял, что это уже было решено между ним и Хансу. Все еще не зная, кто его партнер, Кана пошел за ним.

— Миллз и Карр, — Хансу занес их в список отряда, которым сам будет командовать.

Миллз... в этом имени было что—то знакомое. Сворачивая спальный мешок, Кана пытался вспомнить, где он слышал это имя раньше. Но тут на него налетели удивленные и возбужденные Мик и Рей.

— Позволь дотронуться до тебя, — приветствовал его Мик. — Может, и ко мне перейдет немного удачи. Мне она не помешала бы!

— Ты, должно быть, родился с мечом в руке и звездой во рту! — воскликнул Рей. — Как тебе нравится Дик Миллз в качестве пары, новичок?

Дик Миллз! Снова его имя прогремело, как гонг, но он по—прежнему не мог вспомнить.

— Великие лезвия! — глаза и рот Мика стали круглыми от изумления. — Мне кажется, он не понимает, что с ним произошло. Кто—то должен учить новичков, прежде чем они вступят в этот жестокий холодный мир. Дик Миллз, парень, это двойная звезда. Великий Космос, он мог бы выбрать себе в пару любого из отряда, из всей орды! Он мог бы быть партнером Хансу, если бы Йорк не настоял, чтобы Триг командовал отрядом.

Кана проглотил комок.

— Но почему... — во рту у него пересохло.

— Не из—за твоих красивых глаз, — ответил Мик. — У него не было пары, а тут вдруг подвернулся ты. Правило Йорка — делать пару из ветерана и новичка, если они до последней минуты сами не сделали выбор. Тебе повезло, что ты оказался на нужном месте в нужное время.

— Я бы лучше остался с вами, — Кана говорил правду. Быть парой такого известного бойца, как Дик Миллз — это он меньше всего хотел. Он все будет делать не так, и его ошибки будут казаться больше в такой великолепной компании. В этот момент он бы даже предпочел идти в паре с Симом.

— Веселей, — улыбнулся Мик. — Мы в том же отряде. А Миллз действует как помощник Хансу. Ты не очень часто будешь его видеть.

— Давайте кончим болтать, — предупредил Рей. — Вон там, у двери Миллз. Не следует заставлять ждать.

Кана схватил мешок и посмотрел в указанном направлении. Да, молодой ветеран стоял у двери, разговаривая с несколькими солдатами высших рангов. Кана заторопился, начиная жалеть, что не воспользовался своим правом и не отказался от этого назначения.

Около полуночи по корабельному времени Кана присоединился к Миллзу. Снаружи виднелись тускло—голубоватые лучи, слабые и бледные для земного глаза. Кана понял, что вместо того, чтобы оставаться на ночь в вонючем коровнике, они выступают в полевой лагерь, разбитый первыми прибывшими на Фронн вблизи города.

Улица была грубо вымощена, посередине ее двигалась вереница легких двухколесных тележек. Каждую тащил гуен, животные злобно огрызались на чужаков. Когда Кана, следуя

примеру Миллза, бросил свой мешок на одну из телег, он впервые увидел фроннианца во плоти.

Это был ллор, представитель господствующей расы на континенте. Гуманоидный по внешности туземец достигал добрых семи футов росту. В климате, где земляне кутались в зимнюю одежду, ллор был обнажен по пояс. Но природа снабдила его покровом густых вьющихся волос, похожих по текстуре на овечью шерсть: от них исходил острый маслянистый запах. Волосы на лице были тоньше — странное лицо для неллорских глаз, так нос был представлен лишь двумя носовыми отверстиями, зато глаза выпучивались из круглых глазниц, создавая впечатление пристального немигающего взгляда. Рот был маленький и круглый, и если ллор и обладал какими-то зубами, то они не были видны. Единственной одеждой туземца, если не считать ремней, поддерживающих меч и ружье, была кошачья набедренная повязка. Голенища сапог доходили до колен, носки их увенчивались металлическими остриями.

Пока солдаты грузили свой багаж на телегу, ллор стоял, жуя конец своей дубинки и время от времени шумно сплевывая. Когда на телеге оказалось шесть мешков, он распрямился, ударил фыркающего гуена дубинкой, телега со скрипом покати́лась, солдаты пошли за ней.

Синие лампы, укрепленные на стенах без окон, мимо которых они проходили, давали достаточно света, чтобы идти по улице, но поверхность дороги была неровной, и идти было нелегко.

— Это Тарк, главный город провинции Скоры, — голос Миллза перекрыл грохот металлических колес телеги. — Скорра — правитель западных земель. А хочет быть гатанусом. Вот почему мы здесь.

— Офицер по найму сказал, что это будет полицейская акция, — заметил Кана.

Может, в этом заключалось нечто тревожное, которое почувствовал Мик на Секундусе.

Существует большая разница между успокоением беспорядков ради законного правителя и поддержкой мятежного вождя, который претендует на трон.

— Поскольку Скорра заявляет, что он законный наследник, это можно назвать полицейской акцией.

Но Кане показалось, что он уловил сухую нотку в голосе Миллза. Неужели он допустил глупость, и его слова могут быть восприняты как критика по адресу Йорка и высших офицеров?

— Сестры гатануса Плоты были близнецами. Идет спор, кто из них старше. И у каждой из них есть сын. Следовательно, сейчас нет согласия о том, кто законный наследник. Плота умирает от трясучки, он не проживет больше трех месяцев. Партия Скоры не пользуется влиянием при дворе, и в последний спокойный сезон Скора был отослан отсюда. Он больше изгнанник, чем правитель — «чорта». Но он заключил договор с «Интергалактикрейдинг» относительно прав на разработку недр и собрал достаточно денег, чтобы иметь дело с Йорком. ИГ давно пытается проникнуть сюда: торговля с местными племенами — монополия центральной власти. Поэтому они были очень рады поддержать Скору. Конечно, это надувательство, но, если Скора станет гатанусом, он заплатит в двое больше, чем Йорк смог бы получить за это время в другом месте.

— Против кого мы боремся?

— Против С'Торка, второго племянника. Он не так расточителен, как Скора, и все консервативные дворяне и жрецы ветра на его стороне. Но он не боец, и у него нет собственных войск. Здесь армия строится на основе отрядов из дворян. И если лорд недостаточно популярен, чтобы привлечь войско, у него не будет армии. Очень просто. Скора считает, что при поддержке орды дело даже не дойдет до битвы, просто противник сбежит с поля.

За стенами Тарка мостовая внезапно оборвалась, и телега погрузилась в глубокую пыль на дороге, которая была, по существу, караванной тропой. Между клыками спускной решетки они вышли из столицы на открытую местность. Торговцы со своими гуенами ждали прохода в Тарк. Кана заметил, что эти путешественники меньше ростом, чем гигант—ллор. К тому же они были совершенно укутаны в плащи с капюшонами и стояли в стороне, молчаливые и лишённые индивидуальных черт, как привидения, пропуская землян.

Лагерь орды располагался в миле от города, желтые лагерьные огни приветливо манили к себе во тьме безлунной ночи. При их свете Кана отыскал свою палатку, развернул спальный мешок и заполз в него, чтобы поспать несколько часов.

Последовала неделя утомительной муштры, чтобы сплотить вновь прибывшую орду в боевой отряд. За это время Кана был либо слишком занят, либо слишком уставшим, чтобы размышлять о своем будущем. Но вот дней через десять выстроились они в походный порядок в предрассветных сумерках,

которые на Фронне кажутся холоднее и мрачнее, чем на Земле. Орда должна была двигаться на восток, к отдаленному горному хребту, отделявшему западную провинцию от богатых центральных равнин, которые честолюбивый Скора тоже считал своими.

Кана должен был согласиться, что мятежный чорта представлял собой прекрасный образчик полуварварского военного вождя. В сопровождении кавалерийского отряда на упрямых самцах—гуенах он не раз проезжал через лагерь землян. Популярность его была велика, о чем свидетельствовали все новые и новые дворяне, ежедневно приезжавшие со своими отрядами, увеличивая туземную армию, расположенную рядом с лагерем землян. Ежедневно также подходили караваны вьючных гуенов с различными грузами.

В это утро Кана вместе с Роем шел боковым на марше. И вот появилась группа закутанных в плащи с капюшонами всадников, поднимая густую пыль. Встретившись с торговым караваном, орда свернула в поле, так что только боковые оставались на дороге, рядом с торговцами.

Кана закутал подбородок мягкой оторочкой воротника, радуясь, что выбрал подбитый мехом плащ с капюшоном, закрывающим голову и уши. Утренний мороз на Фронне крепок.

— Вот и последний... — Рей поднял пистолет и выпустил в темноту красную ракету.

Положив ружья на сгиб руки, двое землян гибкой походкой солдат на марше двинулись по обочине дороги. Через несколько секунд они догнали последнего гуена и быстро настигли голову каравана, когда внимание Кана привлек один из закутанных всадников. Они никогда не видели этих торговцев без скрывающего фигуру одеяния, но знали, что они принадлежат к другой расе, чем волосатые ллоры, правившие континентом.

Ллоры, возделывающие землю, жили в городах, подчиняясь феодальным правителям, и были бойцами. Но эти торговцы, державшие монополию как на доставку товаров, так и на продажу их, принадлежали к другому племени. Родом с далеких морских островов, замечательные моряки и путешественники, они все время проводили в пути, никогда не селясь постоянно. Вентури — так здесь их называли — держались на материке обособленно и все дела совершали через одного из своих представителей, который, очевидно, мирился с неизбежной ролью посредника. Что касается землян, то для них вентури оставались анонимными и загадочными существами в своих

капюшонах, неотличимые друг от друга ни по росту, ни по скользящей походке. Но вот этот — он отличался от остальных. Все торговцы скользили, этот же шел большими шагами. Он также не вел гуена, а шел в стороне от остальных с пустыми руками.

Глаза Кана сузились, и он замедлил шаг, держась за незнакомцем. Похоже, что этот вовсе не вентури. Тут подошел Рей, и внезапно походка незнакомца изменилась и стала такой же, как и у остальных вентури. Кана заторопился, догоняя Рея. Они достигли вершины. Внизу тянулись заросли. Они должны были либо идти по дороге, либо сделать большой крюк. Кана еле слышно пробормотал:

— На север.

Рей удивленно взглянул на него, но ни о чем не спросил. Он послушно свернул в сторону, и вскоре заросли отделяли их от каравана.

— Среди вентури незнакомец, — объяснил Кана. Рей повесил ружье и, присев на влажный дерн, снял с пояса передатчик.

— Доложу.

Кана пошел быстрым шагом, намереваясь догнать караван и следить за подозрительным туземцем. Он пересчитал закутанные фигуры, чтобы убедиться, что незнакомец по—прежнему среди них, когда его догнал Рей.

— Сюда приближается кавалерия ллоров. И если что—нибудь не так, они сами займутся этим. Нам нужно держаться в стороне от вентури.

Они продолжали идти рядом с караваном. Наступил день, и солнце окрасило небо в желтый цвет. Впереди всадники толпились у какого—то препятствия на дороге.

Кана и Рей пошли быстрее, чтобы посмотреть, что происходит. В пыли лежал гуен, лягаясь и лязгая клыками на солдат ллоров, которые совещались над ним.

Караван приблизился, и предводитель вентури один подошел к всадникам. На полпути его встретил командир отряда, и после недолгих переговоров торговец вернулся к своим, а другой вентури отделился от каравана и подошел к лежащему животному. Ллоры разошлись, оставив у животного только своих офицеров. Некоторые, как заметил Кана, заняли такую позицию, чтобы находиться на одной линии с караваном. Должно быть, это была какая—то военная хитрость: открыто обыскивать караван и вентури они не решались.

Неожиданно послышался крик одного из солдат. Он спешил, и его гуен, размахивая головой, вырвался и, брызгая слюной и зеленой пеной изо рта и ноздрей, понесся прямо к каравану. Всадник бежал следом, тщетно пытаясь схватить поводья.

Испугавшись ярости обезумевшего кавалерийского гуена, тяжело груженные гуены каравана тоже начали вырываться, таща за собой вентури. Одна из закутанных фигур без всякого гуена побежала прямо к тому месту, где стояли Кана и Рей. Кана испытывал искушение схватить беглеца, но приказ был ясен: это работа ллоров.

Всадники по обе стороны дороги поскакали, окружая бегущего торговца. Один из них взмахнул над головой блестящей петлей и набросил ее на беглеца. Несколько ллоров спешили и уверенно направились к беглецу, очевидно, не ожидая сопротивления. Торговец сел, и в следующее мгновение огненно—красная линия перерезала ближайшего солдата. Тот с криком агонии упал.

— Бластер! — закричал Рей.

Земляне сдернули ружья, два выстрела прозвучали одновременно. Сидящий дернулся и упал снова на землю, тяжело ударившись: больше пуль не понадобилось.

Ллор с офицерским полукругом на плаще дубиной пододвинул к себе оружие беглеца — тускло блестящий металл, которому не было дела на Фронне. После этого два солдата сняли с мертвеца плащ. Этор был ллор, вьющаяся шерсть и выступающие глаза свидетельствовали об этом.

— Это... — офицер дубинкой снова коснулся оружия. — Вы знаете, что это такое? — медленно проговорил он на торговом космическом языке.

— Огнестрельное оружие... очень плохое, — ответил Кана. — Мы таким не пользуемся.

— Тогда откуда же оно? — вполне резонно задал вопрос офицер.

— Этот... он не из ваших? — пожал плечами Кана.

Командир отряда пробился сквозь кольцо своих солдат и наклонился, всматриваясь в безжизненное лицо туземца. Потом сорвал с него пояс. На обратной стороне пояса был оранжево—красный знак.

— Разведчик С'Торка, — сказал он. И, перейдя на туземный язык, отдал серию приказов. Солдаты завернули тело в плащ и ввалили на спину протестующего гуена.

К удивлению землян, вентури ничего не было сказано. Дорогу расчистили, и караван двинулся дальше. Ни один из торговцев даже не взглянул на группу около шпиона... Бластер оставался в пыли, пока командир не подошел к землянам и не указал на него носком сапога.

— Возьмите...

Это был скорее приказ, чем просьба. Но он вполне устраивал Кана. Йорк должен был заняться этой проблемой. Что делает новейшее и самое смертельное оружие Галактического патруля на Фронне в руках туземца—шпиона?

4. Классический ход к гибели.

На перевернутом ящике от провизии, служившем мастеру лезвия столом, лежало вещественное доказательство. Фитч Йорк сидел на скатанном спальном мешке, упираясь головой и плечами в узловатый ствол дерева. Его светлые волосы ярким пятном выделялись на фоне темной коры ствола. Он задумчиво жевал прутик и рассматривал бластер. Но Скоря не намерен был так же спокойно воспринимать это происшествие.

Он ходил взад и вперед по голубой глинистой почве, разбивая сапогами бороздки, как будто затаил злобу против самой земли.

— Что ты сейчас скажешь? — требовательно спросил он. — Это не ваше. Но и не наше. Откуда же оно тогда?

— Я тоже хотел бы это знать, ваше высочество. Это против наших законов. Но ведь оружие нашли не в наших руках— его принес шпион врага.

— Д-а-а-а! — вырвалось из волосатой пасти и скорее напоминало рев голодного хищника, чем согласие. — Зло исходит от С'Торка — что еще можно было от него ожидать? Против этого меч не оружие, друзья? Что могут сделать ваши хваленые мечники против огня, который обжигает и убивает? Мы не сражаемся с огнем. Когда я со своими сокровищами прилетел на Секундус и спросил, кто может помочь мне в битве, мне сказали: обратитесь к такому и такому лорду—воину, но не к такому и такому: на Фронне могут сражаться лишь некоторые из них. Я отдал сокровища, и вы пришли. И что же? У С'Торка оказываются среди воинов и такие, кто владеет огненным оружием! Это нечестная сделка, землянин. Мы, ллоры, не любим двойных языков... — он остановился перед бластером и самим

Йорком. — К тому же, когда шпион был уже в наших руках, и его можно было допросить, что происходит. Пули землян лишают его речи и отправляют в страну теней. Ты не хотел, чтобы он отвечал на вопросы, мастер лезвия?

Йорк не принял вызова.

— Это, — он указал на бластер, — смертоносное оружие, ваше высочество. Если бы мои люди не убили шпиона, никто из ваших не выжил бы. Я сожалею, что мы не сможем допросить шпиона. Теперь ответ мы получим только в лагере С'Торка...

— Я уже принял меры. Если у этого труса действительно есть такое оружие, мы это узнаем, — и, не добавив ни слова, Скоря сел на гуена и поехал из лагеря землян. Его личная охрана, как обычно, пустилась за ним вслед, прищипывая животных остриями сапог.

Как только Скоря исчез в облаке голубоватой пыли, из ниоткуда материализовались Хансу и Миллз, а Йорк забыл свою вялую позу.

— Ну? — Йорк вопросительно поднял бровь.

— Лучше было выяснить это сейчас, чем позже, — ответил Хансу. — Кто-то действовал здесь не менее сезона и пользовался сильной поддержкой. Эта штука из Галактического Патруля...

— Кто? — Йорк выплюнул кусочек прутика.

— Какой-нибудь невезучий мех или... — предположил Миллз.

— Или кто-нибудь, решивший соорудить собственную маленькую империю, — закончил за него Хансу. — Мы не узнаем, пока не вернутся шпионы Скоры.

— Оружие и люди — или только оружие? И это очень важно, — Йорк встал. — Но и то, и другое — плохо.

Хансу пожал плечами.

— Для нас лучше, если только оружие.

— Вы думаете, это демонстрация? Что ж, может быть, может быть. Но если они думают испугать нас, им лучше пересмотреть свои планы. Возможно, что мы даже получим ответ на старый вопрос. Что будет, если арчи столкнутся с мехами? В таком мире, как этот, природа будет на нашей стороне. Легкое мобильное соединение против механизированного дивизиона... Ударить и уйти, прежде чем они сдвинутся, — он был как будто даже рад.

— Ну, ладно, — Хансу подобрал бластер, и тревожное выражение его лица контрастировало вспышке энтузиазма его командира. — Может, у нас и будет возможность проверить, насколько мы хороши. Но никто не может читать будущее.

Йорк отошел, и Хансу начал собственное расследование. Рей и Кана должны были в мельчайших подробностях пересказать события последних нескольких часов с того момента, как Кана заметил шпиона в плаще.

— В следующий раз покажете, что вы умеете попадать в менее уязвимое место, — заметил он, когда они закончили. — Я отдал бы месячную плату за то, чтобы получить несколько слов от этого шпиона. Вы свободны.

Орда находилась у подножия гор, двигаясь по извилистым тропам, пробитым копытами гуенов. Гигантские черно—белые скалы еще более усиливали сумрак прохода, воздух здесь становился более разреженный, чем на равнинах. И хотя солдаты во время перелета проходили усиленную подготовку к условиям Фронна, каждый крутой подъем заставлял их долго отдыхать, отдуваясь. Небо днем приобретало желтоватый оттенок, а со снеговых полей на вершинах дул ледяной ветер.

Переход в семь фроннианских дней позволил им перевалить через вершину хребта. А впереди лежали склоны, ведущие к богатым восточным областям континента. Между вершинами гор и морем лежали только эти области — если только повернешь к северу, то встретишь другой рукав хребта гор.

Было несколько стычек с королевскими постами. Но три крепости, господствовавшие над дорогой, были оставлены, прежде чем мятежники подошли к ним — это обстоятельство не способствовало успокоению землян. Долгие годы военной подготовки приучили их подозревать все и всех. И, вдобавок, шли бесконечные толки, что они могут попасть в западню. Случай со шпионом превратился в этих слухах в столкновение с целым отрядом мехов. А в ночных лагерях начали распространяться и более дикие слухи. Йорк и офицеры делали вид, что ничего не замечают, а солдаты держались в стороне от своих туземных союзников. Назначение приобретало такие черты, что все они рады были бы скорее от него избавиться.

Однажды в полдень Кана сопровождал Дика Миллза в опасном подъеме на вершину утеса, откуда они могли бы рассмотреть дорогу впереди. Пока Миллз регулировал полевой бинокль, Кана сложил руки в перчатках, защищая глаза и

пытаясь рассмотреть что—нибудь невооруженным зрением. Впереди что—то блестело. Так может блестеть только металл. И это что—то двигалось.

— Они ждут нас там, внизу, — согласился с ним Миллз. — Два—три королевских штандарта. А вон там движутся всадники Скора. Погоди, они размахивают флагом! Переговоры?!

Кана видел лишь, как черные точки движутся вдали по склону, сливаясь в черное пятно.

— Йорк должен знать о переговорах. Расскажи ему о попытках переговоров. Похоже, что Скора должен сдаться...

Кана соскочил с утеса и обнаружил у его подножия Йорка. Тот изучал туземную карту, консультируясь с мастерами— мечниками. Услышав новость о переговорах, он сел на подаренного ему Скорой гуена и поехал к туземному авангарду, а Кана снова полез на скалу.

— Смотри! — Миллз сунул бинокль Кану. — Вон туда, налево. Как, по—твоему, что это?

Кана взглянул. Небольшой отряд мятежников ллоров двигался навстречу пригорошне роялистов. Другая группа спешилась и тайно продвигалась вперед, обходя место переговоров.

— Засада? Но они встречаются под знаком перемирия!

— Именно так, — голос Миллза звучал сухо.

Долгое время внизу не происходило никаких действий. Советующиеся предводители, сидя на гуенах, оставались под развевающимся флагом перемирия. И тут ударили скрытые мятежники. Они стаскивали сломленных роялистов с гуенов, оставляя одних неподвижно лежать на дороге, а других уводили за собой в скалы. А когда враг попытался преследовать, находившиеся в засаде прикрыли похитителей огнем из своих воздушных ружей, так что роялисты вынуждены были в беспорядке отступить. И вот флаг перемирия развевался в воздухе лишь над одними мертвецами.

Двое землян, ошеломленных вопиющим нарушением кодекса, который они впитали в кровь с самого начала обучения, спустились со скалы.

— Что—то случилось? — спросил Мик, ощутивший их беспокойство.

Кана кивнул, но Миллз не остановился, чтобы объяснить. Никто не мог догадаться, что принесет землянам эта вспышка насилия. Может последует даже полный разрыв со Скорой и быстрое возвращение на Секундус.

Они вернулись на командный пункт спустя несколько минут после возвращения Йорка. Его лицо представляло собой бесчувственную маску, но сжатый рот и блестящие глаза выдавали тревогу. Миллз доложил, а когда он кончил, Йорк рассмеялся, хотя в его смехе не было веселья.

— Да, — голос его прорезал молчание собравшихся, — это правда. Хансу, Блур, — он поманил двух старших офицеров. — Идемте. Время поговорить. Вы, — глаза его обежали круг мечников, — вы, вы и вы... — Когда же Миллз толкнул его в ребро, Кана неожиданно понял, что он был среди избранных мастеров лезвия вместе с Диком и Богатом. И вслед за офицерами они спустились с холма.

Дик снял ружье с плеча, остальные повторили его жест. Хотя и у ллоров были хорошие воздушные ружья, они не могли сравниться в искусстве стрельбы с землянами. И если Йорку во время встречи со Скорой понадобится помощь и демонстрация военной силы, он сможет сделать это.

Они нашли предводителя мятежников в скалистом дефиле, где караванная тропа превращалась в настоящую дорогу. Верхоховые и пешие ллоры окружили сцену на пыльной дороге. Три офицера—роялиста, окровавленные, со связанными руками, стояли перед Скорой, который что—то говорил им на туземном языке. Увидев землян, он замолчал. Для земного глаза было невозможно уловить выражение его волосатого лица, но было ясно, что его не обрадовало их появление.

Три мечника остановились, держа оружие на виду. Вполне возможно, что его придется использовать.

Йорк остановил своего гуена рядом со Скорой. Ллоры расступились. Они достаточно часто видели, как стреляют земляне, и не хотели быть целью.

— Ваше высочество, что я вижу ... так же нельзя вести войну ... — у Йорка не было ораторского голоса, но слышно его было хорошо.

— Я гатанус, а гатанус ведет войну, как хочет. Они служили предателю С'Торку, — возразил Скора, — Они убили моих людей, поэтому... — рукой он сделал быстрый рубящий жест. Сверкнула сталь, и три роялиста упали, забрызгав кровью сапоги Скора.

Йорк сквозь стиснутые зубы бросил:

— Это плохой поступок, ваше высочество. Зло порождает зло.

— Да? В своем мире можете поступать по своим обычаям. Здесь другие обычаи, чужеземец!

Предводитель ллоров был по своему прав. И Йорк не мог возразить. Одно из правил службы гласило: не вмешиваться в споры туземцев между собой, ведущиеся по туземным обычаям. Возможно, на Фронне нарушения перемирия были обычными во время войны. Но Кана слышал, как Богат пробормотал:

— Нет нам здесь счастья, не будет счастья там, где флаг перемирия запачкан кровью.

Йорк повернул и поехал назад. Группа землян вернулась в свой лагерь. Но к постоянным подозрениям добавились новые тревожные мысли. Война, какой они ее знали, подчинялась определенным обязательным правилам. Если ее законы, которые они считали обязательными, нарушаются, то к чему это приведет?

Состоялся военный совет, на котором присутствовали представители всех отрядов, а остальные солдаты приготовили оружие, теперь уже ожидая нападения не только со стороны роялистов, но и со стороны так называемых союзников. К рассвету было принято решение. Поскольку Скоря сослался на обычаи, их контракт остается в силе, и они должны участвовать в сражении на стороне мятежников. Роялистов выбили из предгорий, и силы мятежников разошлись длинными клещами. У Скоры была и пехота, но он предпочитал кавалерию, и немногие пехотные отряды образовывали фланги более сильно вооруженной земной орды.

Им противостояла небольшая армия роялистов. Большинство знатных лордов равнин еще не сделали выбора. Быстрая победа над этой армией — по существу, это были лишь домашние отряды С'Торка — заставила бы большинство дворян перейти на сторону мятежников. Это означало, что все равнины могут попасть под власть Скоры, и придется лишь посылать экспедиции для подавления отдельных ллоров, поддерживающих его двоюродного брата.

Резкие звуки боевых труб звучали над холмистой местностью. Мятежники казались уверенными в своей победе. Небольшие пехотные отряды сближались с ордой, а кавалерия выехала навстречу врагу. Орда начала действовать. Исчезли все украшения. Солдаты надели серо-зеленые полевые мундиры, сливающиеся с почвой. Кана вытянул ноги вдоль небольшого пригорка и удобно устроил ружье на изогнутой ветке

куста, который давал ему укрытие. Стая летающих существ металась в воздухе, криками выражая свой страх и негодование против вторжения в их мир.

План битвы был простой, но классический по ллорианской традиции. Клещи кавалерии пытаются окружить врага и погнать его в центр, под опустошительный огонь арчей. И поскольку армия С'Торка была настолько глупа, что принимала сражение, то мятежники не видели, почему бы их маневр не увенчался успехом. Единственным выходом для роялистов было отступление.

Кана оглянулся, когда к нему подполз Миллз. Ветеран критически оглядел выбранную новобранцем позицию, а потом одобрительно кивнул и начал сам устраиваться в листе. Сквозь трубы слышался глубокий и низкий звук: ллоры выкрикивали свой боевой клич. Миллз улыбнулся Кану.

— Флаг поднят — начинаем!

Их поле зрения было ограничено. И довольно долго лишь отдаленные крики свидетельствовали о том, что сражение идет. Потом из небольшой роши появилась группа всадников. Они неуверенно топтались на месте. Но цвет их обмундирования невозможно было спутать: роялисты попали в ловушку — челюсть, в которой зубами были земляне.

Появилась еще одна группа, и в ней несколько животных бежало без всадников, дико отбиваясь от туземцев, пытавшихся схватить их. Пеший ллор выбежал из леса, за ним ковылял другой, используя в качестве костыля копье. Колебавшиеся всадники разбились на две группы. Одна, меньшая, построилась и с обнаженными мечами двинулась назад в лес. Другая в беспорядке устремилась по равнине. Кана выбрал цель до того, как всадники приблизились к зоне досягаемости. Не звучали трубы, не слышались боевые кличи, но линия укрывшихся стрелков напряглась. И когда всадники перевалили через пригорок, смертоносный шквал огня обрушился на них. Обезумевшие от страха гуены понесли. Несколько туземцев упало на землю. Ни один всадник не приближался к землянам.

Кана не мог закрыть глаза, хотя внутренности у него выворачивало наизнанку. Действительность сильно отличалась от стрельбы по гуманоидным роботам, тщательно выстроенным на огневом рубеже. А ведь раньше ему не приходилось стрелять по живым существам. Секунду назад он стрелял по избранной цели. Ллор, на котором сосредоточился его взгляд, не напоминал ему живое существо. Но... Кана усиленно боролся с тош-

нотой. Но ему было дано слишком мало времени, чтобы размышлять над своими эмоциями, потому что вторая волна роялистов выкатилась из леса. На этот раз они смешались со своими преследователями. В стремительном танце смерти неслись они вперед, падая на землю, но дорого отдавая свои жизни: в рядах мятежников тоже виднелось немало животных без всадников.

— Скора!

Кану не нужно было это указание Миллза. Он безошибочно узнал мятежного вождя, пробивавшего себе дорогу к предводителю роялистов. Этот офицер, такой же представительный внешне, как и будущий гатанус, воспринял схватку с такой же готовностью. И пока их подчиненные сражались вокруг, предводители обменивались сабельными ударами. У роялиста шла кровь из раны на плече, но это не влияло на его фехтовальное искусство. А Скора был невредим.

Кольцо врагов, звеневшее металлом о металл, приближалось к землянам, но они не стреляли. Слишком велика была вероятность попасть в своего. Гуен роялиста пытался укунить животное Скоры. И в одной из попыток едва не выбил из седла своего всадника. Лезвие Скоры глубоко вонзилось в руку противника, из которой выпал бесполезный теперь меч. Скора уже поднял свое оружие, чтобы нанести смертельный удар, когда сам пошатнулся и, перевалившись через голову гуена, упал в пыль.

Вероятно, только земляне увидели огненную полосу, вырвавшуюся из леса и поразившую вождя мятежников в момент его торжества.

Ллоры, только что отчаянно сражавшиеся, застыли, глядя на Скору. Затем с диким воплем ужаса и отчаяния последователи Скоры набросились на своих противников, безжалостно убивая их. Два роялиста спаслись в лесу, а остальные были мертвы.

— Это бластер! — голос Кана был едва слышен в криках ллоров.

Ллоры подняли тело Скоры и положили в седло. Затем двинулись на север. Миллз, встав на колени, следил за ними.

— Это конец войны, — заметил он.

И как будто его слова послужили сигналом: послышался резкий свист, отзывающий солдат назад.

В тревожном ожидании земляне ждали до полудня. Но слова Миллза оказались справедливыми. Смерть вождя демора-

лизовала мятежников. Война подходила к концу, и ллоры из-бегали чужеземцев. Солдаты подозревали, что теперь мятежники попытаются вступить в переговоры с бывшими врагами. Будущее орды выглядело довольно мрачно. Но когда подобные происшествия случались в прошлом, ордам или легионам, поддерживающим побежденного, всегда давали свободный проход к транспортным кораблям и позволяли улететь с планеты.

Солдаты консервативны, ими правит обычай, и поскольку обычай был на их стороне, рискованное назначение окончилось, в лагере орды вечером царило чувство облегчения. «Худшее позади». Патрули обходили окрестности и количество патрулей не уменьшалось. Но смерть Скоры, не оставившего наследника, освобождала землян от обязательств. И вот в отпуском настроении они ждали скорого возвращения в Тарк, где стояли их транспорты.

Единственное, что омрачало их настроение, было сознание того, что кратковременность кампании отразиться и на плате. Но Кана и некоторые другие чувствовали, что будущее может оказаться не таким светлым.

Кана заметил, что Йорк, три мастера—мечника и некоторые ветераны, включая Миллза, не разворачивали на ночь спальные мешки. А когда рано утром его разбудили на дежурство, он заметил, что в палатке, где собрались офицеры, все еще горел свет.

Скора был убит из бластера. Это означало, что, по крайней мере, еще один экземпляр незаконного оружия находился в руках врага. Кто принес это оружие на Фронн и зачем? Заняв пост, Кана принялся размышлять над этим. Тьма Фроннианской ночи была наполнена звуками, которые могли означать что угодно, в том числе, и опасность. Но кольцо сторожевых фонарей, установленных вокруг лагеря, создавало световой барьер.

Летающие существа, привлеченные и ослепленные светом, бились вокруг ламп, образуя воронку крылатых тел у самых линз. На охоту за этими оглушенными существами явились большие создания, некоторые на четырех лапах, некоторые на двух, а третьи тоже на крыльях. Начался пир, и вопли не прекращались.

Неожиданно раздвинулись низко нависшие ветки кустов, на свет вышел человек и остановился, как бы желая, чтобы его узнали. Он не был фроннианцем.

Мгновенно ружье Кана взлетело на уровень груди незнакомца. Мех — и в полной форме! Кана свистнул, вызывая караул, и выпалил:

— Не двигаться!

Незнакомец рассмеялся.

— Не собираюсь делать по другому. У меня сообщение для Йорка.

5. На следующее утро.

Несколько часов спустя Кану разбудил толчок в плечо. Над ним возвышался Миллз.

— Быстрее! — резко сказал он. — Мы выступаем.

Они действительно выступили, и с необычайной поспешностью. Кана едва успел бросить свой мешок на телегу. На ходу он еще протирал глаза, прогоняя сон. Приказ гласил: «Марш по вражеской территории». С обеих сторон двигались разведчики. И гуенами, везущими багаж, правили не туземцы, а земляне. По существу, по всей извивающейся колонне не было видно ни одного туземца. И двигалась колонна не к Тарку, а под прямым углом к их прежнему пути. На север вдоль гор.

Новая дорога, спустя милю, превратилась в едва заметную тропу. Из разговора окружающих Кана понял, что никто из солдат низших рангов не знает, куда они направляются и зачем. И снова до него доносились толки о неожиданных и загадочных происшествиях с другими ордами и легионами. Если так будет продолжаться и дальше, моральное состояние наемников, несмотря на их обычный фатализм, может быть сильно подорвано.

Возможно их новый поход был результатом неожиданного появления меха ранним утром. Но уверенность, которую чувствовали земляне после смерти Скоры, быстро сменилась растущим беспокойством.

Тропа стала такой узкой, что приходилось бросать повозки. Появились два разведчика и с ними туземец, ллор младшего офицерского ранга, с окровавленной повязкой на голове и с рукой на перевязи. По колонне пошли слухи.

— Впереди большая река... а моста нет...

Прежде чем эти слухи достигли хвоста колонны, послышался сигнал общего сбора. Из передатчиков послышался резкий торопливый голос Йорка.

— Солдаты! Ситуация угрожающая! Нам сообщили, что на службе С'Торка находятся предатели—мехи. Сколько, мы пока не знаем. Разрешение на свободный проход нам не дали, а без него мы не можем двигаться к Тарку. Нужно выждать. Мы должны послать сообщение на Секундус...

— У кого же из вас вырастет ракетный хвост? Кто полетит в космос? — услышал Кана чей—то угрожающий голос.

— У нас имеется информация, — продолжал Йорк, — что к северу находится еще один проход в горах. Мы можем пройти через него, если не придем к соглашению. Сейчас мы пытаемся договориться. Тем временем нельзя возбуждать вражду роялистов, давать им повод заявить, что мы продолжаем сражаться и после смерти Скоры. Ни при каких провокациях ни один солдат не должен применять оружие против ллора, пока не получит приказа. До дальнейших указаний продолжается положение: на вражеской территории, план три. Груз снять с телег и навьючить на гуенов. С этого пункта мы можем использовать три легких повозки. На ночь лагерь будет разбит у реки...

Использовать сопротивляющихся гуенов в качестве вьючных животных было нелегко. И лишь в сумерках отряд, в котором шел Кана, таща и подгоняя огрызающихся животных, увидел освещенный лагерь, разбитый авангардом на берегу реки. Лагерь землян расположился на крутом берегу над темной маслянистой водой. Берег почти вертикально опускался в мощное течение. Можно было не опасаться нападения отсюда.

Кана пошел вдоль берега, глядя на поток. По белым воротничкам пены вокруг торчавших из воды скал он понял, что переправа будет нелегка. Провожая взглядом пузыри, плывущие вниз по течению, он увидел в черноте ночи какие—то огоньки на берегу дальше к востоку. Еще один лагерь? Значит, параллельно орде шли отряды ллоров.

К счастью, орда несла с собой запас продовольствия. Туземцы, зависящие от природных продуктов своей земли, не могут сравниться в подвижности с армией, для которой проблема продовольствия решается небольшим количеством пищевых таблеток и других концентратов, недельный запас которых солдат легко носил в своем вещмешке. Древняя тактика выжженной земли не оправдалась бы против землян — разве что их удалось бы на несколько месяцев отрезать от баз.

— Тупоголовые придурки! — услышал Кана голос Сима, опускаясь на землю рядом с Миллзом и Миком.

— Неужели они думают, что могут...

— Это не волосатые морды, — отвечал Богат. — Не волосатая морда убила Скору. Я там был. Говорю вам, парни, его пронзило насквозь — точно и аккуратно! Я уже десять лет мечник и знаю — не стоит плевать в лицо бластеру!

— Бластер? — переспросил кто-то. — Но если у них есть бластеры, они могли бы перебить нас на месте. А ведь мы победили, пока жив был Скор.

— Послушай, — голос Богата прозвучал громче. — Я видел то, что видел! Прошлой ночью к нам в лагерь приходил мех. И он не просто наблюдатель. А что если у С'Торка целый легион изменников?

— Ерунда! — отозвался один из его собеседников. — Целый спятивший легион — да они не могли бы сесть в корабль без того, чтобы об этом не узнал Прайм!

Послышался сардонический хохот Богата:

— Существует миллион уловок, чтобы обмануть шишек на базе — вы сами это знаете. Раньше такого никогда не было, но это не значит, что какой-нибудь хитрый парень не может проделать это. Мастер — мех вполне может захотеть отхватить этот мир для себя. Верно я говорю, Миллз?

Миллз отмахнулся от насекомого, привлеченного светом лампы.

— Совершенно верно, Богат! И ты прав и в том, что нас ожидает сейчас. И если это так... — он помолчал, а потом продолжил: — Если это так, мы должны быть готовы с боем уходить с планеты.

Раздалось несколько протестующих голосов, но их перекрыл бас Богата:

— У вас в головах, видно не хватает мозгов. Поймите: если парень нарушил закон, он сделает все, чтобы никто не болтал об этом. Мы возвращаемся на Секундус, начинаем рассказывать о мехах и бластерах, и тут же полицейский корабль отправляется напрямик на Фронн посмотреть, что же тут происходит. Думайте сами. У кого могут быть бластеры, какую поддержку имеют эти изменники мехи?

Напряженная тишина свидетельствовала о том, что люди кое о чем начали размышлять, и результат им не понравился. Так как Хансу использовал Миллза как своего помощника, Кана все еще не очень хорошо знал своего напарника. Он держался Мика с Реем и встречался с Миллзом только, когда

их сводили обязанности. Но сейчас он решился задать своему напарнику вопрос.

— А можно что—нибудь выяснить на Прайме?

Миллз не повернул головы. Секундой позже он спросил:

— Объясни свой вопрос.

Кана описал свою встречу с мехом в информационной библиотеке, подчеркнув, что, как ему кажется, мех ждал информационной катушки с Фронна.

— У него на шлеме не было значка легиона?

— Нет, сэр. Я думал, что он только что подписал назначение. Но почему... — он замолчал, пораженный одной мыслью.

Как может мех наняться для незаконной службы на Прайме? С'Торка, должно быть, поддерживает не только горстка изменников.

— Да — почему и как, — шепот Миллза сделал более четкими опасения Кана. — Вот что значит идти в бой слепо, — Миллз встал и Кана пошел за ним.

Вскоре Кана понял, что они обходят местность вокруг лагеря. Когда привыкли глаза, Кана разглядел, что вопреки обычаям, ллоры жгли факелы. Но они не делали попыток приблизиться к землянам.

Одного взгляда оказалось достаточно, чтобы удовлетворить Миллза. Он пошел на юг, время от времени останавливаясь и вслушиваясь в темноту. Вскоре они увидели огни точно на дороге. Ллоры отрезали им путь к отступлению.

К западу начиналась горная стена. И ни одного пятнышка света не виднелось на ее высотах. Значит, лагерь землян еще не окружен — или ллоры считают, что зажали войско землян между горами, рекой и двумя своими лагерями.

Миллз достиг последнего поста, но не повернул к лагерю.

— Хансу говорит, — внезапно начал он, — что у тебя подготовка к контактам с другими культурами. Что ты думаешь о ллорах и о всей ситуации? Они должны знать, что не зажали нас. Если мы захотим применить силу, мы пробьемся. Что—то у них есть в резерве, должно быть?

— Ничего нельзя заранее сказать о туземных феодальных цивилизациях. Скорее склонен был переоценивать свою силу. Впервые наши силы появляются на Фронне, — Кана пожал плечами. — Знаете, временами этот наш Х—3 — контакт с туземцами — основан на сплошных догадках. Невозможно проникнуть в череп существа, у которого мысли развиваются

совсем по иным законам. Мне кажется, что ллоры действительно то, чем кажутся — просто варвары, либо...

— Либо, — подхватил Миллз, — что-то настолько сложное, что мы никогда не сможем понять их. Или же они пользуются советами и помощью...

— От легиона мехов?

— Не понимаю, как это могло случиться! Только одна проблема транспортировки на Фронн! Ни один корабль в целой Галактике не может уйти без запечатанной катушки с указанием цели и маршрута. И все же мех на Прайме собирал сведения об этой планете, там, где малейший слух погубит операцию с самого начала. Но какая им выгода в этом?

— А какими правами на разработку заплатил Скора за орду Йорка, сэр?

Миллз удивленно взглянул на Кана, будто обычный гуен обратился к нему на чистом космоязыке.

— Устами младенца... Права на разработку полезных ископаемых, на торговлю и, может быть, хороший шанс с помощью землян захватить все окрестности!.. Боже космический! Это, возможно, ответ на многие вопросы. Мехов можно было погрузить на торговые корабли, доставить бластеры, вообще, все! — он задумчиво посмотрел на Кана. — Никогда не говори об этом, понятно? И так ходит достаточно слухов, нечего добавлять еще один, да к тому же логичный, что в него можно верить.

— Значит, вы думаете, сэр, что против нас не просто изменники?

— Поведение чужаков — откуда нам знать, как работает их мозг. ЦК не понимает и не хочет понимать этого. Они там даже не хотят задуматься над нашей судьбой. Мы же для них слегка комические ребячливые наемники с сознанием, которое не соответствует установленным ими образцам. Они нас поместили в соответствующее место и постарались тут же о нас забыть. Мы поместились в уготованной для нас нише, и они перестали о нас думать. Они видят нас не такими, каковы мы на самом деле, а какими им хочется нас видеть, а это совершенно разные вещи. Знаешь... — Миллз помолчал, вдумываясь в пришедшую ему в голову мысль, — а ведь ситуация позволяет нам маскироваться. Мы знаем такое, что удивило бы галактических агентов. Эти парни—торговцы — не земляне, конечно, земляне не торгуют — выпадают из аккуратной схемы, а ведь мы тоже принимаем в этом участие. Но о нашей роли никто и не думает. Мы лишь фигуры, которые можно передвигать по

доске. Но что произойдет, если мы начнем ходить сами по себе? Можно попробовать...

Кана застыл. Неужели Миллз располагает какой—то реальной информацией? Неужели у землян есть способ борьбы с унизительным покровительством ЦК, который, если захочет, может навсегда привязать их к Земле? Странное шестое чувство, которое вырабатывалось у каждого специалиста по контактам, ожило внезапно. Кана хотел задать вопрос, 10, 20 вопросов. Но времени на это не было. В лагере меж палаток двигались мечники, седлая гуенов на том самом месте, где располагался штаб Йорка.

— Мы выступаем? — Кана спешил вслед за Миллзом. Перед палаткой Йорка стояли три мастера—мечника и несколько других офицеров. Они горячо спорили. Наконец, Йорк нетерпеливым движением отвернулся от Хансу и натянул поводья своего гуена:

— До моего возвращения старшим остаетесь вы.

Невдалеке ждали три ллора, судя по одежде, дворяне высоких рангов. Свет лампы бросал на их мохнатые лица зловещие тени. Еще два мастера—мечника сели верхом, но ллорский вождь не торопился. Он указал на Хансу и задал какой—то вопрос. Йорк ответил. Ллор по—прежнему не двигался. Взгляд Йорка устремился к Миллзу. Он поманил его к себе.

Хансу кивнул и, отцепив свой значок мастера—мечника, протянул его Диду.

— Ты мой представитель. Ллор требует, чтобы присутствовали все старшие офицеры. А тебя он видел на совете раньше, так что ты вполне сойдешь за офицера. — Но, вероятно, лишь Кана заметил, как рука, передававшая Миллзу значок, крепко сжала его пальцы. — Будь осторожен.

Миллз взобрался на гуена, и маленькая кавалькада двинулась в путь. Ее продвижение по местности было обозначено голубыми огнями фроннианских Факелов. Всадники приближались к лагерю роялистов ниже по реке.

После отъезда Йорка Хансу не тратил времени. Приказы негромко передавались от одного к другому, и вскоре все солдаты пришли в движение. Палатки остались стоять, но остальное снаряжение рассортировали, оставив каждому солдату лишь одну смену белья, одеяло и одежду на случай холода. Раздали продовольствие и аптечки, затем по очереди отряды стали располагаться на недолгий сон. Когда Кана проснулся рано утром, лагерь как будто был разграблен, всюду валялись

солдатские мешки, их менее ценное содержимое было беспорядочно разбросано. По—видимому, Хансу ожидал осложнений.

При свете солнца земляне смогли разглядеть палатки роялистов на речном берегу к востоку, а также штандарты отрядов, следовавших за ними по предгорьям. Лампы выключили, но снимать не стали. И если орде придется уходить налегке, их тоже придется оставить.

Хансу оставил вдоль реки людей. Заняв восточный пост, Кана заметил, что эти люди бросали в реку кусочки дерева, изучая течение. После часа исследований они отправились с докладом. Но Кана знал, что пытаться преодолеть здесь реку, особенно если это делать под огнем, равно самоубийству.

До этого не должно дойти. Ллоры просили о переговорах. Йорк вернется, и орда направится в Тарк. Если ллоры соблюдают правила войны, так оно и будет. Если...

По горным дорогам разъезжали ллоры. У всех были значки роялистов, но не один Кана подозревал, что большинство из них три дня назад участвовали в конфликте на противоположной стороне. Они были вооружены, но оружие находилось в чехлах и ножнах. Медленно проезжая мимо лагеря, они что—то выкрикивали. Ни один солдат не находил в их выкриках дружелюбия.

—Этот волосатолицый в голубом шарфе... — Мик присел рядом с Кана на передовом посту. — Я мог бы заставить его уважать землян...

Ллор с голубым шарфом жестикулировал, и жесты его были бы приняты за оскорбление на любой планете. Его сопровождала компания друзей. Своими одобрительными выкриками они побуждали его изощряться еще больше. Мик со вздохом рассматривал этого шутника, сожалея, что не может выстрелить.

— Разве сейчас твое время? — спросил Кана.

— Приказ Хансу удвоить посты. Пахнет отвратительно, и не только от волосатых. Йорк уже ушел десять часов назад. Для переговоров столько времени не требуется. Ты принес с собой свой «сидор»?

— Конечно, — Кана пнул сверток у ноги. — Но Хансу не станет выступать, пока не получит приказ Йорка.

— Я так не думаю. Погоди! Что это?

Солнце Фронна, бледное и слабое в сравнении с Солнцем, согревающим Землю, но все же оно дает достаточно света. За

кривляющимися ллорами, с края небольшого леса на берегу реки, его бледные лучи отразились от какой-то яркой поверхности. Вспышки долетали до землян через правильные интервалы: «СОС»...

Три буквы их языка! Крик о помощи, настолько древний, что его происхождение терялось в тумане земного прошлого, сигнал, который мог послать только землянин. Кана положил ружье.

— Займи мое место! — и он пополз, прежде чем Мик смог остановить его. Долгие часы дежурства на этом посту не прошли напрасно. Существовала возможность, правда нелегкая, подобраться к рощице незаметно для разъезжавших ллоров.

Кана свесился с крутого берега, нащупывая опору носками сапог. С трудом он смог сползти. У основания утеса рядом с бегущей водой лежала узкая, шириной в фут, полоска песка и гравия. Прижимаясь спиной к стене утеса, закрытой от наблюдения сверху, — разве что кому-нибудь придет в голову наклониться, — Кана продвигался вдоль потока.

Раз или два его ноги погружались в кипящую воду, и он цеплялся пальцами в поисках опоры. Хуже всего была потеря чувства расстояния. Каждые несколько футов он останавливался и смотрел вверх, ожидая увидеть ветви деревьев.

Ему показалось, что прошло не меньше часа, прежде чем нависшая над берегом зеленая листва позволила повернуться ему лицом к утесу. В пределах досягаемости находились корни, и Кана начал подъем. Глиняная пыль покрывала лицо. Держась одной рукой, другой он протирает глаза. Ногти у него были сорваны, мундир покрылся пылью и грязью, но он, наконец, добрался до колючего кустарника.

— Земля? — негромко произнес он. Услышав ответ, он быстро пополз вперед. Такой стон могло вызвать только настоящее страдание.

Продвижение вперед привело его на западный край рощи. Под упавшим деревом, закрытый от ллорских всадников лишь тонким покровом листвы, лежал человек.

Увидев страшные ожоги, покрывавшие тело человека, Кана едва решился дотронуться до него. Раны от бластера! Кана знал, что прикосновение принесет раненому мучительную боль. Почерневшее, обгоревшее тело дрогнуло, раздался стон. Сжав губы, Кана притронулся второй раз, преодолевая слабое сопротивление раненого. Наконец, ему удалось повернуть его

лицом к свету. Бластер не затронул лицо, и, хотя оно было искажено, Кана узнал раненого.

— Дик! Что... что они сделали?

6. Если вера нарушена...

Темные глаза, затуманенные болью, остановились на Кане, словно Дик Миллз, притягиваемый всеподчиняющим чувством долга, возвращался из бесконечного удаления.

— Все мертвы... Харт Дейвис... Скажи Хансу... Харт Дейвис...

Кана кивнул:

— Я должен сказать Хансу, что виноват Харт Дейвис? Темные глаза согласно прикрылись ресницами: да, так...

— Не... не один... Галактический агент, скрытый... сжег нас, — остатки былой силы вернулись в его голос. — Пытался... пытался добиться... чтобы Йорк присоединился к изменникам. Когда Йорк отказался, сжег нас сзади. Все мертвы... Меня тоже сочли мертвым. Агент подошел... посмотрел. Я видел его ясно... агент... скажи Хансу: за Дейвисом стоит ЦК. Полз... полз... часы и часы полз, у них только бластеры... тяжелого оружия нет. Скажи Хансу... бластеры...

С ними галактический агент, и у них оружие ЦК, — повторил Кана с холодным ожесточением.

Несколько мгновений Миллз лежал неподвижно, собираясь с силами.

— Скажи Хансу... за всем этим ЦК... нас уничтожат, если смогут... Не должны застигнуть вас здесь. Назад к кораблям... доложить командованию... доложить... — одна из обгоревших рук вцепилась в рукав Кана. Тот торопливо пообещал:

— Я ему скажу, Дик. — Сзади... ни одного шанса... Харт Дейвис... — шепот Миллза затих. Затем он произнес ясно и отчетливо: — Окажи Милосердие, товарищ!

Кана с трудом глотнул, во рту у него сразу пересохло. На мгновение он снова оказался в церкви на Земле, за полгалактики от Фронна. Его обучили ритуалу, он знал, что должен сделать. Но, вопреки всем инструкциям, он не верил, что ему придется когда-нибудь оказывать Последнее Милосердие.

Полные боли глаза Дика настойчиво смотрели на него. Выполнив свой долг, Миллз ждал, когда его отпустят из мира боли. Кана знал, что означают эти раны. Даже медики на

Секундусе ничего бы не смогли сделать для него. Да и переправить его туда невозможно. Медленно, стараясь не причинять Дику лишней боли, он опустил его на землю и достал свой нож, который все солдаты носят на груди. Это был нож «Милосердия», с ним не расстаются ни на яву, ни во сне, его носят с собой всю жизнь и применяют лишь для единственной цели.

Кана прижал крестообразную рукоятку к губам Миллза и произнес соответствующие слова. Собственный голос казался ему незнакомым. Искривленные болью губы Миллза пытались вторить ему.

— ... и вот я посылаю тебя домой, брат по оружию, — закончил Кана и не мог тянуть дальше. Нож опустился точно в то место, куда указывала инструкция. Кана был один. Он сунул окровавленное оружие в ножны. Очистить его можно было только в земной почве. Оставалось еще одно: тело Дика Миллза нельзя оставлять ллорам, а нести его с собой в лагерь у Кана не было сил. Кана снял с пояса патрон. Осторожно сорвал с него крышку и положил патрон на тело. Потом бросился к утесу. Он еще не успел спуститься, как раздался взрыв, и когда спал огонь, Дика Миллза найти было невозможно.

Обратный путь Кана проделал как можно быстрее, стараясь не думать ни о чем, кроме сообщения Дика Миллза. После смерти Йорка и остальных мастеров—мечников ордой командовал Триг Хансу.

В районе его поста с утеса свешивалась веревка. С ее помощью Кана поднялся в лагерь. Наверху его ждал не только Мик, но и сам Хансу. Ниже по реке поднимался столб черного дыма, и на опушке леса собирались ллоры. Кана сжато доложил.

— Йорк и остальные предательски сожжены после того, как отказались присоединиться к ним. Агент ЦК тайно следил за ходом переговоров. Меха́ми командует Харт Дейвис. Дик был смертельно ранен, но уполз... до леса. Он сказал, что видел бластеры ЦК, но тяжелого оружия нет... Он считает, что они постараются уничтожить нас.

Выражение лица Хансу не изменилось при упоминании о командире изменников—мехов и об агенте. Не успел Кана закончить, как Хансу уже отдавал приказы стоявшим поблизости ветеранам.

— Дольф, примешь командование первым отрядом; Хорват — вторым. Приготовиться к маршу. И пришлите сюда Богата. Кане Хансу задал лишь один вопрос тихим голосом:

— Миллз?

У Кана не нашлось слов для ответа. Он обнажил окровавленный нож Милосердия. А позади послышалось тяжелое дыхание Мика. Но Хансу ничего не сказал. И ничего больше не спрашивал.

Мик помог Кану надеть ружье, взял его мешок и отвел товарища в лагерь. Имущество, оставленное прошлой ночью, теперь под руководством Богата складывалось в баррикаду от одной линии ламп до другой. Все солдаты, кроме тех, что были заняты на постройке этой стены, выстраивались в линию лицом к горам.

— Готово, сэр! — доложил Богат Хансу.

Пятеро землян через равные промежутки выстроились у брошенных вещей, каждый держал в руках взрывной патрон. Хансу спросил:

— Готовы с этими животными?

Взвод, гнавший вьючных животных в дальний угол лагеря, доложил о готовности.

— Солдаты! — Хансу повернулся лицом к отрядам. — Все вы знаете, что случилось. И если вера нарушена, конец и связывающему нас контракту. Йорк и остальные убиты, сожжены из бластера. Миллз прожил лишь столько, чтобы предупредить нас. Вы знаете, что не превосходящая сила оружия и не численность выигрывает войны. Та сторона, у которой есть воля к победе, имеет преимущество. Нам придется пересечь враждебную планету. Любой туземец может оказаться враждебен нам. Но если мы не сумеем достичь Тарка, шансы очень невелики. Помните это: ставка — наши жизни. Но солдат, думающий только о сохранении жизни, обычно погибает в первой же схватке. Смерть — наш общий удел, ни один человек не избежит его. Но если мы погибнем в традициях орд — это будет прекрасный конец для всех нас. Они считают, что поймали нас, что мы не можем вырваться из клетки гор, реки и войск. Но мы покажем им, как опасно недооценивать мечников. Огонь прикроет наш отход. Мы двинемся на запад, в горы. До смерти Скоры туземцы говорили нам, что гор следует опасаться, что местные жители здесь никогда не подчинялись гатанусам и очень опасны. В таком случае мы можем найти союзников. По крайней мере, мы уходим в правильном направлении. Каждый, кто хочет выжить, должен стремиться к победе. Выигравший — убивает, проигравший бывает убит.

Орда встретила последнее утверждение одобрительным гулом, и Хансу дал сигнал солдатам у баррикады. Испуганные гуены понеслись к ллорам, неторопливо прогуливающимся по окраинам лагеря. Фроннианские воины были вынуждены разбежаться перед взбешенными животными, стараясь в то же время направлять их в сторону от своего лагеря. Но гуены с их дьявольским характером, где только могли, нападали на кавалерийских животных.

Орда в порядке «продвижения по враждебной территории» двинулась в путь. Столбы огня взметнулись вдоль стены оставленных припасов, и дым скрыл отступление землян. Огонь некоторое время будет держать ллоров на расстоянии.

Маршрут землян пролегал вдоль реки, где было много укрытий. Спустя полмили река ушла глубже, выступы черно—белых скал стали попадаться чаще. Кана по очереди с другими тащил небольшую телегу, на которой лежали самые необходимые припасы. У них было две таких тележки, и от их содержимого, возможно, зависела жизнь всех солдат в недалеком будущем. Уже наступили сумерки, когда Кана со вздохом облегчения отошел от телеги и, растирая уставшие руки, занял свое место в линии. До сих пор Хансу не отдавал приказа на разбивку лагеря. Они поели на ходу и запили водой из фляжек. Никаких признаков преследования не было. Но, по—видимому, Хансу считал, что, чем больше миль их отделит от прежнего лагеря, тем лучше. Их вторично остановила река. Ее глубокое ущелье пересекало тропу. Теперь нужно было пересечь реку, либо повернуть назад. В последнем свете дня они разбили лагерь. Хансу вызвал к себе Кана.

— Вы спускались к самой воде, сильно ли течение?

— Очень, сэр. И я думаю, река очень глубокая. А здесь она даже глубже.

— Гм... — Хансу опустился на колени и свесился над обрывом. Достав карманный фонарик, он начал спускать его вниз на веревке. В кружке света показалась поверхность утеса.

Река пробилась это ущелье. Должно быть, раньше она была шире и мощнее: утес представлял собой несколько уступов — гигантскую лестницу, обозначающую ступенями опускание уровня реки. Не очень широкие и далеко стоящие друг от друга, это были все же уступы, и они давали возможность добраться до поверхности воды. Из нее торчали зловещие острые камни, вокруг которых клубилась пена. Оползни оставили свои следы — слишком тяжелые камни, которые не могла

унести река. Пытаться плыть здесь значило разбиться насмерть. И свет был слишком слаб, чтобы показать, что ждет на противоположном берегу. Хансу, сворачивая веревку, поднял фонарик.

— Придется ждать рассвета. Галактический агент — вы уверены, что Миллз так сказал?

Кана смог лишь повторить то, что говорил раньше, а потом добавил:

— Ллоры уверены, сэр, чуть—чуть слишком уверены. Они, должно—быть, чувствуют мощную поддержку.

Хансу издал звук, в котором было мало общего со смехом.

— О да, у нас есть репутация. Значит, у них есть советчики, для которых наша репутация звучит забавно. Ллоры — воинственный народ, и, когда преимущество на их стороне, они поступают как угодно. Скоря перебил своих врагов даже под знаком перемирия. Может, таков фроннианский обычай. Однако... — и губы Хансу разошлись, обнажая львиный оскал, — им не стоит строить слишком радужные планы на будущее, даже действуя по советам ЦК. Что вы знаете о косах? — мгновение спустя спросил он, оторвав Кана от мрачных мыслей.

— Это туземные жители гор. В катушке о них было очень мало. У меня создалось впечатление, что они не той расы, что ллоры и что они смертельные враги жителей равнин

— Они пигмеи. По крайней мере, ллоры считают их пигмеями. И, действительно, смертельные враги по отношению ко всем, кто вторгается на их территорию. Используют отравленные стрелы и ловушки. Но я не знаю, вступаем ли мы сейчас на их территорию. Во всяком случае, у нас нет выбора, нужно идти вперед. Нам предстоит работа, Карр.

— Да, сэр.

— Отныне вы назначаетесь офицером по контактам. Подумайте, что нужно собрать в «тюк первого контакта», и соберите его сейчас же. Утром все должно быть готово к использованию. Богат!

Темным пятном на ночном фоне появился ветеран.

— Завтра пойдете в разведку. В вашем отряде пойдет Карр — специалист по контактам.

— Да, сэр. — Ничего не говорило, что Запан Богат когда—нибудь раньше видел Карра. — Сколько человек?

— Не больше десяти. Широкая разведка на вражеской территории. Разведайте всю местность. Потом будете проводниками.

— Да, сэр.

Лагерь освещался лишь вспышками карманных фонариков, но и этого слабого света Кану хватало, чтобы добраться до своего места рядом с Миком и Реем. Он свернулся в клубок, завернувшись в единственное одеяло, и постарался думать свободно и связно. Как специалист по контактам и участник передового разведотряда, он должен иметь с собой торговый набор: торговля, обычно, наиболее легкий способ достижения контакта с неизвестным племенем. Но он так мало знает о косах—пигмеях, постоянных врагах ллоров, использующих отравленные стрелы и ловушки, чтобы сохранить неприкосновенной свою территорию в горах. Наиболее обычные предложения — пища, украшения... Следовало подумать об этом раньше, до уничтожения лишнего багажа. Впрочем солдаты по его требованию снимут с себя последнее, если они повинуются приказам.

Пища — почти для всех чужаков характерно врожденное любопытство к иноземной пище, особенно если они живут в суровой стране, постоянно на грани голодной смерти. Из всей земной пищи был один вид, который солдаты всегда берут с собой, вид, производимый только на их планете, но излюбленный всеми чуждыми цивилизациями. Торговцы много лет пытаются экспортировать его. Но земляне заправляют военным снабжением, контролируют его производство и хранят только для войск и немногих избранных союзников. Они слишком ценят его. Он не мог быть уничтожен с багажом. Должно быть, он находится в одной из телег, которые он помогал тащить. Надо спросить об этом у медиков.

Украшения — ветераны сняли их с мундиров. Теперь они размещены у каждого в специальном поясе. Нужно будет взять самые яркие. Ну, не будем терять времени. Ни у Мика, ни у Рея нет ничего достойного внимания. Но к его услугам весь лагерь.

Кана устало откинул одеяло и отправился выполнять задание. Первой его жертвой был Крауфор, врач орды. Услышав просьбу, он достал с ближайшей телеги небольшой ящичек. Кана получил пакет размером с ладонь. Содержимое этого пакета равнялось полугодовому офицерскому жалованью на полудюжине планет. Услышав вторую просьбу, Крауфор расстегнул один из карманов пояса и достал сирианский «солнечный камень», в руке доктора засветился бассейн мягкого пламени.

— Можете взять это. Собственная шея стоит дороже. Просите, не задумываясь: мы все знаем, чем рискуем. Тол, Канкон, Пейноу! — он созвал своих помощников и объяснил суть дела.

Когда Кана уходил от них, он нес пакет с сахаром, солнечный камень, золотую цепь около фута длинной, кольцо в форме закатанной водяной змеи и небольшой кристалл, в котором был заключен фантастический по внешности потоманский омар. Полчаса спустя Кана вернулся на свое место. Карманы его мундира раздувались от сверкающих драгоценностей, пальцы были усажены кольцами, а руки — браслетами. При свете лампы он рассортировывал добычу. Вот это, это и это, очень яркое внешне, нужно использовать в качестве приманки. А вот это сохранить в качестве даров для вождей или военачальников. Он подготовил три свертка в соответствии с их будущим использованием и отложил в сторону, а потом попытался уснуть. Лагерь окружала темнота ночи. Они находились будто в огромном ящике — ловушке, и крышка его вот — вот захлопнется.

Кана видел крошечные светлые точки — звезды, обогревающие незнакомые миры. Где — то среди них и солнце, вокруг которого вращается его родная планета. Зеленая Земля. Есть и другие зеленые планеты среди голубых, красных, белых, фиолетовых — но ни у одной нет такого оттенка зелени, какая покрывает зеленые холмы. Земля — родина человечества... Человек поздно вышел в космос и оказался в стороне от главных дел. Всем заправлял ЦК. Но существовало множество миров, на которых туземная жизнь не достигла уровня разума. Что если бы человеку позволили поселиться там, колонизировать эти миры! ? Что если справедливы древние легенды, и существовали полеты к звездам, из которых не возвращались? Где эти миры, на которых могли основать свои колонии земляне? Где мог бы он найти своих отдаленных родичей, свободных от ярма ЦК, людей, собственными силами завоевавших звезды?

Думая об этом, он уснул. И снова он сидел в фроннианском лесу, сжимая в руке окровавленный нож...

— ... встать!

Кана перевернулся. В сером рассвете над ним возвышался Богат. Первые лучи отражались в его шлеме.

Кана торопливо свернул спальный мешок. Потом пристроил свертки так, чтобы их было легко достать.

- Выступаем немедленно?
- Скоро. Захвати свой рацион.

Хансу и группа солдат, вооруженных веревками, собрались у края каньона. Три человека спускались по уступам к серебряному берегу далеко внизу. Они, перевязавшись веревками, по очереди вступали в воду и, где вброд, где вплавь, добрались до булыжников и стали воздвигать между ними частокол из туземных копий и обломков дерева. Если человека собьет с ног, то этот частокол удержит, не позволит течению унести его вниз. Было ясно, что Хансу собирается переплываться через реку.

Когда Кана и разведчики Богата начали спуск, передовые уже прошли половину реки. Ружья, свертки и другие запасы были завернуты в водонепроницаемую ткань. Все это спустили на наспех сколоченной платформе. Кана висел на веревке между двумя уступами, когда резкий крик ударил по его ушам и нервам. Он не повернул головы — не посмел. Мгновение спустя туго натянутая веревка справа от него, натянутая под тяжестью разведчика, спускавшегося с обрыва рядом с ним, свободно скользнула по скале. Воин исчез в пучине. Даже коснувшись подошвами следующего уступа, Кана не посмотрел вниз. Он прижался к стене, цепляясь за нее пальцами, истекая потом.

Еще три уступа, и он добрался до полоски щебня. Люди на берегу все еще смотрели вниз по течению, в их глазах застыл ужас. Но печалиться не было времени, а спасти некого. Богат последним спустился с обрыва и выкрикнул распоряжения.

— Разберите груз, вы, лотурианские едоки листьев! Мы переправляемся через реку и поднимемся на противоположный берег. И побыстрей!

И они сделали это, потеряв еще одного человека. Его унесло течением и ударило о скалы, а потом по какому-то капризу потока снова вынесло обезображенное, изломанное тело. Но, перевязавшись веревками, иногда сбываясь с ног, с трудом перебираясь от одного булыжника к другому, они все же переправились. На берегу остался один солдат, его сломанная рука висела плетью. Он должен был следить за состоянием веревки.

Вверх по утесу они поднимались от одного уступа к другому, дрожа от усилий, их пальцы скользили от пота, сердца и легкие работали, словно в лихорадке. Соль жгла глаза и порезы на руках, но они продолжали взбираться наверх. Кана концентрировал внимание на участке земли непосредственно перед

глазами, потом на более высоком, на следующем и так далее. Так продолжалось часами — и будет продолжаться бесконечно.

Но вот он вытянул руку в поисках очередной опоры, кто-то схватил его за запястье и потащил: его рывком подняли, и, скользнув лицом по скале, он лежал, тяжело дыша, усталый до мозга костей, не в силах протянуть руку к фляжке, хотя в горле у него пересохло, и он ощущал страшную жажду.

Он сел, когда подошел Богат. Вокруг его талии была обвязана веревка. Она послужит частью моста для всей орды.

Кана напился и был способен встать на ноги, когда подняли ружья и свертки. Богат дал сигнал, и они двинулись в темное будущее, в горы.

7. Злые земли.

Оставив реку, разведчики разошлись веером. Только Кана остался с Богатом. В этой операции он был на особом положении, его обязанности начнутся, когда будут найдены следы разумной жизни. К его удивлению, Богат, вместо того, чтобы полностью игнорировать его присутствие, подождал его и спросил:

— Чего мы ищем?

— Хансу считает, что мы можем найти косов — это раса пигмеев, предположительно, обитающих в горах. Они ненавидят ллоров и чрезвычайно опасны, используют отравленные стрелы и ловушки.

Богат ответил на эту скудную информацию ворчанием.

Поднялся ветер, его порывы дико выли в горах, неся с собой мигрирующие шары — круглые массы колючих растений — так они путешествуют, пока не найдут места с водой, где могли бы укорениться на сезон. Болезненного, бледного, желто—зеленого цвета, эти шары были вооружены шестидюймовыми шипами, и земляне почтительно уступали им дорогу. Так начиналась фроннианская зима. И переходить в этот сезон горы означало встретиться с такими трудностями, от которых отшатнулся бы любой ллор.

Ветер пронесился сквозь ущелье и трещины, а над головами землян раздавался дикий воющий стон. Но разведчики большую часть пути были защищены от ветра. Почва представляла собой смесь гравия и глины. Стены ущелий приходилось освещать

щать пылающей ветвью, чтобы разведчики могли держаться главной тропы. Они проходили мимо камней, выше человеческого роста, и Кана начал удивляться, откуда в этом ущелье такое количество оползней. Неожиданно он увидел перед собой ответ, и ответ был суров.

Блеснуло солнце, отразившись от предмета, полупогребенного в почве. Кана наклонился, очищая землю. Из—под камня торчал ллорский меч. Его рукоять все еще сжимали пальцы мертвой руки!

— Раздавлен, как таракан! — заметил Богат. Глаза ветерана сузились, когда он взглянул сначала вперед, на ущелье, по которому им предстояло идти, а потом уже вверх на склоны. Он был слишком хорошо знаком со способами ведения войн на пяти десятках планет, чтобы не понять, что тут произошло.

— Скатали камни и поймали их. Работа косов?

— Возможно, — согласился Кана. — Но это было давно... — Его прервал крик, от которого Богат прыгнул вперед.

Узкий каньон, по которому они шли, расширился, превратившись в арену — арену, где когда-то велась смертоносная игра. Все дно ее устилали кости. Среди них виднелось множество черепов ллоров, очень похожих на человеческие, и длинные клыкастые черепа гуенов. Ни один скелет не был цел. Кана поднял ребро. Кость оказалась очень легкой. Он был прав: эти глубокие впадины могли появиться лишь в результате действий коренных зубов. Сначала убийство, а затем пир! Он отбросил эту кость.

Держась в стороне от останков, земляне двинулись вдоль стены ущелья. Среди обломков не было ни оружия, ни остатков ллорского обмундирования. Исчезла также упряжь гуенов. Мертвых раздели совершенно. И поскольку они лежали непогребенные, убийство оставалось неотомщенным.

— Как вы думаете, давно это было? — Хриплый рев Богата звучал угнетенно.

— Может, десять лет назад, а может, сто — ответил Кана. — Нужно знать климат, чтобы быть уверенным...

— Их застали сбившимися в кучу, — заметил Богат. — Ларсен! — обратился он к ближайшему разведчику. — Поднимитесь вверх и используйте бинокль. Отныне будешь прикрывать нас сверху. Остальным продвигаться медленнее. Сунг, свяжитесь с нашими и доложите. Пока не видим ничего живого. Но я не хочу, чтобы наших товарищей захватили так же!

Медленно двинулись они к концу долины смерти, опасаясь каждую секунду услышать грохот лавины. Но Кана, глядя на суровую местность, подумал, что косы вряд ли обычно обитают в ней. Сцена гибели могла быть следом какой—то войны, конечно, если ее причиной были косы. Его не оставляла мысль о следах зубов на кости. Некоторые примитивные племена поедали мертвецов, веря, что таким образом добродетели храброго врага переходят к его убийце. Но вряд ли эти зубы принадлежали гуманоидам.

На Фронне достаточно других пожирателей мяса. Тсор, огромное кошачье; хорк — птица или высокоразвитое насекомое (в информационной катушке не было уверенного утверждения), мелкие животные, которых приручили и использовали на охоте, точно так же, как древние лорды его собственной планеты использовали для забавы соколов. Были еще дитеры, о природе которых трудно было сказать что—то определенное: они были ночными животными и выкапывали ямы, чтобы поймать добычу. Но эти загадочные существа обитали в болотистых джунглях южного континента. Оставался билл!! Но Кана считал, что эти смертельно опасные нелетающие птицы водятся только на равнинах, где скорость бега позволяет им уверенно настигать добычу. Более опасные, чем тсор, который редко нападает сам, биллы достигали двенадцати футов в высоту, у них был злобный характер и чудовищный аппетит.

Эта горная страна была почти лишена растительности, но колючек было очень много. Разведчики делали часовой привал, ели таблетки из своего рациона, отпивали немного воды и шли дальше. Неровная местность вокруг могла быть лунным ландшафтом их собственной системы, лишенным всякой жизни. Когда сухое русло ручья, по которому они шли, разделилось надвое, Богат приказал остановиться. Оба новых каньона выглядели одинаковыми, хотя один поворачивал на юг, а другой — на север. Земляне, вздрагивая от ударов резкого ветра со снежных вершин, остановились в нерешительности. Богат посмотрел на часы и сравнил их показания с длиной теней за скалами.

— Четверть часа. Мы разделимся и вернемся назад к концу этого времени. Вы, — он указал на четырех разведчиков, — пойдете со мной, Ларсен, вы с остальными пойдете на юг.

Кана с биноклем на шее карабкался на стену северной развилки. Запан Богат двигался вперед и опередил своих товари-

щей. Человек, идущий перед Каной, поднимался с трудом. Он часто соскальзывал, и ему приходилось начинать сначала.

По чистой случайности Кана уловил движение за Сунгом. Тень от скалы странно дернулась. Кана поднял ружье и выкрикнул предупреждение. Сунг прижался к стене и тем спас себе жизнь. Смерть, подстерегавшая его, ударила в пустое место. Кана выстрелил, надеясь попасть в какое—нибудь жизненно важное место этого стремительного рыжего тела. Но существо двигалось невероятно быстро, его длинная чешуйчатая шея извивалась, как змея. Кана был уверен, что, по крайней мере, дважды попал, но животное продолжало нестись к тому месту, где Сунг прижимался к скале. И оно больше не молчало. Дикий и гневный рев разрывал им перепонки.

Вспышка белого пламени окружила билла. Когда оно утихло, гигантская птица лежала на земле, безголовая, ее длинные ноги все еще угрожающе дергались.

— Богат! — закричал Кана. — Эти существа обычно охотятся стаями.

— Да? Гарн, сигнальте отход, — приказал Богат одному из оцепеневших солдат. — Надо отозвать Ларсена. Двинемся вместе. Если здесь нас поджидают еще такие звери, мы будем готовы. И не следует рассредотачиваться с наступлением темноты.

Сунг далеко обогнул тело билла, присоединяясь к остальным. Богат отдал приказ Кане:

— Следите за этим ответвлением.

Отныне они проверяли каждую тень, каждую щель в стене ущелья. Встретив на развилке группу Ларсена, Богат приказал строить бруствер из камней.

— Они охотятся по ночам? — спросил Богат.

— Не знаю. В сущности, они не должны находиться здесь, в горах. Это хищники, и обычная их территория — центральные равнины.

— Значит, если они оказались здесь, у них есть, на кого охотиться?

Кана лишь кивнул в знак согласия. Хотя местность казалась пустынной, в ней скрывалась жизнь. И эта жизнь вполне могла привлечь внимание билла.

Поскольку огонь был под запретом — они не смели показывать свет — разведчики сгруппировались у стены своего временного укрепления. Горы заслонили свет садящегося солнца, и Кана обнаружил, что прислушивается к полутьме, но к чему, он не

смог бы объяснить. Снова с воем поднялся ветер. Но за долгие часы блужданий земляне так привыкли к нему, что уже не обращали на него внимания. В один из немногих перерывов, когда горы замерли, Кана снова прислушался. Слышал ли он? Но за стеной ничего не двигалось. Они спали урывками, подвое карауля лагерь. Кана дремал, когда в ребра ему ткнули локтем, и Сунг прошептал на ухо:

— Смотри!

Далеко вверх мигнул свет. Это не звезда. А слева еще одна вспышка. Кана схватил бинокль. Это огонь костров. Сигнал! Он насчитал их пять. А сигнальные огни в этих высотах означали лишь, что кто-то следит за передвижениями землян. Не роялисты — это не голубое пламя ллорских факелов. Вот один огонь мигнул и исчез, снова загорелся и погас — определенная последовательность. Ошибки не может быть — это сигнал. Приведет ли этот обмен информацией к такой же односторонней битве, следы которой они видели в долине?

— Сигналы! — Богат проснулся и тоже смотрел. Кана скорее слышал, чем видел, как ветеран вскарабкался на стену. Высоко над стеной утесов, ограждавших ущелье, тоже мелькнул огонь. Но тут же исчез и больше не появлялся. Ответ на те сигналы? Богат прокашлялся.

— Возможно, это значит «приказ получен», — он пародировал официальную фразеологию. — Сунг, включи передатчик. Расскажи Хансу об этих сигналах. Ну, — добавил он спустя некоторое время, — на сегодня, должно быть, представление окончено.

Он был прав. Три из пяти огоньков впереди исчезли, а два медленно угасали. Кана вздрогнул от ледяного ветра. Что ожидает их впереди?

— Лагерь ответил, — доложил из темноты Сунг. — Они видели огонь немного впереди от себя, но лишь один. Я им рассказал и о билле. Они на том конце долины с костями.

— Хорошо, выключаю. Продолжим утром.

Утром Богат избрал для исследования южную развилку. Поскольку Тарк находился на юге, было логично двигаться в этом направлении. Повлияло ли на его решение появление билла в северной развилке, или то, что все огни размещались к северу, он не стал обсуждать это с подчиненными. Новая тропа оказалась шире, и спустя полмили Кана заметил, что они поднимаются. Прошел еще час, и им встретились первые следы горных жителей. К счастью, эпизод с биллом научил их

осторожности, и теперь они были крайне внимательны к любым необычностям. Ларсен, шедший впереди, резко остановился на краю широкой и гладкой полосы песка. Когда подошел Богат, он указал на странное углубление в центре полосы. Кана, вспомнив предупреждение Хансу о косах, заговорил первым:

— Возможно, ловушка...

Богат перевел взгляд от Кана к углублению. Потом отошел, подобрал камень, и, пошатываясь от его тяжести, бросил на ровную поверхность.

Послышался шум. Песок и камень обрушились в открывшееся отверстие. Кана заглянул внутрь. Все у него внутри перевернулось, когда начало действовать воображение. Это была ловушка, коварная, смертоносная ловушка. И пленник, попавший в нее, умер бы от мучительной долгой смерти на искусно размещенных внизу кольях.

Земляне осторожно пробрались по краям ямы. На другой стороне Сунг сообщил о ловушке в орду.

С этого места их продвижение еще больше замедлилось. Приходилось не только опасаться биллов. Теперь каждая ровная площадка становилась подозрительной. Они испытали еще три полосы по методу Богата, и последняя открылась во тьму, откуда поднимался такой отвратительный запах, что никто не захотел рассматривать содержимое ловушки.

— Не идем ли мы прямо к чьему—то парадному входу? — Сунг переместил передатчик с одного бедра на другое.

— Если так, то этот кто—то не очень любит посетителей, — внимание Кана разделилось между стенами ущелья и его дном: смерть могла неожиданно появиться отовсюду. А он ведь специалист по контактам, единственный, кто может надеяться вступить в переговоры. Однако ничто в предыдущей подготовке не готовило его к нынешней ситуации. Невозможно вступить в контакт с врагом, который отсутствует... Косы, если, конечно, это были косы, явно полагались на свои ловушки, которые убивали задолго до того, как неприятель мог приблизиться. Если бы он только мог добиться встречи, если бы он только сумел передать горцам мысль о том, что орда, идущая по этой местности, ревностно охраняемой, не враждебна им. Напротив, она враждует с исконными противниками косов — с ллорами. Он был уверен, что если косы и подглядывают за ними, то только с высоты. И когда разведчики расположились на очередной часовой отдых, Кана направился к Богату со

своим планом. Ветеран с беспокойством оглядел верхушки утесов, колеблясь.

— Не знаю... если они шпионят за нами, то оттуда. Но они могут быть за многие мили, а мы не можем ждать, пока вы будете искать кого—то, кого, может быть вовсе и нет. Посмотрим позже...

Кана был вынужден удовлетвориться этим обещанием. Но несколько минут спустя его план получил подкрепление. Они обогнули поворот и обнаружили перед собой стену. Видимо, когда—то здесь исчезнувшая река образовала водопад. Богат поманил Кана.

— Ну, здесь кто—то должен подниматься. Попробуйте и посмотрите, что вы найдете. Возьмите с собой Сунга.

Они сняли мешки, взяли ружья и начали подъем — не вверх, по сглаженному водой руслу водопада, а по относительно неровному утесу слева. Когда это назначение окончится, подумал Кана, распластавшись по поверхности скалы от одной неровности к другой, ему можно будет служить в специализированной горной орде.

Добравшись до вершины, они увидели западный срез. Здесь снова было дно ручья, но гораздо более узкое. Недалеко впереди природная мрачность скалы нарушалась пятнами желто—зеленой растительности, которая обещала воду.

— Там что—то... — Сунг медленно поворачивался, изучая местность.

Кана понял, что беспокоило его товарища. Он тоже чувствовал, что за ним наблюдают. Вместе они осмотрели каждый фут скалистой местности. Ничего не двигалось, лишь ветер нес пыль со склонов ущелий. И они были одни в мертвом мире... и все же за ними наблюдали! Кана знал это по мурашкам на коже спины, по холодному напряжению кончиков нервов. За ним наблюдали... со злостным нечеловеческим любопытством.

— Где это? — голос Сунга с трудом пробился сквозь вой ветра.

Кана наклонился и достал свой набор для обмена и торговли. Он выбрал плоский камень и разложил на нем предметы, которые, как он считал, способны привлечь внимание любого туземца. Потом потащил Сунга налево, выбрав там укрытие.

Время шло, и Кана начал думать, что нервы подвели его.

— Боже космоса! — со свистом принес Сунг.

Что—то, наконец, шевельнулось. С кошачьей грацией поплыла тень меж двумя скалами и остановилась над камнем с

образцами. Кана затаил дыхание. Тсор! Зеленоватая шерсть, так ценимая ллорами, безошибочно указывала на него. Круглый череп с большим мозгом, острые уши, хвост, способный схватить и удержать, шевельнулся, ухватил золотую цепь и поднес к большим желтым глазам. Тсор обнюхал остальные предметы, лапой перевернул их и уронил цепь. То, что нельзя съесть, его не интересовало.

Кана перехватил ствол ружья Сунга.

— Он не нападет, не стреляй!

Тсор застыл, тело его напряглось, и он повернул голову вверх по ручью. И исчез в мгновение ока. Они увидели, как зверь большими прыжками поднимается вверх.

Сквозь вой ветра до них донесся какой-то звук, смутный рев, который Кана не мог опознать. Он посмотрел вверх по ручью. Потом повернулся и потащил Сунга от дна долины, превратившегося в смертельную ловушку. Они вместе подбежали к краю утеса. Кана увидел обращенные к нему лица товарищей. Сунг выстрелил три раза — сигнал тревоги, — а Кана взмахами призвал всех бежать. Его поняли. Стоявшие внизу рассыпались и побежали, некоторые в одну сторону, остальные в другую.

Потом черная стена воды обрушилась водопадом и закрыла сцену внизу сплошным месивом брызг.

Вода дошла до сапога Кана, обрызгав его пеной. Плечом к плечу с Сунгом они цеплялись за скалы. Снова невидимые горцы использовали природу для защиты своей страны, высвободив воду, чтобы избавиться от вторжения. Сунг торопливо предупреждал орду, идущую навстречу гибели.

8. Смерть в воде — смерть в огне.

Из пены внизу показалась голова и плечи человека, пробивающегося в безопасное место. Он тянул кого-то за собой. Они глотнули воздуха и вцепились в булыжники, пережидая вал покрывающей их воды. Кану показалось, что он увидел на другом берегу каньона еще одну темную фигурку. Неужели выжили только трое?

Вместе с Сунгом они спустились со стены и помогли выбраться Богату и почти потерявшему сознание Ларсену. Дро-

жа, четверо расположились на выступе утеса в футе над потоком, который не проявлял никаких признаков отступления. Богат покачал головой, как бы разгоняя туман.

— Кто—то вытащил пробку, — между приступами кашля проговорил Ларсен.

— Кого—нибудь видели сверху? — спросил Богат.

— Только тсора. Он нас предупредил о наводнении. Если бы не это, нас бы захватило...

— Нас тоже, — Ларсен выжимал куртку. — Как остальные парни внизу по течению?

— Сообщили им, — ответил Сунг. — Получили ли они его вовремя...

Слабый крик послышался над каньоном, и они увидели машущую руку. Богат осторожно встал.

— Эгей—гей! — раздался его бычий рев.

В ответ они услышали три крика. Но пересечь бурное течение и объединиться не было возможности. И вот они начали обратный путь к развилке по двум сторонам каньона. Кана и Сунг сберегли ружья, но их мешки пропали. Холодный ветер леденил мокрую одежду на дрожащих солдатах. Когда зашло солнце, они забились в узкую щель между двумя скалами, куда не проникал ветер, и так провели ночь. Однажды с вершины раздался печальный низкий рев. Кана решил, что это охотничий рев тсора.

Присутствие этого львообразного существа говорило, что, несмотря на внешнюю пустынность, здесь есть жизнь. Тсоры питаются не только мясом, но и фруктами, и зерном — возможно, они совершают набеги на горные поселки косов.

Если солдаты и спали этой ночью, то только от крайнего истощения. И когда Кана проснулся, руки и ноги у него так затекли, что ему пришлось щипать и бить их, чтобы возобновить кровообращение. С другой стороны каньона махали уцелевшие. И снова началось нелегкое продвижение по вершинам. Внизу текла река, журча по старым оползням. Пока Кана смотрел, часть утеса пошатнулась и обрушилась в поток. Получив это предупреждение, солдаты держались подальше от края. Все время приходилось делать обходы, огибать трещины и пики. Это было медленное и мучительное продвижение, и на камнях оставались капли крови от израненных ладоней. Даже невероятно прочная кожа сирианских рептилий, из которых были изготовлены солдатские сапоги, поддалась и начала рваться.

И все время с ними был страх, о котором никто не упоминал. Когда наутро Сунг попытался связаться с ордой, он не получил ответа. Каждый привал, пока остальные тяжело отдувались, он склонялся над проклятой машиной и с неустанной энергией нажимал на ключ, но ни разу не получил ответа. Кане казалось, что он знает, что произошло. Воображение рисовало ему яркую картину. Орда двигалась по руслу реки, а навстречу ей — поток, набравший силу на пологом склоне. Отряд землян был пойман в ловушку и нашел тот же конец, что и ллоры в долине костей.

Когда они приближались к равнине, эта картина так ярко стояла перед глазами Кана, что он тащился последним, боясь увидеть следы катастрофы. Но тут его внимание привлек крик Сунга.

Как раз под ними между скалами была зажата одна из телег, изломанная и почти потерявшая форму. Богат опасно свесился над краем, разглядывая обломки. Они смотрели на доказательства катастрофы, убившие в них всякую надежду. И тут с другой стороны потока донесся громкий крик. Богат распрямился, уверенность вернулась к нему.

— Может, кто—нибудь спасся?

Два разведчика на другой стороне исчезли, но третий продолжал махать руками.

— Остается проблема перехода, — заметил Ларсен, — тут нельзя плыть...

— Но мы уже раз переплывались через реку, — сказал Сунг. — То что сделали один раз, мы сможем повторить.

Теперь они могли сделать все, что угодно!

Сознание того, что кто—то в орде мог выжить, послужило стимулятором, который заставил их вскарабкаться на камни как раз над водой. Богат рукоятью ружья ощупывал дно: тут же ружье вырвало течением у него из рук.

На том берегу появилась группа людей, среди них был Хансу. Они были нагружены кольцами веревок и разделились на две части: Одна осталась прямо против разведчиков. Хансу с другой частью пошел вверх по течению, разворачивая по мере удаления веревку.

Здесь ущелье, через которое вода проходила в более широкую часть, было глубже и уже, чем в любом другом месте от самого водопада. Люди Хансу смотали веревку в громоздкий сверток и бросили его в воду. Сунг и Богат с ружьями наготове лежали на скале. Сверток мелькнул в воде, и ружья окунулись,

чтобы перехватить его. На какое—то мгновение показалось, что он пройдет мимо — но вот веревка поймана, и в крепких руках она поможет перебраться через реку.

Преодоление этих нескольких футов потока потребовало кошмарных усилий. Кана ударило о торчащий из воды камень с такой силой, что его голова закружилась от боли. Но тут же чьи—то руки схватили его. Выплывая воду, он лежал на полоске гравия, не в силах подняться на ноги. Остальная часть пути к другой долине была для него механическим исполнением приказов: он шел туда, куда его вели. И пришел в себя, по—настоящему лишь лежа на спине, с мешком под головой, а Мик и Рей медленно снимали с него мокрую одежду и кутали одеялом. Мик спросил:

— Что вы там сделали наверху? Взорвали дамбу?

— Попали в ловушку... я думал, — Кана говорил, глотая горячую жидкость, протянутую ему Реем. Поблизости горел костер, и чувство теплоты в дрожащем теле было необыкновенной роскошью.

— Ну, у нас есть один из тех, кто готовил эту ловушку.

Кана взглянул туда, куда показывал Мик. У огня скорчилась фигура — не ллора и не землянина. Около четырех футов ростом, это существо почти полностью было покрыто густой серо—белой шерстью. На пояснице у него был широкий пояс из шерсти тсора, на шее надето ожерелье, с которого свешивались когти того же животного. Еще более лишенный выражения, чем менее волосатые ллоры, пленник не мигая смотрел в огонь и не обращал внимания на окружающее.

— Кос?

— Мы так думаем. Его поймали в предыдущую ночь. Он зажигал сигнальный огонь в скалах. Но пока ничего от него не получили. Не отвечает ни на какие вопросы, ничего не берет, не ест. Даже Хансу от него ничего не добился. Когда мы оставались, садится... — разговаривая, Мик открыл свой мешок и достал запасную одежду. Рей тоже добавил кое—что. Кана с благодарностью принял их дар. Его собственная одежда выпаривалась у костра.

— Хорошо, что вы вовремя предупредили нас... — Мик поднял голову. — Поток захватил пятерых... телега наскочила на камень, и они ее освобождали. Потом мы потеряли троих, когда пересекали первую реку... и еще нескольких, когда «меховые лица» напали на нас позже...

— Ллоры последовали за вами?

— Часть пути. Они перешли реку, когда мы достигли долину костей. Я думаю, что они знали, чего следует ожидать. Во всяком случае, они закрыли нам отход... разве что пришлось бы сражаться с целой нацией. Повстанцы все превратились в роялистов и готовы в любое мгновение атаковать проклятых захватчиков—землян... — в его словах звучала горечь.

— Что там впереди? — спросил Рей.

Кана коротко описал виденное. По мере его рассказа их лица мрачнели. Не успел он кончить, как появился Хансу.

— Видели ли какие—нибудь следы косов у водопада до прихода воды? — хотел знать Хансу.

— Нет, сэр. Мы видели только тсору, и он предупредил нас. Я разложил товары на камне, чувствуя, что за нами наблюдают. Тсор вышел посмотреть на них, и тогда...

Но Хансу смотрел на пленного коса.

— Все, что нам нужно знать, заключено в этом круглом черепе... если бы мы только добрались до этого. Но он не ест нашу пищу и не разговаривает. А мы не можем держать его, пока он не умрет с голоду. И тогда у них будет хорошая причина напасть на нас. — Хансу обошел костер и встал рядом с пленником. Но волосатый пигмей не шевельнулся и ничем не показал, что заметил присутствие командира землян. Хансу опустил на колено, медленно повторяя слова на языке лловров.

Кос даже не моргнул. Кана порывлся в мешке с торговыми образцами, которые так долго носил, сделал торопливый выбор и протянул маленький пакет сахара и усаженный камнями браслет.

Хансу повертел сверкающий при свете костра браслет перед угрюмым пленником. Кос никогда, должно быть, ничего подобного не видел. Но ни в этом случае, ни тогда, когда к нему поднесли сахар, он не сделал попытки получше рассмотреть подношение. Для него земляне и их дары как бы не существовали. Хансу сказал:

— Он как каменная стена. Мы можем только...

— Отпустить, сэр, и надеяться на лучшее? — Уроки в контактах предсказали Кане это предположение.

— Да, — Хансу встал и поднял коса. Используя свою превосходящую силу, он подтащил пигмея к краю лагеря землян и за сто ярдов от него, а потом отпустил и отошел от коса.

Довольно долго кос оставался в таком положении, в каком его оставил Хансу, он даже не повернул головы, чтобы прове-

рить, следят ли за ним. Но вдруг неуловимым движением, с ошеломившей солдат скоростью, он исчез в дальней стороне каньона. Где—то стукнул камень, но земляне ничего не видели. Орда провела на этом месте ночь, и, хотя велось внимательное наблюдение за скалами, сигнальных огней больше не было.

— Может, река была их самым сильным оружием? — с надеждой предположил Мик. — И, увидев, что оно не сработало, они укроются и позволят нам пройти.

— Мы не знаем образа их мышления, — заметил Кана. — Для некоторых рас — для нас, например, неудача лишь повод для повторения попытки с новыми силами. А для других неудача означала бы, что боги, в которых они верят, или судьба, или любые другие силы, против них, и они тут же забыли бы обо всем деле. Наше будущее может ависеть от освобожденного нами коса и от того, что он им расскажет. Нужно быть готовыми ко всему.

На следующее утро, вскоре после выступления, они увидели место, где был убит билл. Тело его было разорвано и почти съедено за ночь невидимыми пожирателями падали. Но свирепая голова с оскаленной пастью все еще служила грозным предупреждением. В обязанности фланговых входило внимательно следить за возможным нападением хищных птиц.

Около полудня они встретили бассейн. В него, по—видимому, вода просачивалась через скалы из соседнего ущелья. Очилив воду, они наполнили фляжки и смыли пыль и грязь с лиц и рук. Песок, приносимый ветром, скрипел на зубах, когда они ели, от него воспалялись глаза, он забивался под одежду, причиняя беспокойство.

Бдительные к опасности, ожидавшей их сверху, разведчики сумели предупредить и второе нападение. Косы, опираясь на метод, хорошо сослуживший им в прошлом, сбрасывали со склонов булыжники. Но ни один из камней не задел извивающуюся змею орды: сидевших в засаде косов заметили разведчики на флангах, и несколько волосатых тел осталось среди скал, остальные горцы побежали. Впереди, на столбообразной горе, виднелась грубая крепость. Она так перекрывала путь, что земляне не решились приблизиться. На этот раз косы не пытались скрыть свое присутствие. С наступлением вечера в крепости вспыхнули огни. Они создали почти такой же огненный барьер, как лампы земных лагерей на равнине. Нападать снизу было невозможно. Подъем к крепости был крут, а сверху

лежали готовые к использованию камни. Свисток Хансу созвал всех.

— Надо взять форт, — спокойно сказал он. — И для этого есть лишь одна возможность — сверху, — он снял шлем и бросил в него черные и белые камушки, — жребий...

Кана вместе с остальными взял камешек и держал его в руке до команды, потом разжал руку. У него, как у Рея, был черный камень. У Мика — белый.

Хансу внимательно осмотрел отряд, которому предстояло подниматься. Добровольцы сняли с себя все обмундирование, кроме поясов. Ружья они укрепили за плечами, у каждого был нож и по 5 гранат.

Для отхода от главных сил они использовали глубокую тень на дне каньона и вернулись к тому месту, где, по сообщениям разведчиков, можно было начать подъем. И здесь, используя последние мгновения сумерек перед наступлением ночи, они начали подъем. Наверху лишь огни крепости давали немного света и указывали цель. Продвижение было медленным. Встреча с косами часовыми могла оказаться роковой, но землян выручало обаяние. К счастью, ветер дул им навстречу. Маслянистый запах тел ллоров различался землянами за несколько фунтов, а запах косов был несравненно сильнее. Горцев можно было буквально вынюхивать в засаде. А они сами об этом не подозревали. Зловоние наполнило ноздри Кана. Он подобрал ноги и, вытянувшись, слегка хлопнул Рея по плечу, зная, что это молчаливое предупреждение будет передано по всей линии землян. Впереди, чуть левее, кос. Кана повернул голову, отыскивая источник запаха. Пальцы Рея сжали его руку. Коса нужно обнаружить и устранить совершенно бесшумно.

Соседний выступ едва освещался огнями крепости. Нос сигнализировал Кану, что кос должен быть здесь, к тому же с этой позиции удобно было следить и за утесом, и за ордой внизу.

И тут Кана увидел то, что искал — черную фигуру на фоне крепостных огней, согнутые голову и плечи горца. Кана застыл, потом осторожно снял петлю, удерживающую ружье за спиной. С точностью и аккуратностью, выработанными многолетней тренировкой, он опустил петлю на волосатую шею. Рывок, и кос безжизненно повис. Трясущимися руками Кана опустил тело на землю. Прием сработал — точно так, как учили его инструкторы. Но одно дело попробовать на манекене и совсем другое — на живом, дышащем существе. Он с отвра-

шением снял петлю и оттер ладони, стараясь стереть ощущение жира с них.

— Все в порядке? — спросил его Рей.

— Да, — Кана взял протянутое ружье.

Больше часовых не было. И, наконец, земляне добрались до нужного им места над крепостью и с запада от нее. Крепость напоминала по форме огромное гнездо. Косы, захватив крепость, использовали сооружения ллоров. Пригоршня каменных хижин окружала полуразрушенную сторожевую башню, вокруг шла стена из нескрепленных камней. Все вместе свидетельствовало о плохих инженерных знаниях.

Снизу доносились резкие звуки боевых свистков землян. Сверху были видны фигуры косов на стенах. Они готовились встретить атаку снизу. Кана выдернул чеку и бросил гранату в ближайшую хижину.

К желтому огню косов добавились огненные шары землян, и вся поверхность крепости превратилась в огненный ад. Ошеломленные косы, захваченные врасплох, бегали взад и вперед. Мгновение нерешительности и погубило их. Но конец пришел не от нападавших землян, а изнутри самой крепости.

Среди огней ожила темная тень, взметнувшись в ночь. Она повисла над крепостью, и с нее обрушилась красная смерть. Косы, охваченные пламенем, с криком бежали навстречу смерти. Странное летающее существо поднялось выше и полетело над долиной, обрушив на орду бомбы.

Земляне старались попасть из ружей в крылья. Поднялась стрельба. Под сосредоточенным огнем существо пыталось вырваться, но упало, оставляя за собой алую полосу разрушений не только в крепости косов, но и в рядах орды.

9. Показывай зубы и надейся.

На рассвете земляне взяли крепость, но цена оказалась слишком высокой. Четверть орды либо сразу умерла под градом бомб, либо получила милосердие в последующие часы из—за ужасных ран. Поэтому победа весьма походила на поражение.

— Откуда у косов эта крылатая штука? — Мик, у которого левая рука была перевязана, не был единственным, хотевшим узнать это.

Незнакомая машина свидетельствовала: в крепости косов чужаки, либо подбивающие их против землян, либо просто наблюдатели. Солдаты обыскали руины, частично еще пылавшие, в поисках летчиков, но ничего не нашли.

— Эта машина не могла уйти далеко, — говорил Рей каждому, кто согласен был его слушать. — Она разбилась, когда ее видели в последний раз, она летела наклонно.

— Там, где есть она, — возразил Мик, — вероятно, есть и другие. Космические демоны! С этими машинами они могут уничтожить нас в любую минуту! Но почему они не сделали этого раньше?

Кана подложил Мику под спину мешок, устраивая его поудобнее.

— Возможно, недостаток запасов. Наверное, у них не так много машин. Мы заставили их открыть одну, напав на крепость. И я думаю, Рей прав: она разбилась где-то поблизости. Во всяком случае отныне нам не придется идти по середине каньона, давая им возможность отлично попасть в цель.

В этом заключалось главное открытие землян — прекрасная дорога, уходящая точно на запад от крепости. И Хансу собирался вести свое искалеченное войско по ней, может быть, в ловушку. Солдаты залечивали раны и исследовали крепость, отправив разведчиков вдоль дороги. Число мертвых косов оказалось меньше, чем они ожидали. И никаких признаков чужаков. В конце концов, тела врагов сложили на маленькой центральной площади крепости и сожгли. В подземном помещении в скале обнаружили цистерну с водой и множество кувшинов с зерном и сухофруктами. Доктор Крауфор заявил, что зерно для землян несъедобное, а фрукты безвредны, и солдаты принялись жевать жесткие комочки, радуясь разнообразию в своем рационе.

На третий день они реорганизовали сократившиеся отряды и в полном порядке двинулись по дороге. Но разговоров о быстром возвращении на Секундус больше не было. По молчаливому соглашению все споры о будущем ограничивались следующим днем.

— Показывай зубы и надейся... — так выразил Мик общее настроение, ковыляя между Каном и Реем. — Если бы только мы могли выбраться из этих скал!

Но конца скалам не было, и дорога от крепости поднималась все выше и выше. Кана в свою очередь стал одним из идущих впереди разведчиков. Они поднимались по склону горы, неког-

да бывшей вулканом. Но появились полосы снега. Кана подозрительно осматривал пролом в вулканическом конусе — здесь их могла ожидать засада. Но дорога не охранялась. В сопровождении Сунга Кана остановился, глядя вниз, в долину, расположенную глубоко внизу. До нее было не менее мили. Видно было озеро и желто— зеленую фроннианскую растительность на маленьких прямоугольных полях. У воды теснилось несколько каменных домов. На полях ничего не двигалось, над деревней не виднелось ни одного столба дыма. Может, ее покинули час назад, а может, сто лет.

Разведчики, настороженные и готовые к неожиданностям, начали спуск. Но им встретился в густой траве только кхат — грызун, главное мясное блюдо фроннианцев. Миновав небольшие поля с необраным зерном, они подошли к озеру. Сунг указал на береговую линию с вмятинами в грязи.

— Лодки... и совсем недавно.

— Не вижу ни одной. Может, они ушли туда...

Длинный залив изгибался к югу, уходя за стену кратера. Разведчики не знали, омывает ли он внешнюю стену. Но лодок не было видно. Дальнейшее исследование показало, что, кроме четырех небольших гуенов, запертых в загоне, в деревне никого не было. Орда спускалась мирно. Залив озера, уходящий на юг, проходил сквозь конус вулкана, и земляне считали, что жители деревни ушли именно этим путем. Но самое интересное открытие было сделано сразу за деревней. Груда обломков — летающая машина! Никаких следов пилота. Но машина не принадлежала мехам, как они в тайне подозревали.

Эл Кости, более всего подходивший к определению «специалист по машинам», провел в сопровождении добровольцев много часов, разбираясь в путанице проводов и металла.

— Машина с «Сириуса—2», — доложил он Хансу. — Но в ней имеется модификация, которую я не смог определить. Первоначально это мог быть торговый разведчик, хотя окончательно я не уверен. Но он не земного происхождения.

И снова та же мысль: что—то за этим кроется, каким—то образом против землян действует ЦК. Почему? Потому что они наемники с Земли? Кана задумался. Неужели орда Йорка с ее обилием ветеранов получила в чьей—то книге пометку: «подлежит уничтожению»? А большие потери вызовут беспорядки дома. Неужели человечество пытаются совсем вытеснить из космоса? Кана следил, как Хансу внимательно осматривает обломки, а Кости указывает ему места, выдаю-

щие происхождение машины. Хансу собирает доказательства — но позволено ли ему будет предъявить их властям? И верит ли он сам, что кому—нибудь из них удастся достигнуть Секундус, хоть одному стоять в зале справедливости Прайма и свидетельствовать о предательстве?

Дом за домом они обыскали деревню. В хижинах оставался лишь один хлам да такая громоздкая мебель, которую беглецам трудно было унести с собой. Было найдено три полевых исследовательских ранца. Следовательно, хоть один посетитель из другого мира был здесь недавно. Но ранцы были стандартные и ничего не говорили о том, кто ими пользовался — хозяин их мог происходить с любой из двадцати различных планет.

Без лодок или материалов для изготовления плота, земляне не могли воспользоваться выходом из долины кратера. Но еще одна дорога вела на юго—запад, и они двинулись по ней. С этого дня марш превратился в кошмар. Начался сезон ветров, и бури принесли гору снега, закрывавшего дорогу. В первую же бурю потерялось несколько человек. Они отошли от основной массы, и больше их никто не видел, хотя были предприняты усилия. Некоторые сломались. Никакими усилиями невозможно было поставить их на ноги после короткого отдыха. Они погрузились в странный сон, напоминавший смерть. Если бы не их подготовка наемников, если бы не привычка с детства переносить жестокие физические испытания, ни один из них не выжил бы. И так они потеряли около пятидесяти человек, прежде чем добрались до западных склонов холма. Но теперь уже сам факт, что они спускаются, и перед ними лежат равнины Трака, давал им силу и заставлял передвигать спотыкающиеся ноги. Теперь им, по крайней мере, предстоит сражаться лишь с одним противником за раз. После сражения за крепость они не видели косов. Горцы, должно быть, ушли в укрытия на период бурь.

На пятый день после того, как они вышли из долины кратера, Кана, слегка пошатываясь, спускался с гор, довольный, что снег остался позади. Склоны небольшой долины защищали от ветра, и он прислонился к стене, чтобы перевести дыхание. Небольшой ручеек тек рядом в юго—западном направлении.

— Вниз! — он произнес это вслух, наслаждаясь, радуясь значению этого слова. Горы теперь позади, перед ними открывается дорога на равнины.

Но они еще не окончательно покинули эти «злые земли», которые тянулись до самых оконечностей горных склонов. Среди путаницы гор и глубоких ущелий вывиднелись полосы разноцветной растительности. Не было видно ни дорог, ни других следов цивилизации. Солдаты могли лишь двигаться дальше на юг, направляясь к долинам Тарка. Кана шел вдоль ручья, так как у него не было сил выбраться из углубления. Растения разворачивали листья навстречу солнцу.

— И—их!..

Кана, полупригнувшись и приготовив ружье, двинулся вперед. Из ручья вибирался Сунг. При виде Кана его широкое лицо озарилось улыбкой!

— Мы ушли от зимы. Теперь, думаю, мы живем.

— На некоторое время, — задумчиво поправил Кана. Он устал, так устал, что готов был упасть на землю там, где стоял.

— Да, мы живем. И, возможно, это кое—кого разочарует. Теперь к реке, настоящей реке!

Сунг был прав: ручей впадал в реку. Поток был чист, и земляне ясно видели лежащие на дне камни. Да и течение было спокойное, а не такое бурное, как в горных реках.

— Неглубоко, вполне можно перейти вброд. Фортуна начинает нам улыбаться! — Сунг присел на корточки, пальцем попробовал температуру воды и быстро отдернул руку. — Холодная...

Некоторое время они шли по берегу. Из прошлогодней высохшей травы выскочил кхат и метнулся к реке, поскользнулся на глинистом берегу и упал в воду. От противоположного берега по воде потянулась какая—то рябь. Кхат дернулся, до людей донесся крик боли и ужаса. Кровь окрасила воду.

Солдаты стояли ошеломленные. Но борьба длилась всего лишь несколько секунд. На камнях дна лежали чисто обглоданные кости.

Лениво, пресыщенно проплыли три маленьких существа. Шестиногие, с головами лягушки, но с челюстями хищников, с четырьмя глазами, посаженными двумя рядами над хищными пастьми: в этих глазах—бусинках светился яростный голодный разум.

— Тиф! — Кана облизнул губы.

— Что? — Сунг бросил в маленьких чудовищ камень. Они отплыли на фунт от берега, но не возвращались к противоположному берегу. Оставаясь вне пределов досягаемости, они

сосредоточили свое внимание на землянах... смотрели... ждали...

— Плохие новости, — ответил Кана на невысказанный вопрос Сунга. — Вы видели, что случилось с кхатом. То же самое произойдет с любым живым существом, которое попытается перейти реку, где живут тифы.

Да, не время было исследовать, сколько лягушкоподобных дьяволов скрывается в реке. И не было возможности переправиться через реку, которую они охраняли. Если бы только катушка на Прайме не была так ограничена по информации! Или у землян бы нашлись друзья среди туземцев, которые служили бы проводниками.

Вода казалась такой мирной, но, когда солдаты двинулись вниз по течению, тифы без усилий поплыли параллельно. Время от времени к маленьким чудовищам присоединялись родители, выплывая из тени своих укрытий.

— Нужно сообщить об этом, — сказал Кана.

Но вот маленькая река стала шире, и в ней показались каменные островки, образующие подобие тропы... Переход? Может, сбрасывается какая-то сеть, мешающая тифам? Мало кто из землян мог бы сделать это. Проблему придется решать Хансу с группой экспертов по выживанию — ветеранов, собравших свои знания на сотне различных миров. Может, эти знания помогут им выжить и теперь. Неожиданно ветер донес знакомый запах, и они спрятались в кусты.

Прямо против них на другой берег выехал высокий ллор. У него не было копья, зато он держал духовое ружье, что означало его ранг: это был регулярный солдат королевской гвардии, а не какой-то приверженец провинциального дворянина. Он спешился, осторожно приблизился к воде и сунул туда рукоять ружья. Он явно знал о тифах.

Скрестив ноги, он сел на песке и стал что-то ждать, жуя какую-то палочку. Земляне переставали дышать всякий раз, когда на их слишком тонкое укрытие падал его взгляд. Отойти незаметно было невозможно.

Ллор сплевывал кусочки палочки в воду и один или два раза швырнул камнем в собравшихся тифов. Все больше и больше рябила вода: у берега собрались маленькие хозяева реки. Ллор поглядывал на них и время от времени издавал фыркающий звук, который заменял его расе смех. Но Кана заметил, что он благоразумно не приближается к воде.

Мяукающий крик заставил ллора вскочить. Из леса выехала группа всадников. Впереди скакал туземец в коротком плаще, отороченном мехом тсора, у него на седле, на специальном насесте, сидела прирученная птица, похожая на земного ястреба. Это были признаки приближенного самого гатануса. Среди всадников виднелась закутанная в плащ с капюшоном фигура вентури.

Дворянин остался верхом, остальные спешили и стащили с седла торговца. К удивлению землян, вентури оказался пленником, и руки у него были связаны сзади. Ллорды посовещались, их предводитель осторожно подъехал к самому краю воды и с любопытством заглянул в нее, а солдаты подтащили пленника к берегу.

Потом, к ужасу наблюдавших землян, они спокойно подняли маленького торговца и бросили его в поток, где вода уже пенилась от множества собравшихся тифов.

Первый же выстрел Кана выбил из седла дворянина, тот головой упал в реку. Земляне принялись стрелять в убийц на том берегу. Пятеро из них упали, прежде чем оставшиеся побежали под укрытие деревьев. Но ни один из них не добрался до рощи.

Вода так и кипела: тифы приветствовали редкое изобилие мяса. Кана не смел взглянуть туда, где упал беспомощный вентури. Смерть в бою — обычное дело, он привык верить, что и его собственный конец будет таким же. Но бессердечная жестокость, свидетелем которой он только что был, приводила его в ужас.

— Клянусь Клемоми и Колом! — Сунг дернул его за рукав и указал на реку.

Кто—то там бился, отягощенный намокшим плащом, со связанными руками. А по расширяющемуся кругу вокруг вентури плавали животом вверх тифы. Кана прыгнул на ближайший камень, оттуда на следующий. Из щели между камнями на него глядел голый ллорский череп. Вентури уже встал на ноги, брел к песчаному берегу. Мгновение спустя к нему присоединились Кана и Сунг. Кана достал нож.

— Перережу... — сказал он на торговом языке, указывая на ремень, связывающий руки пленника.

Вентури отступил на шаг. В попытках выбраться на берег, он не сбросил маскирующий капюшон. Не способный прочесть выражение его лица, Кана не последовал за ним.

— Друг... — Кана произнес это слово с чувством. Он указал на то, что осталось от ллорского дворянина. — Наш враг — твой враг...

Должно быть, вентури понял. Неожиданно он повернулся к землянам спиной и протянул связанные руки. Кана перезал влажный ремень... Свободными руками вентури схватил поводья гуена офицера. Отлично тренированное и поэтому высокоценное животное не убежало с остальными. Вентури неуклюже вскарабкался в седло. Его голова в капюшоне повернулась к реке.

Одну руку вентури сунул под плащ и вытащил маленький влажный мешочек. Палец, похожий на серо—зеленый коготь, указал на лениво плавающую смерть, а затем на инертные тела тифов. Когда Кана кивнул, вентури, бросил ему мешочек, и через мгновение его гуен галопом умчался в лес.

— Это средство от тифов? — спросил Сунг. — Как ты думаешь, они знали о нем, когда бросили его в воду.

— Не думаю, иначе они отобрали бы у него мешочек. Может, эффект у этого средства постоянный, они все-еще не пришли в себя?

Тифы, нападавшие на вентури, по—прежнему плавали вверх животами, и с раскрытыми злобными пальцами. И Кана заметил, что другие тифы их избегали. Мешочек в его руке мог обеспечить орде безопасный проход. Так и получилось. Белый порошок, брошенный в воду выше по течению, держал тифов в стороне, пока не прошла вся орда. Солдаты так и не узнали, действует ли этот порошок: пока они переходили реку, поток бил о камни неподвижные тела тифов.

Хансу узнал на мундирах мертвых ллоров знаки королевской гвардии. Но его больше заинтересовала ссора между вентури и гвардейцами. То уважение, которое войска Скоры оказывали торговцам, подчеркивало желание ллоров не вызывать вражду у своих поставщиков. А теперь один из ллорских дворян хладнокровно обрек вентури на ужасную смерть. По—видимому, пока земляне пробивались через горы, соотношение сил изменилось настолько, что ллоры начали проявлять высокомерное презрение к тем, кого уважали в течение многих поколений. События свидетельствовали о том, что ллоры пользуются настолько сильной поддержкой, что считают себя полноправными правителями Фронна. Неужели их поддержка гораздо могущественней, чем изменивший легион мехов?

По мере продвижения по заречным равнинам тревожное состояние землян усиливалось. И здесь тяжеловооруженные движущиеся крепости мехов получали большое преимущество. Разведка проводила многие часы, наблюдая за небом и местностью в поисках вражеских самолетов. Но со временем встречи с отрядом ллоров у реки не было ни следа врага. Земля, казалось, была предоставлена тсорам, биллам и кхатам, за которыми первые два охотились.

На второй день после перехода через реку разведчики землян обнаружили деревню... Этот маленький поселок—полукрепость был окружен загонами, куда загонялись дикие гуены с равнин, сортировались, и двухлетки, после небольшого обучения, отсылались дальше. Загоны были полны, а верхом продвигаться было быстрее. Хансу решил превратить пехоту в кавалерию, и солдаты, изменив направление движения, направились к поселку.

10. К морю.

Когда орда, развернувшись полукругом, приблизилась к восточной окраине поселка, появились первые признаки жизни, помимо волнующихся в загонах гуенов. Появилась первая группа ллоров, один верхом, другие пешие, и направились к линии землян. Передний всадник держал в руке флаг переговоров.

Помня о судьбе Йорка и его офицеров, Хансу, ни его солдаты не выходили из укрытий, которые заняли при виде приближающихся ллоров. Очевидно, разочаровавшись этой встречей предводитель ллоров остановился и начал размахивать флагом, а сопровождающие робко сгруппировались за ним, поглядывая во все стороны.

— Ллоры... военные люди с Земли... — крикнул, словно в пустоту, предводитель ллоров.

Не показываясь, Хансу ответил:

— Что тебе нужно, корбан? — назвав собеседника почетным титулом главы города.

— Что нужно вам, лорды с Земли? — возразил ллор. Он передал флаг одному из своих людей, сел и скрестил руки, глядя в направлении Хансу. — Вы принесли нам войну?

— Мы воюем только, когда нам навязывают войну. Тем, кто не держит в руках меча, мы в ответ показываем открытые ладони. Мы хотим только свободного возвращения домой.

Ллор слез с седла и направился к линии землян. Один из его спутников пытался последовать за ним, но предводитель ллоров оттолкнул его назад и приближался, держа перед собой вытянутые руки.

— Мои руки открыты, лорд. Я не закрываю вам пути.

Хансу встал ему на встречу, тоже показывая открытые ладони.

— Что тогда тебе нужно, корбан?

— Слова, что моя деревня не будет разрушена.

— Разве военное знамя не поднято против нас? — возразил Хансу.

— Лорд, какое дело нам, маленьким людям, до красивых слов гатануса и дворян? Сидящий на крылатом троне мало что значит для нас — его именем с нас лишь собирают налоги. Мы хотим лишь жить и не удаляться преждевременно в Темные Туманы. Страшные вещи рассказывали о вас, чужеземцы. Будто вы сжигаете всех, кто препятствует вам брать то, что вам нужно. Поэтому я пришел на переговоры с вами во имя жизни своей деревни. Зерно ваше и плоды наших полей, и все остальное, что вам нужно. И гуены — если вам нужны те молодые гуены, что находятся в наших загонах. Берите все, что вам нужно, и уходите!

— Но ведь придут люди гатануса и скажут вам: «Вы кормили врага и дали ему гуенов. Значит, вы заодно с врагом?»

— Как они могут говорить так? — корбан покачал головой.
— У вас армия, обученная незнакомым и ужасным способам войны. Нет, на Фронне все знают, что никто не может устоять против мощи ваших мечей. Ведь вы сражаетесь не только меч к мечу, как принято у нас, но и огнем с большого расстояния, вы несете смерть с воздуха. Некоторые из вас передвигаются в мощных металлических крепостях, которые давят врага своим весом. Все это хорошо известно. Поэтому люди гатануса не поверят, что жители поселка посмели вам в чем-то отказать. Я говорю тебе, лорд: бери все, что угодно, оставь нам только жизни!

— Ты видел ползающие крепости и летающие машины землян?

— Не собственными глазами, лорд. Я не местный житель, хотя и корбан этих людей. Но на юге все видели эти чудеса, и известие о них достигло нас.

— Значит, их можно увидеть под Тарком?

— Да, лорд, там теперь много ваших удивительных машин. Вы хотите присоединиться к ним? Хорошо. Но умоляю тебя: берите все, что вам нужно, и уходите.

Хансу опустил пустые руки.

— Хорошо. Мы не войдем в вашу деревню, корбан. Пришли нам продукты и сто гуенов, пригодных под седло. Мы поделимся с вами добычей и поблагодарим за помощь.

Отряд ллоров отправился назад, а Хансу обратился к потрясенной орде:

— Такова картина. По описанию этого парня, у Тарка целый легион мехов. У них тяжелое вооружение и самолеты.

— А как же насчет закона мирных переговоров? — слышался чей-то голос из толпы.

— Давайте смотреть в лицо фактам. Закон мирных переговоров был нарушен, когда сожгли Йорка и остальных. И тут не только изменники—мехи. Они не смогли бы без посторонней помощи доставить сюда тяжелое вооружение. И теперь они считают, что могут легко справиться с нами. Кто бы их ни поддерживал, они не смеют позволить нам уйти с Фронна. Поэтому самое первое их действие — отрезать нас от кораблей в Тарке.

Отрезать от Тарка, зажать на Фронне, не дать возможности уйти. Кана видел, как нерешительность на лицах окружающих сменялась другим выражением — угрюмой решительностью. В течение поколений слабые и нерешительные отстранялись от солдатской службы. Наемники по самой природе своей службы были фаталистами. Мало кто доживал до пенсии или даже до вспомогательных служб на базе. Они бывали во многих переделках и выходили из них благополучно. Но это было нечто новое. Кодекс, считавшийся ими нерушимым, врожденный в их мышление, нарушен. И за это кому-то придется заплатить!

— Мы доберемся до них... — эти слова потонули в общем гуле согласия.

Но Хансу жестом заставил их замолчать.

— Мы не одни, — напомнил он. — Солдатский закон нарушен. Что дальше? Другие начнут натравливать мехов на ар-

чей. Это нужно остановить теперь и навсегда! А для этого нужно доставить сообщение в Солдатский Центр.

— Мы не можем противостоять тяжелому вооружению на поле! — крикнул кто-то.

— Мы не будем и пытаться. Но нам необходимо передать сообщение на Секундус или Прайм. А остальные должны держаться и ждать помощи.

— Остаться в горах? — в вопросе не было энтузиазма. — Хватит с нас уже фроннианских гор.

— Перед нами альтернатива, — Хансу покачал головой. — Вначале мы должны больше узнать о происходящем. Ну, а теперь разбить лагерь в условиях враждебной территории. Мастера—мечники и разведчики, ко мне!

И все занялись своими обязанностями.

Кана присоединился к остальным у телеги, где их ждал Хансу. Командир расстелил изношенную грязную шкуру и рассматривал голубые линии, пересекавшие ее поверхность. Он повернул голову к командиру разведчиков.

— Богат! Корбан вернется с припасами, приведите его сюда. Эти охотники за гуенами должны хорошо знать местность. Нужно извлечь из них всю информацию. Меха не могут действовать на пересеченной местности, поэтому нам придется держаться именно в таких местах.

— Но вокруг Тарка всюду равнины, — возразил один из мастеров—мечников.

— Мы и не собираемся идти в Тарк. От нас именно это и ожидают.

— Но единственный космопорт...

— Единственный военный космопорт находится в Тарке. Но вы забыли о вентури!

Кана баззвучно свиснул. Хансу был прав. Вентури! Как наследственные торговцы Фронна, они имели на материке собственные торговые центры. И недалеко от западного моря находился небольшой космопорт, использовавшийся несколькими чужеземными торговцами, пытавшимися наладить торговлю с вентури. Добраться до этого космопорта, завладеть торговым кораблем — это лучшая возможность из всех.

— Поблизости от вентурской крепости Поулт есть космопорт, — объяснил Хансу. — Регулярного расписания рейсов там нет, но торговцы из космоса прилетают. И если нам пове-

зет, мы сможем найти убежище у вентури. Двинувшись прямо на запад, мы достигнем моря вблизи Поулта.

Корбан, полный желания оказать любую помощь, чтобы отвести опасность со стороны землян со своей территории, склонился с двумя лучшими охотниками за гуенами над картой Хансу. Он задал вопрос, на который Хансу пришлось искусно отвечать.

— Но почему, лорд, вы ищете дороги по этим диким местам? На юг ведет широкая и ровная дорога, и там вас ждут братья?

— Мы хотим навестить вентури на берегу, причем, пройти не по известным им дорогам.

Маленький круглый рот ллора шевельнулся в подобии фроннианской улыбки.

— Ха! Значит, правда то, что передавалось шепотом. Наступает день мести Этим. Не будут больше эти закутанные в капюшоны бродить по нашим землям, не будут они единственными торговцами между поселками. Хорошая новость, лорд. Уничтожьте крепости вентури на побережье — и все ллоры будут восхвалять вас перед лицом Правителя Ветров. К тому же вас там ждет богатая добыча. — Вот эта тропа, она проходит по западной части гор. Тут могут втретиться косы. Но что вам косы? Вы раздавите их так же, как мы давим жуков фас—фас на дороге. И эта тропа приведет вас прямо к морю у Поулта. Да будет удачной ваша охота, военный лорд!

— Да будет так! — торжественно ответил Хансу. И начертал знак огня, воды и воздуха — с этими духами на Фронне полагалось советоваться перед началом любого важного дела.

Корбан еще больше подобрел и стал придирчиво осматривать гуенов, которых жители деревни прогоняли перед ним. Он забраковал десять животных, к удивлению соплеменников, которые собирались в полной мере воспользоваться невежеством иноземцев: Хансу настоял на том, чтобы за гуенов заплатить. Вечером корбан задал пир. Он ни в чем не мог отказать будущим победителям вентури. Отряд наиболее сильных охотников за гуенами должен был сопровождать землян до самого начала западных гор.

Чтобы добраться дотуда, потребовалось полтора дня — верхом. Хансу подгонял всех, желая выбраться из опасной равнинной местности, пока их не выследил какой—нибудь мехский патруль. Наутро третьего дня, когда орда уже основательно угубилась в горы, они обнаружили, что ллорские проводники исчезли. Далеко сзади поднялся дым. Охотники

подожгли траву на равнине, чтобы загнать диких гуенов в ловушку.

Хансу с удовлетворением следил за этим. Огонь прекрасно скроет их следы. И снова начался кошмар карабканья и непрерывного тревожного ожидания нападения. Хотя охотники утверждали, что тропа проходит по самому краю территории косов, и горцы редко тревожат здесь караваны, уверенности в мирном переходе не было. И ллоры не смогли ответить на вопрос, существует ли у торговцев—вентури какой—нибудь договор с горцами—косами о свободном проезде. Но у землян не было выбора.

Тропа была помечена воздвигнутыми вентури тонкими каменными столбами с непонятными пиктограммами. И она была вполне пригодна для гуенов.

Ночь земляне провели без костров, разбившись на небольшие группы и расставив всюду часовых. Но ночь не была нарушена тревогой, и на вершинах не было видно сигнальных огней.

Кана весь день находился рядом с Хансу и теперь, завернувшись в одеяло, пытался уснуть. Хансу сидел в ярде от него и слушал доклады разведчиков.

— ... никаких дел с мехами?

— Ни разу, — голос Хансу окнчательно разбудил Кана. — И Миллз утверждал, что ими командует Харт Дейвис.

— Дейвис! Я все же думаю, Дик ошибался. Дейвис не станет нарушать приказ.

— В том—то и дело, Богат. Если Дейвис командует Тарком — а у меня нет оснований не доверять сообщению Миллза, который умирая, добрался до нас — а если там Дейвис, дело не в одном мехском легионе... Харт Дейвис — молодой командир. Таким же был и Йорк. Его легион мал, но крепок, хорошо вооружен, и у Дейвиса отличная репутация. Готов заложить полугодовую плату, если у него нет в легионе большого количества ветеранов. Как и у нас. Я вот думаю... — он замолчал.

Но Кана, хоть и уставший, понял смысл его слов. Легион и орда, состоящие из хорошо обученных людей, сталкиваются в смертельной схватке. Неважно, кто победит. Потери с обеих сторон будут огромные. И много ветеранов навсегда заснут. Все это приобретало зловещий смысл.

— Если кодекс нарушен, — хриплый шепот Богата звучал задумчиво. — К дьяволу плату! Но... у арчей нет ни малейших шансов!

— В старой игре, конечно. Но почему бы нам не начать новую?

— Но... мы солдаты, Хансу...

— Конечно. Но здесь не действуют правила, с кем и против кого нам сражаться, — голос Хансу звучал отсутствующе, как будто он размышлял вслух.

— Ну, по крайней мере, сейчас нужно заняться одним, — Богат встал. — Выбраться из этих проклятых холмов и увидеть вентури. Мы справимся с ними, сэр.

— Постараемся этого избежать. Они могут встретить нас с открытыми руками, если корбан говорил правду, и ллоры обратились против них. Их территория слишком сложна для мехов. Этот Поулт построен на острове у побережья — голая скала, выступающая из моря. У них свои способы добираться до берега.

— Хорошее место для нас, если они впустят нас. Там можно удержаться.

— Этого нам и нужно добиться, Богат. Если мы покажем им, что у нас общий враг, то, может, сумеем и воевать вместе. Разошли, как обычно, разведчиков в горы.

— Да, сэр.

На рассвете снова в путь. Снег лежал полосами вдоль тропы, полосы становились все шире, покрывая тропу. Людям приходилось пробивать в сугробах дорогу для гуенов. Животные гибли: дикие, недавно пойманные, они были недостаточно крепки, чтобы вынести такие условия. Вторая телега стала жертвой несчастного случая, и с ней — один из медиков, который не успел отскочить и упал в пропасть.

— Тревога! — военный свисток передал это сообщение, и солдаты немеющими пальцами взводили курки, доставали ножи. Но на сей раз им пришлось иметь дело не с косами, в с бегущими ллорами, отчаянно пытавшимися пробиться к равнинам и безопасности. Из—за отчаяния они безрассудно бросились вперед, пытаясь пробиться сквозь орду.

Схватка была короткой, арьергарду орды не пришлось произвести и выстрела. Но она оказалась кровопролитной. Ллоры сражались отчаянно.

Земляне, истощенные борьбой со снегом, на высотах за ночь зализали раны. Они, больные от усталости, разбили лагерь на краю поля битвы. Нанесенный ветром снег укрыл павших, и солдатам приходилось все время следить, чтобы раненые не замерзли насмерть.

— Грабительский отряд, отогнанный от дома... — ветер срывал слова с губ Мика. — Может, и мы идем прямо в огонь, зажженный другими. Надеюсь, вентури не подумают, что мы заодно с теми.

Рей растирал щеку снегом.

— В следующий раз, когда меня будут предупреждать о трудностях назначения, я прислушаюсь, — он чихнул, а потом закашлялся так, что все его тело затряслось. — Ну, каким раем были казармы! И зачем я только покинул Секундус?

Кана растирал руки. Секундус казался далеким и давно прошедшим. Неужели он ел когда-то в комнате, где пламенные птицы пели на стенах? Или это был сон, а этот кошмар — жестокая реальность?

— Мы будем пробиваться сквозь это, — Мик пнул снег, — пока он не станет таким глубоким, что погребет нас. На следующее утро нас найдут в прекрасной сохранности и выставят как произведение туземного искусства...

— Неужели ллоры бежали после стычки с вентури? — удивлялся Рей. — Они их всегда опасались. Вспомните тот случай со шпионом в Тарке. Мы не тронули торговцев, даже когда среди них обнаружился ллор, и каравану не сказали ни слова.

— Ллоры считают теперь, что они самые сильные на Фроне, — сказал Кана. — Они, должно быть, давно ненавидят вентури, и искали случай ударить по ним. Ты завтра в разведку, Рей?

— Да, за мой грехи. А ты?

— Тоже.

Мик покачивал пораненную руку.

— Они хотят свести нас на нет, эти горы, каждый раз нас в горах преследуют неудачи. 50 потеряны там, 20 здесь, и столько раненых...

— Не так плохо, как во время бомбардировки, — напомнил ему Рей. — Пока мы можем ответить...

— Да, я знаю. Но посмотрим, каким ты вернешься из разведки, ты, длинноногий билл!

— Знаете... — Рей перестал растирать снегом лицо. — Это мысль. Если бы поймать десять—двадцать таких птичек и приручить их, как ллоры приручают своих ястребов. Они ведь прыгают бесшумно, — он обернулся к Кану, как к авторитету. — Так ведь? И выпустить их по следу врага. Лучше, чем мехский танк в такой местности.

— А кто же будет ловить и приручать их? — начал было Мик, когда в темноте показался арч.

— Карр?

— Здесь.

— К мастеру лезвия.

Кана направился к тому месту, где между выступающих скал устроился Хансу. Слабый голубой ллорский факел бросал причудливые блики на лица собравшихся. И у одного из них вообще не было лица, только капюшон вентури.

— Карр, садитесь, — Хансу тут же повернулся к незнакомцу в капюшоне. — Этот подойдет?

Круглая голова повернулась, но не было сказано ни слова, и Кана поежился под взглядом этих глаз за круглыми отверстиями. Затем торговец сделал утверждающий знак, более быстрый, чем кивок землян.

— Этот вентури был пленником ллоров, — объяснил Хансу. — Он возвращается к своему народу, а вы пойдете с ним и попытаетесь наладить контакт. Нам нужна база — возможность скрыться, пока мы не сумеем известить Секундус. Используйте все свое умение, Карр. Вы у нас единственный специалист по контактам. Внушите им, что мы тоже противники ллоров, как и они. Передайте их предводителю, что сказал вам корбан.

— Да, сэр.

Хансу взглянул на часы.

— Возьмите припасы и запасное снаряжение. Мы понятия не имеем, далеко ли Поулт — карта очень не точна, — он помолчал, буравя взглядом Кана. — И помните: нам необходима база!

— Да, сэр.

11. Перемирие ветра.

Тропа пролежала по широкому выступу, с которого снег был сдут ночным ветром. Внизу лежала тусклая темная зелень изогнутых деревьев и серое пространство с белым пятном, где гонимые ветром волны бились о скалы западного берега.

Кана пошел медленнее, вглядываясь в эту колеблющуюся водную поверхность. Крылатые существа кружили, ныряли и кричали над узкой полоской песка, разыскивая выброшенных морским прибоем обитателей моря.

Сегодня не светило солнце, и под оловянными облаками земля казалась угрюмой и зловещей.

— Идем...

Кана удивился. За все пять часов совместного пути это были первые слова, произнесенные вентури. Торговец нетерпеливо ждал. На тропе виднелись следы поспешного отступления ллоров свыше двадцати часов назад. Но других вентури не было видно. Проходя много мест, самой природой предназначенных для защиты, они не видели ни одного вентури. Можно было подумать, что торговцы и не хотят защищать свою территорию.

И вот, спускаясь по склону, Кана увидел широкую дорогу с ровной поверхностью, шедшую вдоль берега. И через несолько метров часового—вентури.

Проводник посовещался с ним, а Кана не подходил, так как, по—видимому, эти двое желали уединения. Он не приближался, пока не увидел взмах руки в перчатке. После этого он подошел к небольшому строению. Около него двое вентури управляли первым механическим средством передвижения, которые арчи видели на Фронне. Это была металлическая платформа на трех колесах и без всякого двигателя, по крайней мере, видимого. Проводник—вентури уселся на узком сидении и показал Кану занять место рядом. Едва успел поджать ноги, как они тронулись — не очень быстро, но все же быстрее пешехода.

По пути не виднелось никаких признаков военных патрулей. Как будто вентури, отогнав ллоров в горы, больше не беспокоились о нападении. Это свидетельствовало об исключительной уверенности в своих силах.

Дорога изгибалась и кружила, следуя естественным поворотам береговой линии. Обогнув один из выступов, они оказались рядом с вентурианским портом. Здесь море вдавалось в берег большим и круглым заливом — естественной гаванью, в которой торговцы построили ряд причалов. На берегу теснились строения, без окон, с высокими стенами, похожими на склады. Приближаясь, Кана заметил следы недавней битвы. Но все вентури, которых он видел, занимались своими делами спокойно и не торопясь. Из странных кораблей у причала — полностью скрытая поверхность придавала им вид черепаш — на берег стремился непрерывный поток товаров... но так ли это?

Механизм остановился, Кана слез. Нет, эти корабли не разгружались, а нагружались! Флот торговцев увозил товары в море, а не наоборот. Похоже, что торговцы эвакуируют порт... Теперь Кана повсюду видел признаки организованной эвакуации.

— Идем...

Снова проводник—вентури торопил его. Они пошли по лабиринту проходов между зданиями, время от времени прижимаясь к стенам, чтобы избежать быстро движущихся механизмов, нагруженных связками и корзинами. И, наконец, оказались у небольшого сооружения на самом берегу моря: волны бились о его стены.

День был тусклый и мрачный, но внутри здания было еще темнее. Кана замигал, но тут его схватили за руку и потащили по коридору. Вентури остановился перед сплошной стеной, которая вдруг разошлась. За ней виднелось зеленоватое сияние.

Кана оглядывался с любопытством, которое не пытался скрывать. Стены комнаты сходились наверху аркой. Толстые подушки служили сидениями для трех вентури. Перед ними стоял низкий стол. Одна стена, слева от Кана, была покрыта сложной аппаратурой, которую несколько вентури методично снимали и укладывали в ящики. При появлении землянина они прекратили работу и выскользнули из помещения, и Кана остался перед тремя сидящими вентури.

Те тоже работали, разбирая стопки тонких листов из какого—то прозрачного материала. Некоторые листочки они укладывали в металлический ящик, другие в беспорядке бросали на пол. Кана решил, что это записи.

Торговец, который привел Кана с гор, сделал доклад. Это был почти беззвучный процесс, как будто вентури общались не только при помощи голоса. Когда он закончил, все головы в капюшонах повернулись в сторону Кана. Он колебался, не зная, должен ли начать первым. Очень многое зависело от того, сумеет ли он произвести хорошее впечатление. Если бы только взглянуть на их лица...

— Вы из чужого мира?

Потребовалась секунда, чтобы решить, кто обратился к нему. По—видимому, средний. Кана ответил соответственно:

— Я с Земли. Солдат с Земли.

— Почему ты здесь?

— Нас призвал ллор Скора. Его убили. Мы хотим вернуться в свой мир.

— Война ллоров... — показалось ли ему или, действительно, голос вентури звучал недружелюбно.

— Мы больше не сражаемся за ллоров. Мы воюем против них. Они предали нас.

— Что вам здесь нужно?

— Место, где бы мы могли подождать корабль.

— Такие корабли есть в Тарке.

— Но в Тарке наши враги. Они не позволят нам приблизиться к кораблям.

— Но те, что в Тарке, тоже земляне. Вы воюете со своими?

— Это нарушители наших законов. И они хотят сохранить свои злые дела в тайне от наших хозяев Торговли. Если мы вернемся и расскажем о них, то они будут наказаны.

— Только в Тарке есть такие корабли, — упрямо повторил вентури.

— Мы слышали, что около Поулта есть место, где приземляются корабли звездных торговцев, — с растущим отчаянием возразил Кана. Хансу сам должен был прийти сюда. Он, Кана, не производит никакого впечатления.

— Торговцы не перевозят солдат, торговцы не сражаются.

— Но мы встретили в горах ллоров, бежавших после сражения с торговцами. Этих торговцев больше не приветствуют на равнине. Нет, хозяева Торговли, наступает время, когда даже вам придется обнажить меч и расчехлить ружья для самозащиты. Мы говорили с ллорским корбаном, который предсказывал падение крепостей вентури на побережье. «Наступает новый день, — сказал он, — когда вентури не будут править торговыми караванами». Те, кто хочет изменить положение, вооружены мечами. И они также и наши враги. Мы солдаты, нас с раннего детства готовили к сражениям. Те, кому служат наши мечи, спокойно спят по ночам. И, похоже, вам понадобятся союзники, если эти слухи правдивы.

Фигура в капюшоне слегка изменила позу. Впечатление было такое, будто вентури пожал плечами.

— Мы в море. А ллоры не в море. Если мы будем в море, зачем нам мечи? И скоро жители материка поймут свою ошибку.

— Если бы вы имели дело только с ллорами, возможно, это бы так и было. Но им помогают другие. Изменники—земляне сражаются не так, как мы. У них есть могучие машины, пови-

нующиеся их воле, они охотятся с неба. Скажите мне, хозяева, разве нет среди чужемцев таких, кто хотел бы положить конец вашему влиянию в торговле Фронна? Такие люди поддержат в войне тех, кто лучше служит им.

Не получив сразу ответа, Кана почувствовал, как в нем вновь зарождается надежда. Если вентури покидают береговые базы, орда на морском берегу окажется в новой ловушке. Его шанс — единственный шанс — добиться поддержки торговцев до того, как они отступят.

— То, о чем ты говоришь, нам известно. Нам сообщили о небесных машинах. Значит, ты считаешь, что они последуют за нами — даже если ллоры не посмеют выйти в океан?

— Я думаю, хозяева Торговли, что мир ушел, и настало время, когда все должны выбирать, за кого они. Вопреки закону сюда привезли небесные машины и движущиеся крепости. А когда люди нарушают закон, который может им отомстить, они подсчитывают вероятность успеха, как вы взвешиваете риск и прибыль. Они собираются править этим миром. И если они победят, что им дело до вентури? Нас уничтожат, а ваше торговое королевство исчезнет.

Средний вентури встал. Его одежда, сделанная из более тонкого материала, чем у проводника, слегка шуршала при движении.

— Мы сами не можем заключать договоры, но твои слова будут переданы старейшим в Поулт. И мы можем дать согласие; приведи сюда своих людей, они смогут переждать здесь большие бури. Мы должны уйти сегодня же. Так сказал Фалтух, да будут его слова записаны.

Бормотание других означало согласие. Кана в знак приветствия поднял руку, предводитель вентури кивнул. Вентури не отличались гостепреимством. Кана тут же проводили к механизму. Когда трехколесная телега поднималась по склону, Кана заметил, что один из кораблей — черепах отошел от причала. Дойдя до середины залива, он медленно погрузился, пока над водой осталась одна коническая башня. Разрезая ею воду, корабль отправился в море.

Кана и вентури уже в сумерках достигли сторожевого пункта, и землянин с благодарностью заметил, что торговец собирается провести здесь ночь. Кана провели в помещение без окон: лишь одна его стена зеленовато светилась. Ему дали матрас, который мог служить и для сидения и для лежания, и

оставили одного. Он съел свой рацион и остался на матрасе. Все его тело ныло от усталости.

На следующее утро стало ясно, что вентури считают этот пост концом своих владений и что отсюда он пойдет один. Но бледное солнце разогнало мглу предыдущего дня, и Кана пошел быстрым шагом, бодро напевая марш арчей. Его уверенность в будущем росла. В конце концов, если даже торговцы не впускают людей в Пуолт, им позволено остаться в порту на берегу. А этот порт находится недалеко от того места, где, по словам Хансу, приземляются космические корабли. Нужно будет только немного подождать.

Надежды Кана все росли и окрасили его доклад Хансу в радужные тона.

— Они не сказали, когда сообщат свое решение?

— Нет, сэр. Они эвакуировали причалы перед отступлением в свои морские крепости, им кажется, что они смогут переждать там неприятности...

— Никогда не видел, чтобы нейтральный что—нибудь выигрывал, особенно, если обладает тем, чего добивается враг. Но мы не можем спорить с ними. Придется использовать их порт.

Когда авангард орды достиг сторожевого поста, тот оказался покинутым. Часовые и колесная тележка исчезли. И когда земляне спустились к причалу, в порту ничего не двигалось. Исчезли корабли—черепахи. Последняя башня виднелась в море, в самом конце залива. Ни одного вентури не оставалось в молчаливом и пустом порту.

Хансу расставил часовых, хотя согласился с тем, что толстые стены защитят даже от оружия мехов. Хансу разместился в том доме, где Кана встретился с предводителем вентури. Вся аппаратура со стен была убрана, остались дыры и пустые скобы, но маленькие столики по—прежнему были привинчены к полу, а за ними виднелись подушечки для сидения. Впервые после выхода из Тарка солдаты оказались под крышей. И вовремя, потому что к вечеру поднялся ветер, перешедший в бурю.

Толстые стены приглушали вой ветра. Но если положить руку к их поверхности, то ощущалась дрожь порывов урагана, каких земляне не знали раньше. Пока продолжалась буря, можно было не опасаться нападения.

Повинуясь любопытству, они обследовали свои новые помещения и нашли несколько разобранных механизмов. Для

чего использовалась половина из них, они не могли и догадаться. Кана, в сопровождении Мика и Рея, вооружившись земными фонариками, осмелились исследовать обнаруженный ими потайной ход в дальнем зале. Они спустились по крутой лестнице, не предназначенной для земных ног. Лестница оканчивалась в подвале в естественной пещере. Берег круто спускался в воду, подернутую рябью. Ей передалось волнение моря снаружи.

Осветив поверхность воды, Кана заметил трос, прикрепленный к крюку в полу. Трос был туго натянут. Что—то явно тяжелое удерживало его в воде.

Кана попробовал натянуть. Да, к противоположному концу что—то привязано. Они попробовали втроем, упираясь ногами в пол и дергая рывками. Несколько секунд спустя на берегу оказался странный предмет. Круглый, он походил на корабль—черепашу, только у него не было конической башни.

— Бомба? — предположил Мик.

— Нет, ее не стали бы так прикреплять, — Кана обошел предмет. — Вероятно, одноместный корабль.

— Ушли и забыли его?

— Нет. Он был спрятан. Значит, у нас посетитель...

— Оставлен, чтобы следить за нами... — глаза Мика обожали грубые стены. — Может, готовят какую—нибудь ловушку?

— Не думаю, чтобы торговцы были на это способны, — вступился за вентури Кана. — Но, скорее, они оставили наблюдателя. Может, установили связь с Поултом. Но, конечно же, лучше присматривать за этим, — он пнул корабль носком сапога. — Путешествующий в нем должен скорчиться в три погибели. Землянину в нем вообще не поместиться.

Они сообщили о находке Хансу, и корабль переместили в верхний зал. Все здания порта обыскали, но без результата.

К утру буря не прекратилась. Наоборот, она усилилась, и из—за ветра и брызг стало почти невозможно передвигаться от здания к зданию. Но шторм продолжал препятствовать нападению, и это почти уравнивало недовольство арчей от невозможности искать космопорт. А Хансу был уверен, что этот космопорт где—то поблизости.

Кости внимательно осмотрел найденный корабль и сумел его открыть. Столпившиеся солдаты увидели узкое, обшитое матами помещение, где должен был находиться пилот. Сим недоумевал:

— Какой человек здесь уместится?

— Может совсем и не «человек», — ответил Кости.

— Что? . .

— Ну, ни один из нас не видел вентури без этих плащей.

Откуда нам знать, похожи ли они на ллоров? Или на нас?

Кана задумчиво разглядывал помещение корабля. Для гуманоида оно было слишком узко. Тут могло поместиться очень тонкое, змееподобное существо. Он не чувствовал никакого древнего предубеждения против рептилий, никаких пережитков, когда—то существовавшего барьера между теплокровной и холоднокровной жизнью. Смещение рас, рождение мутантов после а томных конфликтов нарушили прежнее неприятие «чужого».

А в космосе тысячи разумных рас во всевозможных формах и телах нанесли последний удар предубеждениям. Косматые ллоры и косы были «людьми», но, возможно, они делили Фронн с другой расой, происходящей от чешуйчатой породы. А почему бы не змея и не ящерица? Существуют расы, чьи давние предки были кошачьими, и другие, многие эпохи назад отказавшиеся от крыльев, чтобы развить разум и цивилизацию, и все же джабану и тристиане были равными партнерами на космических линиях. А что касается рептилий, то можно вспомнить ящериц—закатан, чьи научные достижения известны всей вселенной, и которые, тем не менее, являются самыми миролюбивыми и законопослушными учеными.

Кана вспомнил знакомых закатан, которыми он восхищался, пощупал обивку не с отвращением, а с простым любопытством. Но какая разница, чем покрыто тело: шерстью, чешуей или мягкой кожей, нуждающейся в одежде. Вентури, которых он встречал, ни в какой мере не были ужасными или отталкивающими существами. Нужно было лишь привыкнуть к тому, что они постоянно скрывали свои тела и лица. Теперь он хотел узнать, кто же они на самом деле и почему они так тщательно маскируются.

Но хозяин этого корабля, если он находится в пределах порта, никак не открывал своего присутствия. А буря продолжалась. На следующее утро Хансу с трудом добрался до соседнего здания, и во время возвращения его с такой силой ударило о стену, что он чуть не упал. Поджидавший Кана схватил его за плащ и втянул вовнутрь. Командир с трудом отдышался и сказал:

— Мы не можем противиться этому. Это время Западного Ветра.

Кана вспомнил информационную катушку. Время Западного Ветра, ужасный зимний сезон, парализующий весь Фронн, когда вся жизнь уходит в укрытия, а порывы ветра несут смерть.

Всякий, кого буря бы застала за пределами порта, был бы унесен ветром и убит. Солдатам повезло, они вышли из гор к прочным стенам крепости как раз вовремя.

— Ни один космический корабль не сможет сейчас приземлиться, — заметил Кана.

Хансу кивнул. Но было ясно, что невозможность предпринять что-то его раздражала.

— Хотел бы я встретиться с вентури, — он посмотрел вдаль, как бы вызывая собеседников силой воли. — Как только выяснится, мы должны быть готовы к выступлению.

Будущее по-прежнему оставалось неясным. Если Хансу сумеет доставить вестника на борт космического корабля раньше, чем Харт Дейвис установит их местонахождение и обрушит свои крылатые машины, они победили. Неужели у вентури решающие карты в этой игре?

12. В Поулт.

Бездействие, вызванное бурей, наскучило солдатам. Вначале они большую часть времени спали, восстанавливая силы, готовясь к новому походу в горы. Но теперь они бесцельно бродили по зданиям, время от времени устраивая ненужные вылазки, когда им казалось, что наступает затишье. Раздражение выливалось во внезапные беспричинные ссоры. Но Хансу был готов к этому. Начались тренировки в борьбе без оружия, разведке, охоте—преследовании, когда горстка ветеранов пряталась, а младшие члены отряда должны были выслеживать их.

Во время бури установился постоянный мрак, и поэтому стало невозможно отличить день от ночи. Мог быть и полдень, и вечер, когда Кана вскарабкался по опасно крутому пролету узкой лестницы под самую крышу склада. Глаза его привыкли к мягкому зеленому свечению стен, и он тихо двигался, собираясь добраться до небольшой платформы под самой куполообразной крышей. Отсюда он мог бы рассмотреть весь склад.

Сегодня Кана был псом, а Сим — оленем. Для новобранца стало вопросом престижа найти ветерана, даже если этому придется посвятить все время до сна.

По мере того, как Кана поднимался, свет тускнел. Пришлось идти, касаясь рукой ступенек. Но до верха оставалось еще не менее трех ступенек, когда он замер и прижался к стене. Он почувствовал, что он не один.

Снизу он оценил площадь платформы в 5 кв. футов. Над ней находилась дверь, ведущая, должно быть, на крышу. При таком ветре никто не может находиться снаружи. Крыша!

Прижимаясь к стене, Кана пытался вспомнить внешние очертания склада, который он рассматривал из штаб—квартиры два часа назад. Он был похож на все остальные здания, с овальным куполом, представляющим минимум сопротивления для ветра. Крыша...

Он осторожно продолжил подъем. Потом вытянулся во весь рост, подняв руки над головой, пока пальцами не коснулся поверхности над собой. Но он не нашел того, что ожидал.

Дважды во время таких охотничьих игр он поднимался к этим наблюдательным пунктам в складах и оба раза обнаруживал, что крыша слабо вибрирует, дрожит от ударов ветра. Но здесь она была неподвижна, как бы изолирована от внешнего мира. И, по—прежнему, он знал, что он не один.

Кончиками пальцев он ощупал потолок, обнаружив небольшую дверь, выходящую на крышу. Но в этой двери было какое—то отличие от других. Трогая петли, он понял, в чем это отличие. На этой стороне не было запора. Дверь закрывалась с противоположной стороны. Он достал фонарик, отрегулировал его на минимальное освещение и включил, больше не заботясь о том, что Сим может его заметить. Платформа была покрыта песчаной пылью, которая просачивалась сквозь щели во время бури. Подошвы его сапог оставили в этой пыли ясные следы. Но были здесь и другие следы. Такие следы не мог оставить землянин. Кана снова осветил дверь. Она была плотно пригнана: он почти не видел линий соединений. Блеснули две петли. Кана осторожно обследовал их. Жир — какой—то жир недавно нанесли на петли, он еще не застыл, и его странный запах чувствовался остро, когда Кана поднес смазанный жиром палец к носу. Кто—то пользовался этой дверью. Но выходить наружу — это невозможно!

Кана направил луч на потолок, собираясь обследовать его дальше. Постепенно он убедился, что над головой между по—

толком и куполом имеется пространство. Угол между куполом и крышей острее, чем должен быть. Какое великолепное укрытие! Ни один землянин не посмеет осматривать крыши в бурю. Кана был готов поклясться, что нашел укрытие шпиона—вентури! Хансу нужно лишь оставить здесь часового и... Потому что теперь он услышал и запах.

Ниже, там, где раньше лежали груды товаров, запахи перемешивались друг с другом, и общий аромат действовал на землян одуряюще. На мгновение Кана вспомнил игорное заведение на Секундусе. В запахе не было ничего неприятного, и он становился сильнее. Потом послышался легкий шлепающий звук, и Кана застыл, не осмеливаясь дышать. Слух сказал ему, что из двери что—то упало на платформу. Кана протянул фонарик вперед, как будто это был бластер.

Послышались другие звуки. Он не мог определить, какое движение обозначают эти звуки.

Кана включил фонарь на всю мощность. Луч света упал на существо, которое делало последний шаг с веревочной лестницы на пол. Существо ухватилось за веревку и застыло, выпрямившись, неподвижно, поняв, что бегство невозможно.

Помещение в корабле—малютке, действительно, давало ключ, но реальность превосходила всякое воображение. Если это вентури — а у Кана не было оснований сомневаться в этом — то вторая господствующая раса Фронна не имела ничего общего с ллорами физически.

Исключительная тонкость создавала впечатление большего роста, чем в действительности. Руки походили на ветви дерева, отходя от тела без всяких плеч. Мешковатая шея едва намечалась. Ноги были длинные и тонкие, кончались плоскими перепончатыми ступнями. Верхние же конечности, две пары, и все они оканчивались шестипалыми ладонями. Но голова была наименее гуманоидна: по обе стороны носа усажены парами четыре глаза, широкий рот раскрыт от удивления и никакого подбородка... Кана в ужасе смотрел, сознавая, что уже видел это существо. Это был тиф, превратившийся в наземного жителя, и лишь больший размер мозга отличал его от яростного морского охотника.

Вспомнив о тифе, Кана почувствовал, как его обьял холодный страх. Но тут он увидел глаза существа, мучительно мигавшие в луче света. Это не были черные бусинки ненависти, обещавшие только зло, которые смотрели на него из ручья. Большие золотистые зрачки, в которых светился разум, гово-

рили о мире. Арч понял, что, хотя вентури внешне похожи на тифа, по характеру они совсем не тифы.

Ни одна из четырех рук не потянулась к ножу, висевшему в ножнах на шее вентури. Серо—зеленая кожа, прикрытая лишь короткой туникой, дрожала. Кана резко выключил фонарь. И тут настала его очередь ослепнуть, когда зеленый луч, гораздо более мощный, ударил в него, осветив с головы до ног.

— Только один? — вопрос не мог исходить из этого широкого рта, и все же...

— Да.

Свет перешел на руки Кана, а затем на его нож на поясе, будто вентури изучал оружие.

— Пойдешь? — зеленый луч указал на свисавшую лестницу.

Кана не колебался. Повесив собственный фонарь на петлю, он сделал шаг вперед. Взобравшись по короткой лестнице, он протиснулся в дверь. Это едва удалось ему. Наверху оказалось маленькое помещение, и губчатый мат покрывал треть пола. Кана сел с краю, а хозяин помещения появился вслед за ним и сделал какое—то движение, отчего свечение стѐн усилилось. В помещении, помимо мата, находился плоский ящик и аккуратная груда контейнеров. Стояла только небольшая жаровня, от которой поднимался остро пахнущий дым. Помещение, хоть и тесное, все же было достаточно удобно для вентури. Он сел на другой край мата, отбросив в сторону скомканный плащ.

— Ты следил за нами? — спросил Кана.

— Следил, — невероятная голова с четырьмя золотистыми глазами дернулась, подтверждая.

— Для хозяев Торговли?

— Для нации, — негромко поправил вентури. — Вы торгуете смертью. Такие сделки могут привести к злу.

— Ты говоришь от имени многих?

— Я учусь говорить от имени многих. Но мне еще мало лет, и разум мой ограничен... А ты лорд многих мечей?

Настала очередь Кана отказаться от чести.

— Я тоже лишь учусь нашему делу. Это мое первое боевое путешествие.

— Скажи мне, почему вы крадетесь по зданиям, выслеживая друг друга? — в голосе вентури звучала нотка подлинного недоумения.

— Мы учимся, чтобы впоследствии тайно подбираться к врагу. Это тренировка в нашем искусстве.

Четыре глаза продолжали, не мигая, рассматривать его.

— И теперь враг, к которому вы должны подбираться незаметно — ллоры. Но почему?

— Нас призвал служить Скора. Он заключил договор с нашими хозяевами Торговли. Но в первой же битве он был убит. В соответствии с обычаями, мы прекратили войну и попросили разрешения вернуться домой. Но ллоры пригласили наших командиров на переговоры об этом, а потом предательски убили их. Тут мы обнаружили, что с ллорами действуют преступники из нашей расы. Они не хотят, чтобы мы вернулись и рассказали нашим хозяевам Торговли всю правду. Наши враги заняли Тарк, где приземляются космические корабли. Мы пришли к Поулту, надеясь отыскать торговый космический корабль, который передаст наше сообщение.

— Но здесь приземляются не военные корабли.

— Это не важно. Они не настолько малы, чтобы не захватить одного—двух человек, помимо экипажа. А как только наши хозяева Торговли узнают о случившемся, они пошлют за нами корабли.

— Значит, вы не хотите оставаться на Фронне? С вашим военным искусством вы могли бы захватить весь наш мир.

— Мы с Земли. Только Земля — наш дом. Мы лишь хотим мирно покинуть Фронн.

Наклонившись вперед, вентури глубоко вдохнул поднимающийся с жаровни дым. Затем, ни слова не говоря, раскрыл круглый ящик и извлек две маленькие чашки без ручек. По форме чашки напоминали раковины. В их сине—зеленой глубине двигались аметистовые тени. Из маленького флакончика, такого же прекрасного, он налил в чашки золотистую жидкость. Потом он протянул одну чашку Кане, а сам поднял другую, произнося слова на своем языке.

Кана, не раздумывая, взял чашку. Он не мог отказаться от напитка — так радушно он был предложен. Кана, конечно, опасался напитка, действия его на свой организм, хотя, глотнув, не почувствовал никакого неприятного ощущения. Наоборот, его охватило тепло, постепенно распространявшееся по телу. Он опустил пустую чашку. Он испытывал чувство очень странное, как будто вкус напитка смешался с запахом от жаровни и мягким свечением стен, как будто вкус, осязание, нюх и зрение внезапно слились и стали гораздо резче и острее.

Вентури закутался в свой плащ.

— Идем к твоему хозяину Мечей...

Слышал ли он эти слова ушами, размышляя Кана, или они прозвучали прямо в мозгу? Он встал, наслаждаясь необычной остротой и ясностью чувств. Человек—лягушка уже спускался по веревочной лестнице во тьму. На платформе вентури опустился капюшон.

— Он в другом здании, — предупредил Кана, вспомнив о буре.

— Да... — тень в плаще скользнула беззвучно, почти мгновенно исчезнув из вида. Кана понял теперь, как мог вентури подглядывать за солдатами.

Цепляясь друг за друга, они проделали несколько метров, отделявших склад от штаб—квартиры. Одежда Кана и плащ вентури мгновенно промокли от брызг.

Кана обнаружил, что не только чувства его обострились, но и реакция стала быстрее. Он одновременно подмечал очень многое, в чем раньше не отдавал себе отчета. Крыши зданий больше не казались ему одинакового зеленого цвета, они различались оттенками; звуки, раньше заглушавшиеся ревом ветра, теперь были вполне различимы.

— Кто это? — мечник в зале остановился, увидев вентури.

— Посланец к Хансу.

Хансу и два мастера—мечника сердито обернулись на помеху. Но тут же увидели торговца.

— Где вы... — начал было Хансу и обратился непосредственно к молчавшему вентури. — Что тебе нужно?

— Скорее, что нужно тебе, хозяин Мечей. Ты хочешь встретиться с нашими хозяевами Торговли. Но у меня нет права отвечать от их имени. Вот он, — закутанная голова кивком указала на Кана, — объяснил мне, почему вы здесь и что вам нужно. Дайте мне... — он указал промежуток времени в фронтианских мерах, — и я принесу вам ответ.

— Согласен, — Хансу не колебался. — Но как ты свяжешься со своими? В эту бурю...

Кана почувствовал сильное удивление вентури.

— Разве у вас нет способов общаться на расстоянии? Мы встречались с чужеземцами с других планет, но не раскрывали перед ними всех наших знаний и возможностей. Идем со мной, если хочешь, и увидешь. В том, что я делаю, нет колдовства, только разум, используемый для безопасности и удобства.

И вот Кана с Хансу вернулись в тайник, где вентури открыл маленький ящик и достал оттуда серебряный зеркальный диск с рядом небольших рычажков. Поднимая или опуская эти рыча-

чажки, он набрал нужную комбинацию. Зеркало затуманилось, и вентури заостренным концом небольшого стержня нарисовал на нем несколько волнистых линий. Они исчезли с диска, и его снова затянуло туманом, а после некоторого ожидания на диске появились другие линии. Так происходило четыре раза, и, наконец, вентури отложил свое перо.

— Теперь весь вопрос во времени, — сообщил он землянам. — Нужно подождать, пока Хозяева ответят. Я лишь доложил, а уж они отдадут приказ.

Хансу согласился. Вокруг его рта пролегли жесткие морщины, глаза затянулись усталостью. Силы его были на исходе. И его угнетало не только будущее орды, но и нечто большее. Он сражался больше, чем за бегство с Фронна. Его цель могла оказаться важнее жизни всех арчей в мире.

Вентури вдохнул дым от жаровни. Его золотые глаза не отрывались от землян.

— Хозяин Мечей, — обратился он к Хансу, — я могу сказать тебе, что уже десять раз по десять тенев у нас не приземлялись иноземные корабли...

Кана попытался перевести меры времени. Около четырех месяцев. Он сжал губы.

— И так было и в прошлом?

— Нет, — это был ответ на вопрос Хансу. — Нас не заботит межпланетная торговля, поэтому ее отсутствие не может беспокоить нас. Но теперь... Возможно, за этим что-то скрывается. Что же вы будете делать, если корабль не придет? Ваши враги заняли порт в Тарке.

— Одно дело за раз. Пока мне нужно поговорить с вашими хозяевами, а потом посмотрим...

Из ящика послышался слабый звук. Вентури посмотрел в зеркало. Хотя земляне ничего не видели, но вентури спустя несколько мгновений проговорил:

— Хозяева приглашают вас в Поулт для переговоров. И поскольку вы встретились с предательством на Фронне, сюда прибудут наши заложники. Вы согласны?

— Да. Когда я отправлюсь?

— Сегодня к вечеру буря ослабнет. Из Поулта вышлют корабль, но нужно быть готовым к немедленному возвращению, потому что затишье продлится недолго.

— Я отправлюсь один?

— Возьми с собой одного человека по твоему выбору. Я бы предложил этого, — палец с когтем указал на Кана. — Он хорошо говорит на торговом языке.

Хансу не возражал.

— Да будет так.

Как и предсказал вентури, наступило затишье. Земляне с торговцем спустились к воде. Кана видел пенную линию, свидетельствующую о приближении вентурского корабля. Он появился из волн и остановился у причала с удивительной точностью. В конической башне открылся люк, и появились четыре фигуры в плащах. Трое спустились с корабля на землю, а четвертый остался на корабле.

— Это хозяин Расуф, подхозяин Рсад и подхозяин Ерол — они остнутся здесь.

Хансу назвал своих мастеров — мечников, а потом в сопровождении Кана поднялся по трапу, ведущему к люку. Трап спустили в зеленоватую полутьму, и двое спустились, окруженные странными запахами и шумами. ВЕНТУРИАНСКИЙ шпион взял Кана за рукав и потащил в сторону.

— Командир корабля думает, что тебе будет интересно взглянуть в окно... Сюда.

Они прошли по коридору, настолько узкому, что землянин проходил с трудом, и оказались в круглом помещении. Вдоль стен шла широкая подушка для сидения, прерываясь только у двери. Прямо перед ними стена была из сплошного стекла, а за стеклом виднелось здание порта.

Вентури без плаща сидел на подушке, внимательно наблюдая за сценой. Он сделал приветственный знак рукой, и тут же сооружения порта отступили и повернулись направо. Путешествие к Пулту началось.

13. Торговля жизнью и смертью.

Пулт появился из воды внезапно: зубчатые скальные стены острова резко поднимались из воды без всякой полоски песка. И не виднелось ни одного здания.

Позволив пассажирам бросить взгляд на остров, корабль погрузился так, что даже коническая башня оказалась под водой. Землян провели вниз и посадили в меньшее судно, где

находилось двое вентури. Стены маленького корабля задрожали, но больше никаких признаков движения не было.

Кана чувствовал тревогу. Его угнетало, что темная каюта где—то глубоко под водой. Но путь был недолог, и, когда люк снова открыли, они находились в подземном порту — большей копии того подвала—пещеры, который они обнаружили на континенте. Когда их вели по узким коридорам, высеченным в скале, они почти не видели город. Наконец, они оказались в помещении на самой вершине утеса. Одна стена помещения была прозрачной. Проводник ушел, а Кана подошел к окну, наслаждаясь открывшимся перед ним видом.

— Кратер вулкана, — заметил Хансу.

Центр острова напоминал чашу, стены которой представляли собой террасы. В глубине на террасах виднелись рощицы деревьев. Но нигде и следа зданий.

— Но где же они...

Мастер—лезвия осмотрел мирный ковер растительности на внутренних стенах кратера, объясняя:

— Все их помещения в скалах.

И тут же Кана увидел доказательство — множество правильных круглых отверстий в скалах, которые соответствовали окнам, и перед одним из которых он стоял. Он удивился:

— Какое чудо! Даже бомбардировщик здесь бесполезен. Разве что пустят в ход горячее оружие...

Хансу ответил жестко:

— Когда закон нарушен один раз, второе нарушение уже дается легче.

— Использовать горячее оружие? — изумление и ужас Кана были искренними. Он мог признать измену мехов, мог даже согласиться с борьбой за власть, в которой каким—то загадочным образом участвуют агенты ЦК, но подумать о применении атомного оружия! Земля получила слишком хороший урок во время Большого взрыва и последовавших за этим войн... Это произошло тысячу лет назад, но в памяти людей ничего не могло затмить рубцы воспоминаний. Невозможно представить себе землян, использующих атомное оружие — это неестественно, от одного такого предположения начинала кружиться голова.

— У нас достаточно доказательств, что это не просто заговор мехов, — безжалостно продолжал Хансу. — Мы же знаем, что такое атомное оружие, знаем по собственной истории, но

другие не знают. И мы не можем исключить такую возможность...

Он вспомнил военную аксиому. Никогда не исключать никаких возможностей, быть готовым к любым изменениям в будущем...

— Военный лорд, — один из вентури молча появился за ними. — Хозяева будут говорить с тобой.

Кана с беспокойством заметил, что не было проявлено никакого гостеприимства, не сделано никакого жеста, который можно было бы назвать дружеским. Вслед за Хансу он вошел в комнату, где их ждали четверо вентури без плащей.

Они были одеты в короткие туники из мягкой ткани синего—изумрудного цвета, на поясах укреплено оружие, все четыре верхних конечности усажены браслетами. . На некотором расстоянии сидел пятый вентури, держа в одной руке пишущий стержень, а в другой — туманный зеркальный диск.

Перед вентури было установлено одно сидение. Хансу сел, а Кана остался стоять за ним.

— Нам сообщили о том, что вам нужно, — один из вентури, с вышитым на груди символом, без церемоний начал переговоры. — вам нужно убежище для ваших людей, пока вы не установите контакт с вашими повелителями в другом мире. Почему мы должны интересоваться судьбой пришельцев, которых мы не звали на Фронн? А поскольку вас преследуют ллоры и их новые союзники, то может стать так, что, предоставляя вам убежище, мы навлечем на себя гнев хозяев Тарка.

— Разве между вами и Тарком не существует состояния войны? — возразил Хансу. — Пересекая горы, мы встретились с отрядом ллоров, бежавших после нападения на порт. Мы освободили там одного вашего.

Широкое лицо вентури не выразило никаких чувств.

— Вентури не воюют, они торгуют. А когда нет торговли, когда мир раздирается войнами, мы отступаем в свои крепости и ждем, когда положение восстановится. Так было всегда в прошлом, и такая система давала нам преимущества.

— Но разве ллоры заключали раньше союз с теми, кто может приносить войну по воздуху? Возможно, Поулт и нельзя захватить с моря. Но что если на вас нападут с воздуха, хозяин многих кораблей?

— У вас нет машин, летающих по воздуху, значит, ваши враги сильнее вас?

— Их обучали другим способам ведения войн. И не по нашему обычаю использовать их на такой планете, как Фронн. С их оружием они, если пожелают, могут захватить всю планету. Неужели вы считаете, что ваше отступление может помешать им в осуществлении их плана? Одну за другой они отыщут ваши островные крепости и обрушат на них с воздуха смерть и разрушение. Они могут принести вам даже огненную смерть — это оружие, запрещенное для всех других живых существ, оружие такое ужасное, что чуть не уничтожило мою родную планету и на столетия отбросило мою расу в варварство, — и Хансу повторил предупреждение, уже слышанное Кана. — Если закон нарушен один раз, вторично его нарушать легче. Эти изменники нарушили наш закон, придя на Фронн, и могут докатиться до гораздо более худших вещей...

— Но если вы не умеете сражаться, как те, чем же вы можете быть полезны нам?

— Вот чем, — Хансу сидел прямо и неподвижно, как будто отвечал на вражеский вызов. — Сообщение о происшедшем должно быть передано главным хозяевам. Только у них достаточно сил, чтобы справиться с преступниками. И сообщение должно быть передано тем, кого они стали бы слушать. Дайте моим людям убежище, и я сам отвезу сообщение. И я обещаю вам, что после того, как меня выслушают, на Фронне будет наведен порядок. Здесь будет запрещено появляться чужакам с других планет, а вас предоставят самим себе, чтобы вы сами справлялись со своими делами. Разве вы не знаете, что существуют такие, кто не хочет, чтобы торговля на Фронне велась только вентури? Они позволяют ллорам погубить вас, потому что ллоры невежественны в вашем искусстве, и торговцы с чужих миров быстро все захватят в свои руки. И навсегда! Вы никогда не приветствовали чужеземных торговцев, и они будут рады от вас избавиться...

Произвел ли Хансу нужное впечатление на них? Кана не мог этого определить. И надежды его ослабли, когда вентури ответил:

— Ты сказал очень много. Мы должны это обсудить на совете. Будьте спокойны в наших водах сегодня ночью...

Последние слова напоминали традиционную формулу гостеприимства. И земляне обнаружили, что они обозначают комнату с видом на долину. В комнате две курящиеся жаровни наполняли воздух острым запахом. Вошел один из хозяев в сопровождении вентури, несшего поднос. На подносе стояли

три высоких чашки и кувшин. Хозяин налил себе немного той жидкости, которую Кана уже пробовал в тайнике, а потом налил собственными руками в чашки землян. И снова Кана ощутил, как обостряются его чувства, как оживают мозг и тело. Церемониальный напиток унесли и расставили маленькие столики со множеством подносов, на которых были маленькие порции еды.

— Эту пищу вывозили в чужие миры, — заверил их хозяин, — поэтому вы можете ее есть безбоязненно.

Земляне начали есть, благодарные за перемену в своем рационе. Незнакомый вкус показался интригующим. Вентури были искусными поварами и стремились к неожиданным эффектам, некоторые блюда были горячими и холодными в одно и то же время, за резким острым соусом следовало сладкое, и все это вместе давало такое гастрономическое наслаждение, которого Кана, например, никогда не знал.

— Ваш город хорошо укрыт, — сказал Хансу и жестом указал на буколическую картину в кратере.

— Мы не собирались скрываться, — поправил его хозяин. — Когда наши отдаленные предки впервые выбрались из воды, то они жили в пещерах островов этого моря. Поэтому, вместо того, чтобы строить снаружи, наша раса привыкла жить в земле. В нашей природе стремиться к закрытым помещениям, близким к воде. По мере того, как росли наш разум и цивилизация, наши города становились такими, как Поулт. Нам плохо на сухих равнинах континентов: каждому из нас приходится выполнять там свои обязанности, но мы радуемся, когда можем вернуться домой. А ваша раса живет открыто, как и ллоры?

Хансу кивнул и начал описывать Землю, ее голубое небо, зеленые холмы и открытые изменчивые моря.

— Скажи мне, почему вы продаете свое искусство войне? А ваша раса, вероятно, старше моей. Вы не варвары, как ллоры. И лорры молодая раса. Неужели вы не понимаете, что ваше занятие — напрасная трата сил, отрицание роста и добра?

— Мы рождаемся с волей к борьбе, с желанием сравнить наши силы с силами противника. Когда племя или нация, утрачивает это свойство, она впадает в упадок. Мы вырвались в космос — к этой цели мы стремились в течение веков, мы рвались к звездам. И обнаружили, что космос не для нас, что нас считают такими же дикими варварами, как и ллоров. В космос до нас вышло множество рас и племен, и они создали

особый кодекс, чтобы контролировать новичков. Те, кто правит космосом, считают, что наш темперамент для него непригоден, что он за пределами установленных границ. Поскольку мы стремились к борьбе, нам назначено быть наемниками на других планетах. Мы обречены на эту службу, только так мы укладываемся в их схему. Такую плату мы вносим за космос — служим стражами на звездных линиях.

— Мне это не кажется равной сделкой, — заметил хозяин. — А если сделка неравная, наступает день, когда она нарушается, и тот, кто обманул, вынужден искать другое место для торговли. Не так ли будет с вашей сделкой?

— Возможно. А что произойдет здесь, на Фронне, должны решать вы.

— Пусть ваша торговля будет хорошей, а прибыль большой.

— Пусть ваши корабли всегда возвращаются в гавань, — в той же манере ответил Хансу, и хозяин покинул их.

В тот день землян больше не приглашали к хозяевам. Вскоре буря снова усилилась, и окно их помещения большей частью было закрыто пеной, гонимой ветром...

— Как вы думаете, у нас есть шанс? — осмелился Кана прервать молчание, в то время как Хансу с отсутствующим видом смотрел в окно.

— Сейчас, по крайней мере, они обращаются с нами, как с почетными гостями. Предлагая нам еду, они признают наше равенство. А когда завоевываешь один пункт, то можно продвигаться дальше. Но у них не наша логика. Мы не могли догадаться, что они будут делать, поставив себя на их место. Вам, как специалисту по контактам, следовало бы знать это. Это ваше первое назначение?

— Да, сэр.

— Почему вы готовились к этой специальности?

— Мне понравился основной курс, сэр. У нас был закатанский инструктор, он заставил меня о многом подумать. И меня очаровал способ, каким работает его мозг. И благодаря ему я встретился с другими специалистами Х—3. Поэтому я прошел испытание по специальности и был допущен к обучению. Этот курс не слишком популярен: много лишних часов. Но, сэр, мне это обучение никогда не казалось работой. А занятия в кабинетах Х—3 интереснее, чем увольнительные в город. Встречи со специалистами Х—3 мне очень нравились, хотя у нас не одобряли...

— Дружеские связи с чужаками? Я это знаю. Лишь бы изучить минимум, необходимый для установления связи на других планетах. Конечно, для ЦК мы самые странные из всех разумов.

— Дик однажды говорил что—то подобное, сэр. Что у ЦК сложилось представление о землянах, и что они настоящих землян не видят...

— Миллз знал, о чем говорил. Мы нарушаем закон и обычай, пытаясь на свой риск и страх вести переговоры с этими вентури. Но мы пойдем и дальше...

Когда Кана, поправив подушку, собрался спать, Хансу все еще о чем—то размышлял у окна. Снаружи ревел ураган, но за стенами его почти не было слышно. Утром им показали место, где можно умыться. Там был бассейн с морской водой, достаточный по размерам для плавания. Потом они снова роскошно поели. Но свидание с членами совета состоялось только в полдень.

— Мы обдумали проблему, — начал тот же самый хозяин, когда Хансу занял свое место, — и согласны с большинством из ваших доводов. Однако будущее полно случайностей. Мы не можем переместить ваших людей сюда: экономика наша и так напряжена, а место ограничено. Приютить на неопределенный период такое количество людей мы не можем. К тому же корабли можно использовать лишь во время затишья.

— Но и ваш враг сейчас не может действовать. Поэтому у вас есть около десяти дней, в которые вы можете изучить ситуацию и принять решение. К концу этого периода, если предоставится возможность отправить сообщение вашим командирам, мы согласны переправить ваших людей на Поулт и на большой остров дальше в море, на котором мы пасем наших гуенов во время сезона бурь. Вдобавок, мы снабдим ваших людей продовольствием и научим сетями ловить морских созданий, пригодных для пищи.

— А что вы возьмете с нас за это?

— Слово, чтобы вы добивались у своих хозяев запрета на появление на Фронне чужеземцев, ведущих войны. Чтобы чужеземцы могли появляться только с ведома вентури и чтоб вентури знали о цели их появления. Мы не хотим, чтобы Фронн стал вассалом другого мира или служил разменной монетой в сделках хозяев звезд.

— Согласен, и не только потому, что это ваши условия. Я и сам так считаю, — заявил Хансу. — Сейчас мы возвращаемся в порт?

— Через два легких периода этого дитила снова наступит затишье. Тогда вы сможете вернуться. С вами пойдет член совета, который будет связывать вас на расстоянии. Попутного ветра и хорошей прибыли тебе, лорд многих мечей.

— А тебе, хозяин кораблей, гладкого моря.

Наконец, наступило затишье, дававшее им возможность возвратиться. Оно так долго длилось после их возвращения на континент, что, если бы не совет вентури, земляне бы совершили ошибку, попытавшись добраться до космопорта. Но его предупреждение держало их вблизи зданий. Вечером вновь грянула буря...

— Мы не получили сигналов от космических кораблей, — вентури отхлебнул напиток, изготовленный из растворенных в воде таблеток земного рациона. — Наши хозяева считают, что здесь больше не будут приземляться корабли. Зачем? Ведь Тарк открыт для них, аялоры убеждают, что в будущем с нами не придется вести дело.

— Верно, — Хансу проглотил горячий напиток.

— Но в таком случае, вам придется изменить планы?

— Возможно, мы пойдем в Тарк.

У вентури не было бровей, но он весь излучал вежливое недоверие. Только вежливость удержала его от вопроса, как это будет сделано. А Хансу не стал ничего объяснять.

Буря продолжалась меньше предыдущего срока, и Кана знал, что теперь такие штормы пойдут на убыль. В полдень на следующий день вентури объявил, что можно выходить. Солдаты с радостью высыпали на открытый воздух, голубоко вдыхая прохладу зимнего дня и разглядывая груды предметов, принесенных ветром и волнами. Крик ушедшего дальше всех арча заставил подойти к нему. Между отдаленными зданиями, которых никто не занимал, лежали обломки машины. Как будто какой-то гигант схватил ее и скрутил, как женщина выжимает белье.

— Краулер! Это краулер! — повторял возбужденный испуганный голос. И хотя никто не спорил, всем трудно было поверить своим глазам.

Краулер — небольшая движущаяся наземная крепость, но все же несомненно мощная военная машина, брошенная и разбитая, будто сделанная из соломы.

Внешний люк был раскрыт, очевидно, от удара. Кости вскарабкался на обломки, чтобы взглянуть внутрь. Когда он выглянул из дыры, лицо его было зеленым, несмотря на загар. Он конвульсивно вздохнул.

— Тут... Тут полный экипаж на борту... — доложил он. Никто не торопился следовать за ним.

— Сколько? — внизу появился Хансу и начал подниматься на борт.

Кости неохотно еще раз заглянул в разбитый краулер. Губы его двигались при счете.

— ... Четыре... Пять... Шесть. Шесть, сэр.

— Ларсен, Богат, Ведин, займитесь. Их нужно вынести, — бросил Хансу через плечо.

— Они... — снова сглотнул Кости, — все мертвы.

— Тем не менее их нужно извлечь.

Вызванные им люди неохотно начали подниматься, а сам Хансу уже скрылся в краулере. Даже когда грязная работа была закончена, и шесть тел были унесены в ближайшее убежище, Хансу все еще не был удовлетворен. Пятеро оказались мехами, и он тщательно изучал их нашивки. Но шестой, хотя и одетый в мундир мастера—меха, оказался чужаком. Внимательно осмотрев разорванный и окровавленный мундир, Хансу долго в задумчивости стоял над телом.

— Веганец! — сказал он так негромко, что если бы Кана не стоял поблизости, то ничего бы не услышал. — Веганец!

Любой бы землянин разделил его недоумение при виде тела. Из всех галактических рас веганцев меньше всего можно было ожидать здесь, среди союзников землян. Ведь веганцы считают их варварами. Они не только были открыто грубы с землянами, как арктуриане или жители планет Полярной Звезды, они просто игнорировали землян. И все же здесь был веганец в мундире меха, возможно, командовавший мехским краулером.

— Сэр! — Кости наполовину высунулся из краулера, вывел из задумчивости Хансу. — Груз, сэр. Похоже на оружие...

Мертвый веганец был оставлен: не только Хансу, но и все земляне заторопились к разбитой машине. Ларсен показался из люка, протягивая ящик. Кости вынес его наружу. Все окружили Хансу, который, присев на корточки, ножом поднял крышку. Внутри лежали какие—то предметы, завернутые в промасленную ткань. Хансу не нужно было много времени, чтобы определить, что же это такое. Когда он развернул тряп-

ку, в его руках оказался бластер—огнемет космического образца.

— Сколько там таких ящиков?

— Три, сэр.

— Есть возможность определить, где находилось это корыто, когда началась буря? — спросил он у Кости. — Записывается ли их маршрут, как на корабле?

— Не думаю, сэр. Тут ручное управление. Но могу проверить... — и он снова направился в краулер.

— Очень далеко от Тарка, сэр, — нарушил молчание Ларсен. — И разведчик не стал бы брать с собой груз.

— Верно, — Хансу внезапно повернулся к вентури, который с любопытством смотрел на всю эту сцену из дверей склада. — Вы уверены, что никакой космический корабль не приземлялся поблизости?

— Но не на контролируемой нами территории. Видящие зеркала сказали бы нам...

— И на расстоянии дня пути нет иной посадочной площадки? Этот краулер вез груз. Он не стал бы перевозить груз из Тарка в сезон бурь. Он не мог пытаться добраться туда из корабля, приземлившегося где—нибудь поблизости, как вы думаете?

Вентури кивнул в знак согласия.

— Тяжелая и крепкая машина. Те, внутри, могли считать себя в безопасности. Но они не знают силы наших бурь. И если это верно, то они могли попытаться добраться до Тарка. Верно и то, что люди в Тарке — ведь ллоры предупредят их — не осмелятся уходить далеко. Я свяжусь с хозяевами. Возможно, корабль все же приземлился, — он исчез в здании.

А несколько мгновений спустя Кости принес обескураживающее известие из машины.

— Они шли на ручном управлении, сэр. И никаких записей. Но не думаю, что это разведчик. Тяжелое оружие в чехлах.

— Почему же они не приземлились в Тарке? — размышлял вслух Хансу. Он опустил кулак на разбитую гусеницу краулера.

— Все детали груза, все обмундирование и оборудование, все, до последнего кусочка, принести в штаб! Может, найдем ключ. И побыстрее.

14. Спрятанный корабль.

Хотя было доказано, что краулер недавно выгрузили из корабля, и он отправился в первую поездку — может, и в Тарк — не было никаких указаний, где приземлился этот корабль. И именно вентури сумел указать ключ к разгадке.

Вентури пробрался сквозь толпу к Хансу и, не тратя времени, изложил полученное известие.

— Чужеземный корабль приземлился в шести гормелах к югу...

Пока Кана пытался перевести гормены в земные мили, вентури продолжал:

— Он сел среди прибрежных скал и в безопасности от бурь.

— Большой корабль? — спросил Хансу.

Вентури сделал странный жест верхней парой конечностей, что у его расы соответствовало пожатию плечами.

— Мы не умеем определять размеры ваших кораблей... и если бы поблизости у нас не оказался бы пост... — он поколебался, и Кана заподозрил, что этот пост — не торговая станция, а, скорее, шпионский наблюдательный пункт. — Но этот корабль меньше тех, что приземлялись раньше, и он спустился тайно во время первого затишья.

— Сорок миль... — Хансу оказался быстрее в пересчете. — Что за местность между нами?

Снова вентури «пожал плечами».

— Пустыня. И будут еще сильные бури.

— Но небольшой отряд сможет пробраться? Или, может, твой народ доставит нас по морю?

На последний вопрос последовало категорическое «нет». Береговые течения вдоль побережья не дают возможности пристать. Разве лишь в спокойный сезон. По поводу похода по суше вентури не стал высказывать мнения. Однако он согласился указать последовательность бурь и затиший на 3—4 дня вперед. И Хансу отправил еще одно послание хозяевам в Полут.

В ответ сообщалось, что в слудующий период затишья корабли возьмут на борт большую часть орды, а маленький отряд останется и попытается по суше добраться до спрятанного корабля. Это был отчаянный план, но все—таки перспектива возвращения в Тарк выглядела еще хуже.

Связник вентури сверил свою карту с грубо нарисованной картой Хансу и указал место, где находился корабль.

— Хозяева желают вам успеха, — закончил вентури, — вы отправляетесь сегодня вечером?

— Только после ухода орды, — с отсутствующим видом ответил Хансу. Взгляд его блуждал по солдатам, собравшимся в помещении. Не все солдаты подошли на этот прощальный сбор: были больные и раненые. Но кто же из них пойдет на юг? Кана знал, что все собравшиеся думают об этом.

Он сделал собственный выбор. Кости, маленький, стройный, должен пойти. Он почти единственный в орде обладал познаниями в технике, знал, как поднять корабль, если им удастся в него проникнуть, в космос. И Хансу — Кана был уверен, что тот сам поведет отряд. Но сколько человек будет в отряде? И кто именно? В конце концов, это зависело от неприятной целесообразности. С мертвых мехов сняли мундиры, очистили их и стали подбирать людей, которым они бы подошли. И когда один из мундиров пришелся Кана по плечу, он понял, что будет в числе участников. И не успел он решить, радоваться этому или нет, пришли корабли, переждали непродолжительную бурю и на следующий день увезли орду, оставив на пристани Хансу и пятерых солдат. Когда последняя коническая башня исчезла в воде, мастер—лезвия натянул поводья ожидавшего гуена.

— Нужно найти убежище до начала следующей бури. Выступаем!

Круглый купол сторожевого поста вблизи порта они увидели до начала очередного приступа бури. Но защита, даваемая этим маленьким зданием, совсем не то, что безопасность за толстыми стенами.

Скорчившись на полу, оглушенные ревом ветра, шестеро солдат думали, выдержит ли купол следующей натиск бури. Гуены, тесно прижавшись к земле костлявыми телами, подняли монотонный воющий крик, который резал землянам уши.

Прошло несколько часов — оглушенным людям они показались вечностью — прежде чем ветер стих.

— Вперед! — Хансу вскочил на ноги и начал поднимать своего гуена, который скалил клыки и сердито огрызался.

Через пять минут они были на дороге. От быстрой рыси гуенов у солдат болели тела. Но они стремительно продвигались вперед. Им везло до сих пор и продолжало везти. Но когда

собравшиеся вновь тучи показали, что им пора отыскивать убежище, поблизости не оказалось никакого здания.

Единственной надеждой была роща на краю которой виднелись расщепленные пни: там особенно свирепствовала буря. Туда и направился Хансу. Пришлось извлечь прочную веревку, данную вентури как раз на такой случай. Они привязали гуенов и самих себя к самым прочным деревьям.

Если короткая остановка в маленьком куполе казалась страшным адом, то эта была вообще неопишима. Приходилось бороться за каждый вдох. Кана утратил всякое представление о времени, он забыл обо всем, отчаянно борясь за жизнь. Потом его куда—то потащило, и он безжизненно перевернулся на спину. Его хлопали ладонью по щекам, голова его покачивалась по земле.

— Вставай! Поднимайся! — торопили его.

Он с трудом привел свое ноющее тело в сидячее положение. Над ним стояло трое солдат, один поддерживал его его окровавленную голову. Шестеро землян въехало в рощу, а выехало всего лишь четверо, ведя на поводу гуена без всадника. Из двоих погибших одного они больше никогда не видели, а второго похоронили под избранным им деревом — деревом, которое не пережило этой бури.

Выдержит ли кто—нибудь из них до конца пути, размышлял Кана, взбираясь на спину гуена только силой воли. Выдержат ли они темп, принятый Хансу? Но, прежде чем пришло время снова заботиться об убежище, скалистую береговую линию перерезала река. И им посчастливилось наткнуться на ллорскую деревню. В соответствии с обычаями Фронна, они постучали в ближайшую дверь и попросили защиты в гостевой комнате. Растянувшись на тонких матрацах, солдаты погрузились в тяжелый сон, даже не поев из своего скудного рациона. Когда они проснулись, буря кончилась, и туземное население оживало. Хансу поговорил с хозяином, и его лицо несколько прояснилось.

— Это последняя сильная буря. Дальше будет просто очень сильный ветер, какой можно встретить и на Земле. И мы движемся в правильном направлении! Здесь проходили два краулера, они направлялись в Тарк.

— А что они думают о нас? — Ларсен с трудом надевал на раненую голову мехский шлем. — Вас расспрашивали, сэр.

— Они считают, что мы с корабля. Я сказал, что нас застигла буря и что наш краулер разбит. Для них все земляне на одно

лицо, так что они поверили. Нам нужно беспокоиться лишь при встрече с мекхами, если таковая состоится.

Через час они уже ехали по полям, через нанесенные бурей обломки. Дальше простирались скалы, дочиста обглоданные бурей. Приходилось идти, руководствуясь лишь показаниями компаса в руке Хансу. Глубокие пропасти они обходили стороной, одну ночь провели в ущелье, в голых скалах. Ветер выл в ушах. Все было, как в горах. И лишь не было угрозы нападения косов.

Дважды на протяжении следующего пасмурного дня они были вынуждены укрываться, спасаясь от жестоких порывов ветра, который мог их убить среди каменных башен. Длинный обход привел их на морской берег, где они прокладывали путь по толстому слою водорослей, принесенных ветром.

Вдруг гуен Хансу попятился и резко закричал, а потом принялся рвать какое-то тело среди водорослей. Хансу от неожиданности чуть не выпал из седла. Разинулась пасть достаточно большая, чтобы проглотить гуена и всадника. Кана инстинктивным движением мгновенно сорвал свое ружье и выстрелил в раскрытую пасть.

Челюсти щелкнули раз, другой, закипела вода вокруг огромного тела. Чудовищная помесь крокодила, змеи и кита — вот все, что успел подметить Кана. Хансу тоже выстрелил в извивающегося монстра.

Неведомое животное скрылось в воде, а земляне двинулись дальше, держась как можно дальше от воды и успокаивая нервничающих гуенов.

Вскоре Ларсен обнаружил проход между скалами, и они выбрались из бухточки. Перед ними тянулось обширное песчаное пространство, усеянное водорослями и многочисленными принесенными водой обломками, включая и небольшой вентурианский предмет, напоминающий крохотный вентурианский корабль. Над ним кружили пожиратели падали, и земляне не стали осматривать его. Вслед за командиром они двигались на юг, где начиналась впервые после речной дельты удобная для езды верхом местность.

Следующий порыв бури застал их в узком ущелье. Пригнанная ветром морская вода пенилась у ног гуенов, но Хансу упрямо держался прежнего маршрута, и его настойчивость была вознаграждена: вскоре они обнаружили раздавленный краулером камень. Подбодренный этим открытием, Хансу позволил отдохнуть отряду. Большую часть дня над землянами

нависало серо—стальное небо, и наступление ночи означало лишь общее потемнение. Но на сей раз тьма сослужила им хорошую службу. Как будто специально кто—то зажег маяк, чтобы указать арчам путь. И огонь был не голубоватый, как свет ллорских факелов. Ярко—желтым огнем горели лампы земного лагеря.

Оставив гуенов на попечение Ларсена, они осторожно двинулись вперед, временами передвигаясь ползком, вслушиваясь в малейшие звуки. И вот они втроем лежат за небольшим возвышением, глядя на море огней, в котором с трудом различается хвостовое оперение небольшого космического корабля. Ничего не двигалось, не было видно никаких признаков жизни. У Хансу уже был готов приказ:

— Оставайтесь здесь! — и прежде, чем кто—либо успел сообразить, он скользнул во тьму.

Они дрожали на ледяном ночном ветру, от долгого пребывание в пропитанном солью воздухе саднило кожу. Вдали отчетливо слышался шум прибоя. Но вокруг корабля ничего не двигалось. Прошло, казалось, очень много времени, прежде чем вернулся Хансу. И вернулся лишь, чтобы приказать им двигаться назад, туда, где они оставили Ларсена с гуенами. Только здесь, когда они укрылись за скалами, он рассказал о только что сделанном открытии.

— Корабль небольшой... общие очертания патрульного крейсера. Есть охрана, в темноте было трудно разобрать... Придется подождать рассвета.

Кана спал урывками, остальные тоже лишь дремали. Лежать было неудобно, но они за долгие годы полевой службы привыкли ко всяким неудобствам. На рассвете снова началась буря.

Гуенов привязали в глубоком ущелье, но Хансу велел, чтобы не привязывали слишком туго. Ему не нужно было объяснять причину этого. Из этого похода земляне не вернуться. Либо они улетят на корабле, либо... им больше уже ни о чем беспокоиться не придется.

Они направились прежним путем к небольшому возвышению, чтобы снова взглянуть на лагерь. Дневной свет сделал более бледным освещение ламп, и корабль стал различим а фоне скал. Искусный пилот посадил его в самом центре небольшого каньона с плоским дном. Как и сказал Хансу, корабль был похож на легкий крейсер. Такие корабли строились для Галактического Патруля.

И солдаты не очень удивились, когда увидели на борту отчеканенные знаки патруля. Узкий, как игла, корабль мог вмещать не более дюжины членов экипажа. А если он нес еще груз и краулеры, то жилые помещения становились еще ограниченнее.

— Это нам и нужно, — еле слышным шепотом произнес Хансу. — Но как попасть в него?

Под слегка нависшей стеной каньона виднелась пластиковая палатка временного лагеря. Вот из нее вышел человек и потянулся. На нем был мундир меха, и, насколько мог судить Кана, это был землянин. Мгновение спустя к нему присоединился второй. Тоже в сине—сером мундире, но по внешности явно чужак. Длинные тонкие ноги, гибкие, будто обладающие лишними суставами, руки... Тренированный глаз Кана сразу уловил признаки неземного происхождения, хотя без более внимательного рассмотрения нельзя было сказать, откуда именно происходит этот незнакомец.

Мех почтительно посторонился, и чужак прошел на открытое место и стал смотреть в устье каньона, будто ожидая появления чего—то важного. И он не ошибся, до солдат донесся резкий крик гуена.

Показался отряд всадников. Гуены шли очень медленно, свесив костлявые головы до колен. Видно было, что они очень устали. Но Кана решил, что эти туземцы не солдаты. Скорее, они похожи на захоластных охотников за гуенами, какие встречались землянам после горного перехода. У предводителя за плечами торчало ружье, а остальные были вооружены лишь копьями и мечами. Вокруг талии каждого из них была обмотана веревка — обычная принадлежность охотника за гуенами. Предводитель ллор слез с седла и тут же упал, а чужак сел на небольшой табурет, торопливо принесенный из палатки вторым мехом. Пока спешивались остальные ллоры, падая и пошатываясь, из палатки появились еще три меха и стали на некотором расстоянии. Было ясно, что сейчас начнутся переговоры.

Началось обсуждение, временами переходящее в горячий спор. Однажды ллор даже встал и дернул за узды своего гуена. Но быстрый жест и слова чужака, очевидно, успокоили туземца, и он снова уселся. Наконец, встреча подошла к концу. Ллорский вождь отдал какой—то приказ ожидавшим членам своего отряда. Четверо из них встали без всякой готовности.

Мастеру лезвия необходимо было не только видеть, но и слышать. Он нетерпеливо шевельнулся, будто лежал на гнезде огненных муравьев. Но приблизиться к переговаривающимся скрытно было невозможно.

Пока предводитель ллоров и чужак стояли в ожидании, ллоры подошли к палатке. Меха вошли внутрь и тут же вернулись с двумя большими и узкими ящиками. И каждый ящик несли двое мехов.

Хансу даже привстал на колени, и Кана подумал, не дернуть ли его за полу. Но те, что находились внизу, были так заняты своим делом, что даже не поднимали головы.

Ящики передали ллорам, которые приняли их с открытым выражением отвращения и отнесли их к началу лестницы, ведущей к люку корабля. Точно так же была принесена вторая пара ящиков. Кана старался представить себе то, что в них лежит. Какое—то оружие? Но зачем грузить оружие в корабль? Логичнее было ожидать, что оружие составляет груз корабля. Когда у лестницы лежали лежали шесть ящиков, чужак и двое мехов начали что—то делать с крышкой одного из них.

— Это! — лицо Хансу странно побледнело под густым загаром. Он хрипло дышал, как будто взобрался по склону. Глаза его, стальные, смертоносные, оценивающие, были направлены на группу внизу. Он понял, каково содержимое этих ящиков.

Ящики... по коже Кана поползли мурашки: он с опозданием, но также понял, что это гробы. Когда меха сняли крышку, стало видно тело человека — человека в черно—белом мундире Патруля.

— Но почему? . . — неоконченный вопрос не получил ответа, только два его товарища пожали плечами, а Хансу издал нечленораздельное мычание.

Ящики, лишенные содержимого — оно везде было одинаковым, — были отнесены к дальней стене каньона. Чужак приказал уложить тела неровной линией. Хансу зашипел... иначе нельзя было определить звук, изданный им сквозь стиснутые зубы. Для Кана действия внизу не имели смысла, но Хансу происходящее с каждым мгновением становилось все яснее. Теперь чужак отошел, поманив за собой мехов. У корабля остались лишь ллоры, как бы осматривая мертвецов.

— Он делает запись! — это произнес Ларсен, и Кана убедился, что тот прав. Чужак с видеозаписывающим аппаратом

в руках снимал сцену: корабль, лежащие тела, ллоров вокруг них. Запись... кому ее показывать?

— Так вот что они задумали! — сказал Хансу. Чужак еще несколько раз провел камерой, а затем что—то сказал предводителю ллоров, который тут же отдал приказ. Ллоры с готовностью рассыпались вокруг. Дальнейшее было для арчей загадкой.

Два меха свернули палатку. Ее и несколько тюков унесли. Вскоре из—за скалы появился краулер, но не приближался к кораблю. Он остановился в отдалении, а чужак и мехи направились к нему. Когда они поднялись в машину, она тут же двинулась по каньону на восток. Ллоры подождали, а потом сели на гуенов и поехали в противоположную сторону.

Корабль и тела вокруг него остались. И едва последний ллор скрылся, как Хансу спустился по склону, а Кана и остальные торопливо последовали за ним. Но Хансу опередил всех и уже осматривал тела. Лицо его было мрачно.

— Их застрелили, — медленно сказал он, — застрелили из ружья арчей.

15. Если хоть один из нас выживет...

— Но ведь это патрульные, — сказал Ларсен.

Трудно было поверить, несмотря на очевидность, что возможно такое убийство. Уж слишком велик был престиж Патруля.

Эти люди были, несомненно, застрелены и не из легких воздушных ружей ллоров, не из бластеров, мощных огнеметов галактических агентов, а из того особого оружия, которым располагают только мечники с Земли.

— Этот агент снимал фильм не для развлечения. — С горечью заметил Кости. — И можно представить себе, какое впечатление он произведет в некоторых кабинетах... убийство патрульных восставшими арчами...

— Я не понимаю. Зачем все это? — Ларсен пнул камень.

— Алиби за выступление против нас, — впервые нарушил молчание Кана. — Разве не так, сэр? С правдоподобным рассказом агента и этим фильмом нас не станут слушать... даже на Прайме...

Он хотел, чтобы Хансу возразил, сказал, что у него слишком разыгралось воображение. Но Хансу лишь кивнул.

— Здесь больше смысла, чем в пятидесяти других возможных объяснений, — Хансу встал, разглядывая корабль. — Да, они разыграли здесь эту сцену для чего—то отвратительного. И, вероятно, сработало бы, если бы мы не оказались здесь...

— Значит, они хотят уничтожить нас? — голос Кости звучал разъяренно. — Что же мы можем сделать?

— Нарушить их планы! — в голосе Хансу звучала решимость. — Кости, поднимитесь на борт и проверьте, можно ли поднять этот крейсер...

Кости заторопился к лестнице, а Хансу повернулся к остальным.

— Похоронный обряд... — он указал на тела.

Они выполнили печальный обряд, как выполняли его много раз для своих товарищей за последние тяжелые недели. Когда действуют их зажигательные патроны, то не останется никаких следов. Когда они занялись сортировкой личных вещей погибших, чтобы позже опознать их, над их головами в люке появился Кости.

— Первая удача, сэр! Корабль готов к старту!

Хансу лишь кивнул, как будто, приняв решение, он был уверен, что теперь судьба благоволит им. Сложив вещи патрульных в ранец, он поднялся по лестнице в маленький корабль. Двое арчей последовали за ним.

До сих пор Кана знал лишь солдатские транспортные корабли. И хотя они были тесными и узкими, этот крейсер оказался еще меньше... Вереочная лестница, свисавшая с верхних уровней, казалась слишком узкой для безопасного подъема. Но они поднялись. Кости уже исчез на первом уровне, Хансу шел за ним по пятам.

Им в нос ударил запах машинного масла и спертого воздуха, запахи жизни в тесноте... Они прошли в контрольную каabinу. Хансу указал на ремни кресла пилота пред приборным пультом.

— Сумеете поднять его, Кости?

Тот лишь оскалил зубы в широкой улыбке.

— Постараюсь, сэр.

Кости сел в кресло, Кана и Ларсен опробовали противоперегрузочные сидения, а Хансу направился к месту капитана.

— Если хотите, сможете осмотреться в течении пяти минут, сэр, — предложил Кости, может быть, потому, что сам хотел

получить несколько минут на то, чтобы освоиться с приборами. Потом ему придется оторвать корабль от сравнительно безопасного Фронна.

Они быстро осмотрели маленькие каюты экипажа. Каюты находились в состоянии полного беспорядка. Вещи и одежда выброшены из шкафов. Кана подобрал трехмерный портрет, на который наступил один из грабителей. На него смотрели странно скошенные глаза и рот женщины с Лиры—1

— Прекрасно сделано, — Хансу профессионально осмотрел разгром. — Пункт В или С... ограбление помещений... произведенное бессовестными арчами.

— Вы думаете, что это настоящий патрульный корабль? Они, действительно убили патрульных, чтобы обвинить нас в этом, сэр? — спросил Ларсен.

— Возможно. Хотя слишком уж весомый аргумент против такой маленькой орды, как наша. Не настолько мы важны... — нахмурившись, он вернулся в контрольную кабину. — Есть ли здесь запись маршрута на Землю? — спросил он у Кости.

— Отправимся на Прайм, сэр? Я думал мы полетим на Секундус... — возразил новый пилот.

— Возможно, это настоящий патрульный крейсер. Если его принесли в жертву ради нас, я хочу знать, почему? И я хочу начать задавать вопросы!

— Настоящий патрульный крейсер! — Кости повернулся и нажал три кнопки на панели слева. Послышался щелчок, и ему в руки выпал маленький диск.

— Да, сэр, вот координаты Земли.

Он извлек из аппарата перед собой другой диск и вложил полученный.

— Привяжитесь, — приказал он.

Хансу закрепил ремни командирского кресла, а Кана и Ларсен устроились в противоперегрузочных креслах. Пальцы Кости пробежались по кнопкам и рычагам, и на щите вспыхнул красный свет.

— Надеюсь, мы полетим вверх, а не вниз, — было его последнее замечание, прежде чем он нажал на кнопку старта.

Гигантская рука сжала грудь Кана, выдавливая из нее воздух. Волны красной боли перешли в черноту. Перед тем, как потерять сознание, он успел подумать, что они все—таки поднимаются. Они не взорвались. Кости не был опытным пилотом и придал кораблю гораздо большее ускорение, чем было нужно

для подъема с Фронна. Приходя в себя и с трудом раскрывая ремни, Канга ощупал лицо: оно было в крови.

— Спящий просыпается! — Кости через плечо обернулся к Кана. — Я думал, что ты решил проспать всю дорогу, парень. В этом нет необходимости: у нас достаточно помещений.

Кораблем управлял автопилот, используя программу, введенную Кости. Им ничего не оставалось делать, как есть, спать и жить в неудобных условиях, привыкая к земному тяготению и климату. После путешествия они смогут жить в собственном мире без специального периода адаптации.

— Долго ли мы будем лететь? — спросил Ларсен.

Все трое выжидающе посмотрели на Кости, но тот только пожал плечами.

— Возможно, 14—15 дней. Эти малютки пожирают пространство... Патрульные крейсера созданы для скорости.

15 дней. Кана, растянувшись в гамаке одной из кают, имел время подумать, без необходимости принимать немедленное решение. Грязная история... и зловещая. По каким—то неизвестным причинам чужак в мундире меха подготовил сцену. Лишь удача позволила им расстроить его планы. Кана был уверен, что корабль и его мертвый экипаж оставлены сознательно... чтобы быть обнаруженными драматически, с какой—то целью. Патрульные застрелены из ружей арчей... на планете, где преследовали орду арчей. Но зачем все эти сложности? Зачем пытаться дискредитировать силы землян, если их так легко можно было уничтожить?

Такая сложная подготовка означала, что не только изменили мехи, но и агенты в их мундирах имели основания опасаться людей Йорка. Рассказ об убийстве Йорка и его офицеров? Вряд ли. Никаких доказательств не было. Да и если бы был свидетель, его вряд ли стали бы слушать. Почему... почему такой сложный изощренный план, чтобы очернить их?

Возможно ли — рука Кана инстинктивно потянулась к рукояти меча — возможно ли, что нет тупика во взаимоотношениях между Землей и ЦК? Неужели ЦК пытается не только физически уничтожить силы Земли, но и дискредитировать их как изменников и убийц? Возможно, это их единственный шанс для открытой борьбы — противостоять условиям, навязанным ЦК, доказать, что земляне не меньше других рас и видов имеют право на свободу себе среди звезд! Это была надежда, пусть весьма сложная, но в этот час Кана почувствовал, что она есть, и он поклялся себе, что, когда в следующий раз поднимется в

космос, на нем не будет навязанного ему серо—зеленого мундира.

Корабль вышел из искаженного пространства, но из—за неопытности Кости и неточности вычислений им оставалось еще целых два дня пути до порта Прайма. Слабое «би—ип» привлекло внимание Кана и Ларсена к экрану над контрольной панелью. Хансу и Кости спали, и некому было объяснить значение крошечной точки света, движущейся по темной поверхности. Кана пошел поднимать Кости.

— Мы больше не одни, кто—то хочет посмотреть, как мы перенесли полет. — Пилот поневоле протер глаза. Но взгляд на экран полностью разбудил его.

— Поднимите Хансу! — резко приказал он.

Когда Кана вернулся с Хансу, слабое «би—ип» превратилось в настойчивое гудение.

— Можете установить связь? — спросил Хансу.

— Если хотите. Но здесь не может быть торговых кораблей. Мы на крейсерском курсе. Должно быть, это другой крейсер.

На планете, вооруженные, они знали, что им делать пред лицом потенциального врага. Но в космосе они были беспомощны.

— Установить контакт? — спросил Кости.

Хансу задумчиво смотрел на экран, будто надеясь прочесть там «имя, ранг и условия назначения».

— Может, этот экран, — он ткнул пальцем в прибор, — используется только для приема или мы автоматически и передаем, когда включаем его?

— Может быть односторонний прием, но это покажется подозрительным.

— Пусть думают, что хотят. Нам нужно немного времени, несколько быстрых ответов, прежде чем они увидят наши лица. Включите телеизображение.

Кости нажал несколько кнопок. Яркая световая волна пробежала по экрану, и они увидели скуластое лицо гуманоида с Проциона. Фуражка патрульного офицера покрывала его безволосую голову. Виднелся знак «звезда и комета», означавший ранг.

— Что за корабль? — спросил он с бессознательным высокомерием чиновника из ЦК. Он не видел их, но, должно быть, понял, что обращается к землянам. От негодования Кана почувствовал, как у него дыбом встали волосы. По лицу Хансу он

видел, что не одинок в своей реакции. Хансу взял микрофон у Кости.

— Это патрульный крейсер, имя и регистрационный номер неизвестны, — он говорил медленно, без выражения, произнося каждое слово на базовом торговом языке, стараясь сделать неразличимым свой родной акцент. — Мы нашли его покинутым и возвращаем соответствующим властям.

Патрульный командир не назвал его открыто лжецом, но на его лице ясно читалось недоверие.

— Вы направляетесь не на базу Патруля, — резко заявил он. — Какова ваша цель?

— Как будто он не знает... или не подозревает, — прошептал Кости.

— Мы доложим нашим старшим командирам в соответствии с законом, — продолжал Хансу.

Узкое лицо начало зловеще удлиняться.

— Земляне! — слово было произнесено, словно грязное ругательство. — Приготовьтесь к принятию отряда на борт... — его лицо исчезло с экрана.

— Ну, вот и получили, — уныло заметил Кости. — Если мы попытаемся уйти, то они нас сожгут из своих мощных пушек.

— За мной! — Хансу уже был на полпути к двери.

Остальные последовали за ним. Вне поля искусственной гравитации они добрались до переборок. Хансу открыл аварийный люк к шлюпкам. Кана с недоумением смотрел на шлюпки, борясь со страхом оказаться в закрытом пространстве.

Хансу остановился у ближайшей шлюпки.

— Кости, возьмите вторую. Это удваивает наши шансы донести рапорт. Если хоть один из нас выживет, он обязан добраться до Прайма. Наша неудача может означать... в определенном смысле... гибель всей Земли. Дело важнее всех нас. Ларсен, полетите с Кости. Введите маршрут на Землю. Приземлившись, двигайтесь к Прайму. Если сумеете, выпросите, займите, украдите, транспорт. Спросите Маттиаса, доберитесь до него, даже если по пути придется убивать. Понятно?

Ни один из ветеранов не проявил удивления при этом необычном приказе. Хансу втиснулся в шлюпку, и Кана неохотно последовал за ним. Им обоим пришлось приложить всю силу, чтобы закрыться изнутри. Затем Хансу пробрался на сидение пилота, а Кана занял второе место.

Хансу поставил указатель на небольшой шкале перед ним, трижды проверил показания всех приборов и включил двига-

тель, который должен был выбросить их из корабля. Сила удара была почти такой же, как при взлете с Фронна. Ребра Кана, еще не затихшие от прошлого старта, заставили его испустить полусдавленный крик. Когда он смог повернуть голову, то увидел, что Хансу лежит, обхватив ладонями подбородок. , глаза его были устремлены на приборы.

— Мы свободны? Нам удалось уйти? — ошеломленно спросил Кана.

— Пока мы живы, — иронически ответил Хансу. — Если бы они заметили наш уход, от нас бы уже остались угольки. Будем надеяться, что еще некоторое время их внимание будет сосредоточено на судне.

— Но почему, сэр? Патруль, обычно, не стреляет сразу. Офицер произнес «земляне» так, будто мы ломбросские мучные черви...

— Вас не должно удивлять, Карр, что некоторые «высшие расы», те, что правят в совете ЦК, именно так нас и расценивают, неофициально, конечно.

— Но закатане не такие... и Рей, и Мик дружили с лупаном на Секундусе.

— Конечно. Я могу назвать тысячу разновидностей и рас, которые принимают землян как равные, если мы отвечаем им тем же. Но заметьте два обстоятельства, Карр, и оба очень важные. Системы, для которых мы персона нон грата, населены гуманоидными расами, и эти расы давно вышли в космос, они пионеры Галактики. В них глубоко скрывается чувство, в котором они не признаются даже себе — страх.

В древности на Земле, до атомных войн, мы были разделены на расы. Разница, отчасти, определялась цветом кожи, чертами лица и т. д. В свою очередь, эти расы делились на нации, которые возвышались и удерживали под своей властью целые континенты, иногда на столетия. Но, когда проходило время, каждая из них теряла свою власть. Узда выскальзывала из ее рук. Почему?

Потому что сильные энергичные бойцы, создавшие эти империи, умерли, а их сыновья и сыновья их сыновей были уже другой породы. Некоторое время после ухода сильных бойцов империя еще существует, как хорошо отлаженная машина может работать по инерции. Затем детали машины начинают изнашиваться, необходима смазка, а нет никого, кто имел бы желание и силы произвести ремонт и снова отрегулировать механизм. И вот побеждает новая, более молодая нация, часто

после войны. История движется вперед серией таких империй — старые империи уступают место молодым.

Теперь возьмем галактические расы, с которыми у нас наиболее близкие отношения. Все они не нашего вида. Вам нравятся закатане, пресмыкающиеся по происхождению, у нас хорошие отношения с тристианами, далекие предки которых были птицами. Юбаны — они потомки кошачьих. И все они новички на галактической сцене.

Но — и это очень важно — у них разные цели, желания и вкусы. Зачем закатанину беспокоиться из-за того, что проходит время, торопиться что-нибудь сделать, как это делаем мы? Продолжительность его жизни близка к тысяче лет, он может позволить себе посидеть и подумать. А мы чувствуем, что не можем. Но мы не угроза для него и его образа жизни.

— Но, сэр, вы считаете, что мы похожи на тех гуманоидов с Аркура и Проциона? Их цивилизации стары, но в основном такие же, как и наша.

— И они обнаруживают признаки упадка... Да, мы им угрожаем нашей молодой бьющей через край энергией, нашей волей к борьбе — всем тем, что они открыто порицают в нас. Потому что, хотя нам Земля кажется очень старой, в масштабах галактики она молода. Поэтому они встречают нас неискренне. Их цель — огородить нас стеной, но не открыто, на законном основании заставить нас держаться определенных рамок, подчинясь решениям ЦК. Они стараются ослабить наши силы в бесконечных ненужных войнах, ослабить расу, которая в будущем может бросить им вызов. И поскольку они боролись за звезды, видели их во сне, мы вынуждены были принять их условия — на время.

— На время, сэр? — страстно взорвался Кана. — Три столетия мы играем по их правилам...

— Что такое три столетия на галактической шахматной доске? — спокойно возразил Хансу. — Да, триста лет мы подчиняемся их приказам. Но только сейчас они начинают понимать, что их замысел не удался. Я не уверен, что мотивы их действий ясны даже им самим. Они так долго играли во всемогущих богов, что сами в это поверили. Они считают, что не могут ошибаться. И они до сих пор действовали против нас под прикрытием — до сих пор...

С самого начала у нас появились друзья, и их становилось все больше и больше. И эти друзья начнут задавать вопросы, если Земля будет осуждена и приговорена к заключению в

собственных границах. Возможно, их сверхцивилизованный разум отшатывается от такого решения или отшатывался раньше. Но если бы они смогли, они отрезали бы нас от мира. Землян не принимают в патруль — это служба для «высших» рас. Торговцы не позволяют нам вступать в их компании. Даже войны, в которых мы участвуем, тщательно лишены ответственности — хотя мы и умираем в них. Самое совершенное вооружение мехов намного устарело по сравнению с оружием, скажем... жителей Ригеля—6.

— Но, сэр, зачем этот ход с крейсером?

— Либо какие—то горячие головы в Совете начинают действовать на свой страх и риск, либо они начали понимать, что земляне не совсем то, чем их считали, — Хансу повернул голову и оценивающе посмотрел на Кана. — Как вы думаете, зачем нам обучение класса Х—3, почему специалист по контактам — обязательный член любой орды или легиона?

— Ну... ведь и на других мирах нужны связные офицеры, сэр.

— Это официальное объяснение... ни один агент контроля не сможет его оспаривать... Но каждый землянин со склонностью и соответствующим темпераментом для работы по классу Х—3 отмечается и подвергается классификации с того момента, если успешно прошел тесты. Ему создают все условия для обучения. Его побуждают вступать в дружбу с представителями других рас — под укрытием. И когда он подписывает назначение, ему предоставляются командирами возможности для изучения других планет.

— Так вот почему вы хотели, чтобы я вступил в контакт с вентури, сэр?

— Да. И именно поэтому вы побывали в Поулте. Мы давно знаем, что должны располагать как можно большим количеством специалистов по контактам. И чем шире знакомство с другими формами жизни, тем лучше для нас. Если нам придется бросить вызов ЦК, мы не должны быть одиноки. И чем больше рас будет дружески относиться к нам, тем лучше нас узнают, тем для нас лучше. Мы должны готовиться к другой роли. Что если в будущем Земля будет поставлять не солдат, а исследователей?

— Исследователей?

— Группы тренированных специалистов по освоению вновь открытых планет, чтобы подготовить эти планеты к заселению, если на них нет собственной разумной жизни. Группы,

члены которых подбираются по индивидуальным данным. Люди не будут служить в Патруле, не станут торговцами или полицейскими, они будут открывать, что лежит за следующим солнцем. Группы, включающие не только представителей нашей расы. В них объединятся разные расы, склонные к действиям, типа Х—3, — телепаты, техники, может, даже совсем не гуманоиды.

— Вы думаете, что это возможно, сэр? — спросил Кана, видя, как воплощаются его мечты.

— Почему бы и нет? И, возможно, это время не так уж далеко. Нам бы только добраться до Маттиаса с сообщением о событиях на Фронне, и у него будут весомые аргументы в разговорах с командирами. Предположим, все орды и легионы, рассеянные по всей Галактике, получают приказ восстать. Такая ситуация беспокоит ЦК и принесет конец его тщательно охраняемому миру. Дешевле будет позволить нам идти своим путем, чем бороться с восстанием сразу на сотнях планет.

— До меня доходили множество слухов, сэр, но ничего о восстании...

— Надеюсь, что и не дойдет, — заявил Хансу. — Большинство солдат консервативны. И мы, земляне, в течение нескольких поколений ведем такую специализированную жизнь. Солдаты не очень интересуются тем, что происходит за пределами их орды или легиона. В Прайме пытаются расшевелить людей, так распределить среди них назначения, чтобы встревожить их. Но эта история с Фронном свидетельствует о грозящей нам опасности. Как только станет известно, что землян с одобрения ЦК можно повернуть против землян, что мех может охотиться за арчем... — И Хансу кулаком ударил по своей подушке. — Время! Нам нужно лишь время! Мы должны добраться до Маттиаса, а он подожжет шнур!

16. Дорога на Прайм.

Но для двоих, заключенных в спасательную шлюпку время двигалось свинцово медленно. Они могли лишь спать, заняв единственную разрешенную им позу, глотать таблетки рациона и разговаривать. И Хансу говорил, изливая бесконечный поток рассказов о далеких мирах, на которые человек еще не посмел вступить, и о жестоких битвах в труднейших условиях.

Кана заставлял себя сконцентрироваться на каждом слове, как будто ему предстояло сдавать экзамен по этим лекциям, потому что так ему было легче забыть настоящее, забыть, что они заключены в скорлупке, которая может и не достичь Земли. К тому же он знал, что его товарищ щедро делится с ним знаниями, которые самому Кана предстояло бы добывать десятилетиями. Он учился у замечательного специалиста класса Х—3, объяснявшего самую суть их дела.

— ... поэтому они принесли жертву в ночь двойной луны, а мы спрятались в холмах и следили за ними. Получилось не совсем так, как мы ожидали...

Резкий щелчок прервал Хансу. На приборном щитке вспыхнула красная лампа. Они входили в атмосферу.

Кана пытался расслабиться. Самое страшное — возможность миновать свою планету и вечно странствовать в пустоте — теперь позади. По—прежнему сделать ничего было нельзя. Спасательные шлюпки полностью автоматизированы. Те, кто в них передвигается, часто ранены или настолько подавлены, что не могут сами управлять полетом. Маленькие кораблики рассчитаны на безопасную посадку без участия своих пассажиров. Приходится верить в это. Где они приземлятся? Кана тупо смотрел в изгиб металлического потолка. Неудачная посадка, допустим, в море... Но ждать им осталось не так уж долго.

— Надеюсь, мы приземлимся не слишком далеко от Прайма, сэр. — Кана старался, чтобы его голос не дрожал.

— Я тоже.

Когда они сели, Кана обнаружил, что свисает головой вниз из своих креплений и, испуганный этим, попытался разъединить на себе крепления. На помощь к нему пришел Хансу и поставил его на ноги. Задняя стена узкой кабины превратилась в пол, а люк в крышке, через которую они вошли, теперь был в боковой стене. Хансу начал открывать его. Они прошли в выходное помещение, где их встретил блеск огня и столбы дыма. Хансу с угрюмым лицом захлопнул входную дверь.

— Тормозные ракеты... — пробормотал он. — Когда мы приземлились, они вызвали пожар.

Огонь... корабль, должно быть, окружен огнем. Но тут Кана вспомнил один из рассказов Хансу.

— Разве костюмы для высокой температуры не входят в обязательное оборудование спасательной шлюпки, сэр?

— Верно! — Хансу направился обратно в кабину.

Стены были сплошными, проверка показала им, что в них нет никаких углублений. Оставалась обивка сидений. Кана потянул ее, и губчатый матрас поддался. Он был прав! В основании каждого сидения был запасной отсек, и в нем костюмы.

— Они нам тесноваты, — Хансу осматривал находку... — но некоторое время выдержать можно.

От обоих потребовалась акробатическая ловкость, чтобы в тесном помещении забраться в эти громоздкие сооружения. Но они сделали это, и Хансу отрегулировал температуру внутри.

— Будем надеяться, что огонь носит местный характер. Когда будете выходить, постарайтесь как можно дальше отпрыгнуть от корабля.

Кана кивнул и надел шлем.

Хансу пошел первым, лишь на мгновение задержавшись в наружном люке и затем исчезнув. Кана как можно быстрее последовал за ним. Он прыгнул в огонь и дым, упал на одно колено, встал и неуклюже побежал вперед, подальше от корабля.

Он бежал мимо деревьев, кроны которых были охвачены пламенем, стараясь не задеть за корни и упавшие стволы. Густой слой дыма закрывал окружающее. Сначала Кана страшно было входить в огонь, но ничего с ним не случилось, он стал увереннее и больше уже не избегал пламени, пересекавшего тропу, которую он для себя наметил.

Неожиданно деревья кончились, и он оказался на открытом месте на краю утеса. Внизу находилась дорога, а на ней стояла необычная неземная фигура, в которой Кана с трудом узнал Хансу.

Кана уже собирался начать спуск, но человек внизу взмахом руки привлек его внимание, а затем указал на пояс. Кана понял и поискал кнопку на собственном поясе. Потом он подошел к краю обрыва и опустился рядом с Хансу на дорогу. Жаль, подумал он, что эти костюмы не имеют, наряду с антигравитацией, и ракетных двигателей. По окружающей местности похоже, что они находятся в Диких Землях, и им потребуется немало времени, чтобы добраться до цивилизации.

Облака дыма закрывали дорогу, и поэтому они остались в костюмах. Возможно, им еще раз придется пройти через огонь. Но дорога проходила по скалам, где было много пищи для огня. Судя по растительности, они находились где-то в Северо-Восточной части древнего Северо-Американского континен-

та — по крайней мере Прайм находился на этом же континенте. Местность уже почти тысячу лет пустынна после атомных войн. Рассказывали о странных мутациях, развивавшихся здесь, и даже после того, как человечество вернулось с островов Тихого океана и из Африки, тут все еще оставались обширные неисследованные местности.

Кана надеялся, что Хансу больше, чем он сам, знает об этой местности и что они не просто идут дальше в пустыню. Может, лучше было оставаться у корабля и ждать появления пожарных, патрулирующих эту территорию?

Оказалось, что Хансу не знает, куда идет, просто удачно угадал направление. Дорога начала спускаться к широкой реке. И на другом берегу виднелись поля, желтые под солнцем. Беглецы перешли через мост и со вздохом облегчения стянули костюмы. С невысказанной благодарностью вдыхали они родной воздух Земли. Кана и не догадывался, какое это удовольствие, пока не пришлось ему попробовать разряженную атмосферу Фронна. Под воздействием теплого воздуха и солнца у него стало легко на сердце и даже слегка закружилась голова. Он снова дома, а это сейчас важнее всего.

— Где-то поблизости должна находиться уборочная станция, — сказал Хансу. — Там можно найти телепередатчик. И, если удастся, вызвать коптер из Прайма...

— Далеко ли мы от Прайма, сэр?

— Думаю, недалеко. Дикая местность находится к северу от центра.

Они шли по дороге мимо желто-коричневых полей, уходивших за горизонт. Кролик проскакал мимо них, остановился, подергивая от любопытства носом. Над головой пролетали стаи птиц. Кана пробормотал:

— Когда-то это была густонаселенная страна.

— Древние изобиловали всем — жизнью так же, как и смертью. Они размножались быстрее, чем убивали в своих войнах. Ага, вот и станция!

Здание впереди укрывалось среди деревьев, и поблизости блестело озеро — оазис прохлады среди тускло-желтого жара. Кана вспомнил давние летние переправы для полевых работ. Может, они тоже здесь — сборщики урожая. Пшеница уже созрела. Но в здании никого не оказалось. В его комнатах и залах гулким эхом отдавались их шаги. Пока Хансу отыскивал передатчик, Кана пошел на склад продуктов. За задним входом полоса прохладной зелени тянулась к озеру. Белые и жел-

тые лилии рядами росли вдоль тропы, ведущей к прохладе зеленоватых вод, клумбы были полны роскошных цветов.

Повинуясь неожиданному импульсу, Кана пошел туда. Ветерок шевелил его одежду. Было тихо и мирно. Кана медленно расстегнул костюм и со вздохом облегчения сбросил одежду. Теперь он находился на самом краю воды. Длиннокрылые насекомые бегали по спокойной поверхности. В глубине виднелись быстрые черные тени рыб. Мир... дом... тишина и забвение. Он протянул руки.

В его руке лежал Нож Милосердия, все эти недели тусклый блеск его лезвия скрывался у самого сердца Кана. Его рука медленно повернулась. Нож выскользнул и ушел в темный сумрак, полоска взбудораженного ила обозначила место его падения. Но когда Кана вторично взглянул туда, он ничего не увидел: нож навсегда скрылся. Да покоится он в мире! Кана промыл в воде пальцы, все его тело дрожало не от холода, а от ощущения мира. Может, мечты Хансу о будущем человечества никогда не осуществляются, но он, Кана, принял решение. Если ему еще предстоит лететь к звездам, то уже не как солдату, не как мечнику любого ранга.

Кана резко встал и направился обратно к зданию станции. Открывая холодильник и перенося продукты в кухонный автомат, он беззаботно нсвистывал что—то. Пока им везет. Они добрались до Земли, теперь осталось только связаться с Маттиасом в Прайме. Все остальное будет совсем просто. Он с улыбкой встретил входящего Хансу, но у того было серьезное лицо.

— Связались, сэр? — спросил Кана, раскладывая еду по тарелкам.

— Да. Легко... слишком легко...

— Слишком легко, сэр?

— Как будто кто—то ждал нашего вызова. Мы не станем дожидаться коптера...

— Почему? — Кана опустил кастрюлю.

— Почему я так решил? А что заставило нас насторожиться перед тем, как наводнение чуть не захлестнуло нас в горах Фронна? Как вы догадались, что укрытие вентури находится на крыше склада? Шестое чувство? Откуда мне знать? Но я знаю, что здесь нам оставаться нельзя.

— Но, сэр, на открытом месте нас легко обнаружат, — Кана со вздохом встал из—за стола.

— Здесь в гараже может быть хоппер. На таких станциях бывают один или два таких механизма. — И Хансу направился в гараж.

И снова он оказался прав. Две наземных машины, каплеобразные, с закругленными носами, стояли накрытые кожухами, но полностью готовые к использованию. Через несколько минут можно будет выезжать. Хансу снял со стены тускло-зеленый комбинезон и бросил его Кана. Себе он взял такой же. Теперь их мехские мундиры не видны, и они вполне сойду за полевых рабочих.

Хоппер вывернул на дорогу и начал поглощать мили. Сверху, если за ними будет следить коптер, невозможно отличить их машину от других. Начался сезон уборки урожая, и движение на дороге увеличилось... Хансу сбросил скорость, довольный тем, что они затерялись в веренице машин, приближавшихся к Прайму. Кана заметил, что большинство грузовиков везут продукты — эти продукты отправят вскоре в космос многочисленным ордам и легионам. Земля так долго специализировалась на снабжении наемников всем необходимым. Что произойдет, если орды и легионы перестанут существовать? Сколько времени потребуется, чтобы перестроить всю экономику и направить бурлящую энергию Земли в другое русло?

Кана начал дремать. Ему было жаль еды, которую они так и не попробовали. Настоящая земная пища, свежая, горячая... Никаких рационов!

— Что случилось?

Голова Кана дернулась, глаз открылись. Но Хансу обратился вовсе не к нему. Он спрашивал водителя соседнего грузовика. Они стояли в длинной линии грузовиков и пассажирских хопперов. Хансу выслушал ответ. Его лицо напряглось.

— Впереди осматривают машины.

— Ищут нас, сэр?

— Возможно. Будем надеяться, что они ищут обычного беглеца, бегуна.

«Бегун» — подпольный делец, занимающийся изготовлением и сбытом наркотиков, тип преступника, на которого нацелена вся земная полиция. Если полиция ищет бегуна, каждая машина в этой линии будет осмотрена, у каждого человека потребуют удостоверение личности. Один взгляд на их ору-

жие, на мундиры под комбинезонами — их тут же задержат. К тому же, возможно, именно их и ищут.

— Может, свернуть куда—нибудь, сэр?

Хансу покачал головой.

— Если мы попытаемся это сделать, то тут же выдадим себя. Хотел бы я знать, кто командует заставой.

Если Маттиас входит в загадочную организацию, борющуюся за освобождение Земли, как намекал Хансу, тогда должны быть и другие члены этой организации, рассеянные по всей массе солдат. Хансу может попросить у одно из них помощи... если тот здесь окажется. Но какова вероятность этого?

По краям дороги вперед шли люди, желая знать, чем вызвана задержка. Хансу посмотрел на них и вышел из хоппера. Он шел тяжелой походкой, маскируя легкий шаг тренированного солдата. Кана отошел в поле, пытаясь рассмотреть, что происходит впереди. Да, застава. Блестят серебром на солнце шлемы полицейских. Уже вторая половина дня. С наступлением темноты... если только они не дойдут до заставы засветло... Кана принялся осматривать поля, оценивая местность, обещавшую им свободу.

Впереди были установлены лагерные лампы. Они тянулись вдоль дороги, примерно на четверть мили. Но освещение не достигало того места, где стоял их хоппер. Тут до него донесся гул мощной машины с экипажем из трех человек. Он засек время. Да, похоже на регулярные объезды. Необыкновенно тщательная засада на бегуна. Ему не приходилось о таких слышать. Значит, бегун высшего класса. Но Кана не верил в это. Эти главари подпольной индустрии не путешествуют и стараются не рисковать. Полиция ищет другую добычу. Какую же? Их?

Некоторые путники, прошедшие вперед, уже вернулись, громко жалуясь. Очевидно, никто из них не получил объяснений от полиции. С ними был и Хансу.

— Патрульный коптер ходит вдоль дороги, — доложил Кана.

— Да, — Хансу знаком велел ему забраться в хоппер. — Нужно думать, и побыстрее.

— Они действительно ищут бегуна?

— Я считаю, они ищут нас.

Кана неожиданно почувствовал озноб.

— Но почему, сэр? Земная полиция не стала бы разыскивать нас по приказу ЦК: нужно подтверждение нашего штаба. А на это потребовалось бы слишком много времени.

— Не спрашивайте, почему и как! — в этой реплике выплеснулось раздражение Хансу. — Нам хотят помешать увидеться с Матиассом, готов поклясться!

— И тот, кто хочет этого, достаточно влиятелен, чтобы привести в действие полицию. Теперь поимка нас — только вопрос времени, сэр. Разве что в темноте...

— Да, темнеет. Это наше единственное преимущество. Там обыскивают всех.

А на них мексиканские мундиры и никакой возможности их спрятать или уничтожить.

Хансу открыл маленький ящик и достал карту района, которая входила в перечень обязательного оборудования любого хоппера. Он пальцем провел по дороге, а затем откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Между его бровями пролегла глубокая морщина. Солнце почти зашло, но линия машин перед ними так и не двигалась. Все больше и больше людей выходило на поля. Время от времени кто-то из них возвращался к своему хопперу или грузовику, наверное, чтобы позвонить хозяину и сообщить о задержке. Канга спросил Хансу:

— А мы сможем в темноте?

— Выбраться отсюда? Да, я в этом уверен. Но добраться до Прайма — это другое дело. Если нас ищут, Прайм закрыт так же надежно, как взлетающий крейсер. Карр, чему вы учились по истории о довоенных городах?

Хотя Кана не понимал, какое отношение имеет древняя история к их теперешнему положению, он послушно пересказал то, что помнил.

— Древние строили здания, башни... открытые непогоде... пузырчатых куполов не было. Я всегда удивлялся, как они выдерживают...

— А что под землей?

Под землей? Он запомнил башни, как нечто необычное. Но во время атомных войн большинство выживших людей жило под землей. Но уж в этом образе жизни не было ничего древнего. Во время обучения он прослушал однажды лекцию в жаркий полдень, когда ему так хотелось уйти с закатанином, который ему нравился больше, чем скучный инструктор — землянин. Под землей...

— Они иногда ездили под землей, сэр. По трубам, проходящим под их городами.

— Что делают эти шоферы?

Кана осмотрел сцену в поле.

— Разжигают костер, сэр. Я думаю, они собираются открывать неприкосновенные запасы продуктов.

Хансу вырвал карту из креплений.

— Мы присоединимся к ним, Карр. Держите рот закрытым, а уши открытыми. И следите за полицейским коптером. Нужно знать, когда его ожидать.

Хотя некоторые шоферы еще ворчали, большинство смотрело на вынужденную остановку, как на неожиданный подарок. Связавшись с хозяевами, они больше не испытывали чувства ответственности. Поэтому вокруг костра чувствовалось общее облегчение.

— Да, я давно шофер, — громко говорил высокий рыжеволосый мужчина, — но если полиция велит останавливаться, я останавливаюсь. И хозяин ничего не сказал. Сказал только, чтобы я попытался наверстать время после задержки.

Один из его товарищей покачал головой.

— Не пытайся пересечь реку ночью, это опасно. После того, как построили эту новую дорогу, там появились выбоины.

Хансу смешался с группой, настолько усвоив манеры поведения и разговора, как будто всю жизнь только этим и занимался, что водил грузовик. Прекрасный пример работы специалиста класса Х—3, решил Кана. На Фронне Хансу встречался с ллорами и вентури как равный, здесь он сразу адаптировался среди чужого племени, столь же ему чуждого.

— Дорога через реку, — обратился он к рыжему, — это прямой путь на Прайм?

— Да, — шофер оценивающе взглянул на него. — Ты новичок здесь, парень?

— Буду работать в Прайме. Сейчас перегоняю хоппер с запада, местность незнакомая...

— Речная дорога, если ее не знаешь, опасна. Старая, говорят, еще довоенная. Прошлым летом там копались парни из Прайма, что—то древнее откопали. Сберегает 33 мили, но опасна...

— Опасна! — подхватил другой. — Да это же просто ловушка! Что бы не говорил хозяин, там лучше не ездить в темноте. Никогда не забуду эти провалы. Такие выбоины, что целиком проглотят колесо грузовика. Впрочем, если ехать медленно и

освещать дорогу, все обойдется. Нужно свернуть налево в двух милях отсюда...

— Могут еще встретиться провалы?

— Конечно. Там вдоль дороги какие—то руины. Слушай, парень, как минуем заставу, держись рядом, и я покажу тебе.

Хансу поблагодарил и постарался незаметно исчезнуть, а разговор пошел о лесном пожаре, который шоферы видели днем.

Мгновение спустя Хансу сжал руку Кана.

17. Пленники.

— Коптер?

— Сейчас проходит с нерегулярными интервалами, сэр. Может оказаться в любую минуту.

— Плохо. Если бы мы знали местность, то могли бы разойтись и пробиться в одиночку.

— А вы знаете местность, сэр?

— Достаточно, чтобы добраться до Прайма незамеченным. Только бы выбраться отсюда.

— Нам нужно чем—то отвлечь внимание, сэр.

— Гм... — их разговор был прерван окриком от заставы, водители бросились к своим машинам. Началось медленное движение.

Кана забрался в хоппер, не видя выхода из тяжелого положения. Хотя наступила темнота, костер в поле освещал местность, а если они еще немного продвинутся вперед, то окажутся на участке, залитом лагерными огнями.

— Эй! — Хансу высунулся на окрик. — Хоппер держаться справа, — сказал голос. — Это новый приказ. Подождите, пока впереди освободится место, и выбирайтесь к полю.

Неужели полиция установила, что беглецы движутся в хоппере? Кана не впервые за долгий день пожалел, что с ними нет мексского бластера. Они совершенно безоружны, даже Нож Милосердия...

Но Хансу уже действовал. Из—под комбинезона он извлек трехдюймовую трубку. Медленно и тщательно облизал ее и вставил под контрольную панель. Грузовик перед ним продвинулся на несколько ярдов. Хансу повернул хоппер вправо и тут же отдал приказ товарищу:

— Снимите обшивку заднего сидения и дайте сюда!

Кана повиновался. Они съехали с дороги на поле. Перед ними и за ними появлялись другие хопперы.

— Готово! — Хансу установил ручку прибора и пинком отворил дверцу. — Прыгай!

Кана распахнул заднюю дверь и выпрыгнул, ударившись о землю. Он несколько раз перевернулся, царапая кожу. Еще не утратив инерции падения, он пополз вперед. И тут ночь раскололась, блеснул огонь, прогремел взрыв. Послышались крики. Кана закрыл лицо и замер, услышав гул полицейского коптера.

Когда тот прошел мимо, Кана пополз дальше, направляясь к ивовой рощице у ручья, которую он заметил раньше. И хотя он ожидал каждую минуту, что его окликнут, он благополучно добрался до ручья.

Повернувшись, он посмотрел на дорогу. Их хоппер, подожженный запалом Хансу, ярко пылал. Грузовики опять оставались, и вокруг горящей машины виднелась толпа. Очень удачно получилось. Только... удалось ли Хансу уйти так же легко?

Кана пополз вдоль ручья на восток. В том направлении находится Прайм, и если он сумеет отыскать Хансу, то только там. Кана показалось, что впереди что-то осторожно движется. Хансу? Или полицейский?

Кана расстегнул пояс комбинезона, собираясь использовать его, как пращу. Шорох прекратился, а потом послышался шепот:

— Карр?

— Да, сэр!

— Сюда...

Кана двинулся быстрее, догоняя командира. Здесь они находились ближе всего к заставе и ползли наполовину в воде, удаляясь от света лагерных ламп. Хансу держался у ручья, пока возвышенность не загородила их от дороги.

— Куда мы направляемся, сэр? — наконец, спросил Кана, когда они мокрые, покрытые грязью, выбрались из ручья на берег под покров деревьев.

— К речной дороге, о которой упоминал шофер, — Хансу пошел медленнее, осторожно поддерживая правую руку левой.

— Вы ранены, сэр?

— Немного обжегся. Перед прыжком прижимал обшивку к щитку.

Теперь Кана понял. Смутно видная снаружи обшивка могла напоминать двух людей, охваченных огнем.

— Можно взглянуть на ожог, сэръ?

— Позже, — Хансу хотел уйти как можно дальше.

И это «позже» оказалось действительно много времени спустя. Чувство направления и изучения карты привело их на узкую дорогу, отходившую от главного шоссе. Поскольку движения на ней не было вовсе, они осмелились идти открыто. Взошла луна, когда Хансу остановился и начал осматриваться. Кана понял, что он отыскивает траншеи, вырытые рядом с дорогой. Хансу с усилием произнес:

— Фонарик...

Кана достал карманный фонарик, установил его на слабый режим работы и направил луч в ближайшую траншею. На дне раскопок виднелись остатки каменной кладки. Должно быть, эти развалины упоминал шофер. Хансу вслух считал траншеи.

— ... 4... 5... 6. Вот она, шестая слева...

Кана направил туда луч, и Хансу неуклюже слез по камням старой кирпичной кладки. Кана спрыгнул вслед за ним. Он не знал, что ищет Хансу, но понял, что лучше не задавать вопросов.

Эта траншея была длиннее остальных, уходя дальше от дороги, но в конце концов они подошли к груде щебня и обломков, обозначавшей конец раскопок. Щебень порос колючим кустарником. Хансу левой рукой потянул за куст, и Кана заторопился ему помочь. Под их совместными усилиями куст поддался, обнаружив темное отверстие.

— Что? .. — начал было Кана.

— Подземные пути... прямо в Прайм... от старых дней... — речь Хансу звучала прерывисто, и Кана направил ему в лицо луч фонарика. Сквозь пот и грязь было видно, что Хансу держится на одних нервах.

Но Кана чувствовал, что сейчас не время предлагать ему помощь. Он осветил отверстие и увидел туннель, явно искусственного происхождения. Под сапогами у него были две пыльные полосы, которые когда-то могли быть рельсами. Эти древние пути очень часто напоминали смертоносную ловушку. Они проходили мимо осевших боковых коридоров, дважды им пришлось прорываться сквозь груды земли и гравия. Однако, к их удивлению, чем дальше они шли, тем лучше становились условия, Кана не мог поверить, что эти подземные пути заброшены со времен атомной войны. Его подозрения подтверди-

лись, когда луч упал на какую—то металлическую деталь в боковом тупике. Металл блеснул, будто на него не действовали столетия сырости. Главный туннель все расширялся, и к нему присоединялось все больше и больше боковых коридоров. Когда—то, должно быть, это был главный вход в Прайм или в морской порт, на развалинах которого был построен Прайм.

— Долго еще?

— Не знаю, — Хансу шел механически. — Слышал об этибх ходах. Мы должны связаться с достигающими — может, одна из их машин подберет нас.

Для Кана его слова не имели смысла, но он не стал распространяться. Он лишь начал догадываться, кто такие эти «достигающие». Загадочное подполье среди солдат, главой которого, вероятно, был Маттиас. Но почему Хансу надеялся встретить их здесь, он не мог понять.

Они повернули и оказались в обширном пространстве, где проходило много рядов рельсов. Звук их шагов гулко отдавался в подземелье, луч фонарика уходил во тьму. Кана включил его на полную мощность и направил на стены, переводя от одной темной арки к другой. Они находились в обширном кольце, в центре паутины, нити которой отходили во всех направлениях. В какую же из арок они должны войти? Насколько он мог видеть они все были одинаковы.

Неуверенность и беспокойство, которые Кана всегда ощущал в замкнутом пространстве, начали действовать на его, хотя пространство пересекающихся путей было большим. Но за пределами досягаемости фонарика тьма сгущалась и становилась почти осязаемой, будто они действительно были погребены под землей без надежды выбраться на открытый воздух. Запах влажности нес в себе какие—то другие слабые запахи, напоминавшие о далеком прошлом. Кана расслышал журчанье воды при остановке.

— Куда дальше? — нелюбовь к темноте, боязнь закрытого пространства заставили его задать вопрос.

Хансу буркнул что—то, но не ответил, а Кана продолжал обводить лучом фонарика окрестности.

Их проблема была решена неожиданно и драматически. Из одной арки — Кана не был уверен, из какой именно — послышалось гудение, которое началось как еле слышный шум, а потом превратилось в гул сирены. Он схватил Хансу за рукав, пытаясь увлечь его в один из проходов и укрыться там. Но было слишком поздно. Они пойманы и охвачены ярким лучом, ос-

лепившим их. И от источника этого света последовал приказ, которого они не посмели послушаться:

— Руки вверх! И стоять на месте!

Кана с упавшим сердцем повиновался. Они были беспомощными, безоружными пленниками. Несколько позже Кана с горечью думал, что мог бы заранее предвидеть, чем кончится их пленение. Стена, против которой он сидел, была серая, монолитная, без одной трещины или щели. Ничего не отвлекало взгляда, не давало пищи воображению. Время, не разделенное больше на минуты, часы и дни, тянулось бесконечно.

Даже отраженный свет его камеры бледнел или разгорался с интервалами, у которых не было равных промежутков, и он не мог по ним измерять ход времени. Проголодавшись, он открывал дверь крошечного шкафчика, доставая капсулы и пластиковую бутылку с водой. Как они туда попадали, он не знал.

Хуже всего была постоянная тишина. Она окутывала Кана толстым отупляющим одеялом, и нервы его напряглись, он, расхаживая взад и вперед, пытался утомить себя физически, чтобы утонуть и хоть несколько часов провести в забытии. Он оказался в ловушке, из которой не было выхода. И он чувствовал, что однажды наступит момент, когда он не сможет противиться тишине, когда демон — его собственный страх — победит и овладеет его мозгом. Весь мир сузился до размеров этой камеры без окон и дверей где-то глубоко в основании Прайма. Аппаратура камеры функционировала автоматически. Кана могли забыть, оставить здесь на многие годы, а он по-прежнему продолжал бы получать питание, и свет продолжал бы загораться и гаснуть в соответствии с каким-то диким расписанием, вложенным в машину. И даже когда он умрет...

Кана пытался заставить себя думать о чем-нибудь другом. Если бы только у него была информационная катушка или какой-нибудь писчий материал... Но с таким же успехом он мог мечтать о свободе! Он даже не знал, осужден ли он или еще только дожидается суда.

Хансу ошибался, считая подземные ходы Прайма неизвестными полиции. Варестовавшей их группе находился агент ЦК. Они сдались без сопротивления. С тех пор он не знал, что с Хансу. Их разделили перед допросом.

Специалисты по допросам не были грубы. Давным-давно исчезла необходимость в пытке, чтобы развязать языки упря-

мым пленникам. После того, как ему дали определенное средство, он ничего не мог скрыть. И Кана знал, что он выболтал все секреты своей жизни. Когда он пришел в себя, то находился в этой камере, раздетый до белья, и с тех пор он здесь и оставался.

Он стал сам себе назначать задания, вспоминая после каждой еды все детали курса Х—3. Иногда в процессе этой работы он даже забывался на миг.

— Закон, — он произнес это слово медленно, стараясь придать ему соответствующий свистящий звук, — планета земного типа. Суша представлена главным образом, архипелагами. Самый большой остров Зародал. Крепость Зародала была основана во время полумифического правления пяти королей. Археологические находки подтвердили некоторые легенды и доказали, что на одном и том же месте сменялось, по крайней мере, 10 цивилизаций, причем, иногда между падением одной и подъемом следующей проходили тысячелетия. Закатане — раса рептилий, родственная земным ящерицам. Протяженность их жизни во много превосходит человеческую. Они не агрессивны, чрезвычайно поглощены историческими исследованиями и дают много известных историков и философов.

Послышался щелчок. В стене перед Кана раскрылось отверстие. В нем лежал мундир. На мгновение Кана застыл. Потом схватил мундир, боясь, что это лишь мучительная иллюзия.

Полный новый комплект обмундирования... мечника третьего класса! Когда Кана начал одеваться, его руки все еще дрожали. Освобождение, по крайней мере, освобождение из камеры. Что его ожидает? Суд? Возвращение на службу? Или... Он, волнуясь, застегивал пряжки. Теперь он хоть был одет. Только меча не хватает, новые ножны на поясе пусты. И нет Ножа Милосердия.

Он застегивал ремешок шлема, когда стена сдвинулась. Он вошел в коридор. Его ожидало четверо конвоиров, двое впереди, двое сзади. Он пошел, понимая бесполезность расспросов.

Скоростной лифт поднимал его этаж за этажом в сердце административного штаба. Когда лифт остановился, они оказались в широком коридоре. Фрески с изображениями других миров, где сражались орды и легионы, чередовались с окнами, через которые Кана бросил взгляд на Землю, первый с тех пор, как оказался в подземелье. Насколько он мог судить, было утро. Внизу лежал залив, переходящий в море. Предания утверждали, что древние руины, на которых был основан Прайм,

некогда являлись предместьем огромного города, покрывавшего до атомных войн весь остров у залива. Меж зданий пролетали коптеры.

Все было так же, как и в тот день, когда он впервые прибыл в Прайм и получил назначение в орду Йорка. Но охранники не дали ему времени смотреть в окно или думать о прошлом. Его быстро провели в приемное помещение. Здесь его ждал трибунал. Высокие чины, возможно, самые высокие! Здесь сидели трое из четырех советников штаба, а четвертым и пятым членами суда были галактический агент и офицер Галактического Патруля, командир подсектора, судя по знакам различия. Кана напрягся. Какое же право имеют эти чужаки судить его? Он был уверен, что сможет опротестовать это и будет поддержан кодексом службы. Но, желая выиграть время, он отдал салют и доложил согласно правилам:

— Кана Карр, мечник третьего класса, назначенный в орду Йорка, место службы — Фронн.

Хансу. Где Хансу? Неужели их будут судить порознь? Больше всего на свете Кана теперь хотелось поговорить с Хансу. Потому что он только что сделал ошеломляющее открытие: один из офицеров, смотревших на него, был Маттиас, тот самый Маттиас, который, по мнению Хансу, был их защитником, сражался бы на их стороне, если бы они сумели добраться до него...

Лица офицеров были бесстрастны, но агент ЦК, арктурианец, ярко—алый и золотой плащ которого кричаще выделялся на фоне серо—зеленых мундиров землян нетерпеливо ерзал в кресле, как бы желая ускорить процедуру и в то же время не решаясь указывать. Другой чужак, офицер Патруля, явно скулчал.

Потом Кана увидел то, что лежало перед старшим офицером — меч арча. Это был ответ на один из его вопросов. Его привели для объявления приговора. Его приговорили, даже не дав возможности высказаться в свою защиту. Но... как они могли? Ведь он рассказал правду. Эти люди должны были знать об убийстве на Фронне, о страшной сцене у патрульного крейсера, обо всем, что случилось, знать так, как будто они сами были всему свидетелями. Как же они могли?

КАК ЖЕ ОНИ МОГЛИ?

— За неразрешенный контакт с расой X—3, — начал старший офицер, — за дезертирство с места службы, за кражу крейсера, принадлежавшего Галактическому Патрулю, вы,

арч, Кана Карр, мечник третьего класса, отныне непригодны к службе в космосе. Вы лишаетесь всех званий и привилегий службы и на весь остаток жизни приговариваетесь к работе в одном из рабочих отрядов.

Врожденная дисциплина заставила его слушать. Рабочий отряд до конца жизни — это почти рабство. В нем нарастал холодный гнев. Он ответит этим дьяволам с замороженными лицами, он скажет им несколько слов правды, пока он еще не в рабочем отряде. Когда он заговорил, то обратился не к старшим офицерам, а непосредственно к агенту:

— Я узнал, кто вы и вам подобные. Пока вы еще можете заставить землян повиноваться вашей воле. Но когда—нибудь вы заплатите за это...

Белое лицо арктурианца не изменило выражения, только сидел он теперь неподвижно, его длинные глаза сузились в щелки, как у хищника, следящего за добычей.

— Как долго, — внимание Кана снова переключилось на землян, — как долго вы сумеете скрывать такие происшествия? Вы знаете, что они сделали с нами там? Я... — он помолчал, дожидаясь, пока полностью овладеет своим голосом. — Я дал милосердие Дику Миллзу, выслушав его рассказ. Вы знаете — вы все знаете, что он мне рассказал. Считается, что мы борцы. Пусть мы лишь наемники, продающие свое искусство другим. Но теперь пришла пора сражаться против убийц, — он бросил слова прямо в лицо арктурианцу и офицеру Патруля.

Затем настроение Кана изменилось. Зачем ему разговаривать с этими бесстрастными судьями, когда ему хочется броситься на арктурианца, ощутить под кулаками его дряблую плоть? Что пользы говорить? Слова ничего не изменят, не нарушат спокойствия этого изменника Маттиаса.

Он отдал честь и повернулся к ожидавшим его стражникам. Неужели его снова отведут в подземную камеру? Или попытаться... у него будет такая возможность. Он намерен бежать на обратном пути.

Хансу... Если его приговорили к пожизненным работам, то Хансу должны были казнить. Как он ошибался в Маттиасе, в своей вере в новый день! С Маттиасом, готовым изменить, у повстанцев не было ни малейшего шанса.

Они прошли к лифту и спустились, но не в камеру. Его провели в маленькую комнатку, рядом со входом в здание: он был уверен в этом, так как мимо непрерывно шли в обоих

направлениях солдаты. Его оставили одного, если не считать часового у двери. Оставили ждать. Ждать? Нет, действовать!

19. Не будет звездной стражи!

Кана старался оценить ситуацию. Он в мундире, не хватает лишь оружия. Если бы не часового, он мог бы просто выйти из комнаты, смешаться с толпой зевак и покинуть здание, прежде чем поднимется тревога. Потом он смог бы выбраться из Прайма. Оставалось решить проблему часового. Он принялся разглядывать его. Часовой старательно подавлял зевок. Ясно, что он не ожидал никаких беспокойств от пленника. И это было не помещение для содержания арестантов, а скорее комната ожидания для посетителей низшего ранга. Скамья, на которую было приказано сесть Кана, оказалась мягкой, слева от него, вне видимости часового, находился видеозэкран. Можно ли его как-то использовать? Немного импровизации. Он подождал, пока внимание часового опять не привлек кто-то в коридоре, и затем вскочил на ноги.

— Красный тревожный! — воскликнул он, как будто изумленно.

Часовой повернулся, сделал шаг, а затем бросил на Кана сердитый взгляд.

— Был красный тревожный! — настаивал Кана, указывая на экран.

Охранник пребывал в нерешительности. Если на экране был действительно красный тревожный сигнал, то его должен ясно, он немедленно должен обратиться за распоряжением. А он не был уверен, что сигнала не было.

— Держите меня под прицелом бластера, — сказал Кана. — Говорю вам: был красный тревожный!

Охранник вытащил бластер и нацелил его на Кана. Потом, прижимаясь спиной к стене, не отводя глаз от пленника, стал двигаться к экрану.

— Сидеть! — выпалил он Кана.

Кана опустился на скамью, но тело его было напряжено до предела, и все его мускулы были готовы к действиям...

У него будет лишь одна секунда, когда охранник, чтобы нажать переговорную кнопку над экраном, вынужден будет

повернуться к нему спиной. И если только он сумеет двинуться...

Она наступила, эта секунда. Охранник повернул голову. В то же мгновение Кана бросился на пол. Плечи его ударились о колени охранника, голова того с глухим стуком ударилась о экран. Экран разбился. Кана быстро повернулся, готовый продолжить борьбу. Но тело под ним было вялым.

Несколько ошеломленный этой феноменальной удачей Кана встал на колени, торопливо присвоив себе меч охранника и его бластер. Только охранник на посту мог носить его. На улице Кана тут же задержат, если увидят бластер. Он сунул меч в ножны, надеясь, что удача будет сопутствовать ему.

Охранника, связанного собственным поясом, с кляпом во рту, он закатил под скамью так, чтобы от двери его нельзя было увидеть. Затем Кана поправил мундир, надел шлем, потерянный им в короткой схватке, и, глубоко вздохнув, вышел в коридор, закрыв за собой дверь. У него было пять минут, может, немного больше, прежде чем начнется преследование. Теперь, когда у него снова меч, никто не отличит его от сотен арчей на улицах Прайма.

Улицы Прайма — чем быстрее он уберется с этих улиц — тем лучше. Бегство было чистой импровизацией и поэтому сработало эффективно, но он хотел как можно быстрее уйти из Прайма. Четкой походкой солдата, отправленного с поручением, он миновал коридор и вышел из здания на площадку коптеров, примерно в двадцати этажах над уровнем земли. Из одной такой машины вышел ветеран, и она уже была готова взлететь, когда Кана махнул рукой. Пилот нетерпеливо ждал его.

— Куда?

Жаль, что он плохо знает географию города. Но он был уверен, что попытка приблизиться к космопорту или к одному из трансконтинентальных аэропортов ни к чему хорошему не приведет. Они хорошо охраняются, и сообщение о его побеге будет немедленно отправлено туда. Немного обеспокоенный вопросом пилота, он назвал единственное место, где бывал раньше.

— Дом Найма!

Они поднялись в воздух и полетели на восток. Кана пытался опознать объекты под собой. Можно ли бежать по воде? Из Прайма ведут лишь пять наземных дорог и каждая прегражде-

на барьером. Все машины там останавливаются и досматриваются.

— Прилетели, — коптер опустился на стоянку Зала Найма. Кана поблагодарил и на лифте спустился вниз. Но не в сам зал и не на этаж, где офицеры по найму сидели в своих кабинетах. Он направился в единственное место, где не только надеялся укрыться, но и найти помощь в обдумывании следующего шага.

Комната записей была так же тиха, как и в тот раз, когда он впервые перешагнул порог. Одна кабина у входа была занята, а остальные свободны. Он быстро выбрал четыре катушки и направился в самую дальнюю кабину в ряду. Опустив катушки в машину, он сел в качающееся кресло.

Час спустя была прослушана последняя катушка. Итак, имеются два ответа. Он снял наушники, но с кресла не встал. Что ж, по крайней мере, у него есть выход. Кана стремительно встал и подошел к двери кабины, чтобы осмотреть помещение. Свет в первой кабине погас. Но теперь были заняты три другие. Подозрительно ли это? Он не видел возможности выследить его здесь. Самое логичное с его стороны было попытаться как можно быстрее выбраться из Прайма. Разумеется, никто не ожидает, что он станет изучать катушки в архивах Зала Найма.

Два пути... Он снова сел в кресло и, глядя невидящими глазами в потолок, принялся размышлять. Морской путь. Он умеет плавать, хотя в последнее время у него было мало практики. И подземный, построенный древними. Может, полиция считает, что, поскольку его там поймали, то второй раз он не захочет туда войти. Он был голоден. Тщательно подобранная тюремная диета не давала возможности накопить энергию. А он не осмеливался пойти в столовую. Пришлось бы показать браслет, который тут же выдал бы его. Но сначала нужно было выбраться из Прайма, а там уж можно будет подумать о еде.

И долго задерживаться здесь нельзя. Он впитал всю информацию, которая содержалась в катушках. Пора идти, и Кана принял решение.

Самым старым зданием современного Прайма был исторический музей. Поскольку история не пользуется популярностью у современного населения Земли, то здание всегда пустует. Но как узнал Кана из катушек, оно сооружено на фундаменте доатомного здания. Возможно, там сохранился выход в подземелье. Говорят, во всех довоенных зданиях они

были. Вероятность успеха один к тысячи. Но его учили учитывать и такие вероятности.

Кана собрал катушки и вышел из кабины. Три другие кабины были по—прежнему заняты, и он торопился пройти мимо. Вернув катушки на место, он вышел из комнаты, сосредоточившись на том, чтобы вести себя неторопливо и обычно. К счастью, нужное ему здание находилось в трех кварталах, а мундир делает его неузнаваемым на улицах. Спускаясь по широкой лестнице к тротуару, он услышал за собой шаги. Кто—то торопился. Он ускорил шаг и положил руку на пояс, поблизости от рукоятки меча. Если его догнали, он будет сражаться. И лучше погибнуть в огне бластеров, чем провести всю жизнь в рабочих отрядах...

Кто—то крепко ухватил его за руку, отводя пальцы от оружия. Справа и слева от него шли мощные арчи с угрюмыми лицами.

— Продолжай идти...

Кана механически продолжал двигаться, глядя вперед. Его вели не к штабу. И не приземлялся коптер, чтобы подобрать пленника и тюремщиков. Они продолжали идти к музею. Не способный догадаться, что происходит, он молча шел между арчами. Для любого прохожего они были тремя друзьями, гуляющими по Прайму. Перед входом в музей солдат, который своим сжатием парализовал руку Кана, сказал:

— Сюда...

Совершенно сбитый с толку, Кана повернул в музей. В широком зале, уставленном витринами с реликтами довоенного периода, никого не было. И ни кто не появился, когда они спустились по узким ходам в подземелье. Неожиданная поимка, когда он считал себя в безопасности, парализовала волю Кана, но сейчас он начал приходить в себя, собирая силы, чтобы при первой же возможности попытаться освободиться. Но почему его привели сюда? Неужели его считают членом подпольной организации и надеются, что он приведет полицию к своим товарищам? И любопытство сменило удивление, он решил ждать, пока что—либо прояснится.

Они миновали множество залов с витринами, коридоров, тусклых комнат со шкафами и картотечными ящиками. Один или два раза им встречались занятые работой люди, но никто из них даже не поднял головы, чтобы взглянуть на Кана и его компаньонов. Как будто они втроем были невидимы. Наконец, они дошли до конца этого лабиринта и оказались в большом

помещении, занятом механизмами. Должно быть системы отопления и кондиционирования воздуха. Один из арчей прошел вперед и открыл незаметную дверь. За ней оказалась лестница, ведущая в тускло освещенное помещение с рельсами. На рельсах стояли платформы. На платформы грузили какие-то громоздкие ящики, но никто из грузчиков также не обратил внимания на Кана и его спутников.

— Туда, — протянутый палец указал на небольшой вагон. Кана скорчился на тесном сидении. Один из стражников сел перед ним, а другой сзади. Вагон двинулся, быстро набирая скорость, и погрузился во тьму туннеля. Неужели они направляются в штаб? Но почему под землей? Гораздо проще было бы впихнуть его в коптер и перевезти открыто... Проходили минуты, и Кана начал догадываться, что они не только миновали штаб, но, должно быть, приближаются к границам Прайма. Кана потерял всякое представление о направлении. Они могли находиться под дном залива или далеко в глубине острова, когда вагон остановился у платформы и ему приказали выходить.

На этот раз они не поднимались, а прошли по боковому коридору в какое-то место, полное активной деятельности. Здесь тоже были комнаты с картотеками и лаборатории с многочисленными работниками.

— Сюда...

Снова Кана подчинился приказу, вошел в комнату и остановился — ошеломленный.

— Три часа десять минут, — Хансу сверился с часами. Потом повернулся к рядом стоявшему человеку в мундире советника. — Вы мне должны пол кредита, Матт. Я говорил вам, что он продержится. Чуть-чуть, но все же продержался. Я знаю своих кандидатов!

Советник достал из кармана монету и торжественно протянул ее Хансу. Высокий чин, опустивший монету в протянутую руку Хансу, был именно тем самым Маттиасом, который совсем недавно с каменным лицом осудил Кана.

Теперь внимание Хансу снова вернулось к Кана. Хансу критически осмотрел его.

— Довольно живой для мертвеца, — таково было странное замечание Хансу. — Вы, — он протянул палец, — час назад были убиты при попытке выбраться с острова.

Вторично Кана открыл рот, но на этот раз сумел произнести несколько слов:

— Интересно... если это правда... сэр...

Такой открытой улыбки Кана никогда раньше не видел у Хансу.

— Как драматично, — по—прежнему Кана ничего не понимал. — Добро подаловать в Прайм, в настоящий Прайм. Познакомьтесь с его губернатором — командиром Маттиасом.

— Ты хорошо держался, сынок, — советник одобрительно кивнул Кана. — Побег прошел так гладко, будто мы договорились заранее.

— Я вам говорил, — вмешался Хансу, — он готов к любому назначению.

Кана начал понимать, почему его оставили в той комнате и как ему удалось так легко справиться с охранником.

— Вы дали мне щель, — сказал он почти обвиняюще. — За мной следили?

— Нет. Ваш побег должен был выглядеть естественно. Мы просто предоставили время, место и возможности. Главное зависело от вас, — ответил Хансу.

— Но как же ваши люди нашли меня?

— По информационным катушкам, заказанным в архиве. Вы заказали «Историю Прайма», «Морской берег», «Остатки древних построек в Прайме» и «Карту Прайма». Все это было заказано в одно и то же время одим человеком. Поэтому мы просто послали за вами ребят.

Кана без приглашения опустился на скамью. События развивались слишком быстро. Логично... но все, о чем говорил Хансу, свидетельствовало о разветвленной и прекрасно функционирующей организации. Что это за организация? Он задал один из множества возникших у него вопросов:

— А рабочие лагеря?

— Они существуют и предназначены предположительно для преступников и недовольных разного рода, — весело ответил советник. — Агенты ЦК были бы удивлены, посетив их, кроме двух—трех для гостей. Сейчас вы находитесь в лагере номер один. И мы можем дать вам не менее ста должностей, и все они будут направлены против существующего положения. Таким образом, вы и выполните приговор. Не думаю, чтобы вы пожалели о своей судьбе. Хансу не жалеет. Или в глубине души все—таки что—то есть, а?

— Нисколько, Матт, — улыбка Хансу стала еще шире. — Я жалею, что раньше не был посвящен в эти дела. Так много нужно сделать...

— А как Кости и Ларсен, сэр? И вся орда на Фронне?

— Кости и Ларсен приземлились далеко на юге и были встречены нашими людьми. Агенты ЦК о них и не подозревают. А что касается орды — что ж, придется кое-что предпринять тут и там. Пока что они в безопасности у вентури... Я думаю, мы сумеем договориться с этими торговцами. Именно такие нам и нужны. Мы сумеем забрать орду раньше, чем эти изменники и агенты ЦК до нее доберутся. С другой стороны, мы не можем просто так покончить с Дейвасом и рассказать все, что мы узнали о нем и его покровителях. Но вентури будут знать, что мы свое слово сдержали. Здесь, в Прайме—2, у нас считается, что обещания нужно выполнять, если это в человеческих силах.

Кана чувствовал себя так, будто его выбросили в космос без корабля. Если бы ему только объяснили последовательно, с самого начала, в простых словах, чтобы прекратилось это головокружение, и ему стало бы легче.

— Хотите факты? — Маттиас будто читал его мысли. — Что ж, положение не настолько плохо и просто, чтобы можно было объяснить его в нескольких фразах. Весь проект уходит в наше прошлое — почти на три века назад. Вы знаете: если спросить арктурианца или проционина, что он думает о землянах, тот нарисует картину глубокого варвара. Мы это сознательно подерживали. Враги были польщены, а нас это не беспокоило.

На самом деле Земля уже по крайней мере 250 лет является двойным миром, хотя об этом знает относительно небольшое количество ее обитателей. Одна Земля и один Прайм точно и аккуратно подошли к заданному ЦК образцу. Теперь это один из низших членов конфедерации, довольный своей третьестепенной ролью. Но вот уже сто лет один из войсковых транспортов, взлетающих с этой планеты, является вовсе не военным транспортом. Один из двадцати. Он несет пионеров — исследователей. Мужчины и женщины, отобранные по определенному свойству мозга и тела, улетают в анабиозе, чтобы поселиться на планетах, найденных нашими наемниками. На одних планетах цивилизация деградировала и почти исчезла, другие лишены разумной жизни, на третьих господствующая раса молода, это гуманоиды, с которыми мы можем скрещиваться. Можно даже полагать, что это потомки тех легендарных космонавтов, что покинули Землю задолго до атомных войн и теперь забыли о своем происхождении. Сейчас земляне тайно расселились почти на тысяче планет. На тридцати наши коло-

нии не выжили, помешали местные болезни, резкие изменения климата, местная хищная жизнь. На шести планетах все еще идет борьба за выживание. На остальных земляне процветают. ЦК заметил сокращение населения Земли и решил, что наша раса, способная бросить вызов более древним расам, вымирает. ЦК считает, что сработал его план и только недавно до ЦК начали доходить сведения о том, что происходит на самом деле, и он начал действовать. Но он опоздал, по крайней мере, на 10 поколений. Невозможно предпринять действия против тысячи разных планет и сохранять видимость справедливости и тщательно поддерживаемое равновесие сил.

— Вы еще забыли о наших союзниках, — напомнил Хансу.

— Солдат в поле имеет право напоминать штабнику, — согласился Маттиас. — Да, несколько молодых энергичных рас подпали под этот же запрет на колонизацию и исследования, что наложен на нас. Когда эти расы узнают о наших действиях, а мы специально посылаем своих специалистов по контактам, они начнут копировать наши действия и методы. Теперь по нашим следам идет еще двадцать цивилизаций. Происшествие на Фронне — обвинение и убийство Йорка и его офицеров — это удар нам в спину, и он может обнаружить весь наш план. Но мы не боимся этого, мы подготовились. И если они собираются учинить суд, то мы слишком много знаем об их планах. Тем временем — он кивнул Хансу, как бы приглашая его продолжить.

— Тем временем операции будут продолжаться как обычно и здесь и в космосе. И как специалист по контактам вы будете работать в соответствии с приговором...

Кана наконец понял.

— Я с радостью принимаю приговор, сэр. Но когда и где я начну?

Хансу развернул карту Галактики.

— Они пытались оградить звезды и не смогли. Ни одна раса не имеет права на это! У тебя большой выбор, сынок. Перед тобой весь космос!

СОДЕРЖАНИЕ

Последняя планета
3

Кошачьим взглядом
155

Звездный охотник
275

Звездная стража
368

«Амбер, Лтд.» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

**Избранные произведения
американского писателя—фантаста**

Ларри НАЙВЕНА

в двух томах

том первый

**Мир птавов
Дар Земли
Рассказы**

том второй

**Мир-кольцо
Защитник
Летающие колдуны**

«Амбер, Лтд.» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

**Избранные произведения
американского писателя—фантаста**

А. Э. ВАН ВОГТА

в трех томах

том первый

**Слен
Шелки
Библия Пта**

том второй

**Империя атома
Волшебник Линна
Вопрос для будущего**

том третий

**Путешествие космического «Биггля»
Война против рулл
Утеряно 50 солнц**

«Амбер, Лтд.» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Авторский сборник
американского писателя-фантаста

Фрэнка ХЕРБЕРТА «Зеленый мозг»

в составе:
Зеленый мозг
Звезда под бичом
Глаза Гейзенберга

Инженеры дезинсекторы возвели непроходимые барьеры между Красной и Зеленой зонами. В Зеленой зоне люди одержали победу — никакие бесполезные насекомые не выжили. Но исход сражения в Красной Зоне все еще был неясен. Необходимо было полностью уничтожить насекомых — низшую форму жизни, которая представляла угрозу человечеству.

Индеец ждал у пропускного пункта из Красной в Зеленую зону, весь его вид выражал рабскую покорность, как у всех выходцев из далеких глубин Бразилии — из Красной зоны.

В камере обработки он был близок к гибели, но блестящие фасеточные глаза, крошечные чешуйки кожи не были замечены. Под действием репеллентов соединения слабели, каждая его частичка молила о чистом воздухе, но он выжил.

Один из эмиссаров Зеленого Мозга проник в свободную от насекомых зону.

«Зеленый мозг»

«Амбер, Лтд.» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

**Авторский сборник
английского писателя-фантаста**

**Кеннета БАЛМЕРА
«Мир демонов»**

**в составе:
Мир демонов
Длинная тень Земли
Странное шоссе**

Это был высокий мужчина, мускулистый и крепкий, с сильным умным лицом лидера. Но его ум был чист, как у новорожденного.

Фореинджеры спасли его и привезли в Аркон; теперь Контролеры обучали его, как ребенка, формируя его разум. Но однажды они снова отправят его Наружу, из безопасных каналов Аркона, навстречу ужасам, существующих на земле легендарных Демонов.

Где-то там был ключ к его потерянной памяти, его чужеземное прошлое и где-то там был намек на будущее, которое может принести бедствия и ужасную смерть.

«Мир демонов»

Андрэ Нортон
ЗВЕЗДНАЯ СТРАЖА

Литературно-художественное издание

Ответственный редактор
Голованев М.В.

Корректор
Чернявский И.В.

Технический редактор
Хориков В.

Сдано в набор 03.04.92. Подписано в печать 1.07.92.

Формат 84х108/32. Бумага офсетная N 1.

Печать офсетная. Гарнитура "Таймс". Уч.-изд. л. 31,8.

Физ. п. л. 16,5. Тираж 100.000. Заказ № 444. "С" - 3.

Ордена Трудового Красного Знамени Тверской полиграфкомбинат
Министерства печати и информации России.
170024, г. Тверь, проспект Ленина, 5

КАМСКИЙ ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ БАНК

КАМИНБАНК

ЛИДЕР
ПРИКАМСКОГО
РЕГИОНА

КАМСКИЙ ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ БАНК
КАМИНБАНК

Камский индустриальный банк (Каминбанк)
г. Набережные Челны — крупнейший коммерческий банк
республики Татарстан и всего Прикамского региона:

- создан 27 декабря 1991 года;
- 211,66 млн. рублей - оплаченный уставный капитал;
- 14 учредителей,
среди которых АО КамАЗ, НПО "Татэлектромаш",
Россельхозбанк, Госстрах РФ, АО "Татарский брокерский
дом", ПФ "КамАЗавтоцентр", АДС "Автокам",
Кузбасспромбанк, Витабанк, Пермькомбанк и другие;
- более 1500 клиентов;
- более 6000 вкладчиков;
- около 90 млрд. рублей оборот расчетно-кассовых
операций за полгода;
- все виды банковского обслуживания, включая валютные
операции;
- представление интересов акционеров АО КамАЗ и
других организаций СНГ в регионе.

Приглашаем предприятия, организации и деловых
людей стать акционерами Каминбанка. Мы откроем Вам путь
к рынку в центре России. Ваших инвестиций ждет Прикамье,
район с мощным промышленным потенциалом, богатый
природными и человеческими ресурсами.

Наш адрес:

423810, Татарстан, г.Набережные Челны,
бульвар академика Рубаненко, дом 4.
Телефоны: (8-8439) 53-62-28, 53-57-49, 56-04-73.
Телетайп: 224564 "Форт".
Факс: (8-8439) 57-78-78 (для Каминбанка).
Телекс: 412658 KAMAZ SU (для Каминбанка).

